This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Редакція и главная контора переведены изъ Кузнечнаго пер. въ Пушкинскую улицу (близь Невскаго просп.), № д. 11.

8546 д 11

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XIII. ФЕВРАЛЬ. 1894 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Горный ручей. Романъ **І. І. Ясинскаго**	3
II.	Задачи женскаго образованія. (По поводу предстоящей реформы женскихъ гимназій). **Н. Цакни**	33
III.	Тучи. Стихотвореніе **И. Никулина**	46
IV.	Казенный раввинатъ и совершеніе еврейскихъ обрядовъ. **Н. Тембе.**	47
V.	Сказки. Стихотвореніе **А. В. Круглова**	84
VI.	Съ добрымъ сердцемъ. Повѣсть **А. А. Виницкой**. *(Окончаніе).*	85
VII.	Молитва. Стихотвореніе **М. Гербановскаго**	127
VIII.	Сенъ-Жерменъ и мадамъ де-Помпадуръ. Очеркъ **Сандро-Джіованни**	129
IX.	Дитя. Стихотвореніе **П. Тулуба**	171
X.	Изъ американской жизни. (Путевыя впечатлѣнія) **В. Святловскаго**	172
XI.	Одинъ изъ нашихъ Вальтеръ-Скоттовъ. **К. П. Медвѣдскаго.**	187
XII.	Научныя новости. **М. И. Венюкова**	200
XIII.	Весною. Очерки и наброски **Ф. Д. Нефедова.** *(Окончаніе).*	210
XIV.	Путь къ Берлинскому трактату. **Б. К. П.**	254
XV.	Послѣ отдыха. Стихотвореніе **В. Е. Чешихина**	278
XVI.	Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. **В. В. Птицына.**	279
XVII.	Наша журналистика. **К—скаго**	299
XVIII.	Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ **Феликса Дана**	309
XIX.	Грёзы весны. Стихотвореніе **К. М. Фофанова**	366

(См. на оборотѣ).

№ 2 «Наблюдателя» вышелъ 1-го февраля 1894 года.

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

— XX. Политическая хроника 1
Вакаціи англійскаго парламента и политика Гладстона.—Расширеніе выборныхъ правъ англійской женщины.—Узкія понятія о семейномъ началѣ и женскихъ правахъ.—Лорды и аристократія, поддерживающіе анархистовъ.—Введеніе восьмичасоваго рабочаго дня.—Цѣны на выборы.—Ангулемскій вердиктъ.—Процессъ Вальяна.—Открытіе прусскихъ палатъ.—Рѣчь Вильгельма и встрѣтившее ее гробовое молчаніе.—Разрывъ имперіи съ Виртембергомъ въ рейхстагѣ.—Безпорядки въ Берлинѣ.—Люксембургскій вопросъ.—Процессъ омладины.—Смуты въ Сербіи.—Возстанія въ Италіи.—Евреи, какъ друзья поляковъ и какъ анархисты.—Турецкое управленіе по дѣламъ печати.

— XXI. Новыя книги. 1) *Брандесъ.* **Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія.** Англійская литература. Москва. 1893. 2) **Воспоминанія** *Алексиса Токвиля.* Москва. Изданіе К. Солдатенкова. 1893 г. 3) *Д. Коровяковъ.* **Этюды выразительнаго чтенія** художественныхъ литературныхъ произведеній. 1893 г. *Д. Коровяковъ.* **Искусство выразительнаго чтенія.** 1892 г. 4) **Учебникъ науки полицейскаго права.** *И. Т. Тарасова.* Москва. 1893 года. 5) **Свои-чужіе.** Романъ *А. В. Круглова.* Кіевъ. Изд. Ф. А. Іогансона, 1893 г. 16

— XXII. Наши внутреннія дѣла 27
Возбужденіе интереса къ вопросу объ общинномъ землевладѣніи.—Докладъ Г. П. Сазонова въ вольно-экономическомъ обществѣ.—Обсужденіе вопроса: «Быть или не быть общинѣ».—Предложеніе проф. Ходскаго о производствѣ новаго изслѣдованія общины.—Новѣйшія работы по вопросу объ общинномъ землевладѣніи: «Крестьянская община» В. В.; «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ» его же; «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію», проф. Скворцова.—Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1894 годъ.—Надежды министра.—Необходимость увеличенія расходовъ на народное образованіе.—Задачи финансоваго вѣдомства.—Заботы министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ о соотвѣтствіи податей съ платежными силами населенія и принятіе мѣръ къ тому, чтобы платежи, по времени и системѣ ихъ взысканія, не ослабляли хозяйственныхъ силъ народа.—Рѣчь новаго управляющаго министерствомъ юстиціи Н. В. Муравьева.—Смерть С. И. Мальцева.

— XXIII. Фонографъ. (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). 1) **«И смѣхъ, и горе».** (Литературныя и общественныя замѣтки). Вопросъ о литературной конвенціи съ Франціею.—«Люби кататься—люби и саночки возить».—Неудачное ходатайство графа де-Кератри и новая попытка Эмиля Золя.—Биржевой учетъ русско-французской дружбы.—Мнѣнія нашей прессы.—Солидная отповѣдь проф. Янжула.—Кто выиграетъ отъ проэктируемой конвенціи?—Различіе условій книжнаго рынка у насъ и въ западной Европѣ.—Неумолимая статистика образованія.—Призрачныя выгоды конвенціи для русскаго общества и народа, и несомнѣнный гешефтъ для крупныхъ издателей.—«Развитіе «талантовъ» подъ защитой покровительственнаго тарифа.—Дѣйствительно ли наши беллетристы обижены гонораромъ?—Вознагражденіе за литературный трудъ въ 60-хъ годахъ и теперь.—Ненормальность гонорарныхъ «кушей» и «беллетристы-лихачи».—Профессіонализмъ въ литературѣ и его послѣдствія.—Старый и новый редакторъ. **Ефима Простосердова** 40

— 2) Стихотворенія: **Невскаго Жителя, Стараго Поэта и Фланера.** 53

XXIV. Объявленія: 1) объ изданіи въ 1894 г. газетъ: «Волжскій Вѣстникъ» и «Новороссійскій Телеграфъ». 2) Отъ «Общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго университета». 3) О книгѣ «Путь-дорога». . . . . 1—4

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 2. ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близь Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

51-36

PSlav 475.65 (1894/2)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу. . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное,** изданіе монографій редактора: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 1971

ГОРНЫЙ РУЧЕЙ.

Романъ.

XVIII.

Въ гостинной, не смотря на солнечный день, было темно—въ особенности послѣ мастерской, гдѣ, казалось, сверкалъ и струился, переливаясь цвѣтами радуги, уголокъ небесъ. Комнатныя растенія закрывали окна, растопыривъ свои широкіе многопалые листы, какъ руки. Тѣни падали отъ несвѣтлыхъ обоевъ, отъ ковровъ, салфетокъ, драпировокъ; и только въ четырехъ небольшихъ зеркалахъ безъ рамъ, привинченныхъ къ стѣнѣ бронзовыми винтами, блестѣла лазурь и отражались предметы, бывшіе въ гостинной:—лампа съ балериной, распустившей газовыя юбки, какъ павлиный хвостъ; перламутровый альбомъ съ карточками; горка съ фарфоровыми куколками, гдѣ тоже было много крошечныхъ балеринъ въ кружевныхъ платьяхъ; бронзовая головка улыбающейся дѣвушки, на зубахъ которой повисла пара вишенъ; и распятіе—слоновая кость на черномъ деревѣ.

Рима застала Владиміра за альбомомъ. Онъ захлопнулъ перламутровый переплетъ, и молча и пытливо посмотрѣлъ на молодую дѣвушку.

Нѣкоторое время она также молча улыбалась ему. Грудь ея, обнаженная клинообразнымъ вырѣзомъ, учащенно дышала.

— Какого мнѣнія вы обо мнѣ теперь? Быть можетъ, считаете способной на обманъ? Не находите ли вы, что у меня шутки дурнаго тона?

Она слегка соскользнула съ кресла, на которомъ сидѣла, и онъ почувствовалъ прикосновеніе ея колѣна. Онъ даже вздрогнулъ.

— Спиритизмъ—дурной тонъ, конечно,—сказалъ онъ. Но

еслибъ я сдѣлался спиритомъ, я бы все таки не обманывалъ. Надѣюсь, вы знаете разницу между обманомъ и шуткой!

— Какъ докторально! Владиміръ Ивановичъ, не вздумайте только сердиться за то, что̀ я вамъ наговорила въ мастерской. Что дѣлать,—правда! Вы умнѣе меня и образованнѣе; языкъ вашъ все равно что бритва; а я всегда скажу, что въ красотѣ могутъ понимать только художники кисти, рѣзца и слова, но не критики. Наконецъ, вы и не заинтересовались — близость божества не заставила забиться ваше сердце. Негодованіе мое понятно.

— Божество, о которомъ вы говорите, сконфузило бы меня,— возразилъ Владиміръ.

— Стыдъ идетъ объ руку съ безобразнымъ. Должно быть, въ вашей душѣ есть что нибудь дурное.

— Мнѣ кажется, и ангелы стыдливы.

— Вы состоите изъ противорѣчій. Сейчасъ только вы отрицали спиритизмъ, а теперь признаете ангеловъ, да еще стыдливыхъ. Но слушайте—оттого ангелы рѣдко являются на землѣ, что люди низки, гадки и недостойны смотрѣть на нихъ во всей ихъ красѣ. Но, конечно, ангелы есть, и это вовсе не поэтическая фантазія.

— Въ вашей манерѣ доказывать и спорить чувствуется какой-то логическій порокъ, но я не могу поймать васъ.

— Пока я сама не дамся, меня трудно поймать,—сказала Рима. Щоки ея вспыхнули и она съ горделивой усмѣшкой взглянула на Владиміра.

— Позвольте, Рима Николаевна, не о томъ рѣчь. Я не имѣлъ намѣренія васъ обижать... Но, во-первыхъ, что̀ за развязность говорить мнѣ, что критики ничего не смыслятъ въ красотѣ? Оставляю въ сторонѣ несостоятельность отождествленія вами красоты и, если не ошибаюсь, художественной наготы. Чтобы судить о красотѣ, надо столько же понимать въ ней, сколько и для того, чтобы творить ее или воспроизводить съ патуры.

— Владиміръ Ивановичъ, никакой логикой—порочной или безпорочной—не разубѣдите вы меня въ томъ, въ чемъ я убѣждена. Художники и поэты чувствуютъ, но не разсуждаютъ! Впрочемъ, въ другое время я съ наслажденіемъ выслушаю васъ, какъ тогда въ вагонѣ, а сегодня я настроена работать...

— Я мѣшаю вамъ, а вы церемонитесь!

— Сначала я хотѣла продолжать при васъ,—видите ли, Владиміръ Ивановичъ! Но какъ вспомнила я, что вы критикъ... какъ повѣяло отъ васъ холодомъ... Беретесь за шляпу?.. А чтобъ вы не мѣшали мнѣ и чтобъ я не церемонилась, приходите, когда... чтобы такое придумать?.. Когда у меня съ балкона будетъ развѣваться, напримѣръ, флагъ красный... я люблю красный цвѣтъ! Во всякомъ случаѣ, мы еще слишкомъ мало знакомы, чтобы при васъ не стѣсняться, даже еслибы вы склонили меня къ странной мысли, что критикъ и хотя бы такой маленькій художникъ, какъ я—близнецы, братъ и сестра...

Она тепло пожала ему руку, взяла съ него слово, что онъ будетъ слѣдить за флагомъ, и онъ ушелъ отъ нея со страннымъ жуткимъ чувствомъ... Ему стыдно было и досадно. Онъ не замѣтилъ группы сестеръ Брындзовскихъ, возвращавшихся съ купанья, и прошелъ мимо, не поклонившись. Можетъ быть, солнце било ему прямо въ глаза.

XIX.

— Ушелъ? — спросила дѣвушка-подростокъ, кидаясь на встрѣчу Римѣ, обнимая ее своими голыми смуглыми ручонками и цѣлуя въ самыя губы. Густые темно-каштановые, почти черные волосы ея падали тяжелымъ волнистымъ потокомъ ниже поясницы, которая была совершенно бронзоваго цвѣта. На ногахъ ея были надѣты сандаліи—подошвы, привязанныя къ ступнѣ и тонкимъ икрамъ желтыми лентами. Она вся казалась хорошенькой бронзовой статуэткой, съ классически правильными, хотя и незрѣлыми формами.

— Неужели ты могла бы позволить смотрѣть на меня?— спросила дѣвочка, падая на коверъ въ заученной позѣ споткнувшагося купидона. Рима наклонилась, вложила ей въ руку золоченый лукъ и сказала:

— Держи. Отчего же не посмотрѣть на тебя? Но онъ—не художникъ. Въ его глазахъ вспыхнулъ бы нечистый огонь, и я возненавидѣла бы его... Отодвинь ногу—согни... подверни волосы, чтобъ видны были плечи. Обмокнувъ кисть въ краску, Рима стала писать. Улыбка не сходила съ ея губъ, хотя брови

часто хмурились. Она отступала отъ мольберта и любовалась купидономъ, склонивъ голову на плечо.

— Не устала еще?—справлялась она нѣсколько разъ.

Наконецъ, дѣвочка отвѣтила:

— Устала, не могу больше, и хорошо, что нѣтъ въ мастерской комаровъ!

Неудержимый взрывъ звонкаго, веселаго дѣтскаго смѣха огласилъ мастерскую. Натурщица вскочила и, прыгая на одной ногѣ, направилась къ трюмо. Остановившись передъ зеркаломъ, она застѣнчиво и кокетливо сказала:

— Что хорошаго находишь ты во мнѣ? Ты—божество, а не я; я худенькая!

Рима положила палитру. Дѣвочка, между тѣмъ, снова стала смѣяться, гримасничая и выкидывая руками и ногами дикіе жесты. Тогда Рима подбѣжала къ ней, взяла на руки и, задыхаясь, прерывающимся голосомъ, произнесла:

— Не уродуй своего лица и не смѣй ругать себя. Я швырну тебя съ балкона и разобью, какъ фарфоровую собачку.

— Не правда... ты сейчасъ станешь цѣловать меня!—сказала дѣвочка, стараясь сдержать смѣхъ, отъ котораго трепетали ея розовыя губы и ямочки на подбородкѣ и смугло-алыхъ щекахъ, какъ персикъ, покрытыхъ пушкомъ.

XX.

Прошло два дня. Владиміръ увидѣлъ красный флагъ на балконѣ Римы, и безпокойство овладѣло имъ. «Не пойду»,—сказалъ онъ себѣ. Вѣтеръ дулъ, и флагъ хлопалъ въ воздухѣ... «Она свободна... Отчего же не пойти»?—подумалъ Владиміръ. Выдвинувъ ящикъ съ галстуками, онъ сталъ выбирать самый красивый изъ нихъ. За этимъ занятіемъ застала его Соня.

— Володя, мама ждетъ тебя съ завтракомъ.

— Я не хочу завтракать.

— Куда ты собираешься?

— Туда,—неопредѣленно отвѣчалъ Владиміръ.

Соня невольно посмотрѣла въ ту сторону, гдѣ алѣлъ флагъ, вздохнула и сказала:

— А еслибы я попросила тебя остаться?

— Ты?

— Мы вмѣстѣ пошли бъ къ горному ручью.

— Въ другой разъ.

Онъ выбралъ галстукъ и заштпилилъ золотой булавкой.

— Теперь мнѣ положительно некогда,—объявилъ онъ.

Соня постояла въ комнатѣ брата и незамѣтно ушла. Владиміръ, опасаясь встрѣчи съ матерью, поспѣшилъ спуститься съ лѣстницы. Серафима Сергѣевна увидѣла его только тогда, когда онъ уже шагалъ за изгородью. И Серафима Сергѣевна, и Соня съ грустью слѣдили за нимъ изъ окна.

— Мнѣ захотѣлось поговорить съ вами о красотѣ,—сказала Рима, указывая на мѣсто возлѣ себя.

Онъ сѣлъ на бархатный диванчикъ, часть котораго была скрыта драпировкой трюмо.

— Тамъ никого нѣтъ!—сказала Рима и приподняла драпировку.

Вытянувъ ноги и положивъ башмачокъ на башмачокъ, Рима обмахивалась вѣеромъ, который былъ расписанъ акварелями во вкусѣ Ватто.

— Ну-съ?

— Вы принимаете меня за энциклопедію?—спросилъ Владиміръ. Раскрыли на томъ или другомъ мѣстѣ, и отвѣтъ готовъ? Но я хотѣлъ бы знать, что̀ вы разумѣете подъ красотой?

— Красота—все, что̀ ласкаетъ зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе и пріятно волнуетъ душу, ка̀къ въ искусствѣ, такъ и въ дѣйствительности. Бываетъ красота человѣческая и животная, ангельская и дьявольская, женская и мужская.

— Въ первый разъ слышу, что есть такая классификація красоты!—вскричалъ Владиміръ.

— Я стараюсь доходить до всего своимъ умомъ. Оттого и думаю, что вамъ полезно поболтать иногда со мной. Вы—талантливый писатель, и оригинальныя мысли не должны быть вамъ въ тягость. Только банальное надоѣдаетъ и даже красиво-банальное. Напримѣръ, я ненавижу мѣщанскіе наряды, мѣщанскую скромность, мѣщанскія добродѣтели, мѣщанскіе пороки, мѣщанскія лица и мѣщанскія фразы, которыя повторяются одновременно милліонами людей.

— Я тоже ненавижу, но все же—классификація странная.

— По вашему, что же такое красота?

— Одна правда—и больше ничего.

— Дважды два—четыре—красота?

— И дважды два четыре, и солнце, и луна, и море, и вы—все красота.

— И потухающая головня, и лужа, и престарѣлая чухонка,—не такъ ли? Безобразное тоже можетъ быть предметомъ художественнаго воспроизведенія?

— И часто бываетъ. Сатира вѣдаетъ только безобразное.

— Безобразное—ложь или правда?

— А! Но вы хотите сказать, что я состою изъ противорѣчій. Я ужь слыхалъ! Безобразное—правда и красота правда, слѣдовательно безобразное—красота. Mercі bien!

— Но, дѣйствительно, такъ выходитъ,—со смѣхомъ замѣтила Рима.

— Въ томъ-то и дѣло, что безобразное, переставая быть безобразнымъ, становится прекраснымъ, — возразилъ Владиміръ.

— Наконецъ-то, вы обмолвились чудеснымъ афоризмомъ, какъ настоящій художникъ!—воскликнула Рима, захлопавъ въ ладоши. Мерцаловъ васъ обнялъ бы. Онъ это двадцать разъ говорилъ!

— Вы знакомы съ нимъ? лично или по сочиненіямъ?

— Мерцалова я называю своимъ учителемъ—ему я обязана любовью къ жизни и презрѣніемъ и ненавистью ко всему, что стѣсняетъ жизнь! Я больше чѣмъ знаю его—боготворю!

— Теперь понимаю, Рима Николаевна,—съ огорченіемъ началъ Владиміръ:—только отъ Мерцалова вы могли позаимствоваться неуваженіемъ къ нашему брату-критику. Я лично не знаю его, но терпѣть не могу. Его міросозерцаніе ужасно.

— Оно для немногихъ. Но представьте, сама я пошла дальше и такъ какъ Мерцаловъ не терпитъ противорѣчій, онъ назвалъ меня еретичкой и прогналъ. Онъ со мной въ ссорѣ. Разумѣется, стоитъ только покаяться, посидѣть у него вечерокъ, и онъ снова полюбитъ меня.

— Полюбитъ! Сколько же ему лѣтъ?

— Пожалуй, пятьдесятъ,—отвѣчала Рима.

— Вы невозможны!

— Я люблю пожилыхъ мужчинъ,—томно произнесла Рима.

Ихъ любовь не такъ скоро погасаетъ. Я двѣ недѣли провела съ Мерцаловымъ за границей. Одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній!

— Вы были его любовницей?—со страхомъ спросилъ Владиміръ.

Рима притворилась, что не замѣчаетъ волненія Владиміра и, закрывъ лицо вѣеромъ, такъ что виднѣлись только ея лучистые глаза, проговорила:

— Любовница—гадкое слово. Есть что-то рабское въ звукѣ: «любовница». Я была его спутницей.

— Но вы принадлежали ему?

— И да, и нѣтъ,—отвѣчала Рима, опуская вѣеръ...—Вѣдь я же дѣвушка, прежде всего! Она покраснѣла и сказала:—Отношенія мои къ Мерцалову были самыя чистыя. Не было мнѣ стыдно тогда, не стыдно и теперь. Но дѣло прошлое...

— Долго можно у васъ сидѣть, Рима Николаевна?—съ пылающими щеками спросилъ Владиміръ.

— Пока сестры не вернутся со взморья,—спокойно отвѣтила Рима. Мы сойдемъ внизъ. Вы не завтракали? Я накормлю васъ творогомъ, свѣжими яйцами и, кажется, будутъ цыплята. Предупреждаю только, что во время завтрака изъ комнаты отца постоянно будетъ раздаваться звонокъ, но вы не обращайте вниманія!

Бесѣда, начавшаяся красотой и кончившаяся завтракомъ, и все поведеніе Римы, то заигрывающее, то холодное, странное смѣшеніе ума и пошлости, темныхъ намековъ и благородной откровенности—измучили Владиміра. Ему чудилось, что призракъ Вальмана стоитъ возлѣ него, треплетъ его по плечу, качаетъ головой и безцеремонно подмигиваетъ въ сторону Римы и ея очаровательныхъ сестеръ.

Какъ угорѣлый, возвратился онъ домой. Голова его шумѣла, и онъ среди бѣла дня завалился спать.

XXI.

Владиміръ проснулся съ громкимъ крикомъ. Онъ не могъ бы сказать, что̀ ему снилось—но, должно быть, что-то страшное. Руки его дрожали и дрожала голова; сердце, казалось, разорвется. Съ тоскою и ужасомъ осмотрѣлся онъ вокругъ—и не

сразу узналъ обои своей комнаты и предметы, которые онъ привыкъ видѣть, пробуждаясь: портретъ отца въ бронзовой рамкѣ и крестильный золотой крестъ, котораго онъ не носилъ на шеѣ, а привѣшивалъ у изголовья. Сознаніе вернулось къ нему, когда изъ сада донеслись звенящія трели малиновокъ... Онъ улыбнулся и вслухъ произнесъ:

— Никогда днемъ не спалъ... Что это—старость приближается? А ты чего здѣсь?

— Я услыхала, что ты кричишь и прибѣжала... Прости!— отвѣчала Соня, стоя на порогѣ и робко всматриваясь въ брата.

— Я не думалъ кричать. Неужели я кричалъ?

— Не хочешь ли обѣдать, Володя?

Вопросъ сестры окончательно разбудилъ его. Онъ вспомнилъ, гдѣ онъ былъ утромъ, и ему стало непріятно, какъ школьнику, идти внизъ и все время, пока длится обѣдъ, чувствовать на себѣ пытливый взглядъ матери. Главное, онъ правъ. Но какъ убѣдить мать въ своей правотѣ?

— Не расположенъ я обѣдать, Соня... Нельзя ли не обѣдать?

— О, мама будетъ такъ огорчена!

— Но если я нездоровъ?

— Володя!

— Право, у меня сердце не въ порядкѣ... Замѣчаешь, какъ дрожатъ у меня руки?

Она приложила къ его лбу ладонь.

— Голова твоя горяча, въ самомъ дѣлѣ!

— Поѣду въ городъ—надо разсѣяться—и голова пройдетъ. Наконецъ, я забылъ взять съ собою книги, которыя мнѣ далъ Лука Аверьяновичъ...

— Такъ ты не сойдешь внизъ къ мамѣ? Сегодня твой любимый супъ съ потрохами и я сама готовила,—покраснѣвъ, прибавила Соня.

— Я разлюбилъ супъ съ потрохами,—сказалъ Владиміръ.— Уйди съ глазъ! Меня все раздражаетъ... Я съ наслажденіемъ сломалъ бы что нибудь!

Глаза его сверкали, губы побѣлѣли. Соня испугалась и сбѣжала съ лѣстницы. Владиміръ взялъ ружье, закинулъ за плечи, и ушелъ въ лѣсъ. Ходилъ онъ до утомленія, убилъ двухъ ни въ чемъ неповинныхъ птицъ и поздно возвратился на дачу.

Въ комнатѣ Сони еще горѣлъ огонь. Молодой человѣкъ, топча резеду на грядкѣ, приблизился къ самому окну. Онъ увидѣлъ, что Соня въ одной рубашонкѣ, какъ дѣвочка, стоитъ на колѣняхъ передъ образами, гдѣ теплилась лампадка, и горячо молится. Утренняя бесѣда съ Римой о красотѣ вспомнилась ему... «Тутъ тоже красота»! подумалъ онъ. «И еще вопросъ, гдѣ больше красоты—тамъ, гдѣ грѣхъ, или гдѣ нѣтъ грѣха». Осторожно поднялся онъ къ себѣ.

Когда онъ, усталый и голодный, собирался заснуть, въ его памяти самъ собой возникъ образъ кошмара, который терзалъ его днемъ. Медленно, съ тягучей улыбкой торжества и сладострастія, высвободилась изъ подъ ковра, висѣвшаго надъ кроватью, женщина, похожая на богиню, схватила его въ мощныя объятія и стала прижимать къ своей твердой, какъ мраморъ груди, въ которой чувствовался холодъ смерти—тамъ сердца не было;—между тѣмъ какъ коверъ превратился въ два широкихъ красныхъ крыла, которыя зыблились, трепетали и навѣвали преступныя грезы, роняя на постель страшные невѣдомые цвѣты съ одуряющимъ запахомъ.

XXII.

Владиміръ уѣзжалъ въ Петербургъ, пріѣзжалъ на дачу; съ замираніемъ сердца ждалъ, когда станетъ виться флагъ съ балкона Римы; лихорадочно работалъ или ничего не дѣлалъ и предавался лѣнивымъ мечтамъ о своей будущей литературной славѣ, о выходѣ въ свѣтъ отдѣльными книгами своихъ сочиненій, о счастливой и безмятежной жизни вдвоемъ съ Римой—когда она, наконецъ, его полюбитъ... Съ матерью и Соней продолжались натянутыя отношенія. Но какъ въ сумрачную погоду на минутку, на полчаса выглянетъ изъ-за свинцовыхъ тучъ золотое солнце и оживитъ печальный пейзажъ—унылый лѣсъ, мутную рѣчонку съ прибрежными камышами, заброшенную дворянскую усадьбу съ березовой аллеей и сѣренькую деревенскую церковь,—и все, что было безцвѣтно и отъ чего вѣяло грустью, загорится нѣжными и веселыми красками, такъ что и усадьба покажется обитаемой и станешь прислушиваться, не раздадутся ли оттуда звуки рояля, станешь всматриваться, не увидишь ли въ окнѣ милаго лица съ задумчивыми глазами,—

такъ и на дачѣ Новоскольцевыхъ по временамъ становилось хорошо, отрадно. Глядя другъ на друга, Серафима Сергѣевна, Владиміръ и Соня проникались взаимнымъ довѣріемъ и любовью, и не было мѣста родственной ревности, и никто не ожидалъ несчастій и ужасовъ, которые вотъ-вотъ разразятся надъ семьей. Но тучи набѣгали вдругъ, сдвигались и заслоняли солнце. Еще мутнѣе становилась тогда рѣчонка, еще безцвѣтнѣе лѣсъ, повисали мокрыя вѣтки березы, мокрыя галки кружились надъ пустой усадьбой, гдѣ никого, никого не было, и которую покинули даже призраки съ туманными глазами, устремленными назадъ—въ погаснувшее прошлое.

XXIII.

Однажды вечеромъ Владиміръ гулялъ одинъ по берегу залива. Западъ гасъ и не погасалъ. Бѣлая ночь не бросала тѣней и не давала свѣта. Сумерки были прозрачны—можно было читать книгу мелкой печати. Царила напряженная тишина и явственно слышно было, какъ подъ ногами хруститъ песокъ и лепечетъ, или протяжно ропщетъ, ударяясь въ прибрежные камни, звонкая волна. Вдали, на туманномъ горизонтѣ, розовымъ пятномъ выдѣлялся парусъ судна, стоявшаго на якорѣ.

Молодой человѣкъ не зналъ, что встрѣтится съ Римой. Но она знала, что Владиміръ гуляетъ по берегу въ этотъ задумчивый часъ. Она лежала на пескѣ, повернувъ лицо къ закату, въ красивой позѣ. Локоть ея былъ обнаженъ. Желтая туфелька выставлялась изъ подъ оборки сѣраго платья, похожаго на шолковое.

— А!—вскричала она:—легокъ на поминѣ... думала о васъ. Сегодня я много работала и устала. Хотите вмѣстѣ помолчать?

— Здравствуйте, Рима Николаевна. У васъ есть наклонность къ сладостнымъ сіэстамъ и far niente. Издали я принялъ васъ за русалку—за одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ призраковъ, которые на берегу моря должны рождаться нашими бѣлыми ночами...

— Скажу вамъ, какъ какая-то тургеневская героиня: Vous êtes un poëte. Вы дѣлаете успѣхи! Садитесь же.

Онъ сѣлъ рядомъ—точнѣе, прилегъ. Море было гладко, какъ зеркало. Огненно-розовыя облака отражались въ водѣ, какъ опалы въ блѣдномъ сафирѣ.

— Что вы думали обо мнѣ?—спросилъ Владиміръ, переводя взглядъ на Риму и любуясь ея профилемъ, который былъ очерченъ розоватой линіей свѣта. Нигдѣ не было тѣней; вся природа была какая-то бѣлокурая, чухонская, и только зрачки глазъ молодой дѣвушки, странно расширенные, были черны, какъ бываетъ черна беззвѣздная ночь, и то на югѣ, а не на сѣверѣ.

— А вотъ что: къ выставкѣ мнѣ хотѣлось бы написать вашъ портретъ... вашъ и Мерцалова.

— Если Мерцалова,—зачѣмъ же мой?—возразилъ Владиміръ.

— Ревнивецъ вы, и больше ничего!

— Конечно, я не имѣю права ревновать, но все же ревную,—признался Владиміръ.—Я не хочу, чтобы вы опять сближались съ Мерцаловымъ. Вы говорили, что между вами были чистыя отношенія... Какая же это нечистая любовь? Любовь бываетъ только одна.

— Не правда—много видовъ любви. Строго говоря, вы еще мальчикъ и ничего не смыслите—васъ надо учить. Нечистая любовь—та, которой всѣ хотятъ, а чистая доступна только избраннымъ натурамъ... Не вы ли восторгались въ одной статьѣ своей великимъ писателемъ, который проповѣдуетъ прекращеніе рода человѣческаго? Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ плодить горе? Но такъ какъ мы люди, то воздержаніе доступно намъ лишь въ извѣстной мѣрѣ... Но кончается эстетика, наслажденіе смѣняется угрызеніями совѣсти, душа наша покрывается грязью—мельчаетъ и пошлѣетъ... Вотъ граница чистаго и нечистаго. Она неуловима и, можетъ быть, безтѣлесна, но она есть. Стоитъ только отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній. Люди окружаютъ себя китайской стѣной предразсудковъ и постоянно погибаютъ, разбивая лбы объ нее. Надо быть честнѣе, прямѣе, надо бояться страданій и все обращать въ свою пользу—молодость красоту, здоровье, заработанныя деньги, стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ, глупость окружающихъ насъ близкихъ и ближнихъ, наши страсти, добродѣтели и пороки.

— А до потомства дѣла нѣтъ?—спросилъ Владиміръ.

— А зачѣмъ намъ потомство? Я чувствую отвращеніе къ материнству — значитъ, я дошла до того предѣла, за которымъ—безконечность смерти, какъ выражается Мерцаловъ.

— Замѣчу, въ скобкахъ, что я теперь другаго мнѣнія о прекращеніи рода человѣческаго. Такая проповѣдь меня теперь возмущаетъ.

— Хотѣла бы я знать, какое вамъ дѣло до того, что̀ будетъ, хотя бы, напримѣръ, черезъ двѣсти лѣтъ! Положимъ, вы женитесь, и у васъ будетъ сынъ, котораго вы будете любить. Потомъ внукъ, котораго вы тоже будете любить—впрочемъ, ужь не такъ, какъ сына. Правнука вы не дождетесь. Что же касается до праправнука, то онъ представится вамъ въ туманѣ, а до дѣтей его и до внуковъ, можетъ быть, даже не долетитъ и воспоминаніе о васъ, какъ о предкѣ, хотя вы талантливый человѣкъ. Потомки чтутъ только геніевъ.

— Отсюда выводъ: aprѐs nous le déluge. Не новость.

— Все не ново подъ луною, и въ то же время все ново. Сущность та же—но другое къ ней отношеніе. Та же луна, но не тѣ же глаза любуются ею. А въ концѣ концовъ сколько глазъ, столько лунъ!

— Иногда, Рима Николаевна, вы разсуждаете, какъ философъ,—сказалъ Владиміръ. Но въ вашемъ ульѣ много мерцаловскаго меду. Онъ ядовитъ—берегитесь—кого нибудь отравите. Любовь за то, что ее отрицаютъ, страшно мститъ. Одинъ бѣдный критиканъ все нападалъ на беллетристовъ за то, что они описываютъ любовь, а кончилъ тѣмъ, что на старости лѣтъ самъ влюбился, бросилъ семью и теперь смѣшно его видѣть накрашеннаго и расфранченнаго, подъ руку съ молоденькой особой, у которой уже недовольное и злое лицо.

— Маленькая сплетня изъ литературнаго міра—и я не знаю, что̀ она иллюстрируетъ. Критиканъ, котораго вы называете бѣднымъ — вѣроятно, въ духовномъ смыслѣ — педантъ; помню, я читала одну его статью, когда была еще дѣвочкой. Онъ требовалъ, чтобъ изъ романа совсѣмъ былъ изгнанъ романическій элементъ, чтобъ не было героя и героини, чтобъ молодые люди разнаго пола, встрѣчаясь, говорили другъ съ другомъ только о Лассалѣ и вообще о политической экономіи и о томъ, что несправедливо дозволять Ротшильду ѣздить въ золотыхъ каретахъ, а какого нибудь идіота-нищаго держать

въ богадѣльнѣ, и что все это надо равномѣрно распредѣлить. Я тогда уже смѣялась надъ критикомъ. Но примѣръ, который вы привели, не имѣетъ ничего общаго съ моимъ отрицаніемъ. Я отрицаю только темную сторону любви и хотѣла бы, чтобъ мы были сильнѣе природы и хитрѣе. Она соблазняетъ насъ красивыми капканами, но мы должны, сорвавъ приманку, оставаться на свободѣ. Людямъ унизительно быть животными, и любовныя наслажденія ихъ должны быть чисты. Во всемъ красота!

— Рима Николаевна, странно, что вашъ идеализмъ волнуетъ меня... Не знаю, какъ назвать то, что̀ вы проповѣдуете.

— Ничего страннаго нѣтъ! Вѣроятно, вы предчувствуете, что согласитесь со мной.

— Волнуетъ невѣдомое и еще знаете что?—спросилъ Владиміръ, приближая къ Римѣ свое лицо, на которомъ рѣзко выражалось страданье — оно нервно подергивалось, и видно было, что ему трудно было совладать съ собой.—Я люблю васъ.

Рима слегка отшатнулась, на ея губахъ скользнула улыбка, и она остановила на молодомъ человѣкѣ томный мерцающій взглядъ.

— Если вы меня поймете и не потребуете ничего дурнаго, тогда...

Рима не договорила; густой румянецъ разлился на ея щекахъ и, наклонившись, она написала на горячемъ пескѣ мизинцемъ, на которомъ тускло игралъ маленькій брилліантъ: «и я васъ полюблю».

XXIV.

Прощаясь съ Владиміромъ, Рима сказала:

— Завтра я буду въ городѣ. Будьте и вы. Вы часто бывали въ моей мастерской. Я чувствую потребность побывать у васъ. Хочу взглянуть, гдѣ вы думаете и гдѣ работаете. Пока я видѣла только вашего слугу и замѣтила, что у него толстое лицо.

Рима шутила. Она могла шутить—ничего серьезнаго для нея не произошло. Но Владиміру казалось, что ей не слѣдо-

вало бы шутить, назначая свиданье на завтра въ его городской одинокой квартирѣ. Онъ дрожалъ, когда пожималъ ей руку, и чуть не плакалъ при мысли, что она способна придать его страсти не то значеніе и что у нея есть особый міръ такихъ представленій, понятій и чувствъ, которыя ему чужды и инстинктивно отталкиваютъ его отъ себя. Какой-то смутный образъ стоялъ между нимъ и Римой и смотрѣлъ на него безстрастными очами.

Конечно, онъ съ радостью обѣщалъ, что будетъ въ городѣ. Но онъ пережилъ безсонную ночь. Оставшись одинъ, чего не передумалъ онъ! Ему представлялось, что онъ борется за Риму съ матерью и съ Соней, и онъ охладѣвалъ къ нимъ. Не смотря на частыя свиданья, онъ мало зналъ Риму. То онъ былъ убѣжденъ, что она не станетъ особенно упрямиться, то считалъ ее недоступной. Изъ всѣхъ женщинъ, которыя ему сколько нибудь нравились, Рима была единственная, модные наряды которой составляли несокрушимую броню ея добродѣтелей, словно она родилась одѣтой. Въ то же время, его неотразимо влекло къ ней, и еще никогда онъ не испытывалъ такой чувственной тоски ни въ чьемъ женскомъ присутствіи. Убѣжденный тонъ Римы, когда она говорила о чистой любви, не нашелъ въ его душѣ такого же отклика—напротивъ, онъ вдругъ породилъ въ немъ увѣренность, что эти прекрасные глаза въ рѣшительную минуту скорѣе смутятъ, чѣмъ смутятся. Ему случалось думать о Римѣ, какъ о невѣстѣ, а эту ночь онъ мечталъ о ней, какъ о любовницѣ. Страстный темпераментъ Владиміра зажегъ его воображеніе—ему хотѣлось грѣха, безумія, порока. На зарѣ онъ бредилъ. Прямые, какъ солнечные лучи, призраки дѣвушекъ въ прозрачныхъ платьяхъ вошли къ нему, улыбаясь и краснѣя, и легко, какъ птицы, распустивъ, вмѣсто крыльевъ, широкіе рукава, порхнули къ нему на постель, исчезая одна за другой въ узкомъ пространствѣ между кроватью и ковромъ, которымъ была обита стѣна.

XXV.

Отъѣздъ Владиміра въ городъ совершился внезапно. Въ квартирѣ своей онъ засталъ пыль и безпорядокъ. Семенъ бросился прибирать, и когда онъ возился, наклоняясь къ полу,

за диванчикомъ что-то зазвенѣло. Владиміръ машинально заглянулъ туда и увидѣлъ гармонику.

— Ты безъ меня пиры задаешь, Семенъ? Откуда гармоника?

— Такъ, гармоника... тутъ одного...—проговорилъ Семенъ.

— Ты водишь ко мнѣ женщинъ, когда меня нѣтъ?

— Сохрани Богъ, я женщинъ терпѣть не могу, баринъ. Меня всего трясетъ, какъ увижу женщину.

— Отчего же это?

— Мать напугала, когда еще маленькимъ былъ.

— Какъ она тебя напугала?

Семенъ молчалъ. Когда же онъ начиналъ молчать — никакими силами земными и небесными нельзя было его заставить говорить.

— Ступай въ кухмистерскую и закажи два обѣда получше... чтобъ сервировка была хорошая... чтобъ стерлядь была... фрукты и мороженое!

— Слушаюсъ.

— Съ виномъ!

— Слушаю-съ. Сюда прикажете?

— Кажется, я говорю тебѣ человѣческимъ языкомъ. Подожди, я напишу записку—такъ надежнѣе.

Владиміръ присѣлъ къ письменному столу и на памятномъ листкѣ набросалъ меню обѣда. Обыкновенно, почеркъ у него былъ твердый; но теперь рука дрожала.

— Слушаю-съ,—десятый разъ сказалъ Семенъ, принимая записку и погребая ее въ своемъ карманѣ.—Въ кухмистерскую я занесу, а только прислуживать врядъ ли мнѣ придется сегодня!—замѣтилъ онъ.

Владиміръ самъ искалъ предлога услать куда нибудь Семена на время обѣда. Однако онъ спросилъ, удивленнымъ тономъ:

— Это почему же?

Семенъ стоялъ у дверей, потупивъ глаза и въ одной рукѣ держа гармонику.

— Со мной несчастье случилось, — произнесъ онъ наконецъ.

— Какое несчастье?

— Повѣстку получилъ, въ окружный судъ требуютъ.

— Въ окружный судъ? Да что же ты слѣдалъ? Покажи повѣстку.

Семенъ подалъ барину повѣстку. Онъ обвинялся въ обольщеніи какой-то крестьянской дѣвицы, которая требовала денегъ на содержаніе ребенка.

Владиміръ разсмѣялся, а Семенъ съ упрекомъ посмотрѣлъ на него.

— Такъ-то ты ненавидишь женщинъ?

Семенъ страшно захлопалъ глазами и виновато вытянулся. Гармоника звякнула.

— Уходи. Не забудь, однако, въ кухмистерскую. Зайди къ Лознякову. Онъ поваромъ былъ у графа Головкина. Отчего ты не пользуешься свободнымъ временемъ и не учишься у него? Дѣвицъ обольщаешь, а въ прошлый разъ битка хорошаго не могъ сдѣлать. Смотри, сгноятъ тебя въ острогѣ!

— Какое въ острогѣ, баринъ! Рублей пятьдесятъ присудятъ.

— Мать твоя права была, Семенъ. Надо любить чистой любовью. Видишь, штрафуютъ за размноженіе себѣ подобныхъ.

Семенъ вздохнулъ, но улыбнулся барской остротѣ и, быстрыми движеніями языка, облизалъ губы.

— Желаю тебѣ успѣха. Проваливай!

XXVI.

Долго ждалъ Владиміръ... Но зачѣмъ пріѣдетъ къ нему Рима, эта прелестная, странная, очаровательная дѣвушка? Чтобъ еще разъ сказать ему, что она, можетъ быть, полюбитъ его со временемъ? Нѣтъ! Вчера, и все это время, она боролась съ собою и нарочно изобрѣла какую-то новую теорію любви, чтобъ сказать: вотъ предѣлъ, дальше котораго нельзя идти. Это свидѣтельствуетъ только въ пользу нетронутости ея сердца. Вальманъ тысячу разъ клеветникъ! Она пріѣдетъ, истомленная борьбою, побѣжденная потокомъ новаго чувства, влюбленная въ Владиміра.

Немного еще жилъ Владиміръ, но успѣхи его на разныхъ поприщахъ вскружили ему голову. Однимъ изъ первыхъ онъ кончилъ лицей. Первую статью его привели въ выдержкахъ во всѣхъ газетахъ. Множество маленькихъ побѣдъ надъ

такими же маленькими существами было одержано имъ, когда онъ былъ еще лицеистомъ. Онъ сталъ самоувѣренъ, многое позволялъ себѣ и на его совѣсти было два-три грѣха, о которыхъ онъ вспоминалъ иногда съ горделивой улыбкой. У Римы выдающаяся натура—безспорно; но и Рима должна принадлежать ему ужь потому, что онъ ее любитъ, какъ никого еще не любилъ.

Нетерпѣливо ходилъ онъ взадъ и впередъ по гостинной. Было душно и жарко. Изъ окна онъ увидѣлъ разносчика цвѣтовъ, позвалъ его и уставилъ подоконники левкоемъ, резедой и геліотропомъ. Но отъ нѣжнаго аромата у Владиміра закружилась голова и стало сильнѣе биться сердце. Тоска охватила его.

XXVII.

Лучи солнца зажигали радуги въ рѣзныхъ граняхъ хрустальнаго фонаря, висѣвшаго въ гостинной, и яркими пятнами ложились на складкахъ шолковыхъ портьеръ. Значитъ, день склоняется къ вечеру. Въ половинѣ пятаго пришелъ поѣздъ изъ Финляндіи; отъ вокзала полчаса ѣзды. Если Рима не пріѣхала теперь, она совсѣмъ не пріѣдетъ. Но она должна пріѣхать. При малѣйшемъ шорохѣ на лѣстницѣ, тонкія брови молодаго человѣка вздрагивали; онъ останавливался и прислушивался. Столовые часы съ бронзовымъ Виргиліемъ пробили нѣжнымъ разсыпчатымъ звономъ пять.

Потомъ они пробили полчаса.

Владиміръ нервно натянулъ перчатки и надѣлъ шляпу. Его бѣсило, что Рима обманула его, и что, вѣроятно, Семенъ, занятый своимъ трагическимъ споромъ съ крестьянской дѣвицей, забылъ зайти къ Лознякову. Владиміръ не завтракалъ, и голодъ начиналъ тревожить его.

Онъ сердито вышелъ—на площадкѣ стояла Рима.

— Виновата. Заставила ждать?

Онъ улыбнулся, у него отлегло отъ сердца.

— Я давно въ городѣ,—начала Рима, входя въ квартиру и не смущаясь тѣмъ, что Владиміръ заперъ изнутри дверь на ключъ. Но у меня были счеты съ Аванцо и надо было кое-что купить. Я заѣхала къ брату, и мой грузъ у него. Нѣсколько

минутъ я свободна... Въ половинѣ седьмаго послѣдній дачный поѣздъ.

— Еще два поѣзда и даже три.

— Но покорно благодарю: ждать два часа!

— Я ожидалъ васъ цѣлый день,—замѣтилъ Владиміръ.

— Вы очень любезны, а все таки, если братъ не застанетъ меня на вокзалѣ, онъ подумаетъ, что на мое слово нельзя положиться. Вамъ же я не назначала срока. У васъ очень мило. Бронза настоящая empire. А туда можно заглянуть? А! Мраморъ! Грубоватая работа, но издали—талантливо. Фотографія сестры въ мѣщанской рамкѣ. Эстетикъ—и купилъ такую плохую вещь. Три амура съ ногами безъ колѣнъ и съ руками о шести пальцахъ! Шопеновское литье и навѣрно дорого.

Она болтала, переходя изъ одного угла въ другой, отъ предмета къ предмету, и не позволяла Владиміру сказать слова. Увидѣвъ цвѣты, она засмѣялась.

— Только что принесены и черезъ два дня засохнутъ! Но сколько вниманія!

— Я заказалъ обѣдъ,—началъ Владиміръ.

— Напрасно, я отлично пообѣдала съ братомъ. Бѣдненькій, вы не обѣдали еще? Такъ тѣмъ болѣе я не могу оставаться у васъ. Что за удовольствіе бесѣдовать съ голоднымъ человѣкомъ! Гдѣ вашъ лакей? Велите подавать, такъ и быть, я посмотрю, чѣмъ вы хотѣли угощать меня. Но только, пожалуйста, скорѣе.

Она вынула часы и придавила пружинку.

— Нѣтъ! Время летитъ, какъ сумасшедшее. Въ другой разъ, Владиміръ Ивановичъ... До свиданья! Выпустите меня.

— Рима Николаевна, вы прогнали меня въ городъ, надѣюсь, не съ тѣмъ, чтобъ подарить только пять минутъ—и какихъ пять минутъ—пустыхъ, безсодержательныхъ... Я бы не пріѣхалъ сюда... Останьтесь со мною, пропустите поѣздъ. Вчера вы были въ другомъ настроеніи. Вы зажгли меня вашимъ взглядомъ и онъ мерещился мнѣ всю ночь, проникая въ душу.

— Неужели я подала вамъ какую нибудь надежду? Мой отвѣтъ былъ условный,—произнесла Рима, покраснѣвъ, и сѣла на диванъ. Еслибы не этотъ румянецъ, разливавшійся на ея щекахъ до висковъ, нельзя было бы сказать, что она взволнована. Одѣта она была съ обдуманною изысканностью. Парюръ

изъ блѣдной бирюзы, какая въ модѣ въ Петербургѣ, простое сѣрое платье съ тонкими кружевами, купленное у дорогой портнихи, и шолковая ленточка на открытой шеѣ, и золотые волосы, не тщательно причесанные, но со вкусомъ, съ любовью къ каждой пряди и къ каждому завитку—все это производило какое-то смѣшанное впечатлѣніе: невинности и опытности, строгости и той доступности, которою вѣетъ отъ иныхъ кокетливыхъ женщинъ, но... только вѣетъ.

— Вы бы страшно унизили меня, еслибы ограничились осмотромъ моей дрянной обстановки,—сказалъ Владиміръ.— Вы не знаете моей души—загляните въ нее.

— Но скоро этого не сдѣлаешь,—проговорила Рима съ улыбкой.—Впрочемъ, я знаю вашу душу. Не сложна ваша душа и туманна. Еще ничего опредѣленнаго—это привлекаетъ меня. Но въ глубинахъ ея чувствуется, что назрѣваетъ сила... Какая—вы сами не скажете. Мнѣ хотѣлось бы подѣйствовать на нее и направить на общую цѣль, дать ей форму... Я ищу сострастную душу—гордую, какъ моя... Но вы та ли душа? Не растрачу ли я сердца на безплодную работу и не увянетъ ли моя молодость прежде, чѣмъ я добьюсь чего нибудь отъ васъ? Что, если сила все будетъ только назрѣвать—и такъ до безпредѣльности, ничего не породивъ благотворнаго, могучаго и прекраснаго?.. Когда я вошла, въ вашихъ глазахъ, которые мнѣ такъ нравятся, я вдругъ прочитала что-то мелкое—слѣдъ какого-то замысла, ничтожнаго до ужаса... Довольно съ васъ!

— Въ моихъ глазахъ вы могли прочитать только любовь къ вамъ,—возразилъ Владиміръ и взялъ ея руку, туго затянутую въ шведскую перчатку. Полюбилъ я васъ съ первой встрѣчи и—простите мою любовь. Все, что вы сказали сейчасъ, такъ необыкновенно. Съ каждой встрѣчей я все больше и больше убѣждаюсь въ вашей необыкновенности... Чего вы ждете отъ меня—какихъ подвиговъ?

— Мнѣ понадобится—если понадобится—немного. Но все великое, на что вы только способны, вы совершите, сдѣлавшись ангеломъ или сатаной—что предпочтете, что родственнѣе вашему духу—только не стремитесь къ общепринятымъ нормамъ, къ пошлостямъ, которыми восторгается толпа, къ порокамъ, которыми хвастаются дураки, и къ добродѣтели, которою гордится любой лавочникъ. Когда-то я думала, что могу

быть подругой Мерцалова. Но сорокъ лѣтъ раздѣляютъ насъ. Я томлюсь одиночествомъ. А еслибы я родилась другой и была бы кисейной барышней, я бы не только не могла выйти замужъ въ томъ кругѣ, гдѣ вращаются мои интересы и интересы родныхъ—некому было бы и отдаться, какъ отдалась гончаровская Вѣра! Жизнь—болото, которое почти всѣхъ засасываетъ въ свою тину и только великаны не погибаютъ. Но много ли ихъ?

— Какъ стать этимъ великаномъ?—спросилъ Владиміръ.

Рима быстро посмотрѣла ему въ глаза—онъ почувствовалъ, какъ разгорѣлось ея лицо и словно ожгло его губы своимъ незримымъ пламенемъ—и торопливо сказала, пожавъ его руку:

— Продолжайте меня любить—и вы все узнаете и всего добьетесь, что̀ доступно только великанамъ.

Затѣмъ она вскочила:

— Но, все же, до свиданья. Вы не обѣдаете, согласитесь сами, что мое положеніе комическое... Ни за что, ни за что! Ничего не значитъ, что мой визитъ такъ коротокъ. Я забуду то выраженіе вашихъ глазъ. Трудно сбросить съ себя ветхаго человѣка. Не провожайте меня. Что-то сблизило меня съ вами!—шопотомъ сказала она въ передней и опять горячій румянецъ ея полыхнулъ въ лицо Владиміру.

XXVIII.

Не успѣла Рима уйти, а Владиміръ—вспомнить, что ему надо же гдѣ нибудь пообѣдать, какъ Семенъ, красный и улыбающійся до ушей, встрѣтился съ нимъ лицомъ къ лицу въ передней.

— Кончился судъ?

— Кончился. Присудили двадцать восемь рублей. Она письма представила—я сердечныя письма ей писалъ. Дуракомъ былъ и чужаго ребенка своимъ призналъ. Судъ поэтому вошелъ во вниманіе всѣхъ обстоятельствъ и, какъ ребенокъ, слава богу, умеръ, то за четыре мѣсяца убытку я ей долженъ заплатить. Несправедливый судъ. Какой ребенокъ съѣстъ въ мѣсяцъ на семь рублей!

— Твой романъ совершенно не интересенъ,—сказалъ Владиміръ.—А вотъ ты, негодяй, оставилъ меня безъ обѣда, и

каково было бы мое положеніе, еслибы мой гость сталъ ожидать обѣда... ты меня зарѣзалъ бы!

Семенъ захлопалъ глазами и безстрастно втянулъ въ себя ароматъ реаи d'Espagne, заглушившій запахъ цвѣтовъ. «Знаемъ, молъ, какой у тебя былъ гость»! Владиміру показалось, что Семенъ именно это подумалъ, и ему стало неловко— онъ грозно топнулъ ногой.

— Отвѣчай, когда спрашиваютъ! Заходилъ къ Лознякову?

Семенъ схватился за карманъ.

— Сейчасъ побѣгу.

— Стой, теперь не надо!

Семенъ съ вѣжливымъ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

«И отчего не зашелъ, и не смѣй ходить! Ну, баринъ»!

Владиміръ поѣхалъ на острова, встрѣтился со знакомыми, ужиналъ въ отдѣльномъ кабинетѣ и рано утромъ былъ уже на дачѣ съ тупой болью въ головѣ и съ опустошеннымъ бумажникомъ.

XXIX.

Въ тотъ день, какъ Владиміръ былъ въ городѣ и сидѣлъ въ своей маленькой душной квартиркѣ, волнуясь отъ того, что Рима не приходитъ, Соня усердно помогала Серафимѣ Сергѣевнѣ варить варенье. Пальцы ея окрасились ягодами, и лицо разгорѣлось. Серафима Сергѣевна была когда-то очень хорошей хозяйкой. Родилась она и выросла въ старинной помѣщичьей семьѣ и ей были извѣстны, по преданію, разные секреты, какъ сдѣлать, чтобъ ягода сохраняла свой цвѣтъ и форму, чтобы не засахаривалась, или, пропитываясь сиропомъ, оставалась сухою. Своими свѣдѣніями Серафима Сергѣевна дѣлилась съ Соней. Дочь весело и внимательно слушала. По временамъ, почтительно вмѣшивалась кухарка и сообщала, что у генеральши, у которой она когда-то служила, варили иначе, а у другой генеральши, у которой она тоже служила, варили еще иначе. Время шло незамѣтно и работа спорилась.

Но послѣ обѣда, когда Серафима Сергѣевна легла спать, Соня внезапно почувствовала какую-то пустоту передъ собою. Съ тѣхъ поръ какъ вышла она изъ пансіона, одиночество не представлялось ей такимъ осязательнымъ ни разу. Она хотѣла

взять книгу, сѣсть у открытаго окна и читать. Но строки стали сливаться передъ глазами и буквы путались. Слезы набѣгали, но не падали съ рѣсницъ.

Тишина въ саду стояла почти мертвая. Съ вѣтки на вѣтку перепархивали птицы и слышно было, какъ сосны роняли наземь шишки. Когда же вѣтеръ начиналъ дуть со стороны лѣса изъ-за дачи Брындзовскихъ,—доносился явственный ропотъ горнаго ручья.

Соня стала прислушиваться. Въ этомъ ропотѣ сказывалось, страннымъ образомъ что-то бодрое, энергичное, вѣчное и сильное. По неволѣ представлялось, что ручей сбѣгаетъ по первозданнымъ горнымъ порогамъ съ незапамятныхъ временъ, и пройдутъ всѣ радости и огорченія Сони, погаснетъ ея жизнь, погаснетъ жизнь людей, знавшихъ объ ея существованіи, погаснутъ цѣлыя поколѣнія, а ручей все будетъ низвергаться въ море и своимъ чарующимъ шумомъ вливать бодрость въ тѣхъ, кто захочетъ внимать ему. Молодая дѣвушка, повинуясь неясному призыву ручья и не зная, какъ иначе разсѣять свою тоску, надѣла шляпку, взяла зонтикъ и вышла.

Двѣ дороги вели къ ручью: одна мимо дачи Брындзовскихъ, другая представляла собою узенькую тропинку, которая вилась по откосу. Соня предпочла послѣднюю, не смотря на коровъ, которыя часто бродили по этому откосу. Но теперь не слышно было, какъ бы перекликающихся между собою, металлическихъ погремушекъ. Скоро очутилась она у ручья—у того самаго мѣста, гдѣ была съ Владиміромъ. Тѣ же огромные сѣдые камни лежали на землѣ и посреди ручья. Только на пути не встрѣтилось болото—оно осталось ниже. Да по берегу блѣдно-лиловые цвѣты распустили свои скромные вѣнчики, и всѣ они склонялись надъ ручьемъ. Ручей пѣнился и гремѣлъ, быстрый, и мутный; цвѣты все ниже наклонялись; но образъ ихъ не отражался въ стремительной влагѣ... въ ней не отражались даже деревья, которыя были страшно высоки и величавы; не отражались гордыя облака, и, конечно, по ночамъ не отражались звѣзды. Но нѣсколько свѣтлыхъ и холодныхъ брызгъ безпокойный ручей презрительно кидалъ на скромные цвѣты—и они оживали, трепетали отъ счастья и нѣжно благоухали. Они казались такими милыми, что Соня набрала изъ нихъ цѣлый букетъ.

Одиночества здѣсь было больше—пустынно и дико было вокругъ. Но душа молодой дѣвушки успокоилась. Словно шумный оркестръ неземной музыки, хоръ духовъ и голосистыхъ призраковъ, погружалъ ея сознаніе въ міръ звуковыхъ образовъ, которымъ уже нѣтъ названія, но которые могущественны и прекрасны—усыпляютъ всѣ сомнѣнія и отрѣшаютъ отъ всѣхъ сердечныхъ страданій. Становится легко и свѣтло. Кажется, будто крылья выросли за плечами—сейчасъ вспорхнешь и улетишь въ сказочную даль. И отъ всей прошлой жизни останется одно только воспоминанье—этотъ букетъ блѣдно-лиловыхъ цвѣтовъ въ рукѣ.

Свѣжая и веселая возвратилась Соня на дачу.

XXX.

Серафима Сергѣевна уже встала, а Соня еще спала. Когда Владиміръ подкатилъ на таратайкѣ къ низенькимъ воротамъ дачи, мать сказала съ улыбкой:

— Наконецъ-то вижу тебя, родной! Мы какъ чужіе—живемъ вмѣстѣ, а не встрѣчаемся... Какъ твое здоровье, Володя?

— Кажется мама, я совершенно здоровъ. А твое?

— Я несовсѣмъ здорова. У меня душа болитъ.

Соскочивъ на землю и отпустивъ чухонца, Владиміръ пошелъ съ матерью по песчаной дорожкѣ и сталъ говорить:

— Постоянно злоупотребляютъ словами. Еслибы дѣйствительно болѣла душа, это было бы ужасно! Докторъ нуженъ въ подобныхъ случаяхъ. Все дѣло въ мозгу. Порвалась какая нибудь жилка, размякла клѣточка, образовался нарывъ въ извилинѣ, усиленный приливъ крови или чрезмѣрный отливъ—и понятно... душа болитъ. Но ты? У тебя такіе милые и ясные глаза. Совсѣмъ у тебя душа не болитъ.

— Ты смѣшиваешь душу съ мозгомъ. Прекратимъ, Володя, этотъ разговоръ. Доктора мнѣ не надо. Нравственное чувство мое страдаетъ.

— Ахъ, мама, ты все свое! Ты не хочешь, кажется, видѣть, что я молодъ и что жизнь мнѣ улыбается.

— Если жизнь улыбается сыну, она улыбается и матери. А я что-то не вижу этого. Володя, нѣтъ на землѣ другаго сердца, которое бы такъ страстно и горячо билось за тебя, какъ мое!

— Мама, ты сама просила прекратить этотъ разговоръ, а между тѣмъ все продолжаешь. Есть пункты, гдѣ мы никогда съ тобой не сойдемся. Разногласіе наше обусловливается тѣмъ...

— Чѣмъ, Володя?

— Тѣмъ, мама,—съ усиліемъ выговорилъ онъ:—что я люблю ее. И, опасаясь возраженій извѣстнаго рода, которыя можно было предвидѣть напередъ, онъ живо началъ:

— На мое горе она недоступна! Это идеальная дѣвушка. Она талантлива и умна, и какой то огонь, еще невѣдомый мнѣ, горитъ въ ея душѣ. Она презираетъ любовныя утѣхи... Не раздражай меня, мама!—закричалъ онъ.—Не смотри на меня съ такой усмѣшкой. Я не ручаюсь за себя и могу сказать тебѣ дерзость!

Онъ оставилъ мать и быстро удалился къ себѣ.

«Въ самомъ дѣлѣ, бѣдный мальчикъ», подумала Серафима Сергѣевна:—«не я, а онъ боленъ душевно... Какъ же спасти его»?—со слезами на глазахъ спросила она свое сердце. «Можетъ быть, все ему открыть? Нѣтъ, страшно! Оба они еще такъ молоды»!

Она взошла на террасу, сѣла и, облокотившись на руку, украшенную двумя вдовьими обручальными кольцами, ждала пробужденія Сони.

Тяжело было у нея на душѣ.

XXXI.

Владиміръ далъ себѣ слово уклоняться отъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ о Римѣ. Ему было ясно, что онъ, разсказавъ матери и сестрѣ о своей любви къ этой дѣвушкѣ,—сжегъ корабли. Одного только онъ не могъ вполнѣ постичь,—почему Соня, бывши на его сторонѣ, такъ внезапно охладѣла къ Римѣ. Главнымъ образомъ, онъ приписывалъ это охлажденіе вліянію Серафимы Сергѣевны и Вальмана. Гнѣваться на мать онъ не считалъ себя вправѣ; Соню онъ надѣялся обратить въ свою вѣру нѣсколькими поцѣлуями, и тоже не сердился на нее; но зато вся ненависть его устремилась на Вальмана, и это имя стало для него синонимомъ душевной и сердечной дрянности и того мѣщанства, о которомъ съ такимъ презрѣніемъ говорила Рима.

Между тѣмъ слова сына, что Рима недоступна и что это идеальная дѣвушка, произвели сильное впечатлѣніе на Серафиму Сергѣевну. Ей бы хотѣлось убѣдиться, что Рима въ самомъ дѣлѣ недоступна. Что Рима идеальная дѣвушка, она не вѣрила—у нея безсознательно, въ глубочайшихъ тайникахъ ея души, само собой, на основаніи нѣсколькихъ мелкихъ фактовъ, едва уловимыхъ и ничтожныхъ, выработалось представленіе о Римѣ, какъ о дурной дѣвушкѣ. Все же она не знала ея. Вѣроятнѣе всего, что недоступность Римы—простое кокетство и этимъ она еще больше могла завлечь Владиміра въ свои хитрыя сѣти. Отчего же дѣвушкѣ съ сомнительной репутаціей и ужь не самой первой молодости не выйти замужъ за такого красавца, какъ Владиміръ, у котораго прекрасная будущность и даже карьера, въ особенности, если онъ станетъ заниматься литературой только для того, чтобы обращать на себя вниманіе начальства, какъ это дѣлаютъ многіе публицисты, беллетристы и поэты? Было бы полезно познакомиться съ Римой. Какъ ни уменъ Владиміръ, но онъ еще ребенокъ. Развѣ онъ можетъ быть такъ проницателенъ и наблюдателенъ, чтобы сразу оцѣнить человѣка? Къ тому же, его соблазняетъ красивая внѣшность и то, что Рима—художница. Воспитанная по старинѣ, Серафима Сергѣевна питала отвращеніе ко всякимъ свободнымъ женскимъ профессіямъ. Зло, которое можно терпѣть, но которымъ нечего восторгаться!

Нѣсколько разъ Серафима Сергѣевна поднимала разговоръ о Брындзовскихъ. Но Владиміръ хранилъ мертвое молчаніе. Серафима Сергѣевна вела себя все настойчивѣе. Однажды она получила письмо отъ Вальмана и, распечатавъ и пробѣжавъ его за завтракомъ (при Владимірѣ) сказала:

— Юрій Ѳедоровичъ, можетъ быть, очень сгущаетъ краски! Прочти, Володя, что онъ пишетъ о Брындзовскихъ.

— Я не хочу читать. Слѣдовало бы пощадить уши Сони и не упоминать при ней объ Юріѣ Ѳедоровичѣ. Я тоже не желалъ бы слышать этого прелестнаго имени.

Такъ какъ завтракъ кончился, то Владиміръ всталъ и ушелъ въ лѣсъ... «Энергично ушелъ», замѣтила Соня.

— Юрій Ѳедоровичъ пишетъ, что намъ бы слѣдовало перебраться въ другую деревню на дачу, подальше отъ Брындзовскихъ,—сказала Серафима Сергѣевна Сонѣ и улыбнулась.

Но Соня серьезно произнесла:

— Я бы ничего противъ этого не имѣла. Владиміръ совсѣмъ пересталъ насъ любить.

— Но зато теперь, по крайней мѣрѣ, онъ живетъ съ нами,—возразила Серафима Сергѣевна, привлекла къ себѣ Соню и поцѣловала ее.

— Ты еще ничего не понимаешь, дитя мое,—продолжала она.—Помнишь, тебѣ еще такъ недавно хотѣлось познакомиться съ Брындзовскими?

— Да. Только ужь я не хочу. Мама напрасно считаетъ меня маленькой дѣвочкой. Я понимаю больше, чѣмъ она думаетъ,—сказала Соня и, покраснѣвъ, стала цѣловать руки Серафимы Сергѣевны.

— Соня, скажи, ты ревнуешь брата? шопотомъ спросила Серафима Сергѣевна.

— Я вдругъ стала ревновать,—наивно призналась Соня.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось,—помолчавъ, загадочно проговорила Серафима Сергѣевна,—чтобы Владиміръ встрѣтилъ и полюбилъ такую дѣвушку, какъ ты. Эгоизмъ матери, что ли, но мнѣ кажется, что на тебя должны быть похожи всѣ невѣсты, изъ которыхъ Владиміръ выберетъ себѣ лучшую... Впрочемъ, лучшая была бы ты...

— Что мама говоритъ!

Серафима Сергѣевна засмѣялась сквозь слезы и горячо прижала къ своей груди молодую дѣвушку.

— А пока я одѣнусь и пойду... Пройдусь... Мнѣ хочется одной... У старыхъ людей бываютъ потребности, Соня, помечтать наединѣ—о прошломъ. Будущаго у нихъ нѣтъ. Будущее уже принадлежитъ ихъ дѣтямъ. Пойди-ка къ брату, развесели его, поухаживай за нимъ, чтобъ не покидалъ онъ насъ никогда!

Соня повиновалась. Ея послушаніе трогало Серафиму Сергѣевну. Получая приказаніе, Соня не справлялась, чѣмъ оно обусловливалось. Она не пускалась въ критику; разсуждала она про себя. Это была сама кротость.

Поборовшись съ собою и преодолѣвъ свое нерасположеніе къ Брындзовскимъ, Серафима Сергѣевна принарядилась и пошла съ визитомъ къ Римѣ. Поселилась она на дачѣ позднѣе Брындзовскихъ и потому формально, съ точки зрѣнія хорошаго

тона, ничего не было страннаго въ этомъ визитѣ. А если Рима умна,—какъ утверждаетъ Владиміръ,—она не удивится: цѣль визита ясна сама собой. Впрочемъ, какой тутъ хорошій тонъ! Только жестокая необходимость руководила Серафимой Сергѣевной въ ея поступкѣ. Она обдумала нѣсколько фразъ («мой сынъ такъ молодъ и неопытенъ»—на эту тему), и приготовила нѣсколько вопросовъ — неопредѣленнаго содержанія (о родственныхъ связяхъ, о трудности добыванія средствъ, о знакомствахъ); но вообще рѣшила дѣйствовать безъ строгаго плана, а какъ подскажутъ тактъ и материнское сердце.

Войдя въ калитку садика, окружающаго дачу Брындзовскихъ, она почувствовала легкое головокруженіе. Волненіе ея было велико. Въ то же время ей представилось, что Владиміръ—совсѣмъ маленькій мальчикъ, котораго развращаютъ въ этомъ домѣ. Ея визитъ сталъ казаться ей подвигомъ самоотверженія. Но она ужь не отступила и съ величавымъ, холоднымъ, совершенно каменнымъ лицомъ поднялась по ступенькамъ террасы, задрапированной парусиною съ красными зубцами и украшенной цвѣтущими растеніями.

XXXII.

Серафиму Сергѣевну встрѣтила Катя; какъ будто испугалась неожиданнаго визита и растерялась.

— Вы, милая, кто же?—спросила Новоскольцова и съ ногъ до головы измѣрила взглядомъ молодую дѣвушку.

Катя отвѣчала съ улыбкой, чувствуя неловкость, потому что она протянула руку, а гостья не хотѣла замѣтить:

— Мы здѣсь всѣ хозяйки... Меня зовутъ Екатерина Николаевна... Прошу васъ, садитесь.

— Сестра Римы Николаевны?

— Я сестра.

— Но она старше всѣхъ.

— О, нѣтъ! Аглая старше и еще Зинаида, и...

— Однако вы живете на ея счетъ?

Катя вспыхнула.—Рима много зарабатываетъ, правда; но мы всѣ работаемъ. Мы вышиваемъ художественные экраны, даемъ уроки музыки... Въ общей сложности, нашъ заработокъ въ зимніе мѣсяцы доходитъ иногда до тысячи рублей.

— Такъ дорого платятъ за экраны?—иронически спросила Серафима Сергѣевна.

— Не дороже ста рублей—съ отдѣлкой. Наши экраны въ большой модѣ въ Петербургѣ. Балерины — наше изобрѣтеніе тоже!

Старуха сжала губы и посмотрѣла на прелестную балерину, распустившую юбки надъ матовымъ шаромъ высокой бронзовой лампы.

«Мерзость»,—подумала она.—Что же, могу я видѣть Риму Николаевну?—спросила она вслухъ.

— Сейчасъ она занята,—любезно сказала Катя.—Аглая!—обратилась она къ вошедшей сестрѣ:—вотъ Серафима Сергѣевна Новоскольцова, мать того молодого человѣка, который иногда бываетъ у насъ.

Ей старуха подала руку—должно быть, не считая ея опасной для Володи, и вообще къ ней она отнеслась благосклоннѣе.

— А вы чѣмъ занимаетесь? У васъ крайне талантливая семья!

Аглая обмѣнялась взглядомъ съ Катей и произнесла:

— Моя спеціальность—музыка. Въ послѣднее время нашлось нѣсколько уроковъ здѣсь.

— А какъ дорого вы получаете.

— Рублей пять въ часъ... Право, я теперь хуже играю—съ тѣхъ поръ какъ меня пригласили въ консерваторію. А когда я была ученицей, у меня были надежды на славу — и онѣ одушевляли меня...

— Аглаю можно назвать профессоромъ фортепіанной игры!—замѣтила Катя.

Аглая взглянула на сестру и улыбнулась, покачавъ головой. Новоскольцова подозрительно подумала: «однако, чего же это онѣ пересмѣиваются»?

Услыхавъ, что кто-то есть въ гостинной, вошла смуглая Полина.

Ее представили Серафимѣ Сергѣевнѣ. Серафима Сергѣевна увидѣла ея бѣлокурые волосы и рѣшила, что, вѣроятно, они крашеные. Она гдѣ-то читала въ газетахъ, что среди дамъ полусвѣта теперь мода на золотые волосы.

Натянутость Серафимы Сергѣевны сообщилась и хозяйкамъ. Онѣ молчали.

— Но если Рима Николаевна не можетъ выйти ко мнѣ,— сухо и надменно начала Серафима Сергѣевна:—то передайте ей, что я была бы рада, еслибы она назначила мнѣ другой день.

— Рима непремѣнно побываетъ у васъ,—сказала Аглая.

— Нѣтъ, я хотѣла бы,—возразила гостья,—сама побывать у нея. Кажется, она рисуетъ?

— Она рисуетъ и пишетъ по фарфору,—отвѣчала Катя.

— Теперь она въ мастерской: какъ разъ у нея вдохновеніе! Она кончаетъ чудесную картину,—пояснила Полина.

— Можетъ быть, можно пройти къ ней въ мастерскую?— спросила Серафима Сергѣевна, вставая.

— Ни въ какомъ случаѣ! Рима не любитъ, чтобъ ей мѣшали. Нельзя!—объявили Серафимѣ Сергѣевнѣ.

Это показалось страннымъ и обиднымъ Серафимѣ Сергѣевнѣ. Лицо ея опять окаменѣло.

Вдругъ нелѣпый, сумашедшій звонокъ затрещалъ въ домѣ. Аглая заткнула уши, Полина и Катя убѣжали. Звонокъ продолжалъ трещать, не переставая.

— Простите, ради бога!—сказала Аглая и тоже ушла.

Серафима Сергѣевна осталась одна въ гостинной. Звонокъ, казалось, разрывался на части, рыдалъ отъ бѣшенства, разсыпался въ проклятіяхъ и катался по полу по всѣмъ угламъ дома.

Серафима Сергѣевна знала, что у Брындзовскихъ отецъ въ параличѣ; но ей не пришло въ голову, что это онъ звонитъ. Она была оглушена звономъ—это казалось ей какой то новой обидой, дурацкой и пошлой шуткой; она торопливо схватила зонтикъ и перчатки.

Откуда-то сверху раздались голоса. Въ гостинную бѣжали. Кто-то кричалъ: «Женя, прошу тебя... Что ты дѣлаешь? Чернушка! Назадъ»! А въ отвѣтъ кто-то смѣялся разсыпчатымъ, дѣтскимъ серебрянымъ смѣхомъ. Дверь распахнулась и въ гостинную вбѣжала маленькая, стройная дѣвушка съ красивымъ тѣломъ, цвѣта свѣтлой бронзы. Глаза ея сверкали, какъ двѣ черныя звѣздочки, и сверкали два ряда бѣлыхъ зубовъ. За плечами дрожали небольшія крылья, сдѣланныя изъ настоящихъ

перьевъ. Въ рукѣ она держала золотой лукъ, остановилась, нацѣлилась въ Серафиму Сергѣевну, но увидѣвъ, что это чужая, взвизгнула и исчезла съ новымъ взрывомъ смѣха. Звонокъ все еще не унимался.

Серафима Сергѣевна съ ужасомъ ушла домой, ни съ кѣмъ не простившись. Ноги ея подкашивались и руки дрожали.

I. Ясинскій.

(Продолженіе будетъ).

ЗАДАЧИ ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(По поводу предстоящей реформы женскихъ гимназій).

I.

Женскій вопросъ снова выплываетъ изъ подъ груды замершихъ вопросовъ, и все чаще и чаще становится предметомъ обсужденія журналистики и государственныхъ учрежденій Европы, какъ существенная часть общаго соціальнаго вопроса, составляющаго главный предметъ современной борьбы партій.

Поставленный не такъ шумно и рѣзко, какъ у насъ въ 60-хъ годахъ,—благодаря, вѣроятно, значительной разницѣ политическихъ и общественныхъ условій,—вопросъ этотъ въ Европѣ постепенно, но упорно завоевывалъ себѣ мѣсто въ жизни и законодательствѣ и, не принимая уродливыхъ и каррикатурныхъ формъ,—въ которыя временами впадалъ у насъ,—онъ обратился тамъ въ практическое осуществленіе правъ на человѣческую жизнь цѣлой половины образованнаго общества.

Кстати, тутъ же не мѣшаетъ оговориться. Мы сказали: «половины образованнаго общества», ибо «женскій вопросъ» есть вопросъ исключительно образованныхъ, верхнихъ слоевъ его, которые такъ или иначе вліяютъ на культурное развитіе страны. Для громаднаго большинства населенія, для рабочей массы,—какъ городской, такъ и деревенской, «женскаго вопроса» не можетъ возникнуть, такъ какъ въ ней онъ давно разрѣшенъ практически. Тутъ не можетъ быть ни требованія права на образованіе,—такъ какъ первоначальная школа, единственно возможная въ этой средѣ, юридически доступна въ равной мѣрѣ и мужчинамъ, и женщинамъ,—ни требованія права на одинаковый съ мужчинами трудъ, такъ какъ здѣсь почти всѣ роды труда, физически доступные женщинамъ, не только имъ разрѣшены, но даже обязательны для нихъ. Въ другихъ же проявленіяхъ женскаго вопроса простонародная женщина, подавленная заботами и трудомъ, какъ и ея мужъ, и въ своихъ

интересахъ тѣсно связанная съ послѣднимъ, совсѣмъ не заинтересована. Тутъ женскій вопросъ совершенно сливается и отожествляется съ вопросомъ рабочимъ и соціальнымъ.

Какъ нѣчто самостоятельное,—и у насъ, и въ Европѣ,—женскій вопросъ есть достояніе образованнаго общества или, выражаясь европейскимъ языкомъ, за неимѣніемъ соотвѣтствующаго русскаго слова,—достояніе *буржуазіи*. Если европейскіе представители рабочаго сословія—соціалисты—и выдвигаютъ настойчивѣе другихъ партій женскій вопросъ, то это происходитъ отчасти оттого, что вожаки соціализма въ большинствѣ случаевъ—выходцы изъ буржуазіи, и, слѣдовательно, буржуазно мыслятъ и чувствуютъ,—а отчасти потому, что имъ необходимо увеличить число своихъ приверженцевъ среди женщинъ. Во всякомъ случаѣ, они сильно содѣйствовали женскому движенію среди буржуазіи, которая взяла у соціалистовъ только то, что̀ больше отвѣчало запросамъ ея жизни. Одинъ за другимъ, многіе буржуазные писатели выступили за права женщинъ, образовалось много ассоціацій для защиты гражданской равноправности женщины, для улучшенія ея экономическаго положенія, а мѣстами и для дарованія ей политическихъ правъ. Это не осталось безъ вліянія на законодательство нѣкоторыхъ странъ, расширившихъ семейныя, гражданскія, а, частію, и политическія права женщинъ, и открывшихъ имъ доступъ къ болѣе широкому образованію. Такъ напримѣръ, одна изъ странъ, наиболѣе отсталыхъ еще не такъ давно по женскому вопросу, Франція, создала цѣлую систему женскихъ лицеевъ, съ программой, не уступающей мужскимъ лицеямъ, исключая древнихъ языковъ, и допустила женщинъ къ слушанію лекцій въ университетахъ. Такихъ лицеевъ и коллежей для дѣвушекъ, въ настоящее время, во Франціи насчитывается болѣе сотни, не считая нормальныхъ школъ, подготовляющихъ женщинъ къ педагогической спеціальности.

То же самое замѣчается и въ другихъ странахъ Европы,—въ Англіи, Швейцаріи, Бельгіи и, отчасти, даже въ Германіи. Женское движеніе—борьба за права женщинъ—повсюду въ Европѣ практически выразилось въ расширеніи образованія женщинъ, иначе говоря, въ уравненіи ихъ съ мужчинами передъ наукою. Да иначе оно и не могло быть, ибо всѣ требованія женскаго вопроса въ современномъ образованномъ обществѣ сводятся главнымъ образомъ къ праву на всѣ роды умственной дѣятельности, доступные мужчинамъ; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ трудъ въ этомъ обществѣ находится въ связи съ образованіемъ, то право на расширеніе сферы женскаго труда превратилось въ право на образованіе.

II.

Было время, когда и у насъ въ Россіи женскій вопросъ чуть ли не первенствовалъ между другими общественными вопросами, и отъ разрѣшенія его въ томъ или другомъ смыслѣ ставили въ зависимость весь нашъ общественный строй. Но, частью, вслѣдствіе посторонних давленій, частью, вслѣдствіе усталости послѣ болѣзненнаго напряженія, женское движеніе, какъ особый вопросъ, замерло у насъ, уступивъ мѣсто другимъ, болѣе широкимъ и насущнымъ вопросамъ. Подобно женскому движенію въ западной Европѣ, оно и у насъ вылилось въ требованіе расширенія женскаго образованія и уравненія его съ мужскимъ. Русскія женщины временно добились медицинскихъ педагогическихъ, историко-литературныхъ курсовъ, и одно время казалось, что дѣло уравненія женщинъ съ мужчинами передъ наукою скромными, но твердыми шагами идетъ къ осуществленію.

Но подулъ иной вѣтеръ, и отъ этихъ первыхъ шаговъ остались только пріятныя воспоминанія и разрушенныя надежды массы женщинъ, кинувшихся было вкусить запретнаго плода познанія. Масса русскихъ женщинъ кинулась въ заграничные университеты изучать медицину; эмиграція эта продолжается и по сіе время, хотя результаты ея пока неощутительны и мало извѣстны. Для образованія русской женщины остались, повидимому, прочно только женскія гимназіи, организованныя по типу мужскихъ гимназій, безъ классическихъ языковъ,—иначе говоря, по типу мужскихъ реальныхъ училищъ.

Гимназіи эти имѣютъ весьма существенные недостатки: образованіе, получаемое въ нихъ, крайне отрывочно и формально, ни къ чему дальнѣйшему житейскому не приспособлено и не даетъ никакихъ правъ окончившимъ его дѣвушкамъ. Но громадное достоинство ихъ въ томъ, что онѣ уравниваютъ степень развитія нашихъ дѣвушекъ и юношей, по крайней мѣрѣ, до поступленія послѣднихъ въ университетъ, и даютъ будущимъ матерямъ хоть какую нибудь возможность помогать своимъ дѣтямъ въ первые годы ученія.

Такъ или иначе, типъ женскихъ гимназій считался упроченнымъ у насъ до самаго послѣдняго времени, когда газеты принесли извѣстіе, что на разсмотрѣніе высшихъ сферъ представленъ проэктъ реформы средняго образованія женщинъ.

Что реформа нашего средняго образованія, какъ женскаго, такъ и мужскаго, рано или поздно сдѣлается насущной необходимостью—въ этомъ никто не сомнѣвается. Со всѣхъ сторонъ уже доносятся

жалобы и неудовольствія, и—что всего знаменательнѣе—масса недовольныхъ нынѣшней школьной системой появилась уже среди самихъ педагоговъ. Жребій реформы палъ, повидимому, прежде всего на женскую школу. Реформа безусловно желательна; вопросъ лишь въ томъ: коснется ли она только размѣровъ и программы преподаванія, или измѣнитъ всю сущность средняго образованія женщинъ, весь духъ и направленіе его, и въ какую сторону направится это измѣненіе.

Въ чемъ состоитъ неудовлетворительность нашей женской школы и въ чемъ должна заключаться ея задача? Разумѣется, тутъ дѣло идетъ не о какой-то идеальной школѣ, удовлетворяющей потребностямъ отдаленнаго будущаго, строй и потребности котораго для насъ теперь неизвѣстны;—дѣло идетъ о школѣ, соотвѣтствующей насущнымъ потребностямъ современной жизни и ближайшаго будущаго. Чтобы отвѣтить на вышепоставленный вопросъ, намъ необходимо прежде всего условиться и рѣшить въ общихъ чертахъ, какова должна быть роль женщины въ современномъ обществѣ и къ чему полезнѣе всего готовить ее сообразно съ потребностями этого общества.

Впредь до какого нибудь крупнаго соціальнаго катаклизма, до котораго ни мы, ни наши ближайшіе потомки не доживутъ, семья есть и долго будетъ фундаментомъ всякаго правильно организованнаго общества,—той клѣточкой, изъ совокупности которыхъ складывается общество и изъ которыхъ каждая до нѣкоторой степени служитъ его миньятюрой. Можно за рѣдкими исключеніями принять за правило, что какова въ данномъ государствѣ семья въ ея среднемъ экономическомъ и нравственномъ проявленіи, таково и самое общество; что нравственные элементы, господствующіе въ данную эпоху въ семьѣ, составляютъ преобладающую черту и того общества, часть котораго составляетъ эта семья. По мѣрѣ того какъ измѣняется нравственная физіономія семьи, происходятъ неизбѣжно соотвѣтствующія измѣненія и въ цѣломъ обществѣ. Поэтому всѣ государственные и общественные реформаторы волей-неволей значительную часть своихъ усилій и заботъ должны посвятить на переустройство семьи, на измѣненіе отношеній между ея членами, на внесеніе въ нее новыхъ понятій и принциповъ. А такъ какъ главнымъ руководителемъ семьи во внутренней, по крайней мѣрѣ, жизни ея членовъ и главнымъ воспитателемъ этихъ послѣднихъ является въ громадномъ большинствѣ случаевъ женщина, въ ея роли матери и жены,—то забота объ умственномъ и нравственномъ воспитаніи женщины дѣлается для государства насущной, первостепенной необходимостью. «Нравственный и умственный прогрессъ мужчины

рискуетъ остановиться, при условіи, что нравственное и умственное развитіе женщины будетъ задержано», справедливо замѣтилъ одинъ изъ европейскихъ писателей,—такъ какъ она создаетъ мужчину, т. е. производитъ его на свѣтъ, воспитываетъ въ дѣтствѣ, и морально, эстетически, а нерѣдко и умственно, вліяетъ на него въ семьѣ и обществѣ.

Эта важная и, можно сказать, преобладающая роль женщины въ созиданіи и формированіи человѣка,—роль, присущая ей по естественному порядку вещей,—даже въ мало цивилизованныхъ обществахъ, требуетъ отъ женщины солидныхъ нравственныхъ и умственныхъ качествъ, въ особенности если желаютъ видѣть ее на высотѣ тѣхъ сложныхъ запросовъ, какіе ставитъ человѣку современная жизнь.

Каковы же должны быть духовныя качества и средства женщины, дающія ей возможность справиться съ ея высокой и трудной задачей формированія человѣка? Въ различные періоды исторической жизни человѣчества, отъ женщины требовались различныя свойства, смотря по тому положенію, которое она занимала. Языческій міръ, за рѣдкими исключеніями, смотрѣлъ на женщину, какъ на существо низшее и подчиненное, съуживая ея роль до степени рабы, угодницы мужа, кормилицы дѣтей. И теперь мы видимъ, что восточные народы держатъ женщину въ положеніи рабыни, затворницы, не имѣющей своей личности, а потому—и никакихъ правъ на активную роль въ семьѣ. Сообразно съ этимъ общественнымъ и семейнымъ положеніемъ женщины, отъ нея морально и умственно ничего не требовалось, или требовалось только то, что̀ нужно было для развлеченія мужа. Но, не смотря на это, естественная роль женщины въ семьѣ настолько велика, что она все таки оказывала громадное вліяніе на жизнь и, въ качествѣ развращенной и невѣжественной рабы, вліяніе нерѣдко пагубное и растлѣвающее.

Христіанская цивилизація, внесшая въ общество идею нравственнаго равенства и братства людей, идею равнаго человѣческаго достоинства половъ передъ божествомъ, обратила женщину изъ рабы мужчины въ его подругу и дала ей право на равное вліяніе въ семьѣ и на равное участіе въ умственномъ и нравственномъ совершенствованіи. Но, вопреки этой великодушной идеѣ христіанства, еще много столѣтій невѣжественное и закоренѣлое въ предразсудкахъ общество идеаломъ для женщины ставило искусственное представленіе о скромности и женственности, вызывавшее роскошь и изнѣженность воспитанія, пустоту, лицемѣріе, кокетство, ложную чувствительность и сантиментальность. Поклоненіе женщинѣ шло рядомъ съ крайнимъ презрѣніемъ къ ея человѣческому достоинству

и непониманіемъ ея важной воспитательной роли въ обществѣ.— XIX-е столѣтіе, и въ особенности вторая половина его, болѣе ясно и опредѣленно формулировало роль женщины въ семьѣ и обществѣ, и сообразно съ этимъ потребовало отъ нея болѣе солидныхъ умственныхъ и нравственныхъ средствъ. Наряду со спорнымъ и далеко еще невыяснившимся принципомъ политической равноправности женщины, волнующимъ въ настоящее время умы Европы и Америки, ясно и отчетливо выступила коренная и, такъ сказать, естественная роль женщины, какъ воспитательницы молодыхъ поколѣній въ широкомъ смыслѣ этого слова.

«Если мужчины издаютъ законы,—сказалъ одинъ мыслитель,—то женщины создаютъ нравы»; а такъ какъ въ большинствѣ случаевъ законы суть отраженія господствующихъ нравовъ, то моральное вліяніе женщинъ безпредѣльно. Отъ нихъ требуются, слѣдовательно, тѣ умственныя качества, которыя формируютъ для общества развитыхъ, просвѣщенныхъ работниковъ и гражданъ, и тѣ моральныя свойства, которыя вліяютъ на молодыя поколѣнія въ смыслѣ развитія въ нихъ высокой нравственности, правдивости, готовности жертвовать собою для блага общаго, способности мужественно выносить неудачи жизни и сохранять скромность въ удачѣ; которыя, наконецъ, воспитываютъ въ молодежи культъ родины и человѣчества. Для этой высокой и универсальной задачи требуется и соотвѣтствующая умственная и нравственная подготовка.

Задача образованія распадается на двѣ главныя части: 1) на обученіе молодаго поколѣнія, обнимающее совокупность всѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, развивающихъ человѣка, расширяющихъ его міросозерцаніе, знакомящихъ его съ настоящимъ и прошлымъ человѣчества и дающихъ ему умственныя орудія для практической дѣятельности, какъ работнику и просвѣщенному гражданину; 2) воспитаніе въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. моральное и духовное воздѣйствіе на человѣка съ цѣлью заставить его усвоить извѣстныя нравственныя правила, извѣстныя умственныя, религіозныя, эстетическія потребности и стремленія, совокупность которыхъ составляетъ нравственную физіономію человѣка; и 3) само собою разумѣется, нормальное развитіе здороваго физическаго организма въ молодомъ поколѣніи, организма, годнаго къ суровой борьбѣ за существованіе и къ поддержанію и укрѣпленію расы.

Для первой задачи, т. е. для подготовки изъ молодаго поколѣнія способныхъ работниковъ и просвѣщенныхъ гражданъ, руководительница ихъ развитія должна сама стоять на высшей ступени образованія и быть знакома со всѣми пріобрѣтеніями современнаго знанія, по крайней мѣрѣ, въ ихъ общихъ чертахъ и конечныхъ

выводахъ. Если принципъ равноправности женщины съ мужчиною гдѣ либо не подлежитъ сомнѣнію и составляетъ простую очевидность, то это въ области умственнаго развитія, въ образовательной дѣятельности. Воспитывать и подготовлять людей, стоящихъ на уровнѣ требованій современной жизни и современнаго знанія, можетъ только воспитательница, сама серьезно знакомая съ жизнью и наукой, во всѣхъ ихъ лучшихъ и плодотворнѣйшихъ проявленіяхъ, сама проникнутая принципомъ общественнаго блага, при помощи своего высокаго духовнаго развитія, и умѣющая внушить этотъ принципъ и потребность въ умственной жизни своимъ воспитанницамъ. Нѣтъ для общества настоятельной надобности, чтобы женщина двигала впередъ науку, дѣлала въ ней открытія, забиралась въ ея отдаленнѣйшія области; но она должна усвоить любовь къ знанію, быть основательно и разносторонне образованной и прививать учащемуся поколѣнію любовь къ умственной работѣ даже послѣ школы, когда суровая практическая жизнь засасываетъ человѣка и смываетъ съ него всю умственную культуру. Словомъ, женщина должна быть подготовлена воспитывать мыслящихъ и прогрессирующихъ людей, способныхъ приноравливаться къ дальнѣйшему прогрессу жизни и мысли, въ какое бы положеніе ни поставила ихъ судьба.

Что касается нравственной стороны воспитанія и обусловливаемыхъ ею нравственныхъ свойствъ женщины, какъ естественной воспитательницы молодаго поколѣнія, то они еще болѣе трудны и сложны. Само собою разумѣется, что формировать умъ гораздо легче, чѣмъ формировать душу и характеръ. Первая задача, главнымъ образомъ, достигается въ школѣ, вторая до сихъ поръ—если не исключительно, то въ главнѣйшей своей части—достигается въ семьѣ, хотя во всѣ времена семья очень плохо выполняла эту задачу. Первая задача можетъ быть поручена съ одинаковымъ успѣхомъ и мужчинѣ, и женщинѣ; вторая—по преимуществу лежитъ и должна лежать на женщинѣ. Строго говоря, школа не должна была бы отказываться отъ нравственнаго вліянія на подростающее поколѣніе, и разумно-организованная школа въ будущемъ приметъ въ свое вѣдѣніе и нравственное воспитаніе, но пока бо́льшая часть этой задачи принадлежитъ дому, семьѣ. А кто же станетъ отрицать преобладающее, часто исключительное вліяніе женщины въ семьѣ? Вліяніе это преобладаетъ даже тогда, когда женщина, жена и мать, не имѣютъ никакого образованія и въ умственномъ отношеніи стоятъ неизмѣримо ниже мужчины. Эта преобладающая въ семьѣ роль женщины,—для выполненія лежащей на ней высокой и трудной задачи,—требуетъ отъ нея огромныхъ духовныхъ средствъ, гораздо

болѣе сложныхъ, чѣмъ какія требуются отъ мужчины при исполненіи его гражданскихъ и политическихъ обязанностей. Недостаточная оцѣнка этой роли и пренебреженіе къ связаннымъ съ нею обязанностями является, быть можетъ, одною изъ главныхъ причинъ нравственныхъ и общественныхъ неурядицъ нашей жизни.

Нравственное воспитаніе подростающихъ поколѣній есть главное орудіе соціальнаго прогресса. Самыя лучшія общественныя учрежденія безсильны, если личности и группы, входящія въ составъ даннаго общества, чужды нравственнаго развитія, чувства справедливости, чести, правды и сознанія общественнаго долга. Высоконравственная личность часто нейтрализуетъ вредъ самыхъ худшихъ учрежденій. Поэтому первая обязанность руководящихъ слоевъ общества—морализировать личность и тѣ элементы, которымъ присуща наибольшая сила вліянія на личность. Такимъ элементомъ по преимуществу является женщина.

Рискуя впасть въ банальность, приходится все таки повторить, что и по ученію христіанской религіи, и на основаніи простаго разума, существенной основой человѣческой нравственности въ обыкновенномъ, житейскомъ смыслѣ слова—есть любовь къ ближнему. Возлюби ближняго, яко самого себя, будь справедливъ, не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь—въ этомъ суть нравственнаго закона и источникъ всей соціальной справедливости. Воспитателю необходимо воспитать въ себѣ эту любовь и справедливость къ ближнему, развивать ихъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ съ первыхъ шаговъ ихъ дѣтскаго сознанія. Но для успѣха этой педагогической задачи нужно имѣть самому любовь къ дѣтямъ. Эта любовь присуща и развивается по преимуществу у женщины. Поэтому-то она и есть самой природой указанный педагогъ и воспитатель; она обладаетъ для этого всѣми существенными элементами, которые надо только развивать и совершенствовать. Женщинѣ, какъ воспитательницѣ будущихъ гражданъ и гражданокъ, прежде всего должно быть присуще чувство любви къ дѣтямъ, какъ къ носителямъ будущихъ судебъ народа,—кротость и терпѣливость въ отношеніи къ ихъ слабостямъ, недостаткамъ и нерѣдко порокамъ и злой волѣ. Заставить искренно и добровольно повиноваться можно только любовью и заботливостью; воспитывать въ дѣтяхъ любовь, снисходительность, справедливость и самопожертвованіе можно только посредствомъ собственнаго примѣра матери и воспитательницы. А воспитывать въ дѣтяхъ любовь къ ближнему и готовность «положить душу свою за други своя»—значитъ заложить въ ихъ натуру фундаментъ семейственности, любви къ народу, къ страждущимъ и обездоленнымъ, фундаментъ здороваго и разумнаго па-

тріотизма, который съ возрастомъ, при болѣе широкомъ развитіи дѣтей, расширится во всеохватывающее чувство любви къ человѣчеству.

Безспорно, что любовь, будучи вообще благотворнымъ и животворящимъ чувствомъ, можетъ иногда впадать въ крайность, приводить къ безразличію добра и зла, или къ ложной и излишней чувствительности, если этимъ чувствомъ не управляетъ широкое умственное, гражданское и эстетическое развитіе личности. Въ своей основной роли воспитательницы въ семьѣ и въ обществѣ, женщина не должна, однако, быть чуждой сознанія гражданки и равноправнаго члена общества, поэтому она не можетъ и не должна быть «къ добру и злу постыдно равнодушна». Какъ человѣку развитому и члену общества, ей невозможно и въ дѣлѣ воспитанія не проявлять симпатій и антипатій къ общественнымъ явленіямъ, но какъ педагогу, работающему для будущаго, ей обязательно держаться внѣ политическихъ вліяній даннаго момента и мелкихъ партійныхъ споровъ, мелкихъ симпатій и вражды, неуклонно преслѣдуя одну цѣль: проповѣдь знанія, любви и справедливости.

Одно изъ могучихъ орудій нравственнаго развитія человѣка есть развитіе эстетическаго чувства. Тщательно развиваемое съ ранняго дѣтства, оно создаетъ въ молодежи культъ красоты и правды, возбуждаетъ стремленіе къ возвышенному и прекрасному, отвлекаетъ ее отъ житейской грязи и грубости, отъ всего мелочнаго, своекорыстнаго и ложнаго, облагораживая ея чувства и заставляя искать красоты, гармоніи и правды во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ житейскихъ отношеніяхъ. Это чувство красоты и правды болѣе присуще женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ; она лучше мужчины способна внушать его другимъ,—поэтому эстетическое развитіе должно стать существенной частью женскаго образованія.

Мы не касаемся религіознаго элемента, какъ одного изъ сильнѣйшихъ орудій нравственнаго воспитанія молодежи, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что искреннее религіозное чувство болѣе доступно женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ, и что въ ея рукахъ это орудіе приметъ болѣе поэтическую и пріятную для дѣтской души окраску, утративъ ту сухость и безжизненность, въ какую оно нерѣдко впадаетъ въ нашей школѣ.

Физическое воспитаніе дѣтей всегда и цѣликомъ находилось въ рукахъ женщины. Пища, одежда, жилище, игры и развлеченія дѣтей—все, что̀ входитъ въ область физической жизни, находится въ исключительномъ завѣдываніи матери, и если правило: «mens sana in corpore sano» есть въ нѣкоторой степени преувеличеніе, то несомнѣннымъ все таки остается, что физическое здоровье подростаю-

щихъ поколѣній, даже еслибы оно развивалось въ нѣкоторый ущербъ умственному развитію и количеству знаній, составляетъ насущную заботу общества. Задачей общественнаго прогресса должна быть наивысшая возможная сумма счастья для всѣхъ, а безъ здоровья не можетъ быть и счастья. Поэтому, если необходимо готовить женщину къ вліянію на умственную культуру общества, то еще болѣе необходимо и обязательно, чтобы женщина, въ рукахъ которой находится здоровье молодаго поколѣнія, была серьезно подготовлена во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыя непосредственно касаются гигіены и физическаго развитія человѣка.

Въ нашемъ воспитаніи, къ сожалѣнію, слишкомъ мало вниманія удѣляется этой сторонѣ дѣла, благодаря долгому господству метафизическихъ и романтическихъ идей, убившихъ и въ мужчинахъ, а еще больше въ женщинахъ, сознаніе важности сохраненія и укрѣпленія расы, и пониманіе громаднаго вліянія красоты и силы на духовное равновѣсіе человѣка, на бо̀льшую или меньшую жизнерадостность его взглядовъ на жизнь, на сумму его личнаго счастья, а отсюда и на весь складъ психической жизни общества. Мы убѣждены, что масса хандры, психопатіи, мизантропіи и пессимизма въ современномъ обществѣ есть прямой результатъ ненормальности организмовъ, исковерканныхъ воспитаніемъ и наслѣдственностью. Необходимо обратить побольше вниманія на эту сторону воспитанія, заброшенную въ особенности у насъ въ Россіи, и растить, хотя бы даже въ ущербъ нѣкоторымъ несущественнымъ отраслямъ знанія, здоровую молодежь, а въ особенности здоровыхъ и сознающихъ важность здоровья женщинъ. Не надо ни на минуту забывать, что женщина, будучи естественной воспитательницей молодежи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ образомъ,—есть источникъ и хранительница расы, что она родитъ человѣка по образу и подобію своему, питая его предварительно своей кровью, и передаетъ ему, по закону наслѣдственности, свои физическія и духовныя качества.

III.

Мы изложили въ общихъ чертахъ, какъ мы ее понимаемъ, основную роль женщины въ нашемъ обществѣ, и задачи женскаго образованія, поскольку онѣ вытекаютъ изъ этой роли. Мы особенно напирали на воспитательную роль женщины, ибо она намъ представляется естественной, такъ сказать, органической и наиболѣе присущей женщинѣ, какъ дѣятельному члену общества, и имѣетъ, какъ общественно-полезная работа, наивысшую цѣну въ сравненіи со всякой другой работой. Нѣкоторые фанатики требуютъ, чтобы,

признавая за женщинами равное съ мужчинами человѣческое и умственное достоинство, мы признали за ними и равное съ мужчинами право на занятіе всѣми отраслями интеллектуальнаго труда, т. е. предоставили имъ быть судьями, адвокатами, судебными приставами, нотаріусами, биржевыми маклерами, полицейскими и акцизными чиновниками, и проч., и проч. Но, помимо физическихъ условій, препятствующихъ женщинѣ заниматься нѣкоторыми видами труда, дѣло въ томъ: выиграютъ ли отъ этого общество и сама женщина? выиграетъ ли культура, нравственность и человѣческое достоинство? Для насъ было бы гораздо болѣе желательно, чтобы общество достигло скорѣе той степени благосостоянія и нравственности, когда количество лицъ, поглощаемыхъ вышеисчисленными спеціальностями, можно было бы сократить *до минимума*, когда упрощенныя соціальныя отношенія людей давали бы возможность тратить на эти функціи какъ можно меньше и мужскихъ силъ, обращая послѣднія на работы, болѣе производительныя матеріально и морально. Неужели только потому, что мужская половина интеллигентнаго общества, въ силу моральныхъ и экономическихъ несовершенствъ нашей жизни, вынуждена заниматься тяжелыми, истощающими силы и здоровье, часто отупляющими человѣка функціями,—неужели только поэтому нужно добиваться, чтобы и другая, болѣе чистая и идеальная половина этого общества, чуждая соціально-житейской грязи, вкусила этой самой грязи и погрузилась во всю нелѣпую и сложную сутолоку современной соціальной борьбы со всѣми ея нравственными послѣдствіями для личности, и утратила бы ту долю чистоты и идеализма, которая, быть можетъ, только и спасаетъ міръ отъ гибели?.. Мы скорѣе готовы надѣяться на такое улучшеніе житейскихъ отношеній, при которомъ гораздо меньше понадобится и судей, и адвокатовъ, и полиціи, чѣмъ желать такой порчи соціальныхъ отношеній, при которой придется усилить эти функціи еще и женскимъ элементомъ.

Къ тому же, зачѣмъ,—какъ выражаются французы,—chercher midi à quatorze heures, и загадывать въ далекое будущее, когда естественнымъ положеніемъ вещей передъ женщиной открыта такая широкая и плодотворная дѣятельность, которую остается только культивировать и поощрять? Воспитаніе и школьное дѣло слѣдовало бы цѣликомъ предоставить женщинамъ. Женская школа во всѣхъ ея стадіяхъ, народная школа, а при этихъ школахъ женская и дѣтская гигіена и медицина, должны бы, по общему правилу, быть переданы въ вѣдѣніе женщинъ-педагоговъ и врачей. Мы не рѣшаемся касаться мужской школы съ этой точки зрѣнія, но не можемъ не сознаться, что ничего не имѣли бы противъ допущенія

женщинъ-преподавателей въ первые три или четыре класса и мужской школы, а въ особенности въ классы приготовительные. Во всякомъ случаѣ, намъ кажется верхомъ странности, что въ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ женщины допускаются къ преподаванію только въ низшихъ классахъ, тогда какъ по здравой логикѣ эта дѣятельность должна быть предоставлена имъ исключительно и неотъемлемо.

Мы высказали выше, какую роль можетъ и должна была бы играть женщина въ общественномъ прогрессѣ въ своей роли воспитателя и морализатора подростающихъ поколѣній. Остается, признавши эту роль, приспособить къ ней все ихъ среднее и высшее образованіе, и направить его на подготовку дѣвушекъ къ школьно-воспитательной дѣятельности въ широкомъ смыслѣ. Такъ называемое среднее образованіе, по нашему мнѣнію, должно давать человѣку общее развитіе, способность и любовь къ умственной работѣ, способность къ дальнѣйшему изученію избранной спеціальности, если къ тому явится возможность и желаніе; кромѣ того, такъ какъ значительная часть учащихся не хочетъ или не можетъ продолжать ученіе и заняться какой нибудь научной спеціальностью, то среднее образованіе должно дать ему законченный циклъ общечеловѣческихъ знаній, дающій возможность оріентироваться въ жизни и понимать ея условія и требованія. Это опредѣленіе одинаково примѣнимо и къ мужчинамъ, и къ женщинамъ. Общее образованіе дѣвушекъ, поэтому, смѣло можно ограничить 7-лѣтнимъ курсомъ, начиная его съ 10-лѣтняго возраста. При разумно составленной программѣ и понимающихъ свое дѣло преподавателяхъ, въ первыя шесть лѣтъ можно дать дѣвушкѣ солидное гуманитарное образованіе и достаточное умственное развитіе, выключивши изъ нынѣшней программы весь ненужный балластъ фактовъ, именъ и чиселъ, обращая главное вниманіе на сущность наукъ, на основы и духъ религіи, на общіе законы природы и органической жизни, на главные факты міровѣдѣнія и землевѣдѣнія, исторіи человѣческой культуры, мысли, искусства и литературы, развивая способности дѣвушки къ наблюденію и логическимъ выводамъ, и способность красиво и ясно излагать свои мысли и знанія. 7-й классъ, обязательный, долженъ быть посвященъ исключительно педагогикѣ, анатоміи, физіологіи, гигіенѣ и практикѣ одного изъ иностранныхъ языковъ, изучаемыхъ въ шести предшествующихъ классахъ. Засимъ среднее образованіе должно считаться законченнымъ и давать право на преподаваніе въ четырехъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній, т. е. гимназій, а также въ городскихъ и народныхъ училищахъ, въ которыхъ мѣста преподавателей слѣдуетъ давать предпочтительно

женщинамъ, какъ элементу, заранѣе предназначенному для педагогической дѣятельности и спеціально къ этой дѣятельности готовящемуся. При этомъ, не лишнее будетъ замѣтить, что во все время обученія въ гимназіи необходимо не только систематически вырабатывать изъ дѣвушекъ будущихъ учительницъ и воспитательницъ, но и неустанно внушать имъ чувство обязанности и любви къ предстоящей имъ серьезной и высокой дѣятельности.

Далѣе, для дѣвушекъ, окончившихъ указанные выше 7 классовъ гимназіи и желающихъ посвятить себя болѣе спеціальной педагогической дѣятельности, должны быть учреждены во всѣхъ городахъ, гдѣ есть гимназіи, двухлѣтніе педагогическіе курсы, посвященные спеціально: во-первыхъ, педагогикѣ съ ея вспомогательными науками, физіологіей, психологіей и логикой; во-вторыхъ, для каждой слушательницы—тому спеціальному предмету, который она намѣрена преподавать: т. е. одна группа слушаетъ курсъ новыхъ языковъ, другая—исторіи и географіи, третья—математики и физики, четвертая — русскаго языка и литературы. Успѣшное окончаніе этого двухлѣтняго курса педагогики и одного спеціальнаго предмета даетъ окончившей право: 1) на преподаваніе во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій и институтовъ; 2) право на поступленіе въ женскіе медицинскіе институты, которые должны были бы существовать во всѣхъ университетскихъ городахъ для подготовки нужнаго количества женщинъ-врачей, насущная потребность въ которыхъ для всѣхъ женскихъ учебныхъ и филантропическихъ заведеній, для всѣхъ женщинъ вообще,—городскихъ и деревенскихъ,—не подлежитъ теперь сомнѣнію и оспариванію, и уже признана, въ принципѣ, нашимъ правительствомъ.

Таковы, въ общихъ очертаніяхъ, характеръ и задачи женскаго образованія въ видахъ наибольшей пользы для настоящаго времени и наилучшаго примѣненія свободныхъ отъ семейныхъ заботъ женскихъ силъ и способностей. Ограничиваясь указаніемъ на эти общіе принципы и основные пункты вопроса, детальную разработку его мы предоставляемъ спеціалистамъ.

Н. Цакни.

Тучи.

На широкомъ морѣ,
Въ блещущемъ просторѣ,
Собирались тучи утренней порой;
Шли онѣ—катились,
Ярко серебрились
По лазури вольной, легкою грядой.

Въ сторoны, гдѣ люди,
Надрывая груди,
Въ потѣ засѣвали пашенъ гладь зерномъ,
Шли онѣ—бѣжали,
Вѣрный путь держали
Надъ землею алчной въ небѣ голубомъ,—

И несли съ собою
Утренней порою
Эти тучи влагу, рокотъ грома, тѣнь;
Нивамъ, какъ отраду,
Свѣжесть и прохладу
Щедро посылая въ душно-знойный день.

А въ краяхъ голодныхъ,
Сирыхъ и холодныхъ,
Пробуждала эта стая вольныхъ тучъ
Миръ и упованья,
Свѣтлыя желанья,
Людямъ посылая яркій счастья лучъ!..

И. Никулинъ.

КАЗЕННЫЙ РАВВИНАТЪ

и

СОВЕРШЕНІЕ ЕВРЕЙСКИХЪ ОБРЯДОВЪ.

I.

Вопросъ объ изданіи новыхъ законовъ о евреяхъ назрѣлъ уже давно и настойчиво требуетъ своего разрѣшенія. Поэтому не удивительно, что возникли слухи о внесеніи въ государственный совѣтъ проэкта новыхъ законовъ о евреяхъ. Говорятъ даже,—едва ли не упреждая событія,—что этотъ проэктъ будетъ разсмотрѣнъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Между тѣмъ, о немъ пока еще ничего неизвѣстно, и онъ не значится въ спискѣ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ государственномъ совѣтѣ на ближайшее время, а потому и не вызвалъ до сихъ поръ никакихъ сужденій въ печати. Тѣмъ не менѣе, эта предварительная разработка вопроса совершенно необходима. У насъ уже давно пришли къ убѣжденію, что разсмотрѣніе какого либо проэкта объ изданіи новыхъ законовъ приноситъ лишь громадную пользу; что появленіе проэктируемыхъ законовъ въ печати влечетъ за собою обсужденіе ихъ лицами, вполнѣ свѣдущими,—лицами, которымъ предстоитъ примѣнять ихъ на практикѣ. Кабинетные дѣятели, хотя бы и обладали большими теоретическими познаніями, нерѣдко мало знакомы съ дѣйствительными потребностями жизни, не посвящены въ ея тайны, а потому не могутъ предвидѣть всѣхъ ея запросовъ и потребностей при столкновеніи съ новымъ закономъ. Только при самомъ обширномъ участіи практиковъ, хорошо знакомыхъ съ насущными потребностями общественной дѣятельности, при всестороннемъ содѣйствіи лицъ, вращающихся въ той области общественной жизни, для которой проэктируются данныя правила,—возможно создать такіе новые законы, которые вполнѣ соотвѣтствовали бы жизненнымъ интересамъ, не противорѣчили бы вновь народившимся условіямъ общественной дѣятельности и не требовали бы, вслѣдъ за своимъ появленіемъ, цѣлаго ряда дополненій, примѣчаній и объясненій о примѣненіи ихъ. Такъ взглянули на дѣло составители новыхъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ. Благодаря этому, замѣчанія практиковъ принесли уже весьма существенную пользу, избавивъ наши уложенія отъ такихъ законовъ, которые, вслѣдъ за своимъ появленіемъ,

потребовали бы немедленной отмѣны ихъ. Между тѣмъ современные законы о евреяхъ составляютъ одну изъ самыхъ слабыхъ и неудачныхъ частей нашего обширнаго законодательства. И, дѣйствительно, эти законы не только не соотвѣтствуютъ жизненнымъ интересамъ, но даже противорѣчатъ имъ, являясь какимъ-то особымъ тормозомъ для правильнаго разрѣшенія «еврейскаго вопроса». Въ настоящей статьѣ мы не беремся указать всѣ недостатки современныхъ законовъ о евреяхъ, а скажемъ лишь нѣсколько общихъ словъ о той неурядицѣ, которая господствуетъ въ законахъ о евреяхъ, разсѣянныхъ по разнымъ томамъ нашего свода. Изслѣдователь, знакомясь съ этими законами, прежде всего поражается тѣми неустранимыми противорѣчіями, которыя такъ рѣзко отличаютъ ихъ отъ другихъ законовъ. Да и какъ не удивляться, если при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ними приходится безповоротно признать, что законы о состояніи евреевъ противорѣчатъ законоположеніямъ, изложеннымъ въ первой части десятаго тома свода законовъ, а эти послѣднія несогласны съ законами объ иностранныхъ вѣроисповѣданіяхъ, которые, въ свою очередь, совершенно опровергаются уложеніемъ о наказаніяхъ! И въ самомъ дѣлѣ, то, что̀ разрѣшается евреямъ, напр., нашими основными законами, противорѣчитъ законоположеніямъ объ управленіи духовныхъ дѣлъ; за то, что̀ евреи могутъ дѣлать на основаніи нашихъ гражданскихъ законовъ, они подвергаются наказаніямъ по законамъ уголовнымъ. Въ подтвержденіе этого, достаточно сказать, что евреи за точное исполненіе обрядовъ вѣры, исповѣданіе которой имъ разрѣшено нашими основными законами, подвергаются разнымъ наказаніямъ. Такая неурядица въ нашихъ законахъ о евреяхъ оправдывается развѣ только тѣмъ, что составители ихъ совершенно не знали еврейства, его нравовъ, обычаевъ и обрядовъ; такое рѣзкое противорѣчіе законовъ другъ другу объясняется нежеланіемъ редакторовъ однѣхъ частей свода свѣрить составляемые ими законы съ законоположеніями, разсѣянными по другимъ томамъ его. Въ доказательство укажемъ, напр., на слѣдующее упущеніе: хотя кагалы уничтожены еще въ 1844 г., но, судя по 1084 ст. XI т. св. зак., можно сказать, что они признаются нашимъ правительствомъ и до сихъ поръ. Такъ, въ приведенной статьѣ говорится, что раввинъ, при вступленіи въ должность, заключаетъ договоръ съ избравшимъ его *кагаломъ*. Если кагалы уничтожены, то какимъ образомъ они могутъ избирать раввиновъ и назначать имъ жалованье? Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что уничтоженные кагалы возстановлены подъ другими наименованіями, что *синагогальныя и школьныя правленія замѣнили собою кагалы?* Но если это и соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ не признаётся положительнымъ закономъ.

Незнаніе еврейства составителями законовъ о евреяхъ лучше всего доказывается законами объ общественныхъ раввинахъ и еврейскихъ обрядахъ. Эти законы крайне неудачны и особенно противорѣчивы. Очевидно, что такія противорѣчія въ однихъ и тѣхъ же законахъ о евреяхъ поселяютъ въ еврействѣ неуваженіе къ государственнымъ законамъ вообще, заставляютъ ихъ совершать цѣлый

рядъ преступленій ради исполненія того, что̀ имъ разрѣшается основными законами. Вотъ почему это крайнее противорѣчіе въ нашемъ законодательствѣ о евреяхъ, эта невообразимая неурядица заставляетъ насъ желать, чтобы въ обсужденіи проэктируемыхъ законовъ о евреяхъ приняли участіе, по возможности, всѣ лица, заинтересованныя еврейскимъ вопросомъ въ Россіи. Только при ихъ усердномъ участіи можно создать такіе законы, которые, съ одной стороны, охраняли бы нашъ народъ отъ всевозможныхъ жидовскихъ продѣлокъ, а съ другой—содѣйствуя нравственному возрожденію самихъ евреевъ, освободили бы ихъ отъ невыносимо тяжелаго гнета раввиновъ и кагаловъ, которымъ они, не имѣя силъ бороться, волей-неволей подчиняются, къ явному вреду даже для ихъ собственныхъ интересовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что даже самые совершенные законы не могутъ сразу переродить общество, но во всякомъ случаѣ они способствуютъ скорѣйшему развитію его. Вотъ почему и желательно, чтобы новые законы о евреяхъ содѣйствовали развитію истинно нравственныхъ началъ въ еврействѣ; чтобы они *оказали помощь и защиту тѣмъ евреямъ, которые захотѣли бы бороться съ раввинскимъ игомъ*, унаслѣдованнымъ отъ временъ безграничнаго фанатизма, глубокаго невѣжества и жестокосердія, запечатлѣвшихся въ Талмудѣ и Шулханъ-Арухѣ. Въ видахъ достиженія этой задачи, вполнѣ своевременно указать, на этотъ разъ, на ошибочность взгляда нашего законодательства на раввиновъ и еврейскіе обряды.

II.

Древняя Русь враждебно относилась къ еврейству. Великіе князья, за исключеніемъ корыстолюбиваго Святополка-Михаила, не пропускали евреевъ въ свои владѣнія, постоянно изгоняя самовольно поселившихся, а народъ подвергалъ ихъ поголовному избіенію. Также враждебно относились къ евреямъ и цари московскіе. Іоаннъ IV не хотѣлъ о нихъ и слышать, потому что «сіи люди—писалъ онъ польскому королю Сигизмунду-Августу—«привозили къ намъ только одну отраву душевную и тѣлесную», и «злословили Христа-Спасителя». Пользуясь вѣротерпимостью Петра I, евреи пріѣзжали въ Россію, занимались торговлею и даже брали на откупъ кабацкіе и таможенные сборы: съ кабаковъ и началась ихъ «культурная» дѣятельность въ Россіи. Императрица Екатерина I, указами отъ 14 марта и 26 апрѣля 1727 г., приказала сдѣлать съ евреями разсчетъ и «выслать ихъ изъ Россіи за рубежъ немедленно» [1]). Но и послѣ того евреи являлись въ Россію, занимались торговлею, содержаніемъ корчемъ и шинковъ, «отъ чего»—объявляетъ Елизавета Петровна—«не инаго какого плода, но токмо, яко отъ таковыхъ имени Христа Спасителя ненавистниковъ, нашимъ вѣрноподданнымъ крайняго вреда ожидать должно». Въ виду этого, 2 декабря 1742 г., она издаетъ указъ «о высылкѣ какъ изъ великороссійскихъ, такъ и изъ малороссійскихъ городовъ, селъ и деревень, всѣхъ жидовъ какого бы кто званія и достоинства ни былъ, со всѣмъ ихъ имѣніемъ за границу и о невпусканіи оныхъ на бу-

дущее время въ Россію, кромѣ желающихъ принять христіанскую вѣру греческаго исповѣданія» [2]). Когда же правительствующій сенатъ доложилъ императрицѣ Елизаветѣ о вредѣ этой мѣры для торговли, то она, 16 декабря 1743 г., положила на сенатскомъ докладѣ знаменитую резолюцію: «отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли» [3]). Вслѣдствіе этого, правительствующій сенатъ предписалъ немедленно выслать всѣхъ евреевъ изъ Россіи [4]).

Такъ могли относиться къ евреямъ правители русской земли, пока они появлялись въ нашемъ отечествѣ лишь «корыстолюбивыми и вредными пришельцами».

Наступилъ раздѣлъ Польши. Русское государство, вмѣстѣ съ новыми землями, получило и новыхъ подданныхъ. Понятно, что евреевъ, хотя и «зловредныхъ нехристей», нельзя было изгнать изъ давно насиженныхъ ими гнѣздъ, вышвырнуть ихъ «за рубежъ». Волей-неволей нашему правительству пришлось измѣнить свои отношенія къ потомкамъ Израиля. Въ этотъ знаменательный моментъ исторической жизни русскихъ евреевъ, на россійскомъ престолѣ сидѣла великая ученица французскихъ философовъ, Екатерина II. Подъ вліяніемъ высокихъ ученій своихъ достопамятныхъ учителей, императрица провозгласила свободу вѣроисповѣданій: «всякъ по званію и состоянію своимъ долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона (религіи) и народа». Этотъ же принципъ примѣненъ, повидимому, и къ евреямъ. Предоставивъ имъ право приписываться, наравнѣ съ другими подданными, въ мѣщанство и купечество, Екатерина II, 7 мая 1786 г., объявляетъ, что «поелику войдя они (евреи), по запискѣ ихъ въ купечество и въ мѣщанство, въ равное съ прочими состояніе, и платя въ казну равныя подати, также и нося прочія наравнѣ съ другими тягости, должны во всякомъ случаѣ защищены и удовлетворены быть наравнѣ съ прочими ея императорскаго величества подданными» [5]). Распредѣливъ евреевъ по кагаламъ [6]), объявивъ, что «исповѣданіе торгующихъ не долженствуетъ служить поводомъ ни къ какому различію, слѣдовательно, кто бы какого закона (т. е. религіи) ни былъ, ни больше, ни меньше установленнаго платить не обязанъ» [7]), предоставивъ евреямъ право служить въ магистратахъ, ратушахъ и городскихъ думахъ, Екатерина II подчиняетъ ихъ общимъ учрежденіямъ и уничтожаетъ спеціальные еврейскіе суды. Исключеніе составляютъ лишь дѣла «до еврейскаго духовенства и до обрядовъ по ихъ вѣрѣ касающіяся». По этого рода дѣламъ евреямъ предоставлено право судиться «на прежнемъ основаніи въ учрежденныхъ для сего уѣздныхъ и губернскихъ кагалахъ» [8]).

По «положенію для евреевъ» 1804 г., евреи признаются свободными и состоящими «подъ точнымъ покровительствомъ законовъ наравнѣ со всѣми другими россійскими подданными». Они имѣютъ право свободно исповѣдывать свою вѣру и для дѣлъ, до нихъ лишь относящихся, избирать въ каждомъ городѣ одного раввина и нѣсколько кагальныхъ. По дѣламъ же уголовнымъ и гражданскимъ они «имѣютъ вѣдаться судомъ и расправою въ обыкновенныхъ присутственныхъ мѣстахъ». Имъ предоставлено право открывать свои спеціальныя училища, но вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ помѣщать

своихъ дѣтей, наравнѣ съ другими, въ общія учебныя заведенія, гдѣ никто, ни подъ какимъ видомъ, не смѣетъ отвлекать ихъ отъ ихъ религіи или принуждать учиться тому, что̀ ей противно [9]).

«Положеніе о евреяхъ» 1835 г. предоставляетъ евреямъ право свободно «отправлять общественныя молитвы и богомоленіе»... никто не имѣетъ права препятствовать имъ въ томъ ни словомъ, ни дѣломъ. Объявивъ, что евреи подлежатъ общимъ законамъ, это «положеніе» признало возможнымъ предоставить имъ право избирать духовныя (синагогальныя и школьныя) правленія, кагалы и раввиновъ, вѣдѣнію которыхъ подчиняются спеціальныя еврейскія дѣла. «Дѣти евреевъ могутъ быть принимаемы и обучаемы, безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей, въ общихъ... училищахъ»; вступившія же въ училища «не принуждаются къ перемѣнѣ ихъ вѣры и не обязаны посѣщать тѣхъ уроковъ, въ коихъ преподается ученіе христіанскому закону» [10]).

19 декабря 1844 г. уничтожены кагалы и евреи подчиняются общему положенію [11]), а 18 мая 1848 г. при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждается особая «раввинская комисія». Эта комисія первоначально состояла изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ [12]), но потомъ, а именно 13 мая 1857 г., дабы придать ей болѣе значенія въ глазахъ евреевъ, число всѣхъ ея членовъ увеличено до семи [13]), «на томъ основаніи, что число это сообразовалось съ религіозными еврейскими установленіями [14]) и особенными религіозными мнѣніями» [15]). На эту комисію было возложено разсмотрѣніе и разрѣшеніе мнѣній и вопросовъ, относящихся къ правиламъ и обрядамъ еврейской вѣры и къ дѣйствіямъ раввиновъ.

Принципы положенія 1835 г., по интересующему насъ вопросу, почти буквально повторены сводомъ законовъ изданія 1857 г. И здѣсь говорится, что евреямъ предоставлено право свободно и открыто отправлять свои молитвы и богомоленія, и здѣсь объявляется, что поступившія въ христіанскія училища дѣти евреевъ не принуждаются къ перемѣнѣ вѣры, а по религіознымъ дѣламъ евреямъ дозволяется избирать духовныя правленія и раввиновъ [16]).

«Всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданные россійскаго государства»—объявляютъ наши основные законы — «пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной». «Свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностраннаго исповѣданія, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ» [17]).

Такимъ образомъ, XIX вѣкъ высоко поднялъ надъ нашимъ обширнымъ отечествомъ знамя, на которомъ крупными буквами начертано: «свобода вѣроисповѣданія». Но... такой смыслъ постановленій нашего законодательства получается лишь при бѣгломъ, поверхностномъ ихъ обзорѣ. При внимательномъ же чтеніи, легко убѣдиться, что религіозная свобода въ нашемъ государствѣ только призрачна, что она и до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, относительно евреевъ, поставлена въ тяжелыя условія религіозной нетерпимости. Не трудно доказать справедливость этого положенія.

III.

На первой ступени историческаго развитія общественной жизни народовъ замѣчается такое сильное преобладаніе религіозныхъ идей и цѣлей надъ всѣми другими интересами, что свѣтское законодательство безропотно подчиняется авторитету религіи, причемъ иногда вожди народа становятся во главѣ его духовенства и издаютъ законы строго религіознаго характера, за нарушеніе которыхъ подвергаютъ свѣтскимъ наказаніямъ. Въ этотъ отдаленный періодъ тѣснаго союза церкви и государства защитою свѣтской власти пользуется только государственная религія; принадлежащіе же къ другимъ религіознымъ культамъ признаются «врагами отечества» и подвергаются страшнымъ гоненіямъ. Съ развитіемъ государственной жизни появляется цѣлая масса интересовъ, чуждыхъ цѣлямъ религіи; человѣческая мысль освобождается изъ подъ безусловнаго гнета религіозныхъ идей. Развивающаяся общественная жизнь порождаетъ цѣлую массу задачъ, разрѣшеніе которыхъ иногда прямо разрушаетъ установленныя религіею правила. Свѣтская власть постепенно нарушаетъ свой тѣсный союзъ съ представителями религіи. Въ отношеніяхъ церкви и государства наступаетъ второй періодъ.

На этой ступени законодатель, объявивъ господствующею ту или другую религіозную форму, находитъ уже возможнымъ предоставить гражданскія права и послѣдователямъ другихъ исповѣданій. Онъ уже не признаётъ иновѣрцевъ «врагами отечества», позволяетъ имъ открыто исповѣдывать религію ихъ отцовъ и исполнять ея обряды, но зато оставляетъ за собою право опредѣлять ихъ положеніе въ государствѣ, ограничивать ихъ гражданскія права настолько, насколько ихъ религіозный культъ признается терпимымъ. Не преслѣдуя за принадлежность по рожденію къ той или къ другой религіи, государственная власть не предоставляетъ своимъ подданнымъ свободнаго выбора религіозныхъ убѣжденій, точно опредѣляя послѣдствія перемѣны религіозной формы, а за отпаденіе отъ государственной религіи подвергаетъ тяжкимъ наказаніямъ. Но, являясь защитницею господствующей религіи, она сама издаетъ постановленія, нарушающія ея догмы, возлагаетъ на духовенство обязанности чисто гражданскаго свойства, требуетъ его содѣйствія для охраны мѣръ, исполненіе которыхъ противорѣчитъ иногда ученію главенствующей церкви. Не удивительно, что при такихъ отношеніяхъ государства къ церкви интересы ихъ часто сталкиваются, тѣсный союзъ ихъ нарушается. Въ этотъ періодъ, въ западной Европѣ между представителями свѣтской власти и церкви возникаетъ ожесточенная борьба, результатомъ которой (въ Америкѣ преимущественно) является провозглашеніе принципа: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ». Въ этомъ фазисѣ законодательная власть, опредѣляя права и обязанности гражданъ, не обращаетъ вниманія на ихъ вѣроисповѣданіе, предоставляя имъ свободный выборъ той или другой религіозной формы по ихъ внутреннему убѣжденію.

По отношенію къ евреямъ, русское законодательство не стоитъ даже на второй ступени историческаго развитія въ отношеніяхъ государства къ церкви. Либеральная ученица Дидро и Вольтера, Екатерина II, такъ много говорившая о вѣротерпимости, не соглашаетсяисъ правительствующимъ сенатомъ,—единогласно признавшимъ пользу допущенія евреевъ въ Россію,—чтобы не раздражить духовенства и религіозныхъ чувствъ народа [18]). Въ виду этого, она разрѣшаетъ селиться въ Россіи «иностранцамъ разныхъ націй», кромѣ жидовъ [19]). Провозгласивъ, что «всякъ по званію и состоянію своимъ долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона (вѣры) и націи» [20]), она, позволивъ евреямъ заниматься «мѣщанскими и купеческими промыслами», предписываетъ взыскивать съ нихъ за это подати «вдвое противъ положенныхъ съ мѣщанъ и купцовъ христіанскаго закона разныхъ исповѣданій» [21]); съ насмѣшкою отзывается о «собраніи жидовъ, голосящихъ въ синагогѣ» [22]). Русское законодательство признаётъ еврейскую религію «лжеученіемъ» и «суевѣріемъ», но наказываетъ за переходъ отъ какой либо нехристіанской вѣры въ іудейство не какъ за преступленіе противъ вѣры, а какъ за «нарушеніе установленнаго порядка» [23]); въ несоблюденіи субботы, употребленіи трефнаго законъ видитъ лишь поступки, противные суевѣрію евреевъ [24]). Попустившій евреевъ совершать публичное или общественное ихъ богомоленіе въ своемъ домѣ или заведеніи, безъ дозволенія на то отъ губернскаго начальства, наказывался [25]) и, по мнѣнію правительствующаго сената [26]) и нашихъ лучшихъ криминалистовъ (напр., Неклюдова) [27]), наказывается, какъ за «безчинство и безпорядки». Лишь въ послѣднее время появляется законъ, который свидѣтельствуетъ, что наше правительство, по крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, измѣняетъ свой взглядъ на іудаизмъ и выдѣляетъ этотъ проступокъ изъ ряда «безчинствъ и безпорядковъ» [28]).

Въ наши дни русская государственная власть смотритъ на еврейство, какъ на стоящую въ сторонѣ отъ всего остальнаго міра, тѣсно сплоченную и крѣпко замкнутую религіозную общину» [29]), члены которой «подлежатъ общимъ законамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ не постановлено особыхъ о нихъ правилъ» [30]). При тщательномъ же изученіи всей массы этихъ правилъ, вызванныхъ недовѣріемъ законодателя къ Израилю, какъ къ народу со своеобразными религіозными воззрѣніями, съ извѣстными, вредными экономическими принципами и противогосударственными убѣжденіями,—приходится заключить, что русскіе евреи не могутъ быть признаны ни *гражданами* (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) россійской имперіи, ни *иностранцами*. Но для настоящей статьи не интересно соціальное положеніе русскихъ евреевъ, а потому мы и не станемъ разсматривать его. Имѣя въ виду лишь отношеніе государства къ евреямъ, какъ къ членамъ опредѣленной религіозной общины, мы видимъ, что законодатель предоставляетъ раввинистамъ свободно исповѣдывать религію ихъ отцовъ, открыто и безбоязненно отправлять свои общественныя молитвы и богомоленія. «Никто не имѣетъ права»—говоритъ законъ—«препятствовать имъ въ томъ ни словомъ, ни дѣломъ». Но, признавая іудаизмъ «лжеученіемъ»,

государственная власть считаетъ своею обязанностью обращать евреевъ въ христіанство, для чего, съ одной стороны, покровительствуетъ ренегатамъ, а съ другой—все болѣе и болѣе стѣсняетъ ихъ права разными мѣрами, какъ напримѣръ, запрещаетъ носить еврейскіе пейсы и платье, брить головы замужнимъ еврейкамъ—носить ермолки и т. п. [31]). Не останавливаясь на этомъ административно-полицейскомъ спасеніи еврейскихъ душъ, обратимся прямо къ вторженію государственной власти въ сферу религіозной жизни евреевъ.

Объявивъ, что евреи имѣютъ право свободно исповѣдывать свою религію, законодатель замѣчаетъ, что они сами непосредственно, безъ участія какихъ либо точно установленныхъ властей, обрѣзаютъ своихъ младенцевъ, заключаютъ браки, хоронятъ своихъ покойниковъ. Усвоивши мысль, что у всѣхъ народовъ въ совершеніи этихъ важнѣйшихъ для общества обрядовъ принимаютъ участіе представители церкви, государственная власть заключаетъ, что въ еврействѣ, даже при совершеніи важнѣйшихъ въ жизни обрядовъ, господствуетъ какая-то анархія, при существованіи которой обрѣзаніе, бракосочетаніе, разводъ и погребеніе совершаетъ всякій, по своему желанію и усмотрѣнію. Понятно, что современное государство не можетъ признать полной свободы въ исполненіи такихъ религіозныхъ обрядовъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣютъ значеніе и важнѣйшихъ гражданскихъ актовъ, какъ-то: удостовѣреніе рожденій и смертей и т. п. Въ виду этого, государственная власть признаётъ за собою полное право вмѣшиваться въ отправленіе этихъ духовныхъ обрядовъ и, въ отношеніи къ еврейству, хочетъ регулировать ихъ своимъ авторитетомъ. Рѣшившись на это, она, не ознакомившись точно съ іудаизмомъ, какъ съ религіозною формою, издаетъ для евреевъ цѣлый рядъ законоположеній, неисполненіе которыхъ влечетъ за собою разныя карательныя мѣры.

Полагая, что обрѣзаніе, бракосочетаніе, разводъ и погребеніе составляютъ важнѣйшіе «духовные» обряды евреевъ, государственная власть, провозгласивъ принципъ вѣротерпимости, предоставляетъ въ то же время совершеніе ихъ исключительно еврейскому духовенству, отъ представителей котораго, въ свою очередь, требуетъ лишь содѣйствія къ достиженію своихъ свѣтскихъ, ничего общаго съ религіею не имѣющихъ, интересовъ. Такимъ еврейскимъ духовенствомъ русское законодательство признало раввиновъ. Это ошибочное воззрѣніе легло краеугольнымъ камнемъ всѣхъ его заблужденій, которыя, съ одной стороны, напрасно лишь стѣснили провозглашенную имъ религіозную свободу, а съ другой—принесли больше вреда ему, чѣмъ самому еврейству.

IV.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ объ еврейскихъ духовенствѣ и раввинатѣ.

Въ 1833 году министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, финансовъ и юстиціи, при поступленіи на ихъ разсмотрѣніе проэкта положенія о евреяхъ, изданнаго потомъ въ 1835 г., высказали, между прочимъ, слѣдующее соображеніе: «какъ евреи не

имѣютъ ни общества (класса) духовенства, ни обрядовъ богослуженія,—принимая то и другое въ значеніи, какое придается имъ въ христіанскомъ мірѣ,—потому было признано необходимымъ избѣгать слишкомъ опредѣлительныхъ для нихъ постановленій» [32]).

Въ «уставѣ о производствѣ девятой народной переписи», утвержденномъ 11 января 1850 г., между прочимъ, сказано: «Еврейская вѣра не имѣетъ особеннаго духовнаго сословія и потому лица сего рода, кромѣ караимовъ, подлежатъ ревизіи на общемъ основаніи» [33]) что̀ повторено и уставомъ о производствѣ десятой народной переписи [34]), произведенной по повелѣнію императора Александра II отъ 26 августа 1856 г. [35]). Такимъ образомъ, наше правительство полагаетъ, что у евреевъ вовсе нѣтъ духовенства въ христіанскомъ смыслѣ этого слова,—духовенства, какъ особаго сословія съ исключительными правами и преимуществами, съ особеннымъ положеніемъ въ гражданскомъ обществѣ. И эту ошибочную мысль правительства нѣкоторые еврейскіе писатели, какъ напр., г. Оршанскій [36]), ради своеобразныхъ цѣлей, находятъ вполнѣ вѣрною, съ чѣмъ, однако, согласиться невозможно.

Всякій религіозный культъ имѣетъ своихъ жрецовъ, свое духовенство, составляющее необходимый элементъ общественнаго строя. Понятно, что и еврейство имѣло и имѣетъ свое духовенство, представители котораго пользуются особыми правами и преимуществами, занимаютъ въ гражданскомъ обществѣ точно опредѣленное еврейскими законами положеніе. Духовенство это—когены и левиты, существующіе и до сихъ поръ, и признаваемые еврействомъ нашихъ дней. Законы Моисея точно и строго опредѣлили права и обязанности духовныхъ лицъ евреевъ. Когены и левиты и во время существованія храма всецѣло посвящали себя богослуженію и занимались лишь тѣмъ, что̀ непосредственно относилось къ храмовой службѣ. Внѣ храма они, пользуясь извѣстными преимуществами, не имѣли, какъ священнослужители, вліяющаго значенія въ жизни еврейства. Обряды обрѣзанія, бракосочетанія и погребенія совершались безъ ихъ участія. Съ разрушеніемъ храма, съ замѣною храмоваго, жертвеннаго богослуженія молитвеннымъ богомоленіемъ, когены и левиты хотя и сохранили за собою права и обязанности духовныхъ лицъ еврейства, но въ отправленіи богомоленія участвовали наравнѣ съ мірянами. Исключеніе составляетъ лишь завѣщанное библіею благословеніе народа ааронидами-когенами, при содѣйствіи левитовъ. Это «воздѣваніе рукъ»—благословеніе когеновъ—(бирхотъ-когенимъ) совершается и въ наше время въ большіе праздники, послѣ Мусафа [37]), и принимается народомъ съ величайшимъ благоговѣніемъ [38]). Въ синагогѣ и молитвенной школѣ, во время богомоленія, когены и левиты пользуются лишь нѣкоторыми преимуществами: напр., въ ихъ присутствіи, хотя бы они были нищіе и неучи, даже талмудическая и финансовая знать уступаетъ имъ мѣсто и получаетъ менѣе почетныя аліи [39]).

Но объ этихъ священнослужителяхъ даже въ еврействѣ говорятъ очень рѣдко и мало, а христіанскому міру они почти неизвѣстны. Вѣроятно, многіе даже удивятся, что когены и левиты существуютъ и въ наши дни. Но зато всѣ христіане знаютъ еврей-

скихъ раввиновъ, столь сильно вліявшихъ на историческія судьбы Израиля и пользующихся большимъ уваженіемъ современныхъ евреевъ. Не удивительно поэтому, что христіанское общество приняло этихъ раввиновъ, конечно, совершенно ошибочно, за еврейскихъ священнослужителей, а правительство, считая необходимымъ и существеннымъ элементомъ правильно организованное духовенство и не находя его у евреевъ, сочло своею обязанностью придать извѣстную организацію раввинату, — этому, по его мнѣнію, еврейскому духовенству.

Ошибочность этого взгляда доказывается происхожденіемъ раввината, его положеніемъ въ еврействѣ, лежащими на его представителяхъ обязанностями и ихъ правами. Халдейское слово: «рабби», передѣланное русскими въ раввинъ (равви), значитъ: господинъ, начальникъ, владыка. Въ ветхозавѣтныхъ книгахъ этотъ титулъ впервые упоминается въ книгѣ пророка Іереміи, при имени Навузардана, начальника тѣлохранителей царя Навуходоносора [40]). Послѣ вавилонскаго плѣна, евреи стали называть раввинами представителей разныхъ своихъ свѣтскихъ учрежденій, но преимущественно ученыхъ толкователей моисеевыхъ законовъ, почему слово «рабби» получило еще новое значеніе:—учитель [41]). Когда же властью надъ еврейскою общиною завладѣлъ классъ ученыхъ, титулъ «рабби» сталъ означать правителей еврейскихъ. Изъ раввиновъ выбирались предсѣдатели и члены административныхъ учрежденій и судебныхъ установленій [42]). Когда же кагалы и бетъ-дины (бетъ-динъ—домъ суда) всецѣло завладѣли личностью и имуществомъ еврея, раввины стали полновластными правителями евреевъ, ихъ законодателями и судьями. «Рабонанъ — микре малке» (раввины — это наши цари) стали говорить евреи, и къ титулу выдающихся раввиновъ присоединили титулъ—мелехъ (царь) [43]), нази (князь).

Понятно, что раввины пользовались громаднымъ почетомъ у евреевъ, которые обязаны были вставать даже тогда, когда лишь издали замѣтятъ уши осла, принадлежащаго раввину [44]). Чтобы поддержать свою власть и значеніе, раввины создали особое ученіе, на основаніи котораго они являются какими-то *всесильными и всемогущими полубогами*, требующими безусловнаго подчиненія. Чтобы доказать все значеніе раввиновъ для евреевъ, приведемъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ талмудическихъ книгъ. Евреи, по ученію талмудистовъ, обязаны бояться раввиновъ, какъ самого Шаддая, этого соферическаго бога, ничего общаго съ моисеевымъ Іеговою не имѣющаго [45]). Оскорбляющій раввиновъ или даже дурно думающій о нихъ совершаетъ преступленіе равное «хиллуль-гашемъ», оскорбленію имени Бога [46]) и заболѣваетъ злокачественною лихорадкою [47]). Послѣ разрушенія іерусалимскаго храма, способность пророчествовать перешла отъ пророковъ къ раввинамъ [48]), которые стали такъ святы, что тотъ, кто заставилъ бы ихъ работать на себя, долженъ немедленно умереть [49]). Нѣкоторые талмудисты утверждали, что раввины даже святѣе ангеловъ [50]), а р. Іохананъ заявилъ, что «всѣ раввины будутъ богами»... [51]) Вслѣдствіе этого, евреи ставятъ раввиновъ выше даже Моисея съ 600,000 евреевъ, причемъ, въ подтвержденіе справедливости этого, разсказываютъ, что когда р. Пин-

хасъ хотѣлъ перейти одну рѣку, то воды ея раздѣлились три раза: одинъ разъ для него самого и два раза для сопровождавшихъ его; между тѣмъ воды Чермнаго моря раздѣлились для Моисея и бывшихъ съ нимъ всего одинъ разъ [52]). Поэтому, если Шаддай самъ лично похоронилъ Моисея [53]),—послѣ чего онъ долженъ былъ очиститься въ огненномъ озерѣ [54]),—то зато, когда умираетъ раввинъ, онъ каждый разъ огорчается такъ, какъ былъ огорченъ разрушеніемъ Соломонова храма [55]). Вѣроятно, вслѣдствіе этого, небожители такъ заботливо и охраняютъ раввиновъ. Однажды р. Саддукъ, въ пьяномъ видѣ, бросился съ крыши. Пророкъ Элоа (Илія), находившійся отъ мѣста паденія въ 400 часахъ пути, поспѣшилъ къ нему такъ быстро, что успѣлъ подхватить его [56]). Но не только ангелы являются къ услугамъ раввиновъ; сами дьяволы безусловно повинуются и хорошо служатъ имъ. У многихъ раввиновъ дьяволы были слугами и работниками [57]), которыми они распоряжались, какъ рабами, приказывая имъ вселяться въ людей и вновь изгоняя ихъ [58]). Вслѣдствіе этой власти раввиновъ надъ дьяволами, проклятіе ихъ, даже ничѣмъ не вызванное, какъ утверждаетъ р. Іегуда, непремѣнно исполняется [59]). Но зато и благословеніе раввиновъ имѣетъ весьма важное значеніе. *Даже самъ Шаддай бываетъ благодаренъ раввину, если тотъ благословитъ его* [60]). Все, что раввины постановляютъ на землѣ, является закономъ для Шаддая [61]), который, ежедневно изучая талмудъ [62]) и встрѣчая какое нибудь недоразумѣніе въ пониманіи его, посылаетъ своихъ ангеловъ на землю испрашивать совѣта и разъясненія у раввиновъ [63]). Но всего этого раввинамъ мало. Рабба Аббугу заявилъ, что *раввины обладаютъ монаршею властью надъ Шаддаемъ; что они захотятъ, то онъ обязанъ исполнить* [64]); *р. Ханина, по ученію трактата «Хуллинъ», даже выше Шаддая!* [65]).

Мы не станемъ разсматривать здѣсь вопроса: насколько потомки Израиля придерживаются теперь этого ученія о значеніи и власти раввиновъ, и скажемъ лишь, что, въ виду такихъ взглядовъ на раввинатъ, всѣ современные евреи глубоко убѣждены, что законы, изданные раввинами: «Мишна» и «Гемара», изъ соединенія которыхъ и составился «Талмудъ», стоятъ несравненно выше законовъ Моисея [66]). Мы не можемъ долго останавливаться на этомъ положеніи и замѣтимъ лишь, что «тотъ, кто издѣвается надъ словами раввиновъ, будетъ сваренъ въ кипящемъ калѣ» [67]) т. е. подвергнется одному изъ самыхъ тяжкихъ наказаній, придуманныхъ изувѣрствомъ раввиновъ. Чтобы придать еще больше значенія своимъ словамъ, раввины заявили, что талмудъ созданъ за 974 поколѣнія до сотворенія міра [68]) и переданъ потомъ евреямъ чрезъ Моисея, пророковъ и раввиновъ [69]). Этому учили не только древніе раввины, но и позднѣйшіе ученые, какъ напр. Мовше бенъ-Маймонъ (извѣстный въ христіанскомъ мірѣ подъ именемъ Маймонида [70]); не только жившіе въ началѣ этого вѣка, напр., р. Гиршъ [71]), но и благополучно проживающіе нынѣ, какъ-то: оберъ-раввинъ Гильдесгеймеръ, д-ръ Экерсъ и др.

Крайняя обширность талмуда, съ одной стороны, и безусловная обязательность его законоположеній — съ другой побудили выдаю-

щихся раввиновъ создать сборникъ, въ которомъ, въ краткихъ, но ясныхъ положеніяхъ, заключалось бы все, сказанное талмудомъ. Съ этою цѣлью Маймонидъ (извѣстный въ еврействѣ подъ именемъ Рамбама) издалъ въ 1169 г. «Мишне-тора» (т. е. повтореніе закона) или «Іадъ-хазака» (т. е. крѣпкая рука). Въ 1321 г. Яакобъ бенъ-Ашеръ изъ Толедо написалъ свои «Арба'а-туримъ» (четыре ряда), а въ 1565 г. появился пресловутый «Шулханъ-Арухъ» (Накрытый столъ) р. Іосэфа Каро изъ г. Сафета. Этотъ трудъ Каро, получившій на востокѣ безусловно авторитетное значеніе, былъ принятъ, въ изданіи и съ примѣчаніями Моисея Иссерлеса, раввина изъ Кракова, и западными евреями.

Все сказанное раввинами считается безусловною, для всѣхъ обязательною истиною. Усомнившійся въ этой истинѣ подвергается отлученію. Въ подтвержденіе этого, укажемъ два примѣра изъ раввинской практики, раздѣляющіеся цѣлыми вѣками: одинъ молодой раввинскій ученикъ принялъ разсказъ своего учителя о томъ, что на томъ свѣтѣ Сара ищетъ въ головѣ Абрагама, за аллегорію, за что, по общему и единодушному приговору, подвергся отлученію [73]). Въ наши дни редакторъ еврейской газеты «Hacfiracl» г. Слонимскій вздумалъ доказывать, что въ талмудѣ находится масса изреченій, не имѣющихъ обязательной силы, и за эту дерзость правовѣрные евреи подвергли его также отлученію [74]).

Эти-то раввины всецѣло завладѣли еврействомъ. Они стали его законодателями, администраторами и судьями, но *никогда не были его священнослужителями*. Понятно, что и когены и левиты, наравнѣ со всѣми другими евреями, могли достигнуть высокаго титула раввина. И еврейское священство выдвигало изъ своей среды великихъ мужей, которые, благодаря своимъ качествамъ, становились во главѣ народа и были его дѣйствительными духовными вождями. Укажемъ, напримѣръ, на современника Артаксерса, Эздру, сына Сераіи, своимъ могучимъ геніемъ создавшаго для еврейства такой строй, который никто не въ силахъ разрушить. Но за такимъ весьма рѣдкимъ исключеніемъ, во главѣ политической и гражданской жизни народа всегда стояли раввины. И все же тѣ изъ нихъ, которые не принадлежали къ когенамъ и левитамъ, не были и не могли быть священнослужителями евреевъ, не могли касаться храмовой службы, а съ разрушеніемъ храма совершать «бирхотъ-когенимъ». На нихъ лежали лишь тѣ обязанности, которыя они должны были исполнять по роду своей служебной дѣятельности, смотря по тому—состояли ли они членами законодательныхъ и административныхъ учрежденій, являлись ли предсѣдателями и членами судовъ, или же, наконецъ, предавались исключительному изученію Торы (Пятикнижія). На раввинахъ же, не занимавшихъ какихъ либо должностей, не лежало никакихъ обязанностей; они, наравнѣ со всѣми евреями, могли заниматься всѣмъ, что не запрещалось законами іудаизма. Между знаменитыми раввинами были даже такіе, которые занимались ростовщичествомъ, не говоря уже о томъ, что многіе изъ нихъ вели обширныя торговыя дѣла.

Изъ приведенныхъ строкъ видно, что *раввины никогда не признавались еврействомъ духовными лицами, что раввины—міряне*,

которые лишь въ силу своего авторитета могли признаваться духовными вождями своего народа.

V.

Съ теченіемъ времени, титулъ «рабби» получилъ еще другое значеніе. Въ наши дни всѣ талмудическіе ученые величаютъ себя раввинами, но въ дѣйствительности далеко не всѣ изъ нихъ обладаютъ этимъ титуломъ. Всякій еврей изъ уваженія къ своему ближнему титулуетъ его «рабби». «Рабби Шмуэль-Беръ»! «рабби Мошэ»! можно услышать на каждомъ шагу между евреями, но въ этомъ случаѣ «рабби» при собственномъ имени значитъ просто «господинъ». Понятно, что всѣ эти рабби Лейбы и Ицки—не тѣ раввины, о которыхъ идетъ рѣчь. Мы говоримъ только о тѣхъ раввинахъ, которые получили это званіе чрезъ рукоположеніе всѣми признанныхъ и извѣстныхъ раввиновъ. Одни изъ этихъ раввиновъ всецѣло посвятили себя изученію талмуда, отличаются строгимъ исполненіемъ всѣхъ еврейскихъ обрядностей, удаляются отъ всѣхъ дѣлъ за исключеніемъ торговли; другіе же избираются въ разныя еврейскія учрежденія, существующія, хотя и не офиціально, и въ наше время. Это тѣ «раввины», о которыхъ евреи, при своихъ сношеніяхъ съ иновѣрцами и ихъ правительствомъ, говорятъ, какъ о духовныхъ лицахъ еврейства, будто бы разсматривающихъ и разрѣшающихъ исключительно религіозные вопросы. Изъ этихъ раввиновъ избираются члены кагала, тувы и роши города, предсѣдатели и члены судовъ и разныхъ другихъ еврейскихъ учрежденій, въ составъ которыхъ выбираются и представители финансовой и талмудической знати, не имѣющіе даже титула «рабби». Но евреи, чтобы скрыть предъ христіанами ихъ дѣйствительное значеніе, называютъ ихъ «духовными раввинами», разрѣшающими будто бы лишь религіозные вопросы. Но мы уже видѣли, что раввины—это лица свѣтскія, а не духовныя, а потому сказать: «духовный раввинъ»—все равно, что̀ говорить о «штатскихъ офицерахъ» или о «конной пѣхотѣ». Точно также невѣрно и опредѣленіе ихъ обязанностей кру̀гомъ религіозныхъ, съ христіанской точки зрѣнія, вопросовъ. По мнѣнію раввинистовъ, какъ мы видѣли, талмудъ созданъ до сотворенія міра и переданъ еврейству чрезъ «рабби Мошэ» (Моисея) и раввиновъ, а потому, съ этой точки зрѣнія, евреи считаютъ всѣ свои законы—законами божественными, религіозными. Конечно, если смотрѣть такъ на вещи, то раввины дѣйствительно разрѣшаютъ лишь религіозные вопросы. Но практическій смыслъ самихъ евреевъ подсказалъ имъ, что всѣ эти законы раздѣляются на политическіе, уголовные, гражданскіе и другіе, ничего общаго съ религіею не имѣющіе, а также религіозные въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Соотвѣтственно этимъ законамъ, и должностныя лица еврейства раздѣляются: на священнослужителей, законодателей, администраторовъ, судей и ученыхъ.

Въ настоящее время, титулъ «духовный раввинъ» присвоивается исключительно абъ-бетъ-дину и море-героэ, и преимущественно первому изъ нихъ. Кто же они? въ чемъ состоятъ ихъ обязанности?

Абъ-бетъ-динъ (нѣкоторые неправильно говорятъ: рошъ-бетъ-динъ) это—предсѣдатель бетъ дина, еврейскаго суда. Избирается онъ «асифою», т. е. собраніемъ всѣхъ полноправныхъ «морейне» (почетныхъ лицъ) данной общины. Бетъ-динъ, предсѣдателемъ котораго онъ состоитъ, это правильно организованный судъ для разрѣшенія дѣлъ, возникающихъ изъ чисто правовыхъ, гражданскихъ отношеній между евреями. Къ компетенціи бетъ-дина принадлежатъ: рѣшеніе гражданскихъ и нѣкоторыхъ маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ, санкція нѣкоторыхъ постановленій кагала, составленіе брачныхъ и разводныхъ актовъ (какъ-то: кетуба, хуцезухоръ, шулемзухоръ и гетъ) и аттестація шахетовъ (еврейскихъ рѣзниковъ). Изъ этого перечня видно, что бетъ-динъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его предсѣдатель, совершенно не касаются религіозныхъ дѣлъ. Но евреи, чтобы скрыть ихъ дѣйствительное значеніе, называютъ бетъ-дин'ы своими полюбовными и духовными судами, чтобы этими эпитетами защитить ихъ отъ вмѣшательства иновѣрческой власти въ свои дѣла. Насколько бетъ-динъ является полюбовнымъ судомъ, видно уже изъ того, что еврей, не явившійся по вызову въ бетъ-динъ, подвергается проклятію, имущество его объявляется «гефкеръ» (т. е. имуществомъ, которымъ всякій можетъ завладѣть; таковымъ же считается и имущество всякаго христіанина), а иногда, «смотря по требованію обстоятельствъ», ослушникъ «уничтожается» [75]). Изъ компетенціи же бетъ-дина видно, что онъ—столько же духовный судъ, сколько таковыми являются наши окружные суды и мировые судьи, а отсюда ясно, что и абъ-бетъ-динъ не можетъ считаться «духовнымъ судьей», «духовнымъ раввиномъ». И, дѣйствительно, вопросы о кошерѣ и трефѣ, о миквѣ (купальня для омовенія женщинъ) и другіе подобные вопросы религіознаго характера не подлежатъ вѣдѣнію абъ-бетъ-дина. Эти вопросы разрѣшаетъ море-героэ (также «море-цадекъ», сокращенное: «мацъ», т. е. праведный учитель), который избирается изъ ученѣйшихъ раввиновъ, хорошо знающихъ талмудъ и всю его казуистику. Если община бѣдна и не можетъ содержать особаго море-героэ, то должность его исправляетъ абъ-бетъ-динъ и разрѣшаетъ подлежащіе его вѣдѣнію вопросы, но не какъ предсѣдатель суда, а въ качествѣ частнаго,—«ученаго», въ еврейскомъ смыслѣ,—лица. Такимъ образомъ, и этотъ море-героэ, хотя и называется «духовнымъ раввиномъ», не можетъ считаться, и евреями не считается священнослужителемъ.

Можетъ быть, евреи называютъ—абъ-бетъ-диновъ и море-героэ «духовными» раввинами, чтобы отличить лишь своихъ излюбленныхъ людей, своихъ избранныхъ руководителей и вождей отъ навязанныхъ имъ «духовныхъ чиновниковъ», «общественныхъ раввиновъ», носящихъ ироническую кличку: «казенный раввинъ», а не съ цѣлью скрыть отъ русскаго правительства ихъ дѣйствительное значеніе. Но та или другая причина побудила евреевъ прибавить къ титулу «раввинъ»—ничего общаго съ нимъ не имѣющій—эпитетъ: «духовный»—для насъ безразлично, а потому мы не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ и доказывать, что предпочтеніе нужно отдать первой изъ этихъ причинъ. Такъ или иначе, но мало знакомые съ еврействомъ христіане, зная, что у евреевъ

существуютъ «раввины» и что евреи считаютъ ихъ «духовными» лицами, признаютъ ихъ еврейскими священниками, считаютъ раввинатъ—духовенствомъ Израиля. Этотъ взглядъ проникъ и въ литературу, причемъ одни писатели, какъ напр., Карновичъ [76]), вводятъ своихъ читателей въ заблужденіе по незнанію еврейства; другіе же, какъ напр., Оршанскій [77]), умышленно скрываютъ дѣйствительное значеніе раввината и выдаютъ его за духовенство, настойчиво требуя предоставленія ему тѣхъ правъ, которыми пользуются священнослужители другихъ исповѣданій. Но сами евреи никогда не считали и не считаютъ раввиновъ своимъ духовенствомъ, почему и попытки раввинскихъ съѣздовъ въ Брауншвейгѣ, Касселѣ и Берлинѣ подчинить дѣла еврейской вѣры особой раввинской іерархіи потерпѣли неудачу [78]).

Христіанскій же міръ всегда считалъ раввинатъ — еврейскимъ духовенствомъ, а христіанскіе правители, раздѣляя этотъ взглядъ, пытались воспользоваться духовнымъ авторитетомъ раввиновъ для достиженія своихъ цѣлей и, офиціально признавая ихъ духовными лицами, возлагали на нихъ обязанности, ничего общаго съ религіею не имѣющія. Такъ поступали правительства Франціи и Германіи, Польши и Литвы; съ этою же цѣлью прибѣгло къ содѣйствію раввиновъ и русское правительство [79]).

VI.

Съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ польскихъ провинцій къ Россіи, Екатерина II, распредѣливъ евреевъ по кагаламъ [80]), говоритъ, что кагалы «не должны касаться ни до какихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона (т. е. религіи) и богослуженія» евреевъ [81]). Тотъ же взглядъ высказанъ и при Павлѣ I, въ докладѣ правительствующаго сената отъ 14 марта 1799 г. [82]); но уже утвержденное, 9 декабря 1804 г., Александромъ I «положеніе для евреевъ» измѣнило этотъ взглядъ на кагалъ. По VI раздѣлу его, «кагалы должны наблюдать, чтобы казенные сборы... были исправно и бездоимочно вносимы», а обязанность надзирать за обрядами вѣры и судить всѣ споры, относящіеся до религіи, возложена V раздѣломъ его на раввиновъ, избираемыхъ самими евреями [83]). То же раздѣленіе обязанностей между кагалами и раввинами проведено и въ «положеніи о евреяхъ» 1835 г. Кагалы, кромѣ наблюденія за бездоимочнымъ и своевременнымъ сборомъ податей, были обязаны наблюдать за тѣмъ, чтобы «предписанія начальствъ, собственно къ сословію мѣстныхъ жителей изъ евреевъ принадлежащія, были исполняемы въ точности» [84]). Раввины же признаются «блюстителями и толкователями еврейскаго закона», избираются евреями на три года изъ ученыхъ и почетныхъ ихъ единовѣрцевъ, и утверждаются въ должности губернскимъ начальствомъ. Въ каждомъ городѣ общество избираетъ одного раввина, который обязанъ: 1) «Наблюдать, чтобы въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры были сохраняемы установленныя правила, объяснять евреямъ законъ ихъ и разрѣшать встрѣчающіяся въ оном недоумѣнія; вразумлять ихъ въ истинномъ смыслѣ закона, но не употреблять при семъ другихъ

средствъ, кромѣ убѣжденія и увѣщаній. 2) Направлять евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ. 3) Совершать исключительно по всему его вѣдомству обрядъ обрѣзанія и нареченія именъ, бракосочетанія, расторженія браковъ и погребенія. 4) Вести по всему его вѣдомству метрическія книги и представлять ежегодно выписки изъ оныхъ губернскому начальству на еврейскомъ и россійскомъ языкѣ» [85]). Высочайше утвержденнымъ, 19 декабря 1844 г., положеніемъ, кагалы и прикагалки уничтожены, а евреямъ предоставлено право избирать «изъ благонадежнѣйшихъ людей своего сословія «сборщиковъ податей» на содержаніе разныхъ еврейскихъ общественныхъ богоугодныхъ и служебныхъ предметовъ [86]). XI томъ св. зак., изд. 1857 г., оставилъ на раввинахъ тѣ же обязанности, присоединивъ къ нимъ лишь участіе въ составленіи ревизскихъ сказокъ о евреяхъ [87]).

Учреждая должность раввина, положеніе 1804 г. предоставляетъ евреямъ право избирать его изъ среды единовѣрцевъ, безо всякаго ограниченія, и заявляетъ лишь, что съ 1812 г. раввиномъ не можетъ быть избранъ еврей, не знающій русскаго, польскаго или нѣмецкаго языка [88]). Уже это требованіе закона считалось евреями посягательствомъ на свободу вѣроисповѣданія, хотя и въ то время почти всѣ евреи знали одинъ изъ указанныхъ языковъ. Положеніе 1835 г. говоритъ, что раввины избираются изъ среды «ученыхъ и почетныхъ евреевъ» [89]). Здѣсь разумѣются «ученые» и «почетные» съ точки зрѣнія самихъ евреевъ. И, дѣйствительно, евреи избираютъ своихъ раввиновъ изъ стариковъ, посвятившихъ всю свою жизнь изученію талмуда и никогда не выходившихъ изъ узкой сферы еврейской жизни,—изъ стариковъ, прославившихся набожностью и ученостью, конечно, ученостью съ еврейской точки зрѣнія, начало которой получалось въ разныхъ «ешиботахъ», выпускавшихъ тѣхъ «ешиботниковъ», о которыхъ евреи съ умиленіемъ говорили, что они такъ набожны и учены, что даже не знаютъ (?) «циресъ матбеа» (изображенія монеты) [90]).

Очевидно, что эти раввины стараго закала не могли принести правительству никакой пользы; даже, напротивъ, углубившись въ талмудическую казуистику и признавая непреложною истиною каждое слово, сказанное раввинами, они приносили громадный вредъ не только правительству, но и самимъ евреямъ, порождая цѣлыя «боголесъ» (смуты), вслѣдствіе запрещенія, напримѣръ, брить замужнимъ еврейкамъ головы и т. п. Понятно, что правительство не могло примириться съ подобными раввинами, столь вредно вліявшими на умственное и нравственное развитіе евреевъ, а потому оно задалось недостижимою цѣлью: преобразовать раввинатъ, создать такихъ раввиновъ, которые въ одно и то же время могли бы, съ пользою для правительства, отправлять возлагаемыя на нихъ обязанности и исполнять все то, что̀ вызываетъ уваженіе и поклоненіе евреевъ. Съ этою цѣлью, 13 ноября 1844 г., наше правительство создаетъ «для приготовленія раввиновъ» «раввинскія училища» [91]), а 3 мая 1855 г. объявляетъ, что «по истеченіи двадцати лѣтъ никто не можетъ быть опредѣленъ въ раввины... кромѣ кон-

чившихъ курсъ въ еврейскихъ раввинскихъ училищахъ или въ общихъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» [92]). Но вскорѣ послѣ этого наше правительство, считая невозможнымъ выжидать двадцать лѣтъ, 23 августа 1857 г., объявило, что, согласно опредѣленію комитета объ устройствѣ евреевъ отъ 13 мая 1857 г., въ раввины могутъ избираться лишь евреи, окончившіе курсъ въ указанныхъ выше заведеніяхъ [93]). Это положеніе вошло въ 1083 ст. XI т. св. зак., изд. 1857 г. Понятно, что на должности учрежденныхъ правительствомъ, такъ называемыхъ «казенныхъ раввиновъ» евреи, волею-неволею, избирали лицъ изъ указанныхъ имъ единовѣрцевъ, но эти «казенные раввины» не пользовались ихъ уваженіемъ, а въ «духовные раввины» — изъ учениковъ раввинскихъ училищъ, не говоря уже про лицъ, кончившихъ курсъ ученія въ общихъ заведеніяхъ, никто не избирался. Не прошло, однако, и двадцати лѣтъ, какъ наше правительство сознало, что раввинскія училища «не могутъ быть устроены такъ, чтобы вполнѣ удовлетворить одному изъ своихъ спеціальныхъ предназначеній—приготовлять... раввиновъ», а потому преобразовало раввинскія училища въ Вильнѣ и Житомірѣ въ «еврейскіе учительскіе институты», причемъ, при устройствѣ ихъ, устранило спеціальную обязанность раввинскихъ училищъ: «приготовлять юношество къ занятію раввинскихъ должностей» [94]). За этимъ исключеніемъ, кругъ лицъ, изъ которыхъ могутъ избираться раввины, остался безъ измѣненія.

VII.

Какъ же смотритъ на этихъ «казенныхъ раввиновъ» наше законодательство? Изучивъ относящіеся къ этому вопросу законы, приходится заключить, что русское правительство до сихъ поръ не выработало опредѣленнаго взгляда на раввиновъ, что оно, съ одной стороны, возложило на нихъ обязанности, не только ничего общаго съ еврейскою религіею не имѣющія, но даже противорѣчащія духу ея, а съ другой—поставило ихъ въ полную зависимость отъ евреевъ, которыхъ они обязаны отучать отъ «суевѣрій» и заставлять ихъ исполнять многое, еврейству противное, причемъ они сами считаются «хранителями и блюстителями еврейскаго закона» (религіи) [95]).

Мы уже говорили, что наше правительство полагаетъ, что у евреевъ нѣтъ духовенства, поэтому не будетъ удивительно, если мы скажемъ, что оно смотритъ и на раввиновъ, какъ на мірянъ. Этотъ взглядъ его вытекаетъ изъ слѣдующихъ, напримѣръ, положеній. Еврейскіе общественные раввины, за время состоянія ихъ въ должности, освобождаются отъ подушныхъ податей и земскихъ повинностей, которыя отправляются за нихъ обществами, ихъ избравшими. Они временно освобождаются отъ рекрутской повинности, «доколѣ будутъ исполнять обязанности своего званія» [96]). «Раввинъ, исправлявшій безпорочно свою должность и вновь, по избранію общества, утвержденный въ оной, пользуется, въ мѣстахъ осѣдлости евреевъ, лично почетными правами купечества 1 гильдіи, но заниматься торговлею не можетъ иначе, какъ на основаніи общихъ правилъ, для торгующихъ евреевъ постановленныхъ» [97]). Все это отно-

сится лишь до общественныхъ, правительствомъ утвержденныхъ, раввиновъ и не распространяется на другихъ еврейскихъ раввиновъ, которыхъ законъ совершенно не признаётъ. Изъ приведенныхъ строкъ видно, что эти «казенные» раввины разсматриваются нашимъ правительствомъ, какъ свѣтскія, а не духовныя лица. Это, въ особенности, подтверждается подсудностью раввиновъ и налагаемыми на нихъ наказаніями. Такъ, раввины, за исключеніемъ нарушенія своихъ обязанностей, собственно до еврейской вѣры относящихся, «судятся обыкновеннымъ, установленнымъ въ законахъ, порядкомъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ» [98]). Къ разряду же преступленій, влекущихъ за собою преданіе раввиновъ общему уголовному суду, кромѣ общихъ всѣмъ преступленій, относятся: отказъ кому нибудь изъ евреевъ въ совершеніи обрядовъ ихъ вѣры, наложеніе на кого либо изъ нихъ пени, проклятія или изверженія его изъ общества, неправильный приводъ къ присягѣ, неправильное совершеніе обрядовъ, неправильное веденіе еврейскихъ метрическихъ книгъ [99]). За эти нарушенія на нихъ налагались наказанія, доказывающія, что законодатель смотрѣлъ на раввиновъ, какъ на свѣтскихъ лицъ. Такъ, до 22 марта 1860 г. [100]) раввины даже за преступленія, совершонныя ими при исполненіи «духовныхъ»,—по мнѣнію русскаго правительства,—«требъ», отдавались въ рекруты, причемъ законодатель не счелъ нужнымъ оговорить, что они предварительно лишаются раввинскаго званія [101]). По уложенію 1845 г., отъ тѣлеснаго наказанія освобождаются лишь раввины, «безпорочно исправлявшіе свою должность три года и вновь, по избранію общества, утвержденные въ оной» [102]). По своду законовъ изданія 1857 г., званіе раввина, само по себѣ, не освобождало отъ тѣлеснаго наказанія [103]), а такъ какъ раввины—не духовныя лица, то на нихъ не распространяются законъ 17 апрѣля 1863 г. [104]) и приложеніе къ 30 ст. уложенія о наказаніяхъ, изд. 1885 г. [105]). Наше правительство своею собственною властью, чрезъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ, лишаетъ общественныхъ («казенныхъ») раввиновъ ихъ званія [106]), удаляетъ ихъ отъ должности, отдаетъ ихъ въ арестанскія отдѣленія, безъ предварительнаго лишенія ихъ раввинскаго званія [107]). Все это убѣдительнѣйшимъ образомъ доказываетъ, что законодатель и созданныхъ имъ раввиновъ считаетъ свѣтскими лицами, мірянами.

Такъ, общественный раввинъ, состоя непремѣннымъ членомъ синагогальнаго правленія, въ то же время можетъ быть избранъ «ученымъ евреемъ», на обязанности котораго лежитъ объясненіе «сомнѣній, къ богослуженію или обрядамъ вѣры относящихся» [108]). Изъ раввиновъ, «заслуживающихъ довѣрія правительства и пользующихся хорошимъ мнѣніемъ своего общества», избираются «ученые евреи» для особыхъ порученій при генералъ-губернаторахъ, при губернаторахъ западныхъ губерній, при министерствѣ народнаго просвѣщенія и попечителяхъ учебныхъ округовъ. Всѣ эти «ученые евреи»—лица свѣтскія—избираются и утверждаются въ своемъ званіи свѣтскою властью русскаго правительства, за время состоянія въ этой должности освобождаются отъ всѣхъ повинностей, а за отлично-усердную службу награждаются медалями и личнымъ

почетнымъ гражданствомъ [109]). Раввины приглашаются и въ качествѣ свѣдущихъ лицъ при сличеніи почерка въ подписяхъ, сдѣланныхъ на еврейскомъ языкѣ, въ актахъ, письмахъ и другихъ бумагахъ [110]). Очевидно, что раввинъ является экспертомъ не въ качествѣ духовнаго лица, а лишь какъ свѣтскій, знающій еврейскую письменность, ученый.

Общественные раввины, по мысли нашего законодателя, являются и чиновниками, состоящими на службѣ русскаго правительства, хотя не пользующимися правами и преимуществами, всѣмъ чиновникамъ присвоенными. Наше правительство, нуждаясь въ особыхъ чиновникахъ, которые служили бы посредниками между нимъ и еврействомъ, избрало для этой цѣли раввиновъ, возложивъ на нихъ обязанности, ничего общаго съ еврейскою религіею не имѣющія, а часто ей противорѣчащія. Зная, что евреи, въ силу своихъ національныхъ законовъ, глубоко убѣждены въ своемъ правѣ уклоняться отъ разныхъ государственныхъ повинностей и не исполнять законовъ, не признанныхъ ихъ ученіемъ, наше правительство, подобно другимъ европейскимъ правительствамъ, сочло нужнымъ прибѣгнуть къ содѣйствію «еврейскаго духовенства», чтобы черезъ него вліять на евреевъ и охранять свои интересы. Такимъ духовенствомъ,— какъ мы уже знаемъ,—наше правительство сочло раввинатъ, хотя, по странной путаницѣ понятій, признаётъ ихъ въ то же время міряна̀ми. Замѣтивъ, что евреи избираютъ раввинами лицъ, хотя набожныхъ и ученыхъ, съ точки зрѣнія еврейства, но непригодныхъ для цѣлей правительства, законодатель нашелъ нужнымъ ограничить права евреевъ въ выборѣ раввиновъ, создалъ раввинскія училища для приготовленія раввиновъ въ новомъ духѣ и предписалъ евреямъ избирать раввиновъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ раввинскихъ и общихъ гражданскихъ училищахъ, а не изъ ешиботниковъ, хотя и очень ученыхъ, по мнѣнію евреевъ, но до сихъ поръ утверждающихъ, напримѣръ, что солнце движется вокругъ земли. На этихъ вновь созданныхъ раввиновъ наше правительство взглянуло, какъ на свѣтскихъ чиновниковъ, хотя и избираемыхъ евреями, но утверждаемыхъ въ должности русскою гражданскою властью [111]); оно считаетъ ихъ чиновниками, обязанными охранять общегосударственные интересы и гражданскіе законы во внутренней жизни еврейства. Эти раввины-чиновники получаютъ награды за отлично-усердную и полезную службу, награды чисто свѣтскаго характера, и «удаляются отъ должности» за неисполненіе возложенныхъ на нихъ служебныхъ обязанностей. Они должны «направлять евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ»; при отсутствіи «духовныхъ», съ точки зрѣнія христіанъ, обрядовъ, должны вести «по всему ихъ вѣдомству» метрическія книги о рожденіи, бракахъ, разводахъ и погребеніи евреевъ, участвовать «въ составленіи ревизскихъ сказокъ о евреяхъ на основаніи устава о переписи народной» [112]). Правительственно-служебный характеръ этихъ обязанностей раввиновъ слишкомъ ясенъ, чтобы нуждаться въ доказательствахъ. Въ качествѣ правительственнаго чиновника, раввинъ наблюдаетъ за образованіемъ

еврейскаго юношества, причемъ, по духу нашего законодательства, долженъ строго преслѣдовать установившуюся вѣками еврейско-національную систему образованія, долженъ преслѣдовать меламдовъ, придерживающихся традиціоннаго способа обученія дѣтей, начинающихъ образовывать семилѣтнихъ мальчиковъ съ талмудическаго трактата «Нидда» (уставъ о менструаціяхъ и очищеніи женщинъ) или другихъ, подобныхъ этому, «ученыхъ» трудовъ еврейскихъ знаменитостей; однимъ словомъ—раввинъ долженъ требовать отъ меламдовъ, чтобы они отказались отъ талмуда и другихъ еврейскихъ книгъ и, къ ужасу правовѣрныхъ потомковъ Израиля, обучали ихъ дѣтей не иначе, какъ по программамъ и руководствамъ, утвержденнымъ свѣтскою властью русскаго правительства, властью гоевъ [113])! Исполнитъ онъ это требованіе закона, онъ подвергается «херему», а за неисполненіе ему грозитъ, со стороны русскаго закона, «удаленіе отъ должности, съ воспрещеніемъ навсегда быть раввиномъ» [114]).

Евреи тоже смотрятъ на «казенныхъ раввиновъ», какъ на чиновниковъ, обязанныхъ преслѣдовать коренныя, основныя, по ихъ мнѣнію, начала іудаизма въ интересахъ и цѣляхъ государства и во вредъ еврейской религіи. Они считаютъ ихъ язвою еврейства и смотрятъ на нихъ, какъ на враговъ всего того, что̀ завѣщано талмудомъ и строго охраняется «шулханъ-арухомъ». А между тѣмъ эти раввины всецѣло зависятъ отъ избравшаго ихъ общества, ка̀къ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Хотя правительство сдѣлало изъ этихъ раввиновъ своихъ чиновниковъ, но никакого жалованья имъ не положило, потому что «раввинство есть должность почетная, а не доходъ» [115]). Общественный раввинъ, при вступленіи въ должность, заключаетъ съ избравшимъ его обществомъ договоръ, съ означеніемъ въ немъ выгодъ, ему предоставленныхъ, какъ-то: жалованья, платы за совершеніе обрядовъ и т. д. [116]). Въ дѣйствительности же онъ получаетъ и то, и другое лишь за неисполненіе своихъ обязанностей. Если же онъ вздумалъ бы вступить въ борьбу съ обществомъ, то оно не только лишило бы его насущныхъ средствъ, но и предало бы негласно проклятію, а гласно—суду, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ возбуждать преслѣдованіе противъ раввиновъ [117]). Такимъ образомъ,—какъ совершенно вѣрно выражается г. Оршанскій,—законъ нашъ «поставилъ раввина въ такое положеніе, чтобы страхъ идущаго вдали закона» парализовался у него «страхомъ стоящаго вблизи общества» [118]). А благодаря этой близости, казенный раввинъ остается вѣрнымъ еврейству, причинивъ русскому правительству слишкомъ много вреда. Не говоря уже о томъ, напримѣръ, что метрическія книги, веденныя раввинами, никѣмъ не признаются достовѣрными документами, можно указать на произносимыя ими, хотя и изрѣдка, торжественныя рѣчи. Чтобы примирить съ собою еврейство за принятіе ими должности «казеннаго раввина», эти чиновники своими, составленными въ сіонофильскомъ духѣ, рѣчами разжигаютъ національное чувство евреевъ, напоминая имъ о минувшей ихъ славѣ и ожидаемомъ величіи, говоря о перенесенныхъ ими злоключеніяхъ и преслѣдованіяхъ и о необходимости освободиться отъ гнета гоевъ

(не-евреевъ)! Но кто ближе знакомъ съ казеннымъ раввинатомъ, тотъ не удивится, что представители его никогда не затрогиваютъ теологическихъ темъ, такъ какъ о религіозномъ авторитетѣ ихъ въ еврействѣ не можетъ быть и рѣчи.

Между тѣмъ наше правительство смотритъ на этихъ раввиновъ и, конечно, совершенно ошибочно, какъ на еврейскихъ духовныхъ лицъ, какъ на священнослужителей еврейства, хотя и не пользующихся правами, предоставленными представителямъ другихъ иновѣрческихъ исповѣданій. Въ качествѣ духовнаго лица, раввинъ считается «блюстителемъ и толкователемъ еврейскаго закона» (религіи). Онъ обязанъ «наблюдать, чтобы въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры были сохраняемы установленныя правила, объяснять евреямъ законъ ихъ и разрѣшать встрѣчающіяся въ ономъ недоумѣнія; вразумлять въ истинномъ смыслѣ закона, но не употреблять при семъ другихъ средствъ, кромѣ убѣжденія и увѣщаній; совершать исключительно по всему его вѣдомству обряды обрѣзанія и нареченія именъ младенцамъ, бракосочетанія, расторженія браковъ и погребенія». «Раввинъ можетъ во всякое время входить въ подвѣдомственныя ему (молитвенныя) школы и синагоги, говорить и читать въ нихъ поученія и присутствовать при совершеніи богомоленія или обрядовъ вѣры. Онъ занимаетъ всегда ближайшее къ кивоту мѣсто и представляетъ первое лицо въ собраніи». Онъ—непремѣнный членъ школьныхъ и синагогальныхъ «духовныхъ правленій евреевъ»; за нарушеніе обязанностей, «собственно до еврейской вѣры относящихся, подлежитъ суду назначенныхъ губернскимъ начальствомъ раввиновъ» [119]). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что наше правительство смотритъ на казенный раввинатъ, какъ на еврейское духовенство, а между тѣмъ ни одинъ еврей не только не признаётъ «казеннаго» раввина своимъ духовнымъ лицомъ, но даже не считаетъ его и раввиномъ въ еврейскомъ значеніи этого слова, т. е. ученымъ талмудистомъ (талмудъ-хахамомъ), получившимъ это званіе чрезъ рукоположеніе другихъ, уже признанныхъ авторитетами, раввиновъ.

Этотъ двойственный взглядъ нашего правительства на «казенныхъ раввиновъ», и какъ на мірянъ, и какъ на духовныхъ лицъ, повлекъ за собою массу громадныхъ ошибокъ, много повредившихъ интересамъ и цѣлямъ нашего законодательства.

VIII.

Изъ разсмотрѣнныхъ отношеній русской власти къ раввинату видно, что наше правительство остановилось на второй исторической ступени отношеній государства къ церкви, такъ какъ оно, признавъ раввиновъ еврейскимъ духовенствомъ, сочло нужнымъ прибѣгнуть къ ихъ содѣйствію для достиженія своихъ цѣлей, ничего общаго съ религіею не имѣющихъ. Предполагая воспользоваться *духовнымъ* авторитетомъ раввиновъ, оно создало изъ нихъ своихъ *чиновниковъ*, вполнѣ, впрочемъ, зависимыхъ отъ избравшаго ихъ общества, и возложило на нихъ тяжелую обязанность — не только защищать правительственные интересы въ еврействѣ, но и прово-

дить въ темную еврейскую массу идеи и понятія, враждебныя унаслѣдованнымъ вѣками талмудическимъ воззрѣніямъ. Чтобы облегчить достиженіе этой по истинѣ неразрѣшимой задачи, правительство сочло возможнымъ вмѣшаться въ чуждую ему сферу религіи, сочло возможнымъ опредѣлять еврейскія религіозныя догмы своими положительными, будто бы религіозными законами, которые должны были проводить въ жизнь раввины, какъ представители якобы еврейскаго духовенства. Понятно, что такія дѣйствія не только не принесли желанныхъ результатовъ, но и повредили цѣлямъ государства по улучшенію быта евреевъ. Исторія уже давно установила, что, при вторженіи иновѣрческаго правительства въ сферу религіи, ярыми защитниками ея являются не только люди религіозные, но даже и тѣ, которые при иныхъ обстоятельствахъ относятся къ ней совершенно безразлично. Точно также, при посягательствахъ нашего правительства на религіозныя догмы евреевъ, въ ряды горячихъ борцовъ за талмудъ стали даже люди, готовые признать, что унаслѣдованныя отъ временъ мрака и заблужденій талмудическія нормы требуютъ коренной переработки. *Евреи сплотились въ одно неразрывное цѣлое, породившее массу враговъ Россіи*, прибѣгающихъ, съ цѣлью повредить ей ко всевозможнымъ средствамъ, какъ напр., къ пониженію ея кредита, къ распространенію всяческихъ ложныхъ извѣстій; вызывающихъ демонстраціи, адресы и подписки для противодѣйствія совершаемымъ будто бы у насъ «варварскимъ» притѣсненіямъ евреевъ. Такимъ образомъ, вмѣшательство нашего правительства въ религію евреевъ не только не принесло ему пользы, но и причинило много вреда, а вмѣстѣ съ тѣмъ побудило евреевъ совершать цѣлый рядъ преступленій, какъ-то: бракосочетаніе еврейскихъ дѣтей, подлоги въ метрикахъ и т. д.

Но, рѣшившись вмѣшаться въ религіозную жизнь евреевъ, законодатель не счелъ нужнымъ точно ознакомиться съ іудаизмомъ. Считая, что обряды обрѣзанія, бракосочетанія, развода и погребенія являются и у евреевъ, какъ у христіанъ, духовными обрядами; видя, что при совершеніи ихъ въ еврействѣ господствуетъ, повидимому, какая-то дикая анархія; не находя возможнымъ предоставлять каждому желающему—совершать эти религіозные акты, имѣющіе въ то же время громадное значеніе и въ гражданскомъ быту, нашъ законодатель рѣшился уничтожить эту неурядицу, но для достиженія этого прибѣгнулъ не къ надлежащимъ средствамъ. Полагая, что упомянутые обряды отнесены и евреями къ «духовнымъ» обрядамъ, законодатель, провозгласивъ вѣротерпимость, счелъ нужнымъ заявить, что и совершеніе этихъ обрядовъ онъ предоставляетъ духовнымъ представителямъ еврейства, каковыми избралъ созданныхъ имъ же раввиновъ. Но, считая эти обряды духовными, законодатель въ то же время призналъ возможнымъ—подчинить ихъ свѣтскимъ законамъ, противорѣчащимъ религіозной догмѣ евреевъ. Отсюда вновь возникло громадное зло, давшее евреямъ возможность вопіять о гнетѣ гоевъ, о вторженіи ихъ въ такую сферу, которая не можетъ регулироваться полицейскими предписаніями.

Итакъ, главная ошибка нашего правительства заключается въ томъ, что *оно признало упомянутые обряды евреевъ—религіозными*,

духовными, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручило совершеніе ихъ лишь точно указаннымъ имъ лицамъ, которыхъ евреи не признаютъ своими духовными руководителями. Здѣсь мы укажемъ лишь главныя, существенныя дѣйствія при каждомъ обрядѣ, при соблюденіи которыхъ онъ считается законно-совершоннымъ.

Начнемъ съ обряда обрѣзанія [120]). Этотъ обрядъ совершается въ синагогѣ, молитвенной школѣ или частномъ домѣ при слѣдующихъ церемоніяхъ. Послѣ провозглашенія кагальнымъ шамешемъ [121]): «кватеръ»! [122]) кватерина, при громкомъ привѣтствіи присутствующихъ: «борухъ-габа»! (благословенъ грядый), передаетъ младенца кватеру, который, въ свою очередь, передаетъ его одному изъ «могелимъ» [123]). Послѣдній кладетъ его на колѣни избраннаго изъ финансовой или талмудической знати «сандукэ» [124]), который сидитъ на диванѣ, изображающемъ «кисешель Эліогу» (тронъ пророка Иліи). Послѣ этого, младенца обступаютъ три (въ послѣднее время два) могелимъ, изъ которыхъ одинъ, произнося: «слава Тебѣ, Іегова, Боже нашъ, Царь вселенной, освятившій насъ приказаніемъ своимъ совершать обрѣзаніе», захватываетъ двумя пальцами лѣвой руки praeputium младенца и быстро обрѣзываетъ его обоюдоострымъ ножемъ. Отецъ младенца въ это время говоритъ: «Слава Тебѣ, Господи, Боже нашъ, Царь вселенной, который освятилъ насъ своею заповѣдью и приказалъ намъ присоединить его (обрѣзаемаго) къ союзу (завѣту) праотца нашего Абрагама»! Вслѣдъ за этимъ, второй могелъ совершаетъ «переа» (или періа), т. е. своими заостренными ногтями разрываетъ и снимаетъ снизу кожицу въ извѣстномъ мѣстѣ, а затѣмъ уступаетъ мѣсто третьему могелу, который губами высасываетъ кровь изъ ранки, что̀ называется «мецица» (или «метца»). Если могеловъ всего двое, то одинъ изъ нихъ совершаетъ обрѣзаніе кожицы, а второй прямо приступаетъ къ «мецицѣ». Послѣ этого, одинъ изъ присутствующихъ благословляетъ чашу съ виномъ, три капли котораго опускаетъ въ ротъ младенца. Съ пожеланіемъ вновь обрѣзанному многолѣтія, обрядъ кончается.

Бракосочетаніе [125]) совершается открыто, на дворѣ синагоги или молитвенной школы, но преимущественно на улицѣ. Въ послѣднее время, нѣкоторые евреи совершаютъ этотъ обрядъ въ квартирѣ невѣсты. Когда женихъ и невѣста, предшествуемые шаферами, бадханомъ (краснобаемъ) и музыкантами, играющими свои «каболатъ шаббатъ» (національныя праздничныя мелодіи), приходятъ на мѣсто совершенія обряда, они становятся подъ «хупе» (балдахинъ). Кто нибудь изъ присутствующихъ финансовыхъ или талмудическихъ знаменитостей общины благословляетъ вино и даетъ отпить его немного жениху и невѣстѣ. Вслѣдъ затѣмъ, женихъ совершаетъ «кедушинъ» (или кдушинъ) въ чемъ и заключается самый актъ бракосочетанія, а именно: онъ надѣваетъ невѣстѣ кольцо (или подаетъ ей монету) и говоритъ: «да будешь ты этимъ кольцомъ (этою монетою) приготовлена (обручена) мнѣ по закону Мошэ и Израиля»! Послѣ прочтенія «кетубе» [126]) и выпитія втораго стакана вина, обрядъ кончается при общемъ возгласѣ: «мазель—товъ»! (счастья вамъ!).

Разводъ [127]) у евреевъ совершается очень просто. Желающіе

развестись заявляютъ объ этомъ бетъ-дину (суду) и просятъ его составить разводную грамоту—«гетъ». Шамешъ бетъ-дина на доставленномъ ему разводящимся кускѣ пергамента пишетъ на древнееврейскомъ языкѣ, по установленной формѣ, разводное письмо. Малѣйшая описка, слитіе буквъ, лишняя точка дѣлаютъ гетъ недѣйствительнымъ. Получивъ гетъ, супругъ или «шемуахъ» (уполномоченный) передаетъ его, при свидѣтеляхъ, разводимой супругѣ, которой говоритъ: «вотъ твой гетъ; отнынѣ ты свободна»! Со врученіемъ гета—разводъ считается совершоннымъ. Въ 1030 г. рабби Гершенъ, сынъ Іегуды, прозванный «Меоръ Гадола», созвалъ въ Вормсѣ раввиновъ, которые постановили, что врученіе гета безъ формальнаго согласія другой стороны воспрещается. Но обязательность этого постановленія потеряла свою силу, и разводъ считается состоявшимся даже тогда, когда гетъ брошенъ къ ногамъ разводимой супруги.

Перейдемъ теперь къ погребенію евреевъ [128]). Лишь только умираетъ еврей, его родные, въ знакъ горя, разрываютъ на себѣ одежду и садятся исполнять «шиву» (замѣняющую нашъ трауръ). Сосѣди выливаютъ всю воду въ томъ убѣжденіи, что ангелъ смерти обмываетъ въ ней свой ножъ. Въ домъ являются «кабронимъ», служители «хабура кадиша» (т. е. «святаго союза», погребальнаго братства), заворачиваютъ трупъ, послѣ надлежащаго омовенія его, въ «китель» [129]) или просто въ бѣлый холстъ и быстро уносятъ на кладбище, гдѣ предаютъ его землѣ, причемъ кто нибудь изъ кабронимъ или родственниковъ покойнаго читаетъ установленную молитву.

Всѣ эти обряды не считаются духовными обрядами; даже обрѣзаніе—этотъ обрядъ, установленный въ память союза Бога съ Авраамомъ и его потомствомъ—не признаётся евреями духовнымъ, въ христіанскомъ смыслѣ, обрядомъ. Въ подтвержденіе этого, мы можемъ указать хотя на то, что еврейское духовенство никогда не принимало участія въ совершеніи его, что синагога никогда не издавала какихъ бы то ни было постановленій о немъ, предоставляя его совершеніе отцу младенца или другимъ свѣтскимъ лицамъ. Бракосочетаніе и разводъ считаются евреействомъ чисто гражданскими сдѣлками, совершаемыми безъ участія синагоги, подъ наблюденіемъ кагала и бетъ-дина. Похоронамъ ни моисеевы законы, ни талмудъ никогда не придавали значенія духовнаго обряда; объ этомъ въ особенности часто упоминаетъ [129]) и шулханъ-арухъ [130]).

Что эти обряды не признаются духовными—въ томъ согласны всѣ писатели, какъ іудофобы, такъ и іудофилы, не считающіе нужнымъ вводить въ заблужденіе христіанское правительство. Только наше правительство,—конечно, совершенно ошибочно,—называетъ ихъ «духовными требами» [131]).

IX.

Обратимся теперь къ вопросу: кѣмъ совершаются разсмотрѣнные нами обряды по еврейскимъ законамъ?

Мы уже говорили, что когены и левиты—еврейское духовенство—занимались лишь храмовою службою. Упомянутые же нами

обряды, какъ и всѣ другіе обряды и требы, не относящіеся до службы въ храмѣ, совершались безъ ихъ участія. Не участвовали въ совершеніи ихъ и еврейскіе раввины. Это положеніе хорошо извѣстно всѣмъ хотя немного знакомымъ съ іудаизмомъ и подтверждается всѣми писателями, а потому не требуетъ доказательствъ. Какъ во время существованія израильскаго царства, храма и синедріона, такъ и въ наши дни, исполненіе всѣхъ еврейскихъ обрядовъ и требъ, не относящихся до храмовой службы, лежало и лежитъ всецѣло на обязанности каждаго еврея-мірянина въ отдѣльности. Право исполненія всѣхъ этихъ обрядовъ признано за каждымъ евреемъ законами Моисея, Мишны и Гемары, и подтверждено какъ древними, такъ и новыми толкователями этихъ законовъ. На этомъ основаніи, каждый еврей имѣетъ право самолично исполнять тотъ или другой обрядъ, и малѣйшее посягательство на это исконное его право вызываетъ самое упрямое и отчаянное противодѣйствіе. Участіе другихъ лицъ въ совершеніи ихъ не измѣняетъ сдѣланнаго нами вывода, что̀ подтверждается существомъ изучаемыхъ нами обрядовъ.

Такъ, въ совершеніи обряда обрѣзанія хотя и принимаютъ участіе разныя лица, избираемыя изъ евреевъ-мірянъ, — право совершенія самаго обряда обрѣзанія остается за отцомъ младенца. Существеннѣйшій моментъ въ этомъ обрядѣ—это самый актъ обрѣзанія, который всегда совершался отцомъ обрѣзаемаго. Если же отецъ, по какой либо причинѣ, не могъ исполнить его, то его могъ совершить «всякій, даже рабъ, женщина, несовершеннолѣтній и даже еврей необрѣзанный, который остался необрѣзаннымъ потому, что братья его умирали отъ этой операціи» [132]). Но такъ какъ обрѣзаніе состоитъ изъ опасной операціи, отъ неумѣлаго исполненія которой умирала масса дѣтей, то со временемъ появились лица, которыя пріобрѣтали навыкъ въ совершеніи ея. Въ каждой еврейской общинѣ явились особые спеціалисты по обрѣзанію—«могелимъ», которыхъ и приглашаютъ для совершенія самой операціи. Молитву же: «Слава Тебѣ, Господи»... обязательно читаетъ отецъ младенца, а за отсутствіемъ его—ближайшій родственникъ.

Существеннѣйшій моментъ въ бракосочетаніи евреевъ это — «кедушинъ», передача кольца. Если кедушинъ совершонъ при двухъ свидѣтеляхъ, то хотя бы другія обрядности были опущены, бракъ все же считается законнымъ и разрушить его можно лишь путемъ развода. Для законности брака обязательно требуется, чтобы кольцо было непосредственно передано женихомъ невѣстѣ. При совершеніи же кедушина другимъ лицомъ, бракъ считается недѣйствительнымъ; совмѣстная жизнь еврея съ еврейкой, при этихъ условіяхъ, является простымъ сожительствомъ, а рожденныя отъ него дѣти признаются «мамзеримъ» (незакоинорожденными).

Для законности развода необходимо лишь, чтобы мужъ, при двухъ свидѣтеляхъ, передалъ женѣ гетъ, а такъ какъ въ настоящее время постановленіе вормскаго собора раввиновъ потеряло свою силу, то мужу достаточно бросить его къ ногамъ жены. Въ виду этого, нерѣдко случается, что еврей въ короткій сравнительно срокъ неоднократно женится и разводится. Такъ напр., въ Тирас-

полѣ появился еврей Ш—ій, который *въ теченіе четырехъ лѣтъ восемь разъ женился и разводился* [133]). Но зато, съ другой стороны, если мужъ не захочетъ дать гетъ своей женѣ, то никакая власть не въ состояніи развести супруговъ, за исключеніемъ случая принятія еврейкой христіанской вѣры [134]). Этимъ пользуются разные негодяи и дорого продаютъ требуемый отъ нихъ кусокъ пергамента.

Законы Моисея строжайше запретили когенамъ и левитамъ принимать участіе въ погребеніи евреевъ. Мы не считаемъ исключеніемъ изъ этого правила и разрѣшеніе имъ хоронить своихъ близкихъ родныхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ они дѣйствуютъ не какъ священнослужители, а какъ частныя лица. Талмудисты,—какъ и при всѣхъ почти запретительныхъ законахъ торы,—пошли еще дальше и запретили когенамъ и левитамъ даже входить въ домъ, гдѣ находится покойникъ [135]). Раввины тоже не принимали и не принимаютъ участія въ погребеніи, совершеніе котораго всецѣло предоставлено евреямъ-мірянамъ. Но со временемъ накопилась страшная масса разныхъ талмудическихъ обрядностей и предписаній по части погребенія евреевъ, которыя не всѣмъ были извѣстны. Между тѣмъ, по ученію раввиновъ, несоблюденіе этихъ обрядностей лишаетъ еврея «права на рай». Въ виду этого, основалось новое «братство погребателей» (хабура-кадиша), члены котораго и обязаны хоронить евреевъ съ соблюденіемъ всѣхъ обрядностей. Прикрываясь благотворительными цѣлями (погребеніе «бѣдныхъ» евреевъ и т. д.) «хабура-кадиша» легла тяжелымъ бременемъ на еврейство, а въ виду противогосударственныхъ цѣлей ея, она должна быть уничтожена, или, по крайней мѣрѣ, преобразована.

Здѣсь мы должны замѣтить, что хотя исполненіе всѣхъ этихъ обрядовъ лежитъ на обязанности евреевъ-мірянъ, но совершеніе ихъ обставлено такою массою мелочныхъ обрядностей и предписаній, какой не встрѣчается ни у одной націи. Кагалъ, чтобы всецѣло завладѣть личностью еврея, окружилъ его вереницею всевозможныхъ обрядностей, такъ что воля отдѣльнаго еврея вполнѣ поглощается ими. Чтобы окончательно поработить еврея, кагалъ, а вмѣстѣ съ нимъ и бетъ-динъ, вмѣшивается не только въ совершеніе этихъ обрядностей, но подчиняетъ своему контролю даже брачное ложе и менструаціи женщинъ. При этомъ, за неисполненіе всѣхъ мельчайшихъ обрядностей, кагалъ грозитъ еврею самыми страшными карами, *до смертной казни включительно*. Послѣ этого, не удивительно, что личность и воля отдѣльнаго еврея исчезаютъ въ непроницаемыхъ для христіанъ дебряхъ кагала!

Но христіанскія правительства, видя съ одной стороны, что въ еврействѣ всякій совершаетъ эти важные въ гражданскомъ быту обряды, а съ другой — не зная, что они вполнѣ подчинены контролю кагала и бетъ-дина, предположили, что у евреевъ всякій исполняетъ ихъ по собственному желанію и усмотрѣнію. Понятно, что правительство не имѣетъ даже права предоставлять гражданамъ полную свободу въ исполненіи этихъ обрядовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, и должно было подчинить совершеніе ихъ своему надзору. Но относительно евреевъ наше правительство по-

ступило совершенно ошибочно. Считая эти обряды евреевъ «духовными» и объявивъ свободу исповѣданій, оно объявило, что совершеніе ихъ оно поручаетъ еврейскому духовенству, каковымъ избрало созданныхъ имъ же раввиновъ. Такимъ образомъ, одна ошибка повлекла за собою другую.

Для счисленія рожденій и смертей, браковъ и разводовъ, правительству безразлично, какъ они совершаются по религіознымъ убѣжденіямъ той ли другой группы гражданъ. Важно лишь, чтобы оно знало, что такой-то еврей женился, а совершено ли его бракосочетаніе на синагогальномъ дворѣ или на сорной кучѣ посереди̇нѣ улицы, разбилъ ли еврей при этомъ стаканъ, или нѣтъ — ему все равно. Точно также ему безразлично: обрѣзанъ ли еврейскій младенецъ могеломъ или другимъ евреемъ; похоронили ли еврея когены, раввины или кабронимъ; ему нужно лишь знать *число рожденій и смертей*. Въ виду этого, правительству было бы необходимо объявить, что такъ какъ *всѣ еврейскіе обряды* и по еврейскимъ законамъ имѣютъ гражданскій характеръ, то они *подчиняются вѣдѣнію русскихъ гражданскихъ чиновниковъ*, причемъ соблюденіе разныхъ обрядностей, вызванныхъ религіозными убѣжденіями евреевъ, предоставляется ихъ благоусмотрѣнію. Но правительство наше поступило иначе. Екатерина II и Павелъ I подчиняютъ эти обряды вѣдѣнію кагаловъ [136]). «Положеніе для евреевъ» 1804 г. отступаетъ отъ этого взгляда и относитъ ихъ къ надзору раввина, не говоря о томъ, кѣмъ они должны совершаться [137]). «Положеніе о евреяхъ» 1835 г. пошло дальше и объявило, что совершать эти обряды можетъ лишь раввинъ и избранные ему въ помощь «ученые евреи», которымъ предоставляется право совершать эти обряды въ раввина присутствіи или по письменному отъ него дозволенію [138]). То же повторено закономъ «о еврейскихъ метрическихъ книгахъ» отъ 20 апрѣля 1853 г. [139]) и XI томомъ свода законовъ, изданія 1857 г. [140]). Такимъ образомъ, объявивъ евреямъ, что они могутъ свободно исповѣдывать свою религію,—слѣдовательно, исполнять всѣ обряды, признаваемые духовными; считая разсматриваемые нами обряды духовными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣющими и по русскимъ законамъ значеніе гражданскихъ актовъ, наше правительство, вопреки кореннымъ основамъ еврейской религіи, издаетъ законъ, противорѣчащій всѣмъ высказаннымъ имъ положеніямъ, — законъ, по которому право совершать всѣ еврейскіе обряды предоставлено *исключительно* раввину и его помощникамъ. Благодаря этому, раввинъ обязанъ совершать, по всему своему вѣдомству, обрѣзаніе и погребеніе, бракосочетаніе и разводъ. Вслѣдствіе этого, онъ, какъ блюститель и хранитель еврейскаго закона, долженъ признать совершонный лично евреемъ бракъ вполнѣ законнымъ, а, какъ правительственный чиновникъ, обязанъ считать его незаконнымъ; какъ правительственный чиновникъ, онъ долженъ считать обрѣзаннаго могеломъ младенца—необрѣзаннымъ, а какъ блюститель, хранитель и толкователь еврейскаго закона, онъ обязанъ признать его участникомъ союза Бога съ Авраамомъ. Итакъ, при всѣхъ обрядахъ «казенный раввинъ», какъ правительственный чиновникъ, долженъ признавать «суевѣріемъ и невѣжествомъ» евреевъ все то, что, какъ

истый еврей и хранитель закона, онъ обязанъ признавать религіознымъ догматомъ іудаизма!

Возложивъ на раввиновъ обязанность совершать еврейскіе обряды, наше правительство, придерживаясь высказаннаго еще въ николаевскую эпоху правила, по которому признано было необходимымъ «избѣгать слишкомъ опредѣлительныхъ для нихъ постановленій» [141]), не указываетъ, что̀ долженъ исполнять раввинъ при совершеніи этихъ обрядовъ: долженъ ли онъ, напримѣръ, при обрѣзаніи, совершать «переа» или «мецица», или же возсѣдать на «тронѣ пророка Иліи», или быть кватеромъ всѣхъ евреевъ; долженъ ли онъ, при бракосочетаніи, читать «кешубу» или совершать «кедушинъ»; долженъ ли онъ, при разводѣ, самъ написать гетъ или лично передать его разводимой супругѣ? А между тѣмъ раввинъ, какъ еврей, хорошо знаетъ, что если онъ совершитъ кедушинъ или присвоитъ себѣ передачу гета, то ни бракъ, ни разводъ не будутъ признаны у евреевъ законными, а онъ самъ подвергнется херему. Понятно, что такое положеніе раввина является совершенно неестественнымъ, а всѣ совершаемые имъ при этомъ подлоги вполнѣ извинительными. Вотъ почему общественный раввинъ, какъ «блюститель и хранитель еврейскаго закона», не обращаетъ вниманія на обязанности, возложенныя на него, какъ на чиновника; вотъ почему еврейскія метрики изобилуютъ подлогами; вотъ почему «казенный» раввинатъ, вызвавъ массу нареканій, причинилъ нашему правительству столько вреда, что его давно уже пора уничтожить, а не собирать раввиновъ на совѣщанія...

X.

Изъ краткой, но основанной на тщательныхъ наблюденіяхъ, характеристики дѣятельности «казенныхъ раввиновъ» мы видимъ послѣдствія ошибочнаго взгляда законодателя на еврейскіе обряды, какъ на духовные,—взгляда, вызвавшаго вторую ошибку:—обязательное совершеніе ихъ раввинами. Эта новая ошибка вызвала, въ свою очередь, дальнѣйшія ошибки, породившія противорѣчіе между нашими гражданскими и уголовными законами, и создавшія немыслимыя преступленія.

По нашимъ основнымъ законамъ, «свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, но и евреямъ...», а потому они «пользуются (каждый) *повсемѣстно* свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной» [142]). Это положеніе буквально повторяется уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и проступковъ, 1890 г., [143]) а также подтверждается IV книгой XI тома свода законовъ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что евреи могутъ отправлять общественныя молитвы и богомоленіе «въ мѣстахъ общей ихъ осѣдлости» [144]).

По нашимъ гражданскимъ законамъ, «каждому племени и народу, не выключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона или по принятымъ обычаямъ» [145]). Поэтому и «бракъ... евреевъ... признаётся законнымъ, когда оный совершонъ по правиламъ и обрядамъ ихъ вѣры» [146]). При сопоста-

новленіи всѣхъ этихъ статей закона, мы должны заключить, что бракъ евреевъ, совершонный по обрядамъ ихъ вѣры, признаётся законнымъ и нашимъ законодательствомъ. По еврейскимъ же законоположеніямъ, бракъ, для признанія его законнымъ, долженъ быть обязательно совершонъ, какъ мы видѣли, самимъ брачущимся евреемъ. Это право евреевъ совершать лично обрядъ бракосочетанія какъ будто бы подтверждается приведенною 90 ст. I ч. X т. св. зак., заявляющею, что бракъ у евреевъ совершается «безъ участія въ томъ гражданскаго начальства». Но такой выводъ совершенно противорѣчитъ другимъ законоположеніямъ нашего свода законовъ. Такъ, по 1086 ст. XI т. св. зак., обрядъ бракосочетанія можетъ совершать исключительно лишь раввинъ, утвержденный въ этомъ званіи русскою гражданскою властью, т. е. правительственный чиновникъ или его помощники, которые «утверждаются губернскимъ начальствомъ и, по приводѣ ихъ къ присягѣ на вѣрность службы, исполняютъ свою должность подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ раввина». «Никакія другія лица, кромѣ утвержденныхъ правительствомъ раввиновъ и помощниковъ ихъ, не могутъ исполнять религіозныхъ обрядовъ, означенныхъ въ сей статьѣ (т. е. обрѣзанія, брака, развода и погребенія). Изобличенные въ нарушеніи сего правила подвергаются по суду наказаніямъ, на основаніи законовъ уголовныхъ [147]); браки же и разводы, совершонные не раввинами или ихъ помощниками, признаются незаконными». Хотя законодатель не говоритъ, что̀ именно долженъ исполнить раввинъ при бракосочетаніи евреевъ, но такъ какъ онъ обязанъ совершить самый обрядъ бракосочетанія, а этотъ обрядъ состоитъ, какъ мы видѣли, въ совершеніи кедушина, то, очевидно, именно онъ, а никто другой, и долженъ совершить его. Только при этомъ условіи бракъ евреевъ признаётся дѣйствительнымъ по русскимъ законамъ, но зато такой бракъ не считается законнымъ съ точки зрѣнія евреевъ. Такимъ образомъ, совершитъ ли обрядъ бракосочетанія раввинъ, или совершитъ его самъ брачущійся, бракъ, то съ той, то съ другой точки зрѣнія, считается недѣйствительнымъ; правовѣрному еврею, желающему заключить бракъ, законный съ точки зрѣнія и русскихъ законовъ, и еврейскихъ религіозныхъ убѣжденій, кажется, нѣтъ и спасенія. Какъ же выйти ему изъ этого невозможнаго, повидимому, положенія? Ни одинъ еврей не затруднится разрѣшеніемъ этого вопроса. Давно уже извѣстно, что всякій еврей, при столкновеніи русскаго закона съ его религіозными убѣжденіями, отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ. Кромѣ того, еврейство уже давно выработало правило, что обязательными для евреевъ законоположеніями признаются только тѣ государственные законы, которые не противорѣчатъ постановленіямъ талмуда [148]). Въ силу этихъ положеній, всякій еврей совершаетъ обрядъ бракосочетанія, согласно предписаніямъ еврейскихъ законовъ, а «казенный раввинъ» записываетъ въ свои метрическія книги, что бракъ совершонъ имъ или его помощникомъ. Нѣкоторые казенные раввины, въ особенности въ началѣ своей служебной дѣятельности, не рѣшаясь совершать эти подлоги, въ графѣ: «кто совершалъ обрядъ обрученія и бракосочетанія», въ книгѣ для записи браковъ между евреями [149]),

не дѣлаютъ никакихъ отмѣтокъ. Такимъ образомъ, при содѣйствіи казеннаго раввина, бракъ, совершонный частнымъ евреемъ, признаётся законно-совершоннымъ и по русскимъ законамъ.

Между тѣмъ, на основаніи указанныхъ нами законовъ, никакія другія лица, кромѣ утвержденныхъ правительствомъ раввиновъ и ихъ помощниковъ, не могутъ исполнять разсматриваемыхъ обрядовъ евреевъ; изобличенныя же въ нарушеніи этого правила обвиняются въ самовольномъ присвоеніи власти. По закону 20 апрѣля 1853 г. и 342 ст. уложенія о наказаніяхъ, изд. 1857 г., они подвергались: въ первый разъ тюремному заключенію отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, а во второй—отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Въ виду этого, если еврей, зная съ одной стороны, что русскій законъ разрѣшаетъ ему свободно исполнять обряды вѣры, и не желая съ другой, чтобы его дѣти отъ втораго брака считались у его единовѣрцевъ незаконнорожденными, вторично самъ совершитъ кедушинъ,—какъ это требуется еврейскими законами,—то онъ за это преступленіе можетъ подвергнуться, ни много, ни мало, двѣнадцатилѣтнему заключенію въ арестантскихъ ротахъ! Современное законодательство хотя и смягчило это наказаніе, но все же 302 ст. улож. о нак., изд. 1885 г., грозитъ еврею за совершеніе дѣянія, вполнѣ законнаго, съ его точки зрѣнія, отдачею въ арестантскія отдѣленія на четыре года. Такимъ образомъ, наше законодательство поставило правовѣрнаго еврея въ такое положеніе, что онъ, при заключеніи брака, долженъ или нарушить законы торы и талмуда и за это подвергнуться херему, или же сдѣлаться преступникомъ и на четыре года лишиться свободы. Но такъ какъ послѣдствія херема страшнѣе арестантскихъ отдѣленій, которыхъ къ тому же, при содѣйствіи казеннаго раввина, можно избѣгнуть,—то ни одинъ еврей не страшится русскаго закона и не обращаетъ на него вниманія. Между тѣмъ, если «ничто такъ не наноситъ ослабленія законамъ, какъ возможность коварствомъ избѣгнуть отъ оныхъ» [150]), то еще хуже писать такіе законы, которые не могутъ быть исполнены даже при желаніи подчиниться имъ. А въ такомъ положеніи находится еврей и при совершеніи имъ развода.

Какъ мы знаемъ, разводъ у евреевъ состоитъ въ передачѣ гета. Если гетъ переданъ не мужемъ или уполномоченнымъ имъ лицомъ, то разводъ, по еврейскимъ законамъ, считается недѣйствительнымъ и еврейка не можетъ вступить въ новый бракъ. По русскимъ же законамъ, гетъ обязательно долженъ быть переданъ раввиномъ; въ противномъ же случаѣ разводъ признаётся незаконнымъ. При этомъ еврей, передавшій своей женѣ гетъ, т. е. исполнившій обрядъ развода, совершаетъ преступленіе, предусмотрѣнное 302 ст. улож. о нак. и за повтореніе его подлежитъ четырехлѣтнему лишенію свободы, а бракъ не считается расторгнутымъ. Поэтому, если онъ совершитъ новый бракъ, съ его точки зрѣнія вполнѣ законный, онъ впадаетъ въ новое преступленіе, указанное 1558 ст. улож. о нак. [151]), за что можетъ попасть въ тюрьму на годъ и четыре мѣсяца.

«Казенный раввинъ», какъ правительственный чиновникъ, долженъ самъ совершать разводъ, т. е. передавать разводимымъ же-

намъ геты, чего онъ не можетъ и не долженъ допускать, какъ блюститель и хранитель еврейскаго закона. Если же гетъ переданъ не имъ или его помощникомъ, то онъ, въ силу возложенныхъ на него обязанностей, не долженъ допускать вступленія разведенныхъ такимъ образомъ евреевъ въ новый бракъ. Если же онъ исполнитъ обрядъ бракосочетанія для лица, разведеннаго по еврейскимъ обрядамъ, то совершитъ преступленіе, предусмотрѣнное 1579 ст. улож. д нак. и за повтореніе его подлежитъ отдачѣ въ арестантское отдѣленіе на четыре года. Въ силу такого положенія вещей—передастъ онъ лично гетъ, онъ является нарушителемъ торы и талмуда, подлежащимъ херему; не передастъ онъ его, онъ становится преступникомъ, подвергающимся очень строгому наказанію. И опять приходится обходить государственный законъ, а для безнаказаннаго нарушенія его совершить цѣлый рядъ преступленій. Таково разлагающее вліяніе законовъ, созданныхъ ошибочнымъ взглядомъ законодателя на еврейскіе обряды, какъ на духовные, и на «казенный» раввинатъ, какъ на еврейское духовенство.

Ошибочность этого взгляда весьма странно отражается и на исполненіи обряда погребенія евреевъ.

Нашъ законодатель признаетъ «хабура-кадиша» (общество погребателей), которое, по 1074 ст. 1 ч. XI т. св. зак., находится въ вѣдѣніи еврейскихъ духовныхъ правленій. На обязанности этихъ братчиковъ и лежитъ погребеніе евреевъ. Между тѣмъ, если они воспользуются предоставленнымъ имъ по закону правомъ и похоронятъ еврея, они становятся преступниками, самовольно присвоившими себѣ власть, такъ какъ обрядъ погребенія можетъ совершить лишь раввинъ, а всѣ остальныя лица, слѣдовательно, и братчики, согласно 302 ст. улож. о нак., подлежатъ строгой отвѣтственности. При неослабномъ примѣненіи этого карательнаго закона, всѣ русскіе кабронимъ, въ самое короткое время, должны были бы попасть на болѣе или менѣе продолжительные сроки въ арестантскія отдѣленія. Въ дѣйствительности же они благополучно совершаютъ обряды погребенія и если попадаютъ подъ судъ, то за то, что не хотятъ похоронить того или другаго еврея. Мы не станемъ утверждать, что послѣднее часто случается, да и не въ этомъ дѣло; намъ важно то, что кабронимъ могутъ подвергнуться суду и наказанію какъ за погребеніе еврея, такъ и за отказъ похоронить его! «Казенные» же раввины ограничиваютъ свое участіе въ погребеніи еврея только тѣмъ, что записываютъ о его смерти въ подлежащія метрическія книги. Очевидно, что отмѣтка въ «книгѣ для записи умершихъ евреевъ», что такой-то еврей умеръ отъ той или другой болѣзни, не можетъ считаться совершеніемъ обряда погребенія, а между тѣмъ раввины сами не знаютъ: нужно ли имъ рвать на себѣ платье, или выливать воду при смерти еврея, или же послѣ всякаго умершаго потомка Израиля исполнять шиву, т. е. сѣмь дней высиживать на полу въ однихъ чулкахъ, и читать «кадиша», что обязательно должно быть исполнено родными покойнаго, которые, за исполненіе обряда погребенія его не раввиномъ, а кабронимъ, должны, послѣ шивы, пересѣсть на скамью подсудимыхъ и, по приговору суда, согласно 302 ст. улож. о нак., уплатить штрафъ.

Въ такомъ же затруднительномъ положеніи находится еврей и при совершеніи надъ его сыномъ обряда обрѣзанія. Позоветъ онъ могела для совершенія новорожденному извѣстной операціи, онъ становится преступникомъ, а такъ какъ у каждаго еврея нѣсколько сыновей и каждый разъ онъ зоветъ для обрѣзанія не раввина, который не умѣетъ совершить ни переа, ни мецица, а могела, то ему, при строгомъ соблюденіи закона, пришлось бы послѣ рожденія каждаго сына, этой «радости Израиля», являться на скамьѣ подсудимыхъ, чтобы выслушать приговоръ суда о наложеніи на него извѣстнаго штрафа. Еще хуже пришлось бы, при точномъ исполненіи требованій закона, обрѣзателямъ, изъ которыхъ каждый обрѣзалъ не одну сотню еврейчиковъ. Сколько лѣтъ пришлось бы каждому изъ нихъ высидѣть въ арестантскомъ отдѣленіи при строгомъ исполненіи закона! Но они хорошо знаютъ, что законъ, запретившій имъ совершать обрѣзаніе, составленъ лишь для увеличенія числа статей нашего уголовнаго уложенія, а потому они и не стѣсняются имъ. Не знаемъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, но въ в—ской губерніи, за послѣднія пятнадцать лѣтъ, былъ лишь одинъ случай появленія обрѣзателей передъ судомъ. И сѣли они на скамью подсудимыхъ, лишь благодаря доносу другой партіи обрѣзателей, которые пользовались меньшимъ успѣхомъ и числомъ приглашеній въ своей общинѣ. Понятно, что такіе единичные факты не удерживаютъ обрѣзателей, которые глубоко убѣждены, что каждый казенный раввинъ, въ случаѣ надобности, отмѣтитъ въ своей книгѣ, что обрядъ обрѣзанія *совершонъ имъ*. А мы смѣло утверждаемъ, что ни одинъ казенный раввинъ не совершалъ этого обряда, хотя каждый изъ нихъ постоянно записывалъ и записываетъ это въ «книгѣ для записи родившихся евреевъ». Да и винить ихъ въ этомъ положительно невозможно, такъ какъ обрядъ обрѣзанія состоитъ въ самомъ фактѣ операціи, которую, по еврейскимъ законамъ, долженъ совершить отецъ младенца или могелъ, и лишь за ихъ отсутствіемъ—любой еврей. «Казенные» раввины не являются ни «сандука», ни «кватерами», хотя, впрочемъ, еслибы они, при каждомъ рѣшительно обрѣзаніи, и представляли изъ себя этихъ лицъ, то все же не могли бы сказать про себя, что они совершили обрядъ обрѣзанія. Даже присутствуя при каждомъ обрѣзаніи, они могли бы сказать, что обрядъ совершонъ въ ихъ присутствіи, но не ими, и все же нарушили бы возложенныя на нихъ закономъ обязанности, допустивъ другихъ лицъ совершить обрядъ, на совершеніе котораго только они и уполномочены закономъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что какъ общественные раввины, такъ и всѣ евреи постоянно нарушаютъ относящіеся къ нимъ законы и не подвергаются за это наказанію, что, понятно, пріучаетъ ихъ не исполнять и другихъ законовъ. Излишне доказывать, какъ все это разлагаетъ натуру еврея, и безъ того изобилующую разными пороками.

Но этого мало. Еврей съ юныхъ лѣтъ убѣждается, что государственные законы не имѣютъ надъ нимъ силы, что кагалы и бетъ-дины сильнѣе христіанскаго правительства, а потому необходимо исполнять ихъ требованія, тѣмъ болѣе, что за нарушеніе ихъ по-

становленій не избѣгнешь наказанія, а при ихъ содѣйствіи легко и преблагополучно можно нарушать законы гоевъ.

Мы указали зловредныя и грустныя послѣдствія ошибочнаго взгляда законодателя на еврейскіе обряды. Прибавимъ къ нимъ еще положеніе нашихъ судей, которымъ, напр., математически докажутъ, что только самъ супругъ-еврей или его шелуахъ можетъ передать разводимой женѣ гетъ, что только самъ женихъ можетъ и долженъ совершить кедушинъ. Кто изъ судей, по чистой совѣсти, признаетъ еврея виновнымъ? А между тѣмъ обжалованное дѣяніе, по признакамъ своимъ, подходитъ подъ извѣстную статью уложенія о наказаніяхъ: подсудимый дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, заявляя лишь, что онъ не могъ отступить отъ требованій своей религіи, свободное исповѣданіе которой предоставлено ему закономъ... Какъ тутъ быть? Вопросъ этотъ вызываетъ слишкомъ сложный отвѣтъ, чтобы изложить его въ настоящей статьѣ. Поэтому мы ограничимся лишь указаніемъ, что, до общаго пересмотра законовъ о евреяхъ, необходимо уничтожить принесшій уже столько вреда «казенный» раввинатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и столь зловредную «хабура-кадиша»; *необходимо признать обряды обрѣзанія, брака, развода и погребенія евреевъ—гражданскими обрядами* и передать ихъ въ вѣдѣніе русскихъ гражданскихъ чиновниковъ, съ тѣмъ чтобы совершеніе ихъ по религіознымъ убѣжденіямъ евреевъ было предоставлено ихъ благоусмотрѣнію. Лишь этимъ путемъ возможно избѣгнуть самыхъ затруднительныхъ положеній.

При составленіи новаго, такъ давно ожидаемаго, уголовнаго уложенія, необходимо исключить 302 статью улож. о нак., изд. 1885 г., подобно тому какъ въ 1865 году была уничтожена 2150 ст. улож. о нак., изд. 1857 г., каравшая за бритье головы замужнимъ еврейкамъ. Статьи этой нѣтъ, а молодыя еврейки уже много лѣтъ не брѣютъ головы. Въ новомъ уложеніи немыслимо оставить статью, которая не можетъ быть примѣнена къ жизни, какъ вполнѣ противорѣчащая ей. Отъ уничтоженія этой статьи уложеніе лишь выиграетъ, хотя бы тѣмъ, что евреи не въ состояніи будутъ безнаказанно нарушать ее.

Мы говорили уже и повторяемъ здѣсь: обрѣжетъ ли еврейчика могелъ, совершитъ ли кедушинъ самъ женихъ, передастъ ли гетъ самъ супругъ, или совершитъ эти обряды «казенный» раввинъ—правительству положительно безразлично. Для достиженія цѣлей и задачъ законодателя вполнѣ достаточно подчинить совершеніе этихъ обрядовъ извѣстному контролю. Въ виду этого, если «казенный» раввинатъ не будетъ уничтоженъ, въ 3 пунктѣ 1086 ст. XI т. св. зак. слова: «*совершать* исключительно по всему его вѣдомству обряды»... слѣдуетъ замѣнить словами: «*наблюдать* по всему его вѣдомству за совершеніемъ обрядовъ»... Соотвѣтственно этому, слѣдуетъ измѣнить первое примѣчаніе къ этой статьѣ и статьи 1088—1090 того же тома, причемъ въ указанномъ примѣчаніи уничтожить вторую половину его, начиная отъ словъ: «Никакія другія лица»... Съ этимъ измѣненіемъ теряютъ свой смыслъ и право на существованіе 302 ст. и 2 ч. 1579 ст. улож. о нак. Взамѣнъ пер-

вой изъ нихъ, чтобы предоставить раввину возможность исполнять возложенныя на него обязанности по наблюденію за совершеніемъ еврейскихъ обрядовъ и веденію метрическихъ книгъ, должно обязать евреевъ о каждомъ совершонномъ ими обрядѣ заявлять раввину, а за неисполненіе этого—подвергать ихъ неминуемо наказаніямъ, дабы строгостью принудить ихъ исполнять требованіе закона.

Н. Тембе.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Первое Полное Собраніе Законовъ, т. VII, 14 марта 1727 г. № 5032 и 26 апрѣля 1727 г. № 5063. Я пользуюсь разными сборниками законовъ, касающихся евреевъ, какъ напр., *В. О. Леванды*: «Полный хронологическій сборникъ законовъ и положеній, касающихся евреевъ». С.П.Б., 1874 г. и другихъ, но буду, для краткости, указывать непосредственно томы и нумера Собранія Законовъ 2) П. П. С. З., т. XI, № 8673, 2 декабря 1742 г. 3) Тоже, т. XI, 16 декабря 1743 г., № 8840. 4) Тоже, т. XII, 25 января 1744 г, № 8867. 5) Тоже, т. XXII, 7 мая 1786 г., № 16391. 6) Тоже, т. XIX, 13 сентября 1772 г., № 13865. 7) Тоже, т. XXI, 10 марта 1781 г., № 15130, т. XXII, 4 фев. 1785 г., № 16146. 8) Тоже, т. XXII, 7 мая 1786 г., № 16391. 9) Тоже, т. XXVIII, 9 дек. 1804 г., № 21547. 10) Втор. П. С. З., т. X, № 8054, Высочайше утвержденное 13 апрѣля и распубликованное 31 мая 1835 г., положеніе о евреяхъ. 11) В. П. С. З., т. XIX, 19 дек. 1844 г., № 18546. 12) В. П. С. З., т. XXIII, 18 мая—24 іюня 1848 г., № 22276. 13) В. П. С. З., т. XXXII, 13 мая 1857 г., № 31832. 14) Древне-еврейскія учрежденія, состоявшія изъ семи избранныхъ общиною «парнесовъ» (попечителей) были не духовныя, а свѣтскія учрежденія. Кромѣ дѣлъ религіозныхъ и отнесенныхъ къ вѣдѣнію бетъ-диновъ (судовъ) комитеты парнесовъ вѣдали всѣ административныя и хозяйственныя дѣла всякой провинціальной общины. Съ паденіемъ учрежденныхъ Омаромъ «Рошъ-галута» (=глава изгнанія, глава еврейскаго народа) и «Гаоновъ» (центральные, высшіе сановники) къ концу IX в., власть въ каждой провинціальной общинѣ сосредоточивается въ бетъ-динахъ и комитетахъ парнесовъ. Эти комитеты, получая разныя названія—въ Польшѣ и Литвѣ, а затѣмъ въ Россіи «кагалы» и «прикагалки»—существуютъ и до сихъ поръ. Grätz: «Geschichte des Judenthums». S. «Munk: Palestine. Description geographique, historique et archeologique. Paris, «Die gemeinde Ordnung nach talmudischen Rechte», Frankel's: «Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums». 1853. *Я. Брафманъ*: «Книга кагала». 1888 г., *С. А. Бершадскій*: «Литовскіе евреи». 1883 г. 15) В. П. С. З., т. XXXII, 13 мая 1857 г., № 31832. 16) Св. Зак., т. IX кн. I, гл. VI, «о евреяхъ»; т. XI, кн. IV, «о управленіи духовныхъ дѣлъ евреевъ». Укажемъ здѣсь на крайнюю небрежность редакторовъ Свода Законовъ. Копируя Положеніе 1835 г., они упустили изъ виду упраздненіе кагаловъ и въ 1084 статьѣ XI тома изданія 1857 г. говорятъ, что раввинъ заключаетъ договоръ съ избравшимъ его обществомъ или *кагаломъ*. То же указывается и въ примѣчаніи первомъ къ 1086 ст., т. XI, по которому обществу евреевъ или его *кагалу* предоставляется право избирать помощниковъ раввина; въ 985 ст., IX т., изд. 1876 г., говорится о службѣ кагальной. Можно подумать, что наше правительство и въ настоящее время признаетъ кагалы, упраздненные имъ въ 1844 г., но въ дѣйствительности существующіе и въ наши дни. 17) Св. Зак., т. I, зак. основн., гл. «о вѣрѣ», ст. 44 и 45, изд. 1857 г. 18) «Русскій Архивъ» за 1862 г., стр. 492: «впрочемъ разрѣшеніе евреямъ поселиться въ Россіи»,—какъ впослѣдствіи писала императрица Екатерина II,—«могло бы нанести вредъ нашимъ мелкимъ

торговцамъ, ибо эти люди (евреи) забираютъ все въ свои руки и возможно что по этому поводу было бы болѣе жалобъ, чѣмъ выгоды». («Заря» за 1870 г., книга 6, статья: «Екатерина II, какъ писательница». Оршанскій: «Русское законодательство о евреяхъ», 1877 г., стр. 204). 19) П. П. С. З., т. XVI, 4 дек. 1762 г., № 11720. 20) Тоже, т. XXI, 10 мар. 1781 г., № 15130; т. XXII, 7 мая 1786 г., № 16391. 21) Тоже, т. XXXIII, 23 іюня 1794 г., № 17224. 22) *Бартеневъ*: «Восемнадцатый вѣкъ», IV, 397. 23) Ст. 1162 Улож. о нак., 1845 г. 24) Ст. 542 Улож. о нак. 1845 г. 25) Ст. 1239 Улож. о нак. 1845 г.; ст. 1293 Улож. о наказ., изд. 1857 г.; Св. Зак., изд. 1857 г., т. IV, Уст. о предупр. и прес. прес. и прост. ст. 122; т. XI, ч. I, ст. 1061, изд. 1857 и 1876 гг. 26) Рѣшеніе уголов. кассац. депар. прав. сен. 1874 г., № 678 по дѣлу Шмира; 1879 г., № 31, по дѣлу Рынковской. 27) *Неклюдовъ*: «Руководство для мировыхъ судей» т. II, стр. 158. 28) Уст. о нак., нал. мир. суд., ст. 48₆ по закону 18 іюня 1892 г. «Правительств. Вѣстникъ» 1892 г., № 170. 29) Уже Шопенгауеръ совершенно справедливо замѣтилъ, что разсматривать еврейство «подъ видомъ религіозной секты» крайне ошибочно; «рѣчь должна идти не о религіозномъ исповѣданіи, а объ еврейской націи въ совокупности». 30) Св. Зак., т. IX, кн. I, гл. VI, ст. 952. 31) В. П. С. З., т. XIX, 19 дек. 1844 г., № 18545, §§ 10, 14 и 15; т. XXIII, 11 фев. 1848 г., № 21985; т. XXV, 1 мая 1850 г., № 24127; т. XXVI, 27 фев. 1851 г., № 24975; т. XXVI, 12 апр. 1851 г., № 25113; т. XXVII, 10 окт. 1852 г., № 26603. 32) *Вараднновъ*: «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ» т. III, стр. 555. 33). Уставъ о девятой народной переписи. Примѣчаніе 4 къ § 5. В. П. С. З., т. XXV, 11 янв. 1850 г., № 23817. 34) Уставъ о производствѣ десятой народной переписи. Примѣчаніе 4 къ § 5. В. П. С. З., т. XXXII, 3 іюня 1857 г., № 31918. 35) В. П. С. З., т. XXXI, 26 августа 1856 г. 36) *И. Г. Оршанскій*: «Русское законодательство о евреяхъ», 1877 г. 37) «Мусафъ»—часть еврейскаго богомоленія, прибавляемая въ субботніе и праздничные дни, послѣ чтенія Пятикнижія, установленная въ память прибавочныхъ жертвъ, которыя въ эти дни приносились въ храмѣ. Книга Чиселъ гл. 28—29. *Волъ*: «Молитвы евреевъ на весь годъ». Вильна. 1886, стр. XVIII. Брафманъ: «Книга Кагала», т. II, стр. 476, изд. 1888 г. 38) Про «Бирхотъ когенимъ» смотри: *Волъ*: «М. ев.», стр. 290—298. *О. Я. Гурвичъ*: «Еврейскій Молитвословъ». Вильна, 1870 г., стр. 337—341. Правила о немъ установлены въ «Шулханъ-Арухѣ» (=«Накрытый столъ») часть первая: «Орахъ хайимъ» (Путь къ жизни) гл. VI, §§ 128—134. 39) «Аліа»—это чтеніе книгъ Пятикнижія и пророковъ на «бимѣ» (эстрадѣ) въ синагогѣ или школѣ, по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ. Первая алія принадлежитъ когену, вторая—левиту; остальныя пять «аліотъ» продаются съ аукціона, при соблюденіи нѣкотораго преимущества за извѣстными лицами. Обрядъ этотъ установленъ Эздрою. Правила объ «аліи» изложены въ «Колбо» (Уставъ о чтеніи Пятикнижія) и въ «Шулханъ-Арухѣ», Орахъ хайимъ, гл. 7, §§ 135—149. Изъ русскихъ сочиненій смотри, напримѣръ, Брафмана: «Книга Кагала», 1 ч., стр. 226—232. Весьма характерно порядокъ чтенія аліотъ описанъ г. Вс. Крестовскимъ, въ его сочиненіи: «Сара Бендавидъ». 40) Книга пр. Іереміи, гл. XXXIX, ст. 9. 41) Сравни переводы евангелій, гдѣ Іисусъ Христосъ постоянно называется то равви, то учитель: «Равви! (что значитъ: учитель)». Сравни и примѣчанія Воля къ «Пирке аботъ» (т. е. Поученія отцовъ) въ его «Мол. евр.», стр. 403—404. 42) Смотри, напр.: Шулханъ-Арухъ. Хошенъ га-Мишпатъ (т. е. Щитъ закона), гл. I, § 3. I. 43) *Брафманъ*: «Книга Кагала», 1 ч., стр. 244. Это положеніе основано на Талмудѣ, тракт. Гиттинъ, л. 62 а. И въ нашъ вѣкъ раввины считаются царями. Въ постановленіи минскаго еврейскаго общества отъ 8 марта 1806 г., о возобновленіи срока службы раввина, сказано: «такъ какъ срокъ службы нашего великаго раввина, знаменитаго учителя и господина, рабби Израиля, сына великаго, преподобнаго и знаменитаго рабби Іуда-Лейбы, окончился на этихъ дняхъ... вслѣдствіе этого нынѣ, съ согласія представителей и чрезвычайнаго собранія, рѣшено возобновить *царство нашего государя*, морейне, учителя нашего и великаго раввина Израиля»... Брафманъ: «Книга Кагала», 2 ч., стр. 348. 44) Талмудъ, трактатъ Киддушинъ, л. 33 а. «Талмудъ, трактатъ»—буду означать: Т. тр. Извлеченія изъ Талмуда я, для настоящей брошюры, позаимствовалъ изъ разныхъ сборниковъ нѣмец-

кихъ ученыхъ, знатоковъ іудаизма. 45) Т. тр. Песахимъ, 22, б. (цифры означаютъ листы). 46) Т. тр. Сангедринъ, 110, а. 47) Т. тр. Нидда, 36, а. 48) Т. тр. Баба батра, 12, б. 49) Т. тр. Мегилла, 28, б. 50) Т. тр. Недаримъ, 22, б. 51) Т. тр. Баба батра, 75, а. 52) Т. тр. Хуллинъ, 7, а. 53) Т. тр. Сота, 13, б. 54) Т. тр. Сангедринъ, 39. б. 55) Т. тр. Рошъ га-Шана, 18, б. 56) Т. тр. Киддушинъ, 40, а. 57) Т. тр. Хуллинъ, 105, а. 58) Т. тр. Мегилла, 17, б. 59) Т. тр. Макотъ, 11, а. 60) Т. тр. Берахотъ, 7, а. 61) Т. тр. Рошъ га-Шана, 8, б. 62) Т. тр. Мегилла, 21, а. 63) Лютостанскій: «Талмудъ и евреи», т. I, стр. 174. 64) Т. тр. Моэдъ катанъ, л. 16, а. 65) Т. тр. Хуллинъ, 7, б. 66) См., напр.: Т. тр. тр. Баба меціа, 33, а; Сота, 22, а; Трактатъ Соферовъ, гл. XV. 67) Т. тр. Эрубинъ, 21, б, 68) Т. тр. Шаббатъ, 88, б; заимствовано у Лютостанскаго: «Талмудъ и евреи», т. III, стр. 309. 69) Т. тр. тр. Берахотъ, 5, а; Мегилла, 19, б. 70) *И. Лютостанскій*: «Талмудъ и евреи», т. III, стр. 308. 71) Тоже, т. I, стр. 69. 72) «Наблюдатель», 1893 г., кн. IV, стр. 15; «Новое Время», 1893 г. № 6103. 73) Т. тр. Баба батра, л. 58. 74) «Наблюдатель», 1892 г. апрѣль, «Фонографъ», стр. 45. 75) Арба'а туримъ, Хошенъ га мишпатъ; та же часть Шулханъ-Аруха; *Брафманъ*: «Книга кагала», ч. I, стр. 209 и слѣд.; часть II, документы подъ №№ 155, 156, 233, 730 и друг. 76) *Карповичъ*: «Еврейскій вопросъ въ Россіи», 1864 г., стр. 44. 77) *Оршанскій*: «Русское законод. о евреяхъ». 78) Iost: «Geschichte des Judenthums». 1869. B. III. S. 304. 79) Stobbe: «Die Juden in Deutschland während des Mittelalters». Graetz: «Geschichte der Juden». Stern: «Geschichte des Judenthums». Kraushar: «Historya żydów w Polsce». *Бершадскій*, назв. соч.; *Оршанскій*, назв. соч. 80) П. П. С. З. т. XIX, 13 сентября 1772 г., № 13865. 81) П. П. С. З., т XX, 7 мая 1786 г., № 16391; т. XXIII, 3 мая 1795, № 17327. 82) П. П. С. З., т. XXV, 14 мая 1799 г., № 18889, п. 8. 83) П. П. С. З., т. XXVIII. 9 дек. 1804 г., № 21547. 84) В. П. С. З., т. X, 13 апр. 1835 г., № 8054, §§ 66—77. 85) Тоже, §§ 87 — 103. 86) В. П. С. З., т. XIX, 19 дек. 1844 г., № 18546. 87) Св. Зак., т. XI, ст. 1086, изд. 1857 г.; В. П. С. З., т. XXV, № 23817; уставъ о производствѣ 9-й народной переписи; В. П. С. З., т. XXXII, № 31918, уст. о 10-й народн. переписи. 88) П. П. С. З., т. XXVIII, 9 дек. 1804 г., № 21547, «Положеніе для евреевъ», ст. 10. 89) В. П. С. З., т. X, 13 апр. 1835 г., № 8054. «Положеніе о евреяхъ», § 87. 90) *Богровъ*: «Записки еврея», стр. 125. 91) В. П. С. З., т. XIX, 13 ноября 1844 г., №№ 18420, 18421. 92) В. П. С. З., т. XXX, 3 мая 1855 г., № 29276. 93) В. П. С. З., т. XXXII, 13 мая 1857 г., № 31831. 94) Собр. узак. и распор. пр. 1873 г., 16 марта, № 324. 95) Св. Зак., т. XI, ст. 1094; Положеніе 1835 г., § 100. 96) В. П. С. З., т. XXXIV, 3 марта 1859 г., № 34203; т. XI., 29 іюня 1867 г., № 44778; Св. Зак., т. XI. ст. 1094. 97) Положеніе 1835 г., § 98. Св. Зак., т. XI, 1092 и 1093. 98) Положеніе 1835 г., § 102; В. П. С. З., т. XXXII, 27 мая 1857 г., № 31880. Св. Зак., т. XI, ст. 1095 и 1096. 99) Полож. 1835 г.. § 102; Св. Зак., т. XI, ст. 1091; Улож. о нак., 1845 г., ст. 551, 1338, 1915, 2071. 100) 22 марта 1862 г. отмѣнена отдача преступниковъ гражданскаго вѣдомства въ военную службу. В. П. С. З., т. XXXV. № 35558. 101) Пол. 1835 г., § 92. В. П. С. З., т. XXVII, 10 окт. 1852 г., № 26603; т. XXVIII 20 апр. 1853 г. № 27172; Уложен. о нак. 1845 г., ст. 551, 1338. 2071. 102) Улож. 1845 г. прим. къ ст. 19 пунктъ 15. 103) Св. Зак. т. XI ст. 1092—1094 изд. 1857 г. 104) В. П. С. З. т. XXXVIII, 17 апр. 1863 г. № 39504 ст. X п. 2. 105) § 34 п. 5 прим. къ 30 ст. Улож. о нак. изд. 1885 г. Этотъ § возможно еще примѣнить, хотя и неправильно, къ общественнымъ (казеннымъ) раввинамъ. 106) В. П. С. З. т. XXXI, 5 ноября 1856 г. № 31104. Св. Зак. т. XI ст. 1091, изд. 1857 г. Улож. о нак., изд. 1885 г., ст. 1053 ч. 2. 107) Улож. о нак. изд. 1885 г. ст. 1579. 108) В. П. С. З. т. XXV, 3 іюня 1850 г. № 24299. Св. Зак. т. XI ст. 1070 и 1071. 109) В. П. С. З. т. XXV 3 іюня 1850 г. № 24298; т. XXVII 13 мая 1852 г. № 26269; т. XXXI 5 іюня 1856 г. № 30557; т. XXXII 13 мая 1857 г. № 31829; т. XXXVI 27 ноября 1861 г. № 37684; т. XIX, 13 ноября 1844 г. № 18421. 110) В. П. С. З. т. XXIII, 12 іюня 1848 г. № 22437; т. XXXII, 17 іюня 1857 г. № 32002. 111) Положеніе 1804 г. § 50; Положеніе 1835 г. § 87; В. П. С. З. т. XIX 30 окт. 1844 г. № 18376. Св. Зак. т. XI ст. 1093, изд. 1857 г. 112). Положеніе 1835 г., § 90; Св. Зак. т. XI, ст. 1086. 113) Полож. 1835 г. § 116; В. П. С. З. т. XXXI, 5 ноября 1856 г. № 31104, ст. 3. 114) В. П. С. З. т. XXXI

№ 31104 ст. 7; Улож. изд. 1885 г., ст. 1053. Въ послѣднее время меламды подчинены надзору дирекціи народныхъ училищъ. 115). Полож. 1804 г. гл. V. 116) Полож. 1835 г. § 88; Св. Зак. т. XI ст. 1084. 117) Полож. 1835 г. § 102; Св. Зак. т. XI ст. 1096. 118) *Оршанскій*, назв. соч., стр. 87. 119) Полож. 1804 г. гл. V. Полож. 1835 г. §§ 90—103; Св. Зак. т. XI ст. 1070, 1071, 1083, 1086, 1087, 1095. 120) Законы объ обрѣзаніи изложены въ «Арба'а туримъ», отд. «Іоре де'а» §§ 260—266; въ «Шулханъ-Арухѣ», отд. «Іоре де'а» гл. 23. См. Bodenschatz: «Aufrichtig teutsch redender Hebräer...» часть IV гл. III отд. 2 стр. 58—74; *Брафманъ*, назв. соч. стр. 238—240 части 1-й. *Лютостанскій*, назв. соч., т. I, стр. 216—226. *Волъ*: «Мол. евр.» стр. 371—377. *Гурвичъ*: «Евр. Мол.» стр. 253—255. 121) Шамешъ-гакагаль—младшій членъ кагала, его дѣлопроизводитель и исполнитель разныхъ порученій. 122) Вѣроятно, отъ нѣмецкаго Gevatter. 123) Могель, мн. ч. могелимъ—лица, спеціально занимающіяся обрѣзаніемъ младенцевъ, обрѣзатели. 124) Вѣроятно, отъ греческаго Syndikos—вліятельный членъ общества. 125) О бракѣ смотри: «Арба'а туримъ», «Эбенъ га'эзеръ» §§ 26—119; «Шулханъ-Арухъ», «Эбенъ га'эзеръ» гл. 3, § 26—118; Боденшатцъ, назв. соч., стр. 104—129; *Брафманъ*, назв. соч. ч. 1 стр. 241—243; *Лютостанскій*, назв. соч., 1 т. стр. 226—232. *Гурвичъ*, стр. 251—253. *Богровъ*: «Зап. евр.» стр. 192, 236, 241—248, 570, 582. 126) Нѣкоторые произносятъ «ксубе» и даже «ксибе» —брачный договоръ. 127) «Гемара гитинъ»—(Ученіе о разводѣ); Шулханъ-Арухъ, Эбенъ га'эзеръ гл. IV §§ 119—155; Лютостанскій, назв. соч., т. I стр. 233—234; Богровъ, назв. соч., стр. 582—584. 128) «Маабаръ-Ябокъ»—(Сборникъ обрядовъ и молитвъ при погребеніи). «Шулханъ-Арухъ», «Іоре де'а», гл. 35 §§ 340—343; Wagenseil: «Benachrichtigungen wegen einiger die gemeine Judischheit betreffenden judische Sachen», стр. 141 и слѣд.; Gerson: «Der judische Talmud und dessen Widerlegung, ч. 1 стр. 36 и слѣдующ.; Боденшатцъ, назв. соч., гл. IV, стр. 169; Брафманъ, назв. соч., 1 ч., стр. 279. *Лютостанскій*, назв. соч., т. I стр. 245 и слѣд. 129) Т. тр. тр. Сангедринъ 20, 46, 47; Моэдъ катанъ 24, 27; Кетуботъ 69; Шаббатъ 23; Баба батра, 6; Нидда, 36. 130) Шулханъ-Арухъ, Іоре де'а §§ 340—343, 363—364. 131) В. П. С. З. т. XXXIV, 8 мая 1859 г. № 34474; Собр. узак. и распор. правит. за 1871 г., № 184 отъ 26 дек. 1870 г. 132) Арба'а туримъ, Іоре де'а § 264. 133) «Новое Время» 1892, № 5905 отъ 7 августа. 134) Т. В. тр. Абода зара, 36; Шул.-Арухъ, Эбенъ га'эзеръ, XVI,$_{11}$. 135) Т. тр. тр. Моэдъ катанъ, 25; Іебамотъ 61; Шулханъ-Арухъ, Іоре де'а §§ 340,$_5$, 344$_8$, 372$_8$. 136) П. П. С. З. т. XXII № 16391; т. XXIII, 3 мая 1795 г. № 17327, т. XXV 14 марта 1799 г. № 18889. 137) «Положеніе для евреевъ» 1804 г. гл. V. 138) Полож. 1835 г. § 90. 139) В. П. С. З. т. XXVIII, № 27172, ст. 2. 140) Св. Зак. т. XI ст. 1086 и I примѣчаніе къ ней. 141) *Варадиновъ*, наз. соч., т. III, стр. 555. 142) Св. Зак. т. I ст. 44 и 45. 143) Св. Зак. т. XIV Уст. о пред. и прес. преступ. и прост., ст. 65, изд. 1890 г. 144) Св. Зак., т. XI, кн. IV, ст. 1060. Между тѣмъ, очевидно, евреямъ дозволено отправлять свое богомоленіе и за чертой ихъ общей осѣдлости, почему эта статья требуетъ новой редакціи. 145) Св. Зак. т. X ч. 1 ст. 90. 146) Св. Зак. т. X ч. 1 ст. 1113. 147) Здѣсь дѣлается ссылка на 1991 ст. Улож. о наказ. Замѣтимъ, что ни 1991 ст. Улож. изд. 1845 г., ни 1991 ст. Улож. изд. 1857 г. не говоритъ о наказаніи за незаконное совершеніе браковъ евреевъ. 148) Ранъ къ Т. тр. Недаримъ, п. 4; Ашеръ къ тому же трактату; Мардохей къ Т. тр. Баба камма; Шулханъ-Арухъ, Хошенъ га-мишпатъ, по Иссерлесу §§ 369$_6$,$_9$,$_{11}$. 149) Прилож. къ 1080 ст. IX т. Св. Зак., изд. 1876 г. 150) Наказъ Екатерины II, ст. 423. 151) Согласно рѣшенію угол. кас. деп. по дѣлу Блоха, 1872 г. № 1114.

Сказки.

Эти звуки, эти краски,
Эти клятвы, эти ласки—
Обольстительная ложь!
Но ребенокъ вѣритъ сказкамъ;
Вѣритъ клятвамъ, вѣритъ ласкамъ
Беззавѣтно молодежь.

Жизнь ребенка правдѣ учитъ;
И терзаетъ насъ, и мучитъ
Опытъ жизни; но и съ нимъ,
Изъ-за новой нѣжной ласки,
Мы готовы слушать сказки,
Переставши вѣрить имъ!

А. Кругловъ.

СЪ ДОБРЫМЪ СЕРДЦЕМЪ.

XII.

Нѣсколько дней Женя рано вставала и съ каждымъ утромъ все съ бо́льшимъ рвеніемъ принималась за опись своего имущества, забрасывая Климова вопросами и восклицаніями.

— Буфетъ сколько стоитъ? Вѣдь это цѣлая нива!—До такой степени это ему надоѣло, что онъ ушелъ къ своимъ занятіямъ, и двое сутокъ не являлся къ ней. Но, погруженная въ свои соображенія, она почти и не замѣтила его отсутствія. Весь горизонтъ въ ея воображеніи покрылся ея собственной землей; всѣ ея мысли ушли въ десятины полей, луговъ и лѣсовъ. Съ озабоченной и оживленной миной она встрѣтила Климова на третій день и рѣшительно возвѣстила ему, что сейчасъ пошлетъ въ газету объявленіе о продажѣ мебели. Но въ первый разъ, взявъ строгій тонъ, онъ почти прикрикнулъ на нее:

— Нельзя! Позабавилась—и довольно.

Внезапно омрачилось ея оживленное лицо и поразило его выраженіемъ глубокой печали. Но онъ скрѣпился и ушелъ, подавивъ на этотъ разъ всю свою жалостливость.

Оставшись одна, Женя надулась и, избравъ синее кресло передъ мозаичнымъ столикомъ въ амбразурѣ окна, просиживала тамъ долгіе часы, ничего не дѣлая. Она не подозрѣваетъ, что вокругъ нея нашлось бы множество занятій, которыя также, какъ и удобства, комфортъ, поглощаютъ и обезличиваютъ женщину, только не нѣжатъ ея, а наполняютъ раздражительной мелочной злобой дня. Не приходилось ей самой нанимать и контролировать прислугу, торговаться съ полотерами и мясниками, а о денежныхъ разсчетахъ не имѣла она и понятія, привыкнувъ съ дѣтства ко всему готовому.

Климовъ предоставилъ ей полный покой, а между тѣмъ онъ началъ замѣчать серьезное, несвойственное ея характеру,

выраженіе въ глазахъ; и каждый разъ, являясь къ ней послѣ отказа продать мебель, все заставалъ ее на томъ же мѣстѣ у окна. Поблѣднѣвшее лицо ея то вспыхнетъ слабымъ румянцемъ, то, озарясь лучистымъ свѣтомъ изъ подъ рѣсницъ задумчиво-серьезныхъ глазъ, все улыбнется и вслѣдъ затѣмъ выразитъ тихую грусть. Какъ огонь лампы сквозь матовое стекло, прозрачная кожа ея отсвѣчиваетъ душевныя движенія,— то яркій, то померкшій внутренній огонь. Боится онъ, чтобы она не угасла, и вздыхаетъ, не зная, что̀ предпринять.

— Женя, не простудилась бы ты у окна. Что ты тутъ дѣлаешь?

— Сижу и гляжу. Смотри,—указала она ему въ окно:— бѣжитъ молодой человѣкъ въ одномъ пледѣ сверхъ сюртука, потираетъ красныя отъ холода руки, а у насъ много накопилось ненужныхъ вещей...

— Не смотри ты въ окно, не разстраивай себя.

— Такъ валяются вещи, и некому отдать. И капитанша давно не была,—вздохнула Женя.—Прежде она часто ко мнѣ ходила, и каждый разъ начинала съ того, что вотъ ей сію минуту до зарѣзу нужно рублей пять или хоть три, а въ понедѣльникъ или во вторникъ она съ кого-то получитъ и непремѣнно отдастъ. Но, съ тѣхъ поръ какъ она взяла у меня сразу пятьдесятъ рублей, ужь и не показывается больше. Боится, бѣдная, что я потребую съ нея.

— Она и за квартиру не платитъ,—сказалъ Климовъ,— все до вторника откладываетъ.

Оба засмѣялись.

— Ты бы надѣла капотъ, Женя, прилегла бы; надо беречь здоровье.

— Я здорова.

— Все таки отдохни. Вотъ твой чепчурка—надѣнь. Скинь башмачонки, вотъ туфли.

Прислуживая ей, онъ беретъ въ руки каждую принадлежность ея одежды, и безпредѣльно добрая улыбка свѣтится при этомъ на его умиленномъ лицѣ; впадинки по бокамъ его носа оттопыриваютъ усы; чуть видныя морщинки собираются вокругъ смѣющихся ласковыхъ глазъ.

— Добрякъ,—говоритъ она, и гладитъ и теребитъ его бороду.

— Красавица,—отвѣчаетъ онъ, цѣлуя ее.

Сколько обаятельной прелести находитъ онъ въ лѣнивомъ движеніи ея руки, во всей ея истомленной насильственнымъ покоемъ фигурѣ, окутанной сплошнымъ облакомъ густо собранныхъ кружевъ, продолженіе которыхъ составляетъ пучокъ рюша, кокетливымъ чепцомъ сидящій на ея темныхъ волосахъ. Медленно поднялись ея длинныя рѣсницы, и все лицо капризно дрогнуло.

— Саша, купимъ землю, населимъ ее, и сами будемъ на ней жить въ избушкѣ,—говоритъ она.—Хорошо будетъ. Природа, зелень, чистый воздухъ, теплый вѣтеръ...

— Поѣдемъ прокатиться за городъ.

— Пожалуй, только не съ Харламомъ. Мы поѣдемъ на извощикѣ, на самомъ обтрепанномъ. Хорошаго-то всякій найметь, надо дать заработать и бѣдному.

— Вечеромъ будетъ опасно возвращаться на извощикѣ, надо револьверъ взять съ собой, а то бывали случаи грабежа.

— Ничего, пусть насъ ограбятъ; будетъ страшно, интересно, весело.

— Тебѣ хочется устраивать изъ жизни кукольную комедію,—ласково ворчитъ онъ, помогая ей подняться съ кушетки.

Марихенъ доложила, что пришелъ господинъ Булыгинъ къ барынѣ, и Женя со всѣхъ ногъ бросилась въ гостинную.

— Вотъ кстати-то, родной мой,—задыхаясь отъ радости, бормотала она, вися на шеѣ брата.—Ты пріѣхалъ участвовать въ моемъ дѣлѣ, я мѣньшаго и не ждала отъ тебя. Познакомься съ Сашей поскорѣй. Саша, иди сюда! Викторъ... Саша! Ахъ, Господи!

Она кружилась и опять кидалась цѣловать брата, бросилась къ вошедшему Климову и потащила его за руку.

— Викторъ, смотри, какой онъ красавецъ,—представила она.—Саша, ты сейчасъ узнаешь, какъ онъ уменъ и краснорѣчивъ...

Она вдругъ скрылась за портьерой и крикнула изъ другой комнаты:

— Я сейчасъ, только распоряжусь. Ахъ, Саша, это Викторъ!

Мужчины церемонно поклонились другъ другу.

XIII.

Обманутый патрономъ, Булыгинъ не остался въ его имѣніи, а былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ частномъ пансіонѣ, гдѣ приводилъ въ восторгъ просвѣщаемыхъ дѣвицъ на возрастѣ и увлекалъ своей наружностью городскихъ дамъ. Особенно плѣнилась имъ Акохова, вдова уже давно умершаго исправника, которая по его желанію устраивала у себя вечеринки, чтобъ ознакомить его съ городскимъ обществомъ. Онъ принималъ всякія услуги отъ Акоховой и ухаживалъ кстати за ея воспитанницей, сиротой-шляхтянкой полуеврейскаго происхожденія, Розой Подковичъ.

Катерина Ивановна Акохова примѣнилась къ его вкусамъ, угощая его каждый день обѣдами; Розочка дѣлала ему глазки и втихомолку назначала свиданія въ заглохшемъ саду; обыватели искали встрѣчъ съ новымъ столичнымъ лицомъ, и Булыгинъ благодушествовалъ. Самолюбіе его было бы удовлетворено, еслибъ не отравлялось мыслью о своей бѣдности и неотвязными воспоминаніями о сестрѣ.

Иногда, среди веселой компаніи уступающихъ ему въ краснорѣчіи кавалеровъ и влюбленныхъ въ него женщинъ, внезапно онъ пугалъ себя предположеніемъ: а вдругъ они узнали что нибудь изъ его прошлаго? Тогда овладѣвало имъ уныніе и начинало казаться, что всѣ какъ будто иначе къ нему относятся, и косо смотрятъ на него, и что-то о немъ думаютъ. По пустому поводу онъ раздражался въ такихъ случаяхъ и прибѣгалъ къ самозащитѣ.

— Что вы на меня такъ смотрите? Сюртукъ мой вамъ не нравится?

— Да полноте, Викторъ Аркадьевичъ.

— Не виноватъ же я, что мною не получено, какъ вами, отъ родителей хорошаго наслѣдства.

— Вамъ и безъ наслѣдства стоитъ захотѣть и вы всего достигнете съ вашимъ рѣдкимъ умомъ, съ вашими способностями,—успокоивали его.

Лесть становилась ему необходима, какъ пища, и онъ все чаще придирался къ уступчивымъ обывателямъ; рѣдкій день не проходилъ для него безъ недоразумѣній и столкновеній съ

кѣмъ нибудь, оканчивающихся успокоеніемъ его обидчивости посредствомъ лести. «Ужь такой у него непріятный характеръ; что жь дѣлать? онъ и самъ не радъ», добродушно отзывались о немъ обыватели; только одинъ острякъ замѣтилъ:—«кто самъ всѣхъ больше сомнѣвается въ своемъ достоинствѣ, тотъ всѣхъ усерднѣе отстаиваетъ его передъ другими». Съ тѣхъ поръ какъ посѣтилъ его Загорскій, племянникъ того генерала, который встрѣтился съ Женей на костюмированномъ балу, онъ примкнулъ къ сильному уѣздному кружку, и понемногу началъ избѣгать прежнихъ знакомствъ съ мелкимъ служилымъ людомъ. Значеніе его увеличилось, его стали побаиваться и выказывать ему внѣшніе признаки почтенія. Сталъ онъ заботиться о своей популярности, принимать участіе въ дѣлахъ общественныхъ, въ открытіи новой школы или библіотеки, въ благотворительныхъ спектакляхъ и лотереяхъ, и во всемъ отличался своей дѣловитостью и энергіей. Но вдругъ, въ разгарѣ своей дѣятельности, онъ обезпокоится вопросомъ:—«что теперь съ сестрой? Вдругъ она явится сюда голодная, плохо одѣтая, будетъ разсказывать»... Онъ холодѣлъ весь, опуская руки, и растерянно глядѣлъ на лица окружающихъ, внутренно муча себя вопросами:—«и за что въ самомъ дѣлѣ я на нее набрасывался? за что гвоздилъ ее всегда?.. Неужели я безсознательно мстилъ ей за свое безотрадное дѣтство? Вѣдь не подлецъ же я въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ погубилъ ее, чуть не убилъ... Да нѣтъ, это она сама во всемъ виновата».

Наконецъ, вѣсть о довольствѣ, въ которомъ живетъ Женя, помирила его съ совѣстью и—странное дѣло!—вселила въ него непріязненное чувство къ сестрѣ: разъѣзжаетъ тамъ въ своихъ экипажахъ, а у него и телѣги еще не заведено.

Получивъ отъ нея письмо, онъ живо собрался въ дорогу, торопясь «схватить за волосы» фортуну.

Онъ обросъ бородой, поздоровѣлъ, возмужалъ и надѣлъ на себя какую-то венгерку со шнурами на груди, въ которой и явился къ Женѣ. Наединѣ съ Климовымъ онъ чувствовалъ себя неловко. Производившая фуроръ въ провинціи, его венгерка показалась ему неумѣстной рядомъ со столичнымъ моднымъ сюртукомъ Климова, а собственная физіономія — слишкомъ измятой послѣ дороги.

Стараясь не встрѣчаться съ Климовымъ глазами, онъ огля-

дывалъ шолковую гостинную, какъ бомбоньерка, убранную позолотой; вспомнилъ некрашеный полъ своей квартиры и со вздохомъ потупился глазами въ персидскій коверъ.

Климовъ попробовалъ завести разговоръ объ утомительности дальняго пути, но это ему не удалось, потому что Булыгинъ, не зная, какую принять роль, то вздохнетъ, то покачаетъ головой, то небрежно отвѣтитъ сквозь зубы. Наконецъ, пытливо посмотрѣвъ на собесѣдника, онъ началъ осторожнымъ тономъ, вызывающимъ на участіе:

— Со стороны можетъ показаться неблаговиднымъ поведеніе брата, оставившаго на произволъ судьбы молоденькую, неопытную дѣвушку, но вѣдь не виноватъ же я въ томъ, что родители ничего мнѣ не оставили, кромѣ сестры.

Вступивъ такимъ образомъ на привычную ему почву самооправданія, Булыгинъ оживился, и въ свою очередь Климовъ, не зная, къ чему клонится его рѣчь, счелъ нужнымъ оправдать себя:

— Я бы давно на ней женился, но, можетъ быть, вамъ неизвѣстно... есть препятствіе...

— Мнѣ извѣстно, что я несчастнѣйшій въ мірѣ человѣкъ!— прервалъ его восклицаніемъ Булыгинъ, ударивъ себя ладонью въ грудь.

Для сдержаннаго человѣка, какимъ былъ Климовъ, выходка эта была крайне неожиданной, и въ недоумѣніи онъ попятился къ стѣнѣ, вставъ со стула. Булыгинъ продолжалъ:

— При всемъ желаніи добра моей дорогой Женѣ, я не могъ въ ней искоренить глубоко запущенную язву воспитанія, вдали отъ благотворнаго вліянія родной семьи. Закрытое заведеніе оставило на ней неизгладимые слѣды, и мнѣ оставалось только бѣжать подальше отъ нея, что я и сдѣлалъ изъ чувства самосохраненія вполнѣ законнаго.

Климовъ сжалъ губы и потупился, отъ удивленія не зная, что подумать; онъ готовъ былъ уйти—до того тягостнымъ становился разговоръ съ Булыгинымъ.

— Еслибъ вы прямо сказали мнѣ свое мнѣніе, то дали бы хоть возможность оправдаться.

— Помилуйте, какое же мнѣніе я могу... Женичка всегда такъ расхваливала васъ.

— Не жаловалась на меня? Не обвиняла?

— Въ чемъ?

— Надѣюсь, что вы уже отчасти поняли ее...

— Для меня Евгенія Аркадьевна—лучшая изъ женщинъ.

— Да, она добрая дѣвушка, и еслибъ...

Помолчавъ, Булыгинъ скорбно вздохнулъ и произнесъ зловѣщимъ шопотомъ:

— У нея манія самоубійства.

Неровный, тяжкій вздохъ вырвался изъ груди Климова, который, слушая его, невольно пожимался, словно пронизанный гвоздями при каждомъ его словѣ.

— Будьте, какъ я былъ, рабомъ ея капризовъ, иначе въ самую неожиданную минуту... вы будете отвѣтственны передъ судомъ,—принявъ печальную позу, эффектно заключилъ Булыгинъ.

— Позвольте...—началъ Климовъ не своимъ голосомъ.

Но, боясь, чтобъ ему не помѣшали высказаться окончательно, Булыгинъ быстро говорилъ, не слушая его.

— Куколъ безсердечныхъ выпускаютъ эти заведенія,—неспособныхъ къ родственнымъ чувствамъ, къ привязанности, къ любви. Мечтательная чепуха, въ родѣ какихъ-то тамъ незанятыхъ земель, дороже ей роднаго брата. Сами видите. И вы хороши: вмѣсто того чтобъ выбить изъ нея дурь, вы, кажется, потворствуете ей.

Медленно отойдя отъ стѣны, Климовъ съ высоты своихъ могучихъ плечъ смѣрилъ тощую фигуру собесѣдника, который невольно подался назадъ, но съ напускной развязностью, вызывающимъ тономъ, повторялъ привычныя слова самозащиты.

Булыгинъ все упустилъ изъ виду: счастье сестры, спокойствіе человѣка, не сдѣлавшаго ему зла; ему нужно было только выгородить себя отъ предполагаемыхъ обвиненій, и онъ твердилъ упрямо и безсмысленно:

— Не виноватъ я, вы поймите: рѣшительно не въ чемъ меня обвинять. Не будь у меня сестры, или будь она, какъ всѣ дѣвушки ея лѣтъ...

— Викторъ! Саша!—раздался изъ столовой голосъ Жени:—идите обѣдать, родные мои, все готово!

Но какъ ни упрашивала Женя своего брата остаться обѣдать, онъ ушелъ, а на другой день явился не въ духѣ, приткнулся въ уголъ и молчалъ, искоса озираясь и спрашивая

себя: «на что богатство дуракамъ»? Давно ужь онъ не испытывалъ такого мучительно-ѣдкаго раздраженія и зависти.

Тяжелое чувство, полное состраданія, овладѣло Климовымъ, когда онъ рѣшился оставить Женю съ братомъ наединѣ.

Она только этого и ждала, ласково подсѣла къ Виктору и положила руку на его плечо.

— Разсказывай скорѣй, какъ ты живешь, что дѣлаешь, отчего тогда ты не отвѣтилъ мнѣ на письмо? А я какъ тосковала по тебѣ первое время!..

Онъ молча морщился, ощупывая свой желудокъ.

— Чортъ знаетъ, какой дряни я наѣлся вчера въ гостинницѣ.

— Ну, вотъ видишь, а не остался у меня обѣдать. Зачѣмъ ты не остановился у меня?

— Женя, другъ мой, неужели ты не понимаешь?

— А что?

— Какъ что? Сообрази хорошенько.

Онъ всталъ, прошелся и сказалъ ей, прижимая руку къ сердцу:

— Пойми, что вѣдь неспособенъ я быть лизоблюдомъ у твоего любовника.

Все лицо ея облилось густымъ румянцемъ, и она спрятала его въ платокъ. Онъ продолжалъ, стоя передъ ней.

— Дорогая Женя, мнѣ больно видѣть всѣ эти тюли, рюши, кружева, которыя ты нашиваешь на твой... извини меня, на твой затасканный подолъ.

Двѣ готовыя слезы покатились по ея щекамъ.

— Пощади, Викторъ.

— Когда ты перестанешь корчить жертву изъ себя? Я далекъ отъ мысли осуждать тебя, но правда останется правдой; ее ничѣмъ не закрасишь, и, называя вещи своими именами, я изъ участія къ тебѣ терзаюсь самъ. Будь я одинъ...

— Перестань!—рѣшительно и гордо остановила она его рукой, и глаза ея вдругъ стали сухи.—Не продолжай твоихъ іереміадъ, я ихъ всѣ знаю наизустъ, да и нѣтъ болѣе основанія для нихъ: ты устроился по протекціи, я тоже, какъ могла, и, пожалуйста, прекрати свои терзанія... при мнѣ, по крайней мѣрѣ.

— Какъ ты теперь стала поговаривать!—протянулъ онъ съ

удивленіемъ.—Ну, будь по твоему, сестрица, я устроился. Я сытъ, душа моя, но не по горло. Охъ, много, много еще нужно брату твоему.

— Именно?

— Во-первыхъ, цензъ, какъ я тебѣ писалъ; во-вторыхъ, обстановку, соотвѣтственно положенію и знакомству и, въ третьихъ, заплатить долги. Нѣтъ словъ для выраженія моихъ мукъ при встрѣчахъ съ кредиторами; я весь горю, я...

— Сколько тебѣ?

Наступило молчаніе. Онъ съ нерѣшительностью взглядываетъ на нее сбоку и осторожно произноситъ, понижая голосъ:

— Тысячъ шесть или семь найдется у тебя?—почти шепнулъ онъ и нагнулся разсмотрѣть узоръ ковра.

— Хорошо, я попрошу у Саши; онъ непремѣнно дастъ.

— Ахъ, ты хорошая моя сестренка,—оживился онъ.—Ну, поцѣлуемся, не дуйся. Сегодня же пусти передъ нимъ въ ходъ всѣ твои чары, на то ты и женщина. А я вознагражу тебя сторицею со временемъ, увидишь. Не все ты будешь молода; придетъ пора, когда ты подурнѣешь, и тогда у тебя никого не останется, кромѣ брата. Я не хочу тебя пугать, но долженъ сказать откровенно, что силу женщины составляетъ только ея тѣло, которое, увы, утрачиваетъ свою прелесть.

— Перестань, Викторъ. Ты циникъ.

— Подумай же, какая предстоитъ тебѣ будущность по непреложному закону послѣдствій твоего проступка.

— Замолчи!

— Ого! Какъ ты величественна стала. Меня радуетъ, что сформировался твой характеръ. Но все таки позволь мнѣ высказать тебѣ совѣтъ. Пріобрѣтай, Женя, пока ты можешь, все, что можешь, и тогда пріѣзжай ко мнѣ. Нечего и говорить, что я радъ буду тебѣ ужасно. У меня есть на примѣтѣ хуторъ, мы его купимъ; разведемъ бахчи, будемъ арбузы продавать. Ужь и теперь я кое-чему научился по хозяйству.

— А я умѣю чистить самоваръ,—вставила Женя.

— Ну, вотъ видишь, какъ мы славно заживемъ. И все это идиллическое счастье можно купить за какія нибудь семь, восемь, много десять тысячъ... Не найдется ли у него десяти тысячъ для круглаго счета?

— Я спрошу.

— Спроси, милая. Въ твоихъ рукахъ твоя и моя будущность, такъ умѣй держать въ нихъ дурака...

Женя строго нахмурила брови.

— Ну, извини, я пошутилъ. Однако я засидѣлся, а у меня пропасть порученій, которыя я непремѣнно долженъ исполнить въ эти два дня, а послѣ завтра надо ѣхать: вѣдь рѣшительно некѣмъ меня тамъ замѣнить.

— Погоди, Викторъ, мнѣ надо съ тобой посовѣтоваться.

— А это какъ нибудь въ другой разъ.

XIV.

Только передъ отъѣздомъ на вокзалъ зашелъ Булыгинъ къ ней проститься и спросить о результатахъ ея переговоровъ съ Климовымъ.

— Получишь деньги непремѣнно,—сказала ему сестра:— Саша обѣщалъ собрать и выслать тебѣ. Онъ говоритъ, что теперь нѣтъ въ его распоряженіи такой суммы, потому что въ торговомъ дѣлѣ каждый почти рубль пускается въ оборотъ.

На прощанье Викторъ крѣпко цѣловалъ сестру, даже перекрестилъ ее. Но въ вагонѣ овладѣла имъ досада, что пришлось просить и унижаться передъ дурочкой. «Только въ куриномъ мозгу институтки можетъ возникнуть такая дребедень: осчастливить мужичковъ — какъ это трогательно. И наградила же меня судьба такой сестрой»!

И вотъ онъ опять одинъ у себя дома, вдали отъ сестры,— источника его терзаній,—а простодушные обыватели, желая быть ему пріятными, спрашиваютъ его:

— Что же вы не привезли намъ показать свою сестрицу? Красавица она? умна? добра?

Долго отмалчивался онъ, наконецъ, словно прорвался изъ него потокъ неудержимыхъ изліяній о своемъ великомъ горѣ. Сестра его, приготовленная воспитаніемъ къ роскоши, въ укоризну ему, бѣдняку-студенту, не могшему исполнять всѣхъ ея прихотей, покушалась на самоубійство.

— А-я-яй! Въ такіе молодые годы!

— Вы мнѣ не вѣрите?—свирѣпо вскрикиваетъ онъ.—Что же я, по вашему, ее тиранилъ, поѣдомъ ѣлъ? Быть можетъ, погубилъ ее?

— Ахъ, какъ можно это думать, Викторъ Аркадьевичъ! вы такой прекрасный человѣкъ.

— То-то.

Посредствомъ крика и угрожающихъ тѣлодвиженій пріучилъ онъ смирныхъ обывателей къ почтительности и повиновенію. Онъ искалъ ихъ общества, потому что любилъ много говорить и требовалъ, чтобъ его слушали, не прерывая. Каждый день онъ въ гостяхъ и все говоритъ, говоритъ. Мельчаетъ умъ его въ пустѣйшихъ разговорахъ, шутки становятся плоскими, анекдоты—вульгарными, темы для рѣчей истощились. И разсказываетъ онъ о себѣ небылицы, которымъ самъ начинаетъ вѣрить, пріобрѣтая привычку къ безцѣльной и нелѣпой лжи. Если же замѣтитъ онъ на чьемъ нибудь лицѣ сомнѣніе,—его кулакъ сжимается непроизвольно по привычкѣ, и обычное восклицаніе вылетаетъ изъ него:

— Вы мнѣ не вѣрите?

— Вѣрю!—вздрогнувъ, спѣшитъ его успокоить собесѣдникъ —Вы такъ правдивы, искренни и благородны.

— То-то.

По привычкѣ, языкъ его безостановочно работаетъ, даже когда онъ совсѣмъ одинъ; задержанный дома непогодой, онъ вслухъ говоритъ себѣ что нибудь утѣшительное и пріятное.

— Вѣдь въ сущности добрѣе меня нѣтъ на свѣтѣ человѣка: я снисходителенъ, гуманенъ, справедливъ. Вотъ и птица у меня не сидитъ, какъ у другихъ, въ клѣткѣ, а летаетъ по комнатамъ. И собаку я кормлю.

Птица слушаетъ его разглагольствованія, недовѣрчиво поглядывая сбоку то однимъ, то другимъ глазомъ, а собака вѣритъ ему безусловно и лижетъ его руки. И самъ онъ все болѣе проникается вѣрой въ свои достоинства, по мѣрѣ того какъ ему удается высказать кому нибудь горькую истину въ глаза, принять въ разговорѣ сторону праваго, отдать бѣдняку изношенный негодный сюртукъ свой—поступки эти, переполняющіе его довольствомъ, вмѣняетъ онъ себѣ чуть ли не въ подвиги. Ибо чѣмъ мельче натура человѣка, тѣмъ легче и дешевле достигается имъ самоодобреніе, и тѣмъ усерднѣе онъ гонится за почтеніемъ людей, принимаемымъ, какъ должное, отъ забитыхъ и униженныхъ. Издали срываютъ передъ нимъ бѣдняки шапки съ головы на улицахъ глухаго, на половину

незамощенаго города, въ пыли котораго задыхаются ихъ больныя дѣти. И вотъ у Булыгина возникла мысль устроить по подпискѣ грандіозный садъ.

Необыкновенно скоро съумѣлъ онъ собрать на это дѣло съ обывателей довольно кругленькую сумму, и намѣренъ отъ себя приложить къ ней тысячу рублей, какъ только получитъ деньги отъ сестры. Садъ этотъ будетъ названъ его именемъ, какъ самаго крупнаго вкладчика и иниціатора его устройства, и, разростаясь, увѣковѣчитъ о немъ память въ дальнѣйшемъ потомствѣ.

Каждый внесенный рубль онъ бережно присоединяетъ къ капиталу, приближая имъ начало предпріятія; еще два, три спектакля съ полнымъ сборомъ—и можно приступить къ планировкѣ безконечной площади подъ садъ. Каждый день онъ пересматриваетъ и пересчитываетъ ввѣренныя ему общественныя деньги, гордясь, что довольно крупная сумма хранится у него, а между тѣмъ онъ не можетъ завести себѣ даже сносной кровати.

Занятіе это значительно сокращаетъ часы его уединенія, и за нимъ разъ поздно вечеромъ застала его Роза Подковичъ, неслышно проскользнувшая къ нему мимо дремавшей въ кухнѣ прислуги.

Съ лицомъ заплаканнымъ и въ красныхъ пятнахъ, съ накинутой на голову косыночкою, въ одномъ платкѣ на плечахъ, Розочка стремительно вошла и притаилась за его спиной. Какъ ни была она взволнована, однако нѣсколько мгновеній сдерживала дыханіе, впиваясь засверкавшимъ взглядомъ въ пачки ассигнацій, уложенныя въ выдвинутомъ ящикѣ стола. Булыгинъ вздрогнулъ и повернулся на стулѣ.

— Здравствуйте,—сказала она.

Первымъ движеніемъ его было захлопнуть ящикъ; онъ всталъ и загородилъ его собой.

Изумленіе на его лицѣ смѣнилось выраженіемъ трусости, пробѣжавшей дрожью по губамъ, и всѣ черты его, словно смѣясь, растянулись и застыли.

— Вы опять,— залепеталъ онъ жалобно-укоризненнымъ голосомъ,—вѣдь я же васъ просилъ больше не приходить... нельзя вѣдь... Не могу же я въ самомъ дѣлѣ... чортъ знаетъ, что такое!

Она, глубоко передохнувъ, сѣла на оставленный имъ стулъ и сняла съ головы косыночку.

Привлекательнаго для эстетика рѣшительно ничего не было въ ея наружности. Не по лѣтамъ плотное и широкое тѣлосложеніе, большія руки и ноги, жосткіе, неопредѣленнаго цвѣта, волосы съ привязанной очень искусно фальшивой косой, узкіе, темные глазки, слегка кривой и острый носъ, огромный ротъ, толстыя губы и обычное выраженіе отталкивающей высокомѣрной наглости, разлитое по всему лицу... Казалось, она всегда готова фыркнуть, какъ разсерженная кошка, и только на мгновеніе сдерживалась. Привычка у нея была—часто вертѣть и дергать головой на короткой шеѣ, отчего длинный подбородокъ ея касался то праваго, то лѣваго плеча.

Глядя, какъ она акуратно свертываетъ свою косыночку, Булыгинъ тревожно ожидалъ, что она скажетъ.

— Я къ вамъ совсѣмъ,—сказала она, скинувъ съ себя платокъ, стряхнула его и начала складывать.

Булыгинъ остолбенѣлъ. Еслибъ потолокъ въ эту минуту обвалился на него, это не такъ бы его озадачило, какъ появленіе Розы Подковичъ, съ которой онъ не видѣлся нѣсколько мѣсяцевъ, и которой отлично втолковалъ, что, ничего не обѣщавъ, онъ ничего и не обязанъ дѣлать для нея. Доходили до него слухи, что Акохова, съ тѣхъ поръ какъ онъ окончательно прекратилъ съ ней знакомство, начала притѣснять свою воспитанницу, но онъ не зналъ еще, что въ этотъ день Роза бѣжала изъ дому и пріютилась въ корчмѣ стараго еврея, своего родственника.

Наморщивъ лобъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, онъ слушалъ ее, вскидывая плечами, а изъ разсказа ея само собою вытекало, что причиной всѣхъ ея несчастій былъ онъ. Акохова къ нему приревновала Розу, изъ-за него дѣлала ей ежедневно сцены; благодаря ему, она принуждена была бѣжать, и вотъ пришла къ нему съ упреками.

— Причемъ же я... что я могу?.. Вѣдь я вамъ ничего не обѣщалъ.

— И я же вамъ не обѣщала ничего,—полувопросительно отвѣтила она, дергая подбородкомъ вправо и влѣво.—Я же не говорила, что покорусь для васъ всему и не буду васъ безпокоить. Не говорила?

Въ замѣшательствѣ Булыгинъ поглаживалъ бороду. На жирныхъ губахъ Розочки мелькнула тонкая улыбка.

— Я вамъ житья не дамъ, это вѣрно, покуда мнѣ самой житья нѣтъ. Я привыкла къ изъяшной обстановкѣ, а въ корчмѣ духота, грязь, пьянство, шкандалы. Я буду вамъ шкандалы дѣлать, жаловаться на васъ...

— Чортъ знаетъ, что за ерунда!—вздернулъ Булыгинъ плечами.—Образумьтесь, Роза Михайловна.

— О, да. Я очень образумилась.

Вдохнувъ и заперевъ ящикъ съ деньгами, сталъ онъ шагать по комнатѣ, обдумывая свое затрудненіе. Застигнутый врасплохъ, не приготовленный къ самозащитѣ, искалъ онъ въ головѣ удобнѣйшаго выхода, понявъ, что никакія рѣчи не помогутъ въ данномъ случаѣ. А Розочка положила платокъ съ косыночкой на стулъ, потомъ развязно усѣлась на диванѣ. Онъ подошелъ къ ней и предложилъ:

— Хотите, я васъ помирю съ Акоховой?

— Не хочу. Она меня ударила по физіономіи, а съ этимъ я не помирусь.

— Ну, потерпите тамъ нѣсколько дней; я вамъ мѣсто пріищу.

Розочка повертѣла головой отрицательно.

— Не могу. Я должна здѣсь оставаться.

— На какомъ же это основаніи, послушайте...

— У меня скоро ребьонтокъ будетъ. Вашъ ребьонтокъ.

Съузивъ и безъ того узкіе глаза свои, Роза многозначительно дернула подбородкомъ вправо и влѣво.

Не повѣривъ, Булыгинъ пристально оглядѣлъ ея фигуру, медленно повернулся и, потупившись, отошелъ отъ нея, сѣменя ногами. Онъ сѣлъ въ уголъ и задумался.

Она пощупала кулакомъ жосткій диванъ, взяла подъ голову подушку и легла, подобравъ ноги.

Потянулись въ молчаніи безконечно долгія минуты; на улицѣ стучала колотушка сторожа; изъ кухни доносилось всхрапыванье слуги; Роза съ закрытыми глазами неподвижно лежала. Булыгинъ встряхнулъ кистями рукъ и, повидимому, покорившись своей участи, рѣшительно подошелъ къ дивану, сѣлъ на край его и хлопнулъ себя ладонью въ грудь.

— Послушайте, Роза Михайловна, — началъ онъ убѣди-

тельно,—вѣдь вы знаете меня. Еслибъ отъ меня зависѣло, я бы вамъ полгорода купилъ и подарилъ, но у меня нѣтъ ни гвоздя; весь этотъ скарбъ,—обвелъ онъ рукой вокругъ себя,—собранъ по штукѣ у знакомыхъ; лошади у меня нѣтъ, притомъ долги... Вы спите, что ли?—Видя, что она не открываетъ глазъ, и жесты его пропадаютъ даромъ, онъ окликнулъ ее нетерпѣливо:—Роза Михайловна?..

Она повернулась лицомъ къ стѣнѣ, дрыгнувъ ногой.

— Чортъ знаетъ! Клянусь вамъ, что я готовъ отдать все, что̀ есть дорогаго въ мірѣ, весь уѣздъ скупилъ бы вамъ... Вотъ, возьмите отъ меня на память... видите: я все готовъ...—Онъ вынулъ изъ подчасника, висѣвшаго въ видѣ туфли надъ диваномъ, старые испорченные дамскіе часы, подаренные ему Акоховой, и поднесъ ихъ къ ея лицу. Она поднялась на локтѣ, взяла часы, взвѣсила ихъ на ладони и сказала:

— Знаю я эти часы. Катерина Ивановна кому только ни предлагала ихъ, но всѣ отказывались взять, потому что они совсѣмъ не ходятъ, и починить ихъ нельзя.

— Можно ихъ заложить, продать на первое время.

— Лучше я ваши часы заложу,—сказала она и, проворно выдернувъ изъ кармана его жилетки золотые часы, сняла ихъ со шнурка и спрятала въ карманъ.

— Позвольте, однако... эти мнѣ нужны...

— А мнѣ еще нужнѣе.

— Отдайте мнѣ часы, послушайте... Я все на свѣтѣ...

— Ахъ, зачѣмъ мнѣ все на свѣтѣ, и полгорода, и весь уѣздъ,—заговорила она горячо, вставъ и встряхивая свой платокъ.—Я хочу, чтобъ вы ѣхали со мной въ другой городъ; мнѣ здѣсь постыло все, и надо скрыть... вы понимаете...

— И я бы радъ душой, я не рожденъ для этой глуши... Дайте часы.

— У васъ, я видѣла, есть деньги, а вы говорите: ни гвоздя нѣтъ...

— Это не мои, это общественныя деньги, я за нихъ отвѣчаю головой. Но я скоро получу, и дамъ вамъ много.

— Пра-авда?

— Честное слово дамъ, сколько хотите.

— Вѣрно?

— Только не приходите, не приставайте ко мнѣ, я самъ найду васъ.

— Серьезно? Ну, посмотру-у,—протянула она, накинувъ косыночку и идя къ двери:—уви-ижу, какъ вы держите слово. А мнѣ терять нечего,—помните это.

Окинувъ его угрожающимъ взглядомъ, она ушла. Онъ бросился въ старенькое кресло и, запустивъ пальцы въ волосы, заскрежеталъ зубами.

XV.

Климовъ продолжаетъ относиться къ Женѣ все съ тѣмъ же полнымъ любви участіемъ, но гораздо больше безпокоится за ея здоровье и спокойствіе, и опасенія его начинаютъ принимать непріятный характеръ. Онъ украдкой взглядываетъ на нее съ нѣмымъ упрекомъ: не онъ ли заботится только о томъ, чтобы предупредить ея желанія и создать ей новыя; зачѣмъ же она сидитъ въ печальной позѣ у окна, не тѣшится нарядами, а облеклась, какъ гимназистка, въ простенькое платье, и не закалываетъ косу дорогими шпильками? «Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ институткахъ есть что-то особенное»,—въ первый разъ отнесся онъ критически къ своей несравненной Женичкѣ. И невольно стало ему бросаться въ глаза то, къ чему онъ привыкъ и что въ ней находилъ вполнѣ естественнымъ. Предубѣжденіе змѣей заползаетъ въ его мозгъ. Самое ея состраданіе къ переселенцамъ, которое онъ раздѣлялъ, показалось ему въ новомъ свѣтѣ: въ самомъ дѣлѣ: манія какая-то! Каждое, приходящее на память, слово Булыгина возбуждаетъ въ немъ непріязнь и недовѣріе къ этому человѣку; противъ воли оно вростаетъ въ его голову, прибавляя къ ощущеніямъ что-то незамѣтное, по частямъ уносящее привычное расположеніе его духа. Мнительность развивается въ немъ: собака выла подъ окномъ—не случилось бы чего. Онъ несовсѣмъ отрѣшился отъ воспринятыхъ въ дѣтствѣ суевѣрій своей среды: пугаютъ его зловѣщіе сны и примѣты, боится онъ покойниковъ. Ужасъ, смѣшанный съ омерзеніемъ, вселяетъ въ него всякій процессъ увяданія, тлѣнія, смерти. Полный жизненныхъ силъ и несокрушимаго здоровья, онъ содрогается при мысли, что когда нибудь похолодѣетъ гибкое, теплое тѣло, которое онъ обнимаетъ, помутятся лучистые глазки, окостенѣетъ маленькая ручка, и чуждый, страшный образъ мертвеца всю жизнь будетъ его пре-

слѣдовать. Нѣтъ, лучше навсегда сохранить въ своей душѣ ея дѣтское личико, смѣющіеся зубки и привѣтливые глаза; легче перенести разлуку съ живой, прелестной Женичкой... Ею одной наполнено все его существо, онъ чувствуетъ ее въ лучшихъ движеніяхъ своего сердца и въ попыткахъ мыслить, и привычныя удовольствія, раздѣленныя съ нею, получили для него новую прелесть. Ею окрашиваются всѣ его впечатлѣнія, отражая въ себѣ характеръ милаго полуребенка, и вдругъ... Не сдѣлала бы она надъ собой чего нибудь?

Онъ спѣшитъ уйти, разсѣяться отъ роковыхъ предчувствій, и съ каждымъ разомъ, возвращаясь къ ней, все болѣе тревожится. Рѣже цѣлуетъ онъ ее, и «юбчонки, башмачонки» ея не вызываютъ въ немъ прежняго умиленія. Вмѣсто нѣжности, лицо его выражаетъ заботливую грусть, когда слѣдитъ онъ за ея дыханіемъ.

— О чемъ ты вздохнула? Что у тебя на душѣ?

Она задумчиво проводитъ по лицу рукой, откидываетъ на спину полурасплетенную косу и разсказываетъ:

— Сейчасъ прошла мимо окна дѣвушка, и вдругъ остановилась, ощупала карманы и пустилась бѣжать назадъ. Она деньги потеряла. Жалко ее. Иногда... бываетъ это съ тобой, Саша? Иногда идутъ чужіе люди, а мнѣ кажется, что они свои, «родные», что я ихъ знаю и люблю. Проходятъ они озабоченные,—то печальные, то равнодушные, то злые, и по ихъ лицамъ, по глазамъ, по непроизвольному движенію ихъ губъ видно, что они страдаютъ. И, глядя на нихъ, такъ ласково заноетъ мое сердце. Жалко ихъ.

— И со мной это бываетъ,—отвѣчалъ Климовъ, думая и желая себѣ доказать, что въ ея настроеніи ничего нѣтъ особеннаго,—и у меня иной разъ сердце замираетъ, глядя на чужихъ. Когда разсчитываю, напримѣръ, рабочихъ: иному-то всего придется получить рублишекъ восемь, но надо видѣть его нетерпѣніе... не дождется очереди, суется впередъ, а потомъ въ радостномъ волненіи все пересчитываетъ свои деньги; такъ бы и подсунулъ ему еще.

— Что жь, подарилъ бы.

— Нельзя, нѣтъ основанія, ни предлога.

— Ну, увеличилъ бы плату.

— Тогда всѣмъ пришлось бы увеличить, а цѣны не мною

установлены. У насъ пемзовщики-мальчишки два рубля въ мѣсяцъ получаютъ; положимъ, и трудъ ихъ не великъ: шлифовать кожу пемзой, а нужда-то большая. Зимой на холодѣ, едва прикрытые рваной одежонкой, выбѣгутъ къ матерямъ на дворъ и никому проходу не даютъ:—«Скоро ли жалованье? Скоро ли выдадутъ? Маменька за жалованьемъ за моимъ пришла».—Я разъ Степкѣ и ввернулъ въ книжку, будто ошибкой, двѣ синенькія вмѣсто рублевокъ. Такъ пострѣленокъ отдалъ мнѣ назадъ. «Вы, говоритъ, хозяинъ, обмишурились».

— Саша, Саша, вѣдь ты хотѣлъ изъ Степки вора сдѣлать!

— А подарить-то лучше что ли? Разъ подаришь — обрадуется, въ другой поблагодаритъ, въ третій покажется мало, а въ четвертый не дать, значитъ озлобить его. Тогда и заработокъ не принесетъ ему удовольствія, напротивъ, раздражитъ его. Привычка разсчитывать на легкую прибыль—вредъ большой.

— Ахъ, Саша, Саша!

— Ну, разъѣхалась институтка.

— Ты прежде не упрекалъ меня институтствомъ.

— Теперь я тебя понялъ.

Она стала замѣчать въ немъ перемѣну. Онъ похудѣлъ, и глаза его кажутся ей огромными; они, какъ звѣзды, блестятъ въ темной глубинѣ, и легкимъ облакомъ тревога затуманила, смягчила его мужественныя черты; голосъ сталъ тише и нѣжнѣй.

— Ты еще больше похорошѣлъ,—говоритъ она,—дай я потаскаю тебя за бородку.

Но онъ мягко уклоняется отъ ея ласкъ. Онъ насвистываетъ маршъ въ ея присутствіи, чего прежде никогда себѣ не позволялъ.

— Гдѣ ты вчера былъ, разскажи.

— Въ кегли игралъ.—Сдѣлавъ полуоборотъ въ ея сторону, онъ сталъ безучастно разсказывать:—Прихожу, вижу: играютъ нѣмцы, все мелкота-народъ. Сюртучишки поснимали, прыгаютъ, жилятся, а силёнки-то нѣтъ, все по одной, да по двѣ сшибаютъ, а иной такъ и не докатитъ шара. Я подошелъ, да какъ пущу... Трахъ—тарарахъ!

Въ его тонѣ исчезла ласковая снисходительность влюбленнаго; онъ говоритъ, какъ скучающій мужчина, и какъ будто тяготится разговоромъ.

— Саша, что же ты не исполняешь своего обѣщанія? Когда же ты мнѣ деньги принесешь?

— Когда понадобится, получишь.

— Брату надо и Холодову...

— Опять Холодову? Не пора ли тебѣ прекратить свои затѣи, Женичка.

— Ахъ, какъ ты скоро измѣнилъ свои убѣжденія, я отъ тебя этого не ожидала,—тихо промолвила она, и глаза ея потемнѣли, голова опустилась на грудь.

Онъ крѣпится, стараясь не смотрѣть на нее, и строго ей говоритъ:

— Я не позволю тебѣ бросать деньги на вѣтеръ.

— Не на вѣтеръ, а на землю.

— Раздашь, а потомъ будешь жалѣть; еще, пожалуй, руки на себя наложишь.

— О, Саша! Ты видѣлъ трущобу, въ которой подобралъ меня, больную, умирающую; вѣдь хуже того положенія не бываетъ, однако я осталась жива. Смотри: жива вѣдь я?

Отъ смѣха ямочки дрожатъ на ея щекахъ, зубы сверкнули бѣлизной; и его лицо освѣтилось улыбкой; онъ взялъ ее на колѣни и крѣпко прижимаетъ къ себѣ.

— Сердчишко-то у тебя: тутъ-тукъ, тукъ-тукъ!

— Больное оно.

— Надо быть по возможности спокойной. Хочешь, я деньги твоему брату завтра пошлю!

— Нѣтъ, дай мнѣ въ руки, я сама пошлю.

Онъ отказалъ; она надулась.

Всего властительнѣе дѣйствуетъ на нѣкоторыхъ мужчинъ надутое лицо любимой женщины. Красота, умъ, преданная любовь бываютъ безсильны передъ ними, но стоитъ женщинѣ продолжительное время выдержать надутое лицо, и воля ея будетъ исполнена. Такимъ могучимъ средствомъ Женя обладала безсознательно. Климовъ уступчиво съ ней заговариваетъ:

— Я, пожалуй, дамъ тебѣ деньги, Женя, только спрячь ихъ, береги, или—ужь такъ и быть—брату отошли. Что бы тамъ между вами ни происходило, онъ все таки тебѣ родной и можетъ пригодиться. Если захвораешь, поѣзжай къ нему; въ тѣхъ мѣстахъ легче поправить здоровье, а здѣсь... Женя! я не перенесу твоей смерти,—вырвалось у него нечаянно.

Онъ стиснулъ голову руками, зажмурился, и съ ужасомъ рисуетъ въ своемъ воображеніи гробъ, дроги, запахъ ладона, всю мистически отталкивающую обстановку похоронъ.

— Саша, увѣряю тебя, я буду долго, долго жить до самой глубокой старости,—съ убѣдительностью заговорила она.—Мы будемъ сѣдыми сморщенными стариками, я буду таскать тебя за бѣлую бородку, а ты мнѣ улыбнешься своей доброй улыбкой. Улыбка у тебя останется все та же, вспомни мое слово. Пройдутъ мимо оконъ нашей избушки, на заселенной нами землѣ, наши переселенцы и съ любовью, съ уваженіемъ намъ поклонятся. Самъ Холодовъ зайдетъ къ намъ, какъ къ роднымъ. Я сама поставлю самоваръ...

Онъ не можетъ удержать улыбки, слушая ее.

— Саша мой! Радость моя! Мы будемъ долго, долго счастливы.

Свѣжестью, животнымъ весельемъ вѣетъ отъ ея болтовни, и невозможно удержаться, чтобъ не осыпать поцѣлуями ея лицо.

— Не жми меня такъ крѣпко, не души; дай мнѣ дожить до старости, а теперь деньги дай.

Женя получила большой розовый листъ хрустящей бумаги—десятитысячный билетъ, и везетъ его въ почтамтъ, по своему обыкновенію разсчитывая, сколько десятинъ земли запрятано въ ея карманѣ. Вышло такъ много, что захватило духъ, и ужь не помнитъ она, что̀ сказала кучеру изъ окна кареты, и какимъ образомъ очутилась въ квартирѣ Холодова.

— Я денегъ привезла,—возвѣстила она торжественно.

— Хорошее дѣло.

Такъ хладнокровно были приняты отъ нея деньги, какъ будто сумма ихъ не превышала десяти рублей. Однако, на этотъ разъ Холодовъ обошелся съ ней внимательнѣе, вынулъ изъ кармана полушубка носовой платокъ, обмахнулъ скамейку и съ поклономъ пригласилъ ее присѣсть.

Въ нѣмомъ благоговѣніи созерцаетъ она его сумку и смазные сапоги. Это его шапка, его рукавицы. Онъ идетъ на по̀двигъ, перенесетъ много лишеній, положитъ душу свою за други своя. Счастливый!

— А я, сударыня, сегодня отправляюсь въ путь-дорогу,—сказалъ онъ:—еслибъ еще немного, вы не застали бы меня.

— Какъ мнѣ хочется посмотрѣть на водвореніе переселенцевъ, порадоваться ихъ радостью,—начала она, просительно сложивъ ладони.

— Нѣтъ, вы, сударыня, пожалуйста, не вмѣшивайтесь теперь.

— Хоть бы разокъ взглянуть,—умоляющимъ голосомъ повторила Женя.

— Отложите это покуда. Впослѣдствіи, когда нибудь—другое дѣло. Извините, мнѣ каждая минута дорога.

— Какой онъ несговорчивый!—со вздохомъ произнесла она на улицѣ.

Хмурое небо и суровыя лица прохожихъ сильнѣй давали чувствовать ей неудачу, и собственная квартира показалась мрачной. Климова не было. Она сѣла къ письменному столу и долго терла лобъ, вертя въ другой рукѣ перо. Что она теперь напишетъ брату?

«Милый Викторъ! Все устроилось къ лучшему: приготовленныя для тебя десять тысячъ я отдала на покупку земли. Вѣдь мы съ тобой не сообразили сгоряча, что ты, изъ гордости отказавшись у меня обѣдать, сталъ бы вѣчно раскаиваться, принявъ Сашины деньги. Я это предвидѣла и предотвратила, и думаю, что ты мнѣ будешь благодаренъ за то, что я избавила тебя отъ лишнихъ терзаній, которыхъ у тебя и безъ того достаточно. Лучше впередъ обсуждать свои поступки, чѣмъ послѣ мучить самого себя упреками. Я поняла, какъ надо жить: твои уроки не пропали даромъ для меня. Любящая тебя сестра *Евгенія Булыгина*».

Написавъ это, Женя вся просіяла, довольная собой, своею разсудительностью и своимъ умѣньемъ излагать неоспоримыя истины. Ей хотѣлось поскорѣй послать письмо, и въ то же время она не могла отказать себѣ въ удовольствіи показать его Климову; поэтому, снявъ съ него копію и отославъ въ почтовый ящикъ съ горничной, она съ нетерпѣніемъ прислушивалась: не дрогнетъ ли въ передней звонокъ, и говорила себѣ вслухъ:—Что жь это, какъ долго Саша нейдетъ.

XVI.

Все хлопоча объ устройствѣ сада, охваченный непосѣдливой дѣятельностью, Булыгинъ ѣздилъ по уѣзду собирать дань

съ землевладѣльцевъ, и на обратномъ пути отъ помѣщика Лутошина былъ застигнутъ вьюгой среди степи. Онъ продрогъ и, вернувшись домой къ вечеру, немедленно раздѣлся и легъ въ постель.

Слуга его Ѳеофанъ, изъ отставныхъ солдатъ, для краткости прозванный Ѳофаномъ, сѣдой, подслѣповатый старикъ, подавъ ему въ постель большую кружку пуншу, удалился; и скоро донеслось изъ кухни его всхрапыванье. Булыгинъ пробовалъ сосредоточиться на чтеніи газеты, но мысли его бродили въ безпорядкѣ. Въ теплѣ не безъ пріятности онъ вспоминалъ, какъ бурно передъ нимъ крутилась туча снѣга, вбираясь въ воротникъ, подъ шапку, и залѣпляя все лицо. Свистъ и вой степнаго вѣтра слышался ему; то смѣхъ молодой дочери Лутошина, миленькой блондинки, то вопросительно-угрожающіе возгласы Розы Подковичъ:—«вѣрно? правда»?—и все это мѣшалось въ одно впечатлѣніе, чрезвычайно смутное. Легкая испарина выступила на его лицѣ, смежались вѣки, и передъ закрытыми глазами проносились огромнѣйшія кипы ассигнацій; то вдругъ покажутся ему узкіе прищуренные глаза Розы, то промелькнетъ простодушно-кроткое лицо сестры, смутитъ всю душу, и въ смущеніи явится желаніе протянуть ей руку, возстановить ее въ мнѣніи добрыхъ людей, но въ тотъ же мигъ представляются ему всѣ ея рюши, тюли, дорогія балаболки, атмосфера духовъ, взаимной любви, угожденій и беззавѣтныхъ ласкъ среди изящной роскоши, все, чего недостаетъ ему. Тогда поднимется въ немъ желчь, и помышляетъ онъ со злобой: «потерпѣли бы вы, что̀ я перетерпѣлъ съ самаго дѣтства»...

И вотъ, среди неясныхъ представленій, близкихъ къ бреду, отчетливо различаетъ онъ дорожный колокольчикъ; ближе, громче звонъ бубенцовъ, и топотъ фыркающихъ лошадей ужь слышится подъ окнами.—Кто-то пріѣхалъ изъ уѣзда, Фофанъ!—кричитъ Булыгинъ, проворно вставая.

Дверь съ визгомъ отворилась, хлопнула, и знакомый голосъ прапорщика Загорскаго раздался повелительный, веселый:

— Эй! Дома Булыгинъ. Я здѣсь ночую. Нездоровъ?

Булыгинъ наскоро одѣлся и принялъ въ свои объятія молодаго человѣка въ гусарской формѣ, такого свѣжаго, румянаго, красиваго, что собственное лицо показалось ему заспаннымъ и жалкимъ.

Загорскій — племянникъ вліятельнаго лица, давшій возможность Булыгину выдвинуться въ городѣ, дружбой котораго онъ очень дорожитъ. Въ свою очередь и молодой прапорщикъ доволенъ тѣмъ, что вотъ онъ сблизился съ либеральнымъ и умнымъ человѣкомъ, какими считаетъ, безъ исключенія, всѣхъ студентовъ, и нравится ему студенческая манера называть другъ друга по фамиліи. Находясь въ отпуску у больной матери, онъ пріѣзжаетъ часто въ городъ развлекаться отъ скуки въ занесенномъ снѣгомъ имѣніи.

— Что съ вами?—спрашиваетъ гость, садясь и потирая холодныя руки.

— Да ничего, прозябъ, съѣздивъ къ Лутошину, и легъ погрѣться.

— Напрасно встали. Фофанъ, самоваръ! Коньяку, закуски, поживѣе. Вотъ деньги.—Доставая бумажникъ, гость зѣвнулъ.—Завертѣла меня вьюга, чуть не заснулъ. Я, впрочемъ, никогда не простужаюсь—привычка.

— И привычка, и шуба у васъ хорошая,—замѣтилъ Булыгинъ.

— Три шубы на меня навертѣла мама, насилу вылѣзъ изъ нихъ,—засмѣялся гость, и сдѣлалъ вдругъ серьезное лицо.—А вы? Неужели рискуете въ одной шинели? Въ степи вѣдь этого нельзя. Хотите, я вамъ уступлю отцовскую медвѣжью? Широчайшая, нарочно для того сдѣлана, чтобъ сверху надѣвать. Я вамъ ее оставлю, мнѣ довольно двухъ.

— Сколько она стоитъ?

— Э, что̀ тамъ! Сочтемся какъ нибудь при случаѣ. Я бы вамъ ее предложилъ такъ, но, зная вашу щепетильность...

— Чортъ знаетъ!—воскликнулъ Булыгинъ. — При вашемъ замѣчательномъ развитіи, какія у васъ странныя замашки: предлагать шубу съ барскаго плеча! Скоро я долженъ получить деньги, тогда и расплачусь съ вами,—прибавилъ онъ съ достоинствомъ.

— Какъ хотите. А что вашъ садъ?

— Собралъ двѣ тысячи четыреста восемьдесятъ шесть рублей,—съ замѣтнымъ удовольствіемъ проговорилъ Булыгинъ.

— Мало.

— Я полагаю, что пора и приступить.

— Рано. Ты, братецъ, не того принесъ,—воскликнулъ За-

горскій, при видѣ разложенной на столѣ закуски.—Эхъ, Фофанъ, Фофанъ! Что это за колбаса?

— Углицкая, ваше благородіе.

— Это свинцовая колбаса, начиненная ржавыми пулями изъ подъ Севастополя. Однако, дѣлать нечего, ѣсть надо что нибудь. Н-да,—протянулъ онъ печально, оглянувъ небрежнымъ взглядомъ голыя стѣны, некрашенные полы и разнокалиберные стулья въ двухъ комнатахъ Булыгина.—Не красна ваша изба углами, да не красна и пирогами. Нѣтъ, завтра я у Куликова переночую, у того всегда найдется хоть тарелка щей. Что бы вамъ жениться, Булыгинъ? Право. На Агашенькѣ Лутошиной? Милая дѣвушка, и тысячъ сорокъ за ней есть. Женитесь!

— Для того чтобъ называться мужемъ госпожи Агашеньки?—сухо отвѣтилъ Булыгинъ.—Когда будутъ у меня свои средства, тогда и женюсь.

Наливая чай, онъ искоса оглядывалъ стройнаго гусара, его беззаботное, веселое лицо, блестящіе глаза, свѣжія губы, и думалъ: «вотъ человѣкъ, который ни разу въ жизни ни надъ чѣмъ не задумался». И съ нескрываемою горечью онъ заговорилъ:

— Хорошо вамъ разсуждать объ углахъ моей избы, когда вся ваша жизнь отъ колыбели до могилы катится гладко, какъ по маслу, благодаря запасливости вашихъ предковъ. Чортъ знаетъ,—стукнулъ онъ по столу дномъ чайника,—просто безсовѣстно родить дѣтей, не зная, чѣмъ ихъ обезпечить.

Сказавъ это, онъ вспомнилъ Розу и нахмурился; чувство, похожее на состраданіе къ своему будущему ребенку, шевельнуло его сердце.

— У васъ вотъ сердце золотое, а тоже вы свинья порядочная, Загорскій,—продолжалъ онъ, подъ видомъ испытанной правдивости своей, мѣшая дерзость съ лестью въ отношеніи къ людямъ, отъ которыхъ зависѣлъ:—вы вѣчно расшевелите всѣ мои раны. Ну, какое вамъ дѣло до моей избы, чортъ бы васъ взялъ!

Загорскій, выпивъ залпомъ три рюмки коньяку и опорожнивъ стаканъ чаю, жмурился, качаясь на стулѣ, и ничего не отвѣчалъ.

Помолчавъ, Булыгинъ началъ излагать гостю какой-то сложный планъ будущаго сада, но тотъ прервалъ его на самомъ интересномъ мѣстѣ, внезапно крикнувъ:

— Фофанъ! Завтра почтовый день, чтобъ были письма мнѣ. Принеси и разбуди меня!

— Слушаю, ваше благородіе,—гаркнулъ старикъ изъ кухни.

Не раздѣваясь, гость растянулся на диванѣ, уткнувъ лицо въ пыльную гарусную подушку. Его ужь не было, когда на другой день, проснувшись поздно, Булыгинъ увидѣлъ на ночномъ столикѣ письмо сестры, и спросилъ Фофана:

— А повѣстка?

— Тошно такъ-съ.

— Давай прежде повѣстку.

Фофанъ взялъ письмо со столика и подалъ ему.

— Вѣсточка вашему благородію.

— И... больше ничего?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Наморщивъ лобъ, Булыгинъ всталъ, одѣлся, выпилъ чаю, и тогда рѣшился прочитать письмо сестры.

Долго, до онѣмѣнія членовъ сидѣлъ онъ съ опущенной головой, безсмысленно глядя на упавшее изъ рукъ письмо; и вдругъ, вскочивъ, онъ заметался, какъ пойманная въ мышеловку мышь: то подойдетъ къ окну и отъ него отскочитъ, то выглянетъ за дверь и отбѣжитъ къ дивану, и быстро ходитъ мимо стѣнъ. Фофанъ пришелъ ему сказать, что обѣдъ готовъ.

— Готовъ?—безсмысленно переспросилъ онъ, словно проснувшись.

— Тошно такъ-съ.

— И безъ тебя тошно, дубина! — вскинулся онъ на старика, подскакивая къ нему съ кулаками.—Я тебя училъ говорить: точно! точно!—визжалъ онъ вслѣдъ улепетнувшему отъ него въ сѣни Фофану.—Этакая тварь!

И продолжалъ по прежнему метаться изъ угла въ уголъ, наконецъ сѣлъ, чтобъ сколько нибудь успокоить себя и собраться съ мыслями. Собака сѣла передъ нимъ, преданно глядя ему въ глаза. Онъ отшвырнулъ ее ногой и крикнулъ:—вонъ пошла!—Вспорхнула птица, сѣвшая на крышечку чернильницы. Крышечка упала со стола, сердито застучала по полу и съ ворчаньемъ покатилась къ двери. Булыгинъ заткнулъ пальцами уши.

— Житья нѣтъ!—произнесъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, надѣлъ шинель и вышелъ изъ дому. У воротъ онъ постоялъ

съ видомъ человѣка, вспоминающаго, куда ему нужно идти, повернулъ къ заставѣ и прогулялся по снѣжной степи версты за полторы. А возвратясь домой, увидѣлъ онъ въ передней оставленную ему Загорскимъ шубу, внесъ ее къ себѣ и сталъ разсматривать. «Шуба хорошая. Въ одномъ мѣстѣ распоролся мѣхъ—надо зашить. У Лутошина точно такая же. Агаша просила написать ей на память стихи. Безъ часовъ неловко, неудобно».

Такъ отрывочно бродили мысли въ его головѣ. Взглядъ его притянуло валявшееся на полу письмо; онъ поднялъ его, прочиталъ и, скосивъ губы въ ѣдкую улыбку, разорвалъ.

Безъ сомнѣнія, ея дуракъ помогъ ей сочинить это посланіе. Каждое слово дышетъ въ немъ ехидствомъ, ироніей, жестокимъ издѣвательствомъ. Вообразивъ себѣ, какъ сестра теперь смѣется надъ нимъ вмѣстѣ съ Климовымъ, посвященнымъ ею во все предъидущее вымаливанье денегъ, онъ покраснѣлъ, спрятавъ лицо въ ладони, и долго такъ сидѣлъ съ локтями на колѣняхъ. Потомъ, по привычкѣ, выдвинулъ ящикъ съ общественными деньгами, началъ ихъ пересчитывать и перекладывать крупныя ассигнаціи отдѣльными пачками отъ мелкихъ, но и это занятіе только раздражило его. Изъ-за чего онъ бьется, простужается, хитритъ и кланяется, вымаливая деньги на какой-то садъ, а у самого только жалкая сотня рублей зашита за подкладку сюртука на всякій случай. Мизерное обезпеченіе, мизерное существованіе, а молодость проходитъ. Вотъ еслибъ хоть тысчонки двѣ скопить, то можно быть покойнѣе.

Опять онъ зашагалъ по комнатѣ, часто и громко топая, съ глубокой думой на лицѣ. И, по мѣрѣ того какъ зрѣло въ немъ одно рѣшеніе, шаги онъ замедлялъ и скрадывалъ ихъ звуки, какъ будто опасаясь, что стукомъ каблуковъ онъ обнаружитъ свои мысли передъ стѣнами. На цыпочкахъ онъ затворилъ и заперъ на задвижку свою дверь, крадучись, открылъ шкафъ, досталъ коробку съ пуговицами, иголками и нитками, вынулъ изъ нея ножницы и, взявъ шубу на колѣни, подпоролъ на ней съ трехъ сторонъ мѣхъ. Потомъ, закусивъ губу и оглядываясь, онъ выдвинулъ осторожно ящикъ съ деньгами, разсыпалъ по всему дну двѣ пачки мелкихъ ассигнацій и, вынувъ остальныя, завернулъ ихъ пластами въ бумагу. Исполнивъ все это почти безъ шороха, онъ вложилъ въ распоротыя отверстія

шубы пласты денегъ и дрожащей рукой, укалывая пальцы, неловко пришивалъ ихъ къ стеганой ватѣ подъ мѣхомъ.

Старинное трюмо, съ облупившейся мѣстами амальгамой и съ двумя подставками для свѣчей, отражало его движенія, и онъ, ежеминутно вздрагивая, обертывался къ зеркалу. Лицо его было блѣдно и влажно отъ пота. Когда отверстія мѣха были зашиты, онъ съ усиліемъ встряхнулъ тяжелую шубу, надѣлъ ее и подошелъ къ трюмо. Огромный воротникъ, поднявшись, закрылъ голову; сзади она волочилась по полу, и рукава ея, какъ рукава горячечной рубашки, висѣли пустые подъ кистями рукъ. Словно окаменѣлый, стоялъ онъ весь закутанный передъ трюмо. Смеркалось, между тѣмъ, и были слышны безпокойные шаги за дверью. Наконецъ Фофанъ тихонько произнесъ, тронувъ дверную ручку:

— Ваше благородіе, ай нездоровы?

Булыгинъ сбросилъ шубу, движенія его вдругъ стали смѣлы и рѣшительны, и онъ громко заговорилъ, отворивъ дверь:

— Который часъ? Крѣпко я спалъ, дружище Фофанъ,— зѣвая и потягиваясь, но не глядя на слугу, болталъ онъ.— Ты бы хоть привелъ ко мнѣ кого нибудь для развлеченія, хоть Розу Михайловну, а то скучно одному хворать.

— Радъ стараться, ваше благородіе,—скаля беззубый ротъ, вытянулъ старикъ руки по швамъ:—женское обхожденіе—первое дѣло при болѣзни.

— Ну, хорошо, не разсуждай; иди, дружище, въ корчму.

XVII.

Роза Михайловна Подковичъ не заставила себя много просить. Она явилась, расфранченная, въ ярко-зеленомъ платьѣ, съ пунцовымъ бантикомъ въ волосахъ. И сидитъ Булыгинъ съ нею наединѣ передъ остатками вчерашней закуски и недопитой бутылкой коньяку. Лица обоихъ оживлены, и на этотъ разъ бесѣда ихъ—миролюбиваго характера.

— Сами видите, Роза Михайловна, что я несчастнѣйшій на свѣтѣ человѣкъ. Ждалъ получки большихъ денегъ, а вмѣсто того все непріятности и непріятности—вотъ мой удѣлъ. Только вы одна и составляете мое, такъ сказать, утѣшеніе, и грѣхъ было бы вамъ отравлять мою, и безъ того въ конецъ отравленную, жизнь.

— И моя жизнь самая отравленная, — заговорила, вертя головой, Роза:—тѣснота, ребьонтки, грязь, а за стѣной пляшутъ, пляшутъ, такъ что трясется все, якъ Бога кохамъ. И поютъ, поютъ все одну пѣсню:

Жидъ-панъ, жидъ-панъ,
Жидовочка-пани,
Жиденята-паненята,—
Бодай вы пропали!

— Это они вашего родственника величаютъ,—смѣясь, сказалъ Булыгинъ.—Какъ онъ отъ васъ не отрекся, удивляюсь, вѣдь вы христіанка.

— Онъ хочетъ изъ меня дѣлать слугу, да было бъ ему фигу показать! Не можно мнѣ, съ изъяшнымъ воспитаніемъ, тамъ оставаться, бо пьяные хлопцы все пляшутъ и поютъ: жидъ-панъ, жидъ-панъ...

Щелкнувъ пальцами, она показала, какъ поютъ и пляшутъ, съ руками въ бедра пройдясь плясовымъ шагомъ у стола; и, понемногу увлекаясь, запѣла громче, выбивая дробь ногами. Массивная фигура ея, скача и присѣдая, вдругъ завертѣлась на своей оси. Булыгинъ неистово захохоталъ.

— Браво,—кричалъ онъ,—ей богу, хоть въ балетъ сейчасъ. Еще, еще! Роза Михайловна, вы прекрасны, моя богиня!

Не понимая самъ, насколько притворны и насколько искренни его восторги, Булыгинъ весь отдался хохоту, забывъ о своемъ горѣ. Запыхавшись, Роза сѣла, и весело глядитъ ему въ лицо.

— Вы прелесть! Настоящая роза. Вѣдь я все время о васъ думалъ, только не хотѣлъ компрометировать, а безъ денегъ, сами знаете, нельзя жениться. Ей богу же я васъ люблю.

— Правда?—спрашиваетъ Роза, расплываясь въ масляной улыбкѣ,—нѣтъ, серьезно? А зачѣмъ смѣетесь такъ много?

Глаза ея, подернутые влагой, весело искрятся, губы вытягиваются для поцѣлуя, и вся она, охваченная жизнерадостной истомой, млѣетъ, слушая его.

Онъ говоритъ ей съ серьезнымъ видомъ:

— Умнѣй, практичнѣе, лучше васъ женщины я не встрѣчалъ, и я готовъ хоть на край свѣта съ вами ѣхать, но деньги, деньги,—вотъ въ чемъ суть! Вы бы обокрали вашего жида,—съ улыбкой подмигнулъ онъ,—но шутки въ сторону, положеніе мое не только незавидно, даже рискованно, судите сами. Имѣй

я свою собственность, я бы и въ усъ не дулъ, что у меня въ ящикѣ стола лежатъ общественныя деньги. Пропали, внесъ свои, и кончено. А тутъ каждую минуту безпокойся и терзайся изъ-за чужаго капитала. Я удивляюсь, какъ меня не обокрали до сихъ поръ. Окно въ передней не вставлено, и двойной рамы нѣтъ къ нему. Стоитъ его разбить снаружи, просунуть руку, отомкнуть задвижку, открыть, влѣзть и распорядиться здѣсь, какъ дома. Фофанъ спитъ, какъ убитый. Я часто не ночую дома. Просто душа не на мѣстѣ, когда приходится мнѣ погостить въ уѣздѣ.

Роза, не моргая, слѣдила за движеніемъ его губъ, и внимательные глаза ея выражали полное пониманіе.

— Но что же тогда?—спросила она.

— Въ случаѣ пропажи денегъ? Да ничего хорошаго. Трудно найти и уличить вора. Судить меня, положимъ, и не стали бы, но непріятно. Неминуемо пришлось бы мнѣ отъ стыда разстаться съ здѣшними мѣстами.

— Вѣрно?

— Вѣрно, что скверно, добрая моя Роза Михайловна. Не оставляйте меня, я боленъ, я огорченъ, я люблю васъ...

Въ такомъ родѣ разговоръ ихъ длился далеко за полночь, и Булыгинъ, притворно пьянѣя, оставилъ ее ночевать на его кровати, самъ легъ на диванъ и скоро сталъ сопѣть и бредить.

Около часу лежалъ онъ лицомъ къ стѣнѣ, и слышитъ наконецъ, что скрыпнула кровать, и Роза тихо одѣвается впотьмахъ; и слышитъ онъ потомъ, что щелкнулъ ключъ, какъ бы забытый, въ замкѣ ящика, но продолжаетъ все сопѣть и бредить. Завизжала, отворяясь, наружная дверь, и черезъ минуту съ дребезгомъ посыпались въ передней стекла; все это слышитъ онъ, но по прежнему лежитъ лицомъ къ стѣнѣ, не смотря на рѣзкій холодъ, подползающій подъ шубу, которой онъ покрытъ. Въ комнатѣ стало свѣтло.

— Ваше благородіе, вставайте, бо не ладно,—въ самое ухо докладываетъ ему Фофанъ.

— Чортъ бы тебя взялъ, я спать хочу.

— Ваше, ваше благородіе,—толкаетъ его въ спину Фофанъ.

— Ну, что?

Со свѣчкой въ рукѣ, дрожитъ передъ нимъ старикъ въ одномъ бѣльѣ; сѣдые волосы его поднялись надо лбомъ, какъ щетина.

— Откуда такой холодъ? И какъ ты смѣлъ...

— Холодъ, бо окно открыто... Нечистое дѣло.

— Такъ закрой скорѣй и заткни чѣмъ нибудь... если оно разбито.

Всталъ баринъ, заглянулъ въ переднюю, самъ заложилъ гарусной подушкой разбитое окно, велѣлъ затопить печку, потомъ выдвинулъ ящикъ стола, и давай кричать, только не слишкомъ громко:—Воры! держите! Караулъ! Ты что же это спишь, скотина! Этакъ меня убьютъ когда нибудь.

— Виноватъ! Сколько лѣтъ живу, а никогда этого не случалось въ нашемъ городѣ.

— Что теперь дѣлать? Ты шубу мою не убирай никогда въ переднюю, пусть надъ кроватью виситъ, я буду ею покрываться, а то я зябну, простудился. А гдѣ же Роза Михайловна?

— Не могу знать-съ.

— Ты не слыхалъ, когда она ушла?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А-а, это что нибудь значитъ... Послушай, ты молчи пока объ этомъ, понимаешь?.. Никому ни слова. А-а, вотъ оно что... Я ухожу и скоро вернусь, а ты не спи тутъ, Фофанъ.

Булыгинъ взбудоражилъ всю квартиру Куликова, разбудилъ ночевавшаго тамъ Загорскаго и взволнованнымъ шопотомъ молилъ его сію минуту идти съ нимъ по безотлагательному дѣлу величайшей важности. Тотъ, съ просонокъ ничего не соображая, позволилъ себя одѣть и увести куда угодно. Булыгинъ отрывисто и торопливо, дорогой, выяснилъ молодому другу, взявъ съ него слово хранить въ тайнѣ, обстоятельства случившагося съ нимъ несчастія. Роза Подковичъ осталась у него ночевать и ушла, когда онъ заснулъ, какъ убитый, похитивъ собранныя на садъ деньги. И, чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе, разбила снаружи окно. Тутъ и сомнѣнія быть не можетъ: это ея продѣлка. Ничего въ мірѣ нѣтъ лукавѣе жидовки!

Утренняя заря туманно рисовала всю неприглядность пустыхъ улицъ между рядами словно умершихъ сѣрыхъ домиковъ съ закрытыми ставнями: обледенѣлыя скамейки у калитокъ, за длинными заборами голые прутья деревьевъ, вылитыя помои на сугробахъ, картофельную шелуху и всякій соръ. Изъ степи тянулъ сердитый вѣтеръ, срывая съ крышъ лос-

кутья снѣга, и все это не могло способствовать пріятному настроенію духа. Невольно хмурилось лицо Загорскаго за бобровымъ воротникомъ; прерванный сонъ растягивалъ челюсти въ зѣвоту, и разсказъ Булыгина дѣйствовалъ подавляющимъ образомъ. Казалось, ноги тяжелѣютъ съ каждымъ шагомъ,—такъ неохотно шелъ онъ за своимъ собесѣдникомъ. Въ передней, ко всѣмъ его непріятнымъ ощущеніямъ примѣшалась боязнь скомпрометировать себя въ какой-то странной исторіи, и онъ спрашивалъ, не получая отвѣта:

— Зачѣмъ я къ вамъ иду? Зачѣмъ вы привели меня?— Ему вспомнилось наставленіе матери: держать себя подальше отъ друзей, но отступать уже было невозможно. Булыгинъ указывалъ ему на разбитое и заслоненное подушкой нижнее стекло окна, спрашивая:—Вы видите?—Затѣмъ, введя его въ комнату, освѣщенную сальной свѣчей въ кухонномъ подсвѣчникѣ, забытой Фофаномъ на подставкѣ трюмо, Булыгинъ выдвинулъ ящикъ и указалъ рукой на его дно.

— А это видите? Пусто. Все, до одного рубля, украдено. Вы видите?

— Ну, вижу,—неохотно произнесъ гость, садясь верхомъ на стулъ, и, перегнувшись черезъ спинку, сталъ смотрѣть на себя въ зеркало. Встрепанное, заспанное лицо его, съ едва пробившимися усиками на пухлой губѣ, съ наивными и добрыми глазами, румяное и круглое, все жмурилось, какъ капризное лицо разбуженнаго ребенка.

— Зачѣмъ вы меня притащили, не понимаю,—бормоталъ онъ, и, взявъ съ подставки головную щетку, началъ приглаживать торчащую у него на макушкѣ прядь волосъ.

Преодолѣвая внутреннюю дрожь, Булыгинъ подошелъ погрѣться къ печкѣ, пожимаясь и ворча.

— Чортъ знаетъ, какого холода напустила Розка, окоченѣть можно. Что можетъ быть хитрѣе и подлѣй жидовки,— вознегодовалъ онъ совершенно искренно и, рванувъ на себѣ волосы, воскликнулъ:

— Загорскій! Вы видите передъ собой преступника. Зовите полицію, вяжите меня, судите и карайте! Я каюсь и винюсь во всемъ. Моя неразборчивость, моя слабость, моя неосторожность всему причиной, я и въ отвѣтѣ...

Не выпуская изъ руки щетку, Загорскій отвелъ глаза отъ

зеркала и поглядѣлъ на друга безъ особеннаго удивленія, не въ первый уже разъ внимая его краснорѣчію; потомъ онъ продолжалъ спокойно гладить свои волосы.

— Но вы войдите въ мое положеніе,—продолжалъ Булыгинъ жалобно,—вѣдь я не могъ быть равнодушнымъ къ влюбленной въ меня дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе что, будучи лишенъ всякой привязанности...

— Есть у васъ фиксатуаръ?—спросилъ Загорскій.

— Нѣтъ у меня. Не видя ласки съ дѣтства...

— Ну, помады нѣтъ ли?

— Тьфу! Человѣкъ гибнетъ передъ вами, а вы вихрами занимаетесь, безъ малѣйшаго участія къ нему. При вашей рѣдкой добротѣ, подобный эгоизмъ...

— Что же мнѣ дѣлать?

— Помогите мнѣ.

— Отобрать у нея деньги? Уличить эту...

— Чортъ знаетъ, какую вы несете ерунду при своемъ замѣчательномъ умѣ.

— Чего вы отъ меня хотите?—вдругъ крикнулъ окончательно сбитый съ толку и вышедшій изъ терпѣнія гусаръ, вскочивъ со стула такъ порывисто, что чуть не уронилъ его.— Вамъ надо было идти за исправникомъ, а не за мной!

Съ ощущеніемъ человѣка, утопающаго въ проруби, Булыгинъ похолодѣлъ и посинѣлъ, и ослабѣвшими руками схватился за обшлагъ Загорскаго.

— Вы дали слово не предавать этого огласкѣ,—залепеталъ онъ слезливымъ голосомъ,—не вмѣшивать полицію; вѣдь въ такомъ случаѣ тѣнь на меня падетъ... да и на васъ отчасти: вы за меня ручались, рекомендовали меня обществу. Къ кому же мнѣ прибѣгнуть, какъ не къ вамъ? Вы единственный въ мірѣ человѣкъ, давшій мнѣ съ отрадой передохнуть разъ въ жизни... Какъ виноватъ я передъ вами! Я злоупотребилъ вашей добротой. Но не виноватъ же я... вѣчная жертва роковыхъ случайностей...

Дальнѣйшихъ словъ, заглушенныхъ неподдѣльнымъ рыданіемъ, нельзя ужь было разобрать. Ударивъ себя кулакомъ въ грудь, Булыгинъ со стономъ повалился на кровать.

Тронутый его отчаяніемъ, Загорскій бросился къ нему, плеснулъ на него водой изъ графина, помахалъ надъ нимъ платкомъ, и уговаривалъ его.

— Полноте, Булыгинъ,—что за малодушіе! Стыдно мужчинѣ плакать. Все какъ нибудь уладится. Хотите, я пойду допрошу эту жидовку и заставлю ее возвратить...

Булыгинъ замоталъ головой и, вскочивъ на ноги, сквозь слезы и вздохи заговорилъ:

— Безполезно да и не гуманно волновать, запугивать ее. Она готовится быть матерью, а въ этомъ положеніи... доказано наукой... иными женщинами овладѣваетъ клептоманія. У меня, по крайней мѣрѣ, языкъ противъ нея не повернется, вѣдь я... вѣдь отъ меня ребенокъ... Это ужасно! Будь у меня какія нибудь средства...— со стономъ заключилъ онъ,—я внесъ бы эту сумму, и конецъ.—Загорскій съ облегченіемъ вздохнулъ; онъ понялъ наконецъ, что̀ ему дѣлать, и спросилъ:

— Сколько?

— Двѣ тысячи девятсотъ восемьдесятъ шесть рублей,—съ небольшой ошибкой въ цифрахъ, но безъ запинки, отвѣчалъ Булыгинъ.

— Много... Все равно: черезъ три недѣли кончается срокъ моего отпуска, я получу отъ мамы на столичныя удовольствія.

— Съ меня каждую минуту могутъ потребовать отчетъ! Поймите это. У меня враги есть... подведутъ.

Такъ жалобно и убѣдительно, такимъ неподдѣльнымъ горемъ звучитъ, дрожа отъ слезъ, голосъ Булыгина, что самъ ужь онъ не можетъ разобраться, что̀ истинно и что̀ притворно въ переживаемыхъ имъ волненіяхъ, и, тяжело дыша, онъ простираетъ руки:

— Спасите! Скажите матери, что проигрались въ карты.

— Обмануть маму!—гордо поднявъ голову, молвилъ Загорскій и, повернувшись къ нему спиной, отошелъ со сложенными на груди руками.

— Для спасенія ближняго... Я самъ обожалъ свою мать,— входя въ свой обыкновенный тонъ, засуетился у стола Булыгинъ,—ея образъ со всѣми прекрасными качествами часто рисуется моему воображенію, но я бы не задумался ни на одно мгновеніе... Загорскій! Ну, что вамъ стоитъ? Вотъ бумага. Сядьте и напишите, что вы взяли у меня заимообразно ввѣренную мнѣ на храненіе общественную сумму... Пишите же. Я вамъ все выплачу, клянусь! Я готовъ для этого жениться на Лутошиной. Ну, будьте другомъ, умоляю васъ.

Съ видомъ недовольнаго ребенка повинуется ему Загорскій, пробормотавъ:—Вѣдь это маму огорчитъ,—и когда подпись была уже сдѣлана, Булыгинъ заключилъ его въ свои объятія.

Утро застало друзей все за тѣмъ же столомъ передъ самоваромъ и колбасой, начиненной севастопольскими пулями. Загорскій былъ серьезенъ и молчаливъ; Булыгинъ, напротивъ, съ веселымъ одушевленіемъ разсказывалъ анекдоты, подходящіе къ случаю; на душѣ у него было тепло и радостно, потому что онъ увѣрилъ себя, что все происшедшее дѣйствительно такъ и могло случиться со всякимъ честнымъ человѣкомъ въ его положеніи: не подлецъ же онъ въ самомъ дѣлѣ и не воръ какой нибудь!

Фофанъ подалъ ему письмо, доставленное еврейскимъ мальчикомъ отъ Розы Подковичъ.

«Сердечно уважаемый мною Викторъ Аркадьевичъ, самый любимый человѣкъ! Меня ужь въ городѣ не будетъ, когда вы будете поутру читать это письмо. Я выѣхала ночью и буду васъ ожидать на станціи Сборное, а вы поскорѣе бѣжите отъ несчастія, деньги есть. Сердечно ваша всей душой.

Роза Подковичъ».

— Вотъ, не угодно ли полюбоваться на документикъ,—передалъ онъ письмо Загорскому.—Сама противъ себя даетъ улику. Откуда у нея деньги, и какъ она могла, уѣхавъ ночью, знать о моемъ несчастіи, если никто рѣшительно о немъ не знаетъ, кромѣ васъ и Фофана.

Пряча письмо въ бумажникъ, онъ думалъ про себя: «теперь у меня есть, чѣмъ ее пугнуть, если пристанетъ», и съ довольной улыбкой онъ продолжалъ:

— Это письмо равняется ея сознанію и вещь для меня далеко не лишняя, а то, пожалуй, вотъ хоть вы могли подумать, что я взялъ себѣ деньги и запряталъ ихъ куда нибудь.

— Перестаньте,—брезгливо поморщился Загорскій,—у васъ шутки иногда пренеопрятныя.

— Какъ знать: вы, можетъ быть, подозрѣваете, что я въ шубу деньги зашилъ... Вотъ прелесть, я вамъ скажу, ваша шуба. Благодать! Хочется мнѣ обновить ее скорѣй. Да что вы носъ повѣсили? встряхнитесь, юноша! Послушайте, ужь если васъ такъ тяготитъ ваша расписка, избавьтесь отъ нея, и все

забудьте. Съѣздимъ сейчасъ же къ вашей матери. Рѣдкая она женщина, и я всегда бываю ужасно радъ ее видѣть.

— Пожалуй, поѣдемъ,—грустно поникнувъ головой, молвилъ Загорскій и вздохнулъ.—Въ первый разъ приходится мнѣ маму обмануть!

XVIII.

Женя дождалась наконецъ Климова, встрѣтила его съ веселой улыбкой и показала ему копію съ письма своего къ брату.

— Смотри, Саша, какъ хорошо я написала. Воображаю, какъ Викторъ останется мною доволенъ.

— Ты отвезла всѣ деньги къ Холодову! — воскликнулъ онъ, и сталъ вытирать внезапно выступившій потъ съ лица.

Она испугалась и смотрѣла съ виноватымъ видомъ, какъ вспыхнувшія щоки его постепенно покрывались синеватой блѣдностью.

— Прости, Саша.

Онъ взялъ со стола портъ-сигаръ, положилъ въ карманъ недочитанную утромъ газету, и, не глядя на нее, вышелъ въ переднюю.

— Куда же ты? Останься, милый.

Онъ показался изъ передней въ пальто, съ шапкой въ рукѣ, и нѣсколько секундъ безмолвствовалъ. Въ глубинѣ его взгляда горѣло страданіе, дрожь шевельнула сжатыя губы, и глухой, не его, голосъ съ усиліемъ проговорилъ:

— Больше мы не увидимся.

— Саша!

— Ты... безсердечная кукла! Мечтательная чепуха тебѣ дороже брата... привязанности отъ тебя не жди.

По мѣрѣ того какъ онъ повторялъ слова Булыгина, самообладаніе его покидало, наступило мгновеніе напряженнаго молчанія, и вслѣдъ затѣмъ раздался сдавленный горловой крикъ его:

— Ты... неспособна любить. Ужь если родной братъ отъ тебя отступился, стало быть хороша. Прощай!

Она бросилась за нимъ, обвилась вокругъ его шеи, тянула его назадъ.

— Змѣя!—крикнулъ онъ дикимъ голосомъ, сорвалъ ее съ себя и бросилъ на полъ.

Онъ сошелъ съ лѣстницы, медленно и тяжело ступая, точно съ большой ношей за плечами; пристально посмотрѣлъ онъ въ лицо швейцару и, чувствуя за собой взглядъ его на улицѣ, умѣрилъ свою обыкновенную походку, но, повернувъ за уголъ, быстро пошелъ, махая рукой и глядя вдаль, словно спѣшилъ догнать кого-то. Широко дышащая грудь его вбирала зимній воздухъ, но душно и тѣсно было ему на улицѣ, и хотѣлось крикнуть такъ громко, чтобъ эхо пошатнуло дома:—«она не можетъ, не можетъ любить»! Съ громаднымъ напряженіемъ воли онъ приподнялъ на головѣ мѣховую шапку, отвѣчая на поклонъ ѣхавшаго навстрѣчу знакомаго, и вдругъ, спросивъ себя: — какой бѣсъ въ меня вселился? — сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы вернуться, успокоить Женю. Но тѣмъ труднѣе было ему справиться съ собой, чѣмъ рѣже долго подготовляемые взрывы поднимали избытокъ силы, которая росла и клокотала въ немъ. Сжигаемый ненавистью, онъ вспомнилъ разсчитанныя на эффектъ слова Булыгина, и думалъ: «вотъ настоящій бѣсъ! съ тѣхъ поръ какъ я его увидѣлъ и послушалъ, онъ отравляетъ мою жизнь. Удавить не грѣхъ такого человѣка, удавить, удавить»!—бормоталъ онъ сквозь зубы, а въ ушахъ раздавалась мучительно-роковая фраза: «безсердечная, неспособная къ привязанности кукла»—и судорожно сжимались его кулаки въ карманахъ куньяго пальто, ноги стремительно неслись впередъ.

Такъ дошелъ онъ незамѣтно по привычному пути до конца города, гдѣ находился его заводъ, и съ отрадой ощущая свою власть держать и подавлять мятежно бушующую въ немъ силу, внимательнѣе обыкновеннаго поклонился встрѣтившему его прикащику и освѣдомился о здоровьѣ его жены.

Увидя въѣзжающій въ ворота возъ, онъ взялъ лошадь подъ устцы, подвелъ ее къ отвореннымъ подваламъ и началъ сваливать кладь съ розвальней. Кладь состояла изъ корья, то есть изъ ивовой сухой коры (для выдѣлки и окраски кожъ) колючей и ломкой, застрѣвавшей кусочками въ его бородѣ, засыпавшей пылью глаза.—Пусти-ка, ты,—говорилъ онъ рабочимъ, бравшимъ съ воза охапки корья и большими кипами, въ немного пріемовъ, перетаскалъ самъ и сложилъ возъ въ подвалъ.

Потомъ онъ безъ надобности поднялъ розвальни сзади, какъ соху, помогая лошади выбраться узкимъ поворотомъ на задній дворъ. Точно такимъ же образомъ опорожнилъ онъ и другіе, стоявшіе на очереди, возы съ изумительной легкостью и проворствомъ, на глазахъ рабочихъ, почтительно смотрѣвшихъ, какъ хозяинъ «кажетъ имъ примѣръ», отстраняя ихъ помощь лаконическими словами: «пусти-ка, ты».

Проработавъ часа три съ сознаніемъ побѣды разсудка надъ животной силой, онъ въ сумерки сѣлъ на крыльцо покурить и привѣтливо улыбнулся подбѣжавшему къ нему прикащику.

— Что подѣлываетъ ваша супруга?—спросилъ онъ.

Польщенный его вниманіемъ, прикащикъ, кружась вокругъ него и стряхивая соръ съ его пальто, вѣжливо ухмылялся.

— Извѣстно, что̀ въ ихнемъ возрастѣ могутъ дѣлать образованныя особы-съ,—рапортовалъ онъ скороговоркой,—все читаютъ-съ.

— Что же именно?

— Такъ-съ, разную беллендристику въ журналахъ. Александръ Васильевичъ, что̀ я хотѣлъ вамъ доложить,—продолжалъ онъ дѣловымъ тономъ:—немысленно по этой цѣнѣ кожи покупать, теперь падежъ скота.—И онъ пустился въ объясненіе, пересыпанное словами: «бугай, сосунокъ, неблюдковыя кожи, погодить, выждать, прижать».

Климовъ слушалъ его, но мысль о случившемся ни на одно мгновеніе не покидала его; передъ нимъ носилось огорченное личико Жени; вся любящая душа глядѣла въ ея взглядѣ—сердце его рвалось отъ раскаянія: зачѣмъ не ушелъ онъ отъ нея до взрыва своей необузданной жестокости? Онъ не разъ прощался, уходилъ и останавливался; то просили его осмотрѣть котелъ:—«словно какъ будто ненадеженъ сталъ, не лопнулъ бы грѣхомъ»;—то показывали ему кожи въ краскѣ: «не пора ли вынимать ихъ, не передержались бы», и онъ обходилъ всѣ мастерскія вплоть до вечера. Тогда вернулся онъ къ себѣ усталый на извощикѣ, по своему обыкновенію пропѣлъ на цыпочкахъ мимо «братишки», занятаго конторскими вычисленіями, и, велѣвъ приготовить теплую ванну, все торопилъ прислугу въ горячемъ нетерпѣніи увидѣть Женю. Вся его душа стремилась утѣшить скорѣй несправедливо обиженное имъ дорогое существо.

Одѣвшись послѣ ванны, онъ легъ на минуту отдохнуть; точно свинецъ оковалъ его тѣло, прожившее такъ напряженно день, точно свинецъ сомкнулъ его вѣки; безъ воли онъ крѣпко заснулъ.

Женя, когда онъ отъ нея ушелъ, поднялась съ полу и потерла ладонью ушибленный локоть, прошептавъ надутыми губами:—Какъ онъ разсердился!—Долго и неподвижно стояла она на одномъ мѣстѣ, блѣдная, съ красной полоской на щекѣ, глядя въ отворенную дверь передней; потомъ, шатаясь, вышла изъ залы и въ изнеможеніи упала на диванъ. И тутъ широко открытые глаза ея безъ участія воли начали превращать зеленый трипъ дивана въ поля, луга, лѣса... Какъ придавленная доской къ дивану, лежала она внизъ лицомъ. Въ сознаніи ея держится что-то небывало-страшное, но нѣтъ силъ вдуматься, нѣтъ силъ стряхнуть съ себя мучительную тяготу, а воображеніе не перестаетъ работать: переселенцы идутъ по дорогѣ, кричатъ отъ голода ихъ ребятишки, падаетъ скотъ. Надо скорѣй продать имущество, купить землю, населить ее и посмотрѣть на результатъ своего дѣла, порадоваться общей радостью—выше этого счастья нѣтъ на землѣ. Она будетъ жить бѣдно и скромно, будетъ давать уроки и приходить домой, довольная собою. Саша увидитъ, что напрасно за нее безпокоился, проститъ ее и полюбитъ еще сильнѣй. Настоящей, великой любовью полюбитъ онъ и бездомныхъ скитальцевъ—надо скорѣй это осуществить. Капитанша ей поможетъ, она опытная, разсудительная женщина, и предана ей, какъ родная. Сейчасъ надо идти къ ней.

Какъ наэлектризованная, вскочила она, и торопится, торопится, ничего не замѣчая: ни растерянной физіономіи Марихенъ, подающей ей пальто, ни улицъ, ни прохожихъ; сознаніе въ ней заснуло. Она дергаетъ звонокъ у двери своего прежняго печальнаго жилища, въ порывѣ пылкаго нетерпѣнія топаетъ ногой и пробуждаетъ въ себѣ сознаніе.

«Эта старуха никогда дома не сидитъ»,—разсуждаетъ она,—но, можетъ быть, она скоро вернется; надо ее подождать за выступомъ стѣны, чтобы не быть замѣченной Сашей на его дворѣ. Почему-то ей не хочется встрѣтиться съ нимъ, пока не будетъ приведено въ исполненіе все задуманное ею.

Каждое углубленіе вымощеннаго двора ей извѣстно, и кла-

довыя и конюшни; она помнитъ и помойную яму, гдѣ подъ ея наблюденіемъ галки рвали добычу. Видъ помойной ямы, которую она часто созерцала въ состояніи безвыходной тоски и горя, открылъ всѣ сердечныя раны, понемногу воскрешая все безотрадное прошлое. Съ какой надеждой она вырвала тогда изъ рукъ почтальона письмо Виктора, и какою болью вонзилось его содержаніе въ трепещущую грудь; зажившая боль съ новой силой ожила въ ней, наполнивъ ее новымъ трепетомъ. Хоть бы разъ ей удалось взглянуть на свою дѣвочку. Это Викторъ умертвилъ ее своимъ письмомъ. Впечатлѣнія одно другаго тягостнѣе вторгаются въ душу страшной мукой, до физической боли въ груди, до ощущенія вкуса мѣди во рту... это Викторъ чуть не отравилъ ее. Все тѣло ея пришло въ движеніе; она, тряхнувъ головой, быстро зашагала, чтобъ удалиться поскорѣй отъ воспоминаній прошлаго.

Мутныя облака заволакиваютъ небо и ползутъ такъ низко, что наполняютъ улицы туманомъ, стѣсняютъ дыханіе, и несется сквозь туманъ онѣмеченной улицы съ нѣмецкими вывѣсками нѣмецкое приглашеніе:—Kommen Sie, kommen Sie... Господи, отними у меня память! И все Викторъ!.. «Не будь тебя, моя дорогая, будь я одинъ, моя добрая, добрая»...

Бѣгомъ пустилась она, не видя на себѣ удивленныхъ взглядовъ прохожихъ; вотъ она почти дома, и сейчасъ все забудетъ, и успокоится въ объятіяхъ Саши... «Ужь если родной братъ отъ тебя отступился, стало быть, хороша»... неумолимо подсказываетъ ей память. И это дѣло Виктора: оговорилъ, оклеветалъ сестру. За что?

Въ порывѣ бѣшенства затопала она ногами, вбѣжавъ въ переднюю, и бросила горничной въ лицо свою шляпу:—Какъ вы смѣете такъ долго не отпирать!

— Entschuldigen Sie, gnädige Frau.

— Чтобъ я не слышала нѣмецкаго языка!.. О, Господи, что я хотѣла сдѣлать—позабыла.—Съ лихорадочной торопливостью заходила она по всѣмъ направленіямъ, нагибается, пристально смотритъ на разбросанныя по столамъ вещи, шаритъ на каминѣ, и судорожно хватаетъ Сашинъ мундштукъ, его табачницу, револьверъ, беретъ забытый имъ платокъ, и все это кладетъ на столикъ въ амбразуру своего окна. И въ состояніи одеревенѣлой тупости, усѣвшись въ свое кресло, она забылась

на мгновеніе съ закрытыми глазами. И кажется ей, что она все еще стоитъ на дворѣ за выступомъ стѣны: такъ живы въ ней и нестерпимо тяжки слѣды всѣхъ разомъ пережитыхъ потрясеній.

Кто-то дотронулся до ея ноги. Она вздрогнула, какъ внезапно пробужденная, увидѣла передъ собой Марихенъ, которая сняла съ нея теплый сапогъ, и сказала ей:

— Ищите себѣ другое мѣсто.

— Aber sein Sie doch nicht böse, gnädige Frau!

— Нѣтъ, я не сержусь, но я бѣдна, и должна дѣлать все сама. Раздѣньте меня. Завтра я все продамъ, кромѣ Сашиныхъ вещей, вотъ этихъ, и уйду отсюда.

Уставясь на Марихенъ грустнымъ взглядомъ, но не видя ничего на ея лицѣ, кромѣ тупой угодливости, махнула она рукой.

— Ступайте и ни подъ какимъ предлогомъ не входите ко мнѣ безъ зова,—сказала она, погрузившись въ свое кресло, и стала жадно трогать на столикѣ Сашины вещи, поникнувъ надъ ними головой. Повертѣла въ пальцахъ его любимый мундштукъ, разглядѣла мѣтку на его платкѣ, его вензель на табачницѣ, и приложилась горячимъ лбомъ къ стволу револьвера.

Револьверъ онъ зарядилъ на рождество, когда бралъ его въ послѣдній разъ въ деревню. Они ѣздили по ея прихоти кататься. Была темная морозная ночь, что-то гудѣло въ колючемъ воздухѣ, сани летѣли вихремъ, фыркали лошади, и она въ сладкомъ ужасѣ прижималась къ его плечу. Хорошо было съ нимъ.—«Милый мой! Ахъ, зачѣмъ его нѣтъ теперь со мной; покойно и счастливо мы провели бы вечеръ, какъ бывало проводили до пріѣзда Виктора. Сидитъ, бывало, милый, и такъ ласково смѣется своими добрыми глазами, и все придумываетъ: чѣмъ бы меня порадовать и повеселить. Саша! Вѣдь ты моя няня; что же ты не видишь, какъ мнѣ теперь нехорошо»?

Безпомощно сжавъ руки, она уронила голову на грудь. «Разлюбилъ», промолвила она грудной и низкой нотой. Судорога мгновенной тѣнью пробѣжала по ея лицу, и всѣ черты его—глаза, носъ, губы—начали застывать въ холодномъ отупеніи; помутившійся взглядъ уставился въ одну точку, но ни одна слеза не вылилась изъ сухихъ глазъ ея, ни одно рыданіе не облегчило сдавленнаго горла. Кажется ей, что ничего нѣтъ въ ней самой и кругомъ.

Мелькнетъ въ головѣ слабое воспоминаніе и притаится въ мозгу, а уловить его нельзя: какая-то смутная мысль одновременно съ нимъ закопошилась, и только что начала немного выясняться, какъ другая помѣшала,—и обѣ ускользнули. Опустѣла голова. Вдругъ разомъ всѣ ея мысли нахлынули и безпокойно завертѣлись, закружились; Женя замотала головой и оглянулась.

Вечерній сумракъ уже окуталъ анфиладу комнатъ, и уличные фонари свѣтили въ окна, разгоняя по угламъ сѣрыя тѣни Еще острѣе почувствовавъ себя несчастной, Женя оробѣла, будто оступилась надъ пропастью: такъ сильно и тревожно забилось ея сердце. Всѣ мысли вылетѣли изъ нея, а сердце въ ней осталось, и неумолкаемо стучитъ, колышетъ, поднимаетъ волну сливочно-бѣлыхъ кружевъ на груди, трепещутъ голубые банты и тонкій рюшъ надъ обнаженными локтями. Она заломила къ верху руки, стиснула въ ладоняхъ голову, и въ мучительномъ напряженіи, сдвинувъ брови въ одну линію, силится что-то вспомнить. Вспомнила. Какъ она рада! Теплая влага выступила на лбу, щоки заалѣли, изъ груди вырвался легкій вздохъ. Саша долженъ скоро прійти—вотъ что она вспомнила. Какимъ нетерпѣніемъ замираетъ и бьется сердце, словно заключенная въ груди большая птица хлопаетъ крыльями, рвется и клювомъ долбитъ внутренность реберъ. Дыханіе останавливается... Шумитъ, гудитъ въ ушахъ—это листья шелестятъ на веселой березкѣ; стонетъ вдали кукушка, и ближе, ближе раздается его голосъ: «Разскажите вы ей, цвѣты мои, какъ ее я люблю»...

«Милый ты мой! Не обнимай такъ крѣпко мою шею, не души меня, дай отдохнуть отъ волненія. Вѣдь я знала, что ты придешь и не разстанешься со мной. Счастья-то сколько впереди! Вотъ только птица меня мучитъ, не даетъ мнѣ дышать; я ее выпущу сейчасъ, я ее уничтожу сейчасъ»...

Нервными пальцами пробѣжала она по пуговицамъ капота, сорвала съ плеча рукавъ вмѣстѣ съ рубашкой, и подождала, крѣпко держа обѣими руками переполненную вздохами грудь. Потомъ, нащупавъ на столѣ револьверъ, приложила его дуломъ къ сердцу и спустила курокъ.

Успокоилось сердце и замеръ въ груди послѣдній вздохъ; и на бархатной спинкѣ кресла покоится прозрачно-бѣлое лицо ея, всѣми чертами выражая строгость.

Чуть забрезжило раннее утро, осѣдаетъ влага на окна, струится по стеклу обильными слезами, и снова накопляется. Въ передней раздается осторожный звонокъ. Климовъ пришелъ помириться съ Женей, утѣшить ее и порадовать, и тихонько позвонилъ, чтобъ не встревожить ея сна...

А. Виницкая.

Конецъ.

Молитва.

Не за себя молюсь—за тѣхъ,
Чьи всѣ благія начинанья
Встрѣчалъ судьбы обидный смѣхъ
И дружный взрывъ негодованья;
Чей подвигъ честный и святой
Чернили злобныя проклятья,
Въ кого,—рабы вражды слѣпой,—
Бросали бѣшеной хулой
Не оцѣнившіе ихъ братья!
Молюсь за тѣхъ, кто подъ ярмомъ
Суровыхъ дней и тяжкой доли
Не уставалъ въ борьбѣ со зломъ,
И съ гордо поднятымъ челомъ
Звалъ братьевъ къ свѣту изъ неволи.
Молюсь за тѣхъ, кто счастья ждалъ
И свято въ день грядущій вѣрилъ—
Ни передъ чѣмъ не отступалъ,
Ни передъ кѣмъ не лицемѣрилъ!
Господь,—пошли имъ ясный день
Предъ холодѣющимъ закатомъ!..
Да не мрачитъ безславья тѣнь
Сѣдины тѣхъ, кто дѣлитъ съ братомъ
И скорбь, и радость пополамъ,
И, не кляня страданій годы,
Все преданъ радужнымъ мечтамъ
Любви и братства, и свободы.
О, пусть надежды яркій лучъ
Имъ возвѣститъ разсвѣтъ желанный
И, ослѣпительно-могучъ,
Укажетъ край обѣтованный...

Пусть идеалъ любви живой
Блеснетъ, какъ солнце, неизмѣнный
Надъ обновленною землей
И надъ безсмертною вселенной!

Мих. Гербановскій.

СЕНЪ-ЖЕРМЕНЪ И МАДАМЪ ДЕ-ПОМПАДУРЪ.

Очеркъ Сандро-Джіованни.

11-е іюня 1781 г. — Графъ де-С.-Жерменъ былъ особенно разговорчивъ сегодня вечеромъ и много толковалъ про дворъ покойнаго короля Франціи.

Я записалъ по возможности точно его разсказъ, показавшійся мнѣ весьма любопытнымъ. (Отрывокъ изъ ненапечатаннаго дневника Реймонда Терсена, библіотекаря упсальскаго университета).

I.

— Вы, конечно, знавали m-me де-Помпадуръ во время ея могущества?

— Я зналъ всю тогдашнюю Францію и ея настоящую королеву—божественную маркизу.

— Неужели вы такой пламенный ея поклонникъ?

— Нѣтъ, но безпристрастный свидѣтель, который умѣлъ видѣть и размышлять. Я никогда не присоединюсь къ хору ея порицателей. По моему, нашъ вѣкъ былъ крошечку несправедливъ къ памяти фаворитки; что же касается современниковъ, то они свалили на нее всѣ свои слабости и легкость собственныхъ нравовъ. Это ужь черезчуръ удобно. Чего отъ нея въ самомъ дѣлѣ хотятъ? Берите ее такой, какъ она была, то есть честолюбивой при всей своей буржуазности. Честолюбіе, утверждали еще тогда прославленные умники при дворѣ, пристало только мужчинѣ или, по крайней мѣрѣ, женщинѣ знатной. Мадамъ д'Этіоль думала иначе, опередивъ въ данномъ случаѣ свою эпоху. Неужели это такое великое преступленіе? Какъ женщина красивая, добивавшаяся выйти въ люди, она избрала единственный возможный путь къ намѣченной цѣли. Много ли вы

знаете дамъ, обладающихъ искусствомъ нравиться, которыя отвернулись бы отъ того, что̀ предстояло ей? Она пользовалась и злоупотребляла своей властью. Согласенъ съ тѣмъ, но всякая другая, имѣя любовника съ такимъ характеромъ, какъ покойный король, поступила бы точно также, если не хуже. У нея не было недостатка въ добрыхъ намѣреніяхъ, ко благу государства, и если она чаще всего жертвовала̀ ими необходимости поддержать свой кредитъ въ вѣчной борьбѣ съ постоянно угрожавшей ей немилостью, то—Богъ мой!—вѣдь большинство такъ называемыхъ государственныхъ людей, теперешнихъ, бывшихъ и будущихъ, поступаетъ какъ разъ такимъ образомъ. Судили и рядили на тысячу ладовъ объ ея политической роли въ семилѣтнюю войну. Парижскій миръ былъ несчастьемъ для Франціи и, разумѣется, пріятельницѣ Берни и Шуазёля пришлось отдѣлываться своими боками за неудачу. Однако, въ случаѣ успѣха, ее съ такой же справедливостью вознесли бы къ облакамъ. Развѣ вина маркизы, что эта война не доставила Франціи нѣкоторой части Нидерландовъ? Правда, она выбирала генераловъ, не имѣя даже того извиненія, что понимала въ этомъ толкъ, но развѣ, почти при абсолютной бѣдности наличныхъ военныхъ талантовъ, она удалила интригами хотя одного дѣйствительно способнаго человѣка? Нѣтъ и нѣтъ. Смѣхъ подумать, будто бы фаворитка добивалась войны наперекоръ всѣмъ. Къ тому же, до Росбаха союзъ съ Австріей былъ почти что популяренъ; потомъ ужь въ Парижѣ вошла въ моду пруссоманія въ угоду другу Вольтера, и все было сказано. Я не имѣлъ случая узнать ближе переговоры, приведшіе къ союзу между Людовикомъ XV и Маріей Терезіей, но будьте увѣрены, что иниціатива не принадлежала тутъ маленькой д'Этіоль. Она выла съ волками и только. Но говорятъ, будто бы этотъ союзъ возстановилъ ея кредитъ. Во времена полнаго затишья она перестала бы быть необходимой въ Версали, и совершенно основательно. Это соображеніе—одно изъ тѣхъ, которыя придумываютъ или приписываютъ людямъ ужь тогда, какъ дѣло сдѣлано. Положимъ, мадамъ де-Помпадуръ не принадлежитъ къ рѣдкой плеядѣ существъ, способныхъ на самоотреченіе ради общественнаго блага, но во всякомъ случаѣ она была не лишена извѣстнаго патріотизма. Не забывайте, что это громкое слово въ то время только что было пущено въ ходъ.

«Интересъ короля! слава короля! удовольствіе короля»!— Девять десятыхъ офиціальной Франціи, не говоря уже про дворъ, и теперь не знаютъ ничего, кромѣ этого. Мадамъ де-Помпадуръ пожертвовала этимъ вещамъ своей молодостью и зрѣлымъ возрастомъ, и цѣною какихъ мукъ, какихъ заботъ!— Богу одному извѣстно. Правда, что она не забывала себя. Тридцать шесть мильоновъ, въ которые она обошлась государству, достаточно свидѣтельствуютъ о томъ. Это почти два мильона въ годъ. Брошенныя деньги—скажете вы. Можетъ быть. Ну, а неужели, по вашему,—говоря относительно и отложивъ въ сторону вопросъ необходимости,—военныя укрѣпленія, которыя не перестаютъ выростать у насъ, какъ грибы, прéдставляютъ собою ужь, богъ вѣсть, какое важное пріобрѣтеніе? Конечно, эти расходы, одинаково производительные по отношенію къ общей экономіи страны, какъ и постройка увеселительныхъ замковъ, куда пріѣзжаютъ на одну недѣлю въ году, не вызываютъ скандала, но вѣдь развѣ скандалъ не похожъ отчасти на тѣ облака, которыя Гамлетъ показывалъ одному изъ своихъ придворныхъ? Все зависитъ отъ взгляда на вещи и доброй воли.

— Тутъ я позволилъ себѣ прервать графа просьбою разсказать мнѣ о первыхъ дебютахъ мадамъ де-Помпадуръ на версальской сценѣ.

— А,—подхватилъ онъ,—объ нихъ ужь столько толковали вкривь и вкось! Но я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ сущую правду, и она поразительно типична для нравственнаго облика покойнаго короля и его фаворитки. Полагали, что мадмуазель Пуассонъ берегла себя, какъ рѣдкій фруктъ, спеціально для Людовика XV; это мало вѣроятно. Людямъ, достигшимъ успѣха, обыкновенно приписываютъ излишекъ предусмотрительности, который удивилъ бы прежде всего ихъ самихъ. Во всякомъ случаѣ, не благочестивѣйшему монарху пришлось первому отвѣдать этого яблочка, въ которомъ, какъ мнѣ кажется, всегда было нѣчто кисло-сладкое. Мадамъ д'Этіоль была буржуазкой чистѣйшей воды. Буржуазкой, артистически отполированной, согласенъ съ тѣмъ, но все это главнымъ образомъ оставалось на поверхности, какъ обязательный аксессуаръ любовнаго искусства. Ей было только двадцать три года, и она оставалась довольно наивной, безъ особенной распущенности, поэтому не

удивительно, что за интимнымъ ужиномъ короля, къ которому ее пригласили впервые, эта женщина, какъ ни была предварительно настроена своими доброжелателями, почувствовала себя сначала совершенно не на своемъ мѣстѣ. Оставшись наединѣ съ королемъ, сдѣлавшимся очень предпріимчивымъ послѣ выпитаго вина, бѣдняжка совсѣмъ потеряла голову. Само собою разумѣется, она не собиралась защищать свою добродѣтель, но хотѣла дать почувствовать царственному любовнику, какую жертву она ему приноситъ, и хорошенько раздразнить его желанія, не поддаваясь сразу. Но вмѣсто этого—одно изъ самыхъ банальныхъ паденій, вульгарное до высшей степени, съ приправой куплетовъ и бокаловъ аи. Было слишкомъ поздно оспаривать себя шагъ за шагомъ. Она отдалась повелителю со смертью въ душѣ, если не отъ чувства униженія, то отъ этого такъ плохо начавшагося дебюта, который могъ погубить все. Король, обыкновенно застѣнчивый и требовавшій до конца жизни, чтобъ его подстрекали, послѣ ужина, какъ истый внукъ Генриха IV, казалось, не допускалъ, чтобъ ему могли противиться. Тутъ, вѣроятно, въ первый и послѣдній разъ королевскій престижъ импонировалъ будущей фавориткѣ. «Возлюбленный» не вспомнилъ о ней на другое утро и очень любезно забылъ, если не имя, то, по крайней мѣрѣ, лицо своей новой побѣды, отнеся ее къ числу тѣхъ нидерландскихъ крѣпостей, которыя всегда сдавались послѣ двухъ часовъ открытой траншеи. Я могу описать вамъ только приблизительно тогдашнее состояніе духа мадамъ д'Этіоль, по той простой причинѣ, что маркиза Помпадуръ неохотно говорила объ этомъ предметѣ. Во всякомъ случаѣ ея мысли были не особенно розоваго цвѣта. Главный козырь ея игры—новизна физическаго обладанія,—пропалъ задаромъ.

— Какъ завладѣть опять потерянною территоріею? Она едва знала характеръ короля. Его отрывистая рѣчь, его молчаливость леденили ее. «Король, король»—магическое слово для жены простаго откупщика! Она не извѣдала еще безнадежной пустоты этой пустой души, которая именно и создала ея собственную силу. Она совсѣмъ не была знакома ни со дворомъ, ни съ его обычаями, ни съ его взглядами и образомъ мыслей, страшно мучилась, стараясь приспособиться къ этой невѣдомой средѣ, и никакъ не успѣвала въ томъ. Такой пробѣлъ былъ

ея слабой стороною и вмѣстѣ съ тѣмъ лишней прелестью, такъ какъ въ этомъ, по крайней мѣрѣ, она не походила на версальскихъ дамъ. Родившись при дворѣ, она, конечно, усвоила бы его привычки, такъ какъ мадамъ де-Помпадуръ, при всѣхъ своихъ талантахъ, была менѣе всего оригинальной. Но именно ея буржуазныя стороны, которыя въ улицѣ Сентъ-Онорэ не отличали эту женщину отъ остальныхъ, становились, въ соединеніи съ литературнымъ и артистическимъ отпечаткомъ ея образованія, чѣмъ-то въ родѣ оригинальности при дворѣ. Не надо забывать, что если буржуа изобиловали тамъ и нерѣдко даже предписывали законы, то женщины неважнаго происхожденія встрѣчались гораздо рѣже, тѣмъ болѣе изъ числа тѣхъ, которыя мечтали играть первенствующую роль. И все, пожалуй, вошло бы въ обычную колею, и мадамъ д'Этіоль никогда не сдѣлалась бы королевой Франціи, не будь у нея приверженцевъ въ средѣ ближайшихъ слугъ короля. Разсѣянная мысль послѣдняго была ловко наведена на воспоминаніе о женѣ финансиста, которая, позволивъ монарху одурачить себя, была теперь въ отчаяніи, что не съумѣла ему понравиться, и страшно горевала, страдая отъ ревности мужа, пронюхавшаго объ интригѣ. Это подстрекнуло любопытство Людовика XV. Мадамъ д'Этіоль получила новое приглашеніе къ ужину. На этотъ разъ молодая женщина была ослѣпительна въ своемъ оживленіи и выказала въ полномъ блескѣ свои таланты занимательной собесѣдницы, которые больше всего остальнаго способствовали ея ошеломляющему успѣху. Король былъ удивленъ, восхищенъ; потомъ, когда она отвела его въ сторону, сцена перемѣнилась. Осѣненная счастливой идеей, мадамъ д'Этіоль рѣшила быть смѣлой, не дать королю опомниться и настроить его такъ, чтобы онъ взялъ ее къ себѣ прямо въ Версаль. Поводъ къ тому былъ подъ рукою: ревность Ленормана д'Этіоля, его бѣшеный гнѣвъ, опасность, которой она подвергалась, съ одной стороны, съ другой же—неизгладимое впечатлѣніе, произведенное на нее королемъ, мѣшавшее ей быть счастливой иначе, какъ вблизи него. И вмѣстѣ съ тѣмъ—никакихъ условій, какъ дѣлали это мадамъ де-ля-Турнель и столько другихъ; подчиненіе полнѣйшее,—она вся отдавалась любовнику, бросала семью, жертвовала своимъ положеніемъ, лишь бы обожаемый монархъ отвелъ ей уголъ, какой нибудь чердакъ въ концѣ своихъ королевскихъ покоевъ.

— Людовикъ XV былъ опутанъ этой притворной страстью, проявлявшейся съ такимъ пыломъ и безкорыстіемъ. Твердая воля ловкой интриганки подчинила себѣ его волю; уступчивая, скромная, смиренная, безъ малѣйшаго проблеска деспотизма, не требуя ничего, она, какъ плющъ, прильнула къ личности короля. Его неподатливое тщеславіе было затронуто до крайности. Кстати придуманная исторія этого благороднаго мужа, приведеннаго въ отчаяніе невѣрностью жены, необыкновенно льстила ему. До сихъ поръ всѣ мужья, которыхъ онъ обманывалъ, считали за честь встрѣтить въ немъ соперника. И вдругъ онъ, такъ сказать, «коварно» отнимаетъ жену у ревнивца! То былъ человѣчный порывъ, понравившійся пресыщенному тридцатипятилѣтнему монарху, пріятно щекотавшій его развращенную натуру, и несчастіе д'Этіоля какъ бы создало ореолъ его половинѣ.

— Будущая маркиза осталась въ замкѣ, спрятанная въ маленькой квартиркѣ, прежде чѣмъ получить помѣщеніе мадамъ де-Майльи. И вотъ она—въ самомъ сердцѣ новой арены своихъ успѣховъ, подъ комнатами короля, и въ ея руки перешло обладаніе завѣтной лѣстницей, устланной скромнымъ голубымъ ковромъ съ золотыми трефами. Ахъ, эта лѣстница! Сколько прекрасныхъ дамъ мечтало о ней, какъ о второй лѣствицѣ Іакова; вѣдь она вела къ сердцу короля, этого коронованнаго раба привычки! Г-нъ д'Этіоль былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Провансъ, и его супруга вскорѣ сдѣлалась явной фавориткой Людовика XV. Въ то время я только что поселился въ Парижѣ, куда пріѣхалъ изъ Германіи вслѣдъ за маршаломъ де-Бель-Иль. Тамъ я до извѣстной степени вошелъ въ моду, благодаря опытамъ магіи и спиритизма. Не стану описывать вамъ подробностей этихъ сеансовъ, которымъ подражаетъ теперь столько фокусниковъ по профессіи и невѣждъ, начиная такъ называемымъ графомъ Каліостро. Въ одно прекрасное утро, де-Гонтò, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ придворныхъ, принесъ мнѣ записку съ печатью о трехъ башняхъ. То было приглашеніе отъ маркизы явиться къ ней на слѣдующій день въ одиннадцать часовъ. Я, конечно, не побоялся принять его. Изъ словъ Гонто, близкаго друга фаворитки, и по тону письма можно было заключить, что мое появленіе въ королевской резиденціи

слѣдуетъ обставить какъ можно скромнѣе, чтобъ оно никому не бросилось въ глаза. Итакъ, по прибытіи въ Версаль, я оставилъ свои носилки въ одномъ изъ дворовъ Сѣвернаго флигеля, послѣ чего обратился къ привратнику, проходившему мимо. Онъ, казалось, былъ немного заинтригованъ такими предосторожностями и моимъ таинственнымъ видомъ, но, какъ человѣкъ бывалый, тотчасъ повелъ меня на кухонный дворъ, не позволяя себѣ никакихъ неумѣстныхъ вопросовъ. На кухонномъ дворѣ царствовало необыкновенное оживленіе, краснорѣчиво свидѣтельствовавшее о солидномъ апетитѣ обитателей замка. Отсюда, минуя Королевскій дворъ, провожатый заставилъ меня пройти по ошеломляющему лабиринту проходовъ, сѣней, коридоровъ и черныхъ лѣстницъ. Наконецъ, я очутился въ комнатѣ, уставленной по стѣнамъ шкафами орѣховаго дерева. Горничная съ потупленными глазками и крѣпко стиснутымъ ртомъ, въ знакъ того, что она заранѣе протестуетъ противъ всякой попытки къ соблазну, спросила съ недовѣрчивымъ видомъ мою фамилію. Вслѣдъ затѣмъ, меня торжественно пригласили слѣдовать за нею. Едва мы успѣли вступить въ спальню хозяйки, какъ я увидалъ шедшаго мнѣ на встрѣчу господина въ одеждѣ парламентскаго совѣтника. Его сопровождалъ лакей. Совѣтникъ былъ очень красенъ. Проходя мимо кровати маркизы, онъ съ важностью отвѣсилъ ей поклонъ, по старинному обычаю оказывать эту почесть постелямъ царственныхъ особъ. Такая чрезмѣрная учтивость до того не гармонировала съ янсенистской наружностью посѣтителя, что я едва удержался отъ смѣха. Но тутъ провожавшая отворила передо мною дверь, украшенную вставными зеркалами, и я очутился въ будуарѣ, обтянутомъ желтымъ штофомъ.

— Маркиза сидѣла спиной къ окну у стола, уставленнаго катушками всевозможныхъ цвѣтовъ. На головѣ у нея была плоская наколка, носившая въ то время названіе «невинной насмѣшки», очень широкое платье, безъ панье, съ вертикальными полосками, ниспадало на коверъ; затѣмъ—ни цвѣтовъ, ни драгоцѣнностей. Ея ножки, въ туфелькахъ съ помпонами, были вытянуты впередъ и положены одна на другую. Оживляясь въ разговорѣ, она быстро постукивала каблучкомъ о каблучокъ. Въ своихъ полненькихъ, до крайности выхоленныхъ, ручкахъ маркиза держала вѣеръ изъ коромандельскаго лакированнаго

дерева—одинъ изъ самыхъ любимыхъ ею вѣеровъ. Королевская фаворитка умѣла маневрировать ими, какъ никто, и порою подносила сложенный вѣеръ къ углу рта съ самымъ плѣнительнымъ видомъ задумчивости и милаго лукавства. Ея глаза, немножко на выкатѣ, но необыкновенно прекрасные, поворачивались какъ будто съ разсчитанной медленностью. На несовсѣмъ прозрачномъ кристаллѣ бѣлка выступалъ зрачекъ неопредѣленнаго цвѣта, гдѣ переливы лазури играли на зеленоватомъ фонѣ. Маленькій ротикъ съ глубокими изгибами оттѣнялся пушкомъ на верхней губѣ. Цвѣтъ лица, не будучи яркимъ, не имѣлъ того болѣзненнаго оттѣнка, который онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, такъ какъ мадамъ де-Помпадуръ не долго оставалась красавицей. Вы знаете, какую пѣсенку на ея счетъ распѣвали по улицамъ съ 1749 года:

Съ виду вѣтрена она,
А съ лица желта, блѣдна.

— Маркиза довольно долго и пристально всматривалась въ меня съ нескрываемымъ любопытствомъ и возрастающей благосклонностью. Я слѣдилъ за ходомъ мыслей этой женщины по ея нѣжному подвижному лицу, такъ какъ лишь много времени спустя она изучила въ совершенствѣ искусство притворяться. «Какого ты сорта человѣкъ и какъ относишься ко мнѣ»?—казалось, спрашивалъ ея взглядъ. «Сдѣлаешься ли ты моимъ сторонникомъ, врагомъ, или просто останешься безполезностью»? Этотъ родъ оцѣнки, нравственной котировки, производится многими женщинами относительно мужчины, котораго онѣ видятъ въ первый разъ; но у маркизы примѣшивалось сюда еще желаніе понравиться и увѣренность, что, очаровывая другихъ, она прежде всего нравилась самой себѣ. Въ этомъ смыслѣ она была вся «отблескъ и отраженіе». Такъ напримѣръ, въ присутствіи Морепà, который относился къ ней съ ледянымъ равнодушіемъ и третировалъ ее, какъ гризетку, выскочившую въ люди, парализуя своей насмѣшливой самоувѣренностью всѣ чары соблазна, которыя она пускала въ ходъ,—Помпадуръ смущалась, становилась неловкой, то и дѣло попадая впросакъ, сердилась, конечно, на случайныхъ свидѣтелей своего пораженія, была зла и кипѣла жаждой мести. Со своими же вѣрными союзниками, какъ Субизъ, Шуазёль, которые хотя и не

были ея обожателями въ буквальномъ смыслѣ слова, но преклонялись передъ ея женской прелестью, она становилась мягкой, разнѣживаясь, какъ купальщица въ теплой водѣ, была очаровательной безо всякой натянутости, умной и находчивой по мѣрѣ силъ, благодарной и любезной, елико возможно.

— Ну, милостивый государь,—начала фаворитка слегка декламаторскимъ тономъ, какой бываетъ у актрисъ внѣ сцены—скажите-ка мнѣ, правда ли это, будто бы вы знавали нашихъ праотцевъ въ земномъ раю? Предупреждаю однако, что я ужасно недовѣрчива.

— Разговоръ, начатый въ такомъ родѣ, принялъ, конечно, легкій, если несовсѣмъ шутливый оборотъ. Маркиза была женщина, занятая собою, хотя и не блистала особеннымъ умомъ. Но она легко схватывала тонкіе намеки и тогда ея уши краснѣли, а лукавое помахиванье вѣеромъ какъ будто говорило: — «Толкуйте себѣ, что угодно, вамъ не провести меня». Она принялась задавать мнѣ вопросы насчетъ исторіи Франціи, которую знала довольно хорошо. Впрочемъ, ея преимущественно интересовали любовныя похожденія королей и фаворитокъ. Образъ мадамъ де-Монтеспэнъ просто не давалъ ей покою, преслѣдуя съ неотступностью навязчивой идеи. Она заставила меня подробно разсказать ей все, что мнѣ было извѣстно насчетъ послѣдней. Потомъ мы перешли къ Агнесѣ Сорель, къ Генриху II, къ Франциску I. Характеръ побѣдителя подъ Мариньяномъ очаровывалъ ее. Эта пылкая натура, вся наружу, конечно, была пріятна въ общежитіи и его легче было развлечь, чѣмъ меланхолическаго Людовика XV.—Вотъ такого короля я бы любила,—произнесла она съ мечтательной задумчивостью, и когда я намекнулъ на непостоянство Франциска I, Помпадуръ слегка обидѣлась, задѣтая за живое. Я понялъ, что лучше не затрогивать этой чувствительной струны, такъ какъ уже и въ то время положеніе маркизы оказывалось шаткимъ. Затѣмъ она нервно передернула плечами, точно желая стряхнуть что-то тяготившее ее, и замѣтила:—Кстати, милостивый государь, пора вамъ объяснить, почему я желала васъ видѣть. Герцогъ Айенскій вотъ здѣсь же, у меня, говорилъ намъ недавно, что вы показали ему въ зеркалѣ тѣнь его умершаго брата. Тогда король выразилъ желаніе, чтобъ вы были ему представлены. Онъ хочетъ убѣдиться на дѣлѣ въ вашемъ искус-

ствѣ колдовать. Полагаю, что ему интереснѣе всего узнать будущность своей династіи.

— Я сталъ отнѣкиваться:—У герцога Айенскаго черезчуръ пылкое воображеніе и я, право, не знаю...

— Перестаньте, сударь,—съ живостью перебила она,—мы не принимаемъ подобныхъ отговорокъ. Кромѣ того, если вы иностранецъ...

— Дѣйствительно, я не состою ни въ чьемъ подданствѣ.

— Прекрасно, однако вы не можете противиться приказу короля Франціи... и не захотите отвергнуть моей просьбы?—прибавила маркиза съ легкимъ поклономъ.

— Я поклонился въ свою очередь.—Готовъ повиноваться вамъ, сударыня; только за послѣдствія не отвѣчаю.

— Что это значитъ? Объяснитесь!—И она надменно выпрямилась.—Я дѣлаю оговорку, что если предсказаніе судьбы выдетъ неблагопріятнымъ, въ этомъ не моя вина.

— А, вотъ какъ!—Маркиза съ сухимъ видомъ закрыла вѣеръ, облокотилась и пристально уставилась на меня. Черезъ нѣсколько секундъ она открыла ротъ, чтобы заговорить, но, точно боясь сказать лишнее, только провела кончикомъ языка по губамъ и ждала. Я ждалъ въ свою очередь, нимало не смущаясь. Наше обоюдное молчаніе стало наконецъ тяготить ее.—Объяснимтесь, милостивый государь. Я не думаю сомнѣваться въ правдивости вашихъ пророчествъ...—и она слегка покосилась на кончики своихъ туфель,—но во всякомъ случаѣ нельзя ли устроить такъ, чтобъ тутъ не вышло ничего потрясающаго? Постарайтесь пощадить чувствительность короля. Кромѣ того, я полагаю, что вы не потребуете глубокой тайны. Я буду находиться тутъ же и беру все на себя. Вы получите отъ меня извѣщеніе, въ какой день или, точнѣе, въ какой вечеръ вамъ пріѣхать, такъ какъ подобныя вещи требуютъ тишины и мрака,—прибавила Помпадуръ, понизивъ голосъ.—Что же касается хлопотъ, сопряженныхъ съ этимъ опытомъ, то вамъ не придется жаловаться, и Колэнъ, мой управляющій...

— Мнѣ не нужно никакого вознагражденія и никакой милости, сударыня,—отвѣчалъ я.—Съ меня достаточно удовольствія угодить вамъ. Если я колебался исполнить ваше желаніе, то вовсе не изъ разсчета, чтобъ мнѣ заплатили подороже.

— Право, вы удивляете меня, какъ человѣкъ, жившій

столько времени!—со смѣхомъ воскликнула маркиза.—Значитъ, ваше богатство не сказка?

— У меня есть, чѣмъ жить.

— Однако вы очень скромны по отношенію къ себѣ.

— И по отношенію къ другимъ, когда имъ бываетъ угодно удостоить меня своего довѣрія.

— Примемъ къ свѣдѣнію. Кстати, скажите, мнѣ пожалуйста, любили ли въ прежнее время сильнѣе, чѣмъ теперь?—Маркиза была извѣстна своей страстью къ восклицаніямъ и три четверти ея фразъ имѣли вопросительную форму, что̀ придавало ея рѣчи нѣчто игривое и отрывистое. Ни дать, ни взять пансіонерка, пародирующая своего школьнаго учителя. И вдругъ она прибавила съ жаромъ:—Но при вашей древности вы должны смертельно скучать?

— Я? Нисколько!

— А что вы дѣлаете для этого?

— Я никогда не жалѣю о прошедшемъ и ничего не жду отъ будущаго.

— Не потому ли, что вы живете вдали отъ дворовъ?

— Можетъ быть.—Она нѣсколько разъ покачала головой, какъ будто поглощенная мыслями не особенно веселаго характера. Я поднялъ голову и увидалъ за высокими окошками изъ мелкихъ стеколъ непривѣтливо смотрѣвшій дворъ, тихій и мрачный, тѣсный, какъ колодецъ. Даже свѣтъ, проникавшій оттуда, казался пропитаннымъ скукой и чѣмъ-то мертвеннымъ. Онъ точно нехотя входилъ въ этотъ дворцовый салонъ, созданный для искусственнаго блеска вечернихъ огней, гдѣ могло быть уютно только при спущенныхъ занавѣсяхъ.

— Въ эту минуту отворилась дверь. Фаворитка обернулась и произнесла ледянымъ тономъ:—Что это значитъ? Я никого не звала.—Это я,—раздался медоточивый голосъ, и я увидѣлъ высокаго мужчину геркулесовскаго сложенія, вошедшаго въ комнату довольно развязно, со смѣлостью обычнаго посѣтителя.

— А, Жанти-Бернаръ, вы меня испугали.—И маркиза безцеремонно повернула къ нему спину.—Извините,—сказалъ внезапно сконфуженный великанъ, прижимая обѣими руками шляпу къ своему жилету, вышитому сплошь незабудками.—Мнѣ не сказали, что у васъ гости.

— Что жь изъ этого? Вотъ ничего не стоющія извине-

нія,—начала она въ сердцахъ, но тотчасъ закусила губы и, взглянувъ на меня снизу вверхъ, прибавила:—Г-нъ де-С. Жерменъ, позвольте представить вамъ моего поэта-лауреата; вѣдь, кажется, такъ называютъ ихъ въ Англіи?

— Очень радъ познакомиться съ французскимъ Тибулломъ.—Жанти-Бернаръ отвѣсилъ мнѣ необыкновенно низкій поклонъ, точно желая оправиться отъ смущенія, и бросилъ взоръ, полный раскаянія, въ сторону маркизы. Этотъ красивый мужчина съ фигурой карабинера, державшійся вяло и небрежно, когда на него не смотрѣли, обладалъ голосомъ мальчика-пѣвчаго и тщеславіемъ умника въ тиши дамскихъ будуаровъ. При любовницѣ короля онъ игралъ роль лягавой собаки. Она срывала на немъ гнѣвъ, бывая не въ духѣ, обращалась съ нимъ рѣзко и все таки терпѣла его возлѣ себя.

— Видѣли ли вы полицейскаго офицера?—обратилась къ нему со внезапнымъ вопросомъ маркиза.

— Я... нѣтъ, я...—запинаясь, промямлилъ поэтъ, дѣлая незамѣтный знакъ головою въ мою сторону.

— Хозяйка разсмѣялась ироническимъ дѣланнымъ смѣхомъ. Она была не прочь при случаѣ вывѣдать что нибудь у человѣка и, оставивъ своего лауреата, сказала, обращаясь ко мнѣ:—А не правда ли, г-нъ де-С.-Жерменъ, что поэты—плохіе посланники?

— Это зависитъ отъ предмета ихъ миссіи, сударыня.

— А, вотъ что! Мнѣ хотѣлось бы возложить какое нибудь порученіе на васъ. Какая жалость, что вы дикарь. Не возражайте, пожалуйста! Разумѣется, дикарь, если, по вашимъ словамъ, вы ни въ комъ не нуждаетесь. Знаете, я ужасно не люблю людей подобнаго закала—вотъ такихъ, которые не нуждаются въ другихъ, чтобы быть счастливыми. Это по большей части гордецы и эгоисты. А потомъ, признайтесь, что я васъ пугаю?—Сбитый съ толку Жанти-Бернаръ таращилъ на меня глаза съ видомъ рыбы, готовой схватить приманку на удочкѣ. Я пытался протестовать.

— Но маркиза продолжала:—Да, сударь, вѣроятно вамъ представили меня въ Парижѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Развѣ не говорятъ, что я обошла короля и удаляю его отъ государственныхъ дѣлъ? Боже праведный, вѣдь его любовь поднимаютъ на смѣхъ даже въ уличныхъ пѣсняхъ. Охъ, ужь эти

французы! Они не уважаютъ ничего. Добрѣйшій изъ монарховъ, и тотъ не съумѣлъ имъ угодить. Но чего они добиваются? Объясните мнѣ, сдѣлайте милость. А этотъ бунтъ въ Пуату? Вѣроятно, у насъ хотятъ подражать англичанамъ.

— Маркиза сыпала эти фразы, какъ трещотка—скверная манера, отъ которой она отстала только много времени спустя. Ея чрезмѣрное ослѣпленіе отзывалось чѣмъ-то комическимъ. Правда, тогда еще не было помину ни объ энциклопедіи, ни о реформахъ.

— Для мадамъ де-Помпадуръ, какъ и для цѣлой Франціи, исключая нѣкоторыхъ янсенистскихъ членовъ парламента, государство все еще представлялось подъ видомъ формулы Людовика XIV [1]).

— Каждый народъ долженъ заплатить свою дань революціямъ,—вставилъ я, желая посмотрѣть, какъ подѣйствуетъ на фаворитку эта сентенціозная фраза. Однако она нисколько не струсила. Жанти-Бернаръ, котораго нашъ разговоръ очевидно нимало не интересовалъ, смотрѣлъ на карнизъ, точно отыскивая тамъ риемы.

— Эта мысль очень понравилась бы Кенэ, моему доктору,—сказала Помпадуръ.—Представьте себѣ, что онъ однажды принялся увѣрять насъ въ присутствіи Морепа, будто бы министры ничто иное, какъ уполномоченные народа. Что это значитъ, скажите, пожалуйста? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, эта страсть къ критикамъ и перемѣнамъ презабавна. Послушайте, ну неужели люди свободнѣе въ Амстердамѣ или Венеціи, чѣмъ въ Парижѣ?

— Клянусь, если разобрать хорошенько, то въ Бастиліи, говорятъ, лучше, нежели въ Плонѣ.

— Маркиза ударила меня вѣеромъ:—Гадкій шутникъ, вы заслуживаете, чтобъ васъ туда посадили.

— На порогѣ появился лакей.—Г-нъ нунцій освѣдомляется, можетъ ли принять его г-жа маркиза.

— Ахъ, а я еще не нарумянилась!—воскликнула та, приподнимаясь съ мѣста. И она граціознымъ движеніемъ поднесла руку къ своему головному убору, какъ будто боясь, что недостаточно нарядна для пріема будущей эминенціи. Я откланялся ей и удалился той же дорогой, какъ и пришелъ. При

[1]) L'état—c'est moi.

входѣ въ послѣднюю комнату, служившую гардеробной, я увидалъ на консолѣ открытый картонъ, наполненный до верху подвязками изъ голубой шолковой матеріи — любимый цвѣтъ короля. Тутъ ихъ былъ запасъ, котораго могло хватить на нѣсколько лѣтъ. «Клянусь честью, маркиза не боится завтрашняго дня,—подумалъ я,—и портфель Морепа не перевѣситъ такого арсенала».

II.

— Нѣсколько дней спустя, Помпадуръ прислала мнѣ вторую записку; въ ней говорилось, что король желаетъ присутствовать на сеансѣ магіи. Меня приглашали въ Ля-Мюэттъ, гдѣ Людовикъ XV долженъ былъ ужинать и ночевать. Вечеромъ, около девяти часовъ, я остановился у рѣшетки замка. Факелы сверкали у воротъ и кареты шумно отъѣзжали одна за другою; ужинъ только что кончился. Меня провели въ залу съ довольно низкимъ потолкомъ, освѣщавшуюся днемъ круглымъ окошкомъ, выходившимъ на стеклянную галерею. Вскорѣ шелестъ юбокъ и стукъ сѣменившихъ каблучковъ возвѣстили мнѣ о приближеніи маркизы. Она вошла въ платьѣ, отдѣланномъ спереди бантами—фасонъ, называвшійся: «совершенное довольство». Пышныя панье придавали ей нѣсколько театральное величіе. Помпадуръ показалась мнѣ немного взволновенной или скорѣе возбужденной. Послѣ первыхъ словъ, она вынула изъ кармана коробочку, подошла къ зеркалу и въ одинъ мигъ подправила бреши необыкновенно искуснаго макильяжа на своемъ лицѣ.

— Ну, что же вы намъ покажете? Только прежде всего будьте осторожны: ни политики, ни двусмысленныхъ намековъ, если хотите, чтобъ мы оставались друзьями. Теперь предупреждаю васъ, что король не очень-то жалуетъ незнакомыя физіономіи. Онъ расположенъ къ вамъ, но если...—Тутъ дверь отворилась и вошелъ король. Онъ ступалъ тяжело, волоча ноги, не удостоивая поднимать пятокъ. Одна рука была у него засунута за жилетъ, разстегнутый сверху, а его взглядъ имѣлъ то неопредѣленное выраженіе, какое бываетъ у обжоръ при началѣ пищеваренія.

— А, а! Вы, кажется, пріѣхали изъ Парижа, милостивый государь?

— Точно такъ, ваше величество.

— А что, тамъ все еще идетъ дождь?—Сейчасъ пересталъ, ваше величество.—А, а! Ну, хорошо.—Онъ сѣлъ, скрестилъ ноги, икры которыхъ, безукоризненней формы, были обтянуты чулками съ разноцвѣтными полосками въ тѣнь и золотыми уголочками, вынулъ футляръ изъ кармана своихъ брюкъ, взялъ оттуда пастилку, взглянулъ на маркизу, беззаботно улыбнулся, точно передъ нимъ мелькнуло отдаленное воспоминаніе, касавшееся ихъ обоихъ, открылъ ротъ и положилъ туда лакомство, не говоря ни слова. Еще немного и онъ погрузился бы въ блаженный сонъ. Мадамъ де-Помпадуръ подоспѣла на выручку. — Вотъ г-нъ де-С.-Жерменъ можетъ показать, ваше величество, тѣнь какого угодно умершаго: покойнаго регента или хоть кардинала Флёри.

— Ну, нѣтъ, благодарю покорно, душка, — произнесъ король, перекладывая ноги. «Если вы не можете предложить мнѣ ничего поинтереснѣе, не стоило меня и безпокоить», казалось, думалъ онъ, между тѣмъ какъ его пальцы медленно скатывали шарикъ изъ хлѣбнаго мякиша, который ему неожиданно вздумалось швырнуть щелчкомъ прямо въ зеркало. Съ необыкновенно прямымъ бюстомъ, во фракѣ васильковаго цвѣта, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка чрезвычайно сухаго и въ то же время мягкаго. Его глаза, когда они были открыты, имѣли что-то рѣзкое, но когда полузакрывались, въ нихъ, напротивъ, блестѣло довольно тонкое добродушіе. Подбородокъ и щоки, немножко обрюзглые, хранили отпечатокъ величайшей надменности. Дряблая нижняя губа фіолетоваго оттѣнка указывала на чувственную натуру. Лобъ былъ замѣчательно красивъ съ печатью рѣдкаго ума и благородства; благодаря употребленію пудры, кожа у волосъ напоминала пергаментъ.

— Людовикъ Возлюбленный, какъ вамъ извѣстно, никогда не былъ своимъ собственнымъ господиномъ; весь пропитанный насквозь правами, привилегіями и преимуществами королевскаго сана, онъ собственно никогда не вкушалъ сладостей неограниченной власти. Скрытный, скупой, боязливый, онъ былъ, что называется, сварливымъ человѣкомъ; сухой, какъ рѣка въ Малой Азіи, гдѣ струйка воды составляетъ уже событіе, этотъ

монархъ не имѣлъ надобности сдерживать свою чувствительность, изсякшую съ дѣтства. Одержимый нерѣшительностью, онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые, когда фортуна проходитъ мимо ихъ носа, спрашиваютъ себя, за которую ногу ее ухватить, и наконецъ рѣшаютъ взять ее за тунику, остающуюся, конечно, у нихъ въ рукахъ. По примѣру многихъ государей, Людовикъ XV преимущественно привязывался къ людямъ за свои же собственныя благодѣянія, которыми онъ ихъ осыпалъ, и, наоборотъ, не могъ простить тѣмъ, кому самъ же наносилъ несправедливыя обиды и униженія. Упрямый по натурѣ и одаренный здравымъ смысломъ и проницательностью, онъ позволялъ безъ труда вертѣть собою. Это не былъ фанфаронъ пороковъ—что представляетъ уже нѣчто въ родѣ протеста навыворотъ, когда подавленная, но не умолкшая совѣсть какъ бы опьяняетъ себя, находя своего рода наслажденіе въ дерзкомъ преувеличеніи собственной испорченности. Здѣсь же ничего подобнаго; церемонный въ самомъ развратѣ, онъ отлично приспособлялся къ этой скрытой—внутренней и внѣшней—атмосферѣ презрѣнія къ самому себѣ; слишкомъ умный, чтобъ не видѣть настоящаго положенія дѣлъ, король проявлялъ нѣчто схожее съ пассивнымъ достоинствомъ носильщика, который вмѣняетъ себѣ въ заслугу принимать удары, не сдвинувшись съ мѣста ни на единую пядь. Стыдъ скользилъ съ него, какъ съ гуся вода; ни малѣйшей рисовки передъ публикой, никакой тайны,—полнѣйшее равнодушіе къ порицанію и похвалѣ, одно надменное: «наплевать мнѣ на все». Я поперемѣнно смотрѣлъ на обоихъ этихъ субъектовъ, думая про себя: что собственно связываетъ ихъ?—Физическая привлекательность, самолюбіе, корысть, привычка, тщеславіе, одинаковость эгоизмовъ?—пожалуй, все, кромѣ чувства.

— Размышляя такимъ образомъ, я устанавливалъ на столѣ три стальныхъ зеркала, причемъ два боковыхъ, слегка вогнутыя, были помѣщены подъ угломъ приблизительно въ сто двадцать градусовъ къ среднему. Собственно говоря, послѣ ужина пресыщеннаго кутилы, нельзя было ожидать ничего путнаго отъ этого сеанса. Опыты подобнаго рода требуютъ, за недостаткомъ пылкой фантазіи, по крайней мѣрѣ, сильнаго моральнаго возбужденія. Однимъ внушеніемъ, какъ бы оно ни было интенсивно, не всегда можно достичь желаемыхъ результатовъ. Мар-

киза какъ будто угадала мое недовольство и, любезно приблизившись ко мнѣ съ однимъ изъ тѣхъ долгихъ взглядовъ холодной ласки, которые составляли ея монополію, промолвила:

— Ну, вотъ, сударь, и отлично.

— Кстати,—сказалъ король,—мнѣ говорили, будто бы вы видѣли дворъ Франциска I?—И, на мой отвѣтъ, онъ повторилъ нѣсколько разъ: — хм, хм, — не обнаруживая ничѣмъ инымъ своего удивленія, послѣ чего, взявъ въ руку подбородокъ, точно для того, чтобы собрать свои историческія воспоминанія, прибавилъ:

— А правда ли, будто бы онъ умеръ отъ..?

— Услышавъ не особенно благозвучное названіе болѣзни, маркиза невольно поморщилась. Мы встрѣтились съ ней глазами и она тотчасъ приняла суровый, непроницаемый видъ, какъ будто хотѣла сказать:—«Пожалуйста, не вздумайте высказывать мнѣ ваше мнѣніе насчетъ этой выходки». Людовикъ XV всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ столу съ зеркалами и, послѣ довольно долгаго раздумья, вымолвилъ:

— Устраивайте, какъ знаете, милостивый государь, но мнѣ хотѣлось бы увидать моего наслѣдника и то, что съ нимъ будетъ. Поняли? — Мадамъ де-Помпадуръ бросила на меня неувѣренный взглядъ. Я сталъ позади королевскаго кресла и, не спуская глазъ съ затылка короля, принялся съ приличествующимъ паѳосомъ произносить слова заклинанія, стараясь въ то же время направить мысль на предназначеннаго наслѣдника французскаго престола. Мнѣ случилось только мелькомъ видѣть дофина въ одинъ изъ его пріѣздовъ въ Парижъ, во время привѣтственной рѣчи, которую держалъ ему купеческій старшина. О его характерѣ я зналъ также немного. Свѣчи въ двухъ канделябрахъ по обоимъ концамъ стола горѣли, мерцая, и удлиненный отблескъ ихъ пламени отражался въ зеркалахъ. Среднее изъ нихъ уже слегка потускнѣло отъ дыханія короля; моя тревога увеличивалась; вы понимаете, что вызванный призракъ, будучи явленіемъ чисто психическимъ, можетъ быть видимъ только однимъ заинтересованнымъ лицомъ; для всѣхъ же остальныхъ зеркало остается безо всякаго отраженія. Поэтому я зорко слѣдилъ за королемъ, стараясь угадать по какому нибудь признаку, приняла ли наконецъ опредѣленную форму галлюцинація, вызванная напряженіемъ его и моей

воли. Вдругъ Людовикъ XV подался впередъ, потомъ быстро откинулся назадъ, не спуская, однако, глазъ съ магическаго зеркала. Мнѣ пришлось попятиться, чтобы не задѣть своимъ жилетомъ королевскаго парика. «Что такое ему представилось»? спрашивалъ я себя, удивленный такимъ быстрымъ успѣхомъ. Машинально мой взглядъ упалъ на зеркало, и каково же было мое удивленіе, когда мнѣ ясно представилось въ немъ отраженіе человѣческой головы! Не походя ни на голову короля, ни на голову дофина, она тѣмъ не менѣе представляла нѣкоторыя родственныя или фамильныя черты. Но любопытнѣе всего было то, что на мѣстѣ шеи виднѣлось что-то въ родѣ волнистой струи алаго цвѣта, которая, можетъ быть, благодаря мерцанью свѣчъ, какъ будто слегка колебалась. Черезъ нѣсколько секундъ видѣніе исчезло: сначала голова, потомъ красное пятно, и поверхность зеркала снова стала совершенно чистой. Король разомъ поднялся. Онъ тяжело дышалъ, но на мой взглядъ былъ скорѣе разсерженъ, чѣмъ взволнованъ. Не зная, на кого излить свое негодованіе, онъ ограничился тѣмъ, что съ досадой оттолкнулъ руку маркизы, когда та, не на шутку перепуганная, подошла къ нему съ разспросами. Она бросилась къ зеркалу въ наивной увѣренности открыть тамъ причину внезапнаго разстройства своего любовника, но, сейчасъ же разочаровавшись, сдѣлала полъ-оборота, бросила на меня испытующій взглядъ и немедленно вернулась опять къ королю съ медоточивыми рѣчами, нисколько не обиженная той рѣзкостью, которую онъ выказалъ ей за минуту передъ тѣмъ. Я самъ не могъ оправиться отъ смущенія. Не померещилась ли мнѣ подобная штука? Но удивительнѣе всего, что король несомнѣнно видѣлъ тотъ же призракъ, какъ и я. Оставалось только теряться въ догадкахъ.

— Вдругъ постучали въ дверь. Внезапный стукъ какъ будто еще усилилъ безотчетный ужасъ государя.

— Что тамъ такое, чортъ возьми! — дрожа, воскликнулъ онъ заплетающимся отъ страха языкомъ.—Пускай войдутъ!

— Это оказался посланный хранителя печати, пріѣхавшій спросить, въ которомъ часу будетъ угодно королю принять депутацію отъ парламента.

— Его присутствіе мгновенно ободрило всѣхъ.

— Завтра?.. Но вѣдь завтра у меня охота въ Шуази,

развѣ этого не знаютъ?—вымолвилъ Людовикъ XV суровымъ тономъ, точно изумляясь, что у него могутъ просить аудіенціи въ такой день.

— Я немного зналъ посланнаго; это былъ генералъ-майоръ, очень хорошо принятый при дворѣ, родственникъ хранителя печати, который сильно тянулъ его къ верху. Онъ отличался крупнымъ профилемъ, выпуклымъ лбомъ и выдавшимися скулами. Сверхъ платья, у него была надѣта красная лента ордена св. Людовика. И вдругъ фантасмагорія, одурачившая насъ, стала мнѣ вполнѣ понятна. Видѣніе отрубленной головы объяснялось, какъ нельзя проще. Прежде чѣмъ постучаться въ дверь, пріѣзжій долженъ былъ пройти по галереѣ и приблизиться къ круглому окошку со стекломъ. Его-то лицо и отразилось въ зеркалѣ; что же касается платья, цвѣта выдѣланной кожи, то оно, по неопредѣленности своего желтоватаго оттѣнка, ступевалось за исключеніемъ красной ленты. Я былъ вызванъ изъ своей задумчивости, продолжавшейся, впрочемъ, едва ли четверть минуты, голосомъ короля:—Ну, теперь довольно.—Я отвѣсилъ низкій поклонъ. Онъ прошелъ совсѣмъ близко отъ меня и съ удареніемъ произнесъ:—Вѣдь вы ничего не видали, сударь?—Нѣтъ, ваше величество,—сказалъ я, догадавшись, что такой именно отвѣтъ желателенъ королю и продиктованъ его повелительнымъ взглядомъ.—Вотъ и отлично, я также ничего не видалъ. Пускай мнѣ не напоминаютъ больше обо всемъ этомъ,—смотрите, я разсчитываю на васъ, — прибавилъ онъ полушутливымъ, полусерьезнымъ тономъ, понимая, какой опасностью грозила неосторожная огласка зловѣщаго пророчества, такъ сильно взволновавшаго его. И вотъ какимъ образомъ, благодаря круглому окошку и орденской лентѣ св. Людовика, я поддержалъ свой престижъ некроманта.

III.

— Въ ту же зиму, у меня произошелъ интересный разговоръ съ маркизой, принявшій довольно пикантный оборотъ. Это случилось въ домѣ ея пріятельницы и кузины, мадамъ д'Эстрадъ. Помпадуръ сравнительно рѣдко пріѣзжала въ Парижъ и потому, когда распространился слухъ, что она прибудетъ туда мимоѣздомъ, возвращаясь изъ монастыря Успенія,—гдѣ воспи-

тывалась ея дочь, Александрина д'Этіоль,—въ отель д'Эстрадъ съѣхалось множество народу. Когда я вошелъ въ обширный салонъ, тамъ уже успѣло собраться самое разношерстное общество: тутъ былъ и весьма представительный парламентскій совѣтникъ, и два аббата,—одному изъ нихъ приписывалось тайное соучастіе въ памфлетахъ дня, почему въ немъ сильно заискивали,—и какой-то гасконскій дворянинъ—бывшій красавецъ, съ необычайной граціей нюхавшій табакъ и называвшійся господиномъ видамомъ [1]), и мальтійскій кавалеръ, которому приписывали большое искусство въ азартной игрѣ, такъ называемомъ «каваньолѣ». Женщины, менѣе многочисленныя, отличались чѣмъ-то неопредѣленнымъ, что̀ придаетъ людямъ одинаковая короткость со дворомъ, духовенствомъ и финансовымъ міромъ. Тутъ я встрѣтилъ аристократку, принадлежавшую къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій королевства, которая, запутавшись въ долгахъ, должна была вести кумовство съ откупщиками. Другая, очень нарядная и чрезвычайно хорошенькая, дочь сборщика пошлинъ, недавно получившаго дворянство, и жена испанскаго гранда, ухаживала за мадамъ д'Эстрадъ въ надеждѣ, что та выхлопочетъ ей мѣсто статсъ-дамы при дофинѣ.

— Въ салонѣ шли толки о послѣдней роли актрисы Клеронъ, о праздникѣ, который былъ данъ на дняхъ однимъ изъ принцевъ крови. Не удостоившіеся приглашенія, конечно, осуждали его, критикуя неудавшійся фейерверкъ. Слышались такія фразы:—Онъ не числится въ королевскомъ альманахѣ.—Что-то скажутъ объ этомъ у мадамъ Дублэ?—А Машо поджалъ хвостъ...—Одна вдовствующая аристократка, съ бинтомъ на головѣ вмѣсто убора, съ цѣлыми плеядами мушекъ на лицѣ,—что̀ тогда начинало уже выходить изъ моды,—отвела меня въ сторону и пристала ко мнѣ, чтобъ я далъ ей флаконъ жизненнаго эликсира. Я едва отъ нея отдѣлался. Въ другомъ мѣстѣ бесѣда вертѣлась на генеалогіи новоиспеченныхъ дворянъ.—«И вотъ какіе субъекты катаются въ экипажахъ короля»! — раздавались негодующіе возгласы. Эта группа, не допускавшая сомнительныхъ доказательствъ знатности рода, состояла изъ парламентскаго совѣтника и пикардійскаго маркиза, дѣдъ котораго былъ королевскимъ обойщикомъ. Замѣ-

[1]) Видамъ—намѣстникъ епископа.

тивъ, что я вслушиваюсь въ ихъ разговоръ, они прикусили языки, точно въ лицѣ моемъ передъ ними явилась тѣнь генеалога Шерена.

— Тутъ явился одинъ охотникъ сообщать свѣжія новости. Онъ даже запыхался отъ усталости и былъ до того взволнованъ, что задѣвалъ своею шпагою платья дамъ, не думая извиняться. Наконецъ, громко высморкавшись, этотъ свѣтскій сплетникъ, восхищенный тѣмъ, что никто не успѣлъ предупредить его, разсказалъ событіе дня: де-Коньи, сынъ маршала, былъ найденъ сегодня мертвымъ въ опрокинутомъ экипажѣ по дорогѣ въ Версаль. Общество обступило говоруна. Посыпались восклицанія, предположенія, ахи, охи, нелѣпыя шутки. Потомъ принялись разбирать по косточкамъ знатнаго покойника, и хорошо же ему досталось! Вошли слуги, чтобы зажечь люстры; это немножко обуздало расходившіеся языки.

— Во время этого перерыва доложили о прибытіи мадамъ де-Помпадуръ. Хозяйка дома, не стѣсняясь, вышла встрѣчать ее на лѣстницу. Дамы, сидѣвшія передъ тѣмъ, встали, какъ будто желая перемѣнить мѣсто или взглянуть вблизи на картины по стѣнамъ. Нѣсколько мужчинъ, особенно желавшихъ выставить свое усердіе передъ земнымъ божествомъ, образовали нѣчто въ родѣ шпалеры по бокамъ входныхъ дверей. Маркиза вошла мелкими шажками, не спѣша, немного опустивъ глаза и отвѣчая на поклоны и привѣтствія собравшихся стереотипной улыбкой, которая повторялась съ однообразіемъ припѣва. Она была одѣта очень просто, какъ подобало придворной дамѣ, пріѣхавшей въ Парижъ по дѣламъ и не гонявшейся за тѣмъ, чтобы ослѣпить собою праздныхъ зѣвакъ. Окруженная мужчинами, остававшимися на ногахъ, фаворитка прежде всего выразила свое сожалѣніе мадамъ д'Эстрадъ, что она не можетъ пробыть у нея такъ долго, какъ бы хотѣла, потому что ей необходимо вернуться въ замокъ къ семи часамъ. Она не прибавила, что должна ужинать съ королемъ, но каждый понялъ такимъ образомъ ея слова. Потомъ мадамъ де-Помпадуръ принялась съ нѣжностью говорить о своей дочери, расхваливать ея воспитаніе въ монастырѣ и быстрые успѣхи въ наукахъ, восхищавшіе добрыхъ сестеръ. Этотъ разсказъ, какъ мнѣ думается, показался злоязычнымъ кумушкамъ и сплетникамъ, присутствовавшимъ здѣсь, черезчуръ многорѣчивымъ и проник-

нутымъ ненужной аффектаціей. Вслѣдъ за тѣмъ кто-то изъ гостей, не знаю, съ чего, упомянулъ о прусскомъ королѣ. Маркиза замолчала, закусивъ губы. Всякій намекъ на Фридриха Великаго, осыпавшаго ее насмѣшками, былъ непріятенъ фавориткѣ. Мадамъ д'Эстрадъ ловко перевела разговоръ на маршала саксонскаго. Президентъ парламента принялся выхвалять великаго полководца, ставя ему въ особенную заслугу, что онъ не оставался нечувствительнымъ къ стрѣламъ амура. Эта похвала, въ которой заключалось косвенное порицаніе монарху Пруссіи, не могла не понравиться фавориткѣ. Хозяйка дома, замѣтивъ меня въ толпѣ гостей, подозвала къ себѣ, чтобы представить своей покровительницѣ. Помпадуръ отнеслась ко мнѣ очень благосклонно, но сдѣлала видъ, будто бы мы не были до сихъ поръ знакомы лично.

— Зашелъ разговоръ о тайныхъ наукахъ; мальтійскій кавалеръ принялся увѣрять, что въ его фамильныхъ бумагахъ хранится секретъ, какъ дѣлать золото, и что это искусство было преподано самимъ Николаемъ Фламелемъ одному изъ предковъ говорившаго. Серьезный тонъ этого господина вызвалъ общій смѣхъ, въ виду того, что онъ былъ страшно запутанъ въ долгахъ.—Почему бы вамъ не воспользоваться такимъ драгоцѣннымъ секретомъ?—спросилъ видамъ.—Королю слѣдовало бы купить его,—вскричалъ другой.—Нѣтъ, нѣтъ, пускай шевалье назначутъ главнымъ контролеромъ.

— Маркиза задумчиво улыбалась, слушая эти рѣчи и продѣвая граціознымъ жестомъ перчатку подъ два браслета, бывшіе у нея на лѣвой рукѣ. Вдругъ она встала и прошла въ сопровожденіи д'Эстрадъ въ сосѣдній кабинетъ. Хозяйка вскорѣ вернулась, говоря, что маркиза ожидаетъ меня тамъ. Стоя у окна, фаворитка чертила кончикомъ мизинца іероглифическіе знаки на слегка запотѣвшихъ стеклахъ. При моемъ приближеніи, она быстро обернулась. Ея лицо при тускломъ свѣтѣ сумерекъ показалось мнѣ необыкновенно разстроеннымъ. Маркиза торопливо стала увѣрять меня, что она очень рада нашей встрѣчѣ, что я внушаю ей полное довѣріе, послѣ чего прибавила, нервно скрестивъ руки на груди:—Мнѣ хочется попросить у васъ совѣта. Я такъ несчастна; къ чему скрываться передъ вами? Моя жизнь невыносима, а мнѣ еще завидуютъ. Вѣчныя непріятности, вѣчныя обиды, которыя глотаешь на каждомъ шагу. А король,

между тѣмъ, ничего не хочетъ знать. Ахъ, милостивый государь, вы не повѣрите, какъ трудно удерживать возлѣ себя такого человѣка. Мое здоровье таетъ съ каждымъ днемъ. Я знаю, вы не докторъ, но однако...—Она, повидимому, не могла подыскать подходящихъ словъ.—Вы владѣете не однимъ секретомъ,—продолжала маркиза.—Конечно, не мнѣ одной приходится плохо, что же дѣлать? Только всѣ эти ужины и безсонныя ночи убиваютъ меня. И я не могу любить такъ, какъ отъ меня требуютъ. Ну, такъ вотъ... не знаете ли вы средства выйти изъ такого ужаснаго положенія?—Внезапная краска, выступившая изъ подъ слоя румянъ, залила ей щоки. Я пожалъ плечами.—Ахъ, я вижу, что вы не въ силахъ мнѣ помочь,—воскликнула она съ едва скрываемымъ озлобленіемъ.—Хороша же ваша наука! Люди знаютъ о томъ, что̀ творится на лунѣ, а противъ горестей земли они безсильны.—Чѣмъ-то трагически-безпомощнымъ звучали эти дѣтскія жалобы всевластной фаворитки, добивавшейся любовнаго зелья. Она обошла кругомъ всю комнату, съ видомъ женщины, которая не знаетъ, куда ей броситься.—Впрочемъ, не думайте, что я готова сложить оружіе,—заговорила опять Помпадуръ.—Это было бы черезчуръ на руку моимъ врагамъ. Что за важность, если какой-то Морепа строитъ мнѣ козни за кознями!—Маркиза упала на стулъ.—Я должна казаться вамъ очень жалкой, не такъ ли?—И она вдругъ расплакалась съ нервными подергиваньями, что̀ дѣлало ее не особенно интересной.—Вѣдь вотъ меня считаютъ очень вліятельной, а между тѣмъ я дрожу, какъ домъ, готовый рухнуть при малѣйшемъ натискѣ вѣтра. Въ публикѣ не знаютъ объ этомъ ничего. Да, я принуждена бороться каждую секунду своей жизни. Мнѣ нельзя ни на кого положиться, и люди, которымъ я сдѣлала больше всего добра, подкапываются подъ меня и готовы свалить на мою голову все, что̀ выходитъ во вредъ государству... моему вліянію приписываютъ всѣ бѣдствія. Но подумайте, справедливо ли это? Мой братъ, неисправимый мечтатель, совѣтуетъ мнѣ покинуть дворъ. Онъ не понимаетъ, что такъ дѣйствовать невозможно. Кто разъ отвѣдалъ этого блюда, тотъ не оторвется отъ него всю жизнь. Если при дворѣ люди бываютъ несчастны, то и въ другомъ мѣстѣ имъ не станетъ легче... Посмотрите на этого бездѣльника Морепа, какъ онъ приспособляется къ своему уединенію. Кромѣ того, вѣдь надо

подумать и о королѣ. Я обожаю этого человѣка, да, я его обожаю! Не смотрите на меня такими глазами,—прибавила Помпадуръ, топая ногой. И она разсказала мнѣ, какъ ея враги хлопочутъ о томъ, чтобъ дать ей соперницу. Интрига задумана очень ловко. Короля искусно старались заинтересовать, подстрекнуть его любопытство недоговоренными фразами и полупризнаніями.

— А эта женщина, дѣйствительно, хороша собой?—спросила я.

— Очень,—сухо процѣдила Помпадуръ, и продолжала:— Необходимо разрушить всѣ ихъ ковы. Неужели я допущу, чтобъ мнѣ подставили ножку? Ну, какъ бы поступили на моемъ мѣстѣ вы, знававшій Мазарини?

— Честное слово, я прикинулся бы ничего не подозрѣвающимъ и принялъ самый беззаботный видъ, а потомъ устроилъ бы такъ, чтобъ та особа имѣла возможность приблизиться къ королю. Далѣе, въ случаѣ надобности, можно предоставить ее въ его полнѣйшее распоряженіе, прежде чѣмъ онъ успѣлъ увлечься ею особенно сильно. А до тѣхъ поръ не давать ему афишироваться — вѣрнѣйшее средство привлечь на свою сторону всѣхъ равнодушныхъ, которые надѣются выиграть при всякой перемѣнѣ, какова бы она ни была. Кромѣ того, вы отлично знаете, что реномэ замѣняетъ болѣе солидный кредитъ.

— Это очень смѣлая мысль,—возразила фаворитка, задумавшаяся, пожалуй, въ ту минуту о своихъ первыхъ шагахъ на скользкомъ поприщѣ.

— Но вѣдь, право, это неслыханно: быть доведенной до такой крайности! Я истощила всевозможные способы развлеченій. Путешествія, театръ, охота—все это оказывается недостаточнымъ. Короля не займешь положительно ничѣмъ. Въ настоящее время онъ пристрастился къ постройкѣ зданій; а прошлымъ лѣтомъ ему взбрело на умъ заняться сборомъ травъ для гербарія. Подумайте только: король Франціи! Теперь онъ поссорился со своимъ парламентомъ. Ну, это его занимаетъ на полчаса ежедневно. А министры и рады, они вовсе не хлопочутъ о примиреніи. Потомъ есть еще бумаги де-Конти, но все это ровно ничего не стоитъ... Заприте-ка вонъ ту дверь,—

произнесла вдругъ Помпадуръ повелительнымъ тономъ, нарочно повышая голосъ,—за нами, кажется, шпіонятъ.

— Дѣйствительно, подойдя къ порогу, я услыхалъ осторожно удалявшіеся шаги. Должно быть, насъ подслушивалъ никто иной, какъ мадамъ д'Эстрадъ, и ея кузина, повидимому, догадалась о томъ, потому что сказала съ холодной миной:—Вы немножко не захватили ее врасплохъ.—Устремивъ глаза на коверъ, она какъ будто раскаивалась въ своей неумѣстной откровенности со мною. Въ ту же минуту странствующіе музыканты неожиданно затянули подъ окномъ унылую пѣсню, отдававшуюся въ комнатѣ, гдѣ мы оба невольно примолкли. Плачевныя, мрачныя ноты нестройнаго хора, вырывавшіяся изъ надорванной груди бѣдняковъ, казалось, были проникнуты чѣмъ-то безъисходнымъ, безконечно тоскливымъ. Онѣ наводили на мысль не о прекрасной Мишелинѣ, у которой было всего три поклонника, но о долгихъ скитаніяхъ подъ проливнымъ дождемъ, пронизывающимъ насквозь, на жестокомъ вѣтру, который немилосердно хлесталъ въ лицо, о безконечныхъ остановкахъ среди глубокой грязи, въ ожиданіи скудной милостыни, брошенной изъ освѣщеннаго окна, за которымъ должно быть такъ тепло и уютно! И вотъ преобладающая нота мелодіи замерла въ финальномъ припѣвѣ. Она звучала не надеждой на лучшее будущее, а покорностью безъисходной нуждѣ, представляющей, по крайней мѣрѣ, то преимущество передъ мірскими благами, что она въ своей нелогичности не печалится о завтрашнемъ днѣ.

— Слезы блистали на глазахъ фаворитки. Плакала ли она о себѣ, отожествляла ли свою скорбь съ бѣдствіемъ незнакомыхъ бродячихъ пѣвцовъ,—какъ знать? Но, привыкши маскировать самыя человѣчныя побужденія, маркиза почти стѣснялась того, что я былъ невольнымъ свидѣтелемъ ея порыва чувствительности.—Надо дать имъ что нибудь,—произнесла она, вынимая изъ кармана червонецъ, и, указавъ на небо, откуда, медленно крутясь, падали хлопья мокраго снѣга, прибавила натянуто-шутливымъ тономъ:—Вотъ видите, какъ эти унылые декабрьскіе вечера способны разстроить насъ, слабыхъ женщинъ!

— На порогѣ гостинной фаворитка протянула мнѣ руку для поцѣлуя и проговорила съ любезной миной достаточно громко,

чтобы присутствующіе могли слышать ея слова:—Итакъ, это рѣшено. Вы займетесь моимъ гороскопомъ, господинъ магъ.—Я поклонился вмѣсто всякаго отвѣта и отошелъ въ уголъ, гдѣ мнѣ пришлось услыхать разговоръ двоихъ молодыхъ людей.—Вотъ еще,—говорилъ одинъ изъ нихъ съ наглымъ смѣхомъ,—она хочетъ примѣшать сюда самое небо.

— Ей незачѣмъ далеко ходить,—возразилъ другой, картавя,—вѣдь «рыбы» и безъ того находятся въ зодіакѣ [1]).

IV.

— Немного времени спустя, одинъ старый чудакъ, датчанинъ родомъ, застрявшій, какъ и я, въ Парижѣ, представилъ мнѣ мемуаръ о фабрикаціи саксонскаго фарфора, предлагая уступить свой секретъ за пожизненную пенсію въ двѣсти экю. Это было не особенно дорого. Авторъ мемуара, знакомый мнѣ давно, нисколько не походилъ на пошлаго шарлатана, такъ что, зная пристрастіе Помпадуръ къ фарфоровымъ вещицамъ и личное тщеславіе маркизы, побуждавшее ее всячески покровительствовать производству фарфора во Франціи, я рѣшилъ послать ей рукопись датчанина. Отвѣтъ не замедлилъ прійти. Мнѣ дали знать, что меня ждутъ въ замкѣ Бельвю. Вы, конечно, читали не одно описаніе знаменитаго шедѣвра художественнаго воображенія фаворитки. Она убила, по крайней мѣрѣ, три милліона на эту постройку, въ которой принимали участіе лучшіе художники, начиная съ фундамента и кончая флюгерами. Что поражало съ перваго взгляда въ общемъ видѣ замка, такъ это предвзятое намѣреніе быть оригинальнымъ и граціознымъ, избѣгая пышности, но при всемъ томъ, не смотря на несомнѣнныя достоинства, зритель выносилъ отсюда впечатлѣніе чего-то смутнаго, если не фальшиваго. Зданіе было скомбинировано слишкомъ манерно, вычурно, недостаточно выдержано въ цѣломъ. Замокъ Бельвю напоминалъ собою книги съ черезчуръ роскошнымъ переплетомъ, которыя боятся читать, чтобы не испортить ихъ неосторожнымъ прикосновеніемъ.

— Двѣ тощихъ клячи, которыхъ называли «бѣшеными»,—несчастныя животныя, проводившія всю жизнь въ безпрерывной

[1]) Намекъ на дѣвическую фамилію Помпадуръ, урожденной Poisson.

скачкѣ между Парижемъ и Версалемъ,—доставили меня въ жилище Помпадуръ.

— Швейцаръ маркизы отнесся ко мнѣ съ величавой, по истинѣ великолѣпной, снисходительностью: «Ужь какъ ты тамъ ни важничай,—казалось, говорилъ его взглядъ,—а мы видали франтовъ и почище, пріѣзжавшихъ сюда на поклонъ». Въ пріемной, куда меня провели, находился уже одинъ посѣтитель, наружность котораго представляла рѣзкій контрастъ съ утонченнымъ изяществомъ обстановки: очаровательной рѣзьбою на деревѣ, разрисованными гирляндами, свѣтлой палитрою Ванлоо. Посреди всей этой изысканной роскоши, странный субъектъ напоминалъ рѣпу, воткнутую въ букетъ цвѣтовъ.

— Съ насмѣшливо-прищуренными глазами, краснымъ лицомъ и толстымъ пузомъ въ видѣ бурдюка, упиравшимся въ грудь, онъ казался лѣтъ шестидесяти. Его бригадирскій парикъ съ осыпавшейся пудрой съѣхалъ на сторону, но странный гость не замѣчалъ безпорядка въ своемъ туалетѣ. Кто могъ бы это быть?—спрашивалъ я себя. Онъ не приказный, не артистъ, не философъ, не мелкій служащій изъ министерства, не дворянинъ, ищущій мѣста. Онъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ и, судя по его презрительной минѣ, съ которой онъ уставился на музу трагедіи Ванлоо, можно представить себѣ, что онъ думаетъ:—«Все это настоящая дрянь».—Ничто, повидимому, не внушаетъ ему здѣсь зависти, и онъ такъ небрежно развалился на изящномъ хрупкомъ стульчикѣ, рискуя его сломать, что этого барина можно принять, по крайней мѣрѣ, за старшаго откупщика.

— Въ комнатуво шелъ человѣкъ въ ливреѣ.—Ну, что, Гурбильонъ, — спросилъ незнакомецъ, — скоро ли приметъ насъ госпожа маркиза?

Лакей сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

— Эй, ты, надутая рожа, не тебѣ ли я говорю?—продолжалъ тотъ, повысивъ голосъ, но не обнаруживая гнѣва.

— Сударь, вамъ придется обождать: госпожа маркиза не особенно хорошо себя чувствуютъ.—«Каковъ бы ты ни былъ,—какъ будто говорила безстрастная мина слуги,—ради чести дома я и долженъ, и буду оказывать тебѣ почтеніе».—Выдумки, глупости! Какъ не стыдно заставлять такъ долго себя дожидаться,—снова заговорилъ толстякъ, безцеремонно потягиваясь.

— А вотъ что, Гурбильонъ, не принесешь ли ты мнѣ рюмочку винца, старина, вмѣсто того чтобъ пялить на меня свои рыбьи глаза?

— Гурбильонъ отступилъ, точно по немъ выстрѣлили въ упоръ прямо въ грудь, и бросилъ на меня взглядъ глубокаго отчаянія. Онъ какъ будто извинялся въ плачевномъ зрѣлищѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ.

— Послушайте, сударь,—заговорилъ лакей заискивающимъ тономъ, желая умиротворить безпокойнаго гостя,—если вы желаете чего нибудь, я пошлю сказать о томъ метрдотелю маркизы, и онъ съ удовольствіемъ исполнитъ ваши приказанія.

— Ахъ, ты, болтунъ, ступай, принеси мнѣ рюмку вина, говорятъ тебѣ.

— Сударь, но вѣдь это невозможно, тѣмъ болѣе при господинѣ де-Сенъ-Жерменъ,—воскликнулъ слуга, точно мое присутствіе еще усугубляло совершаемое здѣсь кощунство.—Пожалуйте хоть въ столовую, гдѣ я могу...

— Ну, ладно, г-нъ педагогъ,—сказалъ незнакомецъ, вставая. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся. Его ноги, какъ у завзятыхъ пьяницъ, не гнулись въ колѣняхъ, что̀ придавало походкѣ толстяка неувѣренность плохо установленнаго компаса.

— Лакей посторонился, чтобы дать ему дорогу.—Входи же, чего ломаешься-то, накрахмаленная чортова кукла!—пробормоталъ гость, вытирая оборотомъ руки мокрыя губы. Гурбильонъ, оставившій, на мои глаза, часть своей выдержки въ сосѣдней комнатѣ, остановился передъ нимъ, разставивъ ноги съ видомъ человѣка, который не прочь поболтать отъ чистаго сердца.

— Значитъ, ты доволенъ своимъ жалованьемъ, старая шельма, ну, а если нѣтъ, скажи мнѣ, и я велю тебѣ прибавить...

— Приходъ маркизы положилъ конецъ разговору. При видѣ толстяка, по ея лицу пробѣжала неопредѣленная гримаса.—Почему мнѣ не сказали, что вы здѣсь?—спросила она и рѣшительнымъ, отрывистымъ тономъ, какъ бы нехотя, представила насъ другъ другу:—Мой отецъ.—Гурбильонъ стушевался въ одно мгновеніе.

Старикъ Пуассонъ, уловивъ недовольство на лицѣ дочери, разглядывалъ ее изподлобья, не говоря ни слова, и винные пары, клокотавшіе у него въ головѣ, тотчасъ вылетѣли оттуда.

«Возможно ли,—думалось мнѣ,—чтобы она, такая хрупкая, нѣжная, была дочерью этого вульгарнаго существа, коренастаго, краснолицаго»? Напрасно отыскивалъ я въ нихъ обоихъ хоть какое нибудь сходство. Только изгибъ бровей представлялъ у того и другаго нѣчто общее, придавая физіономіи характеръ холодной настойчивости.

— Я просмотрѣла присланный вами мемуаръ,—произнесла, покашливая, маркиза,—онъ черезчуръ растянутъ и, говоря по правдѣ, довольно непонятенъ.

— Я счелъ своимъ долгомъ заступиться, какъ умѣлъ, за своего датчанина. Помпадуръ разсѣянно слушала меня, стараясь по временамъ казаться внимательной. Лицо у нея было землисто-блѣдное, глаза — безъ блеска, настоящіе фаянсовые; въ ея туалетѣ, при всей его изысканности, сказывалась апатія ко всему на свѣтѣ, овладѣвшая умомъ фаворитки. Можно было подумать, что она, противъ обыкновенія, предоставила одѣть себя своимъ горничнымъ, не заботясь о томъ, во что ее нарядятъ.

— Почему вы не обратитесь къ д'Аржансону? — нетерпѣливо произнесла маркиза, когда я кончилъ.

— Зачѣмъ же это?

— Ну, да, вѣроятно, вы воображаете, что все въ моихъ рукахъ и я могу еще оказывать протекцію, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ... Вы опоздали, мой милый. Не ужели это васъ удивляетъ до такой степени?—Въ тонѣ ея голоса было много горечи и какъ будто преднамѣренная жестокость къ самой себѣ.

— А, вотъ что!—воскликнулъ старикъ Пуассонъ,—если вы не скрываете вашихъ дѣлъ передъ гостемъ, то и я могу заговорить въ свою очередь, тѣмъ болѣе, что это и заставило меня пріѣхать сюда. Значитъ, правда, что̀ толкуютъ въ Парижѣ? Ахъ, негодяи, вотъ проклятый-то сбродъ, чортъ ихъ побери!

— На кого же вы сердитесь, батюшка?—перебила его дочь, принимая особенно внушительную осанку. Въ виду вульгарности отца, маркизѣ нравилось напускать на себя еще больше чопорности.

— Ахъ, эти пройдохи парижане—все-то имъ извѣстно! Представьте себѣ, что вчера, выходя отъ Дюмени, послѣ доброй пирушки... Кстати, у ней есть такія дѣвочки, что, просто, пальчики оближешь! И вотъ какъ разъ... впрочемъ, извините,

не стану больше... довольно... довольно!—поспѣшилъ онъ прибавить, безцеремонно остановленный многозначительнымъ взглядомъ дочери.

— Ну, такъ я хотѣлъ сказать, что этотъ вертила Ла-Жанотьеръ присталъ ко мнѣ и давай пѣть лазаря. Сначала я ничего не понималъ; мнѣ казалось, что онъ жалѣетъ меня по поводу моего ревматизма и неудачной игры въ банкъ. Не тутъ то было: рѣчь шла о моей дочери, госпожѣ маркизѣ, подругѣ короля. Какъ вамъ это понравится? Ее хотятъ удалить отъ двора, сослать въ Креси, тысяча чертей! И какая-то Шуазёль-Романэ на ея мѣстѣ!

— Увы, это скоро случится,—глухо отозвалась Помпадуръ,—конечно, если только не внезапная милость судьбы...

— Ну, тогда надо, по крайней мѣрѣ, побольше выгадать передъ своимъ уходомъ; вѣдь это ужасно нехорошо для Александрины и ея будущности!—сказалъ старикъ Пуассонъ, съ философскимъ хладнокровіемъ нюхая табакъ. Я замѣтилъ, что, разговаривая съ дочерью, онъ избѣгалъ личныхъ мѣстоименій, одинаково стѣсняясь въ своихъ порывахъ почтительности и фамильярности.

— Неужели вы не находите ничего лучшаго, что̀ бы сказать мнѣ въ утѣшеніе, батюшка?—воскликнула мадамъ де-Помпадуръ, закидывая за голову обѣ руки.—Хороша же ваша отцовская любовь! Да, г-нъ де-С. Жерменъ, полюбуйтесь, что̀ творится. Всѣ признаки близкой опалы: меня избѣгаютъ, оставляя въ одиночествѣ. Бельвю пустъ; не правда ли, какъ мило? И подумать только, что здѣсь же я устроила свадьбу этой дрянной и глупой дѣвчонки, что я выпросила ей приданое у короля! И она же теперь отнимаетъ его у меня. Вотъ и дѣлайте послѣ этого людямъ добро, и распинайтесь ради своихъ друзей; они припомнятъ вамъ всѣ ваши благодѣянія,—заключила она въ порывѣ горечи и презрѣнія, достойныхъ покинутой Дидоны.—Ахъ, скверная, ничтожная интриганка, еще одна креатура этой д'Эстрадъ!

— А, а, и тутъ замѣшана ваша добрая пріятельница!—замѣтилъ Пуассонъ съ гадкимъ смѣхомъ. Несчастіе дочери, повидимому, не особенно огорчало его, и во всемъ, происходившемъ вокругъ, онъ какъ будто видѣлъ только поводъ выказать

и посмаковать циничное презрѣніе къ человѣческому роду, которое било въ немъ черезъ край.

— Я пытался немного ободрить маркизу.—Ахъ, хорошо вамъ толковать!—возразила она рѣзкимъ тономъ.—Право, я удивляюсь вашей дальновидности и такту, господа совѣтчики! Да развѣ *они* приносятъ намъ счастье? Великій артистъ—это случай, а умъ наряду съ нимъ не больше, какъ мелкая сошка изъ дворянскаго роду. Повѣрьте мнѣ, нѣтъ такой хитрости, которая устояла бы противъ неудачи.

— Кстати,—вмѣшался отецъ,—вотъ еще о чемъ болтаютъ въ Парижѣ. Правда ли, что этотъ Данри, прославшій тебѣ пудры подъ видомъ яда, все еще сидитъ въ Бастиліи?

— Мадамъ де-Помпадуръ нѣсколько разъ обмахнулась вѣеромъ, прежде чѣмъ отвѣтить:—Ну, что жь такое?—сказала она наконецъ.—Вѣдь съ нимъ не обращаются тамъ дурно; если же выпустить его на волю, этотъ полоумный опять натворитъ какихъ нибудь глупостей, за которыя его снова придется арестовать нѣсколько недѣль спустя. Не стоитъ подвергать человѣка новому риску.—Наступила пауза.—А знаете ли,—начала опять фаворитка, напрасно стараясь говорить равнодушнымъ тономъ,—вѣдь государь не былъ здѣсь вотъ уже цѣлыхъ восемь дней? Мнѣ не остается ничего болѣе, какъ не подавать признаковъ жизни съ своей стороны. Право, это средство не хуже другихъ. Де-Ришельё, «этотъ милашка, высосанный любовью, этотъ посланникъ Цитеры», какъ говорится въ пѣснѣ, былъ дерзокъ со мною еще болѣе обыкновеннаго.—Она закусила губы.—Да, когда король скучалъ, то пріѣзжалъ сюда. Никто не умѣлъ развлечь его лучше меня. При мнѣ ему было весело, я мѣшала ему задумываться, разгоняла его мрачныя мысли; вотъ въ чемъ заключалась моя сила, но этого теперь оказывается недостаточно. Впрочемъ, онъ никогда не любилъ никого, кромѣ себя. Вотъ хоть бы взять такой примѣръ. Ему нравилось видѣть меня окруженной почестями и вниманіемъ знатнѣйшихъ изъ своихъ придворныхъ. Это льститъ самолюбію короля: вѣдь онъ понимаетъ, что въ лицѣ моемъ люди воздаютъ честь ему самому и его вкусу.

— Вотъ видишь, дочь моя,—возразилъ авторитетнымъ тономъ отецъ фаворитки, который, слыша, что она говоритъ о своемъ предстоящемъ удаленіи, набрался храбрости, намѣре-

ваясь прихвастнуть при постороннемъ человѣкѣ своими отцовскими правами:—ты всегда хотѣла поступать по своему и не слушала людей опытныхъ, постарше себя...

— Ахъ, сударь, уши вянутъ отъ вашихъ наставленій. Вы тутъ ровно ничего не понимаете.

— Очень ошибаешься, королевочка,—съ торжествующимъ видомъ подтвердилъ бывшій откупщикъ.—Ты считаешь себя умнѣе всѣхъ, а повѣрь моему слову, что не нужно бѣлыхъ перчатокъ, чтобы держать на привязи нашу братью-мужчинъ. Благочестивѣйшій король вѣдь слѣпленъ не изъ другаго тѣста, я полагаю.

— Маркиза, не отвѣчая отцу, поднялась съ мѣста и, отведя меня въ сторону, сказала:—А представьте себѣ, какимъ путемъ до меня дошли эти свѣдѣнія объ интригѣ. Очень любопытный случай, и я ломаю голову надъ тѣмъ, чтобъ уяснить себѣ вполнѣ его смыслъ.—И она разсказала мнѣ, какъ одинъ знатный дворянинъ изъ числа придворныхъ, сильно не благоволившій къ ней, пріѣхалъ подъ предлогомъ примиренія предупредить ее и передалъ въ ея руки письмо короля къ графинѣ Шуазёль, соперницѣ маркизы. Я поздравилъ ее съ такимъ доказательствомъ дружбы со стороны бывшаго врага.

— Ну, что, все это пустое,—возразила она тономъ разочарованія.—Вѣроятно, онъ считаетъ меня болѣе сильной, а между тѣмъ—кто знаетъ, такъ ли это? И что же выдетъ изъ его предупрежденія? Впрочемъ, подобныя вещи оплачиваются. И, клянусь честью, Стенвиль заслуживаетъ награды.

— Какъ, это графъ Стенвиль оказалъ вамъ такую услугу?

— Не стану запираться, если ужь его имя сорвалось у меня съ языка,—отвѣчала Помпадуръ съ улыбкой горькой покорности. Я подумалъ о странной роли этого умнаго человѣка, который дѣйствовалъ во вредъ своей родственницѣ, и заключилъ изъ его поступка, подсказаннаго куртизанскою хитростью будущему знаменитому герцогу Шуазёлю, что акціи фаворитки стояли не такъ низко, какъ она воображала.

— Я всталъ, чтобы откланяться, но она, очевидно, вовсе не желавшая оставаться съ глазу на глазъ со своимъ отцомъ, удержала меня:—Ахъ, вѣдь я забываю, что вы еще не осмотрѣли моего маленькаго замка.—Старикъ Пуассонъ, отведя ее

въ сторону, сталъ что-то говорить тихимъ голосомъ. Мнѣ показалось, что онъ совѣтуетъ дочери добыть посредствомъ расписокъ отъ Машо возможно бо̀льшую сумму денегъ, прежде своего удаленія, чтобы хоть чѣмъ нибудь вознаградить себя. Но маркиза сдѣлала отрицательный жестъ головою:—Нѣтъ, нѣтъ, это значило бы окончательно погубить свою репутацію,—произнесла она твердымъ голосомъ, уходя отъ отца.

— Ну, что же, милостивый государь, какъ вы находите эту галерею? Довольно миленькая бездѣлушка, не правда ли?—спросила Помпадуръ, опираясь на мою руку съ видомъ лукаваго добродушія.

— Я отвѣчалъ, что въ восторгѣ ото всего видѣннаго и не удивляюсь, зная, чей вкусъ руководилъ созиданіемъ этого шедѣвра. Она самоувѣренно улыбнулась и обратила мое вниманіе на видъ изъ оконъ.—Впрочемъ, надо любоваться имъ въ лѣтнее время; теперь здѣсь немножко уныло.—Она указала вѣеромъ на лужайку, покрытую слоемъ блестящаго снѣга, и на Сену, вздувшуюся отъ дождей; рѣка медленно катила подъ пригоркомъ плоскія волны того сѣро-стальнаго цвѣта, который невольно заставляетъ васъ вздрагивать и подаваться назадъ.

— Мы прошли въ будуаръ, обтянутый ситцемъ; простѣночныя зеркала съ граненными краями, матовая позолота, китайскія рѣдкости, живопись Бушэ надъ дверями, букеты цвѣтовъ изъ раскрашеннаго фарфора—придавали этому пріюту нѣги, дремавшему въ полусвѣтѣ сумерекъ, что-то мечтательное и сладострастно-фантастическое. Здѣсь все, казалось, было разсчитано на то, чтобы убаюкать чувства, успокоенныя мирнымъ созерцаніемъ, чтобы пріятно разсѣять ихъ въ промежутокъ между восторгами любви. Смягченный свѣтъ ласкалъ и нѣжилъ глазъ, голосъ невольно понижался въ этомъ святилищѣ, переходя въ довѣрчивый шопотъ. Назойливый шумъ споровъ и обыденныхъ дѣлъ какъ будто никогда не осмѣливался профанировать стѣнъ очарованнаго будуара. Тутъ невольно забывалось, что на свѣтѣ существуютъ смерть и горе, что столько людей должны обливаться по̀томъ, снискивая себѣ скудное пропитаніе, а столько другихъ изнемогаютъ подъ гнетомъ роковыхъ несчастій и несправедливостей всякаго рода. Эпидеміи, войны, всевозможныя бѣдствія должны оставаться мертвой буквой, звукомъ безъ смысла для обитателей этого блаженнаго убѣжища, чѣмъ-то

чуждымъ и безконечно отдаленнымъ, какъ катаклизмы на лунѣ. Здѣсь, думалъ я, самое черствое сердце непремѣнно должно поддаться милымъ шалостямъ, составляющимъ характерную черту настоящаго вѣка.

— Да, изъ всѣхъ уединенныхъ пріютовъ на свѣтѣ, гдѣ вздыхаютъ влюбленные, именно здѣсь можно провести цѣлую жизнь, перебирая милыя шелковистыя кудри, которыя распускаются въ легкомъ облакѣ пудры; можно слушать, прижавшись вискомъ къ виску, все болѣе и болѣе учащенное лихорадочное біеніе голубыхъ жилокъ и, оставаясь недоступнымъ томленію боязни, ревности, заботы о завтрашнемъ днѣ и мысли о ничтожествѣ, со смѣхомъ повторять, приникая къ прелестнымъ устамъ: «Пускай послѣ насъ рухнетъ цѣлый міръ»! Отсюда фаворитка провела меня въ свою комнату, гдѣ господствовало живописное смѣшеніе, не лишенное, впрочемъ, отпечатка оригинальности. Старикъ Пуассонъ, надувшись на дочь, не послѣдовалъ за нами. Маркиза въ приливѣ откровенности коснулась довольно щекотливаго вопроса о своей семьѣ.

— Ахъ, какъ трудно угодить своимъ роднымъ, милостивый государь, и еслибъ я пѣслушалась...

— Но я полагаю, что вашъ братъ...

— Ахъ, не говорите мнѣ о немъ! Какъ я ни стараюсь подѣйствовать на него, онъ упорствуетъ въ своемъ намѣреніи оставаться ничѣмъ. Это Сенека въ карикатурѣ. Развѣ онъ не поссорился съ Пари-Дюверне? Судите сами, какъ смѣшно съ его стороны нелѣпое желаніе стушеваться. При моемъ вліяніи, онъ могъ бы добиться рѣшительно всего. Кто знаетъ? пожалуй, честолюбіе проснется въ немъ, когда ужь я не буду ничего значить. Да, милостивый государь, скажу откровенно, что люди честолюбивые мнѣ нравятся; пускай себѣ другіе проповѣдуютъ безкорыстіе, самоотреченіе и тому подобный вздоръ. Все это весьма почтенно, но, по моему, не стоитъ ни гроша. Уничтожьте самолюбіе и славу, что же останется?—Маркиза вздохнула и бросила взглядъ царственнаго равнодушія на стѣны своей комнаты, гдѣ было, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать тысячъ экю китайскаго лаку, который она такъ любила.

— Въ самый разгаръ нашего разговора появился Гурбильонъ и съ величавымъ видомъ доложилъ, что карета короля подъѣзжаетъ по главной аллеѣ.

— Фаворитка разомъ поднялась съ мѣста. Можно было подумать, что въ первую минуту ей захотѣлось броситься, очертя голову, куда ни попало. Брови маркизы поднялись, и вдругъ недовѣріе въ ея чертахъ смѣнилось живѣйшей радостью, которая мгновенно преобразила ихъ, придавъ имъ чарующую прелесть. Поглощенная своими соображеніями и догадками всякаго рода, она какъ будто забыла о моемъ присутствіи и, внезапно очнувшись, воскликнула растерянным тономъ:—Боже мой, что же вы тутъ сидите? Вѣдь вы испортите мнѣ все дѣло. Король не долженъ видѣть васъ здѣсь.

— И стиснувъ мнѣ руку съ лукавымъ видомъ субретки изъ театра Мариво, чего я никогда не замѣчалъ въ ней прежде, она торопливо прибавила:—Постойте, ступайте вонъ въ тотъ кабинетъ; вамъ будетъ все видно оттуда.— Въ самомъ дѣлѣ, дверь кабинета въ формѣ оконной ставни позволяла видѣть и слышать все, происходившее въ комнатѣ. Такіе тайники для подслушиванья были тогда въ большой модѣ и королевскіе замки снабжались ими въ избыткѣ. Я едва успѣлъ повернуть бронзовую ручку, какъ раздались шаги короля. Немного не доходя до кресла маркизы, которая, послѣ обычнаго реверанса, поспѣшила сѣсть, онъ остановился и, внимательно вглядываясь въ нее, съ веселымъ видомъ произнесъ:—А мнѣ сказали, что вы больны. Очень радъ убѣдиться въ противномъ.

— Если для васъ это не безразлично,—подхватила она колкимъ тономъ.—Дѣйствительно, я чувствую себя лучше, чѣмъ думаютъ. Тѣмъ хуже для вашихъ друзей, которые спѣшатъ меня похоронить.

— Царственный гость пожалъ плечами. Можетъ быть, онъ пріѣхалъ сюда чисто изъ любопытства, желая посмотрѣть, какъ фаворитка переноситъ свое одиночество, или даже съ цѣлью потѣшиться ея горемъ и отчаяніемъ. — О, всѣмъ извѣстно, какъ много вамъ приходится страдать, сударыня! — выговорилъ онъ насмѣшливымъ тономъ, усаживаясь напротивъ маркизы.

— Она рѣзкимъ движеніемъ отодвинула назадъ свое кресло и съ пылающимъ лицомъ, со слезами въ голосѣ отвѣчала королю:—Я знаю, что мнѣ остается дѣлать, и не хочу никому быть въ тягость. Не прикажете ли мнѣ, государь, уступить мое помѣщеніе въ Версали мадамъ де-Романэ?

— Это, что называется, попадало уже не въ бровь, а прямо въ глазъ: фаворитка шла напроломъ, рискуя погубить рѣшительно все. Людовикъ XV казался озадаченнымъ и не отвѣчалъ.—Слѣдуетъ ли мнѣ довѣрять больше моимъ недругамъ, чѣмъ вашему величеству? — Ахъ, какая вы странная, Антуанета,—произнесъ король, понизивъ голосъ и какъ будто стараясь уклониться отъ прямаго отвѣта.—До васъ, богъ вѣсть, откуда донесся нелѣпый слухъ, и вы сейчасъ становитесь на дыбы.

— Ахъ, у меня камень свалился съ сердца!—воскликнула она.—Значитъ, все это выдумки отъ нечего дѣлать? — прибавила Помпадуръ тономъ притворной довѣрчивости, стараясь заставить короля формально опровергнуть самый фактъ.

— Ея любовникъ попался на удочку и, послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія—замѣтилъ: — Да, вѣроятно, добрые люди насплетничали что нибудь, если вамъ это просто не приснилось.

— Фавориткѣ только того и было нужно.—Ну, въ такомъ случаѣ, — продолжала она, — мнѣ нечего скрывать отъ васъ подлости нѣкоторыхъ недоброжелательныхъ лицъ. Они носятся съ письмомъ, будто бы полученнымъ мадамъ де-Романэ отъ короля, гдѣ онъ даже величаетъ ее «возлюбленной сердца». Что же касается меня, то мнѣ, повидимому, предложатъ составить компанію мадамъ де-Мальи. Видите, какова наглость сплетниковъ и пустота этой глупой женщины! Вѣроятно, какой нибудь злой шутникъ настрочилъ ей письмо; она же приняла это за чистую монету и увѣрена, будто бы самъ король предлагаетъ положить къ ея ногамъ всѣ сокровища вселенной. Право, я жалѣю эту одураченную простушку. А во всемъ виновато глупое хвастовство! — заключила Помпадуръ, заливаясь серебристымъ смѣхомъ, въ которомъ подъ видомъ невиннаго спокойствія едва можно было уловить ироническую нотку. Какъ женщина ловкая, вся отдавшись радости торжества, она держала себя осторожно и не взглянула ни разу па короля, чтобы не усилить его смущенія. Неторопливо вынувъ вышиванье изъ рабочей корзинки, она, какъ ни въ чемъ не бывало, принялась за работу, какъ бы давая понять, что этотъ предметъ разговора уже исчерпанъ.

— Между тѣмъ замѣшательство государя бросалось въ глаза.

Съ лихорадочной поспѣшностью сталъ онъ раздувать мѣхами потухавшій огонь въ каминѣ, оглядывался по сторонамъ, быстро потиралъ себѣ кончики ушей и никакъ не могъ оправиться. Письмо, которое мадамъ де-Помпадуръ называла подложнымъ, несомнѣнно было написано имъ; однако, послѣ ея заключительной фразы, король считалъ за лучшее поддакивать ей, продолжая ото всего отпираться.

— Это, конечно, чья нибудь злая шутка,—выговорилъ онъ наконецъ, напрасно стараясь придать шутливый оттѣнокъ своей рѣчи.—Не мѣшало бы вывести клеветниковъ на свѣжую воду.— Теперь Помпадуръ приходилось удерживать короля отъ непрошеннаго вмѣшательства въ это дѣло. Фаворитка отлично сознавала, что онъ будетъ только благодаренъ за ея деликатную уступчивость, что ему уже нельзя впослѣдствіи отречься отъ своихъ словъ и что онъ теперь возстановленъ противъ Романэ, поставившей его въ непріятное положеніе своей неумѣстной болтливостью. Имѣя на рукахъ такіе козыри, она сказала спокойнымъ тономъ:—Нѣтъ, ваше величество, по моему, лучше махнуть рукой на всѣ эти сплетни. Презрѣніе короля докажетъ недостойнымъ тварямъ, что онъ неуязвимъ для ихъ булавочныхъ уколовъ. Всѣ благонамѣренные люди, полагаю, согласятся со мною. Предоставимъ разнымъ дурковатымъ кумушкамъ воображать, будто бы достаточно уступить минутной прихоти высокопоставленнаго лица, чтобы имѣть право разыгрывать передъ цѣлымъ свѣтомъ роль вороны въ павлиныхъ перьяхъ. Что же касается меня, обожаемый государь, то вамъ извѣстна моя неизмѣнная преданность вашей славѣ и вашему счастію. При всѣхъ обстоятельствахъ и вопреки всему, я останусь для васъ самымъ вѣрнымъ другомъ, и никто не замѣнитъ вамъ меня въ этомъ отношеніи...—Тутъ ея голосъ измѣнилъ ей и она приложила къ глазамъ носовой платокъ. Людовикъ XV казался взволнованнымъ. Онъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, точно освободившись отъ тяжелой ноши, подошелъ къ своей любовницѣ, чтобы положить ей руку на плечо съ неопредѣленнымъ жестомъ, означавшимъ нѣчто въ родѣ извиненія.— Я никогда не сомнѣвался въ васъ, Антуанета,—произнесъ государь.—Не напоминаетъ ли вамъ настоящій моментъ извѣстной пѣсенки:

Альсина—вѣрная пастушка,
Но и пастухъ не меньше вѣренъ ей?

— Однако маркиза не хотѣла добровольно перейти съ почвы нѣжныхъ изліяній на другую, болѣе игривую. Закинувъ головку съ удвоеннымъ кокетствомъ, она продолжала, слегка пришепетывая:—Вотъ почему, если привязанность и дружба Альсины когда нибудь наскучатъ обожаемому монарху, она умоляетъ его не прибѣгать къ посредникамъ, чтобъ сообщить ей это. Пусть роковой приговоръ будетъ произнесенъ тѣми же устами, которыя шептали ей прежде столько незабвенныхъ словъ.

— А что тогда сдѣлаетъ Альсина? — улыбаясь, спросилъ король.

— Она едва ли переживетъ свое несчастіе,—отвѣчала фаворитка съ такимъ видомъ, который ясно доказывалъ, что ея рѣшеніе умереть въ случаѣ измѣны было безповоротно, но что неблагодарный любовникъ не услышитъ ея жалобъ.

— Вы такъ умны, сударыня, и такъ прелестны!—воскликнулъ побѣжденный король.

— Она порывисто вскочила съ мѣста и съ граціей кошечки, съ магнетической граціей, какъ будто ей возвращалось право обладанія любимымъ человѣкомъ, обняла своего царственнаго друга.

— Такъ король обѣщаетъ?—промолвила Помпадуръ глухимъ голосомъ, краснорѣчиво говорившимъ объ участи, подготовленной мадамъ де-Романэ. Людовикъ XV отвѣтилъ только молчаливымъ наклоненіемъ головы.

— Ахъ, я перепачкала васъ румянами, мой гадкій другъ,—произнесла она съ интонаціей сладострастія, которая какъ бы приподнимала покровъ съ «куртизанской» стороны ея характера.

— Знаете, вамъ недостаетъ здѣсь столовыхъ часовъ, — замѣтилъ король.—Я велю пополнить этотъ пробѣлъ.—И онъ указалъ на консоль, послѣ чего внезапно прервалъ свою рѣчь, воскликнувъ тономъ подозрѣнія:—Постойте, чья это шляпа?

— Моего отца,—отвѣчала фаворитка и, замѣтивъ, что ея любовникъ молчитъ, прибавила успокоительнымъ тономъ:—Не желаете ли повидаться съ нимъ, мой другъ? Это доставило бы ему величайшее удовольствіе.

— Пожалуй,—вымолвилъ король. Маркиза бросила изпод-

тишка бѣглый взглядъ на уборную, куда я забрался, и сдѣлала видъ, что идетъ къ дверямъ, но потомъ, съ половины дороги, вернулась къ своему письменному столу и торопливо позвонила. Я понялъ, что она одумалась и боится уйти изъ комнаты, зная, что недовѣрчивый Людовикъ XV тотчасъ примется шарить по всѣмъ угламъ.

— Ступайте сейчасъ и отыщите моего отца, — приказала она вошедшему лакею, послѣ чего, вернувшись къ своему любовнику, подсѣла къ нему совсѣмъ близко, колѣно къ колѣну, и, взявъ его руку, быстро поцѣловала ее.

— Что же вы не разскажете мнѣ, какъ у васъ прошелъ послѣдній совѣтъ?

— Ахъ, они все топчутся на прежнемъ мѣстѣ! Вѣчная безтолочь и суета,—отвѣчалъ онъ скучающимъ тономъ, который являлся у него, едва заходила рѣчь о дѣлахъ.

— Ну, а хранитель печати?

— Не говорите мнѣ о немъ. Все та же старая пѣсня: нѣтъ денегъ въ казнѣ.

— Но вѣдь ваше дѣло прибрать его къ рукамъ.

— Попробуйте-ка. Онъ становится на дыбы, чортъ возьми!

— Однако онъ мнѣ поклялся.

— Ахъ, моя милая, развѣ вы не знаете, чего стоютъ его клятвы?

— А напримѣръ?

— Того же, что̀ и онъ самъ—ровно ничего.

Маркиза хихикнула, впрочемъ, не особенно искренно; хранитель печати былъ одною изъ ея креатуръ.

— Что же нейдетъ вашъ отецъ?—замѣтилъ Людовикъ XV съ оттѣнкомъ нетерпѣнія.

— Право, ужь не уѣхалъ ли онъ.

— Какъ, безъ шляпы?—воскликнулъ монархъ насмѣшливымъ тономъ.

Фаворитка закусила губы. Къ счастью, вслѣдъ затѣмъ вошелъ старикъ Пуассонъ. Дочь окинула его строгимъ взглядомъ, какъ будто давая понять, чтобъ онъ былъ насторожѣ, но тотъ не обратилъ вниманія на ея суровую мину.

— Ну-ка, подойдите сюда, милостивый государь,— сказалъ король.

Толстякъ развязно двинулся впередъ, усиливаясь, какъ всѣ

пьяницы, держаться прямаго направленія. Одну минуту я думалъ, что онъ такъ-таки и упрется въ короля, но онъ остановился однако въ двухъ шагахъ и повторилъ свой поклонъ. Было замѣтно, что почтенный старецъ широко воспользовался своей свободой во время королевскаго визита, чтобы основательно промочить себѣ горло.

— Ахъ, какое на васъ славное платье,—произнесъ Людовикъ XV.

— Какъ прикажете, ваше величество,—отвѣчалъ кутила, презрительно щупая сукно.—Это доходы съ городской ратуши,—заключилъ онъ съ лукавымъ видомъ.

— Король улыбнулся.—А есть у васъ абрикосы въ оранжереяхъ въ Мариньи?

— Старикъ Пуассонъ, искавшій и не находившій своего носоваго платка, громко чихнулъ.

— Простите, ваше величество, — произнесъ онъ, нимало не сконфузясь.—Что же касается абрикосовъ, то на кой прахъ мнѣ они? Зато у меня есть хорошее винцо,—домашняго производства, безпошлинное.

— Это и видно.—И его величество принялся хохотать.

— Маркиза нашла нужнымъ вмѣшаться въ разговоръ.—Вы бы лучше разсказали королю, что дѣлается въ Парижѣ, вмѣсто того чтобъ молоть вздоръ.

— Не обижайте его, Антуанета,—возразилъ Людовикъ XV.—У старика губа не дура; кромѣ того, вѣдь онъ виновникъ вашихъ дней. Вѣдь это правда, что вы виновникъ дней маркизы?

— Бывшій откупщикъ перемѣнилъ позу, покачался на ногахъ, бросилъ взглядъ умиленнаго восторга на дочь, и наполовину съ гордостью, наполовину со смиреннымъ сознаніемъ высокой чести, выпавшей ему на долю, произнесъ:—Смѣю хвалиться тѣмъ, ваше величество.

— И это самое прекраснѣйшее ваше произведеніе,—отвѣчалъ король, цѣлуя шейку маркизы.

— Старикъ Пуассонъ, заложивъ руку за жилетъ, любовался ими, и его мигающіе глазки какъ будто благословляли ихъ. То была какая-то пародія на патріарха древности.

— Ну, что подѣлываютъ ваши пріятели, парижскіе сборщики?—снова спросилъ король.

— А что,—осклабился старикъ Пауссонъ,—да то же, что и вчера. Они мотаютъ деньги, парижане сочиняютъ на нихъ пѣсни и всѣ въ одинъ голосъ благословляютъ ваше величество.

— Какой шутникъ вашъ отецъ, сударыня.

— Ахъ, ваше величество, зачѣмъ же выпытывать его!

— Однако люди жалуются на обнищаніе,—началъ опять государь.

— Кто это жалуется? Пустые крикуны, горлодёры! Бѣдность, бѣдность! Какіе люди поютъ эту пѣсню? Приказные, янсенисты, писаки, но, скажите на милость, куда же дѣваются деньги? Вѣдь это не вода на каменкѣ, чортъ возьми! Вся штука въ томъ, чтобъ ихъ найти, выжать, заставить выступить наружу!—И онъ топнулъ ногою объ полъ.—Видите: вонъ и тутъ деньги, и тамъ, и вездѣ, гдѣ по двадцати, гдѣ по десятку и опять таки по десятку тысячъ. Главный контролеръ не болѣе, какъ жолобъ; не надо, чтобъ онъ засорялся пескомъ, тысяча громовъ! А кому угодно жаловаться...

— Вотъ великолѣпная теорія,—шепнулъ маркизѣ король.—Что сказалъ бы докторъ Кенэ?

— Докторъ? Пхэ!—И бывшій сборщикъ податей прищелкнулъ пальцами.—Мало онъ каши ѣлъ, вотъ что!

— Каждый разсуждаетъ по своему,—наставительно произнесъ послѣ нѣкоторой паузы Людовикъ XV и вдругъ прибавилъ усталымъ голосомъ: — Клянусь, sempre bene. — Онъ всталъ.—До свиданья, маркиза; я увижу васъ сегодня въ Шуази.

И, не дожидаясь отвѣта, король снова обернулся къ Пуассону:—Всегда по послѣдней модѣ; вы отчаянный франтъ, почтенный толстячокъ!—Съ этими словами онъ вышелъ въ сопровожденіи своей любовницы.

Когда маркиза вернулась и увидала меня посреди комнаты, она такъ и подскочила:—Ахъ, милѣйшій, вѣдь я совсѣмъ забыла о васъ.—Я поздравилъ ее съ побѣдой.

— Съ побѣдой!—вздыхая, повторила она. Ея изящное личико, сіявшее за минуту передъ тѣмъ, приняло горькое выраженіе.

— Завтра же мнѣ придется начинать все сызнова. Вѣдь я строю карточные замки. На что расходуется все мое искусство? На то, чтобъ безпрестанно починивать одинъ и тотъ же лоскутъ полотна. Прекрасное ремесло штопальщицы, нечего сказать. И какою жалкой должна я вамъ казаться!

— Отчасти, да.

— Вотъ видите,—произнесла она упавшимъ голосомъ.

— Старикъ Пуассонъ ввалился въ спальню, мурлыча себѣ подъ носъ, и бросился въ кресло, послѣ чего спросилъ, обращаясь ко мнѣ:—А гдѣ же это, государь мой, вы изволили быть сію минуту?

— Батюшка,—твердо вымолвила маркиза,—вы заставляете меня горѣть со стыда. Ну, развѣ можно держать себя въ присутствіи его величества такимъ неотесаннымъ мужикомъ? Одну минуту я такъ и думала, что вы хлопнете короля по колѣнкѣ.

— А что жь за бѣда, сударыня доченька? То и хорошо, то и отлично! Повѣрьте, что король вовсе не такъ щепетиленъ. Хотя онъ и потомокъ Людовика Святаго, и побѣдитель подъ Фонтенуа, но это не мѣшаетъ ему, однако, быть добрымъ отцомъ, да, чортъ возьми, именно добрымъ отцомъ своихъ подданныхъ, вотъ вамъ и весь сказъ!

— Когда я уходилъ, до моего слуха донесся голосъ стараго кутилы изъ сосѣдней гостинной. Безбожно фальшивя, онъ затянулъ на радостяхъ извѣстный припѣвъ:

Въ дѣлѣ вѣры мы возьмемъ
Нашъ парламентъ для примѣра!

Дитя.

Ты—дитя, но въ глазкахъ синихъ
Столько блеска, столько свѣта,
Что душа твоя, я чую,
Смутнымъ жаромъ ужь согрѣта.

Ты дитя, но взоръ твой часто
Загорается мечтою,
И пылаютъ ярко щоки,
И томится грудь тоскою.

Ты дитя, но слово ласки,
Взглядъ одинъ любви привѣтной,—
И ты вспыхнешь зноемъ страсти,
Жаждой нѣги беззавѣтной.

П. Тулубъ

ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

(ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ).

«Dieses ist Amerika, dieses ist das neue Land».

Heine.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы самъ знаменитый Бенъ-Акиба, судившій гуцковскаго Уріэля, увидалъ Чикаго, то онъ не изрекъ бы своей любимой поговорки, а разинулъ бы ротъ отъ изумленія. Дѣйствительно, все оригинально въ этомъ городѣ, который занимаетъ площадь больше любаго второстепеннаго нѣмецкаго княжества и гдѣ уличное движеніе такъ велико, что свѣжій человѣкъ можетъ подумать, что по улицѣ идетъ крестный ходъ. Чтобы понять всю интенсивность уличнаго движенія въ Чикаго, достаточно, если я скажу, что конножелѣзныя дороги, всѣ эти кабельные и электрическіе трамваи, имѣютъ къ своимъ услугамъ рельсовую сѣть, равную по пространству разстоянію между Петербургомъ и Москвою. Кабельныя дороги почему-то весьма плохо прививаются въ Европѣ, между тѣмъ въ новомъ свѣтѣ ихъ великое множество. Однако, жалѣть объ этомъ не приходится. Все первоначальное обзаведеніе такихъ дорогъ весьма дорого, такъ какъ, кромѣ полотна, приходится устраивать особый подземный каналъ для помѣщенія въ немъ каната. Въ этомъ каналѣ, помощью паровой силы, движется безконечный металлическій канатъ (кабель); вагону остается лишь соединиться съ этимъ канатомъ, и онъ начинаетъ двигаться вмѣстѣ съ нимъ. Для этой цѣли, вдоль полотна дороги, между рельсами и параллельно съ ними, прокладывается узкая щель, сквозь которую опускается приспособленіе для захватыванія каната. Вагонъ какъ бы клещами схватываетъ канатъ и бѣжитъ вмѣстѣ съ нимъ. При разобщеніи клещей съ канатомъ, вагонъ тотчасъ же останавливается. Кромѣ дороговизны первоначальнаго устройства, вся система нуждается въ частомъ ремонтѣ, вслѣдствіе забиванія уличной грязи и пыли въ подземный каналъ, и требуетъ дальнѣйшаго усовершенствованія самихъ клещей, т. е. захватывающаго механизма, который иногда отказывается выпустить канатъ изъ сво-

ихъ желѣзныхъ объятій; канатъ продолжаетъ свое движеніе, а вагонъ, какъ бѣшеный, мчится по улицѣ.

Понятно, что при сильномъ городскомъ движеніи такіе сюрпризы никому не доставляютъ удовольствія и могутъ повлечь за собою серьезную катастрофу. Недавно въ Нью-Іоркѣ одинъ такой вагонъ промчался бѣшенымъ вихремъ по всему Бродвею (вагонъ былъ биткомъ набитъ пассажирами), подавилъ пропасть народу и могъ быть остановленъ лишь съ прекращеніемъ движенія пароваго двигателя на станціи. Кто-то изъ зрителей догадался телефонировать на главную станцію, чтобы остановили движеніе каната. А что испытала сидѣвшая въ вагонѣ публика, какихъ натерпѣлась страховъ, можно понять и безъ словъ.

Изъ достопримѣчательностей Чикаго нельзя не отмѣтить, прежде всего, его громадныхъ каменныхъ домовъ, которые уходятъ къ небесамъ и превосходятъ ростомъ даже такихъ гигантовъ, какъ кёльнскій соборъ. Знаменитая гостинница «Аудиторіумъ» покрываетъ пространство въ 62,000 квадратныхъ футовъ, причемъ постройка зданія вмѣстѣ съ землею подъ нее обошлась на наши деньги около 10 милліоновъ рублей. Высота зданія равняется 90 метрамъ и на постройку его, кромѣ 17 милліоновъ кирпичей, ушло 6,000 тоннъ стали и желѣза, 250,000 тоннъ гранитныхъ плитъ и 60,000 кв. футовъ стеколъ (въ отелѣ 1,500 оконъ и 2,000 дверей). Однѣ домовыя водопроводныя трубы имѣютъ въ длину болѣе 40 верстъ, а внутри домовыя электрическія проволоки достигаютъ баснословной длины въ 400 верстъ. И эта гостинница далеко еще не представляетъ самаго крупнаго и высокаго сооруженія въ городѣ. При этомъ любопытно, что все это колоссальнѣйшее зданіе, въ которомъ нѣсколько лѣтъ назадъ республиканская партія намѣтила своимъ президентомъ Гаррисона, было подведено подъ крышу въ теченіе какихъ нибудь 10—11 мѣсяцевъ.

Въ послѣднее время, для выставки здѣсь явились даже охотники выстроить домъ съ колокольню страсбургскаго собора, но, кажется, городскія власти благоразумно воспротивились производству такого эксперимента, непредусмотрѣннаго въ лѣтописяхъ строительнаго искусства. Проэктировавшійся домъ долженъ былъ имѣть 34 этажа. Масонскій храмъ въ Чикаго — высочайшее нынѣ зданіе въ мірѣ—имѣетъ 22 этажа; онъ выстроенъ въ формѣ дома, который, однако, благодаря своей гигантской вышинѣ, получаетъ сходство съ башенной постройкой. Зданіе вмѣщаетъ въ себѣ до 500 различныхъ конторъ и банковъ, множество ресторановъ и торговыхъ заведеній. Болѣе полуторы дюжины элеваторовъ поддерживаютъ сообщеніе нижнихъ этажей этого гиганта съ верхними. По-

лучаются настоящія вертикальныя улицы, по которымъ безостановочно, съ головокружительной быстротой, снуетъ многотысячная толпа.

Въ этихъ колоссахъ, которые въ общемъ приносятъ прекрасный доходъ своимъ владѣльцамъ, только наружная облицовка дѣлается изъ гранита или кирпича; весь же внутренній остовъ, всѣ подробности сложены изъ стальныхъ полосъ, подобно гигантской клѣткѣ. Болотистый грунтъ Чикаго не позволяетъ опускать фундаменты домовъ слишкомъ глубоко въ почву и мѣстными архитекторами выработанъ особый типъ основаній, въ описаніе которыхъ входить здѣсь считаемъ излишнимъ. Отмѣтимъ однако, что зачастую, съ окончаніемъ постройки такого гиганта, все сооруженіе садится на извѣстную глубину въ почву, а вмѣстѣ съ нимъ садятся и другіе ближайшіе каменные гиганты-сосѣди, тогда какъ болѣе отдаленныя громады ровно на столько же (на нѣсколько вершковъ) выростаютъ. Почва является въ роли какихъ-то клавишъ и колеблется подъ каменными колоссами, верхушки коихъ зачастую прячутся въ облакахъ. Страшную тяжесть подобныхъ домовъ, съ ихъ быстро несущимися поѣздами элеваторовъ, съ ихъ многотысячнымъ населеніемъ, обстановкой конторъ и бюро, усугубляютъ еще водяные резервуары, которые приходится помѣщать подъ крышей этихъ колоссовъ, такъ какъ городскіе водопроводы не въ силахъ доставлять воду на подобную вышину и вода накачивается туда особымъ паровымъ насосомъ. Если такой колоссъ загорится, то катастрофа можетъ принять титаническій характеръ. До сихъ поръ эти колоссы еще ни разу не горѣли, хотя американскіе города вообще пылаютъ не хуже нашей «деревянной» Россіи. Напр., нынѣшнимъ лѣтомъ погорѣлъ южный Чикаго, гдѣ пріютились деревянныя постройки рабочаго фабричнаго люда. Выгорѣло восемь «блоковъ» (кварталовъ) и обитатели полутораста домовъ очутились безъ крова и безъ пріюта. Не обошлось и безъ человѣческихъ жертвъ, и огненная стихія, бушевавшая со страшной силой, благодаря порывистому южному вѣтру, остановила свое разрушеніе, лишь очистивъ весь берегъ и наткнувшись на другую стихію, т. е. на голубыя воды Мичиганскаго озера. Мнѣ пришлось попасть на самый пожаръ и, право, говоря откровенно, я вынесъ далеко не лестное мнѣніе о работѣ здѣшней пресловутой пожарной команды и особенно о поведеніи самихъ погорѣльцевъ. Пожарные пріѣхали ужасно поздно, когда загорался уже третій домъ, работали поразительно вяло, струя воды била позорно скудно, въ чемъ обвиняютъ выставку, забирающую на свои нужды громадныя количества воды. Едва-едва отстояли чей-то громадный лѣсной складъ и не смогли отстоять ни одной

изъ трехъ церквей, которыя имѣлись въ этой части города. Да и лѣсной складъ отстояли только потому, что онъ оказался за вѣтромъ, а по вѣтру не отстояли ни одной постройки и огонь прекратился, очистивъ все прибрежное пространство и уткнувшись въ воду и песокъ. Право, такъ и казалось, что, примись за дѣло нашъ безотвѣтный сѣрый пожарный, дѣло пошло бы лучше, чѣмъ у этихъ выхоленныхъ джентльменовъ, получающихъ по 1,000 долларовъ въ годъ содержанія. Сами же американцы, т. е. владѣльцы и жильцы горѣвшихъ домовъ, просто потеряли голову не лучше какой нибудь убогой старухи въ глухой забытой деревнѣ. Людьми овладѣлъ какой-то паническій ужасъ; всѣ безъ толку суетились, кричали и галдѣли; улицу завалили такими грудами имущества, что къ горѣвшимъ домамъ нельзя было ни подойти, ни подъѣхать, и я самъ видѣлъ, какъ нѣкая обезумѣвшая леди съ растрепанными волосами принялась колотить свою посуду, не желая, очевидно, отдавать ее во власть приближавшейся огненной стихіи. Пожаръ, впрочемъ, остановился, не дойдя на два дома до квартиры этой предусмотрительной особы. Виновницей пожара считается также одна леди, завивавшая свою чолку на керосиновой лампѣ, которая при паденіи и подожгла домъ. Отъ пожара пострадала одна только бѣднота, и хотя здѣшніе бѣдняки живутъ куда лучше своихъ европейскихъ коллегъ, но сильно заблуждаются тѣ, кто думаетъ, что городскіе дома простолюдиновъ въ Америкѣ снабжены всѣми благами современной культуры. Въ такихъ домахъ нечего искать электрическаго освѣщенія, или хорошей печки, а тѣмъ болѣе апаратовъ для снабженія комнатъ въ жару прохладнымъ воздухомъ. Въ Америкѣ всѣ эти кунштюки цивилизаціи остаются для избранниковъ, а масса, толпа освѣщается вонючими керосиновыми лампами (но не лучиной), мерзнетъ въ холодныхъ домахъ, отапливаемыхъ скернымъ углемъ, а въ жару обливается потомъ въ своихъ душныхъ каморкахъ, лишенныхъ прохлады даже ночью.

Переживаемый, въ настоящій моментъ, въ штатахъ финансовый кризисъ особенно тяжелъ для рабочаго люда, и въ такихъ центрахъ, какъ Нью-Іоркъ и Чикаго, отъ безработицы страдаютъ десятки тысячъ людей. Чикагосская голытьба въ теченіе многихъ дней устраивала свои засѣданія въ самой фешенебельной части города, на площади, подъ открытымъ небомъ, какъ разъ около вокзала, откуда каждыя 10 минутъ отвозили праздничную толпу на знаменитую выставку. Митингъ подъ открытымъ небомъ продолжается день и ночь, потому что бо́льшая часть участвующей въ немъ публики не только не имѣетъ работы, но лишена и крова, и въ буквальномъ смыслѣ не знаетъ, куда приклонить голову. Странный

контрастъ производила эта громадная, какъ море, голодная, почти оборванная толпа съ окружающей ее богатѣйшей обстановкой лучшаго квартала города, съ его пышными отелями и роскошными дворцами мѣстныхъ крезовъ. Жутко становилось за эти зеркальныя стекла, за эти нарядные экипажи, за всѣ эти богатѣйшіе магазины, переполненные всяческимъ добромъ и цѣнностями. Богатый кварталъ, очевидно, и самъ сознавалъ все неудобство присутствія незваныхъ гостей вся полиція была поставлена на ноги, но, пока голытьба ведетъ себя прилично, отказать въ свободѣ митинга никто не вправѣ. Но вотъ незваные гости сдѣлали ложный шагъ. Пользуясь прекрасной погодой, они съ музыкой вздумали обходить главныя улицы города. Это была своего рода мирная демонстрація. Въ первый день все обошлось благополучно, хотя общества конножелѣзныхъ, электрическихъ и другихъ дорогъ начали морщиться: и безъ того на улицахъ тѣсно, а тутъ еще процессія оборванцевъ на цѣлые часы задерживаетъ движеніе конокъ. И вотъ, когда, на другой день, безконечная процессія снова двинулась по городу, останавливая все и вся на своемъ пути, многотерпѣливая полиція не выдержала и грянулъ бой. Произошла жестокая свалка, въ которой толпа дѣйствовала каменьями, а городовые пустили въ ходъ свои тяжелыя дубинки—эмблему здѣшней полицейской власти. Съ обѣихъ сторонъ оказалось множество тяжело раненыхъ и немало избитыхъ людей, а митинги съ процессіями строго воспрещались впредь, что и требовалось доказать. Любопытно при этомъ, что полицейское дознаніе признало душой всего безпорядка двухъ польскихъ евреевъ-рабочихъ, которые съ особою яростью принимали участіе въ дракѣ. Оба они арестованы, оба страшно избиты, и оба не говорятъ ни слова по англійски. Здѣшній судъ съ ними, конечно, не станетъ разводить церемоній и,—хотя у обоихъ не осталось мѣста живаго, и всѣ ребра поломаны, — подсыплетъ имъ еще наказанія. До какой степени здѣшняя полиція грубо обращается со своими бѣдняками, и повѣрить трудно. Мнѣ лично пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены. Какъ-то утромъ, мы вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ В. С. шли по зеленой лужайкѣ, разстилающейся передъ гостинницей «Аудиторіумъ». Солнце уже изрядно припекало, не смотря на довольно ранній часъ, и двое молодыхъ здоровенныхъ бородачей лежали, мирно бесѣдуя, на мягкой травѣ. Одѣты они были, дѣйствительно, неважно. Мы приближались къ нимъ съ одной стороны, а съ другой довольно тихими шагами шелъ полицейскій. Вся сцена разыгралась, такъ сказать, на нашихъ глазахъ. Полицейскій молча подошелъ къ оборванцамъ и, не произнеся ни единаго слова, не приглашая ихъ встать что ли, если лежать здѣсь

было воспрещено, внезапно со всего размаху ударилъ ихъ по ногамъ своей громадной дубиной. Два удара рѣзко просвистали въ тишинѣ яркаго утра. Мы не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ, но должны были повѣрить ушамъ, услыхавъ эти палочные удары. Въ странѣ, славящейся своей свободой, на нашихъ глазахъ разыгралась сцена, которая невозможна даже въ старой Европѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ сперва «честью» просятъ, а потомъ уже показываютъ кулакъ или нагайку, а здѣсь бьютъ даже безъ предупрежденій. Бородачи молча вскочили на ноги, почесались и, не промолвивъ ни слова, поплелись въ сторону, а городовой, какъ ни въ чемъ не бывало, гордо прослѣдовалъ дальше. Толпа, бывшая на площади и также наблюдавшая за этой сценой, даже не пикнула. А рядомъ съ этимъ бьетъ ключемъ разнообразная жизнь большаго города, сильно оживившагося отъ присутствія выставки.

Вообще, въ рѣдкомъ городѣ такъ много веселятся, какъ въ Чикаго. Всѣ его 25 театровъ ломятся отъ наплыва праздничной толпы, а въ нихъ помѣщается не менѣе 40 т. зрителей. Цирки и кафе-шантаны принимаютъ у себя ежедневно втрое большее количество гостей. Дѣйствительно, кромѣ Парижа и Лондона, ни одинъ городъ во всемъ свѣтѣ не даетъ столько театральныхъ мѣстъ въ распоряженіе ищущей развлеченій толпы, какъ Чикаго. Берлинскіе театры имѣютъ всего 20 т. мѣстъ, а вѣнскіе и тѣмъ болѣе петербургскіе или московскіе далеко не имѣютъ и этого. Здѣсь же одинъ только театръ, помѣщающійся въ отелѣ «Аудиторіумъ», имѣетъ мѣстъ больше, чѣмъ всѣ 6 или 7 петербургскихъ театровъ.

Цѣны во всѣхъ первоклассныхъ чикагосскихъ театрахъ очень не высоки: всѣ кресла безъ различія ряда (въ партерѣ) стоютъ около $1^1/_2$ доллара. Лучшее мѣсто занимаетъ тотъ, кто раньше пришелъ. Балконъ обходится въ одинъ долларъ и наконецъ имѣются мѣста не дороже четверти доллара. Ложи вообще не въ ходу и рѣдкій театръ имѣетъ ихъ болѣе десятка. Только на представленія разныхъ европейскихъ знаменитостей въ родѣ Патти мѣста оплачиваются болѣе дорогой цѣной, но и тутъ рѣдко идутъ выше 2—3 долларовъ за кресло, и богатая Америка ужаснулась бы отъ тѣхъ кушей, которые выплачиваетъ въ подобныхъ случаяхъ за кресла и ложи бѣдная Россія. Въ партерѣ сидѣть очень удобно и просторно, и взамѣнъ даровыхъ биноклей, которыми щеголяетъ нашъ варшавскій казенный театръ, практическій янки завелъ и здѣсь механическое приспособленіе, которое приноситъ немалый доходъ. Позади спинокъ креселъ имѣются запертые футляры съ биноклями на длинной металлической цѣпочкѣ.

Футляръ раскрывается лишь въ томъ случаѣ, если всунуть въ

отверстіе мелкую монету; выходитъ очень дешево, удобно и просто, не приходится звать капельдинера, вести переговоры о биноклѣ и т. д. Всѣ театральныя зданія находятся въ рукахъ частныхъ компаній, которыя сами труппъ не содержатъ, а сдаютъ лишь сцену странствующимъ театральнымъ sociétés, причемъ заблаговременно чуть ли не на весь театральный сезонъ составляется расписаніе, отъ какого по какое число театръ занимаетъ та или другая труппа. Поэтому во всѣхъ чикагосскихъ театрахъ одну недѣлю поютъ, другую пляшутъ, третью идетъ канканная оперетка, а затѣмъ ставится раздирательная драма. Рѣдкая труппа беретъ театръ долѣе, чѣмъ на 2 недѣли, причемъ сроки перемѣнъ принято пріурочивать къ понедѣльнику, и потому по воскреснымъ днямъ всѣ многочисленныя желѣзныя дороги Америки полны странствующими артистами, которые въ полномъ составѣ переселяются изъ одного города въ другой. Имѣются товарищества въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которыя сразу занимаютъ цѣлый поѣздъ, иногда даже располагаютъ собственными вагонами, везутъ съ собою декораціи, костюмы и бутафорскія принадлежности. О злоключеніяхъ, напоминающихъ злоключенія нашихъ странствующихъ труппъ, здѣсь нѣтъ и помину, и герои «Лѣса» Островскаго здѣсь были бы непонятны. Здѣсь артистовъ не развозятъ на родину этапнымъ порядкомъ, какъ это было въ прошлую зиму съ одной заѣзжей въ Полтаву труппой; здѣсь нѣтъ и рѣчи о проворовавшихся антрепренерахъ, обокраденныхъ и обсчитанныхъ актерахъ и другихъ терніяхъ нашей частной антрепризы.

Владѣльцы театральныхъ зданій даютъ въ распоряженіе труппѣ, кромѣ подмостокъ, вполнѣ освѣщенное, отопленное зданіе, билетёра, прислугу и даже постоянный, хорошо дисциплинированный оркестръ, рекрутируемый спеціально изъ нѣмцевъ. Взимаемая плата заключается въ извѣстномъ процентѣ съ общаго сбора, причемъ владѣльцы зданій оставляютъ себѣ львиную долю, именно отъ $^1/_5$ до половины всего вечероваго сбора, смотря по характеру и реномэ труппы. Остальныя деньги тотчасъ же распредѣляются между артистами. Чикагосскіе театры такъ хорошо работаютъ, что нерѣдко труппы по 2 года ждутъ своей очереди попасть въ этотъ городъ, который славится своимъ театральнымъ гостепріимствомъ даже среди артистовъ далекой Италіи и Франціи. Наши вѣчно пустые, скверно освѣщенные провинціальные театры и наши полуголодные провинціальные актеры не имѣютъ понятія о благополучіи своихъ американскихъ собратьевъ, которымъ приходится играть не съ пустымъ желудкомъ и не передъ пустой зрительной залой. Вотъ, напр., цифры заработка пяти главныхъ чикагосскихъ театровъ въ теченіе выставочнаго сезона (26 недѣль). Театръ «Auditorium» заработалъ 950,000 долла-

ровъ, «Chicago Opera House»—285,000 дол., «Columbia—250,000 дол., «Grand Opera House» — 175,000 дол., театръ «Hooley»— 178,000. Сезонный заработокъ извѣстнаго цирка «Buffalo Bill», гдѣ показывался «дикій западъ», достигъ колоссальной цифры въ 1,200,000 долларовъ. Въ этомъ циркѣ, съ 26 апрѣля по конецъ октября, было дано 378 представленій. Арена цирка вмѣщаетъ 18,000 человѣкъ и владѣльцу этого учрежденія приходилось содержать труппу, состоящую изъ 420 человѣкъ и 350 лошадей. О представленіяхъ этого цирка стоитъ сказать нѣсколько словъ. Здѣсь шли спеціально военныя представленія, хотя и съ нѣкоторою примѣсью этнографическихъ особенностей. Фигурировавшія на аренѣ войска принадлежали различнымъ народностямъ. Взяты одни кавалеристы: тутъ и кавалерія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и англійскіе всадники на бѣлыхъ лошадяхъ, въ красивой формѣ, съ бѣлыми султанами и желтыми отворотами на мундирахъ, и синіе французскіе гусары на плохихъ заморенныхъ клячахъ, и знаменитые нѣмецкіе уланы, столь прославившіе себя въ послѣднюю кампанію, и взводъ отчаянныхъ русскихъ казаковъ въ засаленныхъ коричневыхъ черкескахъ, но на бойкихъ горскихъ лошадяхъ. Почти всѣ казаки при ближайшемъ разсмотрѣніи оказались кавказскими горцами, но нѣкоторые изъ нихъ служили въ иррегулярныхъ войскахъ и одинъ даже украшенъ георгіевскимъ крестомъ. Ѣздятъ всѣ они съ самой безшабашною лихостью и продѣлываютъ на своихъ быстрыхъ лошадкахъ такія штуки, что весь циркъ трещитъ отъ восторговъ толпы. При ихъ появленіи на аренѣ, музыка неизмѣнно играетъ русскій народный гимнъ, а афиша безъ зазрѣнія совѣсти увѣряетъ, что казаковъ послало сюда само русское правительство. Но главной приманкой цирка служатъ все таки не казаки и не войска, а дикіе раскрашенные индѣйцы, стада бизоновъ и мексиканскіе охотники въ кожаныхъ штанахъ и громадныхъ сомбреро. Голые, окрашенные охрой и какой-то красной краской, индѣйцы издаютъ призывные вопли, нападаютъ на бѣлыхъ переселенцевъ, на ихъ хижины, останавливаютъ почтовыя кареты, учиняютъ примѣрныя сраженія, но колонисты всякій разъ побѣждаютъ ихъ и всякій разъ поднимается такая отчаянная трескотня, такая ружейная и пистолетная пальба, что можно, дѣйствительно, подумать, что возлѣ города происходитъ сраженіе. Вся арена покрывается павшими лошадьми, спѣшившимися всадниками, бѣгущими индѣйцами; все это оретъ, вопитъ и стрѣляетъ, а надо всѣмъ доминируетъ дикій ревъ и свистъ восторгающихся зрителей, которые своимъ поведеніемъ превращаютъ весь циркъ въ буйное отдѣленіе желтаго дома. По правдѣ сказать, испанскій бой быковъ, въ качествѣ народнаго удовольствія, имѣетъ менѣе деморализующее вліяніе на

массу, чѣмъ этотъ апоѳеозъ гуртовыхъ убійствъ, разстрѣливанія индѣйцевъ и отраженія разбойничьихъ нападеній.

Театральная реклама много содѣйствуетъ успѣху здѣшняго театра, причемъ она не ограничивается услугами прессы, а заклеиваетъ своими афишами—нерѣдко десятисаженной длины—всѣ заборы и стѣны города. Кіоски съ объявленіями здѣсь не въ ходу; они стѣсняли бы колоссальное уличное движеніе, да къ тому же американская афиша слишкомъ велика для маленькаго кіоска. Вкусъ американской публики въ дѣлѣ театральныхъ представленій—самый примитивный и здѣшній театръ не далеко ушелъ отъ хорошаго малафѣевскаго балагана. Только обстановка иная, сцена лучше, больше и неизмѣримо богаче всевозможными аксесуарами. Въ ходу помѣсь оперетки съ балетомъ, акробатизмомъ и раздирающими душу сценическими эффектами. Тутъ непремѣнно и убійство, и поджогъ, и воровство, и столкновеніе поѣздовъ, и другія потрясающія картины. Если нѣтъ взрывовъ и крови, то идетъ настоящая буффонада. Напримѣръ, здѣсь очень по душѣ пришлась пьеса, составляющая въ сущности вывернутую на изнанку «Прекрасную Галатею». Называется она «Прекрасный Адонисъ» и дается подъ акомпаниментъ самаго невозможнаго музыкальнаго винигрета. И какой только чепухи не напихали авторы въ этого Адониса: тутъ и балетъ, и канканъ, и изображеніе провинціальной американской аптеки, которое приводитъ зрителей въ самый необузданный восторгъ. На сценѣ изображена аптека въ какомъ-то вновь нарождающемся американскомъ городкѣ. Но уже къ услугамъ публики аптекарь завелъ всѣ самоновѣйшія механическія приспособленія, характеризующія приближеніе XX-го вѣка. Тутъ же въ аптекѣ, по американскому обычаю, помѣщается и парикмахерское заведеніе, и почтовое бюро, и телеграфъ, и сберегательная касса, и продажа сигаръ и прохладительныхъ напитковъ и всякой всячины. Со всѣмъ этимъ дѣломъ управляется, конечно, одинъ человѣкъ, который одновременно и продаетъ, и брѣетъ, и цѣлуется съ покупательницами, и принимаетъ денежную кореспонденцію и вклады въ сберегательную кассу. Продѣлываетъ онъ все это при помощи новѣйшихъ электрическихъ, паровыхъ и иныхъ приспособленій, причемъ въ результатѣ получается отчаянный балаганъ. Кліенты остаются съ одной выбритой щекой, сюртуки ихъ уѣзжаютъ взамѣнъ почтовыхъ посылокъ, всякая вещь въ комнатѣ продѣлываетъ такую чертовщину и публика такъ заразительно хохочетъ, что по неволѣ и самъ улыбнешься всему этому глупому фарсу, на который вторично не пойдешь ни за какія коврижки.

Въ Нью-Іоркѣ театровъ еще больше, чѣмъ въ Чикаго, и во всѣхъ идутъ какія-то фееріи съ пѣніемъ и канканомъ. Особымъ

успѣхомъ пользуется здѣсь гастролировавшая и въ Россіи труппа лилипутовъ, для которой ея антрепренеръ—еврей Розенфельдъ—придумалъ новую пьесу, окрещенную громкимъ названіемъ «Путешествія на Марсъ». Никакого Марса тутъ нѣтъ, а имѣется самая безстѣнчивая передѣлка извѣстнаго «Путешествія на луну», разорившаго одного прославленнаго московскаго антрепренера. Либретто составлено самымъ безтолковымъ способомъ, составитель не потрудился даже прочесть хотя бы описанія планеты Марсъ, сдѣланнаго Фламаріономъ, и населилъ его какими-то уродами, одѣтыми въ клоунскіе костюмы. Жители Марса пережевываютъ устарѣлый и на землѣ вопросъ о сварливыхъ тещахъ и запиваютъ эту ерунду чистѣйшимъ шампанскимъ, которое, по мнѣнію либретиста, замѣняетъ воду на этой планетѣ. Недостаетъ только интендантскаго вѣдомства въ этой галиматьѣ, въ которой нѣтъ ни одного живаго слова, ни одного забавнаго положенія и ни единаго интереснаго политическаго намека. Все остроуміе сводится къ тому, что одинъ профессоръ изобрѣлъ газъ, отъ вдыханія котораго люди уменьшаются въ десять разъ и могутъ летѣть на Марсъ. Желающихъ испытать на себѣ дѣйствіе газа и отправиться въ путешествіе засаживаютъ въ шкафъ, изъ котораго и выходятъ наши старые знакомцы-лилипуты. Путешествію желаетъ помѣшать трехсаженный американскій полисменъ съ классической дубиной въ рукахъ, но лилипуты ухитряются заманить и этого молодца въ шкафъ и подвергнуть уменьшительной операціи. Дѣйствительно, это единственно комичный моментъ пьесы, когда трехсаженнаго полисмена, превратившагося въ карлика, одинъ изъ честной компаніи лилипутовъ просовываетъ головой подъ мышку, заворачиваетъ фалды и лупитъ по тому мѣсту, изъ котораго, по счастливому выраженію Гоголя, растутъ у человѣка ноги. Американская публика приходитъ въ телячій восторгъ, чѣмъ и свидѣтельствуетъ самымъ неопровержимымъ образомъ о солидарности своихъ вкусовъ со вкусами толпы, посѣщающей балаганы стараго свѣта. Затѣмъ начинаются танцы, причемъ, нужно сознаться, постановка и костюмы балета и всѣ декоративные эффекты во многомъ уступаютъ роскоши, къ которой пріучилъ москвичей блаженной памяти Лентовскій. Вообще американцы крайне неразборчивы на удовольствія, хотя и падки на нихъ, и ежедневно толпами осаждаютъ и наводняютъ всѣ мѣста зрѣлищъ и увеселеній. Въ Чикаго пользовалась даже солиднымъ успѣхомъ болѣе чѣмъ посредственная труппа какого-то русскаго антрепренера Иванова, который пѣлъ и плясалъ въ громадномъ кафе-шантанѣ подъ заглавіемъ «Трокадеро». Русскіе костюмы, дѣйствительно, у труппы недурны, но, признаюсь, было бы желательно, чтобы иностранцы при знакомствѣ съ далекой

Россіей имѣли порѣже случай повторять извѣстное изреченіе графа Граббе, что могущество Россіи велико, но различные представители ея—малы. Въ томъ же заведеніи, гдѣ поетъ Ивановъ, показывается и силачъ Сандовъ, который являетъ собою типъ «совершеннѣйшаго физическаго развитія на землѣ». Мускулы этого джентльмена имѣютъ такую желѣзную крѣпость, что отъ нихъ, какъ отъ брони, отскакиваетъ самая крупная револьверная пуля. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ американская реклама, и да не подумаетъ читатель, что эти пули принадлежатъ скромному русскому писателю. Вообще, трудно понять и объяснить, почему американцы такъ мало цѣнятъ декламацію, хорошую комедію или хорошую оперу и такъ сильно увлекаются въ сторону акробатической хореографіи и ножныхъ пантомимъ. Оттого у нихъ въ такомъ ходу всѣ эти «пляски живота» (danses du ventre), которыми можно было наслаждаться чуть ли не во всѣхъ кафе-шантанахъ минувшей выставки. Американцы толпами ходили смотрѣть на миловидныхъ дщерей фараона, особенно съ тѣхъ поръ, какъ чикагосская полиція вздумала временно закрыть персидскій театръ, находя, что практикующійся здѣсь танецъ имѣетъ деморализующее вліяніе на посѣтителей. Одна сенсаціонная газетка открыла даже особую рубрику, въ которой мѣстные моралисты и философы приглашались произнести свой приговоръ по поводу классическаго египетскаго танца, а всѣ кафе-шантаны, благодаря невольной полицейской рекламѣ, завели чуть ли не тройной персоналъ восточныхъ красавицъ, вербуя для этой цѣли талантливыхъ француженокъ, которыя и въ Европѣ высоко держатъ и культивируютъ таинства ножныхъ пантомимъ, изображаемыхъ въ «Moulin Roug'e» и въ «Casino de Paris». Что касается меня лично, то я, право, не вижу ничего непристойнаго въ пресловутомъ «danse du ventre». Наша женская цыганская пляска, съ особымъ специфическимъ передергиваніемъ плечъ и трепетаніемъ бюста, составляетъ, въ сущности, перифразу этого египетскаго танца. У восточныхъ танцовщицъ, въ покойномъ состояніи, при танцѣ, остаются однѣ только ноги, а всѣ остальныя части тѣла и особенно брюшные мускулы приходятъ въ чисто судорожныя сокращенія. Деморализаціи здѣсь, право, не больше, чѣмъ въ обыкновенномъ танцѣ, но смотрѣть на эти корчи положительно трудно, да и самимъ танцующимъ онѣ даются не легко, если судить по утомленно-страдальческому выраженію лицъ у всѣхъ этихъ заправскихъ и псевдо-восточныхъ красавицъ.

Вообще, въ американскихъ городахъ умѣютъ веселиться, и про нихъ не скажешь того, что̀ Гейне сказалъ про Дармштадтъ: въ маленькихъ нѣмецкихъ городкахъ такая скука, что собаки умоляютъ

прохожихъ дать имъ хорошаго пинка. Любовью къ зрѣлищамъ американской толпы объясняется также пристрастіе ихъ къ закону Линча. О Линчѣ написаны цѣлые томы и въ концѣ концовъ это есть или остатокъ расовой вражды бѣлаго человѣка къ черному, или результатъ недовѣрія населенія къ существующему правосудію. Въ бытность мою въ Америкѣ, я пережилъ около 20 случаевъ линча и только въ двухъ дѣло шло о бѣлыхъ людяхъ; въ остальныхъ же толпа расправлялась съ несчастными неграми.

Законъ Линча, какъ извѣстно, сводится къ двумъ наказаніямъ: или смерть, или вѣчное изгнаніе, причемъ изгнанію всегда предшествуетъ операція знакомая, но по другимъ поводамъ, старинной Руси. Именно: виновнаго обмазываютъ дегтемъ, затѣмъ вываливаютъ въ перьяхъ и выставляютъ къ позорному столбу. Говорятъ, что и въ Швейцаріи въ нѣкоторыхъ горныхъ кантонахъ практиковалось это варварство еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Наказанію подвергались женщины за измѣну супругу.

Если линчисты приговариваютъ свою жертву къ смертной казни, то они ее обыкновенно вѣшаютъ, рѣдко разстрѣливаютъ и еще рѣже обезглавливаютъ. Еще два года назадъ, указъ техасскаго губернатора рекомендовалъ линчистамъ не церемониться съ убійцами и совѣтовалъ расправляться съ ними съ тою же быстротою, какъ и съ конокрадами. Линчисты, чтобы оправдать себя, распускаютъ какую-то басню о необычайной якобы животной страсти, испытываемой неграми къ бѣлой женщинѣ, страсти, отъ которой ихъ можетъ излѣчивать лишь висѣлица или пуля; но надо полагать, что это утвержденіе представляетъ одну изъ выдумокъ на людей черной кости. Въ 1885 году, въ Америкѣ было приговорено судомъ къ смертной казни 103 человѣка, а линчисты за тотъ же періодъ времени отправили на тотъ свѣтъ 219 человѣкъ. Та же пропорція сохранялась и въ послѣдующіе годы, свидѣтельствуя какъ нельзя лучше, что Линчъ свилъ себѣ прочное мѣсто въ народныхъ обычаяхъ и привычкахъ; такъ, въ 1885 году, изъ числа 289 казненныхъ, 181 было линчировано, въ 1886 году, изъ числа 216 на долю Линча пришлось 133, въ 1887 году, изъ 202 неумолимый законъ Линча взялъ 123 жертвы; въ слѣдующемъ году, изъ 231 линчировано было 144, и наконецъ въ 1889 году судъ приговорилъ къ смерти 98 человѣкъ, а господа линчисты—175. Ошибки въ такихъ случаяхъ наблюдаются крайне часто, и американскій юморъ создалъ извѣстную карикатуру на своихъ линчистовъ. Повѣсивъ свою жертву и заживо спаливъ ее, линчисты узнаютъ, что они отправили на тотъ свѣтъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Почесывая затылки, вся шайка ѣдетъ къ женѣ повѣшеннаго, и вотъ обезумѣвшей отъ горя женщинѣ

начальникъ шайки—я иначе не могу назвать господъ линчистовъ—почтительно докладываетъ, что ея супругъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный человѣкъ и что они его повѣсили по недоразумѣнію.

Я приведу только одинъ случай Линча, о которомъ прокричали всѣ газеты въ бытность нашу въ Америкѣ. Дѣло разыгралось недалеко отъ Чикаго, въ штатѣ Иллинойсъ. Въ ночь на 9 іюля были убиты двѣ молоденькихъ дѣвушки, сестры Рей, причемъ предварительно убійца гнусно наругался надъ своими жертвами. Народная молва признала виновникомъ этого злодѣянія негра Миллера. Когда его арестовали, то Миллеръ клялся въ своей невинности и даже представилъ «алиби», но ему не хотѣли вѣрить. Мнимаго преступника отправили съ поѣздомъ въ то мѣстечко, гдѣ было произведено преступленіе, а такъ какъ газеты и телеграфъ уже успѣли разнести по всей странѣ всѣ подробности злодѣянія, сообщили о поимкѣ убійцы и о томъ, что его везутъ съ такимъ-то поѣздомъ, то всюду на станціяхъ громадная толпа выходила встрѣчать несчастнаго Миллера. Поѣздъ едва вмѣщалъ всѣхъ желавшихъ сопровождать преступника и знатоки американской толпы тогда уже могли предсказать, что Миллеру не сдобровать. На станціи Бардвель—гдѣ совершено было убійство—гудѣла многотысячная толпа и тутъ же вблизи платформы сложенъ былъ громадный костеръ. Старанія шерифа, который самъ везъ преступника, ни къ чему не повели. Обоихъ грубо схватили и помѣстили на возвышеніи близъ костра. Многотысячная толпа гудѣла и требовала казни преступника. Негръ дрожалъ всѣми членами, принимался нѣсколько разъ молиться и жалобнымъ голосомъ твердилъ, что онъ невиненъ. Тогда изъ толпы выступилъ отецъ убитыхъ молодыхъ дѣвушекъ и объявилъ, что онъ проситъ присутствующихъ установить точно часъ возмездія и расправы, такъ какъ жители сосѣднихъ городковъ дали обѣщаніе присутствовать при наказаніи. Начался торгъ о времени казни, причемъ толпа требовала лишь, чтобы дѣло не откладывалось въ долгій ящикъ. Рей предложилъ произвести сожженіе въ 3 часа.

«Согласны»! заревѣла толпа; «всѣ согласны, только пусть теперь эта черная рожа сейчасъ же разскажетъ намъ, какъ все было».

Миллеръ вздрогнулъ, но оправился, выпрямился во весь ростъ и среди мертвой тишины, наступившей на площади, сказалъ слѣдующее: «Господа, пожалуйста, успокойтесь. Я—негръ Миллеръ, и живу въ Спрингфильдѣ, въ штатѣ Иллинойсъ. Дома у меня жена и двое дѣтей, которыя ждутъ съ нетерпѣніемъ моего возвращенія. Мнѣ тяжело говорить съ вами, вы такъ возбуждены, что, конечно, не повѣрите мнѣ, но я умоляю васъ объ одномъ: предоставьте суду

разузнать это дѣло во всѣхъ подробностяхъ, не мѣшайте правосудію, а повѣсить или сжечь вы всегда меня успѣете. Клянусь вамъ, что я не совершилъ этого преступленія и въ день убійства находился въ мѣстечкѣ «Бисмаркъ», т. е. за сто верстъ отъ вашего городка». Толпа немного образумилась и шерифу удалось, воспользовавшись минутнымъ настроеніемъ толпы, спровадить бѣдняка въ мѣстную тюрьму. Но американская тюрьма плохо охраняетъ ввѣренныхъ ей узниковъ. Не прошло и трехъ часовъ, какъ толпа, не думавшая расходиться и пріѣхавшая полюбоваться даровымъ зрѣлищемъ за нѣсколько десятковъ верстъ, окружила тюрьму, ворвалась въ нее и снова завладѣла несчастнымъ арестантомъ, который началъ уже было успокоиваться. Бѣдняка раздѣли донага и, надѣвъ на шею толстый канатъ, повлекли на старое мѣсто, т. е. къ костру. Напрасно несчастный молилъ о пощадѣ; его живо втащили на костеръ и обезумѣвшій народъ требовалъ, чтобы Миллера сожгли живьемъ. Какой-то услужливый молодецъ вскарабкался тѣмъ временемъ на ближайшій телеграфный столбъ, куда ему подали конецъ каната, обмотаннаго вокругъ шеи несчастнаго. Негра нѣсколько разъ вздергивали наверхъ и съ страшной силой сбрасывали внизъ. Послѣ перваго же раза онъ пересталъ кричать и полагаютъ, что при первомъ же паденіи у него былъ переломленъ позвоночникъ. Дикая толпа не удовольствовалась и этимъ, въ трупъ начали стрѣлять, а подъ конецъ поджарили его на кострѣ и изуродовали до полной неузнаваемости. Многіе изъ толпы брали себѣ на память не только куски веревки (нѣсколькихъ человѣкъ при этомъ задавили до смерти), но куски кожи, частицы ногтей и пр. Кто-то выбилъ мертвецу зубы и взялъ ихъ себѣ на память. И это совершилось передъ началомъ XX столѣтія, въ обществѣ, которое кичится своей свободой и своими культурными учрежденіями! Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, вскорѣ послѣ совершенія этого омерзительнаго убійства, тѣ же газеты сообщили линчистамъ, что пришло вполнѣ точное извѣстіе о непричастности Миллера къ убійству; алиби его вполнѣ подтверждалось, невиновность вполнѣ выяснилась и только у двухъ сиротъ не стало отца, а у матери—мужа.

Послѣдній случай Линча, дошедшій до моего свѣдѣнія, касался бѣлаго человѣка и разыгрался въ штатѣ Іова. Оригинальной особенностью случая было то обстоятельство, что линчисты произвели свою расправу въ самой залѣ, гдѣ судили преступника, въ присутствіи судей, прокурора и адвоката. Арестанта, который отъ страха передъ наводнившей залу толпой дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, обвиняли въ совершеніи насилія надъ 4-лѣтней дѣвочкой. Толпа даже не стала ожидать преній сторонъ и, схвативъ несчастнаго

(стража разбѣжалась), набросила ему петлю на шею, которую принесла мать пострадавшаго ребенка. Арестанта предварительно страшно избили, затѣмъ та же мать плюнула ему въ лицо и толпа повѣсила лишившагося сознанія человѣка тутъ же, на той самой рѣшеткѣ, за которой онъ долженъ былъ выслушать свой обвинительный или оправдательный приговоръ. Какъ хотите, а факты эти далеко не вяжутся съ представленіемъ объ истинной культурности страны и ея пресловутой цивилизаціи...

В. Святловскій.

ОДИНЪ ИЗЪ НАШИХЪ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТОВЪ.

I.

Съ первыхъ же строкъ я долженъ оговориться. По размѣрамъ своего литературнаго дарованія, по міровоззрѣнію и «исторической эрудиціи», г. Всеволодъ Соловьевъ отнюдь не можетъ привлекать вниманія критики. Критика дѣлается совершенно безцѣльной, останавливаясь на писателяхъ, которые ничѣмъ не выдаются изъ ряда посредственностей, не представляютъ интереса даже съ точки зрѣнія крупныхъ отрицательныхъ свойствъ. Но г. Соловьевъ въ современной quasi-исторической литературѣ не является одинокимъ. Онъ—типичный представитель особаго повѣствовательнаго жанра, получившаго, съ нѣкоторыхъ поръ, значительную цѣнность на журнальномъ рынкѣ. Говорить о г. Соловьевѣ можно только въ связи съ любопытнымъ и знаменательнымъ явленіемъ, далеко не изслѣдованнымъ и даже трудно поддающимся изслѣдованію.

Въ русской читающей публикѣ, за послѣднее время, все увеличивается и увеличивается интересъ къ отечественной исторіи. Если сказать, что отечественную исторію мы вообще плохо знаемъ—большой ошибки не будетъ. Когда Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу и изъ этого окна хлынуло къ намъ европейское просвѣщеніе, мы естественно отдали ему все свое вниманіе. По мѣрѣ распространенія знаній, распространялось уваженіе къ европейской культурѣ, къ исторіи народовъ Европы. Событія изъ отечественной исторіи казались слишкомъ близкими и притомъ совершившимися въ обстановкѣ, которая осуждена, признана грубой, варварской.

Съ одной стороны, мы шибко учились, догоняя европейцевъ; съ другой—шибко жили, передѣлывая старыя формы быта на новый, культурный ладъ. Гдѣ же тутъ было вникать во всѣ подробности отечественной исторіи, заниматься ею? Я говорю, разумѣется, о массѣ тогдашняго образованнаго общества, а не объ отдѣльныхъ его представителяхъ. Первыми вспомнили объ отечественной исторіи славянофилы. Не отрицая благъ европейскаго просвѣщенія, они,

тѣмъ не менѣе, рѣшительно возстали противъ отреченія отъ народности, отъ національныхъ особенностей, которыя могли, по ихъ мнѣнію, вполнѣ уживаться съ прогрессивными и просвѣтительными идеями, почерпнутыми нами изъ западно-европейскихъ источниковъ. Дальнѣйшій ходъ развитія русскаго общества не подтвердилъ справедливости всѣхъ ученій славянофиловъ, однако, нельзя отрицать, что, догнавъ нѣсколько Европу и успокоившись отъ лихорадочной реформаторской дѣятельности, мы, въ концѣ концовъ, отдѣлались отъ многихъ излишнихъ увлеченій западомъ и почувствовали себя русскими. Съ этого момента пробуждается у насъ интересъ «ко всему русскому», а въ томъ числѣ и къ русской исторіи.

Интересъ «ко всему русскому» пробудился не только въ образованномъ, но и въ полуобразованномъ обществѣ, и, соотвѣтственно этому, явились писатели, спѣшившіе воспользоваться пробудившимся интересомъ публики. Въ ряду такихъ писателей видное мѣсто занимаютъ quasi-историческіе романисты,—съ г. Всеволодомъ Соловьевымъ во главѣ,—которыхъ рѣшительно нельзя назвать иначе, какъ лубочными. Эпитетъ «лубочный» я употребляю не въ качествѣ ходячаго и обиднаго эпитета. Нѣтъ,—подобно тому, какъ лубокъ не передаетъ ни тоновъ, ни полутоновъ, ни сколько нибудь тонкихъ линій, ни сколько нибудь приближающагося къ дѣйствительности колорита,—историческіе лубочные романы не передаютъ ни одной тонкой черты изъ особенностей прошлаго, ни одного опредѣленнаго жизненнаго типа, ни одной художественно-продуманной детали.

Смыслъ описываемыхъ событій лубочные романисты обыкновенно истолковываютъ чрезвычайно грубо, прямолинейно, иногда прямо невѣрно. Изображенія обстановки, въ которой дѣйствовали историческія личности, выводимыя лубочными романистами, необыкновенно шаблонны. Съ подобною «эрудиціею» никоимъ образомъ нельзя создавать «художественно-историческаго» романа. Чувство мѣры также не присуще этимъ своеобразнымъ беллетристамъ. Ужь если они придерживаются отрицательной точки зрѣнія, то и отрицаютъ все сплошь; если благоговѣютъ предъ стариной, то благоговѣютъ не осмысленно, не культурно, и опять таки передо всѣмъ безъ исключенія. Сочинилъ, напримѣръ, одинъ изъ лубочныхъ беллетристовъ комедію, въ которой дѣйствуетъ московскій бояринъ, приверженный «иностранщинѣ». Я убѣжденъ, что авторъ не имѣлъ въ виду грубаго осмѣянія піонеровъ европейскаго просвѣщенія, можетъ быть, не всегда умѣло и надлежаще дѣйствовавшихъ, но несомнѣнно одушевленныхъ самыми почтенными намѣреніями. Однако, вышло сплошное грубое осмѣяніе. Приверженный «иностранщинѣ» боя-

ринъ поражаетъ своей глупостью. Это просто Китъ-Китычъ, изъ извѣстной комедіи Островскаго, придумавшій особое озорство въ видѣ погони за европейскимъ лоскомъ, разумѣется, чисто внѣшнимъ, и европейскимъ просвѣщеніемъ, дурно и ложно понимаемымъ. Представьте себѣ, что Китъ-Китычъ, поженивъ Андрюшку на дочери учителя Иванова, вдругъ проникся почтеніемъ къ наукѣ и сдѣлалъ изъ нея предметъ новой блажи. Таковъ именно «бояринъ» лубочнаго драматурга. Онъ даже объясняется языкомъ Брускова и для полной народной формы ему недостаетъ только Настасьи, которая замѣнена разбитной дамочкой «конца вѣка» съ самыми современными адюльтерными принципами, но съ замоскворѣцкимъ жаргономъ.

Если бездарное и фальшивое литературное произведеніе вообще ничего, кромѣ вреда, не приноситъ, то бездарное литературное произведеніе на исторической подкладкѣ приноситъ еще большій вредъ, сообщая полуобразованной публикѣ самыя превратныя свѣдѣнія относительно нравовъ, обычаевъ, понятій и типовъ прошлаго.

Г. Всеволодъ Соловьевъ по своимъ воззрѣніямъ принадлежитъ къ лагерю писателей, въ высокой степени «благонамѣренныхъ». Писатели, въ высокой степени благонамѣренные, возмущаются невѣжествомъ русскаго общества, плохо знакомаго съ родною стариной, и всѣми силами пытаются доказать, что наша «старина» не хуже западно-европейской старины, что въ ней масса любопытнаго и поучительнаго, что даже по внѣшности она нисколько не блѣднѣе, а въ нѣкоторыхъ періодахъ эффектнѣе—исторіи запада.

Историческихъ романовъ г. Соловьевъ насочинилъ немало. «Княжна Острожская» (XVI вѣкъ), «Касимовская невѣста» (XVII вѣкъ), «Царь-дѣвица» (XVII вѣкъ), «Юный императоръ» (XVIII вѣкъ), «Капитанъ гренадерской роты» (XVIII вѣкъ), «Сергѣй Горбатовъ» (XVIII вѣкъ), «Вольтерьянецъ» (продолженіе «Горбатова»), «Старый домъ» (продолженіе «Горбатова»), «Изгнанникъ» (продолженіе «Горбатова»), «Послѣдніе Горбатовы» (окончаніе «Горбатовыхъ»), «Волхвы», «Великій розенкрейцеръ» — вотъ далеко неполный списокъ произведеній г. Всеволода Соловьева. Говорить о каждомъ изъ нихъ нѣтъ надобности, дѣлать выборъ между ними трудно. Все одинаково безцвѣтно, вяло, антихудожественно и весьма сомнительно съ исторической точки зрѣнія. Остановимся хотя бы на «Касимовской невѣстѣ». Содержаніе романа слѣдующее: Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, самый вліятельный и приближенный къ юному царю Алексѣю Михайловичу, убѣждается въ необходимости женить молодаго царя, такъ какъ съ одной стороны и время

приспѣло, съ другой же—Борису Ивановичу хочется прочно и надолго укрѣпить свое вліяніе. Въ виду этого, онъ задумалъ женить царя на одной изъ дочерей Милославскаго, а на другой—жениться самому. Убѣдивъ Алексѣя Михайловича въ необходимости начать семейную жизнь, Морозовъ принялся за выполненіе своего плана, между тѣмъ какъ посланцы русскаго царя поѣхали во всѣ стороны государства, чтобы собрать въ Москву самыхъ красивыхъ и достойныхъ невѣстъ, изъ которыхъ, затѣмъ, царь выберетъ себѣ жену. Планъ Морозова сразу же удался бы ему, еслибы одинъ изъ посланцевъ не привезъ изъ Касимова восхитительную красавицу, Фиму Всеволожскую. Увидѣвъ Фиму, Алексѣй Михайловичъ влюбился въ нее и положилъ, что быть ей царицей. Фима также въ мгновеніе ока полюбила юнаго царя, но счастью ихъ не суждено было осуществиться, ибо коварный Морозовъ, воспользовавшись услугами темныхъ людей, нагналъ на царскую невѣсту хворь. Фиму объявили порченой, царь сослалъ ее вмѣстѣ съ родными въ дальній городъ; супругой же его сдѣлалась Милославская.

Таковъ анекдотъ. Онъ могъ бы представить извѣстный интересъ въ красивомъ, талантливомъ изложеніи. Г. Всеволодъ Соловьевъ растянулъ его на триста страницъ убористой печати и изукрасилъ всевозможными подробностями, нисколько не любопытными и не характерными. Первую часть романа онъ посвятилъ пребыванію Фимы въ касимовскихъ палестинахъ. Здѣсь разыгрывается романтическая исторія. Въ Фиму влюбленъ молодой, красивый и чрезвычайно добродѣтельный дворянинъ. Онъ любитъ ее, конечно, честною, возвышенною любовью. Въ то же время, въ Фиму влюбленъ человѣкъ низкаго происхожденія, чрезвычайно недобродѣтельный, который любитъ ее нечистой, низменной любовью. Внушая къ себѣ только отвращеніе со стороны Фимы, злодѣй рѣшается овладѣть ею путемъ насилія. Онъ учиняетъ разбойническій набѣгъ на домъ Всеволожскаго, и несчастная семья только чудомъ спасается отъ свирѣпаго влюбленнаго.

Насколько поучительны и интересны подобныя «историческія детали»—совершенно ясно. Еслибы еще онѣ были написаны умѣлой рукой талантливаго романиста, тогда въ нихъ, пожалуй, отыскалось бы нѣчто поучительное и интересное. Но талантливые романисты подобными «историческими деталями» не соблазняются, оставляя ихъ въ полное распоряженіе гг. Соловьевыхъ.

Можетъ быть, нашему автору удается характеристика крупныхъ персонажей? Можетъ быть, въ «Касимовской невѣстѣ» удовлетворительно изображены Алексѣй Михайловичъ, бояринъ Морозовъ, Милославскій и т. п.? Увы, нѣтъ и этого. Морозовъ представленъ

только съ одной стороны: со стороны его «интриганства». Вѣроятно, Морозовъ не однимъ «интриганствомъ» занимался. Въ качествѣ ближайшаго совѣтника царя, въ качествѣ умнаго и энергичнаго человѣка, Морозовъ не могъ сосредоточивать всей своей дѣятельности только на интригахъ. Дѣлалъ же онъ что нибудь въ то время, когда не интриговалъ? Были у него какія нибудь потребности? Ради чего онъ добивался ближе всѣхъ стоять у трона? Говорило въ немъ самое обыкновенное честолюбіе, или его отличали и какія нибудь положительныя качества?

Рядъ поставленныхъ нами вопросовъ, конечно, не исчерпываетъ всѣхъ недоумѣній, возникающихъ при чтеніи романовъ г. Всеволода Соловьева. Эти недоумѣнія самаго примитивнаго свойства, да и можетъ ли быть иначе, если и романы г. Соловьева—самаго примитивнаго свойства. Что собственно интересуетъ автора — трудно рѣшить. Я уже сказалъ, что анекдотъ, подобный анекдоту о касимовской невѣстѣ, еще пригоденъ, какъ матеріалъ для небольшаго историческаго разсказа. Но въ немъ рѣшительно нѣтъ тѣхъ данныхъ, которыя необходимы серьезному романисту, чтобы вдохновить его воображеніе. Серьезный романистъ, вызывая образы прошлаго, воскрешая давно умершихъ важныхъ и неважныхъ дѣятелей, художественно воспроизводя внѣшнюю обстановку эпохи, доискивается этимъ путемъ до смысла событій, недостаточно ярко или недостаточно ясно представленныхъ историками-учеными. Историки-ученые располагаютъ одними аргументами; историкъ-беллетристъ—другими, болѣе доступными пониманію и оцѣнкѣ образованнаго читателя. Совершенно естественно, что вниманіе историка-беллетриста останавливается, главнымъ образомъ, на спорныхъ вопросахъ и спорныхъ сторонахъ интересующихъ его событій. Въ томъ или въ другомъ, въ существенномъ или во второстепенномъ, талантливый историческій романистъ непремѣнно окажется еретикомъ съ точки зрѣнія ученыхъ историковъ. Пусть документы допускаютъ противное толкованіе—онъ больше вѣритъ живымъ людямъ, потому что архивныхъ покойниковъ онъ сдѣлалъ живыми людьми, заставилъ ихъ говорить, думать и дѣйствовать. Онъ глубоко убѣжденъ, что изъ столкновенія такихъ-то и такихъ-то характеровъ и положеній должно было произойти то-то и то-то, а не то, что утверждаютъ ученые.—Можетъ быть, художникъ и ошибается, но если съ точки зрѣнія художественной логики онъ правъ,—самое заблужденіе его цѣнно и интересно. Мы далеко не соглашаемся, напримѣръ, съ Толстымъ, въ его взглядахъ на Наполеона, Кутузова, войну, полководцевъ, дипломатовъ и т. д., и т. д., но отрицать значеніе подобныхъ взглядовъ—нельзя; нельзя также не считаться съ ними серьезно.

Вѣдь, руководствуясь далеко невѣрной идеей, Толстой создалъ безпримѣрную эпопею, которая захватываетъ жизнь цѣлаго народа отъ высшихъ слоевъ до низшихъ, и притомъ въ эпоху исключительную. Развѣ не возможно допустить, что явится мыслитель, несравненно болѣе сильный, чѣмъ Толстой,—страдающій именно по части мышленія,—и не оставитъ отъ его исторической философіи ни единаго камня. Чрезъ это смыслъ «Войны и мира», приданный роману авторомъ, существенно измѣнится, но романъ не потеряетъ капитальнаго значенія; для характеристики же человѣка и дѣйствій человѣческихъ массъ онъ навсегда останется изумительнымъ художественнымъ созданіемъ.

Но къ чему здѣсь тревожить Толстаго! Неизмѣримо менѣе талантливые романисты-историки (Кукольникъ, Лажечниковъ, позднѣе—Костомаровъ, гр. Саліасъ, Мордовцевъ) останавливались на эпохахъ и событіяхъ болѣе или менѣе крупныхъ, вызывающихъ раздумье и сомнѣнье, исполненныхъ особеннаго интереса. Развѣ не принадлежитъ къ числу такихъ эпохъ, напримѣръ, бироновщина, борьба нѣмецкой партіи съ русской въ лицѣ Волынскаго? А пугачевщина, которой гр. Саліасъ посвятилъ нѣсколько томовъ, быть можетъ, не особенно цѣнныхъ, но во всякомъ случаѣ заслуживающихъ вниманія, уже благодаря сюжету, избранному авторомъ?

Отъ историческаго романиста мы прежде всего должны требовать, чтобы онъ занималъ насъ предметомъ достойнымъ, а не пустяками. Выше я передалъ содержаніе романа г. Соловьева: «Касимовская невѣста». Неужели этотъ анекдотъ заслуживаетъ времени, потраченнаго романистомъ на его обработку, а читателемъ — на прочтеніе ремесленно-обработаннаго анекдота? Что можетъ здѣсь остановить нашу мысль, дать ей сколько нибудь благодарную работу? Пріумножатся ли наши свѣдѣнія, если мы будемъ знать однимъ историческимъ анекдотомъ больше, и есть ли надобность въ подобномъ пріумноженіи?

Пусть бы г. Всеволодъ Соловьевъ, разсказывая безсодержательные анекдоты, пользовался ими для воспроизведенія стариннаго русскаго быта съ чисто внѣшней стороны. Но и этого нѣтъ въ романахъ нашего автора. Видимо, онъ не интересуется ничѣмъ, кромѣ сочиненія банальныхъ романическихъ подробностей.

Я уже говорилъ о безцвѣтности «героевъ» г. Соловьева. Въ той же «Касимовской невѣстѣ», помимо интригъ Морозова и безжизненнаго манкена—красавицы Фимы,—дѣйствуетъ еще юный царь Алексѣй Михайловичъ. Почему лицо, изображенное романистомъ, носитъ имя Алексѣя Михайловича? Алексѣй Михайловичъ, разумѣется, и въ юношескомъ возрастѣ отличался тѣми особенностями,

которыя опредѣленно сложились и ясно оформились въ возрастѣ болѣе зрѣломъ. Г. Соловьевъ совершенно устраняетъ изъ своего романа эти особенности. Подобно другимъ персонажамъ романа, юный царь—также не живое лицо, не производитъ никакого впечатлѣнія и не оставляетъ по себѣ никакого воспоминанія. Мы не хотимъ вѣрить автору на слово и потому спрашиваемъ: гдѣ доказательства, что юноша, названный имъ Алексѣемъ Михайловичемъ—точно Алексѣй Михайловичъ? Г. Соловьевъ, разумѣется, не въ силахъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ повторяетъ намъ разсказъ о томъ, какъ юный царь смотритъ на звѣриную потѣху, какъ онъ молится, какъ ужинаетъ въ кругу приближенныхъ бояръ. Но вѣдь такъ смотрѣть на звѣриную потѣху, такъ молиться и такъ ужинать съ боярами могъ рѣшительно каждый московскій царь, а не одинъ только Алексѣй Михайловичъ.

Банальность всѣхъ описаній и всѣхъ сценъ въ романахъ г. Всеволода Соловьева просто не поддается опредѣленію. Подобно тому, какъ словами не разъяснишь досконально, что̀ такое безцвѣтность,—нельзя передать, не обратившись къ подлиннику, всей бездны банальности въ творчествѣ г. Соловьева. Здѣсь я приведу, для примѣра, сцену выбора Алексѣемъ Михайловичемъ невѣсты—вовсе не худшую въ романѣ.

«Алексѣй Михайловичъ остановился посреди палаты, отвѣтилъ на всеобщій поклонъ.

«—Вотъ она, вотъ Марья Ильинишна,—шепнулъ ему на ухо Морозовъ, подавая на серебряномъ блюдѣ кольцо и ширинку.

«Молодой царь дрожащей рукой взялъ кольцо, взялъ ширинку и нѣсколько мгновеній стоялъ, не трогаясь съ мѣста. Вдругъ онъ поднялъ глаза, щоки его вспыхнули стыдливымъ румянцемъ, и онъ быстро сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дѣвушкамъ-невѣстамъ. У Морозова такъ забилось сердце, что онъ даже за бокъ схватился. Какъ коршунъ слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ своего воспитанника... Что же это? Что же царь не глядитъ на Милославскую, не глядитъ и на сестру ея; онъ глядитъ, не отрываясь, на другую...

«Поблѣднѣлъ, похолодѣлъ Морозовъ—сразу все понялъ онъ. Закипѣло сердце его злобой и болью.

«Увести его! увести нельзя... но вѣдь нельзя же допустить... Вѣдь это погибель»!—мелькнуло въ головѣ его. Всесильный бояринъ опустилъ руки и стоялъ, нѣмой и пораженный. А царь, между тѣмъ, остановился передъ Фимой. Она была все также неподвижна, все глядѣла въ землю. Прошло нѣсколько мгновеній. Царь хотѣлъ говорить—и не могъ, только смотрѣлъ на красавицу, только любовался ею. Наконецъ, онъ пересилилъ свое волненіе. Его губы шевельнулись, и, подавая Фимѣ кольцо и ширинку, онъ шепнулъ ей:

«—Тебя я выбираю, будь моею женой, будь царицей!..

«Притихнувшая палата мгновенно будто вся вздрогнула; всѣ задвигались... Фима отшатнулась, взглянула на царя, увидала его... Все лицо ея

преобразилось. Съ выраженіемъ безконечнаго счастья кинулась она было впередъ, но у нея подкашивались ноги и, еслибы царь не поддержалъ ея, она навѣрное бы упала. Царь взялъ ее за руку. Всѣ находившіеся въ палатѣ бросились поздравлять ихъ. Но оба они ничего не видѣли, ничего не слышали. Они чувствовали только милое прикосновеніе и, пораженные своимъ неожиданнымъ великимъ счастьемъ, глядѣли другъ на друга. Нетвердой поступью подошелъ Морозовъ къ жениху и невѣстѣ, поклонился имъ низкимъ поклономъ, поздравивъ съ радостью».

Прослѣдите всю эту сцену съ начала до конца. Царь выходитъ и останавливается. Потомъ *быстрымъ* шагомъ направляется къ невѣстамъ. Разумѣется, ни одинъ провинціальный актеръ, питомецъ дряблой рутины, не сыгралъ бы роли царя-жениха иначе: онъ вышелъ бы, остановился и непремѣнно *быстрымъ* шагомъ направился бы къ невѣстамъ. Такъ изображаютъ лубочные «психологи» движенія человѣческой души! У Морозова, конечно, должно было забиться сердце и онъ, конечно, долженъ былъ схватиться за бокъ (пожалуй, еще за правый!) и, конечно, онъ слѣдилъ за движеніями царя, «какъ коршунъ».

Морозову, въ этотъ критическій моментъ, также должна была прійти въ голову чепуха—«увести царя». И также долженъ былъ онъ немедленно сообразить, что это именно чепуха. Царю, дойдя до Фимы, непремѣнно слѣдовало остановиться, а Фимѣ слѣдовало стоять неподвижно, потупивъ очи. Что иначе могла она предпринять? Осиливъ волненіе, царь могъ лишь *шопотомъ* сказать: «тебя выбираю, будь царицей». Притихнувшей палатѣ немедленно надлежало «будто дрогнуть», а Морозову позеленѣть и *нетвердою* поступью направиться къ жениху съ невѣстой.

Ни одного неожиданнаго движенія, ни одного свободнаго жеста, ни одного горячаго слова! И намъ еще говорятъ, что «въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ», что въ старину чувствовали правдивѣе, смѣлѣе, выражали полнѣе чувства. Насъ хотятъ увлечь яркими образами этой старины и заставить преклониться передъ нею, какъ передъ чѣмъ-то высшимъ, въ сравненіи съ жалкой современностью.

Нѣтъ, такой стариной нельзя увлекаться и преклоненія она не заслуживаетъ. Но вотъ въ чемъ бѣда: не налгалъ ли г. Соловьевъ на старину, не обезцвѣтилъ ли ее своимъ банальнымъ пониманіемъ и изображеніемъ? Обыкновенный человѣкъ представляетъ себѣ всѣ событія и явленія совершающимися «по обыкновенному». Самъ обыкновенный человѣкъ-авторъ вполнѣ удовлетворяетъ обыкновенныхъ людей-читателей, разсказывая имъ были и небылицы, согласно шаблону обыкновенности. Если дѣвица смущена—ей надлежитъ глазки потупить... Ну, конечно. Какой тонкій художникъ этотъ

авторъ, какъ онъ все чудесно понимаетъ! Если у интригана хитрая комбинація сорвалась,—интриганъ долженъ позеленѣть и утратить твердость походки. Ну, разумѣется. Вотъ глубоко-вѣрныя, геніально-подмѣченныя черты!

И такъ далѣе—во всѣхъ положеніяхъ, во всѣхъ подробностяхъ.

Нуженъ громадный талантъ, чтобы побѣдить въ читателѣ «чувство обыкновенности», чтобы читатель не спрашивалъ: «какъ же это она? Сконфузилась, а между тѣмъ глазъ не потупила и принялась оживленно говорить»? Или: «какъ же это? Онъ сорвался, остался въ дуракахъ, а между тѣмъ не только не позеленѣлъ, но еще расцвѣлъ, изобразивъ на лицѣ улыбку, и пустился любезничать».

II.

Въ произведеніяхъ писателей талантливыхъ, но не геніальныхъ, мы иногда отмѣчаемъ положенія, которыя кажутся намъ неправдоподобными, фальшиво задуманными и неудачно сдѣланными. Дѣйствительно, когда есть матеріалъ для сравненія, слабое оттѣняется, бросается въ глаза. Если за сценой, полной жизни, движенія, тонкаго психологическаго анализа, очаровательныхъ художественныхъ подробностей, слѣдуетъ сцена вялая, банальная, тусклая — маломальски понимающій читатель тотчасъ же замѣтитъ ее и вмѣнитъ автору въ недостатокъ. Но что вы будете дѣлать съ произведеніемъ, *сплошь* вялымъ, банальнымъ и тусклымъ? Вы должны или прямо выбросить его за окно, какъ выбрасывалъ Наполеонъ I всѣ случайно прочитанные имъ романы, или признать, что авторъ хоть и не богъ вѣсть какой великій писатель, но все у него правильно, согласно съ дѣйствительностью, нигдѣ нѣтъ нелѣпостей. Обыкновенный читатель именно такъ и поступаетъ. Банальность не оскорбляетъ его, не рѣжетъ ему глазъ. «Потупила очи»—великолѣпно. Развѣ не потупляютъ очей, когда смущаются? Позеленѣлъ отъ злости—еще того лучше. Отъ злости хочешь не хочешь—позеленѣешь. Банальность обманываетъ недостаточно развитаго въ эстетическомъ отношеніи читателя и чудесно сходитъ за «художественную правду». Не пытайтесь спорить съ читателемъ этой категоріи: онъ никогда не согласится съ вашими доводами. Да и г. Соловьевъ... Развѣ г. Соловьевъ не стоитъ на уровнѣ «обыкновеннаго читателя». Еслибъ онъ стоялъ на иномъ уровнѣ, онъ попытался бы хоть однимъ живымъ, свѣжимъ словомъ, хоть однимъ оригинальнымъ стилистическимъ оборотомъ разогнать сумракъ своего убійственнаго, удручающаго «сплошняка»! Описываетъ, напримѣръ, г. Соловьевъ князя Константина Острожскаго, борца за православіе и русскую народ-

ность. «Фигура его (князя Острожскаго) была такого рода, что какъ бы онъ ни одѣвался, *его нельзя было смѣшать съ толпою* (курсивъ здѣсь и ниже мой). Онъ былъ довольно высокаго роста и полонъ. Вокругъ большаго, прекрасной формы, лба *порѣдѣли и посѣдѣли мягкіе волосы*; длинная борода еще больше блестѣла сѣдиною, но въ открытыхъ голубыхъ глазахъ, въ свѣжемъ цвѣтѣ лица и въ улыбкѣ еще много *жизни, силы и здоровья*». Все тутъ въ этомъ описаніи на лицо. Нѣтъ одного: *чѣмъ* отличался князь Острожскій отъ толпы, *почему* его нельзя было смѣшать съ другими. Вѣроятно, въ Острогѣ, во времена князя Константина, можно было встрѣтить немало старцевъ съ длинными сѣдыми бородами, съ лицами свѣжими и жизнерадостными, съ улыбкой, свидѣтельствующей о силѣ и здоровьѣ. А если можно было встрѣтить такихъ старцевъ, то можно было и князя Острожскаго съ ними смѣшать. А между тѣмъ портретъ намалеванъ по всѣмъ правиламъ: и носъ на мѣстѣ, и улыбка жизнерадостная, и борода длинная, сѣдая. Очевидно, не въ правилахъ суть, а въ талантѣ, котораго у г. Соловьева нѣтъ и который единственно способенъ подсказать, чѣмъ именно выдѣляется незаурядный человѣкъ изъ толпы,—въ какомъ бы онъ ни явился одѣяніи.

Далѣе, у того же опять Острожскаго «въ счастливыя минуты внутренняго довольства лицо поражало откровенной добротой и необыкновенной привлекательностью. Въ минуты гнѣва оно бывало грозно, и врядъ ли можно было найти человѣка, который бы не поблѣднѣлъ, встрѣтясь тогда съ его блестящимъ взглядомъ».

У каждаго человѣка лицо «въ счастливыя минуты внутренняго довольства» привлекательно и болѣе или менѣе добродушно. Усугубите привлекательность, возведите въ квадратъ добродушіе, и портретъ «героя» готовъ. То же самое и относительно гнѣва. Заурядиѣйшій смертный мечетъ въ гнѣвѣ молніи. Только не всѣхъ онѣ пугаютъ; молніи же, которыя мечетъ «герой», пугаютъ и поражаютъ всѣхъ. Разница очевидна, «художественный пріемъ» также всѣмъ ясенъ. Подобнымъ «художественнымъ пріемомъ» г. Всеволодъ Соловьевъ пользуется безпрестанно и неукоснительно. Злодѣевъ мажетъ черной краской, героевъ разрисовываетъ въ яркіе цвѣта.

Познакомившись съ описаніями нашего автора и его «психологіей (сцена выбора невѣсты), приведемъ еще одну сцену, изъ которой видно, какъ авторъ комбинируетъ описательный, психологическій и иной матеріалъ, а кстати,—въ какой мѣрѣ онъ владѣетъ юморомъ.

По заславской дорогѣ ѣхала «блестящая кавалькада изъ девяти

всадниковъ». Впереди, на ворономъ жеребцѣ, статный молодой человѣкъ; за нимъ юноша «въ такихъ же богатыхъ одеждахъ и два человѣка среднихъ лѣтъ, изъ которыхъ одинъ отличался значительною толщиною и замѣчательно длинными усами» (вы ужь догадываетесь: это «юмористическій» персонажъ). Далѣе, въ нѣкоторомъ разстояніи ѣхали пять служителей. Молодой человѣкъ обернулся и остановилъ свѣтлые, большіе глаза на красномъ, жирномъ лицѣ своего толстаго спутника.

«— Эхъ-ма, Иванъ Петровичъ,—сказалъ онъ, улыбаясь,—вижу твое лютое мученіе и чуетъ мое сердце, что ты проклятію предаешь меня, чуть ли не съ самыхъ Сорочей.

«—Не то, князь!—отвѣчалъ Иванъ Петровичъ густымъ басомъ («юмористическій персонажъ»).—Мнѣ что?—толстъ, толстъ, да не такіе концы могу еще отхватывать, а вотъ что не дѣло, такъ не дѣло. Ну, гдѣ же видано, чтобы на такой праздникъ, да еще и на освященіе, выѣзжать до восхода солнечнаго и гнать, словно за нами вражья сила, когда всѣ къ князю Константину за день, да за два съѣзжаются... Мало что ль хоромъ у него понастроено.

«— Такъ тебѣ, небось, хотѣлось, чтобы я такъ, не дождавшись зову, и поѣхалъ. Когда гонецъ-то отъ князя прискакалъ? Вчера къ вечеру—ну я и ѣду. А не прислалъ бы гонца, такъ и не поѣхалъ бы.

«— И дѣло!—вмѣшался въ разговоръ другой всадникъ,—такъ и князь, родитель твой покойный, вашей милости передъ смертью наказывалъ: крѣпко держись, никому не позволяй себѣ на ногу наступать; будь близокъ къ князю Острожскому, но и отъ него требуй себѣ почтенія. Сангушки не хуже Радзивиловъ да Острожскихъ. Какъ покойника отца твоего князь Константинъ всегда звать почетнаго гонца посылалъ, такъ и къ сыну его и наслѣднику посылать долженъ.

«— Такъ-то оно такъ,—согласился Иванъ Петровичъ,—да ужь больно жарко намъ, а въ церкви, небось, почитай, что до полдня выстоять придется.

«Розовый юноша, давно ужь наслаждавшійся комическимъ положеніемъ, въ которое толщина ставила Ивана Петровича (вотъ гдѣ юморъ-то!), не выдержалъ и разсмѣялся.

«Улыбнулся и князь.

«— А тебя, пострѣлъ Ѳедька, и брать вовсе не слѣдовало,—пробасилъ толстякъ, притворяясь разсерженнымъ (опять юморъ).—И чего ты это, ваша милость, разбаловалъ такъ мальчишку!—обратился онъ къ князю.

«— Ну, не ворчи, старый,—успокоивалъ его князь,—вѣдь самъ ты небось, послѣ того какъ Ѳедя вытащилъ меня совсѣмъ безчувственнымъ изъ Сорочскаго озера, называлъ его моимъ храбрымъ оруженосцемъ—такъ оруженосецъ-то всюду долженъ слѣдовать за своимъ рыцаремъ, не баловства ради, а охраны.

«— Ишь ты, хранильщикъ выискался!—не унимался Иванъ Петровичъ,—а поди, приключись что, нападни на дорогѣ лихой человѣкъ, такъ Ѳедюшка нашъ первый, какъ баба, со страху разрюмится.

«Но такого обиднаго предположенія юноша снести ужь никакъ не могъ. Онъ даже поблѣднѣлъ и гнѣвно сверкнулъ глазами на обидчика (конецъ «юмора»).

«— У меня только и дума одна, — задыхаясь отъ волненія, началъ онъ,—какъ бы по настоящему, не изъ подъ опрокинувшейся лодки, а отъ мечей вражескихъ защитить и спасти моего князя, а самому умереть за него, да и не знаю я, кто изъ насъ двухъ, я или Иванъ Петровичъ Голынскій, съ перепугу захнычетъ...

«— Молчи, щенокъ!—крикнулъ толстякъ, сердясь уже не на шутку.

«— Никакъ вы и взаправду свару затѣяли,—оглянулся князь съ недовольнымъ видомъ,—нашли время»!..

Этой выпиской, полагаю, можно закончить подробное обозрѣніе художественныхъ пріемовъ и характеристику «творчества» г. Всеволода Соловьева. Приведенная сцена, нужно сказать, прямо дикая сцена. Ни съ того, ни съ сего, чортъ съ младенцемъ связавшись, начинаютъ ссору. Изъясняются они на какомъ-то семинарско-купеческомъ жаргонѣ, хотя чувства проявляютъ самыя отмѣнныя. Особенно хорошъ юноша, спасшій князя Сангушко изъ подъ опрокинувшейся лодки. Спасеніе изъ подъ опрокинувшейся лодки, пламенное желаніе умереть за любимаго князя, подтруниваніе надъ уставшимъ толстякомъ, шуточная перебранка, переходящая въ серьезную — все это признакъ дѣйствительности, въ родѣ опущенныхъ долу глазъ смутившейся дѣвушки и потемнѣвшей физіономіи сорвавшагося интригана. Г. Соловьевъ остается неизмѣнно вѣренъ себѣ, не свернетъ ни разу съ рутинной колеи. Да и къ чему сворачивать? Посредствомъ необычайно простыхъ «художественныхъ пріемовъ» онъ создаетъ цѣлые вороха историческихъ анекдотовъ, вполнѣ заслуживающихъ, по размѣрамъ, названія романовъ. Подобному литературному дѣятелю не нужно рѣшительно ничего, кромѣ усидчивости. Не нужно даже эрудиціи, ибо какая же эрудиція у г. Всеволода Соловьева? Да простится намъ смѣлая «гипотеза»; но мы убѣждены, что историческія свѣдѣнія г. Соловьевъ почерпнулъ во время чтенія корректуръ «исторіи» своего почтеннаго отца и дальше этой корректорской начитанности не пошелъ.

Съ легкой руки г. Всеволода Соловьева, quasi - историческихъ романистовъ у насъ расплодилось видимо-невидимо. Бездарные и, въ большинствѣ случаевъ, совершенно невѣжественные, они производятъ путаницу въ умахъ своихъ полуобразованныхъ читателей. Нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь «художественно-историческими» пріемами, практикуемыми г. Соловьевымъ, пытаются оригинальничать, по своему освѣщать событія и людей. Оригинальничанье доходитъ до того, что Аракчеева нѣкоторые лубочные романисты изображаютъ ангеломъ доброты и невинности, безжалостно перевирая и подтасовывая факты.

Если вы прибавите къ этимъ очаровательнымъ свойствамъ

quasi-историческихъ романистовъ варварскій, безграмотный языкъ, полное неумѣнье распоряжаться и безъ того не особенно цѣннымъ матеріаломъ; наконецъ, массу наивныхъ и дикихъ подробностей, самими авторами придуманныхъ—представленіе о «лубочномъ историческомъ романѣ» получится полное. Итакъ, вотъ кѣмъ и чѣмъ удовлетворяется интересъ къ старинѣ, проснувшійся даже въ полуобразованной средѣ. Вотъ кто принялъ на себя трудъ «повѣдать православнымъ земли родной минувшую судьбу»!

Во истину: вмѣсто хлѣба—камень.

К. Медвѣдскій.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

I.

Мой предыдущій обзоръ современнаго движенія въ области точныхъ знаній былъ заключенъ сообщеніемъ свѣдѣнія, что химики, утомленные неудобствами терминологіи, принятой въ химіи органической, собирались сговориться о введеніи новой номенклатуры, менѣе тягостной для слуха и языка и менѣе зараженной предвзятыми мыслями о частичномъ строеніи органическихъ веществъ. Совѣщаніе это и состоялось лѣтомъ 1893 года; но только результаты его едва ли можно считать удовлетворительными. Варварская терминологія осталась, только ее немного упорядочили, систематизировали. Чтобы понять, въ чемъ дѣло, представимъ себѣ, что зоологи собрались на съѣздъ для установленія возможно-однообразной и всеохватывающей номенклатуры животныхъ да и рѣшили: слово: «человѣкъ» уничтожить, какъ не имѣющее научнаго смысла, а ввести вмѣсто него въ науку и въ разговоры слово (одно): «звѣрь-двуного-двуруко-стое-ходящій», или «млекопитающе-алантандно-четверо-конечно-стопо-ходящее животное». Каково было бы положеніе говорящаго человѣчества отъ такой «научной» терминологіи?.. А между тѣмъ гг. химики именно остановились на чемъ-то подобномъ: простыя слова, хотя бы уже установившіяся въ наукѣ и въ общемъ говорѣ, имъ ненавистны, и отнынѣ они должны говорить: вмѣсто глицерина, вычеркиваемаго изъ науки и жизни,— пропанъ-тріоль, а вмѣсто меркоптана—этанъ-тіоль. Да это еще не очень хитрыя названія, а вотъ не угодно ли прочитать и выговорить вслухъ: этаноилтриметилметанъ или метофенилсидразинъ? И это еще для веществъ, составляемыхъ изъ трехъ или четырехъ элементовъ (химически простыхъ тѣлъ); а что будетъ съ болѣе сложными?!.. Не смотря на то, международная комисія «столповъ» химіи приглашаетъ редакторовъ химическихъ журналовъ, а за ними и весь образованный міръ, держаться установленной ею тарабарщины, «прилагать установленные ею принципы»! Будемъ надѣяться, что это ненадолго и что химики начала XX-го столѣтія произведутъ

болѣе серьезную реформу въ ихъ научномъ словарѣ, вспоминая хоть бы слѣдующій анекдотъ, въ настоящее время имѣющій большой практическій смыслъ. Ученикъ, во время лекціи, встаетъ и поднимаетъ руку (знакъ его желанія выйти изъ класса); учитель, вмѣсто обычнаго наклоненія головы въ знакъ согласія, говоритъ: «можете, господинъ Иксъ, выйти: я думаю, что при возвращеніи вашемъ я буду еще при концѣ того самаго слова, которое теперь началъ. Вы его тогда спишете у товарищей и основательно выучите».

А между тѣмъ химія—самая общеинтересная, самая привлекательная изъ естественныхъ наукъ; слѣдовало бы сказать: и самая дѣльная, потому что она одна изъ всѣхъ имѣетъ дѣло съ предметомъ, не представляющимъ никакого сомнѣнія, съ матеріей, веществомъ и его разными видами. Ей, собственно говоря, вполнѣ чужда всякая схоластика; ея шаги впередъ суть шаги наблюденія и опыта, не подтасованные никакими предвзятыми мыслями, хотя и дающіе пищу философскому уму. По счастію, эти дѣловые шаги мало зависятъ отъ гипотетическихъ системъ и классификацій, а потому и химія дѣлаетъ чрезвычайно быстрые успѣхи. Прежде всего, ей нужно установить: со сколькими видами матеріи имѣетъ она дѣло? Обыкновенно, въ наше время, ихъ насчитываютъ 70; но въ ряду ихъ есть очевидные пропуски, открываемые теоріей нашего знаменитаго ученаго г. Менделѣева, нынѣ принятою всѣми передовыми химиками Германіи, Швейцаріи, Франціи, Англіи, Бельгіи и т. д. Соображеніе объ этихъ пропускахъ навело уже на открытіе галлія и двухъ другихъ металловъ; теперь оно же послужило основаніемъ къ отыскиванію и дѣйствительному открытію еще новаго вещества, масрія. Этотъ металлъ, принадлежащій по своимъ химическимъ качествамъ къ группѣ щелочныхъ земель—глиція, кальція, стронція, барія,—открытъ недавно въ Каирѣ англичаниномъ Д. Ричмондомъ и туземнымъ египетскимъ ученымъ Хуссейномъ-Оффомъ. Такъ какъ пока онъ извѣстенъ лишь въ видѣ соединеній съ другими элементами, то обстоятельнаго описанія его сдѣлать нельзя; но онъ долженъ имѣть вѣсъ пая въ 225. Нужно надѣяться, что широкое приложеніе спектральнаго анализа скоро приведетъ насъ къ составленію болѣе или менѣе полнаго списка химическихъ элементовъ, и тогда химикамъ останется начать изученіе кристаллическихъ формъ этихъ элементовъ, чтобы создать математическую, т. е. вполнѣ научную химію, въ которой не будетъ мѣста схоластически-вздорнымъ классификаціямъ и варварской терминологіи. Стереохимія, которой зачатки уже находятся въ недавнемъ трудѣ Фанъ-тенъ-Гофа, станетъ настоящею наукою о тѣ-

лахъ или веществахъ, образующихъ природу не случайною группировкою, а по опредѣленнымъ геометрическимъ и механическимъ законамъ, не смотря на свое видимое разнообразіе.

II.

Въ ожиданіи этого счастливаго времени, остановимся на современныхъ опытахъ, посвященныхъ изученію физическихъ и химическихъ свойствъ простыхъ тѣлъ, которыхъ взаимодѣйствіе и составляетъ предметъ изученія химіи. Тутъ много новаго даютъ наукѣ процессы охлажденія веществъ и электризованія ихъ. Охлаждать тѣла твердыя, жидкія и газообразныя ниже 40—50° Ц., то есть температуры самыхъ большихъ зимнихъ холодовъ, люди научились всего полвѣка тому назадъ, именно со времени обращенія въ жидкость и потомъ въ твердое, снѣгоподобное тѣло углекислаго газа. Приводя этотъ снѣгъ въ соприкосновеніе съ металлическимъ сосудомъ, въ которомъ содержится какое нибудь вещество, и давая углекислотѣ испаряться, можно охладить сосудъ и содержимое въ немъ до—90° Ц.; а если вмѣсто одной углекислоты взять смѣсь ея съ сѣрнистою кислотою, тоже обращенной въ жидкость, то температура понизится до—110° Ц. (Явленіе замѣчательное, ибо одна сѣрнистая кислота охлаждаетъ лишь до—60°, а одна углекислота, какъ сказано, лишь до—90°). Когда мы достигли такого холода, то можемъ идти и далѣе внизъ по термометрической скалѣ, до—150° Ц.; только ужь нужно имѣть въ распоряженіи еще сильнѣе охлаждающія вещества, напримѣръ, сверхъ углекислоты, жидкую азотистую окись или этиленъ. Помощью одного изъ послѣдне-названныхъ веществъ можно добиться холода въ—150°; но вмѣстѣ ихъ употреблять не слѣдуетъ, во избѣжаніе взрыва. Употребляя одну азотистую окись въ жидкомъ видѣ, Рауль Пиктэ, извѣстный женевскій физикъ, а вмѣстѣ и фабрикантъ охладительныхъ веществъ, успѣлъ, на своей фабрикѣ въ Берлинѣ, добиться мороза въ—155° Ц. Чтобы идти дальше, нужно было сначала обратить, посредствомъ извѣстныхъ уже веществъ, въ жидкость: кислородъ, азотъ, угольную окись, а всего лучше воздухъ; это и было достигнуто, причемъ воздухъ, сверхъ охлажденія, подвергался въ сосудѣ давленію отъ 40 до 90 атмосферъ. Тогда получилась жидкая смѣсь азота и кислорода, которая можетъ, при испареніи, охлаждать тѣла до 210°. Сначала, еще лѣтомъ 1893 г., думали, что это—предѣлъ низкихъ температуръ, достижимыхъ физиками и химиками; но осенью того же года Р. Пиктэ успѣлъ получить холодъ въ—250° Ц., при которомъ многія химическія соединенія сами собой разлагаются на простыя тѣла,

диссоціируются, и уже не возстановляются, когда температуру опять повысятъ. Термометромъ Раулю Пиктэ служилъ снарядъ, наполненный водородомъ.—Любопытно, что жидкій воздухъ, вырываясь изъ откупореннаго сосуда, гдѣ онъ былъ сжатъ, обнаруживалъ прекрасный лазуревый цвѣтъ, какъ атмосфера, гдѣ онъ находится однако въ очень разрѣженномъ состояніи.

Пиктэ пользуется нынѣ приготовленіемъ сильно охлаждающихъ веществъ для четырехъ научныхъ и практическихъ цѣлей. Во 1-хъ, помощью сильнаго охлажденія онъ очищаетъ жидкія и газообразныя тѣла отъ посторонннихъ примѣсей, которыя сгущаются и осѣдаютъ раньше охладителей; во 2-хъ, онъ устраиваетъ химическія соединенія простыхъ тѣлъ, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ не соединяются, а будучи заморожены и сжаты, вступаютъ въ химическую связь, или же, при очень низкихъ холодахъ, наоборотъ, разлагаются на элементы; въ 3-хъ, онъ, производя охлажденіе тѣлъ, изучаетъ происходящія въ нихъ при этомъ перемѣны частичнаго строенія, при обыкновенныхъ условіяхъ вовсе не замѣчаемыя. Такъ, при кристаллизаціи замороженной ртути онъ получаетъ группировку частицъ этого металла въ видѣ узоровъ, которые мы наблюдаемъ на оконныхъ стеклахъ во время сильныхъ морозовъ и которые зависятъ отъ кристаллизаціи паровъ воды. Подобные же узоры даетъ замерзающій хлороформъ. Въ 4-хъ, Пиктэ дѣлаетъ, при помощи охлаждающихъ веществъ, опыты надъ животными, надъ ихъ выносливостью къ ощущеніямъ холода, и не надъ одними высшими, когда морозъ въ—60° Ц. непремѣнно причиняетъ смерть, а самое кратковременное прикосновеніе къ тѣлу, охлажденному до—110°, неизлѣчимый обжогъ, но даже надъ микробами, которыя, повидимому, болѣе живучи. Вспомнивъ, что микробы выдерживаютъ и жару до+110° Ц., мы должны заключить, что термометрическія условія ихъ жизни гораздо шире, напримѣръ, бытія человѣка. Быть можетъ, подобные мелкіе организмы и появились на землѣ не при 40° тепла, какъ обыкновенно признается біологами для животныхъ, а гораздо ранѣе, когда водяные пары едва начали осаждаться изъ атмосферы на поверхность почвы въ видѣ жидкости.. Вотъ передъ нами—широкое поле для космогоническихъ гипотезъ и для придумыванія соотвѣтственныхъ повѣрочныхъ опытовъ.

Теперь, не выходя изъ той же области физико-химическихъ открытій и изслѣдованій послѣдняго года, скажемъ нѣсколько словъ о публичныхъ лекціяхъ профессора Дьюора (Dewar) въ Royal Institution, въ Лондонѣ. 10 іюня 1893 г. онъ явился предъ своими слушателями съ цѣлою пинтою (около полуштофа) жидкаго

кислорода и въ то же время обратилъ въ жидкость часть окружающаго воздуха при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи въ 760 миллиметровъ. Этотъ послѣдній опытъ, дѣлавшійся на глазахъ публики, былъ очень эффектенъ. Профессоръ, заключивъ часть воздуха въ стеклянную трубку съ отверстіемъ, поливалъ ее легкою струею жидкаго кислорода, и охлажденіе производило свои послѣдствія. При этомъ кислородъ и азотъ въ трубкѣ обращались въ жидкость одновременно, но спеціальныхъ качествъ своихъ не утрачивали и, напр., азотъ, по прекращеніи охлажденія, закипалъ скорѣе кислорода, т. е. при температурѣ на 10° Ц. низшей, чѣмъ послѣдній газъ. Удерживая температуру трубки на такомъ градусѣ, чтобы кислородъ еще не закипалъ, а азотъ уже испарялся, можно воздухъ совсѣмъ разложить: азотъ улетитъ, а кислородъ останется. Это новый пріемъ въ аналитической химіи, въ практичности котораго легко убѣдиться, вводя въ освобожденную отъ азота трубку погашенную лучинку, которая немедленно вспыхиваетъ пламенемъ.— Дьюоръ, не ограничиваясь такимъ анализомъ жидкаго воздуха, сдѣлалъ еще и другой опытъ: онъ подвергнулъ жидкость дѣйствію сильнаго электромагнита и видѣлъ, что кислородъ сгущается у одного полюса, а азотъ у другаго.

То, что здѣсь изложено, я увѣренъ, покажется занимательнымъ даже тѣмъ, которые умъ человѣка цѣнятъ по успѣхамъ въ латинской грамматикѣ Цумпта и особенно по безошибочному употребленію герундіевъ, супиновъ и сослагательныхъ наклоненій. Но въ области физико-химіи за послѣднее время сдѣлано много изысканій и еще болѣе интересныхъ для чистой науки и для практической жизни. Долгое время всѣ были увѣрены, что азотъ не горитъ въ кислородѣ, что не только азотную кислоту, содержащую пять паевъ кислорода на одинъ азота, но и азотистую окись, гдѣ кислорода всего одинъ пай, горѣніемъ получить нельзя. А вотъ Круксъ, въ засѣданіи лондонскаго королевскаго общества, показалъ, что азотъ можетъ въ кислородѣ горѣть и давать прямо азотную кислоту. Для этого только нужно имѣть очень длинную электрическую искру (до 2 метровъ) и пропускать ее черезъ смѣсь данныхъ газовъ. Подобная искра, имѣющая чаще всего видъ опрокинутой ижицы (ʌ), получается обыкновенно отъ тока силою въ 50 или даже 100 тысячъ вольтовъ. Она сожигаетъ азотъ въ кислородѣ, но только лишь въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ собою, а воспламенить всей массы не можетъ. Иначе, замѣчаетъ Круксъ, одной порядочной грозы было бы достаточно, чтобы воспламенить нашу атмосферу и сжечь ее до конца: замѣчаніе или выводъ, имѣющіе широкій космическій смыслъ.

Связь между химическими явленіями и электричествомъ и даже магнетизмомъ давно извѣстна, и электрическіе удары и токи имѣютъ широкое приложеніе въ химіи. Вотъ новость, показывающая, что эта связь проявляется въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ. Г. Андрьюсъ представилъ, въ ноябрѣ 1893 г., лондонскому королевскому ученому обществу опытъ съ двумя стальными палочками, изъ которыхъ одна была предварительно намагничена, а другая, совершенно сходная, нѣтъ. Погрузивъ ихъ одновременно и при одинакихъ условіяхъ въ растворъ хлористой мѣди, г. Андрьюсъ показалъ, что, черезъ нѣсколько часовъ, вѣсъ магнетизированной палочки убываетъ сильнѣе, чѣмъ простой. Средній выводъ изъ 29 опытовъ обнаружилъ усиленіе химическаго дѣйствія подъ вліяніемъ магнетизма равнымъ 3%, даже если палочка была намагничена слабо.

III.

Современные химики работаютъ и не въ одной сферѣ высшихъ вопросовъ науки, а весьма часто являются простыми техниками для рѣшенія вопросовъ практической жизни. Такъ, въ Швеціи химики придумали новое взрывчатое вещество, которому, быть можетъ, суждено вытѣснить всѣ такъ называемые бездымные сорта пороха. Вещество это называется апиритъ и состоитъ изъ азотно-кислой целлюлозы. Горитъ безъ пламени и дыма, ствола оружія не нагрѣваетъ, перевозится безъ опасности взрыва и, въ заключеніе, не боится теплоты и сырости, вредно отзывающихся, напр., на мелинитѣ. Послѣ 800 выстрѣловъ, сдѣланныхъ апиритомъ, не остается въ стволѣ ружья никакого осадка или грязи. При стрѣльбѣ изъ новаго шведскаго карабина, $3^1/_2$ грамма апирита, составляющіе зарядъ, даютъ пулѣ начальную скорость 640 метровъ (2,000 фут.) въ секунду, т. е. неменьшую, чѣмъ всѣ остальные сорта бездымнаго пороха, придуманные въ послѣднія пять лѣтъ. Будетъ ли предпочтительнѣе апирита взрывчатый составъ только что (въ ноябрѣ) предложенный швейцарскому правительству Раулемъ Пикте, мы не знаемъ; но по отзыву автора онъ, не уступая всѣмъ прочимъ [1]) въ силѣ, имѣетъ качество быть то ломающимъ и разрывающимъ вещи мгновенно (что очень важно при взрывѣ скалъ), то развивающимъ силу верженія постепенно, не рарывая оружія (порохъ пушечный, ружейный). Вѣроятно, это зависитъ отъ пропорціи составныхъ частей.

[1]) И такъ много, что англійскій артиллеристъ Кёндилль недавно издалъ цѣлый «Словарь взрывчатыхъ веществъ».

Въ противоположность апириту и другимъ веществамъ, назначеннымъ для разрушенія [1]), вотъ новое вещество,—окись метилена,—которое должно служить отличнымъ охранителемъ живыхъ тѣлъ отъ гніенія и производящихъ его микробовъ. Окись метилена, или муравьино-кислый альдегидъ, составляетъ открытіе Фрилья и, вѣроятно, замѣнитъ въ хирургической практикѣ двухлористую ртуть, опасную для организма. Вещество это сгущаетъ бѣлокъ; приготовляется очень легко и, стало быть, представляетъ очень удобный и полезный аптечный продуктъ.

Нѣмецкій технологъ Матеусъ недавно началъ приготовлять винный спиртъ изъ торфа. Не то, чтобы это было очень ново, особенно послѣ приготовленія *на заводахъ* алкоголя изъ дерева; но важно то, что торфяной спиртъ доселѣ обходился дороже древеснаго, а тѣмъ болѣе картофельнаго. Теперь же можно будетъ получать его дешевле, разумѣется, тамъ, гдѣ торфъ изобиленъ да и сѣрная кислота, нужная для его обработки, не дорога.—Конечно, это спиртъ не для питья, а для горѣнія.

А вотъ—изобрѣтеніе химиковъ въ другой технической сферѣ, очень скромной, но практически очень немаловажной. Всѣ желѣзныя постройки, напр., корабли, крыши домовъ, въ Америкѣ самые дома, и пр., для предохраненія отъ ржавчины и для подготовки подъ краску, приходится покрывать сурикомъ, варенымъ въ маслѣ. Это продуктъ довольно дорогой, а главное небезвредный для желѣза, которое онъ прикрываетъ. Теперь найдено, что свинецъ, составляющій основу сурика, можно замѣнить желѣзомъ, то есть вмѣсто сурика употреблять особаго рода охру, состоящую изъ безводной окиси желѣза. Краска, приготовленная изъ этого вещества, не только предохраняетъ желѣзныя вещи отъ ржавчины, но придаетъ имъ блестящій видъ. Она притомъ выдерживаетъ перемѣны температуры и влажности, не боится не только горячей воды, но сѣрнистой кислоты и амміака, щелочей и морской соленой воды. Наконецъ, эта краска, наведенная въ два слоя, не требуетъ окрашиванья предмета какою нибудь другою, какъ это дѣлается по сурику: отсюда сбереженіе 10 копѣекъ на каждый квадратный метръ окрашиваемой поверхности.

Въ противоположность этому, нечувствительному къ внѣшнимъ вліяніямъ, веществу, вотъ другое, которое, напротивъ, чрезвычайно впечатлительно къ самымъ нѣжнымъ вліяніямъ свѣтоваго эфира. Это

[1]) Въ ноябрѣ 1893 г. послѣдовало одно изъ такихъ разрушеній въ Сантандерѣ, въ Испаніи, гдѣ взрывъ динамита на одномъ кораблѣ былъ причиною разрушенія многихъ домовъ въ городѣ и смерти или изувѣченія 600 человѣкъ населенія. Старый селитряный порохъ такихъ катастрофъ не производилъ.

желатинъ, приготовляемый для фотографіи, по способу пражскаго техника Якова Гусника. Способъ этотъ очень простъ и состоитъ въ примѣшиваніи къ размягченному желатину глицерина (по теперешнему: пропанъ-тріоля) въ пропорціи 25 кубическихъ сантиметровъ на килограммъ желатина. Приготовленные изъ этой массы листы, толщиною въ $^3/_4$ миллиметра, высушиваются и сохраняются въ складахъ неопредѣленно-долгое время, не теряя качествъ, нужныхъ для свѣтописи.

IV.

Техническія приложенія химіи такъ многочисленны, что нѣтъ возможности перечислить здѣсь даже тѣ, которыя придуманы въ одномъ 1893 году и были выставлены на «всемірной ярмаркѣ» въ Чикаго. Поэтому оставимъ ихъ и обратимся къ минералогіи, гдѣ созидательная дѣятельность физико-химическихъ силъ даетъ наиболѣе долговѣчные результаты. Не такъ давно минералоги имѣли удовольствіе открыть въ аэролитахъ, т. е. въ тѣлахъ, упавшихъ на землю изъ небесныхъ пространствъ, кристаллы алмаза, которые и были показаны парижской академіи наукъ минералогомъ Мальяромъ. Алмазы эти черны, какъ нерѣдко случается и на землѣ; но они имѣютъ ту же твердость, ту же геометрическую форму, какъ бѣлые, желтые и синеватые, встрѣчаемые въ земныхъ толщахъ.—Рядомъ со спектральнымъ анализомъ, обнаруживающимъ химическую природу самыхъ отдаленныхъ звѣздъ, эти находки земныхъ минераловъ въ тѣлахъ, проникнувшихъ къ намъ извнѣ, лучше всего убѣждаютъ въ вещественномъ единствѣ вселенной и въ тожествѣ физико-химическихъ законовъ, ею управляющихъ и не знающихъ исключеній.

Въ виду ширины такого вывода и его космической важности, мелочными могутъ показаться открытія въ области минералогіи чисто земной; а между тѣмъ они бываютъ иногда не лишены интереса. Вотъ г. Муассанъ—тотъ самый, что̀ выдѣлилъ изъ соединенія фторъ, прежде не дававшійся химикамъ,—въ электрическомъ горнѣ приготовилъ прошлою осенью алмазы, правда, еще черные, но имѣющіе блескъ и твердость настоящихъ алмазовъ. Вотъ г. Террейль представилъ парижской академіи наукъ ярко-зеленую глину, цвѣтомъ похожую на малахитъ, но другими свойствами напоминающую обыкновенную сукновальную глину. Она очень нѣжна наощупь, прилипаетъ къ языку и по высушеніи распадается въ мелкій порошокъ. Но направьте на нее пламя паяльной трубки, и вы получите твердую эмаль, цвѣта мясно-краснаго и блестящую. Химическій анализъ показываетъ, что эта токантинская (изъ Бразиліи) глина

содержитъ, на 100 частей глинозема, перекиси желѣза, извести и магнезіи, не болѣе 1.69 окиси хрома, и ей-то она обязана своими качествами хамелеона. Подъ вліяніемъ паяльной трубки зеленая окись хрома преобразуется въ красную и розовую. Это наглядный примѣръ того, какъ минеральныя вещества, особенно горныя породы, составляющія земную кору, преобразуются внѣшнимъ образомъ, оставаясь въ сущности, по химическому составу, почти тѣми же самыми.

Въ данномъ примѣрѣ оказывается вліяніе на цвѣтъ минеральныхъ веществъ теплоты; а вотъ примѣръ вліянія свѣта. Всякій знаетъ, что при дѣйствіи хлора на растворы солей серебра осаждается бѣлый порошекъ хлористаго серебра, который, будучи оставленъ на свѣту, быстро чернѣетъ. Отчего это?—Англійскій химикъ Бэкеръ недавними опытами доказалъ, что это отъ замѣны части хлора кислородомъ воздуха, и притомъ на свѣту. Если нѣтъ кислорода и свѣта, то хлористое серебро остается бѣлымъ. Даже болѣе: почернѣвшее на воздухѣ, вещество это снова становится бѣлымъ, если его держать въ темнотѣ. Составъ чернаго слоя, очень тонкаго, но ясно нами видимаго, въ ущербъ остальной, нетронутой кислородомъ и свѣтомъ, массы, таковъ, что въ немъ находятъ 78,94 процента серебра, 14,25 хлора и 6,81 кислорода. Исчезаетъ послѣдній, и хлористое серебро опять становится бѣлымъ.

Преобразованія хлористаго серебра или токантинской глины, совершающіяся довольно быстро, такъ сказать, на нашихъ глазахъ, въ химическихъ лабораторіяхъ, легко могутъ быть изучаемы шагъ за шагомъ. Гораздо труднѣе выслѣдить преобразованія веществъ, совершающіяся медленно и притомъ въ нѣдрахъ земли. Каменный уголь, напримѣръ, есть преобразованная органическая ткань: однако, какъ именно совершилось это преобразованіе растенія въ минералъ?—на это безусловно-точнаго отчета пока еще нѣтъ. И теорій происхожденія каменнаго угля, лигнита, антрацита, горной смолы есть множество, а безспорной нѣтъ ни одной, хотя нѣкоторыя,—напримѣръ Гёппертова,—подтверждались долгими опытами. Недавно Бертранъ и Рено взялись за изученіе образованія богэда и торбанита, и нашли, что эти породы минеральнаго угля происходятъ изъ мелколистныхъ слизистыхъ водорослей, къ которымъ мѣстами присоединялись мягкія части тѣла нѣкоторыхъ животныхъ. Процессъ разложенія ихъ и перехода въ однородную почти минеральную массу совершался въ черноватой болотной водѣ, причемъ не было ни известковыхъ образованій, ни животныхъ съ известковыми раковинами или скелетами.

Приведенные сейчасъ три примѣра превращеній однихъ веществъ

въ другія показываютъ, что въ минералогіи, какъ и въ химіи, многія явленія совершаются въ порядкѣ, хотя постоянномъ, но не всегда намъ понятномъ, и что это безсиліе обѣихъ наукъ кончится лишь тогда, когда онѣ вступятъ на математическую почву, какъ часть отдѣловъ физики и вся механика. Когда это наступитъ, трудно сказать, но вотъ въ парижской Сорбоннѣ объявленъ уже, съ конца ноября, курсъ частичной математической физики, съ приложеніемъ ея законовъ къ теоріи образованія кристалловъ, т. е. къ минералогіи. Любопытно будетъ видѣть результаты этихъ лекцій, читаемыхъ, замѣтимъ, бывшимъ русскимъ медикомъ, магистромъ московскаго университета, извѣстнымъ своею врачебною практикою на театрѣ послѣдней русско-турецкой войны и редакціею нѣкоторыхъ русскихъ книгъ.

Слѣдующій обзоръ научныхъ новостей коснется успѣховъ наукъ морфологическихъ, а потомъ и біологическихъ, не исключая животной психологіи.

М. Венюковъ.

Парижъ,
1/12 декабря 1893 г.

ВЕСНОЮ.

(Очерки и наброски).

VII.

До утра простоялъ пароходъ: много пришлось груза забрать. Уже солнце взошло, снопъ теплыхъ лучей брызнулъ и залилъ рѣку и стоявшіе около пристани плоты, берегъ и вершины. Заревѣлъ свистокъ, и пароходъ медленно, чуть примѣтно, сталъ отдѣляться отъ конторки и подвигаться.

Въ то же самое время, какъ пароходъ сталъ отваливать, отчалилъ и одинъ изъ плотовъ, посерединѣ котораго стоялъ мужикъ-сгонщикъ, въ армякѣ и шапкѣ. Онъ стоялъ и глядѣлъ на двигающуюся махину-пароходъ, глядѣлъ и неожиданно, въ одно мгновеніе, опустился въ воду и пропалъ: носъ парохода разрѣзалъ на двое плотъ и сгонщикъ исчезъ.

— Утонулъ, утонулъ! — раздались голоса съ пристани и берега.

— Утонулъ? Кто? Гдѣ?—подхватили съ парохода.

— Мужикъ утонулъ! Съ плотовъ! Пароходъ чалки разрѣзалъ.

Отдернулись шторки въ окнахъ каютъ, показались со сна встревоженныя лица, нѣкоторыя изъ дамъ успѣли уже появиться и у перилъ балкона.

— Ахъ, ахъ! Что надѣлали,—поднялись женскіе голоса.

— Утонулъ... Мужичокъ утонулъ. Какой ужасъ!

Прошла минута-другая томительнаго ожиданія.

— Разбойники... Душегубы! Чтобъ васъ чортъ взялъ!—раздалось откуда-то снизу.—За эдакое дѣло васъ...

— Выплылъ... Вѣдь это мужикъ?

— Въ самомъ дѣлѣ?

Ухватившись руками за бревно, утопленникъ взбирался на одну изъ половинокъ плота и жестоко бранился.

— Утонулъ! Гдѣ онъ?— выбѣжали двѣ дамы. — Ахъ, мужичокъ! Ахъ, бѣдный! Думалъ ли онъ, ожидалъ ли?

А «мужичокъ», собственными усиліями поставивъ себя снова на плотъ, продолжалъ самымъ энергическимъ образомъ браниться.

— Ахъ, бѣдный! Несчастный!

— Да успокойтесь, сударыни. Онъ живъ.

— Живъ? Не можетъ быть? Гдѣ онъ? Покажите.

— Извольте посмотрѣть. Вонъ стоитъ на плоту, весь мокрый, и разговариваетъ.

— Разбойники! Душу христіанскую загубили. Чтобъ васъ... въ три дыхала, подлецы!—во весь голосъ отдѣлывалъ сгонщикъ и команду, и пассажировъ, и самый пароходъ.—Судиться, что ли, на васъ не пойду! Колбасники, нехрещеные!—и снова принялся сыпать...

Сострадательныя дамы поспѣшили поскорѣе отойти и скрыться въ каюты.

— Какъ отпечатываетъ ловко! Ай да мужикъ!

Пароходъ вышелъ на стрежень (фарватеръ) и не сдѣлалъ версты отъ пристани, гдѣ остался на плоту живой утопленникъ, какъ съ высокой горы выглянулъ Симбирскъ, облитый лучами солнца,—выглянулъ куполами храмовъ и соборною колокольнею, розовыми, вытянутыми въ длину, казенными зданіями, среди которыхъ робко ютились и стыдливо прятались разныя обывательскія постройки. Городъ глядѣлъ вслѣдъ за уносившимся пловучимъ замкомъ-пароходомъ и долго, — пока тотъ не скрылся изъ виду,—провожалъ его не то съ какою-то думою, не то съ затаенною печалью.

Утро было прелестное, восхитительное. Справа весело бѣжалъ на встрѣчу гористый берегъ: то онъ приблизится, забѣжитъ впередъ и выдвинется въ рѣку утесомъ, съ цѣлью загородить путь-дорогу «американцу», то вдругъ шаловливо отбѣжитъ куда-то въ даль, лукаво глядитъ оттуда и точно посмѣивается. Слѣва разстилается необозримая пойма, мѣстами встаетъ молодая лѣсная поросль; милліонами брилліантовъ подъ каплями росы блестятъ цвѣты и травы; далеко-далеко вынырнетъ небольшое селеньице, мелькнетъ вѣтряная мельница съ непод-

вижно-растопыренными въ тихомъ воздухѣ крыльями или поднимется красная труба паровой крупчатки. По свѣтлой и спокойной поверхности воды, вширь и вдоль величественнвй рѣки, тихо колеблясь, плаваютъ легкія, изъ воздуха сотканныя, граціозныя тѣни, а прямо вся даль—волшебная даль!—тонетъ въ чемъ-то серебристо-голубомъ и прозрачномъ, рисуя воображенію таинственный міръ, полный очарованія и живой красоты,—міръ, гдѣ никогда не меркнетъ солнце, неизсякаемымъ свѣжимъ ключемъ бьетъ полная жизнь и вѣчно сіяетъ юная счастливая радость... Кто не спитъ въ это утро, кто лицомъ къ лицу стоитъ съ природою, — тотъ почувствуетъ горячую слезу на дрогнувшей рѣсницѣ; въ груди его зазвучатъ всѣ струны души и согласнымъ хоромъ запоютъ новую пѣснь пѣсней.

Пароходъ летитъ. На балконѣ не видно ни души. Въ каютахъ оконныя шторы задернуты; залы совершенно пусты; буфетъ закрытъ.

Но третій классъ уже не спитъ. Тамъ, вмѣстѣ съ первыми лучами солнца, ударившими сквозь стекла окошекъ, обнаружились признаки пробужденія: кто повернулся на другой бокъ и лежалъ съ открытыми глазами, кто приподнялъ съ изголовья нечесаную голову и поводилъ мутными глазами по сторонамъ; кто сидѣлъ на своей постели и, широко зѣвая, крестился; нѣкоторые были уже на ногахъ, потягивались, разминались и приводили въ порядокъ свой образъ и костюмъ. Раньше другихъ поднялся старикъ, разсказывавшій наканунѣ о пришествіи антихриста. Сперва онъ посидѣлъ на своей постели, сквозномъ диванѣ, склонивши на грудь сивую голову; потомъ, не торопясь, обвернулъ онучами худыя старческія ноги, напялилъ порыжѣлые со сморщенными голенищами сапоги и всталъ, направляясь въ коридорчикъ, раздѣлявшій III классъ отъ II-го. Здѣсь онъ умылся холодною водой, вытеръ лицо и руки полотенцемъ, которое хранилъ за пазухой, и пріотворилъ дверь на балконъ. Во всей красотѣ и величіи глянуло ему въ глаза чудное утро: не переступая порога, онъ постоялъ немного, вздохнулъ и принялся молиться.

— Однако, сколько ни валяйся, а вставать надо!—послышался голосъ со втораго яруса постелей, изъ подъ потолка, и вслѣдъ затѣмъ свѣсилась внизъ босая нога.—Посторонись, кто

тамъ есть на диванѣ, а то какъ бы мнѣ на кого невзначай не ступить.

— Поосторожнѣй! Чего прешь-то зря? Видишь, чай, женщина тутъ съ младенцемъ...

— Да я и такъ, кажись, съ осторожностью.

«Палата»,—такъ называли третьеклассники занимаемое ими помѣщеніе—скоро приняла оживленный видъ: то тамъ, то сямъ развязывались большіе холщевые мѣшки, доставались изъ нихъ хлѣбъ, лепешки величиною съ хорошую сковороду, яйца и соль; вездѣ бодрыя лица, здоровые голоса.

— Эка, солнышко-то какое ядрёное!

— Опять цѣлый день палить станетъ!

— Это какъ есть: день жаркій будетъ.

— Что, али перехватить хочешь?

— Да не мѣшаетъ. Пораньше-то закусишь, такъ ровно бы все легше: не такъ томитъ человѣка.

Въ артели плотниковъ, скучившихся взади палаты, заводится рѣчь уже о томъ, что хорошо бы теперь и чайку напиться, да «служащихъ» никого нѣтъ,—всѣ спятъ.

— Пошто намъ служащихъ?—сказалъ длинный свѣтлорусый парень съ круглымъ лицомъ, сѣрыми круглыми глазами и короткимъ, немного вздернутымъ къ верху, носомъ, въ пестрядинной рубашкѣ. — Былъ бы только кипятокъ, а сбѣгать до куба далеко ли?—сами не полѣнимся.

— А и правду Ермила говоритъ,—поддерживаютъ парня,—давайте чай пить!

— Сперва не поѣсть ли? Вонъ добрые люди ужь закусываютъ,—говоритъ одинъ изъ артели.

— Экій ты, братецъ, чудакъ-голова!—отвѣтилъ Ермила.—Съ чаемъ-то, поди, скуснѣй закусывать, чѣмъ въ сухомятку жевать.

— Дѣло, дѣло говоришь, Ермила, — одобрили голоса. — Доставай-ка артельный самоваръ, да бѣги проворнѣй его ставить.

Парень не заставилъ себя долго ждать: вытащилъ изъ подъ скамейки красный мѣдный чайникъ, мѣрою въ доброе ведро, сдернулъ крышку и, стоя на корточкахъ, подставилъ его подъ руку плотника съ широкою, огнистаго цвѣта, бородою. Когда «староста» кинулъ въ чайникъ горсть темной сухой травки, парень выпрямился и зашагалъ между рядами скамеекъ.

Минуты черезъ двѣ онъ вернулся съ пустымъ чайникомъ.

— Придется, видно, подождать,—оповѣстилъ онъ, — пары еще въ кубѣ не разведены.

— Э, плохо дѣло!

— Да ты бы догадался, умница, попросилъ человѣка, который тамъ у нихъ пары запущаетъ. Можетъ, онъ просьбу твою уважитъ.

— О? Такъ я инъ однимъ махомъ сбѣгаю!..

— Сбѣгай, Ермила! Валяй прямо подъ машину: тамъ ищи этого человѣка.

Ермила убѣжалъ.

— Гляжу я, гляжу, товарищи, — заговорилъ изъ артели черноволосый, лѣтъ тридцати мужикъ,—и нигдѣ запримѣтить не могу старика. Ужь не сошелъ ли онъ въ Симбирскѣ?

— Нѣ,—отвѣтилъ староста,—билетъ онъ взялъ въ Нижнемъ до самой Дубовки.

— Занятный старичокъ,—вставилъ Михеичъ.—Любопытно послушать, что̀ онъ разсказываетъ, только понимать его трудно: все словно притчами говоритъ.

— Начетчикъ,—пояснилъ староста.—Да, гляди, старовѣръ онъ, а тѣ любятъ притчами говорить. Насмотрѣлся я и наслушался ихъ, какъ въ Дубовкѣ работалъ. Тамъ, почитай, все одни старовѣры.

— Коли сталовѣры, такъ, поди, богато они живутъ?

— Ничего, народъ справный, но раньше не въ примѣръ богаче жили.

— Что жь, налогу много несутъ, аль разстройка межъ ними пошла?

— Царицынъ-городокъ подшибъ. Допрежде въ Дубовкѣ главная торговля хлѣбомъ была, а какъ провели на Царицынъ чугунку—всѣ дѣла туда и перетянуло.

— Такъ! Чугунка много простаго народа безъ корма оставила. Гдѣ только ее ни проведутъ, безпремѣнно въ тѣхъ мѣстахъ заминка, либо разстройка произойдетъ.

— Опять лѣсомъ посадъ хорошо торговалъ,—продолжалъ староста.—Изъ Козьмодемьянска плотовъ, плотовъ пригонятъ—весь берегъ заставятъ. А нонче весь лѣсъ мимо плыветъ. Одними коврами только себя поддерживаютъ: весь посадъ этимъ рукомесломъ занимается.

— И причиною разстройки все чугунка,—проговорилъ Михеичъ.

Плотники замолчали.

— Не поѣсть ли намъ, пока Ермила съ дѣлами справляется?—началъ снова изъ артели тотъ самый, который еще до перваго ухода Ермилы пробовалъ объ этомъ заговаривать.

Неожиданное обстоятельство помѣшало рѣшенію поставленнаго на видъ серьезнаго вопроса. Въ окнѣ показалась весьма почтенной величины швабра; за нею надвинулась фигура, загорѣлая, съ заспанными глазами: лицо матроса уставилось на озадаченныхъ пассажировъ.

— Кто это у васъ моду такую заводитъ, изъ окошка да на балконъ плеваться?—строгимъ голосомъ вопросилъ обладатель швабры. — Кажется, безобразничать вашему брату здѣсь не дозволено!

— Аль въ тебя угодилъ?—спросилъ Михеичъ. — Извини, почтенный, безъ всякаго злаго умыслу...

— То-то вы, безъ всякаго умысла. Вахлаки! Для васъ, что ли, я подтираю, да блюду въ чистотѣ балконъ. Тутъ господа, благородная публика разгуливаетъ, а вы моду выдумали—плеваться.

— Право, невзначай, почтенный! Ужь ты извини, сдѣлай милость!

— То-то, извини. Не наподтираешься на васъ, вахлаевъ, ежели всѣ зачнете на балконъ плеваться. Ужѡ, коли примѣчу, что кто изъ васъ еще такое невѣжество сдѣлаетъ, то—съ мѣста мнѣ не сойти—возьму вотъ эту самую кисть и начну его невѣжу по всей образинѣ вытирать!

Обнадеживъ «вахлаевъ» столь пріятнымъ обѣщаніемъ, матросъ въ подкрѣпленіе своей рѣчи помахалъ еще внушительно шваброю передъ ними и, не спѣша, удалился отъ окна.

— Вишь ты, какой строгій,—замѣтилъ Михеичъ.

— Нельзя, надо ему свою власть показать,—сказалъ черноволосый.—Хоша онъ и швабра, а все же какое ни на есть начальство на пароходѣ.

Эти слова вызвали довольно веселый смѣхъ не только въ артели, но и среди постороннихъ, а женщина съ грудным ребенкомъ даже позавидовала.

— Что значитъ мужички-то, — сказала она: — начальство

имъ грозить, а они только посмѣиваются. А коснись дѣло нашей сестры, такъ сколько страху напрималась бы! Ужь очень робокъ женскій полъ!

— Отъ слабости,—ввернулъ слово молодой прикащикъ въ сѣромъ люстриновомъ сюртукѣ.

— Это точно, милый человѣкъ. Женскій полъ очинно слабъ.

— Не скажи этого, молодица, — вступилась баба въ армячкѣ,—разно бываетъ. Изъ нашего сословія иная лучше любаго мужика за себя постоитъ. Вонъ у насъ въ деревнѣ есть: такъ и прозваніе ее даже-«баба-воинъ».

— Должно, озорновата?

— Зачѣмъ? Женщина хорошая, только, значитъ, въ обиду себя никому не дастъ, и ежели что супротивъ ея сдѣлаешь, такъ она, кого хочешь, изобидѣть можетъ пуще всякаго мужика.

— Дерзка на руку?—насмѣшливо спросилъ прикащикъ.

— Нѣтъ, не драчлива: никого въ жизнь пальцемъ не тронула. А такъ себя баба учредила, что никто не замай ее; хорошъ ты къ ней, и она къ тебѣ будетъ радѣтельна; дуренъ—и она перемѣнится... Одно слово—воинъ-баба.

На сцену снова появился Ермила съ мѣднымъ чайникомъ. Стоило лишь взглянуть на его сіяющее отъ удовольствія лицо, чтобы не спрашивать уже объ успѣшности результата. Артель встрѣтила его радостно.

— Готовьте посуду! — крикнулъ Ермила еще на ходу: — полный самоваръ тащу..

— Молодецъ! Добился своего.

— Только выругали, да легонько эдакъ по загривку дали,— съ торжествомъ объявилъ парень,—и сичасъ пары пустили.

Изъ мѣшковъ проворно стали вылѣзать деревянные и стеклянные стаканы, бѣлая глиняная чашка, каравай хлѣба, калачи и т. п.

— А все же за хлопоты въ загривокъ получилъ?

— Вотъ невидаль какая!—презрительно тряхнулъ головой парень,—стоитъ про то говорить: одного раза легонько дали.

— Да не перенести ли намъ столы-то на балконъ?—шутливо предложилъ Михеичъ:—апетитнѣе на вольномъ-то воздухѣ пить!

— Что же, я перетащу-инъ и туда,—подхватилъ Ермила и ухватилъ было руками столъ.

— Подожди, — удержалъ староста, — намъ и здѣсь ладно будетъ, особливо ежели дверку отпахнуть.

— Аль тамотка насъ забранятъ?

Не прошло получаса, какъ артель весь самоваръ уже опростала, и Ермила бѣжалъ снова за кипяткомъ. Къ артели своихъ присоединились и чужіе, которые просили припустить ихъ къ чайнику съ своимъ припасомъ, т. е. чаемъ и сахаромъ. Бесѣда оживилась. Владимірскій офеня, продавецъ иконъ съ картинами, разсказывалъ о новой «машинкѣ», которая будто бы привезена къ нимъ въ волость для крестьянскаго обихода.

— Какъ есть она въ ростъ человѣка и видъ имѣетъ продолговатаго ящика, со створками на петелькахъ и съ пружиною: гдѣ лежать головѣ, тамъ ямка, а гдѣ рукамъ и ногамъ слѣдуетъ быть, тамъ съ пряжками ремни прикрѣплены. Вотъ, когда понадобится въ дѣйствіе пустить машину, пружину надавятъ и верхъ ящика привзнимется; привяжутъ человѣка и, какъ только привяжутъ, изъ машинки двѣ большущихъ желѣзныхъ руки выскочатъ съ розгами; заведутъ тутъ ключикомъ, машинка и заиграетъ.

— Съ музыкой выходитъ?—спросилъ Ермила, допивая уже третій стаканъ, съ набухнувшими въ немъ баранками.

— Машинка играетъ,—ручищи прутьями хлещутъ, — повѣствовалъ офеня,—а писарь или волостной старшина, — извѣстно, кто грамотѣй,—смотритъ на градусникъ. При машинкѣ эдакая дощечка узенькая съ линеечкой пристроена и цифры на ней написаны: во сколько кому градусовъ порцію слѣдуетъ отпустить.

— Вишь ты, по градусамъ!

— Какъ градусъ поднимется до линеечки, какая виновному назначена, волостной замѣтитъ, подавитъ опять пружинку, — машина и перестанетъ играть. Живо, въ минуту-двѣ, человѣка освободитъ.

— Вонъ какъ! Для чего жь такую штуку выдумали?

— Для того, сказываютъ, чтобы ровнѣе удары класть. Сторожъ, или тамъ кто другой, то слабѣй, то сильнѣй хлеснетъ, а машина ужь какъ первый, такъ и послѣдній ударъ влѣпитъ,— безъ фальши. При всемъ томъ, что положено, ни больше, ни

меньше отпустить ужь невозможно, дѣло ведется по чести, безъ обмана. Для всѣхъ, значитъ, отъ машинки одно облегченіе и скорая развязка получается.

— А ты самъ, почтенный, ее видѣлъ? — спросилъ офеню черноволосый.

— Что ты?! Не приведи Богъ и видѣть ея никогда! Наши сельчане, кои въ волости бываютъ, видѣли и послѣ дома про нее разсказывали.

— Слухъ прошелъ, что и по нашей губерніи, мѣстами, вводятъ эту штуку,—замѣтилъ староста.—Сказывали, въ Писцовскую волость привезли ужь *ее*.

— Что жь она тамъ уже играетъ? — полюбопытствовалъ Михеичъ.

— Не слыхалъ. Говорили, что привезли, а дѣйствуетъ ли, не вѣдаю.

Разговоры и разсказы не мѣшали чаепитію, которое продолжалось съ удивительной методичностью и усердіемъ. И сила, и энергія длинныхъ ногъ Ермилы были неистощимы: онъ, какъ только замѣчалъ, что изъ чайника убывало, всякій разъ спрашивалъ: «не подбавить ли»? и, не дожидаясь отвѣта, хваталъ самоваръ и бѣжалъ съ нимъ въ коридорчикъ за новымъ кипяткомъ. Старикъ по прежнему стоялъ у дверного косяка и смотрѣлъ вверхъ по теченію Волги. Она, широкая, неподвижная, казалось, покоилась въ своихъ красивыхъ берегахъ и сливалась вдали съ краемъ неба. Кой-гдѣ растягивался тонкій дымокъ убѣгающаго куда-то парохода, свѣтился на водахъ бѣлый парусъ; ползли десятки сцѣпленныхъ плотовъ, съ разложенными на нихъ огоньками и маленькими человѣческими фигурками, съ шестами въ рукахъ: валилъ длинный караванъ баржъ, съ расцвѣченными множествомъ флаговъ мачтами, и буксируемый впереди небольшимъ, но ретивымъ и гулко пыхтящимъ, съ красными спицами колесъ, «Трудолюбцемъ». Съ зеленыхъ луговъ, сіяющихъ холмовъ и горъ посматриваютъ села, деревни, а въ ясномъ поднебесьѣ заливаются веселою утреннею пѣсней жаворонки.

— Дѣдушка, что ты все стоишь?—негромко крикнулъ старику глава плотничьей артели. — Поди, усталъ ты стоявши. Подсѣлъ бы къ намъ, отдохнулъ.

Дѣдушка медленно повернулъ лицо, и его сѣденькая бородка съ усами слегка пошевельнулась.

— Не охота съ воли-то уходить,—сказалъ старикъ.—Ужь очень тутъ для очей прелестно. Глядишь—и дивуешься таинствамъ творенія божіихъ рукъ.

— Да и отсюда хорошо видно. Посиди. Можетъ, чайку съ нами попьешь?

— А и то, пожалуй, присяду. Чай я не потребляю, а водицы горяченькой съ медкомъ попью.

— Что жь, дѣдушка, я сбѣгаю!—предложилъ свои услуги Ермила.—Тебѣ во что кипятку-то взять?

— Подожди, паренекъ, я принесу.

Старикъ направился къ своему мѣсту, пошарилъ въ мѣшкѣ, вынулъ маленькій берестяной бурачокъ, деревянную небольшую чашечку и связку бубликовъ. Возвратившись къ чаёвникамъ, которые очистили для старика самое лучшее мѣсто на скамейкѣ, противъ открытой двери, онъ поставилъ на столъ чашечку, открылъ бурачокъ, гдѣ хранился бѣлый разсыпчатый медъ, и, отковырнувъ деревянной ложечкой, положилъ въ чашку меду и сказалъ:

— Коли твое усердіе будетъ, потрудись для старика, завари моего чаю.

— Давай!—отвѣтилъ Ермила и, поставивъ на ладонь чашку, махнулъ отъ стола.

Снявъ шляпу и истово перекрестившись три раза на востокъ, старикъ разложилъ бублики и, макая въ горячую, пахнувшую душистымъ медомъ воду, сталъ неторопливо класть куски въ ротъ и запивать своимъ чаемъ. Молча съѣлъ онъ два бублика, допилъ чашечку и, снова перекрестившись, проговорилъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Сытъ.

Что-то похожее на слабый румянецъ проступило сквозь сухую кожу старческаго, но здороваго лица, каріе когда-то глаза тихо засвѣтились и дѣдъ заговорилъ:

— Истинно милосердъ Творецъ небесный къ недостойнымъ созданіямъ своимъ. Сколько въ мірѣ злобы, неправды и ненависти царствуетъ, какія братоубійственныя межъ человѣковъ войны происходятъ, рѣками и озерами льется неповинная человѣческая кровь, а Онъ, Зиждитель міра и Творецъ нашъ ми-

лостивый, кротко взираетъ со небеснаго своего престола на звѣрства людскія и терпитъ, терпитъ все зло до конца.

Какъ только старикъ заговорилъ, всѣ присутствующіе стихли и съ такимъ выраженіемъ посмотрѣли другъ на друга, какъ-будто хотѣли сказать: «ни гу-гу, ребята! Дѣдъ говоритъ».

На балконѣ и въ залахъ также, какъ и два-три часа тому назадъ, было пустынно и тихо: пассажиры первыхъ двухъ классовъ все еще почивали. Одинъ купецъ бродилъ, какъ тѣнь, и видимо томился въ ожиданіи, когда появится лакей, чтобы спросить себѣ чаю; но и лакеи еще не вставали.

VIII.

Между тѣмъ утро часъ отъ часу разсвѣтало. Радостно сіяя и сыпля кругомъ снопами безчисленное множество свѣжихъ лучей, глядѣло съ голубаго неба солнце, глядѣло оно на вешнее убранство земли и весело поднималось все выше и выше; блещущія, сверкающія впереди и по сторонамъ воды раздвигались шире, и могущественнѣе казалась наша дивная рѣка. Быстро, одинъ за другимъ, смѣнялись окрестные виды, чаруя взоръ и поднимая въ душѣ массу новыхъ, сладостныхъ ощущеній. Въ воздухѣ легкая влажность; волнами что-то вливается въ грудь, и каждый чувствуетъ себя такимъ здоровымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ, какъ самое это утро и вся окружающая насъ природа...

— Къ Новодѣвичьему, кажись, подходимъ,—заглянувъ въ окно, промолвилъ артельный староста.

«Дѣдушка» приподнялся на мѣстѣ и поглядѣлъ на нагорный берегъ.

— По мѣстности должно бы недалеко ему быть,—сказалъ старикъ,—вонъ и Дѣвья гора свѣтится.

— Почему это Дѣвьей гора прозывается?—спросилъ черноволосый столяръ.

— Ты развѣ не вѣдаешь?—тоже воззрился на него дѣдъ.

— Не знаю. Я впервой съ товарищами по Волгѣ на низа бѣгу.

Послѣ выпитыхъ двухъ чашекъ медвяной воды, старикъ находился въ томъ бодромъ расположеніи духа, когда человѣку

его лѣтъ какъ-то невольно хочется говорить и разсказывать. И онъ, помолчавъ немного, сталъ разсказывать.

— Давно то дѣло было,—началъ онъ:—никто изъ нашихъ отцовъ съ дѣдами тогда еще не жили. Въ давніе годы Новодѣвичье на другомъ мѣстѣ стояло, ближе къ той горѣ, что Дѣвьею слыветъ. Какъ тогда она прозывалась—неизвѣстно, только не по нонѣшнему. Жила въ этомъ селеніи дѣвица, собою красавица писаная, жила она честно, богобоязливо, при своихъ родителяхъ, одна дочь у отца съ матерью. Но, должно, по грѣхамъ ея родителей или иныхъ людей, пришла на дѣвицу ту бѣда несказанная. Полюбила она человѣка, паренька молоденькаго и лицомъ пригоженькаго, рѣчами обманчивыми прельстительнаго. Прельстилъ словами парень дѣвку, присушилъ къ себѣ ласками, пѣснями приворотными: предалась красавица душой и тѣломъ молодцу. Былъ ли парень тотъ волшебникомъ, или ужь такимъ злымъ человѣкомъ на свѣтъ зародился, только въ скоромъ времени онъ дѣвицу безжалостно спокинулъ. Спокинувши, сталъ надъ нею, рабойникъ, издѣваться, при чужихъ людяхъ въ лицо дѣвицѣ насмѣхаться, а чужіе люди тому и рады: принялись они безвинную, и безъ того уже горемъ своимъ убитую, красавицу поносить да вездѣ срамить. Терпѣла дѣвица, переносила издѣвку своего лиходѣя, но не снесла она злобы и неправды людской. А измѣнщикъ съ другой ужь дѣвицей погуливаетъ, молодецкое свое сердце потѣшаетъ. И порѣшила спокинутая красавица самовластно жизнь свою покончить. Долго она съ собою одна удумывала, какую ей на себя смерть принять. Подъ конецъ всего, удумала. Выбравъ день прекрасный, праздничный, нарядилась въ лучшее бѣлое платье и пошла она на высокую гору. Близко околицы, молодцы съ дѣвицами караваны водятъ, пѣсни поютъ и веселью своему молодому предаются, а спокинутая красавица безстрашно одна на погибель свою идетъ. Взошла она на ту гору, гдѣ допрежде съ милымъ дружкомъ цѣловалась - обнималась, алыя утреннія зори весною съ нимъ встрѣчивала; поднялась на вершину горы и очутилась на самомъ краю крутаго яра. Распустила косы длинныя, густыя, сняла съ груди крестъ златой и призадумалась. А съ околицы такъ-то ли разливаются, такъ-то ли звонко да разымчиво до безталанной доносятся пѣсни веселыя, про любовь пріятную, жизнь молодую и цвѣтущую хорошо такъ распѣ-

вающія... Взняла тутъ къ верху руки красавица, взвилась надъ бездною воды и, какъ лебедь бѣлая, стрѣлою на смерть ушибленная, упала въ Волгу-матушку...

— Ахъ, дѣдушка!—не утерпѣлъ Ермила...

Въ этомъ восклицаніи простаго парня сказалось общее удивленіе. Независимо отъ интереса, какой возбудила легенда въ слушателяхъ, лицо, складъ рѣчи и голосъ разсказчика положительно всѣхъ удивили: передъ ними сидѣлъ и разсказывалъ какъ будто бы совсѣмъ другой, неизвѣстный раньше человѣкъ,—не тотъ суровый начетчикъ-старикъ, только что почти передъ этимъ еще поражавшій ужасами страшнаго суда ихъ робкое воображеніе, а человѣкъ нестарый, живой и близко принимавшій къ сердцу все живое. Подъ такимъ впечатлѣніемъ никто и не замѣтилъ, какъ появился въ темнотѣ степенный купецъ, помѣстился около прикащика въ люстриновомъ сюртукѣ и старательно наводилъ ухо, поглядывая куда-то въ уголъ.

— Потонула горькая, и сколько ее ни искали, не могли найти,—не пріостанавливаясь, говорилъ старикъ.—Отъ дѣвицы той гора назвалась Дѣвьею, а погодя, какъ слухъ о несчастьѣ этомъ небываломъ распространился, народъ сталъ Дѣвичьимъ называть и самое селеніе, отъ котораго погибель души молодая дѣвица приняла...

— А тѣла утопшей такъ и не нашли?

— Не сыскали мертваго тѣла, а душа живая скоро вѣсть о себѣ подала и отъ людей отвѣта за свою погибель потребовала. На третьи сутки послѣ того, какъ дѣвица самовластно съ жизнью своей покончила, ночью, при ясномъ мѣсяцѣ, сельчане увидѣли на горѣ женщину въ бѣломъ. Сидитъ она на вершинѣ той горы, власы мокрые распустивши, выжимаетъ изъ нихъ руками бѣлыми воду, а сама таково-то горько плачетъ да убивается, на судьбу свою злосчастную жалуется! Ужаснулись люди, когда услыхали эти жалобы и по голосу узнали, что это душа погибшей тоскуетъ и словами причитаетъ. И на другую ночь, и на третью замѣчаютъ: сидитъ на томъ же мѣстѣ вся въ бѣломъ, власы свои руками выжимаетъ и жалуется, какъ человѣкъ, причитаетъ горестно такъ:

Никому я зла на свѣтѣ не сдѣлала,
Никого словомъ, живучи, не обидѣла.
А на меня всѣ люди опрокинулися

Лишь за любовь мою къ дружку милому, сердечному
Опрокинувшись, срамомъ-стыдомъ изпокрывывали,
Дѣвкой негодной, гулящей меня обзывывали,
Во бесѣдахъ отъ меня отворачивались.
Обманулъ меня, спокинулъ другъ сердечный мой!
Спокинувши, надо мной, младою, насмѣялся,
Надъ дѣвичьей красотой онъ надругался!
Тутъ съ бѣла свѣта меня люди сживали:
Безъ поры, безъ времени, меня, молодешеньку,
Съ высокія горы въ день прекрасный, праздничный
Въ Волгу-матушку столкнули.
И погибла душа моя дѣвичья,
Душа безвинная, непорочная!

— До шести недѣль видѣли погибшую и причитанья ея слышали. Извѣстно, что душа каждаго умершаго въ теченіе шести недѣль по землѣ блуждаетъ, мѣста родныя, домъ свой и сродственниковъ посѣщаетъ, слушаетъ, что̀ про нее говорятъ, пока всѣ небесныя мытарства не пройдетъ. Исполнилось шесть недѣль—и женщина въ бѣломъ пропала. Долго говорили о чудѣ этомъ непривиданномъ, родители горевали о погибшемъ чадѣ, а послѣ время и унесло все съ собою, одно преданіе сохранилось и изъ рода въ родъ переходило. Но сказано, что если не въ первомъ, то во второмъ, а не во второмъ, такъ въ третьемъ поколѣніи за погибель души человѣческой взыщется. Такъ случилось и съ жителями Дѣвичьяго. Начались сперва неурожаи, потомъ падежи скота, а тамъ и моръ на людей. Подъ конецъ всего, пожаръ обхватилъ селеніе. И въ это время видѣли, какъ надъ пожарищемъ, словно въ облакѣ свѣтломъ, возсталъ нѣкій крылатый воинъ, въ серебряной ризѣ и съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ, а подлѣ него стояла дѣва младая, вся въ бѣломъ и съ распущенными власами; съ печалію великою смотрѣла она на смятеніе людей и пламя, нещадно пожиравшее все ихъ достояніе, и съ плачемъ молила небеснаго мстителя: «Пощади! прекрати свой гнѣвъ. Они не вѣдали, что̀ творили». И крылатый воинъ внялъ моленію дѣвы, вложилъ въ ножны свой огненный мечъ, и часть жителей спаслась отъ пламени. Оставшіеся жители перенесли свое жительство на другое мѣсто, гдѣ вотъ теперь стоитъ посадъ, и называется онъ теперь уже *Новодѣвичьимъ*.

— Такъ вотъ отчего Новодѣвичій-то пошелъ?!—послышалось.

— А женщину въ бѣломъ послѣ того не видали?—полюбопытствовалъ Ермила.

— Сказываютъ, что и нонче ину пору, въ свѣтлыя лѣтнія ночи, видаютъ ее на той горѣ. Сидитъ такъ смирнешенько и смотритъ на мѣсяцъ ясный, звѣзды чистыя и небо синее.

— Не воетъ ужь теперь?

— Нѣтъ, жалобъ не творитъ и скорби никакой не примѣчали.

— А-ахъ!... Значитъ Господь ее простилъ?

— Такъ надо полагать, что невольный грѣхъ свой дѣвица ужь искупила.

Прикащикъ въ люстриновомъ сюртукѣ усмѣхнулся и съ ироніей замѣтилъ:

— Всѣ эти разсказы—однѣ сказки.

Степенный купецъ скользнулъ взглядомъ по лицу прикащика и, не обращаясь къ нему лично, проговорилъ въ отвѣтъ:

— Для кого сказки, а для насъ—быль.

Пароходъ въ это время несся мимо посада, раскинувшагося по нагорному берегу, а ниже его бѣлѣлись отдѣльныя горы.

— Которая, которая Дѣвья гора?—раздались хоромъ вопросы двинувшихся на кормовую часть балкона любопытныхъ.

— А вонъ та, что̀ полѣвѣе-то... Это и есть Дѣвья гора.

IX.

Было уже десять часовъ. Лакеи во фракахъ, лакеи въ сюртукахъ и лакеи просто въ пиджакахъ замелькали въ разныхъ отдѣленіяхъ и по балкону. Рыженькій мальчикъ въ большой шляпѣ показался изъ двери I класса, зажмурилъ на секунду глаза, мотнулъ головой и началъ свое кругосвѣтное путешествіе.

— Тысяча, двѣ тысячи, три...

Наблюдавшій за чистотою балкона матросъ, услыхавъ голосъ счетчика, пріостановилъ дѣйствіе со шваброю и поглядѣлъ на проходившаго мальчугана.

— Вишь ты! Опять за свои тысячи принялся,—пробормоталъ онъ и снова налегъ на швабру.

Свинцоваго цвѣта столики на балконѣ быстро покрывали бѣлыми, чистыми скатертями, появлялись на нихъ чайные и кофейные приборы; диваны постепенно занимались дамами и мужчинами. Поднялись вопросы о здоровьѣ, проведенной ночи и т. п., зажужжали и зазвенѣли дѣтскіе голоса, вырвался изъ двери веселый дѣвичій смѣхъ и на балконъ выглянуло свѣжее, румяное лицо брюнетки, а за нимъ—Наденька и Анна Николаевна.

— Мамочка, здравствуй!—воскликнула брюнетка и принялась цѣловать въ лицо миловидную даму.—Анна Николаевна! Какое утро, а мы безбожно спимъ.

Анна Николаевна, высокая, стройная, въ сѣромъ изящномъ платьѣ, смотрѣла такою свѣжею со своимъ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ. Въ отвѣтъ она только улыбнулась дѣвушкѣ свѣтлою улыбкою.

— Нѣтъ, душечка, скажите: мы не проспали Жигулей?

Молодая женщина пожала плечами.

— Я не знаю,—сказала Анна Николаевна.—Надо спросить. Позвольте васъ спросить,—обратилась она къ проходившему мимо агроному въ синихъ очкахъ:—не можете ли сказать, прошли мы Жигули или нѣтъ?

— Жигули впереди, мы скоро ихъ увидимъ.

— А успѣю я кофе напиться?—спросила Соничка.

— Успѣете.

Дамы поблагодарили. Агрономъ поклонился и прошелъ дальше.

— Мы съ нимъ познакомились,—вполголоса проговорила брюнетка молодой дамѣ,—а теперь станемъ кофе пить.

Черезъ полчаса, на ясномъ фонѣ неба вырисовался тонкій шпиль, поднимавшійся надъ высокою горою. Справа показалось село Усолье—имѣнье гр. Орлова-Давыдова. Хотя самихъ Жигулей и не было еще видно, но близость ихъ какъ-то сама собою уже чувствовалась въ громкихъ разговорахъ и восклицаніяхъ пассажировъ первыхъ классовъ, въ напряженномъ выраженіи лицъ и особенномъ какомъ-то оживленіи въ третьемъ классѣ, въ движеніи на палубѣ нижняго этажа, гдѣ помѣщается машина и находятся рабочіе и пассажиры безъ класса...

— Дѣдушка! Пахомъ Калистратычъ!—взывалъ къ старику начетчику Ермила.—Что это на селеніи за хоромы громаднѣющія каменныя?

— То графскія конюшни, парень, ты видишь. Тамъ кони многотысячные у графа стоятъ, въ нѣгѣ да въ холѣ воспитываются...

— А-ахъ, ты...

Несутся, летятъ минуты, и Усолье съ графскими конюшнями и многотысячными конями осталось позади. Напряженность растетъ, всѣ словно ждутъ и ждутъ чего-то неминучаго, страннаго, необъятнаго... И вдругъ послышался странный измѣнившійся голосъ Пахома:

— А вотъ и Степанъ Тимофеевичъ, батюшка, горою на насъ идетъ.

Пароходъ бѣжалъ около самаго края луговаго берега. Впереди, прямо, выплыла бѣлая, дѣвственно-чистая колокольня Ставрополя и вознеслась надъ моремъ молодаго лѣса, съ синѣющими за нимъ борами. «Левіаѳанъ» круто повернулъ и, будто, сразу остановился; моментально все стихло... Красавица колокольня начала отступать влѣво и быстро погружаться въ зеленыя волны; а съ противоположнаго берега, по діагонали, на пароходъ надвигалось страшилище—гора. Въ залахъ и каютахъ первыхъ двухъ классовъ никого не оставалось, кромѣ больнаго пассажира въ одной изъ отдѣльныхъ каютъ: всѣ высыпали на балконъ. Гора-великанъ неслась навстрѣчу съ неимовѣрной быстротой. Вдругъ съ нижней палубы, гдѣ помѣщается машина, грянули сильные голоса:

Мы взойдемте, братцы,
На высокія горы;
Поглядимте, братцы,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.

Страшный утесъ-гора, съ каждой минутой все выраставшая передъ глазами, громовыми раскатами повторяла слова пѣсни. У многихъ въ груди захватило духъ и біеніе сердце пріостановилось.

Ужь какъ что̀ у насъ на Волгѣ
Что̀ черными зачернѣлось,
И бѣлыимъ забѣлѣлось
Тонкимъ бѣлымъ парусо̀чкомъ.

Нѣмецъ-управляющій испугался и схватилъ за руку священника, лица другихъ пассажировъ поблѣднѣли; на щекахъ живой брюнетки розы поблекли.

— Анна Николаевна! — захватывающимъ голосомъ произнесла дѣвушка, прижимаясь къ молодой дамѣ.—Пароходъ идетъ прямо на гору.

Закрылѣлося на Волгѣ
Мелкотравчатымъ знаменамъ,
Зачернѣлося на Волгѣ
Черноморскіимъ стружочкамъ.

На одномъ изъ стружочковъ,—пѣла далѣе пѣсня,—«весела была бесѣда»: тутъ сидѣлъ самъ атаманушка, по прозванью Стенька Разинъ. Гора-мысъ, почти отвѣсно поднимавшаяся надъ водою, была уже въ двухъ саженяхъ... Еще нѣсколько мгновеній—и пароходъ разбился бы въ дребезги о страшную твердыню... Но невидимая рука измѣняетъ курсъ, и онъ благополучно минуетъ опасность. Отлегло у всѣхъ отъ сердца, дамы облегченно вздохнули. И едва обогнули гору, какъ съ разныхъ сторонъ клики восторга и удивленія огласили балконъ. Дивная картина открылась предъ изумленными взорами. Справа, во всю длину берега, встали и поднялись въ прихотливыхъ очертаніяхъ горы, скалы и утесы; то краснобурые и каменистые, они кротко отсвѣчивали, то совсѣмъ утопали въ чудныхъ кудряхъ зелени. Безчисленными толпами собрались они на берегъ, чтобы полюбоваться своимъ отраженіемъ; остановились и замерли отъ восхищенія и обнявшей ихъ радости. Луговой берегъ съ какимъ-то, словно бы, любопытствомъ глядѣлъ съ противоположной стороны на эти толпы прекрасныхъ великановъ и, затаивъ улыбку, ждалъ, что они будутъ дѣлать; а за его синѣющими борами едва примѣтно темнѣлъ хребетъ еще какого-то спящаго исполина... Широко раздвигались блещущія, переливающіяся разными цвѣтами, воды могущественной рѣки, а вдали, гдѣ серебрится ея изгибъ, въ золотисто-лиловомъ сіяніи, млѣли выступы горной цѣпи. И надо всѣмъ этимъ—распростершійся голубой сводъ неба, ликующее высоко солнце и звенящіе въ поднебесьѣ голоса невидимыхъ пѣвцовъ.

— Господи!—выговорила Соничка, вся взволнованная, съ выраженіемъ благоговѣнія въ черныхъ глазахъ и съ разгорѣвшимися щеками.—Какая красота!

Анна Николаевна, также взволнованная, казавшаяся теперь еще красивѣе, не произнесла ни слова; она только молча пожала руку дѣвушки, лежавшую на ея колѣняхъ. И никто не

говорилъ, всѣ сидѣли или стояли, какъ очарованные. Лица преобразились: рѣзкость сгладилась, они сдѣлались лучше и добрѣе. Даже лицо нѣмца «съ истинно-русской душой» измѣнилось, и выраженіе его желто-карихъ глазъ смягчилось. Будущій обладатель милліоновъ прекратилъ счетъ, остановился и съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ по сторонамъ. Батюшка тихо вздыхалъ и на рѣсницахъ его дрожали слезы. Больныя дѣвушки сидѣли съ просвѣтленными лицами: природа своими красами благодѣтельно подѣйствовала и на нихъ, наполнила сердца ихъ жизнью и счастьемъ забвенія. Армячные пассажиры глядѣли изо всѣхъ оконъ и дверей, а нѣкоторые болѣе храбрые стояли на кормовой части. Только изъ каюты I-го класса больной не вышелъ, не показалось и лица его въ закрытомъ окнѣ, задернутомъ малиновою шторкой...

— Дѣдушка!.. Пахомъ Калистратычъ,—послышался голосъ, и на кормовую часть балкона выдвинулся изъ двери Ермила:—гдѣ же тотъ человѣкъ, что, ты сказывалъ, горою-то къ намъ шелъ? Я все глядѣлъ да нешь не запримѣтилъ.

Старикъ, не спускавшій глазъ съ Жигулевскихъ горъ, отвѣтилъ любопытному:

— Онъ невидимъ, парень, а духъ-то его еще бродитъ, особливо здѣсь по горамъ: вѣдь это—Жигули, любимое пристанище Степана Тимофеича.

— Да люди толкуютъ, что онъ и по сіе время живъ,—вступился плотничій староста.—Правда ли это, дѣдушка?

— Толкуютъ,—промолвилъ въ отвѣтъ старикъ.—Слышалъ и я, что въ ину пору нѣкоторымъ человѣкамъ онъ въ тѣлесномъ образѣ представляется. Сказывалъ мнѣ одинъ христіанинъ, что своими глазами удостоился лицезрѣть Степана Тимофеича.

— Видѣлъ?!. Ахъ ты, Боже!.. Что же онъ какъ?.. Живъ—здоровъ?

— Живъ-то, живъ, но въ превеликомъ несчастіи обрѣтается... А вонъ, ребятушки,—кивнулъ старикъ на узенькую полоску берега, идущую мимо подошвы горъ и покрытую молодыми кленами и рябиною,—въ прежніе годы тутъ всякій разъ, когда мимо струга ли другія какія суда проходили, стояли въ бѣлыхъ одѣяніяхъ старцы, отшельники, кои отъ грѣха міра удалились въ горы и обитали здѣсь въ пещерахъ. Выдутъ благочестивые старцы на бережокъ, станутъ рядкомъ и кланяются

плывущимъ. А тѣ съ судовъ имъ кидаютъ провизіи, ради своей души спасенія: помолитесь, молъ, праведники господни, за насъ грѣшныхъ. Старцы имъ въ благодарность псальму или иной божественный стихъ споютъ, а потомъ обратно въ пещеры удалятся.

— А по нонѣшнему времени отшельники эти ужь не выходятъ?—полюбопытствовалъ черноволосый столяръ.

— Гдѣ!.. Какъ зачали эти пароходы по Волгѣ сновать—всѣхъ благочестивыхъ старцевъ и распугали... Времена прежде были не тѣ, люди больно, вѣдь, тогда просто жили. Положилъ человѣкъ намѣреніе отречься отъ міра, выбралъ гдѣ себѣ уединенное мѣсто и ушелъ: молись, никто тебѣ препятствовать въ томъ не будетъ и за молитвы твои каждый, провѣдавъ, явную или тайную милостыню сотворитъ. А нонче вездѣ пошли строгости большія да утѣснительства.

— Это вѣрно,—ввернулъ слово, какъ бы про себя, степенный купецъ, толкавшійся теперь среди пассажировъ третьяго класса:—нонѣча безъ прописки вида душу спасать не полагается.

— Правду-истину ты молвилъ, купецъ, — сказалъ «дѣдушка».—Уйди, къ примѣру, ты спасаться въ пустыню, а тамъ тебя ужь урядникъ приметъ. «Ахъ ты, бродяга», скажетъ, «лѣнь тебѣ работать, такъ ты и въ пустыню спасаться захотѣлъ»!

— Такъ, такъ! Нонче этого ужь не дозволяютъ...

Раздался свистокъ — густой, продолжительный. На него отозвались горы, откликнулась вся луговая сторона и далекіе боры; все исполнилось какихъ-то грозныхъ звуковъ и пугающихъ голосовъ.

— Какъ Степанушка-то поговариваетъ!

Ревъ «Левіаѳана» затихъ. Но Жигули,—горы, скалы и лѣса—долго еще гудѣли, перекатывались точно бы угрозами и отмщеніемъ... Пароходъ взялъ къ пристани, ютившейся у лѣваго берега и чуть примѣтной; маленькія и крохотныя фигурки мелькали на «конторкѣ».

— А вонъ, по той скалѣ,—показалъ своею сухой и морщинистой рукою Пахомъ Калистратовичъ,—видите, что промежду двухъ горъ, во образѣ звѣря выступила?—ставропольцы завсегда узнаютъ, когда ненастной погодѣ быть: какъ только за-

примѣтятъ, что надъ скалою затуманивается,—ну, значитъ дождь или снѣгъ пойдетъ, глядя по времени.

На пристани толпились люди, на берегу стояли тощія клячи съ отчаянными калиберами, готовыми принять на себя здоровыхъ и больныхъ, чтобы за рубль-полтора вытрясти изъ сѣдоковъ всю душу, прокативъ ихъ по лѣснымъ дорожкамъ въ городъ или прямо въ сосновую рощу, на кумысное заведеніе. Съ парохода нѣсколько пассажировъ сошли на берегъ, съ «конторки» сбѣжало человѣкъ пять-шесть новыхъ, съ подушками подъ мышкой и саквояжами въ рукахъ.

— На кумысъ кто не желаетъ ли ѣхать?—кричали съ берега мѣщане-извощики, такого же отчаяннаго вида, какъ ихъ кони и экипажи.—За два рублика живо домчимъ, ваше сіятельство.

Города не видать, онъ въ шести-семи верстахъ отъ пристани; но имъ никто, кажется, и не интересовался: взоры и вниманіе пассажировъ приковали къ себѣ чудныя картины. Теперь линія горъ, не смотря на то, что отошла почти на двѣ версты отъ луговаго берега, выступила рельефно, во всей своей чарующей прелести, и казалась гораздо ближе, чѣмъ когда пароходъ бѣжалъ мимо самыхъ горъ; въ ту и другую сторону глазъ съ балкона обнималъ горную цѣпь на пятнадцать-двадцать верстъ вдоль рѣки. Тамъ, гдѣ упали лучи солнца, скалы и горы, пышно одѣтыя свѣжей блестящей листвой, играли нѣжными тонами, отражаясь въ зеркальной поверхности воды; въ мѣстахъ, гдѣ лежала тѣнь, онѣ отчетливо и вмѣстѣ съ тѣмъ мягко вырисовывались своими контурами на голубомъ фонѣ неба. Все манило взоръ и влекло къ себѣ съ неотразимою силою, тихо поднимая въ груди святыя чувства и наполняя все существо благоговѣніемъ... Нѣтъ, не безпричинно это радованіе души человѣческой, не напрасно влечетъ ее къ себѣ красота и солнце: есть тайная, никѣмъ еще не узнанная сила, которая возстановляетъ гармонію міровъ и напоминаетъ человѣку о высшихъ идеалахъ...

— Снимай трапъ!—слышится команда.

— Есть!

Привычныя руки проворно забираютъ чалки; между бокомъ «конторки» и пароходомъ образуется небольшая и узкая полоса; американецъ отдѣляется, беретъ вверхъ, поворачиваетъ и снова уже полнымъ ходомъ несется по Волгѣ.

X.

Веселое оживленіе и какая-то особенная возбужденность не покидаютъ парохода. Дамы и мужчины громко восхищаются быстро смѣняющимися видами; дѣти шумной бѣготней и криками выражаютъ свой восторгъ, оглашая весь балконъ; въ третьемъ классѣ идутъ разсказы про Жигули; на нижней палубѣ не смолкаютъ пѣсни. По лѣвую сторону, за молодымъ лѣсомъ, по прежнему лежитъ темный хребетъ спящаго исполина; а по правую—встрѣчаютъ и провожаютъ группы улыбающихся горъ. Однѣ встрѣчаютъ нерукотворными пирамидами, мѣстами разступаясь, чтобы показать сіяющую долину или открыть въ промежуткѣ, позади себя, еще новыя пирамиды; другія, какъ божьи храмы, возносятся къ небу своими куполообразными вершинами. Дубъ и кленъ, густо ихъ покрывающіе, кажутся взору мелкимъ кустарникомъ. Скалы и утесы, лѣпившіеся по горамъ или выбѣгавшіе къ самой водѣ, представляютъ фигуры какихъ-то фантастическихъ звѣрей или развалины замковъ, цитаделей, башенъ... Время отъ времени, на скалѣ промелькнетъ дикая коза; взмахнетъ съ утеса тяжелыми крыльями орелъ, подымется надъ куполомъ горы и стоитъ неподвижно въ прозрачномъ воздухѣ...

— Мамочка, Анна Николаевна! Смотрите... Да что же это за прелесть!—восклицаетъ Соничка, бѣгая по балкону и на минутку пріостанавливаясь передъ дамами.

— Я была въ Италіи, въ Швейцаріи,—говорила между тѣмъ Анна Николаевна, отвѣтивъ улыбкою на восклицаніе брюнетки.—Видѣла тамъ чудеса природы. Была и въ Крыму. Тамъ все поражаетъ, особенно насъ, русскихъ, своей грандіозностью и роскошной красотою; но вы скоро почувствуете свое одиночество, какую-то сиротливость... Жигули нейдутъ въ сравненіе: они мелки, незначительны... Но зато какая граціозная, скромная, чисто-русская красота! Она больше мнѣ говоритъ, чѣмъ Альпы, Неаполитанскій заливъ или видъ моря изъ Байдарскихъ воротъ.

— Не потому ли это такъ, что тамъ для насъ все чужое, а здѣсь свое, родное?—замѣтила Соничка мамашѣ.

Врачъ-артистъ, свѣжій и выхоленный, только что приняв-

шій ванну, разсказывалъ поклонницамъ своихъ талантовъ о Кавказѣ, гдѣ онъ провелъ въ Желѣзноводскѣ одно лѣто, въ качествѣ консультанта, и «хорошо заработалъ». Желая познакомить съ мѣстною природою, онъ живописалъ передъ слушательницами и Эльборусъ, и Казбекъ, и Дарьяльское ущелье, вплетая въ разсказъ стихи изъ Пушкина и Лермонтова; но все у него выходило безжизненно, холодно, хотя это нисколько не вредило хорошему впечатлѣнію.

— Какой вы поэтъ!—играя вѣеромъ, перебила разсказчика пышная дама «съ упадкомъ питанія».

— Положительно талантъ!—подхватила другая, у которой врачи признали «дѣйствительный» упадокъ питанія.—Вамъ слѣдовало бы, m-r Павловъ, написать романъ. Вы—художникъ!

Командиръ швабры, прилагавшій удвоенное стараніе на глазахъ «благородной публики», съ недоумѣніемъ воззрился на доктора: «баринъ, а *художникъ*»?!.—можно было прочесть по загорѣлому лицу. Изъ этого недоумѣнія вывелъ его сердитый голосъ:

— Ты что же дорогу загородилъ? а?

Блюститель чистоты отступилъ. Передъ нимъ—красный околышъ съ одутловатымъ лицомъ и мутными, но гнѣвными взорами.

— Я, ваше высокоблагородіе, насчетъ удовольствія благородныхъ господъ. Изволите видѣть: полирую?

Красный околышъ подарилъ еще однимъ взглядомъ матроса, выразительно крякнулъ и проговорилъ:

— Ха-амъ!

Наградивши такимъ образомъ усердіе блюстителя чистоты, обладатель краснаго околыша узрѣлъ нѣмца-управляющаго и двинулся на него.

— Геръ! пожалуйте... Мы обѣдать хотимъ. Намъ пріятно бы съ вами въ компанію.

— О! я готовъ съ удовольствіемъ поддержать компанію,— изъявилъ согласіе нѣмецъ.—Я буду фриштыкать.

И оба повернули.

— Такъ вы полагаете, губернаторъ меня утвердитъ?—спрашиваетъ на пути къ буфету красный околышъ.

— Непремѣнно! Кого же, я спрошу, и утвердить, если не такихъ патріотовъ, какъ вы!

Священникъ, агрономъ, юный старообрядецъ и купчикъ съ

подвязанной щекой сидѣли на одномъ изъ диванов. Къ ихъ обществу присоединился какой-то чиновничекъ, явившійся въ числѣ пассажировъ, сѣвшихъ на послѣдней пристани. Невысокаго роста, съ темными бачками и съ подвижной физіономіей, онъ, съ перваго же своего вступленія на пароходъ, успѣлъ со многими уже перезнакомиться и безъ умолку говорилъ, нисколько, кажется, не задаваясь вопросомъ, слушаютъ его или нѣтъ. Онъ говорилъ, что Жигули—самая красивая мѣстность на всемъ протяженіи Волги; что они тянутся отъ самаго Усолья и вплоть почти до Самары, верстъ на девяносто; что лежатъ они въ симбирской губерніи и принадлежатъ графу Орлову-Давыдову, у котораго и на лѣвомъ берегу, въ самарской губерніи, находится «экономія», по объему немного развѣ поменьше Жигулей и т. д. Сообщалъ онъ также весьма обстоятельныя и любопытныя свѣдѣнія о городѣ Ставрополѣ: городъ этотъ деревянный, но очень живописный по своему мѣстоположенію,—въ низинѣ, весь въ пескахъ, такъ что путешествіе и на лошадяхъ, и пѣшкомъ довольно затруднительно, но обыватели къ этому привыкли и не жалуются. Видъ Жигулей изъ города необычайно хорошъ: вся горная цѣпь какъ на ладонкѣ, и во время разлива Волга подходитъ къ самому городу, затопляя крайнія улицы, и тогда такая ужь красота бываетъ, что и вообразить себѣ трудно. Обыватели-мѣщане занимаются хлѣбопашествомъ. Мѣстная торговля не достигла еще высокаго уровня развитія, но существуютъ двѣ кожевенныя фабрики и есть надежда, что, благодаря кумысу, привлекающему каждое лѣто много недужныхъ изъ разныхъ городовъ и даже столицъ, мѣстная промышленность, годовъ черезъ пятьдесятъ, достигнетъ цвѣтущаго состоянія.

— Большой съѣздъ кумысниковъ бываетъ?—полюбопытствовалъ агрономъ.

— Очень большой. Не хватаетъ помѣщеній. Мѣстоположеніе всѣхъ привлекаетъ: живописно и для больныхъ здорово.

— Но если, вы говорили, пески и заливаетъ водою...

— Это городъ заливаетъ, а кумысъ пьютъ въ сосновой рощѣ—не больше версты отъ окраины города, гдѣ кожевенный заводъ. Мѣстность возвышенная, сухая и больные въ самомъ лѣсу живутъ. Воздухъ какой, ароматъ! Нѣкоторые для одного только воздуха пріѣзжаютъ.

— А позвольте васъ спросить,—отнесся къ чиновнику батюшка:—чего стоитъ тамъ больнымъ содержаніе и лѣченіе?

— Для людей обезпеченныхъ—не дорого. Домикъ за весь сезонъ стоитъ рублей сто-двѣсти. Столъ, если будете брать у повара—рублей тридцать-сорокъ въ мѣсяцъ, да за кумысъ въ мѣсяцъ—смотря по тому, сколько кому назначаютъ его употреблять—отъ пятнадцати-двадцати и до пятидесяти рублей въ мѣсяцъ... Ну, потомъ чай, булка, прислуга, извощикъ—рублей пятнадцать-двадцать въ мѣсяцъ, разные непредвидѣнные расходы.

— Однако, цифра выходитъ не маловажная!..

— Зато воздухъ, ароматъ! Кому не по средствамъ, тотъ можетъ найти недорогую квартирку въ самомъ городѣ и ежедневно ходить въ рощу за кумысомъ.

— Кумысъ степной, ковыльный?—спросилъ агрономъ.

— Ковыля близъ Ставрополя нѣтъ, но матки пасутся въ степи и кумысъ приготовляется на мѣстѣ въ деревнѣ,—верстахъ въ десяти или двѣнадцати отъ города. Въ рощу его ежедневно больнымъ доставляютъ.

— Но это представляетъ неудобство для больныхъ: кумысъ назначается неодинаковой крѣпости, и отъ перевозки, во время которой онъ болтается на солнцѣ, различіе крѣпости должно уничтожиться.

— Ничего нельзя подѣлать! Ужь сколько лѣтъ содержатели кумыснаго заведенія хлопочутъ, чтобы поближе гдѣ приготовлять, но ближе семидесяти верстъ нѣтъ пастбищъ, да и тѣ въ ограниченномъ количествѣ, такъ что нерѣдко кумыса больнымъ недостаетъ: кто пьетъ шесть бутылокъ въ день, ограничивается одной... Впрочемъ, въ подобныхъ же условіяхъ находятся кумысо-лѣчебныя заведенія и въ Самарѣ.

— Очень печально.

— Ничего не подѣлаешь. Но зато въ Ставрополѣ мѣстоположеніе, воздухъ!..

Въ эту минуту Анна Николаевна, подъ руку съ Соничкой и въ сопровожденіи Наденьки, подошла къ периламъ балкона и остановилась передъ разговаривавшими. Пароходъ шелъ мимо самаго берега, у котораго подошва горы имѣла видъ краснова-тыхъ развалинъ стѣны съ бойницею; высокія растенія украшали мѣстами эти руины. Горы разступились, изъ ярко-зеленѣющей

долины выглянуло раскинувшееся селеньице. Брюнетка пришла въ восторгъ.

— Это—Маркваши,—послышался голосъ, и Соничка увидѣла стоящаго вблизи степеннаго купца.

— А я васъ искала,—обрадовалась дѣвушка:—мнѣ хотѣлось бы васъ о многомъ спросить. Здравствуйте!

Купецъ приподнялъ фуражку.

— Мое почтеніе, сударыня!—проговорилъ онъ въ сторону долины.—Вотъ эта гора—сичасъ налѣво—Соколиною прозывается: соколы тамъ вверху живутъ. Очень прекрасная съ этой горы за Волгу картина представляется.

— Вы бывали на этой горѣ?

— Былъ-съ. Очень превосходно.

— А какъ живописно это селеніе! Любопытно, чѣмъ тамъ жители занимаются.

— Прежде разбоемъ жители промышляли. Извольте замѣтить, въ какомъ ущельѣ селишко притаилось? Повадно было грабить... Да и нонѣча, сказать жителямъ не въ обиду, разбойнаго духа въ нихъ много осталось. Когда я лазилъ на эту Соколиную гору, такъ съ меня они за одно любопытство три цѣлковыхъ потребовали. Далъ рубль, чтобъ отвязаться, такъ чуть веслами не убили: насилу отъ нихъ въ лодку убѣгъ.

— Неужели?

— Точно такъ-съ. Вотъ вы, сударыня, любопытствуете насчетъ разныхъ здѣшнихъ мѣстъ. Вамъ бы послушать одного человѣка: чего только онъ не поразскажетъ!

— Гдѣ же этотъ человѣкъ?—встрепенулась дѣвушка.—На пароходѣ?

— Въ третьемъ классѣ. Старикъ-начетчикъ, по старой вѣрѣ человѣкъ и много про все знаетъ.

— Какъ бы я хотѣла его послушать!.. Но онъ, пожалуй, будетъ при мнѣ стѣсняться?

— Безпремѣнно. При васъ не будетъ разсказывать.

— Такъ какъ же?

— Не безпокойтесь!.. Я ужь придумаю.

Анна Николаевна обратилась съ вопросомъ къ агроному.

— Я слышала, вы ѣдете въ уфимскую губернію?

Молодой человѣкъ всталъ и поклонился.

— Вы знакомы съ этою губерніей, были тамъ и раньше?

— Я оренбуржецъ, тамъ родился,—отвѣчалъ агрономъ.— Еще будучи гимназистомъ, во время лѣтнихъ каникулъ, ѣздилъ я и ходилъ по Башкиріи и киргизскимъ степямъ.

Глаза Анны Николаевны засвѣтились.

— Еслибъ вы были такъ добры, удѣлили мнѣ нѣсколько минутъ и поразсказали, что вы знаете о башкирахъ, киргизахъ и другихъ инородцахъ.

— Весьма охотно.

Мужчины хотѣли уступить свои мѣста, но Анна Николаевна отклонила ихъ любезность.

— Не безпокойтесь. Вотъ здѣсь есть свободныя,—показала она на диванъ, стоящій на овалѣ, въ передней части парохода, и ступила нѣсколько шаговъ впередъ.

Изъ машиннаго отдѣленія выносилась пѣсня:

«Зашатался, загулялся добрый молодецъ».

Въ палатѣ III-го класса собирались чаёвничать. Съ кормы, въ распахнутую дверь, заглядывало лицо степеннаго купца.

— Ну, дѣдушка Пахомъ, я валю,—подалъ свой голосъ Ермила, держа въ одной рукѣ мѣдный чайникъ, а другую протягивая къ старику.—Давай, я прихвачу и про тебя кипятку.

А пѣсня снизу разносилась уже такими словами:

«Перевозу съ меня возьмите пятьдесятъ рублей!
Коли мало вамъ,—возьмите сто рублей!
Дайте, братцы, съ отцомъ съ матерью проститься,
Съ молодой женой, съ малымъ дѣтушкамъ»...

XI.

Чиновникъ съ бачками оказался неистощимымъ: онъ говорилъ безъ умолку, пѣлъ, какъ птица. Папироска въ его рукахъ, то и дѣло, гасла; онъ часто вынималъ изъ кармана коробку со шведскими спичками и чиркалъ.

— Удивительно, что за спички!—выражалъ онъ свое неудовольствіе:—трещатъ да отскакиваютъ, всѣ руки и платье съ ними изжегъ, а загорится изъ пары одна. Прежде, безъ акциза, были отличныя спички, а какъ наложили акцизъ,—совсѣмъ никуда негодныя стали.

— Должно быть, изъ подъ акциза онѣ вырываются,—замѣтилъ купчикъ съ опухшей щекой:—потому и капризничаютъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ваше замѣчаніе вѣрно. Я не помню, продавался ли когда у насъ табакъ безъ акциза, но вотъ, когда акцизъ былъ низкій,—табакъ мы курили недорогой и хорошій; а стали акцизъ набавлять—табакъ хуже, все хуже пошелъ, а теперь ниже двухъ рублей за фунтъ хоть и не кури. А вѣдь въ годъ сколько табаку этого истребишь! Ну, для кармана-то и чувствительно.

— Да вы бы бросили курить,—сказалъ батюшка.—Ученые люди объясняютъ, что отъ табаку и грудь болитъ, и глаза портятся.

— Совершенно справедливо, батюшка,—соглашается чиновникъ.—Но привычка—вторая натура. Вотъ все равно, что пьяница: какъ онъ ни крѣпись, какъ отъ вина ни отворачивайся, а подъ конецъ не выдержитъ и еще больше станетъ пить.

— Да теперь и вина до чего поднялись,—сказалъ купчикъ:—крестьянину или рабочему человѣку просто разоренье.

— Простымъ людямъ и пить не надо,—подалъ мнѣніе старообрядецъ.—Черезъ вино народъ къ погибели совлекается.

— Умѣренное употребленіе, я полагаю, вреда человѣку не можетъ принести,—возразилъ священникъ.—Не укоризненно вино, а укоризненно пьянство.

— Это такъ, батюшка, безъ вина рабочему обойтись невозможно,—говорилъ лѣсопромышленникъ съ подвязанной щекой.—Но вино нонче пошло какое-то губительное: выпьетъ человѣкъ стаканъ, захочетъ другой, а тамъ третій. И какъ ему это въ голову ударитъ, такъ либо озорничать начнетъ, либо драться. Я у себя на лѣсныхъ выработкахъ немало всякаго безобразія насмотрѣлся. Хорошіе мужики, работящіе, но до вина близко ихъ не допущай.

— Значитъ, по моему и выходитъ: простымъ людямъ вино совсѣмъ не слѣдуетъ употреблять.

— Вы неправильно на дѣло смотрите, господа,—заговорилъ чиновникъ.—Вино—главный доходъ государства. Если народъ перестанетъ пить, то откуда же государство возьметъ триста милліоновъ? Положимъ, теперь у насъ заботятся: акцизъ на вино подымаютъ, чтобы меньше потребляли.

— Что вы? Больше еще пьютъ!

— Позвольте. Кабаковъ теперь и званья не осталось, вино

только въ трактирахъ и лавкахъ продается. Раньше въ одномъ и томъ же селеніи можно было два-три кабака имѣть, а теперь уже это ограничено... Дальше! Заботятся еще болѣе пьянство сократить, окладываютъ акцизомъ спички, керосинъ, возвышенъ акцизъ на чай—чуть не до рубля па фунтъ,—словомъ, стараются всѣ предметы жизненныхъ потребностей обложить, чтобы наверстать потери на вино, какія могутъ со временемъ произойти отъ ограниченнаго употребленія... Вотъ такими-то мѣрами, да если съ божьей помощью, и пьянство должно сократиться. Нельзя же, господа, сразу всего достигнуть—чего вы хотите?—перемѣнивъ тонъ, съ видомъ чуть не государственнаго человѣка, добавилъ чиновникъ.

Въ это время, изъ-за двери втораго класса выглянула черная бородка, съ парою бойкихъ карихъ глазъ, поводила по сторонамъ, словно кого отыскивая, и обратилась къ разговаривающимъ съ вопросомъ:

— Господина доктора не видали?

Батюшка осмотрѣлся.

— Да, кажется, они вонъ тамъ, съ барышнями бесѣдуютъ.

Бородка проворно направилась по указанію.

— Господинъ докторъ, пожалуйте-съ!

Врачъ, повѣствовавшій о чемъ-то необыкновенно интересномъ своимъ пацієнткамъ, лѣниво и слегка повернулъ голову.

— Что вамъ?

— На минутку. Два слова по секрету...

— Что еще тамъ?.. Говорите!

— Хозяинъ мой въ большой слабости.

— Я его недавно видѣлъ, особеннаго ничего не могло произойти... Но я приду, идите.

Бородка удалилась.

Врачъ окончилъ свое повѣствованіе, неторопливо поднялся и сказалъ:

— Pardon, mesdames. Какъ ни пріятно ваше общество, но я на пять минутъ васъ оставлю: священная обязанность врача—прежде всего!

И онъ плавной, съ развальцемъ, походкой отправился для исполненія своей священной обязанности. Встрѣтившаяся съ нимъ гувернантка, гулявшая по балкону съ дѣтьми, вспыхнула и проводила его пламеннымъ взоромъ. Проходя по коридору,

врачъ заглянулъ въ залу II-го класса, гдѣ нѣмецъ кушалъ бифштексъ и запивалъ лафитомъ, а господа съ цвѣтными околышами угощались второю уже полудюжиною пива; повернувъ направо, онъ отворилъ дверь каюты съ закрытыми темно-зеленою шторкою окнами, гдѣ стоялъ прикащикъ съ черною бородкой передъ больнымъ, лежавшимъ на диванѣ...

— А богата эта гордая барыня?—спрашивала царица салона московскую барыню съ «духовнымъ лицомъ».

— Говорятъ, страшно богата. Интересная вдовушка. Какія блестящія партіи ей представлялись — не выходитъ: должно быть, разборчива чрезвычайно или свободою своею дорожитъ. Три года вдовствуетъ, и все путешествуетъ: за границу, въ Крымъ ѣздила, теперь въ Уфу или въ Оренбургъ ѣдетъ — не могу точно сказать. Вѣроятно, приключеній ищетъ! Но кто она—неизвѣстно; сколько я,—конечно, самымъ деликатнымъ образомъ,—ни старалась,—не могла узнать объ ея общественномъ положеніи.

— Красивая особа... Только въ ея манерахъ есть что-то такое, что̀ мнѣ не нравится... Нѣтъ того изящества, того хорошаго тона, какой мы обыкновенно привыкли видѣть въ женщинахъ высшаго... нашего круга. Не скажу, чтобы манеры ея были совсѣмъ вульгарны,—я безпристрастна,—но эта постоянная рисовка собою, какая-то таинственность... Даже m-г Павловъ обратилъ вниманіе. Такъ рѣзко бьетъ въ глаза!

— Да, она много о себѣ думаетъ.

Но скорое возвращеніе доктора помѣшало дальнѣйшей оцѣнкѣ достоинствъ Анны Николаевны.

— Ну, что вашъ больной?

Врачъ медленно опустился на стулъ и спокойно объявилъ:

— Перемѣнилъ лѣкарство. До Самары доѣдетъ.

— Какъ? Неужели онъ такъ опасно...

— Больше двухъ сутокъ не проживетъ,—авторитетнымъ тономъ произнесъ врачъ.

Дамы слегка вздрогнули.

— Зачѣмъ же его на кумысъ послали?

Эскулапъ пожалъ плечами.

— Подите, спросите московскихъ знаменитостей.

— Однако, это—ужасно!—воскликнула пышная дама.— Знаютъ, что умретъ, и посылаютъ человѣка за тысячу верстъ.

— Это безбожно!—воскликнула худая дама.—По крайней мѣрѣ, предупредили бы жену или кого изъ близкихъ лицъ, а то больной ѣдетъ съ постороннимъ человѣкомъ.

— У него въ Москвѣ семейство?

— Не знаю. Вѣроятно. Онъ—личность извѣстная, у него механическій заводъ.

— Десять милліоновъ... Двадцать милліоновъ!—проносясь мимо, съ азартомъ выкрикивалъ рыженькій мальчуганъ.

— Ахъ, опять этотъ!.. Нервы мнѣ съ своими милліонами разстроилъ,—съ неудовольствіемъ проговорила одна изъ дамъ.

Павелъ Александровичъ разсказывалъ о нашемъ ближнемъ востокѣ и, какъ человѣкъ близко знакомый съ краемъ, и любившій его, говорилъ съ возрастающимъ одушевленіемъ:

— Башкирія—прекрасный, богатый край, но забытый, оставленный на произволъ хищниковъ!—говорилъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь.—Что за природа, что за картины! Черноземныя степи, еще и до настоящаго времени не тронутыя, чудныя рѣки, озера и здоровый климатъ... Стоило бы только завести привольное хозяйство, поднять скотоводство, которымъ башкиры когда-то славились, и дать возможность къ развитію промысловъ. Черезъ двадцать лѣтъ вы не узнали бы этого края! Полтораста лѣтъ заставляли башкиръ изъ подъ палки пахать землю, а не догадались устроить земледѣльческихъ школъ. Не съ взрослыхъ, привыкшихъ къ кочевкамъ, а съ ребятишекъ нужно дѣло начинать: школы воспитывали и приготовляли бы ихъ къ земледѣлію. Помилуйте! въ трехъ обширныхъ губерніяхъ,—самарской, уфимской и оренбургской,—нѣтъ ни одной земледѣльческой школы. Да! И вотъ теперь этотъ хорошій, добродушный, гостепріимный и съ живымъ умомъ народъ, какъ башкиры, голодаютъ, живутъ въ нищенствѣ и незамѣтно вырождаются... Обратите вниманіе, что самый исламъ не уничтожилъ въ нихъ наклонностей къ поэзіи.

— Правда, что башкиры поэты?—спросила Анна Николаевна.

— Совершенная правда! У нихъ есть свой героическій эпосъ, свои обрядовыя пѣсни, лирическія... Кромѣ того, они большіе импровизаторы... Ѣдетъ башкиръ степью—онъ воспѣваетъ степь, по рѣкѣ плыветъ въ своемъ вырубленномъ изъ колоды челнокѣ,—поетъ про рѣку, смотритъ на горы—его вдох-

новляютъ и горы, березу увидитъ, и про нее слагаетъ пѣсню: какъ она одна въ полѣ стоитъ сиротою, такъ и онъ, башкиръ, сирота во всемъ божьемъ мірѣ...

И Анна Николаевна, и обѣ дѣвушки слушали агронома съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, особенно живая Соничка: она какъ-то вся стихла, ушла въ себя и лишь изрѣдка потихоньку вздыхала.

— А киргизы менѣе симпатичны?—полюбопытствовала молодая женщина.

— По моему—да... Но я ихъ не такъ хорошо знаю... Нѣкоторые изъ нашихъ оренбуржцевъ больше хвалятъ киргизъ. Дѣйствительно, они гораздо практичнѣе башкиръ, хитры и не такъ наивны, какъ башкиры; они болѣе и къ агрикультурѣ способны, но зато скорѣе и въ плутняхъ, и въ эксплуатаціи своего же брата успѣваютъ,—особенно тѣ, которые ближе къ городамъ и ведутъ дѣла на мѣновомъ дворѣ.

— Киргизы точно также магометане?

— Нѣтъ, не всѣ еще... По Илеку они уже всѣ обмусульманились, но по Тургаю и въ степяхъ, ближе къ Китаю, исламъ мало проникъ,—тамъ держатся больше своей первобытной, если можно только выразиться, естественной религіи.

— Вы знакомы съ ихъ религіею?

— Къ сожалѣнію, не знакомъ. Слышалъ, что въ ней есть много общаго съ нашею христіанскою религіею. Между киргизами, равно какъ и башкирами, вы найдете немало людей образованныхъ, нѣкоторые даже съ университетскимъ образованіемъ. Одинъ изъ такихъ образованныхъ киргизовъ собралъ всѣ религіозныя преданія, на основаніи ихъ составилъ нѣчто въ родѣ катихизиса и представилъ по начальству. Начальство послало этотъ трудъ на разсмотрѣніе муфтія и членовъ магометанскаго духовнаго собранія. Мусульманское духовенство разсмотрѣло и отнеслось къ новому катихизису, какъ и слѣдовало ожидать: оно нашло, что обнародованіе подобнаго труда произведетъ сильное неудовольствіе среди всего магометанскаго населенія, какъ ученіе совершенно противное корану. Составитель катихизиса хотѣлъ подать объяснительную записку, но ему дали понять, что онъ чиновникъ, лицо должностное, и потому благоразумнѣе ему молчать. Тѣмъ дѣло и кончилось, а проповѣдники ислама энергически повсюду распространяютъ ученіе Магомета и обращаютъ киргизовъ и другихъ инородцевъ въ исламъ.

— Но православные миссіонеры тамъ также дѣйствуютъ?

— Какіе миссіонеры? Между черемисами-язычниками еще встрѣчаются, но не русскіе, а черемисы же, которые въ дѣтствѣ были окрещены, а потомъ получили образованіе въ православныхъ миссіонерскихъ школахъ въ Казани или Уфѣ. Но проповѣдь ислама обнимаетъ населеніе не въ одинъ милліонъ, ведется съ необычайнымъ рвеніемъ и успѣхомъ. Мнѣ приходилось наблюсти: гдѣ магометанство сильнѣе пустило корни, тамъ и народъ другой: они враждебно настроены ко всѣмъ иновѣрцамъ, въ особенности къ намъ, русскимъ, и страшно эксплуатируютъ мѣстное населеніе.

Чѣмъ дальше тянулись Жигули, тѣмъ величественнѣе становилась Волга, прелестнѣе казались горы и заманчивѣе, таинственнѣе глядѣла свѣтлая даль. Только изрѣдка, мѣстами, глазъ неожиданно поражала печальная картина: среди веселыхъ, тихо радующихся красавицъ-горъ, обнажались вдругъ пирамиды, лишенныя своей красы безжалостнымъ топоромъ. Оставшіеся пни—одни какъ-то мрачно чернѣли, а другіе, отъ ольховаго лѣса, краснѣли, точно изъ нихъ еще сочилась кровь. Но ближайшія горы поспѣшно закрывали своихъ обезображенныхъ подругъ, какъ будто пряча отъ любопытныхъ взоровъ чужое горе, и впечатлѣніе быстро сглаживалось. Ни для кого незамѣтно проснулся исполинъ, распростертый вдоль лѣваго берега, встряхнулся онъ и разомъ приподнялъ свою темнозеленую гриву. Далеко, далеко изъ свѣтлыхъ водъ выплыла сѣрая съ красноватымъ отливомъ скала, а за нею, какъ бы стремясь преградить могучей рѣкѣ дальнѣйшій изгибъ, всталъ другой темный исполинъ.

Степенный купецъ, заложивъ назадъ свои руки и поигрывая на ходу толстыми короткими пальцами, тоже выплылъ было на носовую часть парохода; но, замѣтивъ, что «любопытная» барышня занята разговоромъ, бросилъ невдалекѣ якорь. Поправивъ на головѣ картузъ, онъ принялся усердно разсматривать чуть виднѣвшійся косой парусъ, точно бѣлое, слегка золотившееся, крыло большаго лебедя, легшаго однимъ своимъ бокомъ на воду. Соничка, слушая разсказъ молодаго человѣка, смотрѣла вдаль, очарованная новыми красами, и душа дѣвушки раскрывалась навстрѣчу призывамъ весенней природы; грудь высоко и мѣрно вздымалась, щоки заливало румянцемъ и чер-

ные глаза ея горѣли мягкимъ, словно бы потухающимъ, свѣтомъ... Но вотъ замолкъ и разсказчикъ; ни слова не произнесла и Анна Николаевна. Всѣ они молча смотрѣли... Горы то разступались, то тѣснились; изъ воды росла сѣрая скала, бѣлое крыло лебедя кротко сіяло, за нимъ показалось другое, и небо, голубое, чистое и радостно-спокойное, опускалось на горныя вершины, глядясь въ такія же спокойныя, мѣстами чуть-чуть зыблющіяся, воды рѣки. Анна Николаевна протяжно вздохнула.

— Тамъ въ одномъ мѣстѣ еще лучше увидимъ картину,— нарушилъ молчаніе агрономъ.

Соничка медленно повела головою.

— Скоро... это увидимъ?

— Не больше какъ черезъ полчаса... Царевъ курганъ уже показался.

— Гдѣ?

— А видите,—парусъ бѣлѣетъ, тамъ изъ воды скала выставилась.

Купецъ снялся съ якоря и выплылъ на самый носъ, загородивъ видъ на секунду-другую. Заложивъ руки за спину, онъ прослѣдовалъ, не обращая ни на кого вниманія и смотря куда-то въ пространство. Брюнетка вспорхнула и подлетѣла къ нему.

— Вы за мной?

— Если угодно-съ, пожалуйте. Тамъ ужь за чаемъ сидятъ.

— А я не пропущу одного красиваго мѣста?

— Не безпокойтесь. Я слышалъ. До того мѣста еще съ часъ пробѣжимъ. Да, вѣдь, вы и съ кормы увидите.

Соничка шепнула что-то на ухо Аннѣ Николаевнѣ. Черезъ минуту обѣ онѣ шли за купцомъ на кормовую часть парохода.

XII.

Чаёвники только что покончили съ первымъ «самоваромъ», и Ермила укатилъ за новымъ. Офеня, сообщавшій утромъ о новомъ изобрѣтеніи, столь полезномъ въ крестьянскомъ обиходѣ, теперь разсказывалъ слышанное имъ про Разина.

— Ему рѣка нипочемъ: есть переправа или нѣтъ, онъ все равно отъ погони убѣжитъ. Только бы до воды добраться, а тамъ ужь у него есть свое средство: кинетъ въ рѣку ко-

шомку, спрыгнетъ на нее и поплыветъ. Погоня на берегу стоитъ да только поглядываетъ, а Стенька съ кошомки имъ кланяется да покрикиваетъ: «прощайте, слуги царскіе. Коли желаете со мной за компанью, такъ скидайте одежину, бросайтесь въ воду и догоняйте меня». Вотъ онъ какой былъ! Извѣстно—волшебникъ.

— Нешто онъ изъ волшебниковъ?

— Кто жь его знаетъ! Люди такъ сказываютъ... Опять сколько разъ его имали и въ острогъ сажали: запрутъ въ самое что ни есть крѣпкое мѣсто, вездѣ караулъ разставятъ и никоимъ, то исть, образомъ изъ острога ему уйти нельзя, а онъ все же убѣжитъ. Начертитъ на полу уголькомъ лодку, попроситъ водицы испить, ковшикъ ему подадутъ—и ту же минуту хлынетъ вода, затопитъ весь острогъ, и Стенька преблагополучно, съ пѣснями, въ своей лодочкѣ выѣзжаетъ — и прямо на Волгу-матушку!..

— Это точно, сказываютъ, что онъ неоднова такимъ манеромъ изъ замка побѣгъ учинялъ.

— Ну, вотъ, теперь и разсудите: можетъ ли человѣкъ, безъ помощи волшебства, на лодкѣ изъ острога бѣжать или на кошомкѣ Волгу переѣхать?

Мудрено. Всѣ въ затрудненіи рѣшить такой вопросъ; но одинъ выискался.

— А какой человѣкъ — я тоже слыхивалъ — супротивъ стрежня на плотѣ поплылъ?—задалъ онъ вопросъ.

— Эка ты голова, братецъ. Съ кѣмъ ты приравнялъ? Тотъ, поди, святой былъ, а Разинъ...

— Э, робя, не дѣло!—раздается голосъ Ермилы.—Я по чай бѣгалъ, а вы безъ меня ужь и разсказали. Такъ нехорошо...

— Суспокой себя, тебѣ разскажемъ послѣ, про что безъ тебя тутъ шелъ разговоръ.

— Нешь такъ? Ну, инъ ладно, я не осержусь... Царевъ курганъ, слышь, видать...

— Ужли?

Пахомъ Калистратовичъ, молча слушавшій и попивавшій изъ деревянной чашки свой чай, приподнялъ голову и посмотрѣлъ черезъ открытую дверь.

— По примѣтамъ, Царевъ курганъ отселѣ должно видать,— проговорилъ старикъ.

Плотничій староста, давно и напрасно ждавшій рѣчи начетчика, прицѣпился къ этимъ словамъ и спросилъ:

— Отъ кого, дѣдушка, такое прозванье кургана взялось? Вѣдь люди толкуютъ, что на немъ Разинъ съ своими товарищами пировалъ?

Пахомъ Калистратовичъ, допивъ свой чай, вытеръ рукавомъ бѣлой холщевой рубашки усы и бороду, осѣнилъ себя троекратно двуперстнымъ крестомъ и потомъ уже отвѣтилъ:

— Степанушка точно, взаправду, съ вольницей своей на курганѣ томъ пристанище имѣлъ, но прозванье ему отъ царя пошло, по волѣ и слову коего въ одну ночь бугоръ насыпали... Можетъ, слышалъ кто изъ васъ про царя Ивана Васильевича, что̀ Грознымъ величался? Такъ отъ него курганъ Царевымъ названъ.

— По какому же это случаю?

— А вотъ случай какой былъ. Покорилъ царь Грозный казанское царство, двинулъ свою рать на царство астраханское—тоже невѣрное татаровье владѣли тѣмъ царствомъ. Дошелъ царь съ ратью до мѣста, гдѣ село Царевщина стоитъ, и повелѣлъ тутъ привалъ сдѣлать. Показалось ему то мѣсто, и пожелалъ онъ по себѣ память здѣсь вѣчную оставить; вышелъ онъ изъ шатра своего царскаго и кликнулъ ратнымъ людямъ: «воины мои славные, слуги мои царскіе! Соорудите мнѣ такой холмъ на берегу Волги, чтобы кто ни плылъ по ней съ верховья али низовья, видѣлъ бы этотъ холмъ за двадесять верстъ и мое имя царское прославляли бы изъ вѣка въ вѣкъ! Потѣшьте сердце мое царское и въ одну ночь возведите на томъ мѣстѣ холмъ превеликій». По слову государеву, воины кинулись къ пескамъ и принялись таскать шапками землю на указанное мѣсто. Проснулся утромъ съ восходомъ солнечнымъ царь Грозный, распахнулъ полы шатра своего бѣлаго и увидѣлъ курганъ-гору превеликую. Позвалъ онъ воеводъ своихъ, начальниковъ ратныхъ, и взошелъ съ ними на холмъ; воззрѣлъ очами царскими вверхъ по Волгѣ—на двадцать пять верстъ рѣку и горы видать; повелъ налѣво—видить за двадцать верстъ. На радости большой, приказалъ царь пиръ на всѣхъ бояръ, воеводъ и начальниковъ устроить, а ратнымъ людямъ, за ихъ труды и послушаніе, велѣлъ каждому по чаркѣ зелена вина поднести.

Съ нижней палубы опять ворвалась пѣсня:

«Онъ купцамъ и господамъ не кланяется,
Онъ князьямъ и боярамъ челомъ не бьетъ,
Къ астраханскому воеводѣ на судъ нейдетъ».

— Про сына Разина поютъ!—промолвилъ старикъ Пахомъ, и по лицу его прошла улыбка удовольствія.

Воевода,—доносила пѣсня,—увидѣлъ съ высокаго крыльца «незнакомаго человѣка», шибко осердился на «неучтивца» и въ сердцахъ созываетъ вѣрныхъ слугъ,—приказываетъ имъ привести предъ себя молодца.

— Дѣдушка! Когда же Разинъ-то Астрахань покорилъ?

— Онъ взялъ ее при царѣ Алексѣѣ, что̀ первый воздвигъ гоненіе противъ людей древняго благочестія... Да подожди, парень, ребята ужь больно хорошу пѣсню завели. Послушаемъ!

Приводятъ молодца изъ царева кабака. И сталъ воевода крѣпко спрашивать его, кто онъ и отколѣ:

«Иль ты здѣшняго города Астрахани,
Иль ты съ Дона казачокъ, иль казацкій сынъ,
Иль со матушки Москвы ты купеческій сынокъ»?

На вопросы воеводы молодой Разинъ даетъ такіе отвѣты:

«Я не здѣшняго города Астрахани,
Я не съ Дона рѣки, не казацкій я сынъ,
Не со матушки Москвы, не купеческій сынокъ:
Я со Волги рѣки, Стеньки Разина сынъ».

Старикъ, при послѣднихъ словахъ, одобрительно кивнулъ головою и проговорилъ:

— Какъ съ воеводою-то вьюнишъ младый поговариваетъ! Весь по родителю своему пошелъ... Ну, тутъ уже пѣснѣ конецъ.

— Пахомъ Калистратычъ,—началъ староста:—ты давѣ молвилъ про человѣка, кой Разина самого видѣлъ. Повѣдалъ бы ты намъ, что̀ онъ тебѣ сказалъ.

Старикъ посмотрѣлъ на любопытнаго.

— Экій ты дошлый! Все тебѣ вынь да положь. Много будешь знать, скоро состаришься.

— Люблю я очень про старину-то послушать.

— Аль и взаправду повѣдать?.. Ну, коли ты старину любишь, такъ ужь разскажу.

Съ чаёвниковъ потъ катился градомъ, они не успѣвали вытирать свои раскраснѣвшіяся лица, но никто и въ помышленіи не имѣлъ отказываться отъ дальнѣйшихъ услугъ Ермилы, исполнявшаго теперь должность хозяйки. Степенный купецъ посиживалъ на скамеечкѣ подлѣ двери и, по временамъ, посматривалъ въ окошко, дѣлая кому-то головою и глазами таинственные знаки.

— Годовъ тридцать, а, можетъ, и слишечкомъ тому дѣло было, какъ съ моимъ пріятелемъ, христіаниномъ, это диво дивное повстрѣчалось,—разсказывалъ старикъ Пахомъ.—Довелось ему, по своей надобности, въ одномъ селеньѣ на горахъ быть; справилъ, что̀ ему было надобно, и пошелъ Жигулями обратно въ Подгорное, что̀ село супротивъ города Самары стоитъ. Пути ему верстъ съ десятокъ всего оставалось, а ужь въ горахъ темнѣть стало, ночь подступала. Поторапливается, шагу прибавляетъ и подвигается впередъ тропиночкою. Часъ идетъ, другой идетъ, а конца пути не видать; ночь хотя была и лѣтняя, но въ горахъ совсѣмъ черно, однѣ верхушки ихъ на чистомъ небушкѣ ясно обозначаются. Идетъ еще часъ и два, а Подгорнаго и въ знатяхъ нѣтъ. Сдогадался христіанинъ, что онъ сбился съ настоящей тропы, блуждаетъ невѣсть гдѣ. Присѣлъ съ устатку, думаетъ, озирается вокругъ, и таково-то ему боязно сдѣлалось... Помилуй Богъ, звѣрь нападетъ или лихой человѣкъ встрѣтится!.. Вдругъ не въ дальнемъ разстояніи слышитъ не то голосъ, не то стонъ человѣческій... Обмеръ мой пріятель, скинулъ шапку и оградилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Смотритъ: вершины посвѣтлѣли, и свѣтъ по горамъ внизъ спускается. Поднялъ голову, анъ тамъ мѣсяцъ всталъ и глядитъ такой свѣжій къ нему въ ущелье. Осмотрѣлся христіанинъ: мѣсто дикое, глухое, кругомъ скалы, горы да утесы. Какъ выйти?—ума не приложитъ... Опять гласъ-стонъ человѣческій!.. Перепугался ужасно и бѣжать, но никуда убѣжать невозможно... А гласъ человѣческій нѣтъ-нѣтъ да и простонетъ. Что дѣлать?.. Воззвалъ отъ чистаго сердца ко Всевышнему и нечаянно тутъ христіанину впало на умъ: ежели кого разбойникъ рѣжетъ, то надобно человѣку тому помощь оказать, а ежели умирающій, то долгъ каждаго христіанина утѣшить страдающаго, дать ему принести покаяніе въ грѣхахъ, а послѣ—очи помершаго закрыть. Припасу у моего пріятеля было

немного, всего одинъ кистень за пазухой,—но мысль благая подвигла его, душа и сердце исполнились смѣлостью великою. Сталъ онъ по скаламъ взбираться къ тому мѣсту, откуда идетъ гласъ человѣческій. Взбирается, а стонъ-гласъ все шибче да страшнѣе... Видитъ—тропиночка извивается, къ тому мѣсту ведетъ, откуда стенанія и голосъ человѣческіе. Чѣмъ ближе, тѣмъ ужаснѣе: не единъ, а сотни вопіютъ и стонутъ... Содрогнулся мой братъ христіанинъ, впалъ въ унынie духа и отчаяніе... «Не подходи, не подходи ко мнѣ»! загремѣлъ голосъ, и всѣ Жигули за нимъ:—«не подходи, не подходи»! Но христіанинъ уже нейдетъ, а ноги сами собой его несутъ. При мѣсяцѣ все такъ явственно да свѣтло... Видитъ — пещера или ровъ передъ нимъ, а во рву сидитъ богатырь... По рукамъ, по ногамъ и бѣлымъ грудямъ богатыря ползаютъ змѣи, ящерицы да жабы, а ровъ кишмя-кишитъ всякими гадами, и сосутъ, мучатъ всѣ эти гады богатыря! Великой скорби и неслыханной жалобы голосомъ человѣкъ тотъ изо рва возгласилъ: «Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? пока эти гады не слышатъ русскаго духа,—они поослобонятъ меня, дадутъ вздышечку, а какъ только заслышатъ, что русскимъ духомъ потянуло, такъ и примутся нещадно меня сосать да мучить».—Не вѣдалъ я про то, добрый человѣкъ,—осмѣлился слово вымолвить христіанинъ:—прости меня Бога для. А кто ты самъ-то будешь?—«Я Степанъ Разинъ».—Доколѣ же ты станешь мучиться, Степанъ Тимофеичъ? — «А стану я мучиться до скончанія міра, ежели русскій народъ не прозритъ».

Выраженіе ужаса, страха и недоумѣнія отпечаталось на всѣхъ лицахъ; широко раскрытые глаза устремлены были прямо на старика, но никто слова не проронилъ. Мертвая тишина воцарилась въ «палатѣ». Въ окно заглянула Соничка.

— Дѣдушка!—опомнился первымъ изъ слушателей чернявый столяръ:—ежели бы ты да толкованіе намъ, по случаю этого дива, преподалъ?..

Но въ эту минуту надъ горами раздался оглушительный трескъ.

— Что это?!. Никакъ громъ, братцы?

— Громъ? Да откуда ему взяться-то? Небо чистое.

— А, вонъ тучка сизокрылая прилетѣла.—показалъ глазами Пахомъ Калистратовичъ.

— Вотъ оказія-то! Изъ чего бы ровно ей и гремѣть-то?

— Илья-пророкъ, батюшка, свой гласъ подаетъ,—внушительно проговорилъ старикъ:—вѣсть міру посылаетъ, чтобы люди за всякій часъ готовы были передъ вѣчнымъ Судіей предстать.

Новый раскатъ грома прокатился.

— Святъ, святъ, Господь Саваоѳъ!..—закрестились въ палатѣ.

— Кабы дождичекъ ударилъ..

— То-то бы земля, кормилица наша, ему возрадовалась!

Вѣтеркомъ пахнуло въ двери и окна. Край сизокрылой тучки накрылъ солнце. Рѣдкія, крупныя капли сверкнули въ прозрачномъ воздухѣ, упали на воду и, мигнувъ, потонули. На Жигули, рѣку и все прибрежье набѣжала тѣнь. Раздался такой громовый ударъ, отъ котораго горы, казалось, разсѣлись, воздухъ съ трескомъ разорвался. Еще лѣвый берегъ и даль остаются въ нѣжно-голубомъ сіяніи, но правый уже дымится, вершины исчезаютъ. Припустилъ сильный дождь, и черезъ минуту-двѣ все скрылось и подернулось свинцовою сѣткой. Балконъ опустѣлъ.

Въ гостинной перваго класса собрались дамы и мужчины. Соничка съ Анной Николаевной стояли у окна и не громко разговаривали. Легенда о Разинѣ произвела на нихъ впечатлѣніе.

— Народъ живетъ своей жизнью,—говорила молодая женщина:—у него особое міровоззрѣніе, свои идеалы и вѣрованія. Мы чужды народу, онъ сторонится насъ и остается по прежнему сфинксомъ, хотя мы притворяемся, что знаемъ его,—у насъ такъ много о народѣ пишутъ и говорятъ... Впрочемъ, теперь меньше стали говорить, мода на мужиковъ прошла...

— Но милая, голубчикъ!—воскликнула Соничка.—Что это за легенду старикъ разсказывалъ! Мнѣ даже и сейчасъ отъ нея страшно... Какая-то стихійная грозная сила въ ней сокрыта.

Туча быстро проносилась. Сквозь рѣдѣвшую сѣтку, какъ облако, выплывали горныя вершины, мѣстами обозначались берега, гдѣ-то уже пробивался солнечный лучъ. За окошками взмахнула косматая швабра и усиленно принялась за свое дѣло. Вблизи съ каждой секундой все прояснялось, сверху выглянула лазурь неба, и солнце, только что умывшееся въ тучѣ,

снова и еще ярче освѣтило панораму Волги. Изъ гостинной и залы многіе хлынули на воздухъ. Невыразимая тишина и покой: вся природа неслышно, но радостно вздыхала. Послѣднія, изрѣдка упадавшія, дождевыя капли звучно ударялись о кровлю парохода и глухо шлепали на полъ.

— Воздухъ, воздухъ какой!—послышались съ разныхъ сторонъ восклицанія.

«Американецъ» какъ разъ достигъ того мѣста, гдѣ оба берега близко сходились между собою и какъ бы гигантскимъ кольцомъ окружили рѣку. Справа полукругомъ вставали толпы пирамидальныхъ блестящихъ зеленыхъ вершинъ на ясной лазури неба; слѣва распростирался исполинъ, съ поднимавшеюся на хребтѣ темнозеленою гривою; впереди, наперерѣзъ ему и навстрѣчу противоположныхъ горъ, возносился уже другой гигантъ, надъ которымъ какъ будто остановилась, только что разразившаяся ливнемъ, грозная туча. Между подошвами обоихъ гигантовъ, въ купѣ вязовъ, липъ и клена, пріютился божій храмъ спрятавшагося села, а передъ нимъ изъ зеркальнаго лона водъ поднимался сѣрый утесъ-великанъ: это—Царевъ курганъ. Позади, на горизонтѣ, опять тѣснились и громоздились скалы, утесы и горы, мѣловые и бѣлые, словно тающіе. Воздухъ весь напоенъ ароматомъ, ласкою и призывами къ жизни, радости, любви...

Въ глубокомъ молчаніи и съ сладкимъ замираніемъ сердца въ груди всѣ стояли передъ этими чудными красами природы, и, можетъ быть, молились въ тайнѣ души своей... Новое величественное зрѣлище открылось передъ глазами. По сторонамъ гиганта, загородившаго широкое русло Волги, вдругъ что-то вспыхнуло, затрепетало разными цвѣтами — и на черной тучѣ вскинулась радуга!.. Въ глазахъ Анны Николаевны что-то сверкнуло, Соничка заплакала...

И въ ту минуту, какъ на балконѣ лились радостныя слезы и замирали отъ восторга молодыя сердца, въ полусумракѣ каюты перваго класса совершалось другое великое таинство, передъ которымъ стихаютъ всѣ страсти человѣческія и встаетъ чудовищный, леденящій сердце, призракъ...

Изъ дверей этой каюты показался докторъ; за нимъ высунулась растерянная фигура прикащика съ черной бородкой.

— До Самары, — спокойно и внушительно проговорилъ врачъ,—никому ни слова, пока не пріѣдемъ.

— Слушаю-съ.

Гиганты впереди разступились, въ узкой полосѣ разсѣлины сверкнула и засеребрилась зыбь, а полчаса спустя пароходъ вступилъ уже въ горныя ворота, изъ которыхъ открылся видъ на Самару.

— Еслибы вы помогли мнѣ взглянуть на этотъ катихизисъ,— говорила Анна Николаевна молодому человѣку.—Вы очень бы меня обязали.

— Я вамъ дамъ письмо къ одному пріятелю,—отвѣчалъ тотъ:—онъ устроитъ это дѣло. Вы изъ Самары прямо въ Оренбургъ?..

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я успѣю еще здѣсь написать.

— Пожалуйста.

Павелъ Александровичъ поклонился.

— Анна Николаевна,—подошла горничная дѣвушка,—прикажете вещи укладывать? Самара близко.

— Да, Катя, потрудись все уложить.

Въ четыре часа «Левіаѳанъ» подошелъ къ Самарѣ. Здѣсь всѣ больные и много здоровыхъ сошли на берегъ. Барынь «высшаго круга» ожидали кареты и коляски. Онѣ гуськомъ, но величественно, потянулись одна за другой, сопровождаемыя очаровательнымъ докторомъ. Анна Николаевна прощалась съ матерью Сонички, ея кузиною и еще немногими знакомыми, оставшимися на пароходѣ. Въ это время, изъ отдѣльной каюты перваго класса матросы вынесли что-то длинное, прикрытое пледомъ, и осторожно понесли внизъ, по направленію къ конторкѣ... Соничка, замѣтивъ кучку матросовъ съ ношею, хотѣла уже бѣжать, чтобы взглянуть, но молодая женщина удержала ее, быстро схвативъ за руку, и отвела въ сторону.

— Отъ всей души желаю вамъ счастья, Соничка,—говорила она:—желаю вамъ встрѣтить скорѣе человѣка, котораго вы полюбили бы...

— Ахъ, какъ я этого желала бы!—вполголоса, но сильно произнесла дѣвушка.—Но кого?

Павелъ Александровичъ, съ письмомъ въ рукѣ, кого-то искалъ; увидавъ разговаривающихъ, онъ хотѣлъ подойти, но остановился.

— Сію минуту!—кивнула ему головою Анна Николаевна.—Вотъ, — шепнула она дѣвушкѣ, — человѣкъ, съ которымъ вы могли бы быть счастливы.

Лицо Сонички вспыхнуло и красивая головка ея припала къ плечу друга.

— Живите, любите и будьте счастливы. Одного избѣгайте и бойтесь—пошлости. До свиданія!

— До свиданія? Нѣтъ, мы ужь не увидимся съ вами. Прощайте, прощайте!

Соничка горячо цѣловала свою знакомую и не хотѣла съ нею разстаться. Она непремѣнно проводитъ ее до экипажа. Дѣлать нечего!..

Уже сидя въ коляскѣ, Анна Николаевна, не выпуская руки дѣвушки изъ своихъ, какъ-то торжественно и тихо проговорила:

— Знаете, какая дѣятельность возможна для женщины?—красивое лицо ея вдругъ освѣтилось.—Миссіонерство... Проповѣдь евангелія среди нашихъ инородцевъ...

Коляска тронулась. Оставшаяся на берегу дѣвушка провожала глазами экипажъ до тѣхъ поръ, пока онъ не скрылся изъ виду, и съ опущенною головою, съ крупными слезами на черныхъ рѣсницахъ, въ какомъ-то раздумьѣ, не торопясь, вернулась на пароходъ.

— Проводили, сударыня, свою пріятельницу?—вывелъ дѣвушку изъ раздумья знакомый голосъ.

Она взглянула. Передъ нею стоялъ купецъ, любитель преданій и легендъ.

— Ахъ, это вы?—словно бы обрадовалась дѣвушка.—Вы дальше ѣдете?

— Такъ точно-съ. Мнѣ до Царицына городка. Теперь, полагаю, вамъ скучно будетъ безъ этой особы... Ежели угодно, будемъ слушать разсказы старичка про давнишнюю старину... А знатная, должно быть, дама, ваша знакомая, и лицо у нея особенное... Мнѣ въ первый разъ довелось такую особу видѣть!..

Молодая дѣвушка забилась въ уединенное мѣстечко и глу-

боко задумалась. Передъ нею всталъ во всей красотѣ образъ молодой женщины, которая еще такъ недавно, всего четверть часа назадъ, горячо цѣловала ее, любовно смотрѣла своими прекрасными большими глазами, и вотъ уже теперь нѣтъ ея,— она спѣшитъ на станцію желѣзной дороги, паровозъ умчитъ ее въ Оренбургъ, а потомъ—далекій путь на лошадяхъ, безпредѣльныя степи, всюду номады, русскіе переселенцы, больные и въ нищетѣ... Какое широкое поле для дѣятельности!.. Но это—самоотреченіе, подвигъ...

И Соничкѣ живо припомнились послѣднія слова уѣхавшей: «живите, любите и будьте счастливы»... Дѣвушка встряхнула головкой, выпрямилась и, съ гордостью взглянувъ на горныя ворота Жигулей, смѣло произнесла:

— Нѣтъ, я не опошлюсь никогда!

Ф. Нефедовъ.

ПУТЬ КЪ БЕРЛИНСКОМУ ТРАКТАТУ.

III.

Перемиріе было провозглашено. Нужно было пользоваться драгоцѣнными минутами, число которыхъ было сочтено, чтобы подвинуть впередъ дѣло объ умиротвореніи.

Не смотря на заявленіе, сдѣланное лордомъ Дерби—въ своей депешѣ отъ 30 октября, отправленной къ лорду Лофтусу въ С.-Петербургъ,—объ уклоненіи отъ всякихъ дальнѣйшихъ предложеній, великобританское правительство приняло на себя созывъ конференціи представителей державъ въ Константинополѣ.

Уже 4 ноября главный секретарь по иностраннымъ дѣламъ правительства королевы пишетъ слѣдующее представителямъ Англіи при иностранныхъ дворахъ:

«Правительство королевы рѣшилось возобновить внушеніе, имъ сдѣланное 5-го числа минувшаго мѣсяца, и беретъ на себя починъ предложенія, чтобы безъ промедленія была созвана въ Константинополѣ конференція, въ которой приняли бы участіе всѣ державы-поручительницы, а также и Порта. Каждому правительству предоставляется право назначить двухъ уполномоченныхъ въ качествѣ представителей на конференціи.

«Правительство королевы далѣе предлагаетъ слѣдующія основанія для трудовъ конференціи: 1) Независимость и неприкосновенность оттоманской имперіи. 2) Заявленіе, въ силу котораго ни одна изъ державъ не преслѣдуетъ и не будетъ преслѣдовать никакого территоріальнаго преимущества, никакого исключительнаго вліянія, никакой уступки относительно торговли въ пользу своихъ подданныхъ, которая не была бы распространена и на подданныхъ другихъ державъ. Подобное заявленіе было сдѣлано 17-го сентября 1840 года въ протоколѣ, относящемся до умиротворенія востока, и вторично 3-го августа 1860 года по поводу умиротворенія Сиріи. 3) Основы умиротворенія, предложенныя Портѣ 21-го сентября, а именно: a) Status quo въ общемъ смыслѣ этого слова для Черногоріи и Сербіи; b) одновременно Порта, посредствомъ протокола, который будетъ подписанъ въ Константинополѣ совмѣстно съ представителями державъ-посредницъ, приметъ на себя обязательство даровать Босніи и Герцеговинѣ систему мѣстнаго или административнаго самоуправленія, т. е. систему мѣстныхъ учрежденій, дающую населенію право контроля надъ своими собственными дѣлами и ручательство противъ проявленія самоволія властей. Относительно же учрежденія изъ нихъ государства, платящаго дань, не можетъ быть и рѣчи. Таковыя же ручательства должны быть даны противъ плохой администраціи въ Болгаріи.

«Реформы, на которыя Порта уже изъявила свое согласіе посредствомъ ноты отъ 13-го февраля на имя представителей державъ, будутъ включены въ число административныхъ мѣръ, подлежащихъ примѣненію въ Босніи и Герцеговинѣ, и распространены, насколько ихъ примѣнимость того дозволитъ, также и на Болгарію. Правительство королевы желаетъ, чтобы ваше

превосходительство предложили правительству, при которомъ вы аккредитованы, конференцію на такихъ именно основаніяхъ. Если прочія державы сочтутъ это полезнымъ, то правительство королевы не будетъ препятствовать тому, чтобы его представители сошлись съ представителями остальныхъ пяти державъ-поручительницъ для предварительныхъ обсужденій, до открытія конференціи. Пренія могутъ происходить на тѣхъ же основахъ, которыя предложены для самой конференціи».

Всѣ державы, подписавшія трактатъ 1856 года, и сама Порта дали свое согласіе. Русское правительство, однако, прибавило въ своемъ отвѣтѣ отъ 19 ноября, въ весьма точныхъ выраженіяхъ, что если оно и держится одинаковыхъ съ англійскимъ кабинетомъ взглядовъ на цѣль, то расходится съ нимъ относительно средствъ.

Тогда какъ лордъ Дерби на первый планъ ставилъ излюбленныя имъ *независимость* и *территоріальную неприкосновенность оттоманской имперіи*,—князь Горчаковъ, оставляя въ сторонѣ отжившія постановленія другихъ временъ, составленныя при другихъ условіяхъ и подъ вліяніемъ другихъ мыслей, руководившихъ двадцать лѣтъ тому назадъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, имѣетъ въ виду лишь одни безотлагательныя требованія настоящей минуты. Объ исполненіи этой высокой государственной задачи канцлеръ князь Горчаковъ, въ своей депешѣ отъ 18 ноября 1876 года, говоритъ [1]):

«....Оба кабинета согласны относительно необходимости возстановить спокойствіе на востокѣ и сохранить миръ Европы, положивъ предѣлъ невыносимому порядку вещей въ Турціи. Лордъ Дерби признаётъ съ нами, что, для достиженія твердаго и устойчиваго успокоенія, необходимо позаботиться сначала о дѣйствительномъ улучшеніи положенія христіанскихъ подданныхъ султана посредствомъ серьезныхъ практическихъ реформъ. Онъ, равно какъ и мы, признаётъ неудовлетворительность реформъ, имѣющихъ силу только на бумагѣ, и считаетъ необходимыми извѣстныя ручательства за ихъ исполненіе. Мы расходимся только въ способахъ достиженія этой цѣли, общей для всей Европы. Великобританское правительство желало бы согласовать ихъ съ буквою постановленій, утвержденныхъ въ другія времена, при иномъ положеніи и другомъ теченіи мыслей, не принимая въ разсчетъ истекшія двадцать лѣтъ и тяжкій опытъ, ими принесенный. Опытъ этотъ доказалъ съ крайнею неопровержимостью, что европейское воздѣйствіе на Турцію само обреклось на безсиліе постановленіями 1856 года, а Порта ими пользуется, удерживая безнаказанно въ продолженіе 20-ти лѣтъ состояніе, разорительное для нея самой, а равно и для ея христіанскихъ подданныхъ, гибельное для всеобщаго мира, возмущающее гуманныя чувства и совѣсть христіанской Европы. Уже нѣсколько разъ великія державы должны были нарушать пресловутый принципъ невмѣшательства, прямо вмѣшиваясь въ дѣла Турціи, а именно: въ Сиріи, въ Соединенныхъ княжествахъ, въ Сербіи и на островѣ Критѣ, и ихъ вмѣшательство принесло частные и временные плоды.

«Но первоначальныя причины зла, существующія постоянно и все распространяющіяся, должны были, силою вещей, рано или поздно довести до послѣдствій, на которыя неустанно обращало вниманіе Европы россійское правительство въ продолженіе истекшихъ двадцати лѣтъ. Нынѣ свидѣтельство фактовъ стало неопровержимымъ. Никогда еще дипломатія не волновалась такъ сильно вокругъ восточныхъ вопросовъ, какъ въ продолженіе истекшаго года. Никогда Европа не находилась въ болѣе смущенномъ состояніи, подъ угрозами ея спокойствію, ея интересамъ, ея безопасности. Никогда еще, въ отвѣтъ на усилія Европы въ смыслѣ миролюбія и умиротворенія, не проявлялись насилія турокъ съ такою гнусностью и въ столь широкихъ размѣрахъ. Никогда они, турки, не проявляли болѣе явно глубину и неизлѣчимость зла, снѣдающаго Турцію и угрожающаго безопас-

[1]) «Русскій дипломатическій ежегодникъ» за 1877 годъ, стр. 224 и слѣд.

ности Европы. Если великія державы желаютъ сдѣлать прочное дѣло, а не подвергаться періодическому возобновленію все болѣе и болѣе усугубляющагося опаснаго кризиса, то имъ невозможно придерживаться системы—оставлять зародышей живыми и допускать, чтобы эти послѣдніе, въ силу неумолимой логики вещей, снова развивались.

«Необходимо выйти изъ этого круга ошибокъ и признать, что независимость и неприкосновенность Турціи должны быть подчинены тому, чего требуютъ гуманность, христіанскія чувства Европы и всеобщее спокойствіе. Порта была первою нарушительницею обязательствъ, принятыхъ ею договоромъ 1856 года относительно своихъ христіанскихъ подданныхъ. Европа имѣетъ право и обязательство предписывать ей тѣ условія, при которыхъ единственно она можетъ согласиться на сохраненіе политическаго status quo, установленнаго означеннымъ договоромъ, а такъ какъ Порта неспособна исполнить условія, то Европа имѣетъ право, и обязана замѣстить ее, насколько это окажется нужнымъ, для приведенія въ исполненіе своихъ постановленій.

«Россія, менѣе чѣмъ какая либо изъ другихъ державъ, можетъ согласиться на повтореніе опытовъ примѣненія временныхъ облегчающихъ средствъ, полумѣръ и призрачныхъ программъ, жалкіе результаты которыхъ, бывшіе у всѣхъ на глазахъ, отразились на ея собственномъ спокойствіи и внутреннемъ благосостояніи»...

Разница во взглядахъ князя Горчакова и графа Дерби существенна и прямо бросается въ глаза. Она заключается въ излюбленной графомъ Дерби, околдовавшей его идеи независимости Блистательной Порты. Князь же Горчаковъ, во имя высокаго чувства человѣколюбія и состраданія, равно какъ и въ интересахъ общеевропейскаго спокойствія, оставляетъ эту идею на второмъ планѣ.

И безъ того натянутое положеніе еще болѣе обострилось, благодаря двумъ событіямъ, произведшимъ въ свое время сильное впечатлѣніе на весь просвѣщенный міръ; это были: 1) рѣчь, произнесенная въ Москвѣ, на возвратномъ пути изъ Крыма, императоромъ Александромъ II и обращенная къ московскому дворянству 11 ноября 1876 года, въ отвѣтъ на привѣтственный адресъ, и 2) застольный «спичъ» лорда Дерби на ежегодномъ обѣдѣ у лондонскаго лорда-мэра, произнесенный имъ наканунѣ.

Хотя слова, сказанныя государемъ императоромъ, еще живо хранятся въ сердцахъ и памяти у всѣхъ и каждаго на Руси, однако мы не можемъ воздержаться напомнить то, что̀ тогда всѣ читали въ особомъ прибавленіи къ «Правительственному Вѣстнику».

Рѣчь къ московскому дворянству 11 ноября 1876 года.

«Благодарю васъ, господа, за чувства, которыя вы желали мнѣ выразить по случаю настоящихъ политическихъ обстоятельствъ. Они теперь болѣе разъяснились, и потому я готовъ принять вашъ адресъ съ удовольствіемъ.

«Вамъ уже извѣстно, что Турція покорилась моимъ требованіямъ о немедленномъ заключеніи перемирія, чтобы положить конецъ безполезной рѣзнѣ въ Сербіи и Черногоріи. Черногорцы показали себя, въ этой неравной борьбѣ, какъ всегда, героями. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать про сербовъ, не смотря на присутствіе въ ихъ рядахъ нашихъ добровольцевъ, изъ коихъ многіе поплатились кровью за славянское дѣло. Я знаю, что вся Россія, вмѣстѣ со мною, принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію; но для меня истинные интересы Россіи дороже всего, и я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

«Вотъ почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирнымъ путемъ дѣйствительнаго улучшенія быта всѣхъ христіанъ, населяющихъ

Балканскій полуостровъ. На дняхъ должны начаться совѣщанія въ Константинополѣ между представителями шести великихъ державъ для опредѣленія мирныхъ условій.

«Желаю весьма, чтобы мы могли прійти къ общему соглашенію. Если же оно не состоится и я увижу, что мы не добьемся такихъ гарантій, которыя обезпечивали бы исполненіе того, чего мы вправѣ требовать отъ Порты, то я имѣю твердое намѣреніе дѣйствовать самостоятельно и увѣренъ, что въ такомъ случаѣ вся Россія отзовется на мой призывъ, когда я сочту это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Увѣренъ также, что Москва, какъ всегда, подастъ въ томъ примѣръ. Да поможетъ намъ Богъ исполнить наше святое призваніе»!

За день до этого, 10 ноября, лордъ Дерби, на означенномъ выше банкетѣ въ Guildholl'ѣ, произнесъ приблизительно слѣдующія слова [1]): «Если онъ, Дерби, отказался присоединиться къ берлинскому меморандуму и къ предложеніямъ графа Сумарокова, то это было только потому, что мѣры, заключающіяся въ нихъ, были связаны, какъ онъ заранѣе видѣлъ, съ посягательствомъ на *независимость* и *неприкосновенность* Турціи, равно какъ и открывали возможность нарушенія трактатовъ 1856 и 1871 годовъ. Миръ найдетъ наилучшее ручательство для себя въ сохраненіи существующихъ трактатовъ. Однако, независимость и неприкосновенность Турціи не могутъ быть обезпечены иначе, какъ при условіи, что населеніе той страны будетъ управляемо правительствомъ, пекущимся о ихъ благосостояніи».

«Я надѣюсь,—присовокупилъ лордъ Дерби,—что мы достигнемъ такого исхода безъ войны. Великобританія по существу есть страна не нападающая. Намъ война не можетъ принести пользы, но если случится столкновеніе, то нѣтъ страны лучше подготовленной къ войнѣ, потому что ни одно государство не обладаетъ такими великими средствами, какъ Англія. Надѣюсь, однако, что Великобританія никогда не вступитъ въ борьбу иначе, какъ за справедливое дѣло, касающееся ея свободы, независимости и неприкосновенности. Но разъ борьба начнется, она ее продолжитъ до той поры, пока правое дѣло не будетъ выполнено».

Выраженіе, употребленное вторично государемъ императоромъ (первый разъ оно было сказано въ Ливадіи лорду Лофтусу) въ своей рѣчи къ московскому дворянству, что онъ намѣренъ «дѣйствовать самостоятельно», ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ смотрѣла Россія на малодушную алчность обладательницы морей, и на людей, управлявшихъ ея судьбами.

Впервые также было упомянуто съ высоты русскаго престола о славянствѣ, и это повергло въ окончательное смятеніе многихъ. О какихъ славянахъ говорилъ царь? Вообще ли о всѣхъ, или только о единоплеменныхъ Россіи славянахъ-мученикахъ Балканскаго полуострова.

О своемъ рѣшеніи дѣйствовать единолично и самостоятельно въ случаѣ, если того потребуютъ обстоятельства, русскій императоръ оповѣстилъ Европу посредствомъ циркуляра, который онъ приказалъ государственному канцлеру князю Горчакову составить и отправить ко всѣмъ представителямъ Россіи при чужестранныхъ дворахъ. Вотъ этотъ циркуляръ отъ 1—13 ноября 1876 г. [2]).

[1]) Négociations etc., стр. 165.

[2]) «Русскій дипломатическій ежегодникъ» за 1877 г., стр. 220—221.

«Печальныя событія, обагряющія кровью Балканскій полуостровъ, глубоко взволновали всю Европу. Согласившись между собою, державы признали необходимость положить предѣлъ такому порядку вещей по долгу человѣчества и въ виду всеобщаго спокойствія. Онѣ пріостановили кровопролитіе, принудивъ обѣ стороны установить перемиріе. Онѣ также согласились относительно опредѣленія основъ, на которыхъ миръ могъ бы быть заключенъ съ тѣмъ, чтобы серьезно оградить христіанскія населенія отъ неисправимыхъ злоупотребленій турецкаго управленія, равно какъ и отъ необузданнаго своеволія оттоманскихъ служащихъ, а также и обезпечить Европу отъ періодическихъ возобновленій такихъ кровавыхъ столкновеній.

«Императорское правительство всѣми силами содѣйствовало установленію соглашенія между великими державами относительно вопроса, въ которомъ политическіе интересы должны уступить мѣсто болѣе возвышенному общему чувству—человѣколюбію—и спокойствію Европы.

«Оно ничѣмъ не булетъ пренебрегать для того, чтобы означенное соглашеніе привело къ прочному, дѣйствительному исходу, соотвѣтствующему требованію общественной совѣсти и всеобщему спокойствію. Но, благодаря тому, что дипломатія вотъ уже болѣе года обсуждаетъ способы осуществленія на дѣлѣ единодушной воли Европы, Порта получила возможность призвать изъ нѣдръ Азіи и Африки народное ополченіе, состоящее изъ наименѣе дисциплинированныхъ военныхъ силъ исламизма, возбудила мусульманскій фанатизмъ и подавила численнымъ превосходствомъ своихъ силъ христіанскія населенія, борющіяся за свое существованіе. Виновники ужасающихъ преступленій, вызвавшихъ негодованіе Европы, продолжаютъ пользоваться безнаказанностью и въ настоящую пору на всемъ пространствѣ оттоманской имперіи, на глазахъ негодующей Европы; ихъ примѣръ распространяетъ и увѣковѣчиваетъ тѣ же насилія и варварства.

«При такихъ обстоятельствахъ, его и. в. государь императоръ, твердо рѣшившись, съ своей стороны, преслѣдовать и достигнуть всѣми средствами, находящимися въ его власти, цѣли, намѣченной согласившимися великими державами, счелъ необходимымъ мобилизировать часть своихъ военныхъ силъ.

«Е. и. величество не желаетъ войны и сдѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы избѣгнуть ея. Но государь принялъ рѣшимость не останавливаться, пока принципы, признанные справедливыми, гуманными, необходимыми для всей Европы и къ которымъ общественное мнѣніе всей Россіи присоединилось съ величайшею настойчивостью, не получатъ полнѣйшаго удовлетворенія и не будутъ дѣйствительно обезпечены. Прим. и пр.».

Русскія войска стали сосредоточиваться въ Бессарабіи. Главнокомандующій арміею, великій князь Николай Николаевичъ, устроилъ свою главную квартиру въ Кишиневѣ. Въ началѣ декабря 1876 года состоялись въ Константинополѣ, по предложенію, сдѣланному въ свое время лордомъ Дерби, первыя предварительныя засѣданія представителей Россіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Великобританіи и Франціи, безъ участія турецкаго уполномоченнаго.

Великимъ визиремъ въ это время былъ назначенъ Митхадъ-паша, извѣстный новаторъ на западный ладъ, а также и ревностный англофилъ. 23 декабря открылись уже общія засѣданія константинопольской конференціи въ полномъ составѣ, подъ предсѣдательствомъ Савфетъ-паши—турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Раздались пушечные салюты съ укрѣпленій. Савфетъ-паша всталъ съ своего мѣста и торжественно объявилъ собравшемуся ареопагу, что въ эту знаменательную минуту совершается великое событіе: султанъ даруетъ своей имперіи конституцію, которая теперь и провозглашается; она мѣняетъ форму правленія, существовавшую шесть столѣтій, имѣя цѣлью установить новую эру для счастія и процвѣтанія всѣхъ народовъ, подвластныхъ Портѣ.

Театральная обстановка, при которой объявлялось о пресловутой «конституціи», равно какъ и составленіе ея, были дѣломъ Митхада-паши. Вкратцѣ она заключалась въ слѣдующемъ, представляя собою совокупность вожделѣній такъ называемой партіи «младотурокъ»: Слитіе въ одно цѣлое всѣхъ элементовъ, составляющихъ существо оттоманской имперіи, подъ сѣнью парламента и при нѣкоторыхъ условіяхъ личной свободы, составляющей достояніе гражданъ конституціонныхъ государствъ.

Новая хартія предназначалась не только для непосредственно управляемыхъ султаномъ странъ, но и для тѣхъ, которыя пользуются привилегированнымъ положеніемъ. Однако Сербія и Румынія протестовали противъ хартіи, а кандіоты и ливанцы благоразумно отказались послать въ Константинополь своихъ представителей.

Власть султана, опредѣлявшаяся новой конституціей, выражалась въ словахъ—калифъ и глава правовѣрныхъ (эмиръ-эльснумининъ). Оба эти названія возлагаютъ на него обязанность покровительства исламизму составляющему государственную религію. Остальныя религіи признаются свободными. Всѣ преимущества, дарованныя различнымъ общинамъ, подтверждаются; воспитаніе пользуется свободою, подъ надзоромъ правительства; но духовному воспитанію различныхъ общинъ не ставится никакихъ преградъ. Всѣ подданные равны предъ закономъ и имѣютъ одинаковое право занимать общественныя должности, подъ условіемъ знанія турецкаго языка. Пытка и конфискація уничтожены; министры отвѣтственны. Дѣла, подлежащія *шеріа* (духовно-гражданскій законъ), будутъ подсудны судамъ шеріа. Гражданскія дѣла будутъ разбираться въ гражданскихъ судахъ. Одна изъ послѣднихъ статей конституціи, а именно 113-я, предоставляетъ султану право изгнанія кого бы то ни было изъ предѣловъ турецкаго владѣнія.

Сама судьба какъ бы насмѣялась надъ составителемъ конституціи, а въ особенности ея 113 ст., потому что, вслѣдъ за обнародованіемъ конституціи, статья эта въ скоромъ времени была примѣнена къ самому Митхаду-пашѣ, который былъ сосланъ законнымъ порядкомъ.

Въ первомъ засѣданіи конференціи, графъ Шодорди (Chaudordy), французскій уполномоченный, представилъ отъ имени своихъ сотоварищей подготовительные труды предварительныхъ совѣщаній относительно:

1) Мирныхъ условій, подлежащихъ установленію между Турціей, Сербіей и Черногоріей; 2) учрежденій, предполагаемыхъ для Босніи и Герцеговины; 3) учрежденій для Болгаріи; 4) инструкцій для международной комисіи въ Босніи; 5) инструкцій для международной комисіи въ Болгаріи.

Главнымъ предметомъ преній въ засѣданіи сдѣлался вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ ли предложенія уполномоченныхъ извѣстной программѣ, предложенной графомъ Дерби. Турецкіе представители утверждали, что означенныя предложенія представителей превышали англійскія основы, принятыя Портою. Графъ Игнатьевъ, лордъ Салисбюри и остальные ихъ сотоварищи, съ своей стороны, усилива-

*

лись, напротивъ, доказать, что предложенія, предварительно согласованныя между русскимъ и великобританскимъ послами, явно подразумѣвались въ англійской программѣ. Этими соображеніями, по почину графа Игнатьева, и открылись пренія. Особенно волновало Савфетъ-пашу выраженіе: «Болгарія», не допускаемое Портою; кромѣ того, онъ заявилъ, что можетъ выразить свое согласіе только на такія предложенія, которыя не будутъ противорѣчить новорожденной конституціи государства. Въ концѣ концовъ, оба турецкіе уполномоченные рѣшили, что ими будетъ представленъ встрѣчный проэктъ. Но это встрѣчное предложеніе было принято даже самимъ великобританскимъ уполномоченнымъ, маркизомъ Салисбюри, весьма несочувственно. Въ засѣданіи 1 января 1877 года, благородный лордъ выразился относительно взгляда турецкихъ уполномоченныхъ слѣдующимъ образомъ:

«Съ глубокимъ сожалѣніемъ ознакомился я со встрѣчнымъ проэктомъ, не соотвѣтствующимъ ни должному уваженію къ державамъ, ни правильно-понимаемому достоинству Порты. Турецкіе уполномоченные не представили никакихъ измѣненій, касающихся предложеній, сдѣланныхъ представителями державъ; они просто совершенно устранили существенныя основы, составляющія душу этихъ предложеній. Прошу гг. турецкихъ уполномоченныхъ принять въ соображеніе трудное положеніе имперіи и подумать о томъ, что ея участь въ ихъ рукахъ. Велика будетъ ихъ отвѣтственность предъ судомъ исторіи. Державы предложили основы умиротворенія, признанныя ими наиболѣе подходящими къ тому, чтобы обезпечить миръ Европы и улучшить участь населеній имперіи. На этихъ началахъ онѣ готовы войти въ обсужденіе дѣла совмѣстно съ представителями блистательной Порты [1]). Эдхемъ-паша объяснилъ конференціи, что Порта не могла согласиться на слѣдующіе пункты: учрежденіе международной компаніи; установленіе иностранной жандармеріи; расквартированіе войскъ по крѣпостямъ; способъ назначенія губернаторовъ; административное подраздѣленіе; распоряженія, относящіяся до финансовъ и правосудія; перемѣщеніе въ Азію черкесскихъ колоній; подчиненіе различныхъ мѣстностей управленію Сербіи и Черногоріи. При этомъ Эдхемъ-паша заявилъ, что турецкіе представители даже не уполномочены обсуждать таковые пункты, но готовы приступить къ обсужденію остальныхъ; на что генералъ Игнатьевъ возразилъ, что, съ устраненіемъ этихъ пунктовъ, конференціи въ сущности ничего не остается для обсужденія».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, тотъ же турецкій уполномоченный объяснилъ конференціи взглядъ Блистательной Порты относительно животрепещущаго вопроса—о ручательствахъ.

Эдхемъ-паша отвѣчаетъ, что ручательства, на которыя онъ можетъ указать, заключаются,—какъ онъ уже имѣлъ случай выразиться, въ ручательствахъ нравственныхъ, въ конституціи, въ законахъ и въ дѣйствіи времени, которое дастъ новымъ учрежденіямъ возможность окрѣпнуть и опредѣлить ихъ практическое значеніе. Вотъ единственныя серьезныя гарантіи, которыя только и можетъ представить его правительство.

Вопросъ былъ поставленъ, какъ говорится, ребромъ. Оставалось или разойтись, или покориться необходимости сдѣлать существенныя уступки. Остановились на послѣднемъ, 15 января представители державъ предложили Портѣ *смягченный* проэктъ, устранявшій вопросы о предоставленіи Черногоріи Зубцовскаго участка, о разору-

[1]) Negociations etc., стр. 172.

женіи укрѣпленій на рѣкѣ Боянѣ, объ улучшеніи судоходства по этой рѣкѣ. Дѣло объ уступкѣ Малаго Зворника Сербіи оставалось открытымъ вопросомъ; согласіе державъ на назначеніе *вали* требовалось лишь на первый пятилѣтній періодъ, и не было необходимости, чтобы эта административная власть, гдѣ либо, была непремѣнно изъ христіанъ. Оставалось также неопредѣленнымъ, какая часть налоговъ должна обращаться на потребности областей. Вмѣшательство иноземныхъ войскъ было окончательно устранено. Отказывались и отъ вопроса относительно расквартированія турецкихъ войскъ. Портѣ предоставлялось назначеніе судебныхъ властей. Наконецъ, международной комисіи предполагалось дать названіе «*контрольной комисіи*»; ея власть и предѣлы этой власти, вмѣсто того чтобы быть немедленно съ точностью опредѣленными, были поставлены въ зависимость отъ спеціальныхъ послѣдующихъ инструкцій, и назначеніе ея членовъ болѣе не было предоставлено исключительно распоряженію *державъ-поручительницъ*, а просто *державъ*, что̀ *допускало участіе и Порты* [1]).

Вотъ какимъ образомъ умалились и, можно сказать, расчленились требованія, предъявленныя Портѣ.

Великобританскій уполномоченный, на долю котораго пришлось въ конференціи прочесть смягченный проэктъ, присовокупилъ однако же слѣдующее:

«Считаю своимъ долгомъ устранить правительство королевы отъ всякой отвѣтственности за все то, что̀ можетъ произойти. Съ этой цѣлью, мнѣ предписано формально заявить, что Великобританія рѣшилась не давать своего одобренія ни плохой администраціи, ни притѣсненіямъ; и если Порта своимъ упорствомъ или бездѣятельностью будетъ сопротивляться всѣмъ усиліямъ, которыя дѣлаются въ настоящее время, для того чтобы поставить оттоманскую имперію на болѣе устойчивую почву, то отвѣтственность за могущія произойти отъ этого послѣдствія ляжетъ всецѣло на султана и на его совѣтниковъ. Сообщая настоящій смягченный проэктъ, я, кромѣ того, съ разрѣшенія уполномоченныхъ, заявляю, что это есть послѣднее сообщеніе, сдѣланное съ нашей стороны, и если основы нашихъ предложеній не будутъ приняты въ засѣданіи конференціи, которое должно состояться 18-го текущаго мѣсяца, то уполномоченные шести державъ признаютъ конференцію закрытою и покинутъ Константинополь, въ силу полученныхъ ими предписаній».

Прочіе уполномоченные поочередно также заявили, что, въ случаѣ непринятія Портою *смягченнаго* проэкта, послы оставятъ Константинополь, поручивъ дѣла обыкновеннымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Тогда Савфетъ-паша сдѣлалъ еще одну, можно сказать, отчаянную попытку—in extremis, съ цѣлью хоть что нибудь выгадать. Но струна была уже слишкомъ натянута, и волей-неволей онъ долженъ былъ тутъ же согласиться на обсужденіе смягченнаго документа. Готовность свою онъ все таки постарался купить согласіемъ уполномоченныхъ на исключеніе изъ проэкта двухъ пунктовъ: о назначеніи вали и о международной (контрольной) комисіи,—пунктовъ, которыми, по его мнѣнію, Блистательная Порта не могла поступиться. Лордъ Салисбюри возразилъ, что уполномоченнымъ не дозволено выкинуть означенные пункты, такъ какъ они-то именно и составляютъ для державъ настоящее ручательство, требуемое отъ Порты. Русскій по-

[1]) Négociations etc., стр. 174.

солъ отрѣзалъ окончательно путь къ отступленію Савфету-пашѣ и ободрилъ остальныхъ сотоварищей по конференціи умѣстнымъ и ловкимъ указаніемъ на такой прецедентъ, который устранялъ возможность возраженія. Вотъ въ какихъ словахъ выразился графъ Н. П. Игнатьевъ:

«Изъ всѣхъ европейскихъ комисій, дѣйствовавшихъ въ Турціи, самая тяжелая задача выпала на долю комисіи 1860 г. по сирійскимъ дѣламъ и, все таки, исполнена эта задача была съ успѣхомъ: виновники были наказаны, потерпѣвшіе получили удовлетвореніе, и порядокъ былъ возстановленъ. Но это потому, что упомянутая комисія опиралась на французскую военную силу. Достойно вниманія то обстоятельство, что *«органическій уставъ»* былъ исполненъ и спокойствіе болѣе не было нарушено съ той поры на Ливанѣ, тогда какъ *«критскій уставъ»*, дарованный Портою, при отсутствіи всякихъ понужденій къ исполненію его, въ то самое время какъ турецкое правительство было увѣрено въ успѣхѣ, не былъ серьезно примѣненъ и не предотвратилъ злоупотребленій. Кандіоты еще недавно громко выражали свои неудовольствія, требуя значительныхъ измѣненій въ этомъ уставѣ.

«Чтобы понять все безсиліе правительства относительно своихъ же мусульманскихъ властей, стоитъ только сравнить, какъ мало стараній было приложено къ прекращенію звѣрствъ въ Болгаріи и какое блистательное удовлетвореніе было дано Европѣ въ Сиріи турецкимъ правительствомъ того времени. Комисія, бывшая подъ предсѣдательствомъ Сааддула-бея, не сможетъ указать, что она сдѣлала для удовлетворенія пострадавшихъ, кромѣ возстановленія нѣсколькихъ сотенъ построекъ. Тогда какъ въ Сиріи, не считая уже тѣхъ милліоновъ, которые были уплачены пострадавшимъ, Фуадъ-паша приказалъ казнить дамасскаго генералъ-губернатора, осудивъ на смертную казнь еще около двухъ сотъ виновниковъ. Теперь же правительство преклоняется предъ мусульманскимъ населеніемъ, щадитъ его изъ боязни взрыва возмущенія. Все это дѣлается потому, что нѣтъ подъ рукой полезныхъ штыковъ, которые могли бы поддержать замирающую храбрость властей, какъ то сдѣлала горсть французовъ посреди Ливана. Умиротвореніе Сиріи не имѣетъ другаго объясненія».

На послѣднемъ засѣданіи конференціи, 20 января 1877 г., Савфетъ-паша выступилъ съ оригинальнымъ въ высшей степени заявленіемъ. Онъ высказалъ серьезнымъ образомъ мнѣніе, что самое наилучшее ручательство, какого могутъ требовать державы, заключается въ самой конституціи. При этомъ онъ прибавилъ, что былъ созванъ чрезвычайный совѣтъ, состоящій приблизительно изъ первостепенныхъ лицъ, избранныхъ изъ всѣхъ сословій подданныхъ его величества, равно какъ и изъ представителей различныхъ духовныхъ общинъ. По здравомъ обсужденіи, означенный совѣтъ высказался единогласно противъ двухъ спорныхъ пунктовъ (европейская комисія и назначеніе вали). Въ концѣ концовъ, Савфетъ-паша представилъ еще новый контръ-проэктъ, который, конечно, отстранялъ европейское вмѣшательство при назначеніи вали, а европейскую комисію замѣнялъ мѣстными выборными комисіями.

Въ засѣданіи 20 января, лордъ Салисбюри сказалъ послѣднее надгробное слово умирающей конференціи:

«Не для того собралась константинопольская конференція,—произнесъ достопочтенный маркизъ,—чтобъ занести на бумагу одни миролюбивыя намѣренія настоящаго правительства, а также и предположенія улучшить управленіе центральной власти. Задача конференціи заключалась въ установленіи административной автономіи и прочныхъ ручательствъ противъ плохаго управленія, существующаго въ возставшихъ областяхъ. Поэтому, какъ только отказъ Порты дать такія ручательства будетъ положительно

дознанъ,—порученіе, возложенное на конференцію, оканчивается, и ея существованіе не можетъ болѣе продолжаться».

Конференція разошлась, и послы покинули Константинополь, гдѣ остались только повѣренные въ дѣлахъ. Такъ увѣнчалось великобританское, въ нѣкоторой степени, единичное вмѣшательство. Комедія была сыграна!

Видя себя болѣе или менѣе обезпеченною, если не явно, то во всякомъ случаѣ тайно, покровительствомъ великобританскаго консервативнаго министерства, Порта, закрывъ глаза и уши, возражала на все беззастѣнчиво-неизмѣннымъ veto. Когда же и сама наперсница, прижатая къ стѣнѣ силою общественнаго мнѣнія, а можетъ быть (что̀ сомнительно) и угрызаемая еще несовсѣмъ заглохшею совѣстью, предъявила наконецъ своему непокорному дѣтищу до крайности смягченныя требованія,—тогда было уже поздно. Закусивъ удила, какъ своенравный конь, Порта, по привычкѣ или по какимъ нибудь тайнымъ побужденіямъ и соображеніямъ, уже стала, (трудно повѣрить!) ослушиваться самой своей покровительницы—Великобританіи.

Гдѣ искать причину такого явленія? Поле для догадокъ, разумѣется, обширное. Не предчувствовала ли Порта, что ей же въ концѣ концовъ придется поплатиться за пресловутые «англійскіе интересы»?

Потеря Кипра,—этой левантійской жемчужины Порты,—оправдываетъ такое предположеніе.

IV.

Промежутокъ времени, истекшій между отъѣздомъ пословъ изъ Константинополя и окончательнымъ разрывомъ Россіи съ Турціей, ознаменовался тремя довольно значительными обстоятельствами, которыхъ невозможно обойти молчаніемъ. То были: 1) заключеніе мира между Сербіей и Портой, 2) установленіе соглашенія съ Черною Горою и, наконецъ, 3) подписаніе, по настоянію Россіи, лондонскаго протокола отъ 31 марта 1877 г.

На первыхъ засѣданіяхъ конференціи въ Константинополѣ, а именно 29 декабря 1876 г., состоялось соглашеніе относительно отсрочки перемирія между Турціей, Сербіей и Черногоріей до будущаго марта. Послѣ же разъѣзда конференціи, 25 января 1877 г., великій визирь Митхадъ-паша предложилъ князю черногорскому и князю сербскому непосредственно уладить существующую между Портою и ими распрю, на что̀ оба владѣтельные князя изъявили свое согласіе. Сербскіе делегаты, Христичъ и Маничъ, прибыли въ Царьградъ и достигли соглашенія съ Портою, которое и было одобрено скупщиною. Протоколъ этого соглашенія Порта утвердила фирманомъ отъ 28 февраля 1877 г.

Не будемъ вдаваться въ детальное разсмотрѣніе тѣхъ притязаній, какія были предъявляемы обѣими сторонами, а лучше предложимъ читателю самый протоколъ отъ 16 февраля 1877 г., согласно нашему обыкновенію подкрѣплять излагаемые факты дословными текстами документовъ:

«Делегаты е. в. князя сербскаго, гг. Христичъ и Маничъ, на засѣданіи у министра иностранныхъ дѣлъ, заявили, что, по ихъ мнѣнію, они выполнили возложенную на нихъ задачу, такъ какъ соглашеніе съ его превосходительствомъ достигнуто, согласно объяснительной нотѣ, препровожденной ими Блистательной Портѣ отъ 16 февраля 1877 г. Гг. делегаты, въ настоящей конференціи, объявили, что въ силу полномочій, имъ данныхъ, они подтверждаютъ желаніе ихъ правительства видѣть возстановленными отношенія съ сюзереннымъ дворомъ на почвѣ status quo ante.

«Министръ иностранныхъ дѣлъ, съ своей стороны, заявилъ отъ имени Блистательной Порты, что онъ принимаетъ къ свѣдѣнію вышеупомянутую объяснительную ноту отъ 16 февраля; что императорское правительство рѣшило возстановить отношенія съ сербскимъ княжествомъ на основаніи status quo ante и что таковое рѣшеніе будетъ сообщено князю въ принятой формѣ.

«Поэтому, чтобы точно опредѣлить, насколько требуетъ того необходимость, значеніе принципа status quo ante, и избѣгнуть всякаго могущаго встрѣтиться въ этомъ дѣлѣ недоразумѣнія, удостовѣряется, что въ силу настоящаго соглашенія будетъ опредѣлено: 1) что возстановленіе status quo ante не нуждается въ другихъ болѣе пространныхъ объясненіяхъ, обозначая полное и абсолютное возстановленіе статей и постановленій, помѣщенныхъ въ императорскихъ хатти и другихъ актахъ, относящихся до Сербіи, и именно въ хатти отъ 11 апрѣля 1867 г. (5 зильхиди-гиджры) относительно крѣпостей. 2) Что блистательная Порта уже даровала полную амнистію подданнымъ султана, виновникамъ послѣднихъ преступныхъ событій; также и сербское правительство, съ своей стороны, даруетъ прощеніе и забвеніе всѣмъ сербамъ, бывшимъ въ числѣ этихъ виновниковъ. 3) Что въ NN дневной срокъ, со дня настоящаго протокола, императорскія (турецкія) и сербскія войска очистятъ мѣстности, занятыя ими по ту сторону прежнихъ демаркаціонныхъ линій, чтобы, по истеченіи означеннаго срока, власти и той, и другой стороны могли вновь вступить въ исполненіе своихъ законныхъ обязанностей».

Протоколъ составленъ въ двухъ экземплярахъ. Составленъ онъ согласно съ тѣмъ, что было рѣшено на константинопольской конференціи, за исключеніемъ, однако, исправленій границы по направленію къ Босніи.

Что же касается князя черногорскаго, то онъ хотя и соглашался на непосредственные переговоры съ Портою, однако настаивалъ на томъ, чтобы они происходили въ Вѣнѣ. Но, вслѣдствіе отказа Порты, черногорскіе уполномоченные должны были отправиться въ Царьградъ. Въ смягченномъ великобританскомъ предложеніи, сдѣланномъ, во время конференціи, въ пользу Черногоріи, выговаривалось: исправленіе границъ Черногоріи съ присоединеніемъ Бананіи, Пивы съ Никшичемъ, Дробняка, части Шалонцы, Калашинскаго округа, Кучи Дрекаловичей, Кучи Крайни, Высоевичей отъ Зіевны до р. Семи, Малаго и Великаго Брдо, Спужа и Жабліака.

По прибытіи въ Константинополь, черногорскіе делегаты первымъ дѣломъ потребовали отъ Порты того, что имъ присудила конференція. Къ этому еще присоединили они гавань Спитцу на Адріатическомъ морѣ и три острова на Скутарійскомъ озерѣ, на которыхъ турки построили весьма стѣснительныя для княжества укрѣпленія. Во время переговоровъ, отъ князя пришло разрѣшеніе делегатамъ не настаивать на Спитцѣ и Спужѣ, но Порта упорно отказывала въ уступкѣ Никшича, Колашина и Кучъ, и переговоры были прерваны.

Русское правительство, и во главѣ его самъ императоръ Але-

ксандръ II, избѣгали войны до послѣдней возможности, предвидя, какихъ жертвъ потребуетъ она и сколько будетъ пролито русской крови, хотя бы и ради высоко-нравственной и гуманной цѣли, но въ ущербъ дальнѣйшему преуспѣянію и внутреннему развитію Россіи. О томъ, что русское правительство старалось избѣгать войны, свидѣтельствуютъ: какъ его согласіе на уступки и смягченіе первоначальныхъ требованій, такъ и лондонскій протоколъ 31 марта 1877 г., являющійся послѣдней попыткой избѣжать вооруженнаго столкновенія. Много способствовали его заключенію неутомимая дѣятельность и неустанные труды графа Н. П. Игнатьева, покинувшаго, какъ было сказано, Константинополь послѣ разрыва и отправившагося черезъ Вѣну въ Лондонъ, для подготовленія почвы къ тѣмъ переговорамъ, которые и привели къ означенному протоколу [1]).

«Державы, предпринявшія сообща умиротвореніе востока и участвовавшія съ этою цѣлью въ константинопольской конференціи, признаютъ слѣдующій способъ самымъ вѣрнымъ для достиженія преслѣдуемой ими цѣли, а именно: нужно прежде всего сохранить соглашеніе, столь счастливымъ образомъ установленное между державами, и снова подтвердить общую ихъ заботу относительно улучшенія участи христіанскихъ населеній Турціи, равно какъ и соглашеніе относительно введенія реформъ въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи.

«Заключеніе мира между Турціей и Сербіей державы приняли къ свѣдѣнію. Что же касается Черногоріи, то, по мнѣнію державъ, для установленія прочнаго и долговременнаго порядка вещей, желательно было бы нѣкоторое исправленіе ея границъ и дозволеніе свободнаго плаванія судамъ по рѣкѣ Бояну. Державы признаютъ какъ состоявшіяся уже соглашенія между Портою и обоими княжествами, такъ и всѣ тѣ, которыя будутъ установлены въ интересахъ умиротворенія, составляющаго предметъ ихъ общихъ заботъ. Онѣ приглашаютъ Порту упрочить начало умиротворенія, положенное упомянутыми соглашеніями, и для этой цѣли привести свои войска на мирное положеніе, за исключеніемъ того числа, какое необходимо для поддержанія порядка, и въ наикратчайшій срокъ осуществить реформы, предназначенныя для спокойствія и благосостоянія областей, положеніе которыхъ составляло предметъ обсужденій конференціи. Державы признаютъ, что Порта изъявила готовность исполнить значительную часть этихъ реформъ. Державы въ особенности принимаютъ къ свѣдѣнію циркуляръ Порты отъ 13 февраля 1876 г. и заявленія, сдѣланныя оттоманскимъ правительствомъ во время конференціи и послѣ нея, чрезъ посредство своихъ представителей. Въ виду готовности Порты къ принятію мѣръ для успокоенія областей и очевидной пользы въ немедленномъ исполненіи ихъ, державы считаютъ себя вправѣ надѣяться, что Порта воспользуется настоящимъ затишьемъ для энергичнаго примѣненія такихъ мѣръ, предназначенныхъ къ дѣйствительному улучшенію участи христіанскихъ населеній и единогласно требуемыхъ для спокойствія Европы. Вступивъ на этотъ путь, Порта пойметъ, что ея честь и ея выгода заключаются въ добросовѣстномъ продолженіи начатаго, не на словахъ только, а на дѣлѣ.

«Державы предполагаютъ зорко слѣдить, чрезъ своихъ представителей въ Константинополѣ и своихъ мѣстныхъ агентовъ, за тѣмъ, какъ будутъ исполняться обѣщанія оттоманскаго правительства. И если надежды державъ еще разъ окажутся тщетными, а участь христіанскихъ подданныхъ султана не будетъ улучшена настолько, чтобы предупредить возобновленіе столкновеній, періодически волнующихъ спокойствіе востока, то онѣ считаютъ своимъ долгомъ объявить, что такой образъ вещей несовмѣстенъ съ ихъ интересами и интересами Европы вообще. Въ такомъ случаѣ, державы оставляютъ за собой право путемъ соглашенія установить мѣры, которыя ими будутъ признаны наиболѣе соотвѣтственными для охраненія благосостоянія христіанскихъ населеній востока и интересовъ мира вообще».

[1]) «Русскій дипломатическій ежегодникъ» за 1877 г., стр. 489, 490, 491.

Въ послѣднемъ засѣданіи русскій посолъ графъ Шуваловъ представилъ письменное заявленіе слѣдующаго содержанія:

«Если миръ съ Черногоріей будетъ заключенъ и Порта приметъ совѣты Европы, изъявивъ готовность вернуться къ мирному положенію и приступить серьезно къ указаннымъ въ протоколѣ реформамъ, то пусть тогда она отправитъ въ Петербургъ особаго посланника, для обсужденія разоруженія, на которое е. и. величество, со своей стороны, немедленно дастъ согласіе. Но если въ это время будутъ совершаться надъ христіанами кровавыя расправы, подобныя тѣмъ, какія обагряли Болгарію кровью, естественно, мѣры, принятыя для разоруженія, должны будутъ пріостановиться».

Великобританскій и итальянскій представители сочли нужнымъ приложить къ протоколу особыя заявленія. Вотъ въ чемъ заключалось заявленіе перваго изъ нихъ, лорда Дерби:

«Нижеподписавшійся, главный государственный секретарь ея британскаго величества по иностраннымъ дѣламъ, дѣлаетъ слѣдующее заявленіе относительно протокола, подписаннаго сего числа уполномоченными Великобританіи, Австро-Венгріи, Франціи, Германіи, Италіи и Россіи:

«Такъ какъ правительство ея британскаго величества единственно лишь въ интересахъ европейскаго мира согласилось подписать протоколъ, предложенный россійскимъ правительствомъ, то наперед обусловливается, что въ случаѣ, если означенный протоколъ не достигнетъ своей цѣли,—т. е. взаимнаго разоруженія Россіи и Турціи, равно какъ и мира между ними, онъ теряетъ всю свою силу». (31 марта 1877 г.).

Итальянское заявленіе было слѣдующее: графъ Менабреа заявилъ, что Италія связана подписью протокола сего дня лишь до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться согласіе, благополучно установленное между всѣми державами настоящимъ протоколомъ.

Въ заявленіи лорда Дерби бросается въ глаза странная мысль поставить на одну доску обвинителя и обвиняемаго: Россію и Турцію. И, дѣйствительно, сообразно ли со здравымъ смысломъ и справедливостью поднять вопросъ о разоруженіи между враждующими державами, послѣ того какъ всѣ требованія, предъявленныя Турціи сообща Европою, и даже официальныя требованія и совѣты самой Великобританіи были оставлены безъ всякаго вниманія? Не было ли это опять таки плохо замаскированнымъ поощреніемъ Порты къ дальнѣйшему сопротивленію требованіямъ Европы, въ угоду частнымъ интересамъ Англіи? Ничего подобнаго не могли допустить ни достоинство Россіи, ни ея честь; а потому и заявленіе не было принято русскимъ правительствомъ.

На предъявленный протоколъ Порта, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтила 9 апрѣля полнѣйшимъ отказомъ: она не можетъ допустить, чтобы актъ, налагающій на нее жертвы, какъ относительно права, такъ и чести, былъ составленъ безъ ея участія. Четыре дня спустя, 13 апрѣля, Савфетъ-паша объявилъ черногорскимъ представителямъ, что правительство окончательно отказывается внять ихъ требованіямъ, которыя къ тому же отклонены и палатою оттоманскихъ депутатовъ. Черногорцы тотчасъ же уѣхали изъ Константинополя. Однако военныя дѣйствія пока еще не возобновлялись.

Циркулярною депешею отъ 7 апрѣля на имя представителей Россіи при иностранныхъ дворахъ, государственный канцлеръ князь Горчаковъ объявляетъ о приказѣ, данномъ государемъ императоромъ своимъ войскамъ—переступить турецкую границу.

«Императорскій кабинетъ исчерпалъ съ самаго начала военнаго кризиса всѣ средства, какія только были въ его распоряженіи, чтобы, при содѣйствіи великихъ европейскихъ державъ, достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи; но все было тщетно [1]).

«Предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ по установившемуся между кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивленіе. Въ протоколѣ, подписанномъ въ Лондонѣ 19/31 марта сего года, европейскія державы въ послѣдній разъ сообща предъявили Портѣ свои желанія.

«Императорскій кабинетъ предложилъ этотъ протоколъ, какъ послѣднюю попытку къ примиренію.

«Въ сопровождавшей его декларацiи отъ того же числа, кабинетомъ были заявлены такія условія, которыя, будучи честно и искренно приняты и исполнены оттоманскимъ правительствомъ, могли бы возстановить и упрочить миръ. Но Порта на это только что отвѣтила новымъ отказомъ. Такія обстоятельства не были предусмотрѣны лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что на случай, еслибы великія державы обманулись въ надеждахъ на энергичное выполненіе Портою мѣръ, предназначенныхъ къ улучшенію положенія христіанскаго населенія и единодушно признанныхъ необходимыми для спокойствія Европы, онѣ оставляютъ за собой право совмѣстно обсудить средства, которыя были бы наиболѣе дѣйствительны для обезпеченія благосостоянія населенію и для сохраненія общаго мира. Такимъ образомъ, кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ правительство ея величества королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то заранѣе слѣдуетъ считать протоколъ недѣйствительнымъ и не имѣющимъ значенія, если предположенная цѣль, а именно: взаимное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціею, не будетъ достигнута.

«Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и осуществитъ предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы. Этотъ отказъ и его мотивы совершенно исключаютъ возможность мира съ Черногоріею и выполненія условій, на которыхъ могло бы состояться разоруженіе и умиротвореніе. При такихъ обстоятельствахъ, попытки къ примиренію теряютъ всякую надежду на успѣхъ и остается одно изъ двухъ: или допустить, чтобы настоящее положеніе дѣлъ, признанное державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, продолжалось, или же попытаться путемъ понужденія достигнуть того, чего кабинеты не могли добиться отъ Порты путемъ убѣжденія, не смотря на всѣ свои дружныя усилія.

«Нашъ августѣйшій монархъ рѣшилъ принять на себя то дѣло, къ совмѣстному выполненію котораго онъ приглашалъ великія державы.

«*Онъ далъ своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.*

«Благоволите довести о такомъ рѣшеніи до свѣдѣнія того правительства, при которомъ вы аккредитованы.

«Принимая на себя это бремя, нашъ августѣйшій монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на него интересами Россіи, мирному развитію которой препятствуютъ постоянныя смуты на востокѣ. Его императорское величество сохраняетъ увѣренность въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуетъ и согласно съ желаніями и интересами Европы».

Приводимъ и самый манифестъ 12 апрѣля 1877 г.

«Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ нами и весь русскій народъ, нынѣ выра-

[1]) «Русскій дипломатическій ежегодникъ» за 1877 г., стр. 504 и слѣд.

жающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

«Кровь и достояніе нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда намъ дороги; все царствованіе наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости нашей сохранять Россіи благословеніе мира. Эта заботливость оставалась намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Босніи и Герцеговинѣ, и Болгаріи. Мы первоначально поставили себѣ цѣлью: достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными, дружественными намъ, великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться въ продолженіе двухъ лѣтъ къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели, однако, къ желанной цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всевозможные способы соглашенія, мы предложили другимъ кабинетамъ: составить особый протоколъ, со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

«Исчерпавъ до конца миролюбіе наше, мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ; того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ.

«Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска наши, мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи». (Данъ въ Кишиневѣ, апрѣля 12 дня).

Императорскій манифестъ и циркуляръ государственнаго канцлера, князя Горчакова, поставили вопросъ на роковой, безповоротный путь.

Послѣ сообщенія, сдѣланнаго русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Портѣ, г. Нелидовымъ, Савфетъ-пашѣ о разрывѣ сношеній между Россіей и Портой, турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ

отправилъ ко всѣмъ представителямъ оттоманской имперіи при иностранныхъ дворахъ пояснительную циркулярную депешу, помѣченную 24 апрѣля 1877 г.

Порта до послѣдней минуты надѣялась на помощь извнѣ, на которую, не безъ основанія, считала себя вправѣ разсчитывать.

Отсюда весьма понятны то смущеніе и тотъ переполохъ, которые внезапно охватили ее при видѣ того, какой оборотъ приняли дѣла въ концѣ концовъ. Она обратилась къ европейскимъ державамъ, подписавшимъ парижскій трактатъ, взывая къ нимъ съ мольбою о посредничествѣ и указывая на ст. VIII этого трактата [1]):

«Хотя не оттоманское правительство является нападающею стороною, и потому россійскому правительству подобало бы на основаніи постановленій парижскаго трактата обратиться къ посредничеству державъ, однако, въ виду устраненія всякаго недоразумѣнія, оттоманское императорское правительство обращается къ державамъ, подписавшимъ означенный трактатъ: не благоугодно ли имъ будетъ при настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится Порта, примѣнить, дѣйствуя согласно праву и договорамъ, упомянутую выше статью, и тѣмъ положить предѣлъ столь опасному натянутому положенію, угрожающему мирнымъ отношеніямъ обоихъ государствъ.

«Независимо отъ какого либо постановленія трактата, дѣйствія правительствъ нашли бы себѣ оправданіе въ самомъ поводѣ, который Россія, судя по смыслу заявленія, сдѣланнаго повѣреннымъ ея въ дѣлахъ въ Константинополѣ, хочетъ выставить для своего вооруженнаго вмѣшательства. Россія ссылается на отказъ Порты принять предложенія, сдѣланныя всѣми державами, а также и актъ, ими подписанный, обращая вниманіе державъ на дѣйствія Порты, съ точностью отвѣчающія тому, что̀ предусмотрѣно статьею VIII парижскаго трактата, и дающія поводы къ разрыву, на которые указываетъ Россія.

«Блистательная Порта выражаетъ убѣжденіе, что дружественныя державы, вѣрныя чувству доброжелательности, съ какою онѣ всегда относились къ оттоманской имперіи, воспользуются законнымъ предлогомъ, чтобы остановить готовую вспыхнуть въ громадныхъ размѣрахъ между Турціей и Россіей войну, и такимъ образомъ устранить отъ этихъ странъ тяжкія послѣдствія, угрожающія какъ имъ, такъ и самой Европѣ, и предотвратить опасности, вызываемыя столкновеніемъ, за которое Порта вправѣ сложить съ себя всякую отвѣтственность».

Беззастѣнчивость турецкаго правительства, даже въ такую критическую для него минуту, по истинѣ поразительна. Блистательная Порта, та самая, которая столь упорно отказывалась отъ цѣлаго ряда совѣтовъ и предложеній всей Европы, направленныхъ именно къ предотвращенію гибельной для нея же войны, отклоняетъ отъ себя всякую отвѣтственность, прикрываясь, посредствомъ ссылки на VIII ст. парижскаго трактата 1856 г., *мнимою* законностью.

Мы употребили выраженіе: *мнимая законность*, основываясь на томъ несложномъ соображеніи, что цѣль созыва константинопольской конференціи прямо соотвѣтствовала духу и буквѣ VIII ст. парижскаго трактата.

---

[1]) Ст. VIII парижскаго трактата 1856 г.: «Если между Блистательною Портою и одною или нѣсколькими изъ другихъ державъ, заключившихъ сей трактатъ, возникнетъ какое либо несогласіе, могущее угрожать сохраненію дружественныхъ между ними сношеній, то Блистательная Порта и каждая изъ сихъ державъ, не прибѣгая къ силѣ, должна доставить другимъ договаривавшимся державамъ возможность своимъ посредничествомъ предотвратить всякое дальнѣйшее столкновеніе».

Воззваніе Порты осталось, однако, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Европейскія правительства ограничились заявленіемъ строгаго нейтралитета. Тогда султанъ обратился къ своимъ войскамъ и всему мусульманскому народу съ прокламаціею, составленною въ такихъ выраженіяхъ, которыя болѣе всего способны были возбудить въ нихъ религіозный фанатизмъ. «Все время, пока наши войска,—говорится въ прокламаціи султана,—будутъ исполнять свой священный долгъ, благоволеніе всевышняго и духовная помощь пророка будутъ сопутствовать имъ. Вашъ повелитель всегда будетъ готовъ съ вами развернуть, въ случаѣ нужды, знамя халифата и султаната. Да подастъ вамъ Господь Богъ побѣду»!

Въ прокламаціи, обращенной къ арміи, назначенной для дѣйствій на Кавказѣ, еще рѣзче выражается характеръ религіозности, придаваемый войнѣ. «Вы будете,—говорилось въ прокламаціи,—бороться за святое знамя исламизма».

Война началась: Alea jacta est.

V.

Пусть другія болѣе компетентныя лица возьмутъ на себя завидную задачу написать героическую эпопею доблестныхъ подвиговъ, совершонныхъ русскими войсками въ русско-турецкую войну 1877—1878 годовъ. Мы же ограничимся только изложеніемъ фактовъ и событій, которые сопровождаютъ военныя дѣйствія съ самаго ихъ начала, служа для нихъ какъ бы рамкой.

Послѣдовательность обязываетъ насъ прежде всего указать на ту роль, какая выпала въ этомъ дѣлѣ на долю Румыніи, черезъ территорію которой была принуждена пройти русская армія, направляясь въ предѣлы европейской Турціи.

Составители парижскаго трактата 1856 г., какъ извѣстно, въ своихъ заботахъ — всевозможными способами преградить Россіи «Drang nach Süden»—мудро придумали создать изъ дунайскихъ княжествъ нѣчто въ родѣ оградительнаго буфера для Турціи,—ея аванпоста на случай опасности. Имъ тогда и въ голову не приходила мысль, что дунайскія княжества, сбросивъ съ себя ярмо турецкихъ цѣпей, захотятъ окончательно сдѣлаться независимымъ отъ Турціи государствомъ. Статьи парижскаго договора, касающіяся Соединенныхъ княжествъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ мысли, руководившей въ то время почти всѣми представителями державъ, принимавшихъ участіе въ конгрессѣ. Въ подтвержденіе сказаннаго, приведемъ ст. XXVI и XXVII трактата. «*Ст. XXVI.* Въ княжествахъ будетъ національная вооруженная сила для охраненія внутренней безопасности и обезпеченія неприкосновенности границъ. Не должно препятствовать и чрезвычайнымъ мѣрамъ обороны, которыя, съ согласія Блистательной Порты, могутъ быть приняты въ княжествахъ для отраженія нашествія извнѣ». «*Ст. XXVII.* Если внутреннее спокойствіе княжествъ подвергнется опасности или будетъ нарушено, то Блистательная Порта войдетъ въ соглашеніе съ прочими договаривающимися державами о мѣрахъ, необходимыхъ для сохраненія или возстановленія законнаго порядка. Безъ предва-

рительнаго соглашенія между сими державами не можетъ быть никакого вооруженнаго вмѣшательства».

Этимъ двумъ статьямъ нельзя сдѣлать упрека въ неясности. Для большей еще полноты, приведемъ также и двѣ статьи конвенціи 1858 г.

«*Ст. VIII:* сюзеренный дворъ, по соглашенію съ княжествами, приметъ мѣры для обороны ихъ территоріи на случай нападенія извнѣ; въ его власти также принять, по соглашенію съ державами-поручительницами, мѣры, необходимыя для возстановленія порядка, въ случаѣ его нарушенія. *Ст. XIII.* Милиціи должны быть созываемы каждый разъ, какъ только того потребуетъ внутренняя или пограничная безопасность». Но члены парижскаго конгресса упустили изъ виду два обстоятельства, которыя непремѣнно должны были возникнуть и которыя легко было предвидѣть,—это *мечты и стремленія* румынъ къ полной безусловной независимости.

Эти мечты, конечно, лелѣялись румынами въ теченіе всего періода, истекшаго со времени парижскаго трактата 1856 г. Когда вспыхнуло возстаніе среди балканскихъ славянъ и когда въ сербскомъ княжествѣ сталъ назрѣвать вопросъ объ открытой военной помощи единоплеменникамъ въ Босніи и Герцеговинѣ, тогдашнее сербское правительство, какъ бы предчувствуя свое слабосиліе въ борьбѣ съ турецкой арміей, завязало переговоры о союзѣ между Сербіей, Черногоріей, Румыніей и Греціей. Оба правительства двухъ послѣднихъ государствъ сначала откликнулись сочувственно на мысль такаго солидарнаго образа дѣйствій, и это значительно придало смѣлости сербской дипломатіи въ ея разсчетахъ. Но когда дѣло дошло до военнаго вмѣшательства Сербіи лѣтомъ 1876 г.,—румынское правительство отъ активнаго союза съ Сербіей отказалось и ограничилось ролью сочувственнаго христіанамъ Турціи нейтральнаго зрителя, котораго затаенныя симпатіи, однако, склонялись всецѣло на сторону Сербіи. Наличность такихъ симпатій выразилась въ эпоху русскаго добровольческаго движенія, направлявшагося отчасти черезъ Румынію, и даже довольно осязательно, на modus agendi румынскихъ таможенныхъ властей относительно оружія и вообще предметовъ военной контробанды, допускать которую въ свои предѣлы,—хотя бы транзитомъ, по назначенію въ Сербію,—со стороны румынскаго правительства, было неправильно. Между тѣмъ румынскія власти не только не препятствовали пропуску этой контробанды и оружія черезъ свою границу, но даже всячески облегчали ея провозъ.

Для Румыніи представлялся случай осуществить свои вожделѣнія,—случай самый удобный, самый своевременный, который едва ли могъ въ скоромъ времени повториться. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, на кого румыны обратятъ свои взоры, кому будутъ сочувствовать, съ кѣмъ пожелаютъ идти рука объ руку.

Румынія притомъ не считала себя связанною ни трактатомъ 1856 г., ни конвенціей 1858 г., которыхъ она не подписывала, хотя и приняла постановленія послѣдней, налагавшія на нее извѣстнаго рода обязательства. Но чуть ли не самымъ главнымъ соображеніемъ для нея, въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ Россіи, была увѣренность

въ томъ, что въ случаѣ сопротивленія она будетъ раздавлена сильною русскою арміею, не имѣвшею возможности миновать Румыніи. Европа, конечно, не пришла бы къ ней на помощь и не спасла бы ея за то, что она исполнила свой сомнительный долгъ относительно Турціи. Не подавала ли ей къ тому же Европа, а въ особенности Великобританія, благой примѣръ—преслѣдовать лишь только свои собственные интересы?

Всѣ эти соображенія въ значительной степени облегчили Россіи заключеніе конвенціи съ Румыніей для свободнаго прохода русской арміи чрезъ румынскія владѣнія, а спустя нѣкоторое время привлекли въ ея ряды и всѣ вооруженныя силы княжества, оказавшія вскорѣ весьма существенныя услуги, добросовѣстно, впрочемъ, оплаченныя впослѣдствіи. Необходимо, однако, прибавить въ интересахъ истины, что румынское правительство, предчувствуя близость войны, обращалось ко всѣмъ дворамъ съ запросомъ о томъ, въ какомъ положеніи находится вопросъ о нейтралитетѣ княжества. Полученные со всѣхъ сторонъ отвѣты имѣли положительно уклончивый характеръ. Только лордъ Салисбюри, въ своемъ заявленіи князю Гикѣ, запугивалъ тѣмъ, что Англія сочтетъ за casus belli нарушеніе румынскаго нейтралитета [1]). Весьма характеристиченъ отвѣтъ барона фонъ-Бюлова на запросъ румынскаго агента въ Берлинѣ, г. Дегрэ.

«Мой собесѣдникъ,—пишетъ Дегрэ 27 ноября 1876 г.,—отвѣтилъ мнѣ, что онъ пораженъ тѣми затрудненіями, въ которыхъ мы находимся. Что же касается до готовящейся войны, могущей отразиться на нашемъ нейтралитетѣ и на тѣхъ международныхъ обезпеченіяхъ, которыми мы пользуемся, то онъ можетъ сказать на это только одно: что, по его мнѣнію, «восточный вопросъ» рѣшится мирнымъ путемъ; въ противномъ же случаѣ каждый долженъ обороняться, какъ съумѣетъ и сочтетъ за лучшее.—Но въ случаѣ, если ручательства за нашъ нейтралитетъ окажутся ненадежными, и мы силою обстоятельствъ вынуждены будемъ обратиться къ самозащитѣ, то какъ должны мы тогда поступить?

«— Я не въ состояніи,—отвѣтилъ г. Бюловъ,—дать вамъ совѣтъ, какимъ путемъ вы должны слѣдовать и въ какомъ смыслѣ дѣйствовать.

«При этомъ онъ прибавилъ, что не можетъ дать инаго отвѣта даже и въ томъ случаѣ, еслибы мы поставили вопросъ въ офиціальной нотѣ, чего, впрочемъ, какъ онъ надѣется, мы не сдѣлаемъ».

Во время конференціи въ Константинополѣ, туда прибылъ румынскій министръ Дмитрій Братіано, съ порученіемъ выяснить вопросъ о румынскомъ нейтралитетѣ. Полученный имъ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ былъ одинаковъ: ни одинъ изъ представителей, участвовавшихъ въ конференціи, не былъ «снабженъ инструкціями» на этотъ счетъ.

Такимъ образомъ, Румынія была еще задолго до начала войны предоставлена ея собственному теченію, по которому дѣйствительно и направился ея государственный корабль, руководимый одними собственными интересами, и благополучно доплылъ до гавани, увѣнчанный лаврами и королевскою короною. Румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ имѣлъ полное право такъ смѣло, ловко и остроумно сказать въ произнесенной имъ рѣчи, что не въ состояніи же была Румынія совершить одна того, чего вся Европа не могла сдѣлать: т. е. воспротивиться проходу русскихъ войскъ чрезъ румынскую территорію.

[1]) Négociations etc., стр. 216.

Политическое и географическое положеніе Румыніи поставили ее въ невозможность не согласиться на заключеніе съ Россіей конвенціи. Эта послѣдняя, понятно, должна была принести ей несомнѣнную пользу въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Притомъ, благодаря союзу съ Россіей, Румынія безъ труда получила тѣ гарантіи, которыхъ она тщетно добивалась на западѣ.

Вотъ текстъ конвенціи, заключенной 16 апрѣля 1877 г. между Россіей и Румыніей:

«Дѣйствуя въ согласіи съ великими державами, съ цѣлью улучшить условія существованія христіанъ, подчиненныхъ владычеству султана, императорское россійское правительство обратило вниманіе державъ-поручительницъ на необходимость обезпечить въ дѣйствительности исполненіе реформъ, требуемыхъ отъ Порты. Такъ какъ возбужденіе мусульманъ и явное безсиліе оттоманскаго правительства не подавали надеждъ на серьезныя мѣры къ исполненію реформъ турецкими властями, то внѣшнее военное вмѣшательство можетъ оказаться необходимымъ. На случай, если дальнѣйшій ходъ политическихъ дѣлъ на востокѣ заставитъ Россію возложить на себя эту заботу, и направить армію въ европейскую Турцію, императорское правительство, уважая территоріальную неприкосновенность румынскихъ владѣній, признаётъ необходимымъ заключить съ правительствомъ его высочества князя Карла спеціальную конвенцію относительно прохода русскихъ войскъ чрезъ Румынію.

«*Ст. I.* Правительство е. в. князя румынскаго Карла I обезпечиваетъ русской арміи, которая должна будетъ идти въ Турцію, свободный проходъ чрезъ территорію Румыніи, а также обращеніе съ нею, какъ съ дружественною военною силою. Всѣ расходы, вызываемые передвиженіемъ русской арміи, а также удовлетвореніемъ ея во всемъ необходимомъ, падаютъ на счетъ императорскаго правительства.

«*Ст. II.* Чтобы пропускъ Румыніи не причинилъ ей какихъ либо затрудненій и опасностей, правительство его величества императора всероссійскаго обязывается блюсти въ цѣлости и заставить уважать политическія права румынскаго государства, обусловливаемыя внутреннимъ законодательствомъ страны и существующими договорами, равно какъ сохранить и защитить цѣлостность Румыніи.

«*Ст. III.* Всѣ подробности, касающіяся прохода русской арміи, отношеній между ней и мѣстными властями, а также и всѣ соглашенія, которыя должны быть установлены съ этою цѣлью, будутъ изложены въ спеціальной конвенціи. Эта послѣдняя будетъ заключена делегатами отъ обоихъ правительствъ, ратификована въ одно время съ настоящею, и одновременно же съ нею войдетъ въ силу.

«*Ст. IV.* Правительство е. в. князя румынскаго обязывается дать для настоящей конвенціи, равно какъ и для той, которая упомянута въ предъидущей статьѣ, ратификацію, требуемую румынскими законами, и привести постановленія обѣихъ конвенцій немедленно въ исполненіе».

Затѣмъ послѣдовала спеціальная конвенція, состоящая изъ 24 статей.

Румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ, циркуляромъ къ румынскимъ агентамъ при дворахъ державъ, отъ 29 апрѣля 1877 г., сообщаетъ о заключеніи конвенцій, прибавляя, что «эти конвенціи носятъ политическій характеръ лишь настолько, насколько обезпечиваютъ на время войны нашъ настоящій status quo. Нѣтъ ни «независимости» по отношенію къ Турціи, ни разрыва какихъ либо связей съ этимъ государствомъ, ни «соучастія» румынской арміи съ русской, ни «союза» противъ Турціи».

Но не такъ посмотрѣла на это Порта. Приведемъ телеграмму, отправленную великимъ визиремъ 22 апрѣля на имя князя Карла: «Спѣшу отъ имени е. и. величества султана пригласить ваше вы-

сочество войти, — какъ это предусмотрѣно ст. XXVI парижскаго трактата и 3-мъ параграфомъ ст. VIII конвенціи 19 августа 1858 года,—въ соглашеніе съ Блистательною Портою для принятія общихъ военныхъ мѣръ къ обезпеченію защиты территоріи княжества отъ случайностей, могущихъ угрожать ей. Ожидаю лишь отвѣта вашего высочества, чтобы дать необходимыя по этому поводу инструкціи сердаръ-экрему Абдулъ-Кериму-пашѣ, находящемуся на Дунаѣ во главѣ оттоманскихъ армій, съ которымъ пока, въ случаѣ спѣшности, военныя власти вашего высочества могутъ войти въ переговоры».

На телеграмму великаго визиря румынскій министръ отвѣчаетъ: «содержаніе этой депеши . . . . . слишкомъ важнаго свойства, чтобы исполнительная власть могла считать себя вправѣ высказаться по поводу ея. Поэтому имѣю честь довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости, что одинъ лишь румынскій парламентъ имѣетъ право рѣшить вопросъ: должна ли Румынія принять участіе въ войнѣ, а слѣдовательно и выйти изъ нейтралитета, предназначеннаго ей трактатами и постоянно, впрочемъ, совѣтуемаго самой Блистательной Портой, равно какъ и державами-поручительницами».

Числа играютъ здѣсь существенную роль. Телеграмма великаго визиря помѣчена 22 апрѣля. Отвѣтъ г. Кагальничано—23 апрѣля; румынскій парламентъ былъ созванъ на 26 апрѣля; русская армія входила въ предѣлы Румыніи 24 апрѣля.

Съ приближеніемъ русской арміи, румынскія военныя силы отодвинулись въ сторону. Палаты одобрили мѣропріятія князя Карла, Блистательная Порта не преминула протестовать. Въ своемъ циркулярѣ отъ 2 мая 1877 г. Савфетъ-паша излагаетъ, что:

«Великимъ державамъ теперь надлежитъ взвѣсить, насколько положеніе, занятое княземъ Карломъ при настоящихъ обстоятельствахъ, въ виду дѣйствій Россіи, противъ которыхъ Блистательная Порта протестуетъ съ оружіемъ въ рукахъ, соотвѣтствуетъ наложеннымъ на него обязательствамъ. Въ то время какъ Порта предлагала румынскому правительству мѣры для защиты княжества противъ вторженія непріятеля, румынское министерство вело тайные переговоры съ Россіей и заключило съ ней уже 16 апрѣля конвенцію, въ силу которой заранѣе предоставлялись въ ея распоряженіе всѣ средства страны. Обнародованіе этой конвенціи обнаружило такое положеніе, котораго Порта не могла подозрѣвать и вся тяжелая отвѣтственность за которое всецѣло должна лечь на правительство, забывшее свои обязательства и не задумавшееся заключить съ врагомъ постыдное соглашеніе, съ цѣлью облегчить ему вторженіе въ имперію. Оно совершило такимъ образомъ измѣну по отношенію къ странѣ, попрало довѣріе сюзеренаго правительства, и разрушило надежды, возложенныя на него всею Европою при учрежденіи Соединенныхъ княжествъ. Нѣтъ такого порицанія, которое могло бы въ достаточной степени соотвѣтствовать столь явно безчестному поступку».

Двигаясь осторожно по избранному, хотя нѣкоторымъ образомъ и неизбѣжному, пути, румынское правительство продолжало еще давать Европѣ объясненія своихъ дѣйствій. Въ циркулярной депешѣ отъ 3 мая 1877 года г. Кагальничано увѣдомляетъ агентовъ своего правительства:

«Только послѣ того какъ мы увидѣли себя покинутыми всѣми державами, стали мы заботиться о сохраненіи нашего правительства, нашихъ границъ, нашихъ правъ и интересовъ. Вотъ все, что мы сдѣлали, и болѣе ничего. Несправедливо обвиненіе, что, вслѣдствіе нашихъ послѣднихъ кон-

венцій съ Россіей, румынскія власти замѣнились русскими; несправедливо и то, что мы предоставили Россіи право замѣнить наши рельсовые пути русскими. Армія наша была мобилизирована, съ цѣлью оберегать границы отъ нашествія черкесовъ и баши-бузуковъ, грабящихъ нынѣ города на правомъ берегу Дуная.

«Когда русскія войска приближались къ нашимъ, то эти послѣднія имъ не содѣйствовали, а, напротивъ, отступали во внутрь страны, гдѣ не было русскихъ вооруженныхъ силъ.

«Поэтому прошу васъ дать положительное увѣреніе, что мы никого не обманывали и не обманываемъ. Если Европа не принимаетъ въ соображеніе иныхъ интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ, если Румыніи говорятъ, чтобы она оставила всякую надежду на помощь, то наша страна должна покориться обстоятельствамъ и сообразоваться только съ тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ которое она поставлена противъ своей воли».

Естественный ходъ военныхъ дѣйствій вскорѣ втягиваетъ Румынію въ открытыя враждебныя дѣйствія противъ Порты. 4 и 5 мая происходитъ бомбардированіе Браилова и Рени; въ то же самое время Савфетъ-паша заявляетъ румынскому агенту въ Константинополѣ о разрывѣ сношеній между Портою и Румыніей. 8 мая бухарестское правительство получило извѣстіе, что турки обстрѣливаютъ Ольтеницу, Каларашъ и Бекетъ, гдѣ не было ни одного ни русскаго, ни румынскаго солдата, и что по направленію къ Бекету происходятъ набѣги и грабежи. Наконецъ, 9 мая, послѣ того какъ были произведены выстрѣлы изъ виддинскихъ орудій въ Калафатъ, занятый одними румынскими войсками, послышался первый румынскій пушечный выстрѣлъ. Война между Турціей и Румыніей началась, но безъ формальнаго объявленія, послѣдовавшаго только на слѣдующій день. Объявленіе войны было предложено и принято въ бухарестскомъ парламентѣ въ слѣдующихъ весьма знаменательныхъ выраженіяхъ:

«Собраніе, будучи совершенно удовлетворено объясненіями министра иностранныхъ дѣлъ и принимая въ соображеніе, что Турція своими заявленіями и актомъ нападенія на Румынію сама разорвала древнія связи, насъ соединявшія съ нею, и заняла свое положеніе противъ румынскаго государства, а также, принимая къ свѣдѣнію заявленіе правительства, что румынскій пушечный выстрѣлъ былъ только отвѣтомъ на объявленіе Турціею войны, народное собраніе признаётъ, что само турецкое правительство заставило Румынію стать на военное положеніе.

... «Собраніе одобряетъ положеніе, занятое правительствомъ въ виду непріятельскаго нападенія. Оно опирается на чувства справедливости великихъ державъ-поручительницъ, взявшихъ подъ свое покровительство, со времени парижскаго трактата, развитіе и политическую жизнь Румыніи. Имѣя полное довѣріе къ энергіи и патріотизму правительства, собраніе разрѣшаетъ ему, не смотря ни на какія затрудненія, употребить всѣ усилія, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы защитить и обезпечить существованіе румынскаго государства, чтобы, по заключеніи будущаго мира, Румынія оказалась въ ясно опредѣленномъ политическомъ положеніи и чтобы народъ, защищаясь собственными силами, могъ исполнить свое историческое призваніе».

Но настоящее заявленіе о полной независимости отъ Порты, къ которой съ такою очевидностью стремилась вся Румынія, послѣдовало только 3 іюня 1877 года.

Въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ министръ иностранныхъ дѣлъ сообщаетъ агентамъ при державахъ объ окончательномъ отпаденіи Румыніи отъ оттоманской имперіи:

«9 и 10 мая наши законодательныя палаты единодушно приняли предложеніе поставить Румынію въ открытое и опредѣленное положеніе по отношенію къ Оттоманской Портѣ.

«Полная независимость Румыніи была провозглашена единодушно всѣми представителями страны. Государь и народъ приняли твердое рѣшеніе съ оружіемъ въ рукахъ защищать эту независимость, равно какъ и цѣлость нашей территоріи, съ которою она отнынѣ нераздѣльна въ глазахъ всего румынскаго населенія.

«Уваженіе, которое мы, при всѣхъ случаяхъ, готовы засвидѣтельствовать правительству, при которомъ вы состоите представителемъ интересовъ нашей страны, вмѣняетъ мнѣ въ обязанность пригласить васъ довести до свѣдѣнія его превосходительства министра иностранныхъ дѣлъ ультиматумъ, отнынѣ получившій значеніе символа вѣры нашего національнаго существованія.

«Мы понимаемъ—продолжаетъ г. Кагальничано,—ту осторожность, которая должна соблюдаться всѣми, при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Поэтому, не смотря на все желаніе, не смотря даже на необходимость для насъ получить санкцію нашего новаго политическаго положенія международнымъ актомъ, скромныя желанія наши въ настоящую пору ограничиваются только полученіемъ простаго одобренія образу дѣйствій, принятому Румыніей подъ давленіемъ величайшихъ затрудненій, и мы желаемъ громко заявить это сами, помимо какого либо внѣшняго вліянія. Болѣе всего мы стремимся получить отъ нашихъ доброжелательныхъ покровителей обѣщаніе, что ни въ какомъ случаѣ не будетъ учинено надъ румынскимъ народомъ насилія, съ цѣлью вновь поставить его когда либо въ прежнія отношенія къ Блистательной Портѣ.

«Нашъ образъ дѣйствій въ прошломъ можетъ успокоить державъ-поручительницъ относительно преслѣдуемой нами цѣли. Будущій же нашъ образъ дѣйствій докажетъ всѣмъ, въ особенности нашимъ могучимъ сосѣдямъ, что политика Румыніи не будетъ иною, какъ только консервативною».

Съ своей стороны князь румынскій, въ рѣчи при закрытіи палатъ, произнесъ слѣдующія слова:

«Турція поступила съ нами, какъ съ врагами, бомбардируя по всей линіи Дунай наши незащищенные города и сожигая села. Вслѣдствіе такого положенія, созданнаго самою Турціею, вы отвѣтили на ея вызовы объявленіемъ разрыва связей, соединявшихъ Румынію съ Турціей; вы провозгласили 9 мая полную независимость Румыніи».

Протестъ Порты, конечно, не заставилъ себя долго ждать.

«Возмущеніе Соединенныхъ княжествъ—говорится въ немъ—есть отнынѣ совершившійся фактъ. Блистательная Порта протестуетъ самымъ торжественнымъ и энергическимъ образомъ, какъ противъ рѣшенія княжескаго правительства, такъ и противъ честолюбивыхъ предпріятій Россіи. Блистательная Порта, что бы ни говорило и ни дѣлало княжеское правительство, заявляетъ свое намѣреніе удержать въ цѣлости принадлежащія ей права и употребить противъ княжествъ всѣ мѣры, на которыя ей укажутъ заботы о своихъ собственныхъ интересахъ, и на которыя ее побудитъ дальнѣйшій ходъ событій. Оттоманское правительство проситъ державы, подписавшія парижскій трактатъ, принять къ свѣдѣнію настоящее ея заявленіе. Оно надѣется, что Европа присоединится къ его образу мыслей и протесту».

Однако Турція не получила никакого отвѣта на свой протестъ. Болѣе существенное участіе въ войнѣ принимаетъ Румынія только въ концѣ августа. 11 сентября князь Карлъ румынскій обращается къ своимъ войскамъ съ прокламаціей. Сдѣлавъ краткій историческій очеркъ предшествовавшихъ событій и обративъ вниманіе на то, что до сихъ поръ румынское правительство, во избѣжаніе тяжкихъ жертвъ, вызываемыхъ войною, держалось оборонительнаго образа дѣйствій, князь указываетъ и на то ужасающее положеніе, въ которое можетъ быть поставлено княжество въ томъ случаѣ,

если театръ войны будетъ перенесенъ на румынскую территорію. «Мы должны,—говоритъ князь,—содѣйствовать россійскимъ военнымъ силамъ, съ цѣлью, во что бы то ни стало, ускорить конецъ войны». Обрисовавъ засимъ картину печальнаго положенія Болгаріи и всѣхъ христіанскихъ населеній Турціи, князь продолжаетъ:

... «Наконецъ мы, румыны, не христіане ли мы также? Развѣ интересы востока насъ не касаются? Развѣ въ великомъ вопросѣ освобожденія христіанъ востока—мы не имѣемъ права и не должны сказать свое слово, оказать содѣйствіе и принять участіе въ благополучномъ исходѣ? Возможно ли, чтобы мелочное себялюбіе, слѣпая бездѣятельность овладѣли политикой нашей страны? Но, если мы устранимся отъ великой борьбы, если мы не принесемъ никакой помощи борцамъ за человѣколюбіе и справедливость,—не откажемся ли мы этимъ самымъ отъ права взывать о помощи къ другимъ въ минуту опасности? Слѣдуетъ ли намъ вѣчно опираться на чужія плечи и никогда не разсчитывать на свои собственныя силы, на свою собственную энергію?

«Румыны! Мы убѣждены, что вы всѣ, отъ мала до велика, съумѣете, при всѣхъ обстоятельствахъ, исполнить вашъ долгъ предъ отечествомъ. Мы приступаемъ къ открытой борьбѣ съ тѣмъ крикомъ, съ какимъ такъ часто побѣждали въ былыя времена ваши предки: «Впередъ, съ Богомъ, за нашу вѣру и отечество»!

Было бы крайне несправедливо умолчать о дѣйствительномъ содѣйствіи румынскихъ вооруженныхъ силъ, оказанномъ русской арміи подъ Плевной и заслужившемъ полную и справедливую благодарность со стороны Россіи. Мы немного распространились объ участіи Румыніи въ ходѣ событій. Она впервые приняла дѣятельное участіе въ судьбахъ злосчастнаго восточнаго вопроса.

Б. К. П.

(Продолженіе будетъ).

Послѣ отдыха.

Насытился мой взоръ и моремъ, и закатомъ,
Насытилася грудь сосновымъ ароматомъ,
Насытился мой слухъ и шелестомъ лѣсовъ,
И пѣніемъ волны на сотни голосовъ.
Въ какомъ-то будничномъ туманѣ сѣроватомъ
Тускнѣетъ даль. Пора ужъ дачу на засовъ,
И—вновь въ водоворотъ волненія людскаго,
Въ объятія труда святаго, городскаго!

На лонѣ тишины поэтъ не отдохнетъ.
Онъ съ ближнимъ раздѣлить судьбы желалъ бы гнётъ.
Онъ, какъ Садко, на днѣ пучины безглагольномъ
Живетъ въ волненіи таинственномъ, невольномъ.
Къ нему русалочка ласкается и льнетъ,
Кругомъ блеститъ лазурь въ покоѣ вседовольномъ,
А онъ горящій взоръ подъемлетъ въ вышину
И жаждетъ услыхать прибрежную волну.

В. Чешихинъ.

Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны.

IV.

Краснорѣчіе нашихъ адвокатовъ.

Изъ очерка классической адвокатуры мы видѣли, что у классическихъ адвокатовъ существовали ораторскія направленія, школы, искусство ораторскихъ манеръ и жестовъ. О какихъ нибудь школахъ, направленіяхъ и манерахъ въ нашей присяжной адвокатурѣ и говорить даже смѣшно. Нельзя же считать «школой» стремленіе однихъ адвокатовъ и ихъ подражателей располагать въ свою пользу присяжныхъ засѣдателей цитатами изъ «Дѣяній апостольскихъ» (московское направленіе), а у другихъ—довольно систематическую сноровку сбивать свидѣтелей, закидывать судъ и присяжныхъ статьями и кассаціонными рѣшеніями, или безъ толку сражаться съ предсѣдателемъ суда, а у болѣе старательныхъ—читать присяжнымъ цѣлыя своеобразныя лекціи и выписки изъ учебниковъ по судебной медицинѣ и другимъ прикасающимся къ суду наукамъ, ради выясненія дѣла съ одной стороны и затемненія его съ другой (петербургская школа).

Точно также нельзя серьезно сравнивать искусство ораторскихъ жестовъ и манеръ классическихъ адвокатовъ съ болѣе чѣмъ простецкими манерами нашихъ присяжныхъ цицероновъ. Нельзя же считать ораторскими и достойными подражанія общеизвѣстные жесты, въ патетическихъ мѣстахъ рѣчи, у нашихъ самыхъ выдающихся адвокатовъ; напримѣръ, нервное почесываніе затылка, какъ бы отъ какого нибудь моментальнаго укушенія, запусканіе пальца или карандаша въ область носа или демонстративное выставленіе живота впередъ. Покойный Александровъ,—тотъ даже не имѣлъ никакихъ ораторскихъ манеръ; онъ на трибунѣ не столько произносилъ рѣчь, сколько «дѣлалъ докладъ», какъ выражаются оберъ-секретари сената и ихъ помощники.

Вообще же русскіе ораторскіе внѣшніе пріемы, т. е. манеры и жесты, можно раздѣлить на пономарскіе и нахальные. Первые суть

наши историческія манеры, доставшіяся, въ порядкѣ законнаго наслѣдованія, современнымъ русскимъ ораторамъ отъ первыхъ доморощенныхъ русскихъ юристовъ, дьяковъ и подъячихъ, выдвинутыхъ на первый планъ въ государствѣ и при дворѣ, въ качествѣ цвѣта тогдашней русской интеллигенціи, нашимъ Иваномъ Грознымъ. Поставленные имъ во главѣ тогдашнихъ министерствъ-приказовъ, дьяки и подъячіе оказали государю ту же услугу, какую великіе юристы Юстиніана оказали своему императору: утвердили и упрочили юридически, на законахъ и св. писаніи, самодержавную власть царя. Пономарскіе жесты и манеры, конечно, угловаты и некрасивы, но стыдиться ихъ русскимъ ораторамъ нечего: имъ они—родные, публикѣ и народу—понятные и со временемъ сами собою сгладятся и исправятся.

Нахальные, гостиннодворскіе жесты и манеры—произведеніе новѣйшаго времени. Они обыкновенно составляютъ принадлежность молодыхъ талантовъ изъ помощниковъ, желающихъ выдаваться, и нерѣдко бываютъ причиною перенесенія присяжными засѣдателями своего невольнаго отвращенія, испытываемаго послѣ пространной рѣчи молодаго защитника, полной гостиннодворской развязности и пошлости,—съ него на ни въ чемъ неповиннаго кліента.

Есть среди русской адвокатуры одинъ присяжный повѣренный, ораторскіе жесты и манеры котораго такъ благовоспитанны и изящны, что заслуживаютъ подражанія со стороны всѣхъ вообще молодыхъ русскихъ ораторовъ, помощниковъ въ особенности. Это г. Герардъ, извѣстный петербургскій адвокатъ. Его ораторскія манеры и даже лицо напоминаютъ отчасти знаменитаго Флокэ,—такъ недавно еще втораго сановника французской республики, а теперь второстепеннаго панамца,—когда Флокэ, бывало, со своего высокаго президентскаго кресла въ Palais Bourbons, исполненный достоинства, такта и сдержанности, нѣсколькими простыми словами умѣлъ успокоивать взволнованную палату депутатовъ и сдерживать безумную горячность Кассаньяка и грубыя выходки буланжистовъ. Но этимъ сходство г. Герарда съ Флокэ и оканчивается.

Хриплый, катарральный голосъ; неестественный, довольно напыщенный и въ то же время слащавый тонъ; постоянныя «э!.. э!..» и тому подобные звуки, напоминающіе болѣе скрипъ тяжело отворяющихся деревенскихъ воротъ, нежели человѣческое слово; дурно скрытая лесть судьямъ и присяжнымъ, и наконецъ, къ сожалѣнію, внутренняя пустота и шаблонность,—таковы отличительныя особенности защитительныхъ, да и всѣхъ вообще рѣчей г. Герарда. Возьмите на выдержку хотя рѣчь его въ защиту Полторацкаго, симпатичнаго молодаго человѣка, богъ знаетъ какимъ несчастнымъ

стеченіемъ обстоятельствъ попавшаго на скамью подсудимыхъ. Всѣмъ было очевидно послѣ судебнаго слѣдствія, что присяжные поймутъ и оправдаютъ его безъ всякой защиты, безъ того моря жалкихъ словъ, пролитыхъ на его голову г. Герардомъ и причинившихъ ему, вѣроятно, гораздо бо̀льшія нравственныя терзанія, чѣмъ умѣренная, вовсе не нападавшая на него, а, напротивъ, участливая, рѣчь прокурора.

Плутархъ, характеризуя въ своихъ «Жизнеописаніяхъ» ораторскій талантъ одного классическаго героя, говоритъ: «рѣчь его была чужда всякихъ украшеній, пустыхъ фразъ или рыночной лести; въ ней былъ виденъ умъ, свойственная ему форма и глубина сентенцій».

Дѣлая г. Герарду высокую честь сравненіемъ его съ классическимъ ораторомъ, но отдавая ему должное, нужно сказать, что рѣчи самого-то г. Герарда именно полны всякихъ украшеній, пустыхъ фразъ и рыночной лести, и въ нихъ не видно ни ума, ни оригинальности и никакихъ замѣчательныхъ сентенцій. Но его прекрасныя сдержанныя ораторскія манеры производятъ самое выгодное для него впечатлѣніе на публику и присяжныхъ, способныхъ понять и различить, даже въ области изящнаго, все настоящее и истинное отъ поддѣльнаго и прикрашеннаго, и всегда выручаютъ г. Герарда, какъ онѣ же привлекаютъ къ нему симпатіи и аплодисменты публики, когда ораторъ, исполненный глубокаго сознанія своей замѣчательной общественной дѣятельности въ столицѣ, произноситъ... «стишки» на литературно-музыкально-танцовальныхъ вечерахъ съ благотворительною цѣлью.

Любимый конекъ русскаго адвокатскаго краснорѣчія—это несомнѣнно такъ называемый «психологическій анализъ». Этотъ научный терминъ присвоивается нашимъ присяжнымъ цицеронамъ «не по чину», такъ сказать. Понятно, что настоящій психологическій анализъ компетентенъ производить только ученый спеціалистъ, а спеціалисты по психологіи у насъ чрезвычайно рѣдки. Но у насъ уже такъ принято выражаться. Если, положимъ, помощникъ защищаетъ своего казеннаго подсудимаго по обвиненію въ пятой кражѣ съ подобраннымъ ключемъ, и его кліентъ, отпираясь, говоритъ то, что̀ воры по профессіи и образу жизни обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорятъ) «Шелъ я по Бассейной, вечеромъ; гляжу: узелъ съ бѣльемъ на панели валяется... я его поднялъ, чтобы, значитъ, посмотрѣть, что̀ въ ёмъ. Ну, а тутъ сейчасъ подскочили дворники ко мнѣ и тащатъ съ узломъ въ участокъ.—Ты, говорятъ, укралъ! А я нечто кралъ? Можетъ, они сами украли, а на меня сваливаютъ»! и пр.),—то защитникъ развязно доказываетъ присяжнымъ

логичность такого вывода своего кліента и чистоту его сердца. Это и называется «психологическимъ анализомъ».

Во Франціи, наоборотъ, адвокаты болѣе всего стараются защитить подсудимыхъ, краснорѣчиво описывая присяжнымъ неблагопріятныя или совсѣмъ фатальныя для подсудимыхъ внѣшнія условія и обстановку (семейную, имущественную, общественную), что, конечно, потруднѣе, чѣмъ фантазировать, врать и рыться во внутреннемъ мірѣ подсудимаго, но требуетъ бо́льшей свободы слова, чѣмъ у насъ. А между тѣмъ у насъ-то именно русскій человѣкъ несравненно болѣе зависитъ отъ этихъ внѣшнихъ условій и обстановки, а сплошь и рядомъ совсѣмъ бываетъ жертвою ихъ. Изъ русскихъ ораторовъ, только въ рѣчахъ (въ напечатанномъ сборникѣ) сенатора А. Ѳ. Кони можно найти глубокій и меткій анализъ внѣшнихъ условій и обстановки. Къ сожалѣнію, онъ не адвокатъ, и ему въ этомъ отношеніи наши цицероны не слѣдуютъ, и у него не учатся, предпочитая не требующій ни труда, ни раздумья «психологическій анализъ».

Въ сферѣ слова, у каждаго народа есть что нибудь любимое, родное его національному характеру. Такъ, французамъ нравится риторически-украшенная и патетическая рѣчь. Англичане цѣнятъ всего больше основательность и точность. Нѣмцамъ я не знаю, что́ нравится. Но черта краснорѣчія, всего болѣе трогающая русскихъ, это несомнѣнно та же черта, которая искони лежитъ въ основѣ нашего народнаго характера, которая есть его горе и радость, которая присуща и его царямъ, и лучшимъ государственнымъ людямъ, и дипломатамъ, конечно, не новѣйшей школы, а старинным, петровскаго и екатерининскаго времени, умѣвшимъ, хотя и грубовато, по мужицки, такъ сказать, но дѣйствительно «честно и грозно» поддерживать престижъ Россіи.

Кто изъ русскихъ ораторовъ владѣетъ этою особенной русской искренностью, аналогичной съ исповѣдью, владѣетъ хотя бы въ слабой степени или умѣетъ поддѣлываться подъ нее, тотъ всегда привлекаетъ къ себѣ русскую публику, независимо отъ содержательности своей рѣчи, тѣмъ менѣе отъ манеръ. Таковы въ Петербургѣ: Утинъ, Потѣхинъ, Андреевскій, Корабчевскій; а въ Москвѣ— г. Плевако.

V.

Адвокатская этика.

Когда я собираюсь сдѣлать какіе нибудь общіе выводы о морали нашихъ присяжныхъ цицероновъ, мнѣ хотѣлось бы игнорировать мнѣніе о нихъ толпы, ставящей адвокатскую нравственность даже

ниже своей уличной, и не обращать большаго вниманія на указанія столичныхъ газетъ, находящихъ, что все чаще и чаще приходится слышать, какъ во главѣ особенно сложнаго преступленія (подлогъ завѣщанія, кража документовъ и пр.) неизбѣжно является юрисконсультъ, присяжный или частный повѣренный, который и обставляетъ преступленіе «съ юридической стороны». Что газеты?! Всегда онѣ преувеличиваютъ. Но «тогда предо мною встаетъ изъ тумана видѣніемъ мрачнымъ» одна конференція,—не дипломатическая и не ученая. «Конференціей» въ нашей присяжной адвокатурѣ называется засѣданіе молодыхъ помощниковъ, подъ предсѣдательствомъ трехъ руководителей изъ членовъ совѣта, руководящихъ на этихъ засѣданіяхъ разсужденіями и разговорами на юридическія темы и наставляющихъ молодыхъ адвокатовъ. Здѣсь помощники читаютъ свои, написанные изъ подъ палки, рефераты. На конференціи, о которой я говорю, зашла рѣчь объ адвокатской нравственности. Одинъ изъ троихъ руководителей, извѣстный тѣмъ, что, вызубривъ десятка полтора латинскихъ юридическихъ изреченій, всюду, къ мѣсту и не къ мѣсту, совалъ ихъ въ разговорѣ,—почему и пріобрѣлъ себѣ славу знатока гражданскаго права,—сказалъ при этомъ цѣлую рѣчь, въ поученіе помощникамъ, объ адвокатской нравственности, долженствующей, по его мнѣнію, подкрѣпленному имъ тутъ же латинскимъ изреченіемъ, безконечно превосходить обыкновенную человѣческую нравственность же идеаломъ, адвокатской этики должна быть высочайшая корректность, законосмѣрность и законосообразность. Въ концѣ своей рѣчи руководитель выразилъ увѣренность, что всѣ присутствовавшіе на конференціи молодые юристы несомнѣнно будутъ носить въ себѣ именно такіе высокіе идеалы адвокатской морали, руководствоваться ими въ принятіи и веденіи дѣлъ, и никогда имъ не измѣнять. Нѣсколько минутъ помощники молча раскусывали эту важно и съ достоинствомъ произнесенную рѣчь, и соображали, какимъ это образомъ они ухитрятся стать несравненно нравственнѣе обыкновенныхъ людей, когда самая профессія ихъ, да еще при ея русскихъ условіяхъ, есть путь несравненно болѣе скользкій, чѣмъ всѣ другіе русскіе легальные жизненные пути. Потомъ одинъ изъ нихъ, намъ уже знакомый Альбертъ Александровичъ (Берка Абрамовичъ) Хомзензонъ не вытерпѣлъ и почтительно обратился къ руководителю за разъясненіемъ.

— А пожвольте васъ спросить!—началъ онъ, запинаясь, неувѣренно и даже какъ бы конфузясь,—еслибы, напримѣръ... конечно, это я только для примѣра, чтобы уяснить себѣ... еслибы вотъ, напримѣръ, ко мнѣ, или къ кому нибудь изъ насъ, обратилась съ приглашеніемъ вести ея совершенно правильныя дѣла, большею

частію по безспорнымъ документамъ, содержательница увеселительнаго заведенія, хотя и разрѣшеннаго правительствомъ, но вообще пользующагося репутаціей... въ родѣ, какъ бы... напримѣръ...—замялся Хомзензонъ.

— Да говорите прямо: «пансіона безъ древнихъ языковъ»! — вполголоса, шутя поправляли Хомзензона товарищи, улыбавшіеся и перемигивавшіеся по поводу его конфузливости и понимавшіе, что это происходило отъ того, что самъ онъ видимо не «для примѣра», а въ дѣйствительности состоялъ постояннымъ юрисконсультомъ подобнаго заведенія и нѣсколько стѣснялся этимъ.

Необходимо замѣтить, что вообще разнообразныя увеселительныя заведенія часто нуждаются въ услугахъ юриста и нанимаютъ постояннаго юрисконсульта изъ присяжныхъ или частныхъ повѣренныхъ. Дѣла у нихъ не переводятся: то гостя въ ихъ заведеніи оберутъ, то дѣвицы съ кѣмъ нибудь подерутся—это практика уголовная для ихъ юрисконсульта; а взысканіе съ этихъ же дѣвицъ нескончаемыхъ долговъ по безспорнымъ документамъ въ пользу хозяйки—составляетъ его гражданскую практику.

Хомзензонъ закончилъ новымъ увѣреніемъ, что все это онъ только для примѣра говорилъ, чтобы выслушать совѣтъ, какъ поступать въ такихъ случаяхъ на будущее время.

Давъ ему вполнѣ высказаться, руководитель сталъ наставлять его и всѣхъ помощниковъ. Онъ прежде всего замѣтилъ Хомзензону, что онъ самъ могъ бы, еслибы основательнѣе подумалъ, сдѣлать надлежащій выводъ для себя изъ его руководительской рѣчи. Затѣмъ пространно, съ важностью и полной увѣренностью въ своей непогрѣшимости, руководитель сталъ разъяснять помощникамъ, что адвокатамъ, подобно какъ и врачамъ, вообще крайне смѣшно и глупо обращать вниманіе на профессію, хотя бы и самую, странную, на національность, на званіе и общественное положеніе своихъ кліентовъ, а также и на ихъ поведеніе; что адвокаты должны быть выше всего этого, что имъ совсѣмъ незачѣмъ знать, кто и что такое ихъ кліенты, незачѣмъ ии сходиться, ни знакомиться съ ними, а они должны имѣть въ виду и руководствоваться тѣмъ, чтобы дѣла, принимаемыя ими для веденія, были бы вполнѣ корректны, закономѣрны и законосообразны. Довольно долго говорилъ онъ на эту тему.

Сконфузившійся было юрисконсультъ «пансіона безъ древнихъ языковъ», А. А. Хомзензонъ, пріободрился послѣ поддержки, оказанной ему руководителемъ, и весело и гордо смотрѣлъ въ глаза товарищамъ. Но въ это время поднялся одинъ, не успѣвшій еще напрактиковаться, помощникъ. На лицѣ его выражалось недоумѣніе.

— Какъ же это такъ? — обратился онъ къ руководителю, уже видимо начинавшему обнаруживать нетерпѣніе по поводу того, что и послѣ обстоятельнаго разъясненія имъ принциповъ этики, находятся еще люди, не уразумѣвшіе этихъ принциповъ. — Вѣдь вотъ вы изволили передъ этимъ объяснить, какою мы вообще высокою нравственностью должны обладать, какъ адвокаты, и насколько мы въ этомъ отношеніи должны быть неизмѣримо выше обыкновенныхъ людей. А между тѣмъ, если вы разрѣшаете намъ принимать хотя бы и корректныя дѣла отъ содержательницъ «пансіоновъ безъ древнихъ языковъ», то обыкновенные-то люди, стоящіе гораздо ниже насъ въ нравственномъ отношеніи,—они вѣдь гнушаются вообще такихъ дамъ и не только избѣгаютъ, по нравственнымъ побужденіямъ, имѣть съ ними какія либо житейскія отношенія, но и на порогъ къ себѣ не пускаютъ, считаютъ зазорнымъ давать имъ квартиры въ своихъ домахъ, даже за дорогую цѣну. Притомъ же, хотя съ виду-то всѣ эти векселя и обязательства, по которымъ содержательницы взыскиваютъ съ своихъ пансіонерокъ, вполнѣ корректны, но вѣдь въ сущности это страшная кабала и эксплуатація. Всеволодъ Крестовскій въ своемъ извѣстномъ романѣ описываетъ очень подробно отношенія такихъ пансіонерокъ къ своимъ хозяйкамъ. Наконецъ, развѣ можно обойтись намъ совсѣмъ безъ знакомства съ своими кліентами? Это далеко не всегда удается. Обыкновенно кліента не сразу и направишь на чисто дѣловой разговоръ. Сначала онъ безъ надобности разскажетъ вамъ свою жизнь, пожалуется на плохія времена или порядки, спроситъ, сколько вы за квартиру платите, наконецъ, уже перебивши его, и путемъ разспросовъ, вы узнаете, какое у него дѣло. Точно также и эти дамы, которыхъ вотъ Альбертъ Александровичъ Хомзензонъ принимаетъ...

— Извините,—перебилъ его обиженнымъ тономъ Хомзензонъ,— я вовсе не говорилъ, что принимаю ихъ, это, можетъ быть, вы ихъ принимаете. А я для примѣра только сказалъ!

Но общій, хотя и сдержанный руководителемъ, смѣхъ товарищей заставилъ молодаго юрисконсульта пожалѣть о слишкомъ горячей защитѣ своей амбиціи.

— Виноватъ,—продолжалъ первый,—да вѣдь и я только для примѣра говорю. Ну вотъ, положимъ, пожалуетъ къ вамъ съ векселями такая «дама изъ Амстердама». Прежде всего, придется ей руку подать, усадить въ кресло, сказать, чѣмъ, молъ, могу служить и проч., правда вѣдь? Да и она вовсе не ограничится однимъ дѣловымъ разговоромъ, а вообще разскажетъ вамъ подробно, какая она благородная и какіе у нея въ пансіонѣ благородные господа бываютъ, а въ концѣ, пожалуй, и на чашку кофе васъ къ себѣ пригласитъ!

— Васъ, Альбертъ Александровичъ, конечно, приглашала, да?

— Вы, вѣроятно, абонементъ имѣете?

— Возьмите меня съ собой! нѣтъ лучше меня, Хомочка! меня!—посыпались вполголоса шутки и остроты со всѣхъ сторонъ на бѣднаго Хомзензона, который только фыркалъ и огрызался.

Неумѣстныя шутки прекратилъ руководитель, къ которому обращенъ былъ запросъ. Упрекнувъ молодаго помощника въ несерьезномъ отношеніи къ дѣлу и напомнивъ какое-то латинское изреченіе, въ родѣ «summum jus—summa injuria», руководитель подробно разъяснилъ, что главная ошибка непонявшаго его помощника состоитъ въ томъ, что онъ беретъ отдѣльные факты и изъ нихъ дѣлаетъ заключенія, тогда какъ всегда нужно разсуждать принципіально, и онъ снова важно съ полчаса говорилъ о томъ, что единственный принципіальный нравственный критерій для адвокатовъ,—это корректность, закономѣрность и законосообразность принимаемыхъ ими для веденія дѣлъ.

Возражать на такую мудрость никто не рѣшился: оспаривать руководителей не принято. Конференція была закрыта и сотрудники разошлись. Многіе ли изъ нихъ поняли, что дама изъ Амстердама, кліентка Хомзензона, и ихъ почтенный руководитель со всей его «корректностью» и «закономѣрностью» отстоятъ недалеко другъ отъ друга на ступеняхъ нравственнаго развитія?

Какъ видите, читатель, мораль нашихъ присяжныхъ цицероновъ—это не ваша простая, пошлая мѣщанская мораль, а мораль принципіальная!

Какіе интересы, какіе разговоры у нашихъ присяжныхъ цицероновъ, когда они у собя, когда они не «зарабатываютъ»? Вѣдь это корпорація образованнѣйшихъ людей страны, научно развитыхъ, которымъ гораздо больше другихъ спеціалистовъ должны бы быть доступны высшіе умственные и нравственные интересы. Не могутъ они ограничиться только спеціальными интересами своихъ исковъ, гонораровъ, и запереться въ этомъ мірѣ кляузничества! Они и не запираются. Но напрасно бы вы ожидали, сидя въ ихъ средѣ, въ ихъ комнатѣ, горячихъ споровъ, разговоровъ о литературѣ, наукѣ политикѣ и пр. Объ этихъ матеріяхъ «не принято» у нихъ разговаривать. Предпочитаются совсѣмъ иные диспуты и бесѣды.

— А знаете, господа!—говоритъ, напримѣръ,—обращаясь ко всѣмъ находящимся въ комнатѣ товарищамъ, лежащимъ пластомъ на широкихъ диванахъ, выпивающимъ (безъ спиртныхъ напитковъ), закусывающимъ или просматривающимъ газеты,—молодой выдающійся присяжный повѣренный.—Знаете, кто былъ самый сладострастный человѣкъ на свѣтѣ?—Оратора окружаютъ. Поднятый имъ

вопросъ, очевидно, интересенъ всѣмъ. Высказываются предположенія, догадки съ поясненіями, вызывающими восторгъ своей пикантностью. Оживляется вся комната, всѣмъ дѣлается такъ весело. Ораторъ зналъ, чѣмъ можно расшевелить скучающихъ товарищей; онъ становится центромъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—весело отвѣчаетъ онъ на самыя остроумныя догадки.—Не угадали! Самымъ сладострастнымъ человѣкомъ,—торжественно провозглашаетъ онъ наконецъ, уступая нетерпѣнію товарищей,—былъ испанскій король такой-то. И вотъ почему!—Тутъ онъ умолкаетъ и шопотомъ объясняетъ ближайшимъ сосѣдямъ: почему? т. е. даетъ отвѣтъ такой пакостный, что даже въ комнатѣ присяжныхъ повѣренныхъ его громко сказать неудобно.

Бываютъ, конечно, и другіе разговоры, болѣе профессіональные, о томъ, какъ ловко въ старину вели дѣла адвокаты и какіе загребали гонорары, не то, что нынѣшніе; припоминаются историческіе, такъ сказать, гонорары-куши, сорванные «учителями» по раскольничьимъ дѣламъ съ воровъ, убійцъ, съ банковскихъ и таможенныхъ хищниковъ и пр. Разсказываютъ, какіе у кого курьезы бывали при защитахъ и при исполнительныхъ процессахъ: какъ устранвались они съ судебными приставами и пр. Бываютъ при этомъ интересные и поучительные для молодежи разсказы.

— Одинъ разъ,—повѣствовалъ товарищамъ опытный присяжный повѣренный,—получилъ я исполнительный листъ на арестъ движимаго имущества у одного высокопоставленнаго лица. Ну, пріѣхали мы къ нему съ Иваномъ Иванычемъ (суд. приставъ). Какой подъѣздъ, лѣстница, ковры! Звонимъ. Отворяетъ лакей. Что угодно? Объясняетъ Иванъ Иванычъ: такъ и такъ, пріѣхали описать имущество. Лакей исчезъ и черезъ минуту возвращается съ отвѣтомъ: «принимать васъ не приказано»! Можете себѣ представить? Стали было мы объясняться, но лакей распахнулъ выходную дверь и только что подъ руки не вывелъ Ивана Иваныча.

— И васъ?—раздается предательскій вопросъ одного изъ товарищей и невольный смѣхъ другихъ.

Разсказчикъ вспыхиваетъ.

— Т. е., позвольте, какъ это глупо! Развѣ во мнѣ дѣло, я тутъ непричемъ, я за спиной пристава. Но вѣдь вывести судебнаго пристава, понимаете, чѣмъ это пахнетъ? Ну, хорошо,—продолжалъ разсказчикъ,—мы сейчасъ въ участокъ, просимъ полицію вмѣстѣ съ нами на опись. Нейдутъ. Грозимъ, что жаловаться будемъ. Отвѣчаютъ: «сдѣлайте одолженіе; у насъ отъ своего начальства, можетъ быть, секретное предписаніе есть»! Что тутъ дѣлать? Особа-то, съ которой я взыскивалъ, дѣйствительно, важная была; что̀ мудре-

наго, что и выхлопоталъ онъ себѣ такое предписаніе, чтобы оттянуть взысканіе...

— Ну, какъ же вы поступили, чѣмъ кончилось? Такъ ничего и не взяли? Жаловались?—разомъ пристали товарищи къ пріостановившемуся разсказчику.

— Да чѣмъ кончилось? Иванъ Иванычъ выручилъ! Говоритъ, пока вы будете жаловаться, время-то уйдетъ, имущество могутъ увезти, а вы, посовѣтовалъ онъ, лучше вотъ что сдѣлайте: заявите мнѣ, что желаете описать, въ качествѣ имущества, и наложить арестъ на дверную доску вашего должника; она большая и на ней весь титулъ его прописанъ! Я, говоритъ, наклею на нее свое объявленіе съ казенной печатью, пускай попробуетъ вашъ должникъ содрать его, небось, не посмѣетъ! А для него это объявленіе—конфузъ-то какой! Понимаете? Ну, такъ и сдѣлали. Поѣхали, оцѣнилъ я дверную доску въ рубль, Иванъ Иванычъ на нее свое объявленіе съ печатью приклеилъ... а на слѣдующій день сановный должникъ утромъ раненько всѣ сполна деньги прислалъ. Нѣтъ, вы, главное, представьте его физіономію, когда онъ узрѣлъ нашъ пластырь съ печатью на своей дверной доскѣ!—Разсказчикъ захохоталъ.

— Да, это ловко! — соглашались присутствующіе. — А Ивану Иванычу сколько дали?

— Сто рублей.

— Еще милостиво: могъ бы больше взять!

— Ну, помилуйте, за что же?—возражалъ разсказчикъ.—Весь-то исполнительный листъ былъ только на четыре тысячи рублей!

Въ одномъ городѣ присяжный засѣдатель, учитель гимназіи, случайно забрелъ въ комнату присяжныхъ повѣренныхъ, принявъ ее за буфетъ, просидѣлъ тамъ, не замѣченный, съ полчаса и потомъ разсказывалъ о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ:

— Я, право, все время тамъ, пока сидѣлъ и разговоры слушалъ, руку въ карманѣ надъ бумажникомъ держалъ!

— Ужь будто тамъ такіе худые разговоры разговариваютъ?—спросили его.

— Нѣтъ, напротивъ, очень остроумные, веселые, только исключительно на тему «о походахъ на карманы благодушныхъ россіянъ»! какъ у Некрасова говорится,—право! Какъ одинъ заполучилъ, другой должника накрылъ, третій у четвертаго изъ подъ носа гонораръ перебилъ!.. Я слушалъ, слушалъ, мнѣ даже неловко стало въ такомъ обществѣ! Помните, у Глѣба Успенскаго есть сценка на пароходѣ; кажется, разговоръ кулаковъ: «Взялъ? Взялъ! Снялъ? Снялъ! Пять съ четью? Семь съ полтиной»! и пр. Такъ вотъ похоже очень и ваши присяжные повѣренные разсуждали...

Такими дѣловыми бесѣдами занимаются «цицероны» уже болѣе или менѣе солидные. Молодые же помощники предпочитаютъ больше, какъ и естественно въ ихъ возрастѣ, обмѣниваться взаимно мыслями и впечатлѣніями по поводу внѣшнихъ и внутреннихъ достоинствъ и недостатковъ «акваріумскихъ» и «аркадійскихъ» постоянныхъ посѣтительницъ. Но и эти молодые люди,—наша надежда,—не лишены духа практичности. Не могу забыть, какъ одинъ юный помощникъ съ увлеченіемъ повѣствовалъ окружавшей его кучкѣ товарищей о своей изобрѣтательности, дѣйствительно замѣчательной. Дѣло въ томъ, что онъ былъ семейный человѣкъ: онъ—адвокатъ, жена его—зубной лѣкарь, а пріемный кабинетъ у обоихъ супруговъ былъ одинъ и тотъ же: не имѣли средствъ большую квартиру нанять. Но такъ какъ кабинетъ зубнаго лѣкаря, съ его коллекціей пыточныхъ орудій,—спеціальнымъ кресломъ, тазами и пр.,—и кабинетъ адвоката, съ разложенными книгами законовъ и кассаціонныхъ рѣшеній, съ дѣлами и прочею соотвѣтствующею обстановкой, рѣшительно несовмѣстимы въ одной комнатѣ, хотя бы и въ разныхъ углахъ, то предусмотрительный помощникъ, послѣ многихъ опытовъ, наконецъ ухитрился такъ устроить этотъ совмѣстный зубоврачебно-юридическій кабинетъ, что, если, напримѣръ, приходилъ кліентъ къ мужу, то, во мгновеніе ока, верхняя доска стола, съ разложенными на ней щипцами и пинцетами, вдвигалась въ ящикъ турецкой кушетки; кресло, тазы и пр. также какъ-то быстро складывались и такъ искусно драпировались, что не всякій, даже при внимательномъ наружномъ осмотрѣ, открылъ бы истину; на вторую крышку стола бросались дѣла и портфель, отдергивалась занавѣска отъ полки съ законами въ хорошихъ переплетахъ,—и весь кабинетъ принималъ характеръ строго юридическій! Когда же счастье улыбалось madame и въ ея лавочку стучался паціентъ,—съ такою же быстротою и акуратностью исчезали законы и дѣла, а на ихъ мѣсто водворялись опять тазы, кресло, орудія пытки и вся обстановка зубнаго хирурга. Практики у обоихъ супруговъ было немного, они только начинали зарабатывать; поэтому никакихъ прискорбныхъ коллизій у нихъ между кліентами и паціентами не случалось, по увѣренію помощника.

Молодые адвокаты также часто разсуждаютъ между собою о томъ, какъ много вообще успѣхъ въ практикѣ зависитъ отъ случая, отъ *счастья*. По одному дѣлу работаешь очень много, усиленно, цѣлые мѣсяцы—и въ результатѣ приходится заработать гроши; по другому почти ни за что хорошо заработаешь. Указываютъ и примѣры. Такой-то не имѣетъ таланта, ничего не дѣлаетъ, только вертится вездѣ, а вотъ счастливъ: сколько у него практики! Всѣ такіе раз-

говоры о счастьѣ напоминаютъ мнѣ сцены на Невскомъ, позднимъ вечеромъ...

А вѣдь разсуждавшихъ такимъ образомъ о счастьѣ молодыхъ юристовъ обучали когда-то высокимъ наукамъ въ университетѣ. Профессоръ А. Д. Градовскій развивалъ имъ и идеи германскихъ конституцій, и ученіе (катедеръ-соціализмъ) своего любимаго Лоренца-Штейна, идеаломъ котораго былъ абсолютный самодержавный монархъ, всего себя посвятившій и всѣ средства государства отдавшій на духовное и матеріальное развитіе низшихъ классовъ простаго народа. Профессоръ Андреевскій, подъ болѣе чѣмъ скромнымъ названіемъ полицейскаго права, училъ ихъ основамъ земскаго самоуправленія и земскаго благоустройства. П. Г. Рѣдкинъ внушалъ имъ, что «все минётся, одна правда остается»! А Таганцевъ и другіе? Всѣ они призывали этихъ молодыхъ людей не къ такому «счастью», не къ подбиранію падающихъ крохъ,—ихъ теперешней цѣли жизни,—а къ служенію тѣмъ забытымъ словамъ: «общество, отечество, человѣчество», которыя, впрочемъ, вопреки утвержденію знаменитаго нашего писателя, вовсе не забыты, а только произносить ихъ въ настоящее время стало какъ-то совѣстно: неосновательнымъ человѣкомъ станутъ считать, т. е. почти дуракомъ. Васъ, бѣложилетные студенты новѣйшей формаціи, учатъ ли васъ теперь чему либо подобному? Вѣдь тѣхъ, указанныхъ выше, учителей уже нѣтъ у васъ! Ихъ замѣнили талантливые авторы конспектовъ и повторительныхъ курсовъ. Изъ стариковъ, правда, остались авторы ученѣйшихъ изслѣдованій, не имѣющихъ ничего общаго съ запросами современной жизни, въ родѣ изслѣдованія о происхожденіи слова: «огнищанинъ». Далеко ли вы уйдете съ такими учителями? До происхожденія ли «огнищанъ» нашей родинѣ, когда, при всякомъ новомъ назначеніи на высокій постъ лица, не удовлетворяющаго табели о рангахъ или водворившимся снова у насъ понятіямъ мѣстничества (Витте, Ермолова, Муравьева, и др.), все русское общество и каждый образованный его членъ волнуются однимъ вопросомъ, одной надеждой: не ему ли, этому новому, незнатному лицу, суждено быть добросовѣстнымъ помощникомъ государя въ коренномъ разрѣшеніи трехъ величайшихъ вопросовъ нашего настоящаго: земледѣльческаго, финансоваго, судебнаго и школьнаго?

Возвращаясь къ вопросу адвокатской этики, нужно замѣтить, что нигдѣ она такъ не скользка, какъ въ опредѣленіи размѣровъ гонорара. Нѣкоторые изъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ въ своихъ отчетахъ заявляютъ, что они по принципу не берутъ на себя разрѣшенія споровъ и ссоръ адвоката съ кліентомъ о размѣрѣ гонорара, что на это есть суды. Это тѣмъ болѣе резонно, что громад-

ное большинство «неумѣренныхъ» гонораровъ выпадаетъ на долю именно членовъ совѣтовъ, какъ наиболѣе извѣстныхъ адвокатовъ, такъ что въ этомъ случаѣ «принципъ» прикрываетъ грѣшокъ. Выходитъ и удобно, и вмѣстѣ съ тѣмъ принципіально!

Трудно требовать высокой морали отъ людей, которымъ, какъ ни какъ, а приходится за деньги втирать очки другимъ людямъ и называть бѣлое чернымъ, и наоборотъ. Можно ли, напримѣръ, забыть рѣчь г. Спасовича въ сенатѣ по дѣлу Петербурга съ водопроводнымъ обществомъ. Г. Стасюлевичъ, выступивъ въ сенатѣ по этому дѣлу, какъ защитникъ города и права его жителей утолять жажду чистой и свѣжей водой, а не бурдою, доставляемой водопроводнымъ обществомъ, былъ не краснорѣчивъ; да едва ли защита такого примитивнаго права и нуждалась въ словахъ, хотя бы самыхъ прекрасныхъ. Наоборотъ, право водопроводнаго общества на поставку бурды для питья нуждалось въ самомъ могущественномъ словѣ, въ авторитетахъ, потому что оно противорѣчило самой примитивной морали. Водопроводное общество понимало это отлично и, не смотря на то, что его юрисконсультомъ былъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ адвокатовъ, П. А. Потѣхинъ, законтрактовало для защиты своей и «науку»,—пригласивъ бывшаго профессора права... Чѣмъ рѣчь г. Спасовича (это лучшая рѣчь, съ внѣшней стороны, изъ всѣхъ имъ сказанныхъ и напечатанныхъ) становилась возвышеннѣй и чѣмъ больше чувства онъ вкладывалъ въ нее, тѣмъ тяжелѣе было его слушать (я сужу по личнымъ впечатлѣніямъ). Чувствовалось, что здѣсь не только предана наука, но заброшена и человѣческая искренность.

Въ далекомъ, прекрасномъ итальянскомъ городѣ Генуѣ (Gènova la bella, какъ ее зовутъ итальянцы), на его всемірно-извѣстномъ и ни съ чѣмъ несравнимомъ загородномъ кладбищѣ, въ одной изъ галерей налѣво отъ входа, стоитъ на углу во весь ростъ бѣлое мраморное изваяніе одного генуэзскаго адвоката, въ адвокатской мантіи, въ благородной ораторской позѣ и съ такимъ добрымъ и открытымъ, прямодушнымъ лицомъ. Внизу надпись: «Pro pauperibus»! (въ защиту бѣдныхъ). Коротко, просто и ясно. Вотъ за что, за какія заслуги предъ Генуей и народомъ человѣкъ этотъ удостоился монумента отъ своихъ земляковъ. Не за то же, что онъ помогаетъ эксплуататорамъ опаивать гнилой водой жителей своего города!

Въ нашей адвокатской практикѣ есть особые «спеціалисты» по конкурснымъ или по бракоразводнымъ дѣламъ, передающіе молодому поколѣнію адвокатовъ и «спеціальные» пріемы обработыванія кліентовъ.

Сидитъ такой учитель у себя въ изысканномъ кабинетѣ и подаетъ кліенткѣ «юридическіе совѣты»:

— Вы понимаете... вообще... еслибы, напримѣръ, возможно было... изъять эти, извѣстные вамъ, документы,—вамъ это тѣмъ болѣе удобно, что—вы говорите—они въ кабинетѣ, въ столѣ... Вообще, понимаете, если эти подлинные документы будутъ изъяты, тогда вѣдь можно будетъ предъявить противной сторонѣ обвиненіе въ подлогѣ ихъ, даже въ шантажѣ! А это произведетъ громадное впечатлѣніе въ вашу пользу въ томъ допотопномъ аристократическомъ учрежденіи, гдѣ производится ваше дѣло... Чѣмъ вы рискуете? Почти ничѣмъ! Провѣрять тамъ и доискиваться не будутъ, туда до 30,000 прошеній въ годъ поступаетъ: гдѣ же тутъ провѣрить? да и кому тамъ?.. кажется, только и дѣлаютъ, что по французски болтаютъ и сплетничаютъ... да-съ! Повѣрьте моей опытности!

— Значитъ, какъ же... украсть документы?

— Т. е. позвольте!—возмущается учитель и принимаетъ видъ оскорбленнаго благороднаго достоинства, съ досадой думая: «какая дура»! и кусая свою длинную бороду.—Развѣ я совѣтую вамъ кражу что ли какую? Какъ вы позволяете себѣ употреблять такіе термины? Я говорю объ изъятіи документовъ, мнѣ нѣтъ дѣла, какимъ образомъ... Да здѣсь, прежде всего, не будетъ и состава такого преступленія, на основаніи такихъ-то и такихъ-то статей...

Мудрый «юридическій совѣтъ» принимается, учитель умилостивляется нѣсколькими радужными, встаетъ и вполнѣ успокоивается, исполненный сознанія своей корректности, закономѣрности и законосообразности. А «дура», возвратясь домой, въ купеческую семью, поясняетъ:—«Была, родные, у нашего адвоката, вотъ страховъ-то набралась! Безпремѣнно велѣлъ письма и копіи украсть!—говоритъ—за это намъ ничего не будетъ. Да сердитый какой. Изъ себя-то верзило. Борода вѣ-какая! Я ему чего-то неладно отвѣтила: раскричался; думала, что погонитъ меня. Вижу я, дѣло плохо; сейчасъ, не будь дура, ему двѣ радужныхъ на столъ выкинула: омякъ... улыбаться сталъ!

Не составляютъ исключенія въ нравахъ нашей присяжной адвокатуры и такія дѣла. Останавливаетъ васъ въ судѣ господинъ со значкомъ и рекомендуется присяжнымъ повѣреннымъ.

— Вы, кажется,—спрашиваетъ онъ,—наложили арестъ на движимое имущество моего довѣрителя такого-то?

— Да, только оно, кажется, утащено вашимъ довѣрителемъ изъ подъ ареста и куда-то спрятано!

— Зачѣмъ же утащено?—обижается онъ,—просто вывезено! А не хотите ли я уплачу вамъ сейчасъ по 10 коп. за рубль по вашему исполнительному листу и будемъ квиты, а вы снимете арестъ?

— Т. е., другими словами, вы знаете, гдѣ находится это имущество и, можетъ быть, помогли вывезти его?

— Да вѣдь доказать-то вамъ все равно нечѣмъ!—откровенно и съ улыбкой заявляетъ онъ. — Соглашайтесь, а то ничего не получите, вѣдь довѣритель-то мой умеръ!—по товарищески совѣтуетъ онъ.

Самое лучшее, т. е. самое выгодное при этомъ—дѣйствительно торговаться, надбавлять и соглашаться на такую сдѣлку. Какой другой выходъ? Возбудить дѣло уголовнымъ порядкомъ? Оно будетъ прекращено за смертью главнаго виновника и по недостаточности уликъ противъ пособниковъ; недаромъ оно обставлено съ юридической стороны присяжнымъ повѣреннымъ! Пожаловаться въ совѣтъ на такого присяжнаго повѣреннаго? Еще хуже: непріятностей много себѣ наживете, а толку никакого не будетъ. Доказательствъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ нѣтъ: развѣ такіе разговоры бываютъ при свидѣтеляхъ? Въ лучшемъ случаѣ, совѣтъ усмотритъ въ такой сдѣлкѣ нѣчто невполнѣ «корректное» и постановитъ разъяснить это предлагающему сдѣлку присяжному повѣренному, который, понятно, очень нуждался въ такомъ разъясненіи и потому выслушиваетъ его съ комической серьезностью. А жалобщику совѣтъ при этомъ сдѣлаетъ внушеніе, что вообще ссориться съ товарищемъ и жаловаться на него—«не корпоративно».

VI.

Помощники присяжныхъ повѣренныхъ.

Извѣстно, что въ нашей присяжной адвокатурѣ молодые люди, поступающіе изъ университетовъ помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, фактически почти никакимъ руководствомъ отъ своихъ патроновъ не пользуются. Бо́льшая часть помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, т. е. почти всѣ—помощники номинальные, какъ они и называются. Фактическіе помощники, дѣйствительно помогающіе въ веденіи дѣлъ своимъ патронамъ и получающіе отъ нихъ вознагражденіе, существуютъ лишь въ видѣ очень рѣдкаго исключенія. Такимъ образомъ, начинающій адвокатъ у насъ предоставленъ самому себѣ. Ему приходится очень круто. Въ университетѣ молодому юристу приходилось читать и слышать о типѣ Балалайкина, но онъ не считалъ его общимъ типомъ русской присяжной адвокатуры. Онъ вступаетъ въ адвокатуру съ мечтами, если не о трибунствѣ, то о призваніи, объ общественной дѣятельности, о защитѣ вдовъ и сиротъ и проч., и сразу опускается въ омутъ исполнительнаго процесса съ его описями и темными сдѣлками; съ его приставами и

благодарностями, и съ цѣлой школой пошлости, гдѣ онъ быстро, на живыхъ примѣрахъ, усвоиваетъ себѣ ловкость, искательство, лицемѣріе, подхалюзничество, развязность, недалекую отъ нахальства, и другія тому подобныя качества, столь полезныя для пріобрѣтенія практики и болѣе или менѣе хорошаго заработка. Его нравственный уровень понижается очень быстро; юридическія же познанія развиваются въ уродливомъ смыслѣ познанія всяческихъ обходовъ закона и лазеекъ. Для помощниковъ совѣты присяжныхъ повѣренныхъ завели конференціи, о которыхъ уже упоминалось раньше. Но, будучи сами учрежденіями мертвыми и писарскими, совѣты, разумѣется, не могли и для молодыхъ адвокатовъ создать чего нибудь живаго, и конференціи эти гораздо болѣе жалки и не интересны, чѣмъ даже наши юридическія общества.

Эти полуказенныя субсидируемыя общества, развѣ они попробовали, напримѣръ,—хотя бы въ благодарность за казенную субсидію,—обсудить своевременно и въ почтительной формѣ указать правительству достоинства и выгоды, промахи и недостатки,—съ точки зрѣнія равенства русскихъ предъ закономъ,—введенныхъ уже теперь въ жизнь коренныхъ измѣненій нашего земскаго и городоваго положеній? А, между тѣмъ, вѣдь это былъ ихъ долгъ передъ Россіей, съ какими бы препятствіями ни было соединено его практическое исполненіе! Другой десятокъ лѣтъ эти общества жуютъ и пережовываютъ проэкты новаго уложенія о наказаніяхъ и торговаго устава, не сдѣлавъ съ своей стороны ни одного практическаго шага подвинуть впередъ и ускорить осуществленіе этихъ проэктовъ. И какъ филистерски жуютъ! Напримѣръ, помню я одно засѣданіе петербургскаго юридическаго общества, гдѣ разсматривался вопросъ о томъ: ввести или не вводить въ новое уложеніе статью, обязывающую всякихъ вообще врачей являться, подъ страхомъ наказанія, для помощи опасно больнымъ? На засѣданіи были все такіе съ виду солидные люди; виднѣлись между ними судьи, чиновники, прокурорскій надзоръ, присяжные повѣренные, даже сенаторы. Умно и долго они обсуждали и рѣшили не вводить такой статьи, по тому резонному основанію, что если такую статью ввести, то, пожалуй, всякій будетъ требовать къ себѣ по пустякамъ самого Захарьина. Что какой нибудь присяжный повѣренный или сенаторъ,—да и то не всякій,—могутъ имѣть развязность требовать къ себѣ въ такихъ случаяхъ, ссылаясь на букву закона, самого Захарьина, это несомнѣнно. Но до какой степени нужно не знать, даже не видѣть близко нашего простаго народа,—мѣщанъ и крестьянъ, для которыхъ послѣдній младшій фельдшеръ и оспопрививатель—«ваши благородія», такъ что и къ нимъ они обращаются съ поклонами, и только

въ случаяхъ самой крайней опасности,—чтобы бояться подобной же развязности и безпокойства для Захарьина отъ этихъ простыхъ, смирныхъ и безгранично-терпѣливыхъ людей?! О народѣ эти солидные господа, члены юридическаго общества, очевидно судятъ по себѣ, по своимъ претензіямъ и порокамъ, и воображаютъ, что государству и правителю, выбирая законы для страны, слѣдуетъ сообразоваться главнымъ образомъ съ ихъ претензіями, а не съ народными нравами. А что сдѣлали наши юридическія общества для изученія обычнаго права, общины, артелей? Почти ничего. А между тѣмъ, за невыработкою у насъ общаго нормальнаго устава для артелей двухъ главныхъ категорій, т. е. рабочихъ и потребительныхъ, вновь возникающія артели нерѣдко переписываютъ для себя (какъ напр., петербургскія артели перевозчиковъ) уставы разныхъ капиталистическихъ товариществъ и обществъ съ ихъ неравенствомъ, съ большимъ правленіемъ, сложной бухгалтеріей и пр.,—уставы, совсѣмъ не подходящіе къ существу русской артели, непонятные и безполезные, а то и вредные для малограмотныхъ артельщиковъ, такъ какъ подчиняютъ ихъ произволу и эксплуатаціи грамотныхъ воротилъ, образующихъ изъ себя правленіе.

На юридическихъ конференціяхъ, конечно, помощники получаютъ отъ руководителей нѣкоторыя полезныя практическія указанія, какъ напримѣръ, по части писанія кассаціонныхъ жалобъ:

— Старайтесь какъ можно больше кассаціонныхъ поводовъ написать, одинъ разбивайте на два, на три. На какой нибудь зацѣпится сенатъ! и пр.

Или возьмутъ какой нибудь исключительный судебный казусъ или придумаютъ какое нибудь «лично-вещное» право, котораго ни въ одномъ юридическомъ учебникѣ не существуетъ, и обсуждаютъ, какъ можно относительно такого случая или такого уродливаго права изловчиться и истолковать его въ пользу той или другой стороны. Можетъ быть, такія упражненія и полезны, и практичны, но они относятся скорѣе къ области кляузничества, чѣмъ къ праву и юриспруденціи...

Во всякомъ случаѣ, молодой кандидатъ университета, пробывъ два-три года помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, познавши суть исполнительнаго процесса, набивши себѣ руку въ веденіи грошовыхъ дѣлъ у «мироновъ», позаимствовавши отъ старшихъ товарищей усовершенствованные пріемы привлеченія клієнтовъ и полученія съ нихъ гонорара, и теоретически развившись конференціями и поучительными бесѣдами въ своемъ корпоративномъ кружкѣ, — становится неузнаваемъ: пріобрѣтаетъ развязность, не ту естественную и благородную развязность, плодъ хорошаго

воспитанія, а особенную, гостиннодворскую: «Пожалуйте, господинъ, пожалуйте, куда же вы»? и пр. Онъ дѣлается самоувѣренъ, радикально отрицаетъ авторитеты; всякія сомнѣнія покидаютъ его; къ университетской наукѣ онъ относится снисходительно и съ нѣкоторой ироніей, какъ къ «теоріи»; литературы для него, какъ для дѣловаго человѣка, не существуетъ вовсе. Вообще, къ окончанію своего «стажа», типичный, напрактиковавшійся и готовый къ переходу въ присяжные повѣренные помощникъ могъ бы, еслибы захотѣлъ быть искреннимъ, съ полной справедливостью продекламировать о себѣ:

И туда, и сюда
Я пригоденъ, господа!

Любопытно наблюдать нашихъ молодыхъ цицероновъ на ихъ общихъ собраніяхъ, когда сходятся они,—всѣ такіе приличные и прилизанные, съ физіономій до сапогъ,—обсуждать свои мелкіе корпоративные вопросы, почти всегда не стоющіе и выѣденаго яйца. Прежде всего, здѣсь бросается въ глаза отсутствіе у нихъ всякой оригинальности и обезьянья подражательность «большимъ», т. е. присяжнымъ повѣреннымъ, въ выраженіяхъ, въ манерахъ, во всемъ. Фраза царитъ здѣсь. Услышите вы тутъ пустѣйшія и длиннѣйшія разглагольствованія о томъ, какъ съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой нужно признаться и пр. Ораторы,—если позволительно такъ назвать этихъ забавляющихся краснорѣчіемъ юныхъ болтуновъ, — нерѣдко совсѣмъ некстати употребляютъ довольно безсмысленное «засимъ» и другія словечки и выраженія, особенно модныя и ходячія въ адвокатскихъ рѣчахъ «большихъ». Ни серьезнаго желанія, ни умѣнья посильно разобрать и разрѣшить безъ шутовства, безъ обезьянства, свои маленькіе вопросы, ни малѣйшаго серьезнаго интереса къ нимъ вы не увидите у собравшихся.

А между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, у петербургскихъ помощниковъ, была одна затѣя, одно дѣло, гдѣ они могли бы показать себя достойными питомцами тѣхъ университетовъ, которые учили ихъ и выдали дипломы не для «походовъ на карманы благодушныхъ россіянъ», не для того исключительно, чтобы съ помощію ихъ «зарабатывать и пріобрѣтать», а для чего нибудь повыше. Впрочемъ, кажется, даже не имъ самимъ, а совѣту пришла мысль,—можетъ быть, въ виду массы праздношатающихся помощниковъ,—учредить изъ нихъ при столичномъ мировомъ съѣздѣ консультацію для подачи публикѣ судебныхъ совѣтовъ, составленія прошеній, жалобъ, для всякаго вообще пособія судиться въ мировыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Если принять во вниманіе, съ одной стороны, что вообще мировыя судебныя учрежденія несравненно ближе и необхо-

димѣе простому народу и гораздо больше приносятъ ему пользы, чѣмъ окружные суды съ ихъ большими буржуазными дѣлами и съ пугающей народъ торжественною обстановкой; а съ другой стороны, что большею частію простымъ и бѣднымъ классамъ народа приходится обращаться за юридическими совѣтами и другой помощью въ веденіи дѣлъ къ разнымъ полуграмотнымъ и отчаяннымъ проходимцамъ, открывающимъ свои кабинеты и консультаціи въ кабакахъ, обдирающимъ до нитки своихъ кліентовъ, и невѣжественныхъ до того, что значительная часть нацарапанныхъ ими бумагъ оставляется безъ разсмотрѣнія,—причемъ иногда для увеличенія своего адвокатскаго реномэ и гонорара, вмѣсто того чтобы написать мужику простое прошеніе къ мировому судьѣ, такіе адвокаты пишутъ цѣлые доносы въ синодъ или даже на высочайшее имя и заставляютъ посылать, увѣряя, что чѣмъ выше начальство, все равно какое, тѣмъ лучше, «вѣрнѣе», подавать ему прошеніе,—то понятны будутъ значеніе и громадная польза отъ консультаціи помощниковъ при мировомъ съѣздѣ. Какую бы великую услугу могли оказать эти молодые люди, особенно при своей многочисленности и сравнительной праздности, бѣдному столичному люду, освободивъ его отъ кабацкихъ проходимцевъ, еслибы отнеслись съ участіемъ и разумно къ устроенной консультаціи при съѣздѣ,—также напримѣръ, какъ относятся молодые врачи къ устраиваемымъ ими кое-гдѣ врачебнымъ очереднымъ консультаціямъ для бѣдноты,—и захотѣли бы поработать для простыхъ людей безкорыстно, привлечь ихъ и пріучить къ себѣ.

Но ничего такого не вышло, потому что съ самаго начала консультація эта была поставлена безобразно. Вмѣсто того чтобы давать совѣты, разъяснять, писать прошенія, жалобы и вообще помогать даромъ, вмѣсто того чтобы по началу привлекать къ себѣ публику, устроители захотѣли еще и капиталъ себѣ пріобрѣсти, установили разныя таксы, завели всякую канцелярщину,—какъ будто комисіонную контору какую открыли,—и этимъ все ограничилось. Съ самаго начала всѣ помощники, проливавшіе на своихъ общихъ собраніяхъ цѣлыя лужи громкихъ словъ и пустыхъ фразъ о значеніи консультаціи при мировомъ съѣздѣ, отнеслись къ своимъ главнымъ обязанностямъ консультантовъ самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Въ консультацію они не являлись или изрѣдка заходили на полчасика. Своимъ обращеніемъ и таксами они отталкивали отъ себя и ту публику, какая являлась къ нимъ. Публика, даромъ что она темна и проста, сразу поняла, что въ консультаціи сидятъ, во-первыхъ, «господа», которымъ нужно, если не платить, то одолжаться; а, во-вторыхъ, что господа эти не болѣе, какъ господа

Репетиловы, которымъ нѣкогда, да и не охота съ толкомъ выслушивать приходящихъ къ нимъ и которые, если и берутся что нибудь дѣлать, то все норовятъ сдѣлать поскорѣй и какъ нибудь. И сѣрая публика по прежнему стала предпочитать кабацкихъ адвокатовъ, основательно разсуждая, что они ей свой братъ и съ ними можно, по крайней мѣрѣ, поговорить и объясниться «по душѣ»—въ родномъ кабакѣ за сороковкой.

Одно время консультація при мировомъ съѣздѣ превратилась было въ еврейскій уголокъ и въ ней сильно запахло гешефтомъ; почти только одни евреи-консультанты и ходили удить мелкихъ пискарей; можно было иногда услышать тамъ и ихъ жаргонъ. Теперь же консультація влачитъ самое жалкое существованіе. Консультантовъ почти никогда въ ней не бываетъ, да и не къ чему: публика перестала туда ходить, а той, какая иногда случайно или по ошибкѣ заглядываетъ,—даетъ совѣты или переписываетъ и сочиняетъ бумаги сидящій тамъ наемный писарь.

Влад. Птицынъ.

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

(Искусство «замалчиванія»).

«Рѣчь—серебро, молчаніе—золото».
Поговорка.

I.

Разверните любую книжку «Вѣстника Европы» за послѣдніе годы, и въ отдѣлѣ «Изъ общественной жизни» вы непремѣнно найдете полемику либо съ «Московскими Вѣдомостями», либо съ «Гражданиномъ». Чрезвычайно корректно, сдержанно и солидно почтенный журналъ наставляетъ своихъ противниковъ, внушая имъ болѣе или менѣе разумныя человѣческія мысли. «Вѣстникъ Европы»—не столько прозорливый бытописатель, сколько основательно-свѣдущій юристъ. Всѣ вопросы онъ сводитъ на юридическую почву и обнаруживаетъ подчасъ немало находчивости.

— «Драть надо», вопитъ «Гражданинъ», «никакихъ судовъ не надо; всѣхъ драть надо. Тогда порядокъ будетъ».—«Позвольте,—возражаетъ «Вѣстникъ Европы»,—вы упускаете изъ виду, что драть надо (ужь если, дѣйствительно, надо) отнюдь не всѣхъ, а лишь тѣхъ, кто неодобрительнымъ поведеніемъ заслужилъ порку. Крайне прискорбно подвергать наказанію, въ числѣ прочихъ, людей нимало не провинившихся, благонамѣренныхъ и благопристойныхъ. А коль скоро мы договорились, что подвергать огульному наказанію благонамѣренныхъ наряду съ неблагонамѣренными—не желательно, ео ipso мы должны признать, что необходимы учрежденія, которыя, на всемъ пространствѣ государства, расчленяли бы общество на благонамѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ, достойныхъ наказанія и не заслуживающихъ его. Такимъ путемъ мы доходимъ до сознанія необходимости суда, въ высшей степени неблагоразумно и неосновательнаго отрицаемаго кн. Мещерскимъ».

Разумѣется, кн. Мещерскій нисколько не смущается изумительно благоразумными и основательными доводами г. Стасюлевича. Онъ немедленно же начинаетъ доказывать, что суды—измышленіе либераловъ, уклоняющихся, при ихъ помощи, отъ должнаго возмездія; что честному человѣку и благонамѣренному гражданину суды

не нужны, а для мошенниковъ и неблагонамѣренныхъ вовсе не стоитъ тратить милліоны на министерство юстиціи, создавать государство въ государствѣ, подрывать власть и т. д., и т. д.

Не убѣждается, конечно, и г. Стасюлевичъ доводами кн. Мещерскаго, почерпая лишь изъ нихъ превосходный матеріалъ для нескончаемаго словопренія, свидѣтельствующаго объ юридическихъ познаніяхъ и корректности «Вѣстника Европы».

Съ «Московскими Вѣдомостями» дѣло обстоитъ ничуть не лучше. «Московскія Вѣдомости» еще упорнѣе и безцеремоннѣе «Гражданина». Есть у нихъ также скверная привычка кричать въ трудныя минуты: «караулъ» и обращаться за содѣйствіемъ къ полиціи: «я, дескать, съ нимъ ничего не могу подѣлать, такъ ужь вы постарайтесь. Надо обуздать этого либерала».

Когда полемика доходитъ до «караула», «Вѣстникъ Европы», съ изящной улыбкой презрѣнія, отступаетъ отъ противника и свидѣтельствуетъ о полной невозможности спорить на *подобной* почвѣ. Отсюда, однако, не слѣдуетъ заключать, что «Вѣстникъ Европы», убѣдившись, чѣмъ пахнетъ излюбленная «Московскими Вѣдомостями» почва—успокоивается и уже болѣе не трогаетъ газету г. Петровскаго. Нѣтъ, почтенный журналъ столь же глубоко презираетъ опытъ, какъ и полемическія неопрятности. Споры съ «Московскими Вѣдомостями» у «Вѣстника Европы» возникаютъ безпрестанно, не приводя ни къ какимъ результатамъ, никого не убѣждая и даже никого не занимая, кромѣ самихъ спорящихъ.

Мы не отрицаемъ пользы полемики, но не забываемъ въ то же время изреченія Гекорта относительно созданія ни къ чему непригодныхъ вещей. Полемическая статья, написанная въ защиту святой истины, преднамѣренно искаженной недобросовѣстнымъ противникомъ,—именно ни къ чему непригодная вещь. Убѣдить недобросовѣстнаго противника—нельзя; въ реабилитаціи святая истина не нуждается; честные и разумные люди въ простыхъ и ясныхъ вопросахъ съ вѣрнаго пути не сбиваются; о нечестныхъ и неразумныхъ врядъ ли стоитъ безпокоиться.

Другое дѣло отстаивать, *опираясь* на святыя истины, положенія болѣе или менѣе спорныя, выяснять собственные взгляды, сопоставляя ихъ со взглядами противника. Тутъ мыслимо до чего нибудь договориться. Но когда вы толкуете, что дважды два четыре, и вамъ отвѣчаютъ: не четыре, а стеариновая свѣчка, то дальнѣйшихъ препирательствъ рѣшительно быть не должно.

Мы понимаемъ также полезность указаній на неопрятность и недобросовѣстность взглядовъ извѣстной категоріи публицистовъ, особенно если эти взгляды разбираются не сами по себѣ, а какъ

знаменіе времени, результатъ тѣхъ или иныхъ ненормальныхъ условій и т. п. Но «Вѣстникъ Европы», въ полемикѣ съ «Гражданиномъ» и «Московскими Вѣдомостями», рѣдко становится на данную точку зрѣнія и вѣдается съ мнѣніями ретроградныхъ газетъ *по существу*. Такъ какъ ни «Гражданинъ», ни «Московскія Вѣдомости» изъ очень тѣснаго круга понятій не выходятъ, то и «Вѣстникъ Европы» по неволѣ держится въ томъ же кругу, удѣляя ничтожную долю вниманія явленіямъ важнымъ, своеобразнымъ, требующимъ серьезнаго обсужденія.

Кажется, въ пренебреженіи, которое оказываетъ «Вѣстникъ Европы» многимъ важнымъ и своеобразнымъ явленіямъ, кроется больше предвзятаго, чѣмъ случайнаго. Очень удобно вести принципіальную линію, не отходя въ сторону и не считаясь съ противниками приблизительно одного же направленія, но не застывшими еще во всѣхъ подробностяхъ этого направленія. Тутъ одной выдержки, корректности и юридическихъ познаній не довольно. Тутъ нужна извѣстная принципіальность, умѣніе схватить контуръ еще смутно выступающаго явленія, безбоязненное анализированіе фактовъ, какъ будто противорѣчащихъ (а иногда и дѣйствительно противорѣчащихъ) излюбленной теоріи. Кто ищетъ истину, тотъ не въ состояніи закрыть глаза на эти факты. Припомните, какую гигантскую работу произвелъ Дарвинъ, прежде чѣмъ повѣрилъ *самому себѣ*. Повѣривъ, онъ все таки не успокоился. Онъ придумывалъ возраженія, просилъ ихъ у друзей. Каждое положеніе должно было пройти сквозь строй различныхъ испытаній и только тогда, когда оно побѣдоносно ихъ выдерживало, ученый принималъ его, какъ истину. Добросовѣстность и мужество Дарвина настолько поразительны, что намъ, людямъ «конца вѣка», очень беззаботнымъ насчетъ «неопровержимыхъ аргументовъ» и очень снисходительнымъ въ дѣлѣ критики (особенно *самокритики*) не мѣшало бы почаще обращаться къ достойному примѣру.

Нынѣшніе искатели истины, конечно, не Дарвины. Постигнувъ глубину публицистической мудрости, они рѣшили расправляться съ «противорѣчащими фактами» на особый манеръ: *замалчивать ихъ*. Не правда ли, какъ мудро и какъ удобно! Декорумъ соблюдается полный. Журналистъ толкуетъ и о томъ, и о семъ, полемизируетъ, заглядываетъ во всѣ томы свода законовъ россійской имперіи и добавленій къ нимъ, словомъ, имѣетъ видъ человѣка, подлинно занятаго дѣломъ. Читатель обязуется признать успѣшность этого занятія, ибо никогда публицистъ въ противорѣчіяхъ не попадается; все, о чемъ говоритъ — понимаетъ строго и опредѣленно; противникамъ возражаетъ съ достоинствомъ и солидно.

Чего еще нужно?!

Теперь представьте, что въ благоустроенный «департаментъ полемики и обсужденій» вихремъ ворвутся «противорѣчащіе факты». Какой безпорядокъ они произведутъ, какъ перепутаютъ всѣ входящія и исходящія! Департаментъ полемики и обсужденій функціонируетъ по разъ заведенному строгому порядку. Явленія, съ которыми онъ вѣдается,—также строго опредѣленныя явленія. Департаменту они прекрасно извѣстны, и онъ умѣетъ превосходно обращаться съ ними. Совершенно инаго свойства «противорѣчащіе факты». Это обломы, идущіе безъ оглядки и осторожности. Они разбрасываютъ идеально-систематизированныя и тщательно уложенныя «дѣла», сворачиваютъ мебель, пачкаютъ полы, однимъ словомъ, производятъ въ департаментѣ полный разгромъ. Очевидно, ихъ не надо пускать.

Ихъ и не пускаютъ.

Мы понимаемъ и оправдываемъ такой образъ дѣйствій. Никто себѣ не врагъ и не упразднится же департаменту обсужденій въ угоду «противорѣчащимъ фактамъ»! Конечно, можно было бы скромно ходатайствовать хотя бы о признаніи «противорѣчащихъ фактовъ» *существующими*, но и это опасно для департамента, и грозитъ ему цѣлымъ рядомъ осложненій. Департаментъ всегда останется департаментомъ. Департаментъ полемики и обсужденій ничѣмъ не лучше и не хуже департамента преній и препятствій или департамента выдачъ и дивидендовъ. Живая и смѣлая мысль не боится борьбы. Она нанизываетъ на себя «противорѣчащіе факты», объединяя ихъ въ цѣлое. Теорія слагается на основаніи извѣстныхъ данныхъ. Эти данныя опредѣляютъ какъ сущность теоріи, такъ и подробности. Я не знаю, почему данныя, добытыя до вчерашняго дня, имѣютъ предпочтеніе передъ данными, добытыми вчера и сегодня. Если теорія не растетъ и не развивается, значитъ она мертвая теорія. По росту и развитію теорій мы судимъ о ростѣ и развитіи общественныхъ группъ. Нельзя, конечно, требовать отъ группы, которая перестала развиваться и расти, самоотверженнаго признанія покончености. Съ нашей точки зрѣнія, тутъ дѣло кончено, но покончeнные думаютъ, что они еще бодры и жизнедѣятельны, что у нихъ есть еще будущее.

Охраняя свои теоріи отъ вторженія «постороннихъ элементовъ», публицисты изъ департамента полемики и обсужденій начали вырабатывать особое искусство—искусство молчанія. Въ частной жизни «молчальники» имѣютъ несомнѣнный успѣхъ. Недаромъ пословица называетъ молчаніе золотомъ и отдаетъ ему предпочтеніе передъ словомъ. Кто знаетъ, «какія волны думъ остаются на днѣ души» у человѣка, хранящаго молчаніе?

Въ журналистикѣ то же самое. Такой-то журналъ молчитъ о такихъ-то журналахъ и такихъ-то явленіяхъ. Неисправимый пессимистъ усмотритъ тутъ дѣйствіе «противорѣчащихъ фактовъ», безсиліе, прикрывшееся личиной презрѣнія, но вѣдь подобныхъ пессимистовъ очень немного и въ массѣ они почти не замѣтны. Масса довѣрчива и не дальновидна. Ей ничего не стоитъ вбить въ голову, что молчаніе—не жалкая личина, прикрывающая убожество мысли и отсутствіе таланта, а подлинное выраженіе презрѣнія; что оно касается не важныхъ «противорѣчащихъ фактовъ», а нѣкотораго вздора, не заслуживающаго вниманія серьезныхъ людей.

Въ департаментѣ полемики и обсужденій это отлично поняли. Я указывалъ на «Вѣстникъ Европы», ведущій нескончаемые, безплодные дебаты съ «Московскими Вѣдомостями» и «Гражданиномъ». Дебаты *безплодны*, но не *безцѣльны*. Цѣль почтеннаго журнала вполнѣ ясна: отвести глаза читателей отъ явленій очень сложныхъ и очень значительныхъ, не укладывающихся въ рамки «теоріи» и портящихъ, что называется, всю музыку.

«Вѣстникъ Европы», въ данномъ отношеніи, не стоитъ особнякомъ. Дайте себѣ трудъ послѣдить нѣсколько дней за нашими газетами, все равно: столичными или провинціальными. Вы замѣтите то же самое. Газеты извѣстнаго направленія упорно молчатъ о такихъ-то и такихъ-то изданіяхъ, платящихъ имъ, въ свою очередь, той же монетой. Объяснить это случайностью, конечно, нельзя. Здѣсь играютъ видную роль комерческія соображенія, но уже не прежняго грубаго свойства, когда конкуррирующія изданія откусывали другъ другу носы. Газетные носы теперь остаются въ неприкосновенности, за пустыми, сравнительно, исключеніями. Опытъ показалъ, что полемика ради конкурренціи нерѣдко даетъ результаты совершенно неожиданные и губитъ изданія, мнившія себя до той минуты непобѣдимыми фаворитами публики. Молчаніе—дѣло инаго рода и преимущества его слишкомъ очевидны.

II.

Мы нѣсколько разъ указывали Н. К. Михайловскому, тоже не чуждому «искусства замалчиванья», на крайнюю несправедливость игнорированія «противорѣчащихъ фактовъ» и раздуванія фактовъ или совершенно ничтожныхъ, или общеизвѣстныхъ и затасканныхъ. Но г. Михайловскій все таки имѣетъ что̀ сказать и на старыя темы, а вотъ «малые сіи»... Сколько, благодаря ненависти къ «противорѣчащимъ фактамъ», процвѣло всякихъ рыцарей печальнаго образа, сколько явленій, рѣшительно не стоющихъ вниманія, обращено въ

явленія стоющія и важныя! Должно быть, очень туго приходится бюрократамъ публицистики, если они съ жадностью кидаются на всякую ветошь, на всякую мелюзгу, съ которой снято запрещеніе.

Обратимся сначала къ примѣрамъ чисто литературнымъ. Нельзя сказать, чтобы нынѣшнее время изобиловало талантами. Однако, среди массы печатнаго хлама, все таки попадаются «живыя, свѣтлыя творенія». Не богъ вѣсть какія творенія, но вѣдь нужно довольствоваться тѣмъ, что̀ есть. Теперь послушайте, о чемъ щебечутъ критическія ласточки, которыхъ правильнѣе было бы назвать критиканствующими воронами. Онѣ щебечутъ все о томъ же и все о тѣхъ же. Иныхъ изъ нихъ порицаютъ, другихъ хвалятъ, въ итогѣ же получается томительная канитель, никому ненужная и неинтересная. Напишетъ скучающая барынька повѣстушку, и о ней тотчасъ же примутся звонить, потому что барынька знакома съ тѣмъ и этимъ, а этому даже близкой родственницей приходится. И вотъ за близкое родство «съ этимъ» публика должна расплачиваться не только чтеніемъ глупѣйшей повѣстушки, но и глупѣйшихъ, безсодержательнѣйшихъ «критикъ».

Надоѣдаетъ говорить о вещахъ, набившихъ оскомину. Говоришь о нихъ потому, что онѣ кругомъ столпились, давятъ, душатъ, застилаютъ свѣтъ, отравляютъ воздухъ. Пустословіе, пустословіе и пустословіе! Ни одного живаго слова, ни одной яркой мысли.

Да вы еще живете, господа? Можетъ быть, это «одна видимость только», какъ выражаются герои Глѣба Успенскаго.

Конечно, одна видимость. Живые люди интересуются жизнью, интересуются новыми людьми и новыми явленіями. А выморочные писаки нашего времени ничѣмъ не интересуются и даже увѣряютъ, что никакихъ новыхъ людей и новыхъ явленій нѣтъ.

Понятно, при такомъ взглядѣ на «новое», не много усмотришь, не много поймешь. Между тѣмъ, должна же чѣмъ нибудь продовольствоваться современная журналистика. Потребность въ новомъ все таки громадная, и ее тѣмъ или другимъ способомъ надо же удовлетворить.

Я сказалъ, что наши журналисты съ жадностью набрасываются на всякій пустякъ, съ котораго снятъ запретъ. Читателю памятна, вѣроятно, оргія, разыгравшаяся по поводу ничтожныхъ статеекъ ничтожнаго «критика» изъ еврейчиковъ. Статейки привлекали вниманіе лишь однимъ: непроходимою безграмотностью. Безграмотный «критикъ» обладалъ еще наглостью и недобросовѣстностью; эти качества не настолько рѣдки въ современной журналистикѣ, чтобы имъ удивляться. Не рѣдкость, конечно, по нынѣшнимъ временамъ, и безграмотность, но безграмотность «критика», о которомъ идетъ

рѣчь, положительно вопіяла. Онъ изобрѣталъ «обнаженные углы души», «удручительное разгребаніе подробностей» и т. д., и т. д. Что почти всѣ газеты и журналы съ изумительнымъ единодушіемъ отмѣтили новоявленнаго «критика»—совершенно естественно и понятно; но непонятно и неестественно, что объ этомъ «критикѣ» принялись взапуски писать всѣ литературные обозрѣватели. Кажется, исчерпать типичныя особенности бездарнаго, безграмотнаго наглеца было нетрудно. А вотъ подите! Черпали, черпали до тѣхъ поръ, пока не раздули лягушку въ вола, не сдѣлали ей колоссальной рекламы.

Не доказываетъ ли этотъ случай съ безграмотнымъ «критикомъ» изъ еврейчиковъ, что даже въ департаментѣ полемики и обсужденій начали скучать... Но скука скукой, а обѣганіе «противорѣчащихъ фактовъ» имѣетъ еще и другія болѣе существенныя послѣдствія. Было бы съ полъ-бѣды, еслибы дѣло ограничивалось раздуваніемъ ничтожествъ (которыя все равно никого обмануть не могутъ) и замалчиваніемъ противорѣчащихъ фактовъ (которые все равно выползутъ на свѣтъ). Въ рукахъ лично-порядочныхъ людей оружіе замалчиванія и рекламированія не такъ опасно, какъ въ рукахъ всякихъ газетныхъ и журнальныхъ проходимцевъ, успѣвшихъ втереться всюду и отлично сообразить выгоду настоящаго положенія. Пока бюрократы публицистики «принципіально» донимаютъ молчаніемъ «противорѣчащіе факты» и «принципіально» рекламируютъ разныхъ мошекъ и Мошекъ, проходимцы устраиваютъ совершенно инаго свойства «комбинаціи».

Систематическое замалчиваніе чужихъ мнѣній и рекламированіе пріятелей, конечно, не принадлежатъ къ числу порядочныхъ литературныхъ обыкновеній. Допустивъ нѣкоторую непорядочность, журналистика ступила на чрезвычайно опасный путь. Компромиссъ неминуемо влечетъ за собою компромиссъ; за ложнымъ шагомъ легко слѣдуетъ второй, и одинъ Аллахъ знаетъ, куда, въ концѣ концовъ, приведутъ ложные шаги.

Достигшее значительнаго совершенства искусство замалчиванія создало, между прочимъ, чрезвычайно своеобразныя условія для литературныхъ предпріятій, основанныхъ почти исключительно съ коммерческою цѣлью. Такія предпріятія нуждаются въ «отзывахъ», все равно какъ нуждаются въ «отзывахъ» артисты и антрепренеры, торговцы и всѣхъ категорій гешефтмахеры. Какъ устраиваются артисты, антрепренеры, торговцы и гешефтмахеры, чтобы раздобыть желанный «отзывъ», мы знаемъ. Извѣстная часть нашей прессы цѣликомъ перенесла на русскую почву французскіе нравы. Подкупъ музыкальныхъ рецензентовъ и репортеровъ вошелъ, въ значительной мѣрѣ, въ нравы газетной журналистики и волтерьянцы здѣсь рѣшительно ничего подѣлать не могутъ.

Скверно, конечно, что можно купить по сходной цѣнѣ инаго театральнаго рецензента или репортера. Эти пасынки журналистики все таки несовсѣмъ ей чужды, а ихъ дѣянія бросаютъ уже несомнѣнную тѣнь на всю «прессу». Но и въ данномъ случаѣ не слѣдовало бы унывать, еслибы не замѣчалось прогресса въ совершенствованіи газетныхъ нравовъ на панамскій манеръ.

Поговариваютъ, будто изъ «замалчиваемаго» можно легко обратиться въ рекламируемаго; нужно только «рыбье слово» знать. Если вы издаете, напримѣръ, иллюстрированный журналъ—непремѣнно берите опытнаго редактора, опытнаго не въ литературномъ отношеніи (требованіе литературной опытности отъ иллюстрированнаго редактора—излишняя роскошь), а въ чисто житейскомъ. Надо, чтобы редакторъ ладилъ съ сотрудниками «вліятельныхъ» газетъ, вò-время подсовывалъ имъ «авансы», печаталъ по извѣстной цѣнѣ переводы ихъ кумушекъ и тетушекъ, анонсировалъ газетную тлю наряду со «знаменитыми личностями», не маралъ ихъ беллетристическихъ и всякихъ иныхъ кропаній, приглашалъ иногда на чашку чаю и т. д., и т. д. «Вліятельная» газетная тля порою бываетъ необыкновенно падка на «почетъ», ну и на лишній рубль—въ видѣ гонорара, конечно, а отнюдь не взятки. Обставивъ подобнымъ образомъ сношенія съ «вліятельнымъ» сотрудникомъ «вліятельной» газеты, вы можете быть увѣрены, что васъ не забудутъ и не только похвалятъ ваше изданіе, но и вашего конкуррента, менѣе ловкаго, выругаютъ.

Я не называю полученіе гонорара и авансовъ «вліятельными» сотрудниками изъ расхваливаемыхъ ими изданій — взяточничествомъ. Помилуйте, какое же взяточничество! это просто вознагражденіе за трудъ, за честный трудъ журналиста. Совершенно понятно также желаніе сотрудника принести пользу изданію, гдѣ онъ работаетъ, замолвивъ за него, при случаѣ, словечко. Является одинъ только сомнительный вопросъ: пригласилъ ли бы издатель такой-то господина такого-то, еслибы сей послѣдній не участвовалъ въ такой-то вліятельной газетѣ. Больше сомнительныхъ вопросовъ нѣтъ, но этотъ вопросъ... Ахъ, я боюсь, что чистосердечное разрѣшеніе его раздразнитъ многихъ, очень многихъ гусей. Въ самомъ дѣлѣ: бездарнаго газетнаго писаку приглашаютъ и туда, и сюда, и въ третій, и въ четвертый журналъ. «Произведенія» писаки до такой степени неинтересны и откровенно глупы, до такой степени проникнуты узко-партійными тенденціями, что, лишь совершенно утративъ здравый смыслъ, можно не имѣть насчетъ ихъ никакихъ сомнѣній. Печатаніе подобныхъ «произведеній» ставитъ втупикъ каждаго мало-мальски понимающаго дѣло читателя. Приходится по-

дыскивать самыя фантастическія объясненія, почему N. попалъ въ данный журналъ. Но къ чему же фантастическія причины, когда имѣются на лицо причины реальныя, необыкновенно простыя и ясныя: N.—«вліятельный» сотрудникъ и, стало быть, *нужный человѣкъ*.

Допускаю, что N., даже десять Эновъ сами заблуждаются относительно своихъ писательскихъ способностей. Не допускаю лишь, чтобы они такъ-таки и не понимали, въ чемъ дѣло. Отлично понимаютъ, разумѣется, и жнутъ плоды «исключительнаго положенія» съ безпримѣрной поспѣшностью и алчностью.

III.

«Кумовство» всегда существовало въ журналистикѣ. Теперь оно пріобрѣло права гражданства, а вмѣстѣ съ тѣмъ утратило послѣдніе признаки стыдливости. Конечно, паденію газетныхъ нравовъ много содѣйствовало вторженіе въ журналистику совершенно постороннихъ элементовъ. Возьмите, напримѣръ, хотя бы дѣло изданія иллюстрированныхъ журналовъ. Оно *почти цѣликомъ* находится въ рукахъ нѣмцевъ и евреевъ. Какой развязности достигаютъ нѣкоторые изъ этихъ господъ—трудно повѣрить. Одинъ, напримѣръ, нисколько не смущаясь, утверждаетъ, что его журналъ и русское искусство двинулъ впередъ, и русское общество наставилъ на путь истинный, и эстетическіе вкусы въ нашей публикѣ развилъ, и я не знаю, что̀ еще. Полюбуйтесь апломбомъ, съ которымъ все это говорится! Никогда хлестаковщина не чувствовала себя болѣе въ авантажѣ и фаворѣ. Другой, кажется, еврей-выкрестъ, съ грѣхомъ пополамъ выпустивъ, черезъ пятое въ десятое, безграмотный, совершенно безсодержательный листокъ съ темными пятнами вмѣсто рисунковъ, раскатываетъ толстые журналы и объявляетъ съ безпримѣрной наглостью, что это онъ первый указалъ необходимость и направленіе реформъ городскаго и общественнаго управленія, суда и пр., осуществленныхъ за послѣднее десятилѣтіе. Третій, суля сотню безплатныхъ приложеній, ругаетъ издателей, дающихъ преміи; четвертый хочетъ провести публику на литературныхъ *приложеніяхъ*. Раньше онъ, изволите ли видѣть, фальсифицировалъ толстый журналъ и давалъ книги; въ 94 году будетъ давать *не книги*, а *листки*, и надѣется, что подписчики и теперь станутъ ожидать *книгъ*. Въ свое время онъ, конечно, не преминетъ выяснить «недоразумѣніе».

Совершенно понятно, что въ такомъ омутѣ должны были завестись черти. «Издавателямъ» не достаточно рекламъ-объявленій; имъ нужны еще рекламы въ текстѣ, «сочувственныя» замѣтки и

статейки. О способахъ, которыми достигаютъ издаватели «сочувствія» вліятельныхъ газетныхъ сотрудниковъ, я уже говорилъ.

Мудрено ли, послѣ всего этого, что пробиться сквозь каменную стѣну тупоумной предвзятости, тенденціозной замкнутости, а затѣмъ—кумовства и прямо подкупа, очень и очень трудно. Разрабатывайте какіе угодно «жизненные вопросы», затрогивайте какія угодно явленія, проводите какія угодно здравыя мысли,—васъ не станутъ слушать. Не тѣмъ люди заняты! Ремесленники совершенно оттѣснили на задній планъ литераторовъ. Конечно, такое положеніе вѣчно продолжаться не можетъ. *Журналистика* отойдетъ отъ *литераторовъ* и всѣмъ станетъ ясно, что между нею и литературой нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Наши моралисты, болѣе благонамѣренные, чѣмъ свѣдущіе, любятъ прохаживаться насчетъ паденія *литературныхъ* нравовъ во Франціи. Но они глубоко заблуждаются. Во Франціи понятіе о литературѣ рѣзко разграничено отъ понятія о журналистикѣ. У насъ оба понятія сливаются. Насколько важно расчленить ихъ, видно изъ того, что послѣ расчлененія никакіе грустные отблески журналистики на литературу падать не будутъ и литература сдѣлается совершенно независимой отъ журналистики.

Тогда, разумѣется, придетъ въ упадокъ и искусство замалчиванія. Но я полагаю, что объ этомъ мало кто пожалѣетъ. Ужь слишкомъ безцеремонно стали упражняться «искусники», и слишкомъ близко стала напоминать наша литература апраксинскую лавку, гдѣ преслѣдуютъ одну цѣль: тѣми или другими способами надуть покупателя.

К—скій.

ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ.

Историческій романъ Феликса Дана.

XV.

Гнѣвно нахмуривъ брови, опустилъ Лизій письмо и сѣлъ на кушетку.—Горе! мои надежды рушились! Прощай, мое могущество, священство, прощайте, боги! Мое орудіе отнято тѣмъ мечтателемъ-мистикомъ—отнято у меня, у государства и у самихъ боговъ. Но нѣтъ!

Тутъ онъ порывисто вскочилъ съ своего сѣдалища.

— Я не хочу, не долженъ еще унывать и складывать оружіе. Посмотримъ, не вырву ли я эту душу у того мечтателя, какъ вырвалъ у Христа и Іоанна. Однако, теперь надо дѣйствовать. Елена, помоги! Помоги богамъ, отцу, но прежде всего самой себѣ...

Онъ позвалъ вольноотпущенника и приказалъ:—Попроси мою дочь—она сидитъ въ мраморномъ гротѣ—прійти ко мнѣ сюда въ библіотеку.—Въ комнату вскорѣ вошла прелестная молодая дѣвушка въ совершенно-бѣлой одеждѣ; въ лѣвой рукѣ она держала золотую лиру; темно-каштановые волосы, кроткіе темные глаза красиво оттѣняли ослѣпительную бѣлизну затылка и лба; единственнымъ ея украшеніемъ была вѣтка плюща, обвивавшая волосы, и золотая пряжка, сдерживавшая на лѣвомъ плечѣ одежду, которая ниспадала на полъ густыми складками; пріятно и немного печально звучалъ ея голосъ, когда она заговорила:

— Ты звалъ меня, мой высокій отецъ?

— Дитя мое, важныя вещи, имѣющія рѣшающее значеніе для всей твоей жизни, должны мы обсудить въ этотъ часъ. Прочти это письмо. Оно...

— Я знаю почеркъ. Оно отъ него—отъ Юліана.

— Читай спокойно, безъ помѣхи, одна. А я пока пойду въ святилище, молить боговъ о просвѣщеніи, объ откровеніи.

Когда жрецъ, спустя довольно долгое время, вернулся къ дочери, въ его осанкѣ была увѣренность; все его существо дышало спокойствіемъ, какое приноситъ съ собою твердо принятое рѣшеніе.

Но молодую дѣвушку онъ нашелъ въ слезахъ; напрасно старалась она скрыть ихъ; отецъ подсѣлъ къ ней на кушетку и ласково приподнялъ за подбородокъ ея блѣдное худощавое личико.

— Не плачь, не унывай, ты, съ дѣтства посвященная богамъ, ты, жрица высочайшаго бога. Настала пора выказать мужество и силу, которыя даруютъ небожители своимъ вѣрнымъ слугамъ. Надѣйся, Елена!

— О, отецъ мой,—отвѣчалъ кроткій голосокъ,—на что тутъ надѣяться? Онъ отступился отъ тебя, онъ отступился отъ твоихъ боговъ. Что же касается меня, которой онъ ни разу не видалъ, то я давно была увѣрена, что онъ никогда меня не полюбитъ, послѣ того какъ, по твоимъ разсказамъ, Юліанъ встрѣтилъ ту незнакомку въ Мацеллумѣ. Я заклинала тебя еще тогда оставить всякую надежду, всякую мысль о томъ, что мнѣ когда нибудь придется играть роль въ его жизни. Въ то время ты сказалъ, что дѣйствительно ему не слѣдуетъ знакомиться со мною,—хотя это входило въ твои планы,—пока образъ той женщины еще не изгладился изъ его памяти и держитъ его въ своей власти. Но ты замѣтилъ также, что если Юліанъ не свидится съ нею въ продолженіе года, то его больное сердце, жаждущее любви, откроется для новой счастливой привязанности. Я молчала, покорная тебѣ, какъ всегда, не переставая надѣяться. Это письмо подтверждаетъ мои догадки:—Юліанъ не забылъ своей первой любви и, хотя бы она противорѣчила твоимъ желаніямъ, мнѣ отрадно убѣдиться, что онъ такъ благороденъ, нѣженъ и вѣренъ, какимъ я представляла его себѣ по твоимъ неоднократнымъ разсказамъ. Ты расхваливалъ мнѣ Юліана, когда я была еще ребенкомъ; ты съ такой увѣренностью называлъ меня его невѣстой, что я, неразумная, полюбила этого юношу, еще не видавъ его ни

разу. Когда же въ Мацеллумѣ, куда ты меня послалъ, чтобы я узнала и полюбила твоего питомца, я ежедневно стала видѣть его изъ окна нашего дома, невидимая ему — тогда твоя цѣль была достигнута: я въ самомъ дѣлѣ полюбила его, а онъ?.. Нѣтъ, высокій, мудрый отецъ, сознайся наконецъ самому себѣ, что ты—или, скорѣе, звѣзды—ошибались.

— Невозможно! Въ такомъ случаѣ, значитъ, звѣзды солгали да и боги тоже; тогда не только глубочайшая тайна моего ученія, но и вся вѣра въ боговъ и небесныя свѣтила оказались бы пустымъ самообольщеніемъ. Узнай: одинъ изъ моихъ друзей—я не долженъ называть его имени; его сила, его вліяніе основаны на томъ, чтобы никто не называлъ его ни съ похвалой, ни съ порицаніемъ—величайшій астрологъ нашего времени, тотчасъ послѣ твоего рожденія, установилъ, что твоя судьба таинственнымъ образомъ связана съ судьбою Юліана, звѣзду котораго онъ вопрошалъ въ тотъ же самый день, шесть лѣтъ назадъ. Юліанъ и Елена сдѣлаются двойною звѣздою счастья и господства. Юліанъ совершитъ величайшіе подвиги и даже самый величайшій изъ нихъ — въ римскомъ государствѣ. Это могло означать только одно: онъ возстановитъ владычество боговъ и отмститъ за нихъ глубоко, страстно ненавидимымъ мною христіанамъ. И все то, что было открыто мною, магами, астрологами Египта, Халдеи, Персіи, которыхъ я вопрошалъ насчетъ гороскопа Юліана, рѣшительно все подтверждаетъ это предсказаніе. Вотъ что придало новую силу моимъ почти потерянным надеждамъ, моимъ стремленіямъ и дѣйствіямъ! Меня принудили сдѣлаться христіанскимъ священникомъ...

— Ахъ, мой отецъ, принужденный ко лжи! Я никогда не могла понять, какъ ты подчинился этому. Такое лицемѣріе должно быть страшной мукой.

— Это—средство къ мщенію, средство—достигнуть господства. Оно было единственнымъ и самымъ лучшимъ. Только благодаря ему, я имѣлъ возможность узнать всѣ планы и происки церковныхъ партій: часто, часто удавалось мнѣ разрушать ихъ, поддерживая то аѳанасіанъ, то аріанъ. Такъ дѣйствовалъ я болѣе двухъ десятилѣтій, попеременно на востокѣ и на западѣ, оставаясь въ глазахъ императора и епископовъ ревностнымъ христіаниномъ. Мнѣ былъ порученъ надзоръ надъ

многими монастырями, монастырскими школами, надъ отшельниками въ пустынѣ и кающимися,—какъ и надъ тѣмъ тупоголовымъ Іоанномъ!—Я узналъ ихъ хорошія стороны и слабости, ихъ фанатическія добродѣтели, какъ и пороки, ихъ лицемѣріе и властолюбіе. Пока я дѣлалъ доносы на западѣ, обличая ересь христіанскаго духовенства, я въ то же время все съ возрастающимъ воодушевленіемъ утверждался въ вѣрѣ отцовъ на востокѣ, посѣщая тамъ старинныя школы и жрецовъ Зевса-Аммона, Аполлона-Геліоса, Митры, Озириса. Мнѣ удалось, съ помощью моего безъименнаго друга при дворѣ, отыскать монастырь, гдѣ пособники императора держали въ заточеніи и постепенно убивали умственно того мальчика, которому предназначено звѣздами совершить «величайшій подвигъ», т. е. возстановить старыхъ боговъ и сдѣлаться твоимъ супругомъ. Освободивъ его отъ монастырскаго заточенія и отъ узъ церковной вѣры, я хотѣлъ тогда же въ Мацеллумѣ положить начало вашему будущему союзу. Тайно перевезъ я тебя туда, вы должны были встрѣтиться какъ будто случайно, но не при моемъ посредствѣ и содѣйствіи. Когда необходимость заставила меня отправиться къ пастоятелю Конону, вслѣдствіе возникшихъ у него подозрѣній,—онъ угрожалъ обвинить меня передъ Констанціемъ и папой,—я велѣлъ тебѣ посѣщать тамошнія купальни Амфитриты именно въ тотъ часъ, когда, какъ мнѣ было извѣстно, юноша находился въ мужскихъ купальняхъ напротивъ. И ты встрѣчалась съ нимъ раза два... этого было достаточно...

Прекрасныя щочки дѣвушки зардѣлись:—Этого было достаточно для... меня!—сказала она.—Да, я полюбила его, стройнаго, блѣднаго, задумчиваго мечтателя съ тоскующими глазами подъ длинной бахромой темныхъ рѣсницъ. Кромѣ того, я знала — вѣдь ты внушалъ мнѣ это въ продолженіе долгихъ лѣтъ!—что Юліанъ—мой женихъ, предназначенный мнѣ звѣздами. Но — прибавила она съ печальной улыбкой — звѣзды, должно быть, знали заранѣе только одно: что я его полюблю, не обмѣнявшись съ нимъ ни единымъ словомъ. Самъ же онъ, напротивъ, остался свободнымъ отъ любви ко мнѣ: онъ никогда меня не видалъ, потому что нѣсколько дней послѣ того, какъ я увидала его изъ своихъ закрытыхъ носилокъ, Юліану случайно попалась на глаза та незнакомка, и съ тѣхъ поръ она

овладѣла имъ вполнѣ; онъ не замѣчалъ больше никого, кромѣ нея. Когда же ты вернулся обратно, то...

— Я увезъ тебя далеко изъ того города, узнавъ изъ устъ самого Юліана, что та другая Елена—какъ укрѣпляло меня это имя въ увѣренности, что мой планъ удастся!—что другая Елена, да поразятъ ее боги...

— О, мой отецъ, вѣдь онъ ее любитъ!

— Именно изъ-за этого! Итакъ, убѣдившись, что образъ другой дѣвушки наполняетъ его душу со всею силой первой любви, я немедленно понялъ, что теперь нельзя разсчитывать ни на какую удачу для тебя. По этой причинѣ, тебѣ слѣдовало удалиться отъ него на долгое время. Но съ тѣхъ поръ прошелъ достаточный срокъ, а ни одна первая любовь не остается послѣдней.

— Однако онъ все таки любитъ ее неизмѣнно.

— Онъ такъ думаетъ. Но, посмотримъ, не улетучится ли у него эта мечта, когда онъ увидитъ тебя? Ты замѣчательно прекрасна; ты стала прекраснѣе, чѣмъ была въ то время. И во всякомъ случаѣ давно пора снова подчинить его своей власти. Слишкомъ долго удерживали меня неотложныя дѣла въ Арменіи, въ Кордуэнѣ, гдѣ мнѣ приходилось ободрять упавшихъ духомъ единовѣрцевъ, которые терпятъ жестокія гоненія отъ епископовъ и чиновниковъ Констанція. Я сплотилъ ихъ въ тѣсный союзъ и укрѣпилъ ихъ мужество для дальнѣйшей борьбы. Теперь же самъ Юліанъ приглашаетъ меня вторично въ Аѳины. И я послѣдую на его зовъ, но не одинъ. Теперь онъ долженъ увидѣть и узнать тебя, прелестное созданіе. Я полагаю, что здѣсь нужно не вліяніе звѣздъ, а достаточно кроткой прелести твоихъ очей, чтобы связать его съ тобою неразрывными узами. Погоди! Что это такое? Громкіе голоса въ атріумѣ. Сюда приближаются торопливые шаги.

Тутъ занавѣсъ у входа быстро откинулся и въ комнату вбѣжалъ посланецъ, покрытый пылью.

— Прости, о господинъ, мою смѣлость. Но мой повелитель Юліанъ приказалъ... тебѣ... тебѣ одному...

— Говори. Тутъ нѣтъ постороннихъ, кромѣ моей дочери.

— Я долженъ предостеречь тебя. Уничтожь всѣ слѣды сношеній съ Юліаномъ, отрекись, что между вами было что нибудь общее. А главное: не ѣзди въ Аѳины. Ты уже не найдешь его тамъ.

— Гдѣ же Юліанъ?

— Ахъ, господинъ, не знаю. Въ заточеніи. Можетъ быть, уже умерщвленъ!

— Успокойся, Елена, дитя мое. Зачѣмъ? Почему?

— Значитъ, здѣсь еще ничего неизвѣстно? Цезарь Галлъ, братъ господина, возсталъ въ Антіохіи противъ императора; его или побѣдили, или перехитрили. Плѣнникомъ былъ доставленъ онъ къ императору. Послѣдній считаетъ Юліана соучастникомъ возстанія и—ахъ!—передъ моими глазами возлюбленный господинъ былъ схваченъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, чтобы быть доставленнымъ къ Констанцію въ Миланъ. Онъ едва успѣлъ шепнуть мнѣ порученіе къ тебѣ. Ахъ, онъ погибъ, какъ и братъ его Галлъ, который уже казненъ по приказу августа.

Съ подавленнымъ крикомъ отчаянія упала Елена на кушетку.

XVI.

Въ ночную пору, въ высокомъ, похожемъ на башню, соларіумѣ [1]) дворца въ Миланѣ прохаживался низенькій, невзрачный человѣкъ, въ осыпанномъ золотомъ пурпурномъ одѣяніи.

Безпокойно сновалъ онъ взадъ и впередъ въ тѣсномъ пространствѣ, то поднимая блуждающіе взоры къ звѣздамъ на безоблачномъ небѣ осенней ночи, то погружаясь въ созерцаніе причудливо перепутанныхъ знаковъ небесныхъ картъ, а также папирусовъ съ толкованіемъ звѣздъ, которые были разложены на столѣ и освѣщались лампой, струившей благовоніе.

Сердито отодвинулъ онъ одинъ изъ этихъ свитковъ невѣрнымъ движеніемъ дрожащей руки, причемъ тотъ скатился съ края круглаго стола на мозаичный полъ. Одинокій человѣкъ съ досадой оттолкнулъ его ногой въ сторону.

— Ахъ, что дѣлать, — вздохнулъ онъ.—Во что вѣровать? кому вѣрить? Кромѣ священныхъ книгъ, конечно,—торопливо присовокупилъ онъ съ робкимъ взглядомъ усталыхъ маленькихъ глазъ, брошеннымъ къ верху.—Но священныя книги... какъ мало говорятъ онѣ и совѣтуютъ относительно мірскихъ дѣлъ. Какъ долженъ править царствомъ человѣкъ по ихъ ука-

[1]) Павильонъ съ обсерваторіей.

заніямъ? «Любите враговъ вашихъ, платите добромъ за зло. Говорите всегда правду»! О, Сыне Божій. Тебѣ было легко такъ говорить; тебѣ не приходилось обороняться—кромѣ безчисленныхъ варваровъ на границахъ—отъ безчисленныхъ заговорщиковъ и тайныхъ мятежниковъ въ твоемъ собственномъ домѣ, между твоими родными.

— О, да, должно же быть что нибудь такое въ человѣкѣ, что̀ увлекало бы его, среди всевозможныхъ сомнѣній, само собою къ вѣрному исходу: дикая воинственность аламана, смиренная вѣра кающагося, патріотическій энтузіазмъ римлянина, не современнаго мнѣ, а римлянина давно прошедшихъ временъ. Ну, а я? я, несчастный? Ничто на свѣтѣ не увлекаетъ меня; это мое несчастіе. Пускай бы даже то была вопіющая глупость. Вѣдь совершали же эти глупости другіе государи, и потомъ исправляли умнымъ поступкомъ или, пожалуй, новой, болѣе удачной глупостью. Но я! Ахъ, я не вѣрю больше ни въ кого, и менѣе всего въ самого себя.

«Никогда не заводи себѣ друга—совѣтовалъ мнѣ великій отецъ:—ты можешь подпасть подъ его вліяніе».

— Ну, вотъ у меня нѣтъ друзей; боязливо подавлялъ я всякое довѣріе, даже только что распускавшееся въ душѣ моей супруги; ни единаго друга, но семьдесятъ, сто любимцевъ! Они возвышаются и падаютъ; я нарочно быстро смѣнялъ ихъ, чтобы не дать ни одному пріобрѣсти вліяніе. Но развѣ они не имѣютъ его всѣ? Семьдесятъ льстецовъ вмѣсто одного друга, не хуже ли это? И какъ съ людьми, такъ выходитъ и со звѣздами, и съ книгами о звѣздахъ, и снотолкователями:—всѣ они противорѣчатъ другъ другу. Ахъ, кто бы могъ вѣрить въ самого себя, только въ себя? Конечно, ему не понадобилось бы тогда вѣрить ни въ кого другаго. Но такихъ людей, вѣроятно, нѣтъ, а имъ принадлежалъ бы весь міръ. Вотъ скатилась звѣзда! Что это значитъ? въ такой часъ? въ этомъ направленіи, какъ разъ мимо Юпитера? «О, это грѣхъ,—говоритъ аріанскій епископъ Александріи,—обращать вниманіе на звѣзды и сны»; но развѣ не возвѣстила звѣзда о рожденіи Спасителя мудрецамъ съ востока? И развѣ пророки не толковали испоконъ вѣку священныхъ знаменій на небѣ и на землѣ? Только бы вѣрно истолковать,—вотъ въ чемъ суть.

— О, еслибъ я могъ только вопрошать самого себя, вмѣ-

сто священниковъ, придворныхъ и звѣздъ. Но когда я постучусь въ свою грудь, оттуда мнѣ отзывается пустота. Тамъ ничего нѣтъ. Никакого тяготѣнія ни къ хорошему, ни къ дурному. Только страхъ, вѣчно бодрствующій страхъ передъ тѣмъ, чтобы другой,—не умнѣе, а только необузданнѣе, горячѣе меня, человѣкъ, который *долженъ* дѣйствовать, — не сорвалъ бы съ меня діадемы и не отнялъ бы мою жизнь по глупости или благодаря слѣпому счастію. Что мнѣ дѣлать? Этотъ вопросъ—мученіе моей жизни.

Онъ опрокинулъ низкое кресло, бродя взадъ и впередъ; на креслѣ лежалъ пурпурный плащъ; то и другое полетѣло на полъ.

Онъ схватилъ плащъ и поднялъ его.

— Дурное предзнаменованіе, дурное предзнаменованіе. Какъ разъ теперь, когда я долженъ на что нибудь рѣшиться. Кого спросить? кому довѣриться? Епископу этого города? Ахъ, ужь онъ на одной только исповѣди вывѣдываетъ слишкомъ многое изъ моихъ сокровеннѣйшихъ мыслей, и такъ какъ я умалчиваю передъ нимъ кое о чемъ, то получаемое мною отпущеніе грѣховъ къ тому же не дѣйствительно. Онъ хочетъ, чтобъ я открыто отказался отъ ученія Арія, но какъ могу я это сдѣлать, если тайно вѣрую въ него? Ну, а мой присяжный астрологъ Абрасъ, мой халдей? О, тотъ всегда предсказываетъ благополучіе, потому что это нравится. Если жь случится бѣда, — какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, — онъ постоянно находитъ какую нибудь хитрую отговорку. Хитрость! Я терпѣть не могу ея—въ другихъ! Самъ же охотно хитрю, хитрилъ бы еще болѣе—тутъ его маленькіе глазки заблистали—но хитрость не приводитъ ни къ чему. Хитрость міровой исторіи разсчитана, она обманываетъ хитреца въ его собственныхъ планахъ. Я хотѣлъ ловко унизить католиковъ въ Аѳанасіѣ, и вотъ Аѳанасій унижаетъ меня. Кто же не хитеръ? кто мудръ и притомъ добръ? ужь, конечно, не я; я совсѣмъ не добръ и не желаю быть добрымъ, потому что доброта есть глупость. Мудръ? Я очень бы хотѣлъ быть мудрымъ, но я слишкомъ хитеръ, чтобъ быть попросту мудрымъ. Мудръ и добръ? кто же это? Безъ сомнѣнія, Эвзебія, моя супруга; къ тому же она прекрасна и молода, и пылка, и въ высшей степени достойна любви. Къ несчастію, я совсѣмъ не могу воспользо-

ваться всѣми этими четырьмя достоинствами. Какъ страстно желаетъ она имѣть ребенка! Я... менѣе. Дочери почти безполезны; ихъ мужья честолюбивы. А сыновья? Великій отецъ приказалъ казнить самаго лучшаго изъ насъ, своихъ сыновей, и, пожалуй, именно за то, что онъ былъ всѣхъ дѣльнѣе. Однако я размышляю, размышляю, а время проходитъ! Между тѣмъ астрологъ сказалъ, что при сегодняшнемъ стояніи звѣздъ лучше всего прійти къ какому нибудь рѣшенію, которое выдетъ тогда самымъ благопріятнымъ. Итакъ, еще сегодня ночью! Кого спросить? Охотнѣе всего спросилъ бы я самаго худшаго, самаго проницательнаго, самаго ядовитаго—Эвзебія. Онъ долженъ желать мнѣ добра, какъ бы ни былъ золъ противъ другихъ людей, потому что у него такое множество враговъ и онъ знаетъ, что они ни одного часа не оставятъ его въ живыхъ, какъ только я потеряю жизнь или власть. Но я не могу его спросить, потому что онъ далеко отъ меня. Тогда ужь лучше обратиться къ самой доброй, т. е. къ Эвзебіи, и къ самому мудрому или, по крайней мѣрѣ, къ самому просвѣщенному по части науки о звѣздахъ—къ Филиппу; это, между прочимъ, единственный врачъ, пользующійся моимъ довѣріемъ. Если ихъ мнѣнія будутъ согласны при всемъ различіи между ними,—она такая неопытная, а онъ такой знатокъ свѣта,—то пусть это послужитъ мнѣ порукой въ томъ, что ихъ выводъ вѣренъ. Простите мнѣ, о Отецъ Христа, и Ты, о Христосъ, и Ты, Святой Духъ, простите, что я ищу знаменья, но вѣдь вы сами или ваше духовенство позволяете заглядывать въ будущее, открывая наудачу библейскія изреченія. Если же это грѣхъ, то я въ немъ покаюсь и заглажу его: для аріанской базилики въ Равеннѣ нуженъ новый алтарь. Я даю завѣтъ соорудить его, если вы на томъ настаиваете, хотя доходы теперь оскудѣли!—Или я дамъ это обѣщаніе послѣ.

— Ахъ!—вздохнулъ онъ, останавливаясь передъ круглымъ металлическимъ зеркаломъ, оправленнымъ въ раму изъ лиловаго синнадійскаго мрамора съ крапинками.—Вотъ я совсѣмъ измучился со своими думами и меня бросило въ жаръ! «Никогда не принимай ни единаго человѣка, даже изъ самыхъ близкихъ, когда ты находишься въ напряженномъ состояніи»,—предостерегалъ меня отецъ. «Всѣ, даже по наружности, должны считать тебя сильнѣе другихъ». Га, ему это было легко, при шестифутовомъ ростѣ и широкой груди героя.

Съ неудовольствіемъ разсматривалъ онъ свое изображеніе въ зеркалѣ:—Мой видъ не можетъ внушать страха; напротивъ, всегда кажется, будто бы я самъ боюсь другихъ. И, къ несчастію, это правда. Я бродилъ здѣсь и размышлялъ до того, что меня бросило въ потъ. Но теперь, теперь, соберись съ духомъ, Констанцій, сынъ великаго Константина. Ахъ, горе сынамъ великаго отца!—И онъ отеръ благоухающимъ темнокраснымъ шолковымъ платкомъ, вынутымъ изъ груднаго кармана, крупныя капли пота со своего плоскаго лба, провелъ рукою по жидкимъ волосамъ песочнаго цвѣта, крѣпче стянулъ серебряный поясъ, съ усиліемъ выпрямился изъ своего согбеннаго положенія и только тутъ откинулъ занавѣсъ у входныхъ дверей.

На порогѣ лежалъ, прислонившись спиною къ мраморнымъ колоннамъ и далеко вытянувъ ноги, воинъ исполинскаго роста въ полномъ вооруженіи; онъ держалъ въ рукѣ поставленное вертикально копье. Рыжевато-бѣлокурые волосы, выбившіеся густыми волнами изъ подъ шлема съ медвѣжьей головой, и блестящіе голубые глаза ясно указывали, къ какому племени принадлежалъ этотъ тѣлохранитель, который теперь поднялся, гремя доспѣхами.

— Ступай, Берунгъ, скажи Остіарусу во второй прихожей, что онъ можетъ ввести тѣхъ, кого я звалъ. Когда же они придутъ, ложись подальше отсюда, такъ чтобъ тебѣ ничего не было слышно, или... пожалуй... ты ничего не понимаешь по гречески?

Великанъ отрицательно потрясъ громадной головой.

— Тогда оставайся тамъ, гдѣ ты лежалъ.

Онъ снова спустилъ занавѣсъ, и потому не видѣлъ недовольной, презрительной мины, съ которой германецъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Клянусь Донаромъ и Тіусомъ, когда пройдетъ годъ моего найма, я не останусь здѣсь ни одного дня долѣе,—проворчалъ онъ, направляясь къ передней, чтобы исполнить данное приказаніе.—Мнѣ жаль, что я поступилъ на эту службу, не послушавшись отца Беро. Тотъ разсказывалъ, что его однажды заставляли убивать женщинъ и дѣтей, но онъ отказался. А этотъ императоръ... вѣдь онъ боится! День и ночь его разбираетъ страхъ; я же не служу трусамъ. И никогда никакой работы копьемъ: только и знаешь провожать узниковъ

да сторожить на этомъ порогѣ, словно дворовый песъ. Того еще не доставало, чтобъ меня посадили на цѣпь. Ахъ, какъ все это противно!

XVII.

Тѣмъ временемъ августъ подошелъ въ своей комнатѣ къ большой доскѣ изъ чернаго дерева, стоявшей на подставкѣ; она была усѣяна звѣздными знаками и числами, начертанными разноцвѣтнымъ мѣломъ. Въ серьезной задумчивости сталъ онъ слѣдить сначала глазомъ, потомъ указательнымъ пальцемъ правой руки многократно сплетавшуюся линію ярко-желтаго цвѣта; странная, зловѣщая улыбка подергивала его губы, когда онъ говорилъ самъ себѣ:—Ну-ка, двоюродный братецъ, посмотримъ! Погруженный въ свои философскія размышленія, ты не подозрѣваешь, что отъ исхода этого часа зависитъ твоя жизнь. Если ты не окажешься орудіемъ въ моихъ рукахъ, то будешь уничтоженъ. Я не допущу тебя сдѣлаться оружіемъ противъ меня самого. Я сокрушаю все, что противится мнѣ. Завтра ты обратишься въ цезаря или... въ ничто. Ахъ, вотъ и они!

Онъ обернулся. Въ комнату входила его юношески-прекрасная супруга, стройная, прелестная женщина въ простомъ розовомъ платьѣ. Благородное, только слишкомъ блѣдное, лицо и добрый взглядъ свѣтлоголубыхъ глазъ говорили о сдержанномъ нѣмомъ страданіи. За нею слѣдовалъ человѣкъ маленькаго роста съ сѣдыми волосами; длинная бѣлая борода ниспадала ему волнами на темнокоричневую одежду. Его поразительно прекрасныя черты были въ высокой степени проникнуты умомъ; взглядъ свѣтлосѣрыхъ глазъ проникалъ въ душу и пронизывалъ ее, какъ молнія, когда онъ внезапно поднималъ длинныя, почти всегда опущенныя, рѣсницы. Вокругъ тонко очерченнаго рта часто играла улыбка; на половину печальная, на половину добродушно-насмѣшливая, она указывала на высокое умственное превосходство и богатѣйшій житейскій опытъ. Кто видѣлъ этого человѣка въ первый разъ, тотъ невольно сожалѣлъ, что такая характерная голова сидѣла на искалѣченномъ туловищѣ, потому что его малорослую фигуру карлика уродовалъ безобразный горбъ.

Оба вошедшіе почтительно привѣтствовали государя.

— Скоро полночь,—заговорилъ тотъ,—я ставилъ песочные часы, когда невольникъ возглашалъ одиннадцатый часъ. Прости, Эвзебія, что я потревожилъ тебя такъ поздно ночью... но звѣзды съ ихъ теченіемъ нельзя наблюдать днемъ. Садись вонъ тамъ... нѣтъ, туда, подъ лампу. («Я хочу видѣть всякое движеніе на ея лицѣ»,—прибавилъ онъ про себя). А ты, Филиппъ, взгляни и разочти, настало ли ужь теперь время.

Горбунъ подошелъ къ черной доскѣ, сдѣлалъ краткое вычисленіе и сказалъ съ поклономъ:—Теперь пора, самая пора.

— Хэ, ты совсѣмъ не знаешь,—хрипло разсмѣялся Констанцій,—насколько вѣрны твои слова! Итакъ, узнайте,—вонъ тамъ лежатъ извѣстія изъ Віенны, изъ Автуна, изъ Реймса: почти вся Галлія потеряна и перешла въ руки варваровъ.

— Боже, не допусти до этого!—воскликнула императрица, съ живостью вскакивая съ мѣста, тогда какъ Филиппъ молча кивнулъ головою.

— Къ несчастію, Богъ попустилъ уже, чтобъ оно совершилось,—съ насмѣшливой гримасой произнесъ августъ.

— Богъ, конечно, менѣе, чѣмъ ты самъ,—возразилъ астрологъ.

— Я? Что ты осмѣливаешься говорить?—накинулся на него Констанцій.

— Правду, какъ всегда, если она мнѣ извѣстна. Кто самъ призвалъ въ страну аламановъ того чудовищнаго короля Ходомара, германскаго Геркулеса, какъ его прозвали наши робѣющія когорты? Кто далъ ему...

— Я,—съ неудовольствіемъ отвѣчалъ императоръ.—Но ты позабываешь: тогда дѣло шло о томъ, чтобы отнять Галлію у тирана Магненція и его брата Деценція. Въ то время Эвзебій посовѣтовалъ мнѣ...

— Призвать варваровъ въ страну! Напрасно предостерегала тебя вотъ эта благороднѣйшая женщина, напрасно предсказывалъ я заранѣе,—для этого не требовалось даже обращаться къ звѣздамъ!—что варвары, конечно, придутъ, но потомъ не захотятъ убраться. Ты послушался евнуха изъ-за того...

— Изъ-за того, что для Эвзебія важнѣе всего Констанцій, а для тебя—и даже для моей супруги, сидящей вотъ здѣсь,—государство.

— Я полагалъ,—заключилъ Филиппъ, сверкая взглядомъ

своихъ проницательныхъ глазъ,—что и для императора государство важнѣе государя. Прости мнѣ мою ошибку, о, повелитель! Она никогда болѣе не повторится.

Констанцій сердито закусилъ нижнюю губу, какъ дѣлывалъ всегда, если не находилъ меткаго возраженія.

— Ну, вотъ слушайте,—снова началъ онъ,—или прочтите, прочтите лучше сами.—Онъ подошелъ къ покрытому письмами круглому столу и подалъ обоимъ нѣсколько пространныхъ посланій и множество краткихъ замѣтокъ.

Блѣдныя щоки прекрасной императрицы поблѣднѣли еще болѣе во время чтенія.

— Какъ?—произнесъ со вздохомъ Филиппъ.—Что я вижу? Сорокъ пять городовъ Галліи находятся въ рукахъ аламановъ и франковъ. Страсбургъ, Шпейеръ, Вормсъ, Тріернъ, Тонгернъ! Ужасно! Къ счастью, у насъ остался еще старинный, сильнѣйшій оплотъ нашей силы на Рейнѣ—Кёльнъ.

— О, нѣтъ, также и Кёльнъ...—невольно сорвалось съ языка императора.

— Что? какъ?—воскликнули въ одинъ голосъ Эвзебія и врачъ, вскакивая съ мѣста.—И Кёльнъ потерянъ?

— Нѣтъ, пока еще нѣтъ!—сердито возразилъ Констанцій.—Я... я просто ошибся...—И онъ изорвалъ на мелкіе кусочки коротенькій свитокъ папируса, который только что развернулъ передъ тѣмъ и хотѣлъ подать августѣ.

— Благодареніе звѣздамъ!—проговорилъ Филиппъ.—И безъ того ужь дѣла достаточно скверны. Но еслибы палъ Кёльнъ, то въ цѣломъ государствѣ не нашлось бы полководца, который взялъ бы на себя задачу отвоевать обратно Рейнъ. Кёльнъ равносиленъ войску изъ многихъ легіоновъ и...

— Довольно, довольно про Кёльнъ!—съ раздраженіемъ и досадой перебилъ Констанцій.—Ну, такъ что же дѣлать? Что дѣлать? Или мнѣ самому двинуться въ Галлію сегодня же ночью?

— Конечно. Вотъ истинно мужественное рѣшеніе!—воскликнула Эвзебія, кидая на мужа радостный взглядъ.

— Совершенно невозможно!—вступился врачъ.—Твое здоровье, о, государь! Твоя драгоцѣнная жизнь!

— Правда,—согласился императоръ, принимаясь вдругъ покашливать.—Это незамѣнимыя блага.

«По крайней мѣрѣ, для тебя»—подумалъ Филиппъ.

— Или—продолжалъ императоръ—я пошлю намѣстника. Но кого?

— Испытаннаго полководца, лучшаго, какой у тебя есть!—воскликнула императрица.

— Вотъ какъ?—ядовито усмѣхнулся Константій.—Чтобы онъ тотчасъ послѣ побѣды надъ варварами обратилъ свое военное искусство противъ меня? Нѣтъ, нѣтъ! Спасибо. Меня довольно проучило возстаніе Магненція. Вѣдь тотъ былъ также отличнымъ полководцемъ. Какого труда стоило намъ уничтожить мерзавца!

— Гмъ!—кивнулъ головою старикъ.—Между тѣмъ не-полководца ты тоже не можешь послать. Иначе...

— Иначе германцы, того и гляди, переберутся къ намъ черезъ Альпы!

— Онъ долженъ быть, кромѣ того, государственнымъ человѣкомъ, потому что въ настоящемъ случаѣ нужно не только драться въ Галліи, но и управлять.

— Государственнымъ человѣкомъ! Да, такимъ, который могъ бы спасти государство, но не вздумалъ бы спасти его для себя...

— Скорѣе для тебя.

— Для самого государства, по моему мнѣнію,—спокойно сказала Эвзебія.

— Надѣюсь, это одно и то же,—возразилъ Константій, бросая на супругу недовольный взглядъ.

— У насъ есть храбрый Маларихъ,—съ жаромъ продолжала та.

— Германецъ! Чтобы онъ въ концѣ концовъ перешелъ на сторону своихъ единоплеменниковъ?

— Тогда,—посовѣтовалъ Филиппъ,—выбери храбраго Урсицина.

— Чужестранца!—подхватилъ императоръ.—Это было бы хорошо, будь онъ нашимъ соотечественникомъ. Жестокая судьба захотѣла, чтобы великій домъ Константина... почти... весь вымеръ

«Судьба»!—подумалъ врачъ. «Онъ самъ извелъ всѣхъ своихъ.—Какіе однако дѣлаетъ обходы императоръ, чтобы навести насъ на имя, которое вертится у него на языкѣ! Это *мы* должны прежде его назвать, но мы остережемся».

— Почти,—повторилъ августъ, выжидая. Онъ умолкъ. Но напрасно: его собесѣдники хранили упорное молчаніе. Они избѣгали даже смотрѣть другъ на друга, потому что маленькіе хитрые глазки зорко наблюдали за ними, сверкая то въ одну, то въ другую сторону.

— Ближе всего, конечно,—заговорилъ онъ снова, недовольный такою сдержанностью,—ближе всего было бы подумать... о единственномъ, который еще... что тамъ такое?—вздрогнулъ Констанцій, хватаясь за кинжалъ, спрятанный у него подъ шолковой туникой.—Кто осмѣливается меня безпокоить?

XVIII.

Аламанскій тѣлохранитель доложилъ:—Препозитъ священной опочивальни проситъ... Ты приказалъ ему, немедленно по возвращеніи...

— Разумѣется, разумѣется. Веди его сюда! Какъ разъ въ самую пору.

Когда Констанцій обратился къ входящему, взоры императрицы и врача встрѣтились. Эвзебія тяжело вздохнула; Филиппъ съ быстротой молніи приложилъ къ губамъ указательный палецъ лѣвой руки.

— Вотъ, наконецъ, и ты, Эвзебій. Оставь вступительныя привѣтствія! Разсказывай о дѣлахъ. Ты знаешь: отъ жены и врача не надо имѣть тайнъ,—лукаво улыбнулся императоръ.

Старшій евнухъ, съ одутловатымъ, ожирѣвшимъ тѣломъ, облеченный въ широкую, болтавшуюся на немъ, одежду, отвѣсилъ низкій поклонъ красавицѣ-государынѣ и бросилъ ядовитый взглядъ на Филиппа.

— Твои повелѣнія, о, государь, исполнены въ точности и съ успѣхомъ, какъ и всегда, когда ты поручаешь что нибудь твоему рабу Эвзебію. Ты приказалъ мнѣ также явиться немедленно по возвращеніи, только потому я и осмѣливаюсь стоять въ настоящую минуту передъ тобою. Я сейчасъ вышелъ изъ носилокъ. («Кажется, подоспѣлъ еще во-время—подумалъ онъ про себя.—Надѣюсь, еще въ самую пору»).

— Ну, разсказывай все въ точности. Имъ обоимъ—какъ и мнѣ—до сихъ поръ было извѣстно только изъ твоихъ письменныхъ донесеній объ... удачѣ, но не подробно. Говори же!

*

— Къ несчастью, я не могу говорить, не обвиняя,—началъ препозитъ.

— Это ужь у тебя неизбѣжно,—улыбнулся Константій.

— Не обвиняя совѣтчиковъ, которыхъ ты, о, государь, слушаешь больше, чѣмъ твоего вѣрнѣйшаго раба, хотя ихъ совѣты постоянно оказываются пагубными. Позволь мнѣ напомнить, какъ ты—много лѣтъ назадъ—внезапно отмѣнилъ свое прежнее мудрое рѣшеніе воспитать твоего двоюроднаго брата Юліана въ монастырѣ для монашеской жизни и велѣлъ посвятить его въ свѣтскую науку, чтобы онъ могъ впослѣдствіи поступить на государственную службу.

— Ну, такъ что же? Развѣ я имѣлъ поводъ раскаиваться въ этомъ?

Эвзебій пожалъ плечами.—Подожди конца. Кто далъ тебѣ тогда подобный совѣтъ? Вотъ этотъ Филиппъ!

— Не я: черезъ меня его подали звѣзды,—вмѣшался тотъ.

— Ну, разумѣется!—продолжалъ Эвзебій.—Завиденъ жребій того, кто подслушиваетъ у звѣздъ и въ то же время у внутренностей императора ихъ тайны.

— Послушай,—замѣтилъ ему Константій,—ты могъ бы и придержать свой языкъ. Этотъ горбатый человѣчекъ не разъ вылѣчивалъ меня отъ смертельныхъ недуговъ и посредствомъ своихъ противоядій удалялъ изъ моихъ внутренностей ядъ, который...

— Никогда тамъ не былъ! Или который сдѣлали уже безвреднымъ молитвы священниковъ Господа и всѣхъ твоихъ подданныхъ.

Тутъ заговорилъ Филиппъ, и какъ шла къ нему снисходительная улыбка, игравшая на его тонко очерченныхъ губахъ!

— О, Эвзебій, неужели ты цѣнишь мои лѣкарства такъ низко, а молитвы такъ высоко?

— Разумѣется.

— Хорошо. Тогда я предложу тебѣ одинъ опытъ. Ты и твой молосскій песъ примете оба по сорока унцій цикуты; твоей собакѣ я немедленно дамъ противоядіе, за тебя же пускай молится императоръ, который пользуется особою милостью провидѣнія, а также всѣ епископы государства,—и пусть они обѣщаютъ пожертвовать на церковь золота по вѣсу твоего тѣла. Тогда мы увидимъ, какой паціентъ переживетъ другаго.

Эвзебій въ смущеніи молчалъ, а императоръ не могъ вполнѣ скрыть насмѣшливой улыбки, когда заговорилъ тономъ упрека:

— Эй, эй, Филиппъ! Недаромъ говорятъ, что ученики Галена—плохіе ученики Христа.

Между тѣмъ Эвзебій продолжалъ:—Вспомни еще, о, государь. Наконецъ, мнѣ удалось убѣдить тебя, что освобожденіе Юліана изъ монастыря было промахомъ: мои шпіоны донесли мнѣ, что Юліанъ тайно посѣщалъ Римъ и что тотъ священникъ Лизій—лицо довольно подозрительное.

— Лизій!..—воскликнулъ Филиппъ.—Никто не приверженъ такъ горячо къ римскому государству, какъ онъ.

— Я узналъ, что братъ Юліана, Галлъ, произносилъ противъ тебя гнѣвныя рѣчи, грозя мщеніемъ. Ты далъ приказъ схватить обоихъ братьевъ и представить къ тебѣ, иными словами...

— Иными словами умертвить ихъ еще по дорогѣ,—докончилъ Филиппъ.

— Но что же случилось? Вдругъ въ палаціумѣ снова появляется, неизвѣстно откуда, нѣкій монахъ Іоаннъ, очень подозрительный человѣкъ, такъ какъ онъ—приверженецъ того дома...

— Тогда императоръ—самый подозрительный человѣкъ въ государствѣ,—перебилъ врачъ,—потому что онъ двоюродный братъ Юліана съ Галломъ, да, кромѣ того, былъ женатъ въ первомъ бракѣ на ихъ родной сестрѣ.

— Іоаннъ—закадычный другъ вотъ этого Филиппа! Что же происходитъ? Они пошептались между собою; Филиппъ вопрошаетъ звѣзды...

— По моему приказанію!—кивнулъ августъ.

— И въ результатѣ его звѣздочетской мудрости оказывается, что ты даешь помилованіе виновнымъ и отпускаешь младшаго, щедро одаривъ его...

— Изъ жалкой части конфискованнаго имущества его родителей!—вмѣшался Филиппъ, повысивъ голосъ.

— Отпускаешь на полную свободу...

— То есть съ тѣмъ, чтобъ онъ постоянно былъ подъ надзоромъ твоихъ шпіоновъ,—добавилъ старикъ.

— Отпускаешь въ Аѳины. Тамъ юноша тотчасъ привлекаетъ къ себѣ взоры народа...

— Своимъ прилежаніемъ, скромностью и ласковымъ обхожденіемъ.

— Совершенно вѣрно, — хотѣла воскликнуть августа, но предостерегающій взглядъ врача во-время остановилъ ее.

— Онъ посѣщаетъ Византію, сходится въ Никомедіи съ врагами святой церкви, съ дерзкими софистами. А тѣмъ временемъ... другой братъ, семью годами старше, откровенный, необузданный... Его-то ты и сдѣлалъ наконецъ цезаремъ и далъ ему управленіе востокомъ.

— Да развѣ я могъ,—пылко воскликнулъ императоръ,— воевать съ этимъ проклятымъ Магненціемъ въ Аквилеѣ и въ то же время наблюдать за персами въ Антіохіи? Хэ, возможное ли это дѣло?

— И ты выбралъ своимъ намѣстникомъ самаго опаснаго изъ смертныхъ! Дѣйствительно, тутъ во всемъ блескѣ выказалась мудрость того звѣздочета, который подалъ тебѣ этотъ совѣтъ, тогда какъ я былъ на цѣлые мѣсяцы удаленъ отъ двора твоею немилостью.

— На твою великолѣпную виллу въ Сабинскихъ горахъ,— сказалъ Констанцій,—не очень тяжелое изгнаніе! Тамъ у тебя гораздо лучше, чѣмъ здѣсь, въ моемъ дворцѣ. Давай помѣняемся, препозитъ?

— Все, что я имѣю, и безъ того принадлежитъ тебѣ, государь. Но вскорѣ необузданная непокорность и мстительная ненависть новаго цезаря вышли наружу: онъ преслѣдуетъ самыхъ вѣрныхъ твоихъ чиновниковъ, велитъ казнить самыхъ преданныхъ полководцевъ и когда наконецъ, по жалобамъ твоихъ непоколебимыхъ приверженцевъ, ты посылаешь со своей стороны довѣренныхъ людей, чтобы привлечь къ отвѣтственности преступника, тогда тиранъ призываетъ къ оружію своихъ тѣлохранителей, призываетъ антіохійскую чернь къ открытому возстанію. Оба твоихъ посланныхъ были схвачены и среди жестокихъ истязаній ихъ волокли по улицамъ и, наконецъ, утопили. Вся восточная область грозила отпасть отъ имперіи. Галлъ,—новый, болѣе опасный Магненцій, — готовитъ междоусобную войну. Тутъ—наконецъ!—ты вспоминаешь о самомъ вѣрномъ изъ твоихъ рабовъ и посылаешь меня въ Антіохію, одного меня, безъ оружія, безъ денегъ, безъ войска, потому что у тебя его не было...

— Я хотѣлъ бы посмотрѣть, какъ ты командуешь отрядомъ всадниковъ, о Эвзебій!—перебилъ горбунъ.—Твои ноги сами

собою переплелись бы подъ брюхомъ кобылы, чтобы ты крѣпче сидѣлъ въ сѣдлѣ.

— Итакъ, я одинъ отправляюсь въ берлогу чудовища, т. е. въ Антіохію. И, дѣйствительно, мнѣ удается овладѣть бунтовщикомъ безъ сопротивленія, увѣряя его въ твоемъ прощеніи и милости; я склоняю негодяя къ тому, чтобы...

— А сколькихъ ложныхъ клятвъ, говоря между нами, стоило это тебѣ?—спросилъ Филиппъ.

— Неужели ты, дѣйствительно, ему клялся?—полюбопытствовалъ Констанцій.

— Антіохійскій епископъ самъ далъ мнѣ для этой клятвы гвоздь отъ креста Спасителя и заранѣе разрѣшилъ меня отъ грѣха.

Тутъ государь съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Итакъ, я уговорилъ глупца распустить его, уже готовое къ битвѣ, войско и поѣхать къ тебѣ. Сначала, правда, онъ взялъ съ собою такое прикрытіе изъ своихъ приверженцевъ, что я скорѣе былъ его плѣнникомъ, чѣмъ онъ моимъ. Въ Византіи онъ еще устроилъ игры въ циркѣ, какъ цезарь востока. Однако, мало по малу, мнѣ удалось совершенно увѣрить его въ своей безопасности... Все бо̀льшее и бо̀льшее число своихъ вооруженныхъ провожатыхъ оставлялъ онъ по дорогѣ... и еслибъ его не покинули всѣ боги,—я хотѣлъ сказать: всѣ святые,—онъ замѣтилъ бы, какъ все болѣе и болѣе попадаетъ въ тѣсноту, подобно крупной рыбѣ, попавшей въ рыболовную снасть, называемую «мордой», какъ все болѣе и болѣе теряетъ возможность вернуться назадъ и располагать собою. Вѣдь съ каждымъ шагомъ онъ удалялся все дальше отъ основъ *своего* могущества и уходилъ глубже въ область *твоего* господства. Въ Адріанополѣ я сообщилъ ему твой, только что пришедшій, приказъ...

— Я не посылалъ туда никакого!

— Прости, я угадалъ твою волю. Ты будто бы велѣлъ ему оставить тамъ всю свою свиту.

— И глупецъ послушался?—спросилъ Филиппъ.

— Я показалъ ему императорское кольцо съ печатью въ залогъ безопасности. Только въ немногихъ почтовыхъ экипажахъ, уже безъ воиновъ Галла, поѣхали мы изъ Адріанополя дальше. Я пересѣлъ къ нему въ двумѣстную колымагу,—не

смотря на его возраженіе,—чтобы помѣшать побѣгу плѣнника. Тутъ только онъ замѣтилъ, что я для него не почетная свита, а стража, наблюдающая за нимъ. Порывы бѣшенства и уныніе быстро смѣнялись у Галла. Нерѣдко онъ восклицалъ:—О, Юліанъ, отмсти за меня! Наконецъ, въ Петовіи, въ Паннонiи — я нашелъ достаточно безопаснымъ сбросить съ себя всякую маску почетнаго проводника: вѣдь тамъ стоялъ Барбаціо.

— Мерзавецъ!—пробормоталъ Филиппъ.

— Твой вѣрный слуга съ сильнымъ отрядомъ сарматскихъ воиновъ. Ему передалъ я плѣнника въ тотъ же вечеръ, когда мы пріѣхали. Дикіе сарматы сорвали съ него знаки цезарскаго достоинства; потомъ мы привезли его въ Полу въ Истріи, гдѣ я выступилъ, какъ обвинитель и судья...

— Можетъ быть, также и какъ палачъ?—спросилъ Филиппъ.

— При государственной измѣнѣ, это все равно, дерзкій врачъ! Со связанными на спинѣ руками былъ онъ мною обвиненъ, судимъ, приговоренъ и убитъ на моихъ глазахъ сарматами, менѣе чѣмъ въ четверть часа.

Эвзебія содрогнулась. «Убійца»! прошептала она про себя.—«Я боюсь его».

— Я доволенъ тобою, препозитъ. Съ этого часа ты—патрицій.

— И противъ такого яда у меня нѣтъ противоядія,—со вздохомъ вполголоса промолвилъ врачъ.

Однако Эвзебій услыхалъ его.—Подожди, отравитель!—быстро шепнулъ онъ ему. — О, государь, какая милость! — громко воскликнулъ онъ затѣмъ, повергаясь ницъ. Тяжело было этому толстяку снова подняться на ноги.—Но мое дѣло сдѣлано только на половину,—продолжалъ онъ,—дай мнѣ заслужить награду вполнѣ. Въ живыхъ остался еще младшій братъ...

— Какъ?—воскликнула императрица, не замѣчая въ своемъ волненіи предостерегающаго взгляда астролога.—Неужели ты хочешь умертвить невиннаго вслѣдъ за виновнымъ?

Недовѣрчиво взглянулъ Констанцій на свою супругу:—Невиннаго? откуда это тебѣ извѣстно?

Она испугалась, вздрогнула; горячая кровь прихлынула къ ея блѣднымъ щекамъ. Однако Филиппъ подоспѣлъ ей на выручку.

— Спроси лучше, о государь, самаго младшаго патриція въ твоей имперіи, откуда ему извѣстна вина юноши? Въ чемъ она состоитъ, кромѣ того, что онъ былъ любимымъ братомъ твоей умершей супруги? И неужели ты до сихъ поръ не замѣчаешь, что этотъ придворный съ первой же ночи твоего царствованія, съ той ночи въ Никомедіи, когда тамъ выпала кровавая майская роса,—какъ тихонько шепчетъ между собою испуганный народъ, — преслѣдуетъ планъ — истребить всѣхъ данныхъ тебѣ природою, кровью или богомъ членовъ твоего дома, чтобы ты, лишенный своихъ естественныхъ помощниковъ, на которыхъ было бы всего удобнѣе опереться правителю, обращался по необходимости къ поддержкѣ такого изверга, какъ старшій евнухъ? Да, смотри на меня убійственнымъ, зловѣщимъ взглядомъ, патриція! Императоръ не можетъ превратить тебя въ василиска, убивающаго однимъ взоромъ.

— Однако,—улыбнулся тотъ,—ты очень смѣлъ, толкователь звѣздъ! Я съ своей стороны не отважился бы такъ раздражать моего любимца.

— Чего бояться, государь, тому, кто не боится смерти. Неужели ты думаешь, что ужь такъ пріятно быть твоимъ подданнымъ, а, сверхъ того, твоимъ врачемъ и толкователемъ звѣздъ? Не звѣздамъ, а злой планетѣ повинуешься ты,—вотъ она передъ тобою.

Констанцій засмѣялся.

Но Эвзебій подхватилъ со злобой:—Тогда положи конецъ своей жизни! Ты знаешь такъ много ядовъ. Умри! Или, по крайней мѣрѣ, откажись отъ должности врача и толкователя звѣздъ при государѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, о, патрициссимусъ! Я обѣщалъ великому Константину, — хотя и безъ клятвъ на гвоздяхъ! — бодрствовать надъ этимъ изъ его сыновъ, вскорѣ послѣ его рожденія и приложить всѣ силы своего ума къ заботѣ о его здоровьѣ и благополучіи. И я исполняю это, потому что обѣщалъ и потому что люблю несчастное, быстро клонящееся къ упадку, государство римлянъ. Не изъ любви къ Констанцію поступаю я такъ, потому что онъ любезенъ развѣ только своей супругѣ,—прибавилъ врачъ.

Та снова покраснѣла и опустила глаза. Императоръ опять разсмѣялся:—Слушайте, вы оба; вамъ слѣдовало бы прійти на

помощь другъ другу: у Эвзебія слишкомъ много слащавой лести, у Филиппа—грубой горечи для меня. Но довольно о васъ. Эвзебій, Галлія въ рукахъ варваровъ!

— Я узналъ это дорогой.

— Посмотрите, пожалуйста: его развѣдчики отлично служатъ ему, гдѣ бы онъ ни былъ. У меня самого нѣтъ такихъ проворныхъ слугъ! Кого мнѣ послать для отнятія Галліи обратно?

— Барбаціо, военнаго начальника Иллиріи, дравшагося подъ Петовіей,—воскликнулъ евнухъ.

— И твоего племянника, о патриціи,—прибавилъ Филиппъ.

Констанцій нахмурилъ лобъ:—Нѣтъ, это ужь ты выкинь изъ головы, ненасытный. Ты охотно превратилъ бы своихъ родственниковъ въ полубоговъ, еслибъ могъ. Кого мнѣ послать, добрая августа?

Императрица поднялась съ мѣста и, взглянувъ мужу прямо въ лицо, произнесла, на этотъ разъ не краснѣя:

— Юліана, твоего послѣдняго двоюроднаго брата.

— Га!—воскликнулъ Эвзебій, точно пораженный стрѣлою:—брата Галла, мстителя!

— А тебѣ страшно, убійца?—спросилъ государь, внезапно перемѣняясь.

— У него богатыя дарованія,—съ живостью продолжала Эвзебія,—онъ добродѣтеленъ, не запятнанъ ни единымъ порокомъ и его нельзя упрекнуть даже въ обыкновенныхъ слабостяхъ, свойственныхъ юности...

— Развѣ ты его знаешь?—спросилъ Констанцій.

— Онъ слыветъ такимъ,—вмѣшался Филиппъ.—Знать его? Кто же могъ съ нимъ познакомиться, если ты постоянно держалъ этого юношу въ заточеніи, сначала въ монастырѣ, а потомъ въ старинной крѣпости? Какъ единственный изъ твоихъ родственниковъ, еще оставшихся въ живыхъ, онъ имѣетъ право на твое вниманіе, и, смѣю думать, тебѣ слѣдовало бы загладить кое-что, причиненное его роду.

— Ты мой врачъ, мой толкователь звѣздъ, но не духовникъ,—съ неудовольствіемъ оборвалъ его Констанцій.

— Удивляюсь,—воскликнулъ Эвзебій,—какъ можно быть до такой степени ослѣпленнымъ! Кто... кто указываетъ тебѣ на этого добродѣтельнаго юношу? Кто?

— Звѣзды,—торжественно отвѣчалъ Филиппъ.—Уже давно,

въ самый часъ, даже въ моментъ его рожденія, я составилъ ему гороскопъ.

— Какъ могъ ты знать этотъ моментъ?—съ удивленіемъ спросила Эвзебія.

— Я былъ другомъ его матери, исчезнувшей безъ слѣда,— произнесъ тотъ со вздохомъ, бросая полный упрека и вмѣстѣ съ тѣмъ испытующій взглядъ на августа. Но государь быстро отвернулся.

— Я бодрствовалъ у ея ложа, когда она произвела на свѣтъ мальчика, какъ и въ ту убійственную ночь, когда мать, повидимому, потеряла навсегда: его, другаго сына, дочь и супруга! Едва ребенокъ увидѣлъ свѣтъ, я поспѣшилъ на свою обсерваторію. Еще тогда же мнѣ стало ясно, что его ожидаетъ великая судьба. Съ тѣхъ поръ я не разъ вопрошалъ о немъ звѣзды; онѣ подтверждали мнѣ, что онъ еще живъ, во всѣ тѣ года, когда императоръ запрещалъ спрашивать про Юліана и прочихъ родныхъ! И сегодня, въ этотъ часъ, когда юношѣ исполнится двадцать четыре года, при самомъ важномъ соединеніи его звѣздъ, я вопрошаю ихъ въ присутствіи повелителя. Съ этой цѣлью онъ призвалъ меня сюда.

— Все еще такое довѣріе, послѣ опыта съ Галломъ,—проворчалъ Эвзебій.

— Молчи!—гнѣвно крикнулъ на него Констанцій.—Люди—даже патриціи—лгутъ и обманываютъ: моя же супруга, Филиппъ и его звѣзды никогда не обманывали меня. Все сбывалось такъ, какъ онъ предсказывалъ заранѣе.

— Да, это необыкновенно умная голова,—замѣтилъ евнухъ.

— Филиппъ и его изреченія, повторявшіяся много разъ, убѣдили меня прекратить преслѣдованія мальчика.

— Но въ Галлѣ онъ однако ошибся.

— Нѣтъ, то была моя ошибка. Филиппъ совѣтовалъ только возвести въ санъ цезаря одного изъ моихъ двоюродныхъ братьевъ. Онъ не называлъ Галла, и послѣдствія показали, что я ошибся выборомъ. Филиппъ прочиталъ въ звѣздахъ, что судьба Юліана, его счастіе и блескъ самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ моимъ собственнымъ счастіемъ и блескомъ, а также со славою римскаго государства. Онъ предназначенъ къ тому, чтобы стать ко мнѣ еще ближе, чѣмъ его поставили рожденіе и мой первый бракъ. Храбрый полководецъ и мудрый

государственный человѣкъ дремлютъ въ этомъ мечтательномъ мыслителѣ, по указанію звѣздъ.

— Да,—съ жаромъ перебилъ Филиппъ,—еще болѣе того. звѣзды утверждаютъ, что этотъ юноша возвратитъ римскому государству потерянныя провинціи, покоритъ по ту сторону широкой рѣки, въ странѣ варваровъ, на половину неизвѣстные народы и совершитъ величайшій подвигъ. Онъ...

Императрица старалась умѣрить его пылъ предостерегающимъ взглядомъ: она замѣтила, какъ омрачились черты ея супруга, какъ грозно смотрѣлъ онъ на врача, превозносившаго Юліана, и закусывалъ нижнюю губу. Но предсказатель не замѣчалъ ничего. Подойдя къ черной доскѣ, онъ старательно прослѣживалъ указательнымъ пальцемъ многократно переплетавшуюся желтую линію.

— Юліанъ сдѣлается,—продолжалъ онъ,—послѣ императора и возлѣ него самымъ могущественнымъ человѣкомъ, преодолѣвъ передъ тѣмъ большую, страшную опасность. Когда его пошлютъ цезаремъ на борьбу съ врагами, то...

Констанцій торопливо подошелъ къ Эвзебію и шепнулъ ему:—Глупый звѣздочетъ! Ему не приходитъ въ голову, что каждымъ своимъ словомъ онъ только убѣждаетъ меня поступить наперекоръ его желаніямъ. Юліанъ находится въ дорогѣ сюда.

— Нѣтъ, не дай этого Богъ!—въ ужасѣ воскликнулъ Эвзебій.

— Позаботься, чтобы онъ не вышелъ живымъ изъ палаціума. Его мать тайно привезена въ Миланъ изъ Аквилеи, а сестра—изъ Сиракузъ; онѣ помѣщены въ Садовомъ дворцѣ, въ предмѣстьѣ города; я хотѣлъ полнаго примиренія, теперь же... послѣ этого пророчества! Какъ только падетъ голова Юліана, обѣ женщины будутъ снова разлучены и отправлены обратно въ ссылку.

Торжествующая улыбка освѣтила черты патриція, когда онъ отвѣшивалъ императору низкій поклонъ.

— Только я долженъ еще разъ самъ взглянуть на звѣзды,—продолжалъ Филиппъ и торопливо поднялся по лѣстницѣ на помостъ, достигавшій до самаго отверстія въ потолкѣ залы.

Напряженно слѣдили за нимъ три пары глазъ: онъ зорко, молча смотрѣлъ въ вышину и вдругъ воскликнулъ громкимъ

голосомъ:—О, горе, горе мнѣ! Что я надѣлалъ? Нѣтъ, мой императоръ, не поступай, не поступай такъ, какъ я тебѣ совѣтовалъ. Ахъ, я несчастный!—И онъ опустился съ болѣзненнымъ стономъ на колѣни.

— Говори. Я приказываю!—крикнулъ императоръ, быстро поднявшись по ступенямъ и принимаясь трясти его за плечи.—Признавайся, что̀ ты видѣлъ?

— Ахъ, если онъ отправится въ Галлію... ранняя смерть! Галлія будетъ вновь отвоевана имъ, но цезарь Юліанъ никогда... никогда не вернется болѣе оттуда. Ты никогда уже не увидишь его.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это правда?—допытывался Констанцій, жадно впиваясь глазами въ лицо астролога.

— Это также вѣрно, какъ то, что звѣзды стоятъ на небѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—ликовалъ августъ.—Цезарь никогда не вернется изъ Галліи? Отлично! Ну, такъ слушайте же, но пока молчите объ этомъ. Вотъ моя неизмѣнная воля:—Юліанъ возведенъ въ санъ цезаря и будетъ посланъ въ Галлію.

XIX.

Обширный садъ при палаціумѣ въ Миланѣ, живописно раскинувшійся по правому берегу рѣки, былъ бы гораздо красивѣе, еслибъ достигшая господства еще въ первое время императоровъ излишняя утонченность и чрезмѣрная искусственность во всемъ не подавляли здѣсь такъ сильно природу.

Деревья и кусты въ этомъ саду были изуродованы ножницами и представляли смѣшеніе всяческихъ невозможныхъ формъ: наряду съ геометрическими и астрологическими фигурами этихъ искалѣченныхъ растеній, тутъ появились въ послѣднія десятилѣтія разные христіанскіе символы: крестъ, терновый вѣнецъ, агнецъ, голубь, рыба. Дорожки были усыпаны пескомъ всевозможныхъ цвѣтовъ, кромѣ натуральнаго. Не смотря на позднюю осень—это было въ началѣ ноября—преобладавшія тамъ вѣчно зеленыя растенія напоминали лѣто. Въ самой глубинѣ сада, въ сторонѣ, противоположной дворцу, обширный гротъ осѣнялъ источникъ. Источникъ былъ искусственный—вода была проведена въ него изъ рѣчки—и гротъ также искусственный. Онъ состоялъ изъ всевозможныхъ разноцвѣтныхъ камней, никогда

не встрѣчающихся въ природѣ вмѣстѣ и поражавшихъ зрѣніе яркой пестротою красокъ. Аллея, которая вела сюда, была обсажена по обѣимъ сторонамъ живою изгородью изъ буксовъ, особенно безжалостно исковерканныхъ ножницами садовника въ интересахъ мнимаго искусства.

По этой аллеѣ прохаживались взадъ и впередъ два юныхъ созданія: молодая женщина и дѣвушка; обѣ онѣ были прекрасны, но ни та, ни другая не цвѣли здоровьемъ. На руку императрицы опиралась дѣвушка, немного моложе ея и еще болѣе хрупкая съ виду, чѣмъ сама супруга Констанція. На рѣсницахъ первой блестѣли слезы, когда она подняла глаза на государыню, которая была нѣсколько повыше ростомъ.

— Какъ ты добра, о, Эвзебія. Какою благодарностью пылаетъ къ тебѣ моя взволнованная душа! Ахъ, послѣ столькихъ превратностей, бросаемая туда и сюда въ роковомъ водоворотѣ этого двора, я нашла въ тебѣ единственное сердце, которое искренно любитъ сестру императора и которому она смѣетъ довѣриться.

— Непокорная! Вотъ какого ты мнѣнія о своемъ братѣ, моемъ супругѣ!—И молодая женщина улыбнулась, но то не была счастливая улыбка.

Дѣвушка остановилась.—О, дорогая, Констанцій... можетъ любить только себя; еслибъ было иначе, то прежде всего онъ питалъ бы любовь къ тебѣ. Но между тѣмъ...

— Онъ меня не любитъ,—договорила августа, спокойно направляясь далѣе.—Пожалуй, императоръ любилъ бы нашего ребенка, еслибъ небо даровало намъ его. Впрочемъ, кто знаетъ! — печально продолжала она, какъ будто про себя.—Дѣвочку онъ сталъ бы ненавидѣть, потому что она не наслѣдникъ, а мальчика именно за то, что онъ наслѣдникъ, будущій преемникъ, и можетъ сдѣлаться любимцемъ народа. Видишь, малютка: такъ какъ я сама никогда не наслаждалась счастьемъ въ любви и супружествѣ, то особенно радуюсь возможности доставить это счастье тебѣ, милая сестра.

— Какъ ты добра!

Наконецъ онѣ повернули къ гроту и сѣли на полукруглую скамью въ глубинѣ каменнаго свода.

— Видишь, Елена, — продолжала государыня, нѣжнымъ движеніемъ отбрасывая темнокаштановые волосы молодой дѣ-

вушки съ висковъ за изящныя ушки,—дорогая сестрица, мы съ тобою стали почти,—къ счастью, только «почти»!—родными сестрами въ нашемъ... въ нашемъ расположеніи къ одному человѣку.

— Какъ? О, Эвзебія! — воскликнула дѣвушка, вскакивая на ноги.

Но молодая женщина съ грустной улыбкой снова притянула ее на скамью и обняла рукою за плечи.

— Успокойся! Тутъ нѣтъ никакой опасности.

— Какъ же нѣтъ? Еслибъ только онъ подозрѣвалъ, что ты его любишь, ты, такая красавица!

— Но вѣдь я совсѣмъ его не люблю. А онъ? Онъ, конечно, даже не знаетъ о моемъ существованіи, и менѣе всего о томъ, что я его двоюродная сестра и... повелительница... Это происходило болѣе года тому назадъ, задолго до того, когда твой братъ, или скорѣе его любимцы, а не то, пожалуй, политика, заставили его призвать меня, несчастную, на свой тронъ, въ качествѣ преемницы своей первой супруги, сестры Юліана, скончавшейся еще раньше Константина Великаго. Въ то время, во мнѣ—я преспокойно жила въ родительскомъ домѣ въ Коринѳѣ—пробудилось стремленіе познакомиться съ эллинской литературой и философіей основательнѣе чѣмъ могли мнѣ ихъ преподать учителя, занимавшіеся со мною дома подъ строгимъ наблюденіемъ епископа, который приходился мнѣ двоюроднымъ дѣдомъ; пожалуй, они даже и знали не болѣе того, что преподавали. Мой дорогой отецъ... онъ дѣлалъ все, что прочитывалъ у меня въ глазахъ...

— Во этихъ прекрасныхъ глазахъ!

— Онъ старался со всею нѣжностью замѣнить мнѣ рано умершую мать, а потому исполнилъ даже это желаніе любимой дочери и привезъ меня въ Аѳины, гдѣ мы провели нѣсколько мѣсяцевъ въ домѣ одного родственника, учителя въ высшемъ учебномъ заведеніи. Я съ жадностью и восхищеніемъ поглощала все, что представлялось мнѣ тамъ поразительнаго по красотѣ или глубинѣ мысли. Отецъ радовался моему рвенію, и взялъ меня однажды съ собою въ аудиторію Адріана, гдѣ самые знаменитые философы читали лекціи, иногда также для женщинъ и дѣвушекъ. Но тутъ говорили не одни только учителя: часто они давали на обсужденіе своимъ наиболѣе выдающимся ученикамъ спорные вопросы; тогда молодые люди должны

были защищать свои мнѣнія на диспутахъ. Признаюсь тебѣ откровенно: сначала я понимала очень немногое, даже изъ устъ стариковъ. Пожалуй, оттого что недостаточно обращала на нихъ вниманіе, но одинъ изъ молодыхъ учениковъ...—она запнулась и слегка покраснѣла—собственно онъ не былъ красивъ, другіе рядомъ съ нимъ смотрѣли гораздо болѣе видными мужчинами, но ни у кого не было такихъ глубокихъ глазъ. А въ его голосѣ было столько чувства! Все, что онъ говорилъ, понравилось мнѣ, насколько я поняла его рѣчь. Однимъ словомъ, я его полюбила за его глаза, за голосъ, за благородную утонченную манеру и за воодушевленіе. Я не пропускала ни одного изъ его диспутовъ и часто потуплялась въ землю, чтобъ только прислушиваться къ его голосу. Часто погружала я взоръ въ его темные глаза — къ сожалѣнію, не обращая тогда вниманія на его ученыя рѣчи. Такъ продолжалось многіе мѣсяцы, но тутъ мой дорогой отецъ скончался и мнѣ внезапно приказали сдѣлаться супругою императора. Вѣдь нашъ родъ самый знаменитый, самый богатый и знатный въ Пелопонезѣ, гдѣ римское владычество не успѣло еще пустить глубокихъ корней. Я была принуждена повиноваться и покинула Аѳины. Того юношу я не видала болѣе ни разу. Его звали... Юліаномъ.

— А!

— Успокойся, повторяю тебѣ; это было самое невинное увлеченіе, никогда не переходившее въ желаніе, и Констанцій даже не догадывается...

— О, Боже! тогда Юліану не остаться бы въ живыхъ!

— И когда ты, невинное, ничего не подозрѣвавшее дитя—вѣдь ты не знаешь свѣта и этого ада—здѣшняго двора!—когда ты разсказала мнѣ съ трогательнымъ довѣріемъ,—какъ неизгладимо запечатлѣлся въ твоей душѣ образъ того незнакомца изъ рощи въ Мацеллумѣ, тогда я стала наводить справки и съ помощью преданнаго Филиппа и... еще одного друга—вскорѣ убѣдилась, что твой незнакомецъ никто иной, какъ мой... знакомый, двоюродный братъ императора, Юліанъ. Тутъ я дала себѣ клятву,—вѣдь и онъ, какъ ты думала и даже утверждала, смотрѣлъ на тебя глазами любви!—я поклялась сдѣлать счастливыми два юныхъ, безпомощныхъ существа, зависящихъ отъ страшной власти этого двора.—Дѣлать счастливыми другихъ, о, Елена, есть также счастіе своего рода.

— Для ангеловъ и святыхъ,—прошептала дѣвушка, цѣлуя тонкую, тревожно трепетавшую, руку подруги.

— И, дѣйствительно, мнѣ удалось разыграть отчасти роль ангела-хранителя для тебя и Юліана. Я разстроила тѣсный рядъ представлявшихся и угрожавшихъ тебѣ партій,—улыбнулась она.

— Благодарю! благодарю! Конечно, — разсмѣялась дѣвушка,—мои отказы много разъ сердили брата. Многократно надѣялся онъ сломить мою волю, удаляя меня въ видѣ наказанія отъ своего двора—который ты еще не украшала тогда своимъ присутствіемъ! Меня ссылали въ отдаленныя крѣпости, въ монастыри. Но, кромѣ меня, ты покровительствовала также и ему!

— Я одна не могла бы защитить его, но у Юліана есть двое друзей, которые не разъ выручали его еще раньше, какъ и теперь, до меня и безъ меня. Они недавно помогли мнѣ спасти юношу, когда, послѣ возстанія Галла, мечъ погибели висѣлъ на одномъ волоскѣ надъ его головою. Констанцій приказалъ увезти его прочь изъ Аѳинъ въ закрытыхъ черныхъ носилкахъ, которыя, какъ ты знаешь, смѣняются только саркофагами. Къ счастію Юліана, твой братъ не могъ на этотъ разъ послать съ подобнымъ порученіемъ Эвзебія. Тому надо было еще справиться съ Галломъ. Тѣмъ временемъ, ко двору пришло извѣстіе, что одна изъ провинцій, Галлія, жестоко терпитъ отъ варваровъ. Императоръ колебался во всѣ стороны. Онъ не зналъ, кого туда послать. Тогда мы съ однимъ изъ двоихъ друзей Юліана остановились на одной смѣлой мысли... Однако я не могу еще говорить объ этомъ подробнѣе; но юноша найдетъ здѣсь во дворцѣ совсѣмъ иное, вмѣсто угрожавшей ему гибели,—напримѣръ, тебя, прелестное дитя!

— Благодарю, благодарю! Скажи мнѣ однако—если можешь!—ты видала его только на короткое время и говорила съ нимъ?...

— Говорила? Никогда!

— Откуда же ты узнала о немъ такъ много?

— Я уже сказала тебѣ, что у него двое друзей.

— Здѣсь, при дворѣ?

— Да, одинъ. А другой—вдалекѣ.

— При дворѣ. Я догадываюсь: благороднѣйшій и мудрѣй-

шій... А другой вдалекѣ—одинъ изъ важныхъ сановниковъ провинціи?

— О, нѣтъ, онъ самый незначительный человѣкъ въ государствѣ. Это кающійся монахъ. Онъ много разсказывалъ мнѣ про Юліана, котораго зналъ съ дѣтства. И онъ любитъ его, какъ отецъ. А мой собственный славный, мужественный родитель защитилъ знакомаго ему монаха, когда тотъ и еще одинъ... въ ту кровавую ночь въ Никомедіи—императрица слегка содрогнулась—спасли немногихъ оставшихся въ живыхъ изъ дома Юліана... Монахъ—товарищъ молодости врача-астролога. Но что̀ именно съ самаго начала внушило имъ такую любовь къ Юліану, какъ и къ Галлу, я не могу объяснить. Здѣсь кроются какія-то неразгаданныя тайны. Однажды, когда я стала разспрашивать объ этомъ Іоанна, бѣдный пришелъ въ сильнѣйшее волненіе, слезы брызнули изъ его измученныхъ глазъ и онъ принялся заклинать меня никогда болѣе не возвращаться къ этому вопросу. Но ты—я готова почти завидовать тебѣ!—ты знаешь гораздо болѣе меня про Юліана черезъ его сестру, съ которой вы находились въ одномъ монастырѣ въ Малой Азіи, куда тебя сослали и гдѣ ты прожила цѣлые мѣсяцы какъ бы въ легкомъ заточеніи, въ наказаніе за свое упорство.

— Да, то было хорошее время; я отъ души полюбила прекрасную разсудительную Юліану; только она несравненно набожнѣе меня. Ея пламенная вѣра внушала мнѣ почтительное изумленіе. Въ то время я не подозрѣвала, что вскорѣ увижу ея брата, такъ горячо любимаго ею—хотя ихъ насильственно разлучили, когда они оба были еще дѣтьми. Случайно мнѣ привелось увидѣть даже обоихъ ея братьевъ. Сначала мы встрѣтились съ Галломъ, и тутъ я имѣла возможность обрадовать его извѣстіемъ, что его сестра еще жива. Потомъ я увидала самого Юліана въ Мацеллумѣ, гдѣ мнѣ было позволено отдохнуть нѣсколько недѣль на обратномъ пути ко двору, послѣ того какъ братъ простилъ мнѣ послѣднюю вспышку непокорности противъ него и послѣдній отказъ—персидскому принцу! Мои рабы, несшіе носилки, знали его и сказали мнѣ имя моего, на половину плѣннаго, двоюроднаго брата. Ахъ, Эвзебія! онъ не красавецъ—ты сама говоришь то же самое—но эти глаза! И этотъ лобъ! И благородство, чистота души въ этомъ чело-

вѣкѣ! Кто разъ увидѣлъ Юліана, тотъ никогда не забудетъ его черты.

— Ты права,—прошептала блѣдная молодая женщина, тихонько, но тяжело вздыхая.

— Какъ обрадуется Юліана, если мнѣ будетъ позволено видѣться съ нею здѣсь. Вѣдь ты сказала, что она ѣдетъ сюда. О, какъ прекрасно заживемъ мы тогда всѣ вмѣстѣ, втроемъ! Какіе годы радости предстоятъ намъ...

— Кто знаетъ,—серьезно произнесла молодая женщина,—я не думаю этого...

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что мы, или—вѣрнѣе—я, не должны разсчитывать на долгую будущность. Не всѣмъ слѣдуетъ желать долговѣчья. Впрочемъ, — прибавила она, принуждая себя къ веселости,—и въ такомъ случаѣ... кто знаетъ!—пожалуй, мы радуемся слишкомъ преждевременно, потому что дѣлаемъ разсчетъ безъ хозяина.

— Ты боишься, что... мой братъ?—онъ можетъ поколебаться? Его милость можетъ...

— Пожалуй и такъ, но есть еще другое... Онъ...

Она замолчала и серьезно задумалась.

— Что съ тобою, дорогая подруга? что ты отъ меня скрываешь?

— Въ настоящее время... я еще не могу... сказать тебѣ всего. Императоръ удержалъ меня сегодня ночью для тайной бесѣды вдвоемъ, послѣ того какъ отпустилъ обоихъ мужчинъ. Онъ довѣрилъ мнѣ еще другіе планы;—она замолчала, зорко всматриваясь въ лицо дѣвушки. «Она ничего не подозрѣваетъ», подумала императрица. «Смѣю ли я подать ей надежду, которая вознесетъ ее къ звѣздамъ, а потомъ, обманувъ несчастную, внезапно низвергнетъ оттуда»?

— О чемъ ты такъ серьезно задумалась, Эвзебія?

— Дитя мое,—заговорила та, проводя рукою по ея темнымъ волосамъ,—думаешь ли ты... ты говорила о взглядахъ любви, которые бросалъ на тебя Юліанъ, но думаешь ли ты... Съ тѣхъ поръ прошло больше года и онъ вступилъ въ свѣтъ. Ему приходилось видѣть такъ много другихъ...

— О, Эвзебія!—съ испугомъ воскликнула дѣвушка.

— Или если императоръ—тутъ она стала зорко наблюдать

за дѣйствіемъ своихъ словъ—поставитъ ему условіемъ помилованія—женитьбу на дѣвушкѣ изъ какого нибудь знатнаго дома? Полагаешь ли ты, что... Ну, что ему тогда дѣлать, по твоему?

— Взять ее въ супруги и забыть меня! Отдать меня на жертву вѣчной тоскѣ!—воскликнула Елена и съ громкимъ рыданіемъ бросилась на грудь пріятельницѣ.

Молодая женщина погладила ее по щекѣ, стараясь успокоить:

— Тише! успокойся, неразумное дитя. Вѣдь я не сомнѣваюсь въ его постоянствѣ.—«Значитъ, она такъ сильно любитъ Юліана»! подумала про себя императрица. «Ну, тѣмъ счастливѣе сдѣлаетъ она его. Стыдись, Эвзебія»!

XX.

Пріятельницы прекратили бесѣду, заслышавъ приближавшіеся шаги. Вслѣдъ затѣмъ, въ гротъ вошли рука объ руку Филиппъ и Іоаннъ, кающійся монахъ. Послѣ почтительнаго привѣтствія обѣимъ женщинамъ, врачъ заговорилъ:—Ты приказала мнѣ, августа, сообщать тебѣ обо всемъ, что я услышу о пріѣздѣ юноши, котораго мы приняли подъ свою защиту. Его ожидаютъ вскорѣ; нарочный, посланный впередъ стражемъ Юліана, только что доложилъ твоему супругу, что плѣнникъ—онъ все еще считается имъ—прибудетъ сюда передъ закатомъ солнца. Данъ приказъ немедленно привести его въ палаціумъ и представить императору. Не дальше какъ вчера, Юліана ожидало здѣсь...—горбунъ запнулся, недовѣрчиво взглянувъ искоса на Елену.

— Не безпокойся,—ободрила его Эвзебія со своею чарующей улыбкой.—Моя подруга посвящена въ тайну; она также и его пріятельница. Добро пожаловать, благочестивый отецъ! Что привело тебя сюда?—спросила она, повернувшись къ Іоанну.

— Какъ бывало часто и раньше: забота о немъ, о Юліанѣ, высокая госпожа. Я узналъ про гибель несчастнаго Галла въ Римѣ, гдѣ провелъ нѣсколько дней въ покаяніи, отдѣленный отъ цѣлаго міра, у гроба первоверховныхъ апостоловъ. У меня мелькнуло подозрѣніе, что этотъ ударъ долженъ поразить и брата, и я поспѣшилъ сюда къ давно испытанному совѣтнику

и спасителю, къ Филиппу, лучшему другу злополучнаго дома Юлія.

— Послѣ тебя, о Іоаннъ,—возразилъ тотъ.—Въ полномъ отчаяніи постучался ко мнѣ этотъ добрѣйшій человѣкъ часъ тому назадъ. Однако, мнѣ удалось его утѣшить.—И онъ ласково хлопнулъ монаха по плечу.

— Благодарю, благодарю васъ обоихъ, — сказала Елена, поочередно протягивая мужчинамъ руку.

Императрица поднялась съ мѣста и сказала:—Пройдемтесь немного вонъ подъ тѣми прекрасными кипарисами; вѣдь намъ нужно кое-что обсудить.—Она подозвала къ себѣ врача кивкомъ головы и пошла съ нимъ впереди остальныхъ.

— О, Филиппъ,—тихо заговорила Эвзебія,—у меня тяжело и грустно на сердцѣ! Хотя звѣзды и ты самъ спасли Юліана отъ близкой позорной смерти, но горе ему, если твое пророчество сбудется. Положимъ, оно—я хорошо это примѣтила—оно одно измѣнило планы моего супруга. Но—ахъ!—если мы пошлемъ его въ Галлію, то пошлемъ, какъ ты предвидишь заранѣе, на встрѣчу скорой смерти.

— Да, госпожа,—вздохнулъ Филиппъ,—это вѣрно, и это такъ случится. Но видишь, по моему мнѣнію о свѣтѣ и цѣнности жизни, такая участь—величайшее счастіе для него. Не потому только, что она одна вырвала его изъ рукъ палача, но я смотрю далѣе опасности нынѣшняго дня. Юный римлянинъ, потомокъ царскаго дома, благородный по образу мыслей, одаренный живымъ умомъ по свидѣтельству всѣхъ, кто его знаетъ, не будетъ ли онъ радоваться своей ранней смерти? И эта смерть будетъ геройской, послѣ того какъ онъ спасетъ отъ жестокой опасности римское государство, возвратитъ потерянную необходимую провинцію и покроетъ себя безсмертной славой. О, августа, я думаю, что ты раздѣляешь мое мнѣніе, да, вѣроятно,—нѣтъ навѣрное!—и онъ самъ; кого любятъ боги, тому они посылаютъ счастіе умереть въ красѣ юности. Юношею умеръ Ахиллесъ, юношею умеръ Александръ. Предоставимъ нашему любимцу прекрасную участь. Красота, ахъ, красота!—Онъ остановился и поднялъ восхищенный взоръ на молодую женщину, шедшую съ нимъ рядомъ.—О, Эвзебія, ты, окруженная волнами красоты, ты не знаешь, какъ горько безобразному быть лишеннымъ этого дара!

— Ну,—улубнулась та,—если для тебя это служитъ острымъ шипомъ, то я могу вырвать его изъ твоей болящей души. Правда, что твоя фигура...—искалѣчена... Но,—если тебѣ это пріятно слышать, тщеславный астрологъ,—твое лицо замѣчательно красиво; я любуюсь твоими глазами, похожими на звѣзды, и твоими благородными чертами, когда вижу ихъ передъ собою.

— Ты сострадательна, Эвзебія,—вздохнулъ горбунъ. — Но и твое состраданіе приноситъ отраду. Теперь съ того времени прошли многія десятилѣтія,—я давно отказался отъ всего,—но какъ жестоко страдалъ я нѣкогда черезъ свое убожество! Вѣдь и я былъ когда-то молодъ, Эвзебія, и горячо билось сердце въ моемъ изуродованномъ тѣлѣ. И быть принужденнымъ повторять себѣ: еслибъ кормилица не уронила тебя ребенкомъ на землю, ты могъ бы, не имѣя недостатка въ умѣ и силѣ, смѣло вступить въ борьбу со всѣми соперниками и соревнователями, чтобъ добиваться... высшей награды. Но въ такомъ видѣ, жалкій калѣка, ты долженъ стоять въ сторонѣ и смотрѣть безо всякой надежды, какъ другіе юноши окружаютъ поклоненіемъ прекрасное, благородное существо. О, я доходилъ до отчаянія!

Онъ остановился и тяжело вздохнулъ.

— Бѣдный другъ!—проговорила молодая женщина и тихонько положила руку на его сѣдые волосы.—Но кто же, кто была та женщина, къ которой ты до сихъ поръ сохранилъ такое горячее чувство? Жива ли она?

— Ахъ, я не знаю,—печально произнесъ тотъ.—Такъ много открываютъ мнѣ звѣзды, но объ ней онѣ молчатъ, какъ и люди. Она пропала безслѣдно, вотъ уже восемнадцать лѣтъ! Знай, благородная женщина,—да, ты должна это знать и убѣдиться, что моя любовь, моя заботливость о Юліанѣ проистекаютъ изъ одного себялюбія: Юліанъ—сынъ моей горячо любимой Ирены-Базилины.

— Бѣдный другъ, но какъ это случилось и какъ окончилось? Какъ вмѣшалось это въ твою жизнь?

— Въ мою и еще въ другую... Видишь ли ты его, идущаго по аллеѣ возлѣ насъ, рядомъ съ Еленой,—монаха, пустынника, кающагося Іоанна? Если онъ облеченъ въ монашескую одежду съ колючимъ поясомъ подвижника, то и это совершили звѣзды черезъ Ирену.

— Что я слышу?

— Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, жили въ Римѣ двое братьевъ изъ благороднаго дома Манлія, Маркъ и Кай; оба юноши, почти мои сверстники, были въ тѣсной дружбѣ со мною, какъ состояли и наши оба рода въ тѣсной дружбѣ съ благородными Фульвіями. Въ этой семьѣ была дочь, прекрасная и несравненная Ирена-Базилина. Ахъ, ея глаза! Подобныхъ имъ никогда не бывало на землѣ. То были глаза газели съ кроткимъ, влажнымъ взглядомъ. Всѣ мы, какъ и я—безнадежный калѣка,—какъ и мои оба друга, какъ и всѣ юноши въ Римѣ, воспылали любовью къ юной красавицѣ. Она же всѣхъ держала въ одинаковомъ холодномъ отдаленіи, не отличая ни одного отъ остальныхъ. Однажды вечеромъ Манліи пригласили меня и нѣкоторыхъ другихъ къ себѣ на пирушку. По приказанію Марка, необузданнаго, пылкаго младшаго брата, рабы стали обносить блюда, хотя Кай еще не являлся. Огневое сицилійское вино уже многократно обошло пирующихъ; Маркъ въ нетерпѣніи бранилъ брата, котораго все еще не было; съ досадой разсказывалъ онъ намъ, что Фульвій, отецъ, пригласилъ къ себѣ Кая—только безъ него!—погостить нѣсколько дней на свою виллу близь Тибура,—какъ вдругъ вошелъ тотъ, кого мы ждали, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ. Въ рукахъ у него была золотая пряжка и онъ воскликнулъ торжествующимъ тономъ:—Поздравьте меня, братъ и друзья! Подумайте только: на этихъ дняхъ, передъ моимъ отъѣздомъ отъ Фульвіевъ, я поднесъ восхитительной Иренѣ оду, гдѣ мною были воспѣты прелести прекрасной виллы, этого очаровательнаго произведенія Аніо, и мои строфы такъ понравились молодой дѣвушкѣ, что она, съ разрѣшенія матери, отстегнула вотъ эту пряжку отъ своего плаща и подарила мнѣ. Кто былъ когда нибудь такъ отличенъ ею? Я самый счастливый изъ людей.—Но ты сейчасъ перестанешь имъ быть!—воскликнулъ младшій братъ въ припадкѣ бѣшеной ревности; съ нечеловѣческой силой схватилъ онъ съ полу бронзовую амфору въ нѣсколько центнеровъ вѣсомъ, поднялъ ее обѣими руками къ верху и кинулся съ ней на брата, чтобы размозжить ему черепъ.

— Ужасно!

— Тотъ въ смертельномъ испугѣ схватилъ съ боковаго стола острый длинный ножъ, которымъ рабы разрѣзывали жар-

кое, и держалъ его передъ собою для защиты. Маркъ, ослѣпленный яростью, самъ наткнулся на ножъ. Клинокъ пронзилъ сердце, амфора выпала изъ рукъ нападающаго; громко вскрикнувъ, упалъ онъ на землю со страшными проклятіями брату, который былъ весь обрызганъ его кровью; умирающій еще разъ сжалъ кулакъ, угрожая ему, и тутъ же испустилъ духъ. Съ этого часа злополучный братоубійца—по неволѣ!—отрекся отъ свѣта, гдѣ онъ могъ достигнуть высшихъ степеней по своимъ талантамъ, образованію, красотѣ и происхожденію изъ знатнаго дома, обезпеченнаго большимъ богатствомъ: Константинъ Великій отличилъ его за храбрость въ войнѣ съ готами. Не простившись ни съ родителями, доведенными до отчаянія, ни со мною, ни съ любимой дѣвушкой, Кай Манлій исчезъ послѣ катастрофы, исчезъ безслѣдно на долгое, долгое время. Послѣ того, красавица Ирена—«прекрасные глаза», какъ прозвали ее въ цѣломъ Римѣ,—сдѣлалась супругой превосходнаго Юлія, благороднаго брата Константина Великаго. Юлій, мой всегдашній покровитель, настоялъ на томъ, чтобъ я сдѣлался врачемъ и ближайшимъ другомъ его дома. Такимъ образомъ, я имѣлъ случай часто видѣть нѣкогда любимую — ахъ, и до сихъ поръ еще любимую! — женщину. Мое слабое искусство должно было порою приносить пользу ей и ея близкимъ. Я сопровождалъ ее изъ Рима въ Никомедію, когда Константинъ назначилъ своего брата на высокій постъ въ томъ городѣ и въ той провинціи. Тутъ же, задолго до перемѣны монарха на тронѣ римской имперіи, въ мою дверь постучался монахъ-отшельникъ; я его не узналъ. Да и кто могъ бы узнать блестящаго, юношески-прекраснаго, веселаго свѣтскаго человѣка и храбраго воина Кая—въ ничтожномъ, согбенномъ смиреніемъ и раскаяніемъ инокѣ, почти старческаго вида, называвшемъ себя братомъ Іоанномъ? То было печальное превращеніе и въ умственномъ смыслѣ. Этотъ несчастный, болѣзненно раскаивавшійся, дошелъ не только до забвенія... нѣтъ, до невозможности и презрѣнія ко всякой мірской радости, даже къ мірской наукѣ и искусству, къ военному дѣлу и государственнымъ интересамъ. Все это стало у него грѣховнымъ, злымъ, бѣсовскимъ, или сдѣлалось въ его глазахъ опаснѣйшимъ искушеніемъ. Только самоотреченіе, покаяніе, умерщвленіе плоти, со-

крушеніе о грѣхахъ и любовь къ врагамъ стояли теперь на первомъ планѣ у бывшаго друга моей молодости. Говоря откровенно, я не приверженецъ господствующей теперь вѣры и многое въ братѣ Іоаннѣ кажется мнѣ ненормальнымъ. Однако несомнѣнно, что христіанская вѣра сотворила чудо съ этимъ страдальцемъ. Онъ кончилъ бы самоубійствомъ, безуміемъ, еслибъ его не вдохновило и не спасло ученіе, проповѣдующее высшее обузданіе страстей, всепрощающую любовь къ врагамъ, жизнь для другихъ. Послѣ энергичнаго сопротивленія, мнѣ удалось убѣдить набожнаго подвижника посѣтить вмѣстѣ со мною возлюбленную его юности, полюбоваться ея супружескимъ счастьемъ и цвѣтущими дѣтьми: двумя мальчиками и дѣвочкою. Я думаю, онъ уступилъ мнѣ изъ одного желанія заставить себя порадоваться ея счастью съ другимъ. И какъ искренно радовался онъ, какимъ преданнымъ, спасительнымъ другомъ выказалъ себя за всѣ эти годы! Въ эту убійственную ночь онъ ухаживалъ за больнымъ и, какъ намъ казалось, умирающимъ Галломъ. Совершенно такъ, какъ я, обязанный къ тому врачъ, Іоаннъ пренебрегалъ опасностью заразиться черной оспой. Когда же хозяинъ дома былъ умерщвленъ, а мать съ дѣтьми уцѣлѣли только случайно, это онъ спасъ всѣхъ четвертыхъ, жестоко рискуя собственной жизнью, потому что за укрывательство осужденныхъ каждому грозила смертная казнь.

— Однако спасти ихъ ему не удалось бы одному. Августъ говорилъ мнѣ, что въ то время ты самъ удержалъ его больше всѣхъ отъ дальнѣйшаго кровопролитія. Я думаю, что онъ въ душѣ благодаритъ тебя за это.

— Да, съ помощью твоего отца я проводилъ потерявшую сознаніе вдову Юлія въ домъ своей сестры, между тѣмъ какъ Іоаннъ скрылъ троихъ дѣтей въ пріютѣ базилики. Этимъ, по признанному теперь закону церкви, была, по крайней мѣрѣ, спасена жизнь невинныхъ дѣтей и выиграна трехдневная отсрочка, по истеченіи которой ужь не одна кровожадность какого-то Эвзебія господствовала надъ новымъ «повелителемъ». Хотя прибѣжище несчастныхъ было открыто шпіонами евнуха и, по окончаніи трехдневнаго срока защиты, Іоаннъ былъ принужденъ выдать спрятанныхъ настойчивымъ преторіанцамъ, но, по закону, по крайней мѣрѣ, ихъ жизнь была ограждена. Двое братьевъ и сестра были насильственно разлучены и ни одинъ

изъ нихъ цѣлые годы не зналъ, живы ли остальные. Даже государственнымъ и придворнымъ чинамъ не было извѣстно, гдѣ они находятся, какъ неизвѣстно до сихъ поръ и мѣсто ссылки несчастной матери; послѣдняя, когда меня потребовали во дворецъ, чтобы выслушать гнѣвный выговоръ отъ императора, который тутъ же конфисковалъ половину моего состоянія, была насильно вырвана центуріономъ изъ рукъ моей сестры и пропала безъ вѣсти съ того самаго дня. Видятъ ли еще свѣтъ звѣздъ эти дивныя очи?

Филиппъ умолкъ, подавленный волненіемъ, и его грудь высоко поднималась вылетавшимъ оттуда хриплымъ дыханіемъ.

Блѣдная молодая женщина взяла его за обѣ руки:

— Филиппъ, ахъ, ты такой именно человѣкъ, какимъ слѣдуетъ быть намъ всѣмъ, вѣруемъ ли мы во Христа или Юпитера. Но скажи, какъ ты могъ,—съ такою душою,—удержаться при этомъ дворѣ, гдѣ хозяйничаетъ Эвзебій со своими приспѣшниками?

— Твоему супругу показалась, что я необходимъ ему, какъ врачъ. Мнѣ удалось укрѣпить его дѣйствительно слабое здоровье, вылѣчить отъ многихъ опасныхъ болѣзней. Я обѣщалъ его великому отцу, покровителю и благодѣтелю нашей семьи,—онъ имѣлъ большое довѣріе къ моему врачебному искусству,—служить вѣрой и правдой его сыну. Вскорѣ Констанцій сталъ довѣрять не только моему знанію лѣчебныхъ средствъ, но также моему знакомству съ ученіемъ о звѣздахъ и гаданіямъ по нимъ. И такимъ образомъ я здѣсь остался, ради даннаго слова, а также находя полезнымъ, въ интересахъ любимаго мною римскаго государства, чтобы при здѣшнемъ дворѣ былъ человѣкъ, который всегда говоритъ правду.

— Императоръ выноситъ ее лишь отъ тебя и отъ меня.

— А, между тѣмъ, какъ слабо мое вліяніе на августа! Въ эти восемнадцать лѣтъ, не смотря на всѣ мольбы, мнѣ ни разу не удалось вывѣдать отъ него хоть что нибудь о мѣстопребываніи четырехъ безслѣдно исчезнувшихъ дорогихъ мнѣ людей. Я узналъ о нихъ кое-что лишь черезъ другихъ: черезъ монаха, неутомимо разыскивавшаго сосланныхъ по всѣмъ тремъ частямъ свѣта, и черезъ одного ученика по астрологіи, Лизія. Напрасно умолялъ я повелителя соединить вмѣстѣ еще оставшихся въ живыхъ, чтобы они могли легче переносить

свою участь... «И легче составлять сообща планы мщенія противъ меня»?—вотъ что я слышалъ отъ него всегда въ отвѣтъ. Живы ли еще мать и сестра Юліана?

— Сестра была жива еще недавно. Это я узнала вчера отъ Елены, которая встрѣтилась съ нею въ одномъ монастырѣ въ Малой Азіи.

— Благодареніе звѣздамъ! Но мать? Я долженъ заботиться о ней до послѣдняго моего издыханія. Не одна старая, никогда не угасавшая, любовь понуждаетъ меня къ тому, но также и торжественная клятва, которую мы съ Іоанномъ дали въ тотъ ужасный часъ надъ бездыханнымъ тѣломъ нашего умерщвленнаго друга—служить всю жизнь защитой и опорой его осиротѣвшей семьѣ. Но постой: Іоаннъ подаетъ мнѣ знакъ; ему пришла пора снова каяться; онъ сейчасъ пойдетъ въ базилику, чтобы тамъ, ужь не знаю, сколько разъ проползти на колѣняхъ вокругъ алтаря. Но, даже отвергая это ученіе въ общемъ и относясь къ новой вѣрѣ враждебно, невольно видишь чудеса, которыя творитъ оно, и они почти заставляютъ насъ вѣрить въ его божественность. Да и почему нѣтъ? Великая міровая душа живетъ въ насъ всѣхъ; почему же она не могла проявляться въ гораздо большей полнотѣ и благороднѣйшей непорочности въ томъ несравненномъ назареѣ? Платона называютъ божественнымъ; отчего же не назвать такъ Христа?

— О, замолчи, Филиппъ! Умоляю тебя, не нарушай мирнаго настроенія моихъ мыслей. Не буди во мнѣ сомнѣній, которыя я едва подавила. Я супруга Констанція—ахъ, такъ многое раздѣляетъ наши души!—пускай, по крайней мѣрѣ, между нами не будетъ религіозной розни. Ты же самъ... мнѣ кажется... мой мудрый другъ потерялъ всякую вѣру!

— Да, вѣру въ боговъ, старыхъ и новыхъ, и — въ чемъ еще печальнѣе сознаться, — также въ людей, особенно въ старыхъ.

— О, ты достоинъ сожалѣнія! Я не могла бы жить безъ вѣры. Безъ вѣры въ людей еще пожалуй; ахъ, только немногимъ вѣрю я съ тѣхъ поръ, какъ меня заставили сдѣлаться повелительницей. Но моя вѣра въ Бога! Видишь, Филиппъ, нашъ домъ давно принялъ ученіе христово, задолго до того, когда оно стало господствующимъ. Поэтому я твердо держусь этого ученія и священнаго образа Христа, хотя его церковь,—

въ чемъ я съ ужасомъ убѣждаюсь—утратила въ значительной степени свою первобытную чистоту, ставъ господствующей.

— Повидимому, она можетъ быть только преслѣдуемой или преслѣдовать сама.

— О, не говори такимъ образомъ! Я...

Старикъ взялъ ея тонкую, прозрачную руку и заговорилъ:— Благородная, добрая женщина! Благо тебѣ, что ты вѣруешь, что ты можешь вѣровать. Черезъ это твоя участь становится самою прекрасною и завидною. И никогда, никогда больше не позволю я себѣ будить сомнѣнія въ душѣ, гдѣ царитъ полный миръ, даруемый вѣрою: это было бы преступно. Вѣдь моя мудрость, которая меня удовлетворяетъ, за неимѣніемъ лучшаго, — горькая мудрость самоотреченія, — можетъ довести другую душу до полнаго отчаянія? — Онъ тяжело вздохнулъ и провелъ лѣвою рукою по лбу, бѣлому, какъ слоновая кость.

— Бѣдный другъ! — съ сожалѣніемъ произнесла молодая женщина, отвѣчая на его рукопожатіе,—не вѣрить ни во что! Вѣдь это должно отталкивать твое сердце ото всего.

— Напротивъ, я дѣйствительно вѣрю въ звѣзды и вѣрю, что онѣ вѣщаютъ правду тому, кто старается съ чистымъ сердцемъ проникнуть въ ихъ тайны.

— И это все? Ты не вѣришь въ благодѣтельное руководительство всеблагаго Провидѣнія?

— Дитя... высокая женщина, хотѣлъ я сказать, — оставимъ это!

— И ты не вѣришь также (я подозрѣваю, что тебѣ мѣшаетъ въ этомъ такъ часто встрѣчаемое нами на землѣ торжество зла надъ добромъ!) не вѣришь въ уравнивающую справедливость воздаянія послѣ смерти? Ты молчишь? Эта сила самоотреченія внушаетъ мнѣ жалость, но она полна величія.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ. — Я рѣшительно не могу сравняться въ ней съ другимъ,—да еще вдобавокъ съ юношей,—а что еще хуже—съ варваромъ!

Филиппъ немного задумался и потомъ продолжалъ:

— Подумай только: ко двору Константина Великаго былъ посланъ заложникомъ молодой германецъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ. Тотъ могущественный государь—онъ умѣлъ узнавать людей, надо отдать ему справедливость!—открылъ въ юношѣ

богатыя дарованія; онъ полюбилъ его и сталъ воспитывать вмѣстѣ съ сыновьями знатнѣйшихъ сенаторовъ. Въ Римѣ, въ Мемфисѣ, въ Аѳинахъ, въ Византіи, въ Никомедіи, юнаго германца посвятили во всю христіанскую, языческую и мистическую мудрость. Это продолжалось восемнадцать лѣтъ. Потомъ онъ снова прибылъ ко двору, гдѣ я близко сошелся съ нимъ, уже зрѣлымъ мужчиной, а недавно его отпустили обратно домой. Это самый замѣчательный изъ видѣнныхъ мною людей.

— Чѣмъ?

— Да подумай только! Я вѣрю еще въ звѣзды. Безъ этаго отраднаго утѣшенія мнѣ бы не выдержать. А тотъ германецъ говорилъ, когда мы прощались послѣ многихъ долгихъ ночей борьбы въ діалектикѣ: «Итакъ, ты видишь, дорогой учитель, что я долженъ отказаться также и отъ твоего утѣшенія. Я не вѣрю даже въ звѣзды».—Несчастный!—воскликнулъ я тогда.—Во что же ты вѣришь?—Въ необходимость. Въ мой народъ и въ мой мечъ — отвѣчалъ онъ, подалъ мнѣ руку и ушелъ. Съ тѣхъ поръ мы не видались. Хотѣлъ бы я узнать, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Не сломила ли жизнь его гордаго геройскаго духа, который опирается только на себя, не зная другой поддержки?

— Благо твоему молодому другу, что онъ не говорилъ ничего подобнаго другимъ при этомъ дворѣ. Не знаю, что̀ съ нимъ тогда бы случилось.

— Да, твой супругъ такъ ревностно заботится о душевномъ спасеніи своихъ подданныхъ, что изъ-за этого не слышитъ самыхъ отчаянныхъ жалобъ народа на свое—правда, только пожизненное—бѣдствіе подъ его управленіемъ. И еслибъ онъ, по крайней мѣрѣ, въ точности убѣдился наконецъ въ томъ, какое вѣроисповѣданіе христіанства истинно и непреложно: каѳолическое или аріанское? Вѣдь и меня онъ мучилъ этими вопросами. Однако я грубо отвѣтилъ, чтобъ онъ оставилъ въ покоѣ своего астролога и его звѣзды; мы ничего не смыслимъ въ тонкостяхъ богословія.

— Признаюсь, и я тоже, — улыбнулась блѣдная красавица.

— Погоди, тебѣ еще придется познакомиться съ этимъ, бѣдная дочь моя... благородная августа, хотѣлъ я сказать. И, на свою бѣду, твой господинъ въ послѣднее время болѣе скло-

няется на сторону аріанскаго ученія . вмѣсто единственно спасительнаго каѳолическаго. Мнѣ все это вполнѣ безразлично, какъ тебѣ извѣстно.

— Однако...

— Ну?

— Далеко, въ Александріи, живетъ одинъ человѣкъ—я хорошо знаю его уже двадцать лѣтъ;—онъ съ самымъ святымъ убѣжденіемъ защищаетъ каѳолическое ученіе. Если Константій затѣетъ серьезную распрю съ нимъ,—а онъ ужь отчасти приступилъ къ этому!—то твой супругъ пропалъ. Для предсказанія такого исхода, мнѣ не надо вопрошать звѣзды.

— А какъ зовутъ того человѣка, обладающаго такимъ могуществомъ?

— Аѳанасіемъ, Безсмертнымъ. Запомни это имя, потому что въ самомъ дѣлѣ ему предстоитъ безсмертіе. Однако Іоаннъ киваетъ мнѣ; я иду. До свиданія, добрѣйшая изъ женщинъ.

XXI.

Солнце склонилось къ закату, заливая красноватыми лучами равнину отдаленнаго По. Утопая въ пурпурѣ, сіяли башни и зубчатыя стѣны Милана. Небольшой отрядъ всадниковъ, армянскихъ наемныхъ солдатъ, остановился передъ юго-восточными воротами города, называвшимся «Порта Римина». Пока предводитель отряда переговаривался съ поставленнымъ у воротъ карауломъ, одинъ невооруженный всадникъ—только вмѣсто дорожной шляпы на немъ былъ шлемъ—подъѣхалъ къ полуоткрытымъ чернымъ носилкамъ, помѣщавшимся въ центрѣ кортежа.

— Вотъ, Юліанъ, мы и у цѣли! — воскликнулъ онъ. То былъ статный юноша, съ виду немного старше плѣнника.— Взгляни: тамъ впереди тебя привѣтствуютъ башни и куполы Милана.

— Они посылаютъ мнѣ кровавый привѣтъ,—возразилъ тотъ, высовывая голову изъ окна носилокъ.—Конечно, въ послѣдній разъ я вижу, какъ разстается съ землею прекраснѣйшій изъ боговъ. И намъ предстоитъ также проститься, мой Іовіанъ. Какъ отблагодарить мнѣ тебя за твою дружбу, за твою муже-

ственную вѣрность! Почти насильно добился ты права проводить меня сюда изъ Аѳинъ, послѣ того какъ я былъ схваченъ и оторванъ отъ науки въ самомъ разгарѣ нашихъ занятій стратегіею. Теперь твоя будущая карьера испорчена. Ты сталъ подозрительнымъ лицомъ для августа. Вернись обратно, по крайней мѣрѣ, теперь: не вступай добровольно въ это логовище...

— Ужь, конечно, ты не хочешь сказать: «въ логовище льва». Гдѣ жь бы тогда было львиное мужество и великодушіе? Небо не наградило меня ни малѣйшей частицей твоего ума, но ты долженъ убѣдиться, что еще существуютъ вѣрныя сердца и святость древне-римской дружбы. Ворота отворяются. Скорѣе впередъ!

Онъ пришпорилъ коня и въѣхалъ вслѣдъ за начальникомъ отряда на подъемный мостъ. Носилки слѣдовали за ними.

— Какъ это сказано въ драмѣ: «Эвридика?» — говорилъ Юліанъ:

Скрипя, смыкаются за мной врата гадѣса,
Но и въ гадесѣ правятъ нами боги.

— Недурные стихи и недурное утѣшеніе!

Въ то же время императоръ прохаживался торопливыми, неровными шагами по своей комнатѣ.—Теперь, теперь онъ въѣзжаетъ сюда. Теперь онъ у меня въ рукахъ!—говорилъ Констанцій.—Кто знаетъ, не благоразумные ли было бы сдѣлать навсегда безвреднымъ мстителя. Конечно: и эта Галлія, и варвары, и Филиппъ со своими звѣздами! Во всякомъ случаѣ я окончательно рѣшусь, только увидавъ мальчика въ лицо. И его вѣрность будетъ обезпечена заложницами, близкими его сердцу. Вѣдь онѣ уже здѣсь?

Императоръ подошелъ къ порогу своей комнаты. Тутъ, вмѣсто исполинскаго аламана, караулилъ негръ изъ Ливійской пустыни. Онъ сидѣлъ на корточкахъ и молился изображенію идола, нарисованному на страусовомъ яйцѣ. Вся его одежда состояла изъ красной опояски вокругъ бедръ, а за поясомъ у негра былъ заткнутъ длинный отточенный ножъ.

Черты Констанція омрачились при видѣ этого человѣка.

— Ахъ, сегодня черная собака вмѣсто бѣлой? Гмъ! да.

Германца Эвзебій отдалъ въ руки палача.—Онъ кивнулъ негру. Тотъ вскочилъ и скрестилъ руки на обнаженной груди.

— Тѣ двѣ женщины... Онѣ ужь прибыли сюда?—спросилъ августъ.

— Еще сегодня поутру, великій повелитель земли.

— И помѣщены отдѣльно?

— Какъ ты приказалъ. Старшая, привезенная изъ Аквилеи, помѣщена въ термахъ Діоклетіана; молодая, изъ Сиракузъ—въ саду твоей виллы на Ламбрусѣ.

— Хорошо. Если я прикажу арестовать человѣка, котораго теперь ожидаю, то обѣ женщины будутъ немедленно возвращены въ ссылку; въ противномъ случаѣ ты распорядишься доставить ихъ сюда во дворецъ, но только въ комнаты моей супруги. Вотъ стучитъ серебряный молотокъ въ прихожей. Мой двоюродный братъ пріѣхалъ. Обыщи его одежду: онъ опасенъ—слышишь ты?—очень опасенъ. Самаго малѣйшаго ножичка и ничего остраго не долженъ оставлять ты на немъ. Ступай ему навстрѣчу...

Вскорѣ плѣнный стоялъ противъ императора. Юліанъ остановился у самаго порога, Констанцій сѣлъ на возвышенное сѣдалище; комната была ярко освѣщена, какъ днемъ, многочисленными лампами на высокихъ канделябрахъ, гдѣ горѣло душистое масло. «Такъ вотъ носитель великолѣпія римскаго государства, — подумалъ про себя Юліанъ.—Ну, оно ему не по плечу»!—«Этотъ блѣдный мальчикъ съ задумчивыми глазами вовсе не опасенъ»,—соображалъ тѣмъ временемъ Констанцій.

Послѣ довольно долгаго молчанія, императоръ наконецъ спросилъ:

— Что ожидалъ ты здѣсь найти, двоюродный братъ мой, Юліанъ?

— Смерть.

— Развѣ ты ее заслужилъ?

— Также мало, какъ и мой отецъ.

— Ну, а братъ твой? Развѣ онъ не заслуживалъ казни?

— Къ сожалѣнію, да.

— Вотъ это «да» мнѣ нравится. Еслибъ я заботился только о своей личной безопасности, у тебя была бы причина бояться. Но я отвѣчаю передъ Богомъ—тутъ онъ сотворилъ крестное

знаменіе—за это государство римлянъ. Ты мнѣ нуженъ, т. е. не мнѣ собственно, а скорѣе римскому государству. Желаешь ли ты служить ему?

— Да, вѣрой и правдой до самой смерти.

— Ну, а мнѣ ты также согласенъ вѣрою служить?

— Государству и тебѣ.

— Это мнѣ нравится, двоюродный братъ мой. («Онъ простъ, какъ ребенокъ», подумалъ съ успокоеніемъ Констанцій). Слушай. Мнѣ нуженъ намѣстникъ въ совѣтѣ и на полѣ брани. Намѣстники, не родственные государю, опасны; мы уже испытали это! Вотъ почему я избралъ твоего брата; мы видѣли, къ чему привелъ мой выборъ. Если же я теперь довѣрюсь тебѣ,—злоупотребишь ли ты, какъ онъ, моимъ довѣріемъ?

— Нѣтъ.

— Хорошо. Сдѣлаемъ опытъ съ тобою. Галлія въ большой опасности: четыре... пять ея городовъ перешли въ руки германцевъ.

— О, позоръ и стыдъ!

— Гмъ! и этотъ благородный гнѣвъ нравится мнѣ. («Вотъ еслибъ я могъ также глупо воспламеняться»!—прибавилъ онъ про себя). Согласенъ ли ты выступить въ походъ, чтобы сохранить Галлію римскому государству?

Юноша, въ пылу одушевленія, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.—Я?!..—воскликнулъ онъ.

— Оставайся, оставайся тамъ, гдѣ ты стоишь. Не смѣй приближаться! Итакъ, согласенъ ли ты?

Блѣдное лицо Юліана вспыхнуло яркимъ румянцемъ, когда онъ нерѣшительно отвѣчалъ:—Я?—Я не полководецъ!

— Ахъ,—небрежно замѣтилъ Констанцій.—Я вижу, ты боишься германцевъ.

— Клянусь Геліосомъ, нѣтъ.

— Кѣмъ... кѣмъ ты клянешься, несчастный?!—вскрикнулъ императоръ, вскакивая съ мѣста.

— Прости—геніемъ Рима!

— Все еще слишкомъ языческая клятва! Итакъ, ты хочешь!...

— Я... я не знаю, что смогу сдѣлать. Но употреблю всѣ силы... Для меня нѣтъ ничего выше государства римлянъ и его блага,—въ этомъ ты можешь быть увѣренъ.

Лицо юноши изумительно похорошѣло и преобразилось; его темные глаза заблестѣли.

— Поклянись мнѣ не уходить изъ Галліи, пока тамъ останется хоть одинъ непобѣжденный варваръ.

— Клянусь.

— Хорошо. Я вѣрю тебѣ, Юліанъ. («Мальчикъ — совершенный мечтатель, съ головы до пятъ»!) Но твоего слова мнѣ мало; я съумѣю связать тебя. Что ты знаешь о... своей матери... о своей сестрѣ?

Юліанъ вскипѣлъ негодованіемъ:—Безчеловѣчно съ твоей стороны задавать мнѣ такой вопросъ.

Императоръ съ довольнымъ видомъ кивнулъ головою.

— Гмъ! значитъ, ты горячо ихъ любишь... ихъ... или ихъ память. Ну, такъ узнай: твоя сестра жива.

— Я слышалъ о томъ.

— Вотъ какъ!.. Ну, и мать твоя также.

— Благодарю, о, Констанцій! Какая милость! Какая доброта!—И растроганный юноша бросился на колѣни; слезы брызнули изъ его глазъ.

— («Онъ плачетъ—онъ совсѣмъ не опасенъ»!) Мало того: я велѣлъ доставить ихъ сюда обѣихъ изъ... изъ ихъ мѣстопребыванія. Онѣ здѣсь.

— Здѣсь? Я могу ихъ видѣть? О, Констанцій! Дозволь мнѣ...

— Конечно. Свиданіе съ ними и свобода всѣхъ васъ троихъ будутъ цѣною обязательствъ, которыя ты на себя возьмешь. Ты отправишься въ Галлію, какъ только я прикажу.

— Съ радостью!

— Ты долженъ отнять эту провинцію у варваровъ съ тѣми средствами, которыя тамъ найдешь.

— Государь, какія же это средства? Сколько легіоновъ, какія денежныя суммы, какіе запасы будутъ въ моемъ распоряженіи? Какіе города потеряны, какіе еще въ нашихъ рукахъ?

— Гмъ! очень не нравятся мнѣ эти вопросы! Какъ? Ты ужь хочешь торговаться, ставить условія? Не раскаиваешься ли ты въ своемъ: «да»?

— И не думаю. Но, главное, Кёльнъ, — Кёльнъ еще не палъ? Еслибъ было такъ... я не могъ бы взять на себя того, что ты предлагаешь. Настолько я уже познакомился съ веденіемъ войны въ Галліи. Въ какомъ положеніи Кёльнъ?

Констанцій сдѣлалъ видъ, что не слышитъ вопроса; онъ съ неудовольствіемъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ.

Однако Юліанъ настаивалъ на своемъ:—Вѣдь Кёльнъ еще нашъ?

— Да, да, конечно!—сердито прикрикнулъ на него августъ.—Я пошелъ бы туда и самъ: отвоевать Галлію — пустое дѣло. Только меня, а со мной и всѣ военныя силы на Рейнѣ призываютъ сарматы на Истеръ, а персы—на Евфратъ. Ни единаго солдата, кромѣ стоящихъ теперь въ Галліи, не долженъ ты требовать отъ меня. Хочешь ли ты спасти, при помощи ихъ, Галлію или навсегда уступить ее варварамъ?

— Ни за что! И чѣмъ, наконецъ, я рискую? Моею жизнью? Она принадлежитъ государству. Моимъ именемъ, моей славой полководца? Ахъ, тутъ мнѣ нечего терять. Моимъ тщеславіемъ? Лишиться его было бы выгодой. Пускай же будетъ такъ! Я согласенъ.

— Отлично. Но не только какъ полководецъ нуженъ ты мнѣ въ Галліи, но также и какъ правитель. Если опустошенная провинція будетъ отнята у варваровъ, ее слѣдуетъ сдѣлать вновь обитаемой. Ты долженъ стать цезаремъ.

«Подобно Галлу»,—подумалъ Юліанъ.

— «Подобно Галлу»,—думаешь ты про себя въ настоящую минуту? Совершенно вѣрно. Пусть его окровавленная тѣнь послужитъ тебѣ предостереженіемъ. Оставайся мнѣ вѣренъ. Помни, — тутъ императоръ подошелъ къ нему вплотную и посмотрѣлъ прямо въ лицо двоюродному брату своимъ угрожающимъ, жестокимъ взглядомъ: — помни хорошенько, что твоя мать и сестра въ моихъ рукахъ... драгоцѣнныя заложницы!

Онъ скрылся за занавѣсомъ и кивнулъ негру.

— Позови женщинъ, ожидающихъ на улицѣ.

Юліанъ встрепенулся.

— Ты, ты... страшенъ, императоръ!

— Не позабывай этого никогда! Страха передъ императоромъ,—насмѣшливо произнесъ онъ.—И выслушай еще одно. Въ лицѣ новаго цезаря жители провинціи должны почитать только человѣка, близкаго императору. Хотя ты мой двоюродный братъ, однако этого еще недостаточно. Ты былъ моимъ

зятемъ, но смерть давно порвала эти узы родства. Они должны быть снова заключены. Моя сестра сдѣлается твоею супругою.

Юліанъ вздрогнулъ:—Нѣтъ, о, нѣтъ. Никогда!

— Нѣтъ?—гнѣвно прошипѣлъ сквозь зубы Константій.—И ты осмѣливаешься говорить мнѣ такимъ образомъ? Да ты съ ума сошелъ? Величайшая честь въ мірѣ! Одно мановеніе вотъ этой руки—и твоя голова украситъ зубцы здѣшней крѣпости. А у тебя поворачивается языкъ...

Юліанъ даже не слыхалъ этихъ угрозъ.

Онъ закрылъ глаза и вызвалъ передъ собою дѣвическій образъ, спавшій въ его душѣ какъ бы подъ серебристою дымкою. «Елена — говорилъ онъ про себя. — Елена! Могу ли я? Тебя люблю я и никогда не любилъ другой. Могу ли я, съ этой любовью въ сердцѣ, сдѣлаться мужемъ иной женщины? Мнѣ пришлось бы ей сказать, что только интересы государства... Но нѣтъ, нѣтъ! Между любовью и бракомъ не должно быть никакого разногласія. Помоги мнѣ, Геліосъ, мое божество! Никакой фальши! Лучше умереть, чѣмъ лгать сердцемъ».—Нѣтъ,—громко проговорилъ онъ, очнувшись отъ своей задумчивости.

— «Нѣтъ»,—осмѣливаешься ты мнѣ сказать?.. Несчастный, тогда пусть совершится... Молчи!.. Вотъ... вотъ и онѣ.

Юліанъ не двигался. Повѣсивъ голову на грудь, стоялъ онъ, не шевелясь, съ потупленными въ землю глазами.

— Значитъ, вы,—благодареніе Господу,—сговорились между собою?—спросилъ чей-то кроткій голосъ.

Императрица радостно порхнула въ комнату.

— Нѣтъ, повидимому, я ошиблась? Августъ гнѣвается! Какъ мрачны его черты! Помоги, о, помоги мнѣ, Елена, умилостивить его.

При имени Елены, Юліанъ встрепенулся. Онъ повернулъ голову и увидалъ обѣихъ женщинъ. Дрожь пробѣжала у него по тѣлу, кровь бросилась въ лицо. Юноша покачнулся и оперся на одну изъ колоннъ, на которой стоялъ бюстъ Константина.

— Клянусь... клянусь всѣми богами! О, императоръ, скажи, которая... которая изъ двухъ твоя сестра?

Прежде, чѣмъ Констанцій успѣлъ отвѣтить, Эвзебія схватила молодую дѣвушку за руку и быстро подвела ее къ юношѣ.

— Вотъ она,—произнесла императрица съ печальной улыб-

кой, но и съ чарующей прелестью.—Не бойся, что тебѣ предложатъ другую. Это твоя невѣста, Юліанъ. Желаешь ли ты сдѣлаться зятемъ императора?

— И... и...—стыдливо улыбнулась дѣвушка,—моимъ супругомъ?

Юліанъ преклонилъ колѣни передъ обѣими женщинами.

— О, Елена!—воскликнулъ онъ.—Да, Богъ, великій Богъ творитъ еще чудеса.

XXII.

Повелитель былъ, конечно, въ высшей степени изумленъ такимъ внезапнымъ оборотомъ дѣла; въ немъ невольно пробудилось недовѣріе, когда онъ узналъ, что молодые люди, предназначенные другъ другу, еще раньше познакомились между собою; такое неожиданное открытіе снова подстрекнуло болѣзненную подозрительность августа.

Однако, его супруга напомнила ему, что мысль о союзѣ Юліана съ Еленой явилась у него сама по себѣ, безо всякихъ внушеній со стороны астролога. Тогда онъ успокоился и разрѣшилъ, чтобы свиданіе двоюроднаго брата съ матерью и сестрою состоялось въ тотъ же вечеръ.

Новому цезарю былъ отведенъ цѣлый флигель дворца; Констанцій самъ провожалъ его туда съ супругой и невѣстой. Когда они проходили по четырехъугольному промежуточному двору, юноша увидалъ шестерыхъ стражниковъ, которые вели арестованнаго человѣка исполинскаго роста; свѣтъ смоляныхъ факеловъ падалъ на его рыжевато-бѣлокурую лохматую голову.

— Берунгъ!—воскликнулъ Юліанъ, останавливаясь въ невольномъ изумленіи.—Другъ Берунгъ! Куда это ты идешь?

— А куда мнѣ приходилось нѣкогда провожать тебя самого: на смерть. Прощай.

— Твой другъ?—крайне подозрительно спросилъ августъ.—Германскій медвѣдь!

— Онъ былъ очень добръ ко мнѣ по дорогѣ изъ Мацеллума. Въ чемъ заключается его вина?

— Онъ отказался отъ службы по истеченіи срока найма и потомъ сказалъ въ пьяномъ видѣ,—шпіоны передали это начальнику моей охранительной стражи, — что охотнѣе станетъ

жить между медвѣдями въ лѣсахъ по берегамъ Неккара, чѣмъ между лисицъ въ этомъ дворцѣ.

Юліанъ улыбнулся.

— И за это умирать? Вѣдь въ винѣ правда.

Эвзебія испугалась:—Боже! Какая смѣлость рѣчи. Сейчасъ видно, что юный философъ не живалъ при дворѣ.

Констанцій смѣрилъ смѣльчака крайне удивленнымъ взглядомъ.—Это оскорбленіе величества, о, цезарь,—сказалъ онъ по гречески.—Но правда? Посмотримъ, въ самомъ ли дѣлѣ правдивъ нашъ германецъ. Берегись, чтобъ онъ не солгалъ сію же минуту ради спасенія жизни. Говори, — началъ снова императоръ по латыни, — можетъ быть, тебѣ еще удастся спасти свою шею:—подъ лисицами во дворцѣ ты подразумѣвалъ, конечно, только моихъ слугъ, а не меня самого?

— Прежде всего, тебя, государь.

Констанцій окаменѣлъ отъ изумленія: онъ очевидно боролся съ собою.

— Вотъ настоящее мужество! О, императоръ! — воскликнулъ тутъ Юліанъ,—исполни первую просьбу твоего цезаря: подари мнѣ эту обреченную жизнь!

— Согласенъ,—отвѣчалъ Констанцій, направляясь далѣе,— возьми съ собой этого молодца къ медвѣдямъ. Навѣрно онъ сдѣлается ихъ добычей.—Августъ подалъ знакъ; стража освободила плѣнника отъ цѣпей.

— Видишь,—тихонько сказалъ ему Юліанъ, когда тотъ подошелъ къ нему и протянулъ въ знакъ благодарности руку,— видишь, и тебя спасъ мой богъ. Помнишь ли ты, какъ его зовутъ?

— Воданомъ, правителемъ вселенной.

— Неисправимый!—разсмѣялся юноша и поспѣшилъ догнать обѣихъ женщинъ.

Констанцій избѣгалъ присутствовать при первомъ свиданіи Юліана съ родными, однако позволилъ позвать во дворецъ вѣрнаго Іовіана, со страхомъ ожидавшаго у наружныхъ воротъ рѣшенія участи своего друга, а также пригласилъ, по желанію императрицы, монаха Іоанна и Филиппа. Распорядившись такимъ образомъ, Констанцій вернулся въ свои покои, чтобы проститься съ Эвзебіемъ, который выхлопоталъ себѣ отпускъ

на неопредѣленный срокъ, «ради поправленія своего здоровья, разстатаннаго за послѣднее время различными волненіями», какъ говорилось въ поданной имъ просьбѣ.

Обѣ женщины и двое покровителей объяснили теперь Юліану, все еще не приходившему въ себя отъ изумленія, загадочныя обстоятельства, вызвавшія такія внезапныя перемѣны. Императрица съ астрологомъ, конечно, скрыли отъ счастливой влюбленной четы и даже отъ Іовіана, что только предсказаніе о ранней смерти новаго цезаря въ отвоеванной имъ Галліи заставило рѣшиться колебавшагося императора послать туда полководцемъ и намѣстникомъ своего двоюроднаго брата, отмѣнивъ его казнь.

Монахъ Іоаннъ, скромно державшійся въ сторонѣ и только изрѣдка вставлявшій слово въ общую оживленную бесѣду, воспользовался перерывомъ разговора, взялъ Юліана за руку и заговорилъ, устремивъ на него любящій взглядъ, проникавшій въ самую душу:

— Съ твоей стороны очень благородно, что ты, возлюбленный сынъ, съумѣлъ побѣдить себя и рѣшаешься служить человѣку, пролившему кровь твоихъ близкихъ. Видишь ли: этимъ ты исполняешь заповѣдь божію: «платите добромъ за зло»! Ты оказываешься истиннымъ христіаниномъ на дѣлѣ и зато тебѣ простятся нѣкоторыя колебанія твоей вѣры. Я очень боюсь, что ты—ученикъ Лизія и Максима—сомнѣваешься отчасти во многомъ.

По губамъ Юліана пробѣжала легкая усмѣшка.—Да, отецъ мой Іоаннъ, я также думаю, что сомнѣваюсь и не заслужилъ твоей похвалы. Ни въ какомъ случаѣ не христіанинъ, а римлянинъ побѣдилъ во мнѣ отвращеніе передъ службой этому... августу. Онъ побѣдилъ также тоску по рощамъ и заламъ академіи, по учителямъ, живущимъ въ Никомедіи и на Иллиссосѣ, стремленіе къ папирусными свиткамъ въ библіотекахъ, потому что кто прикоснулся губами къ кубку мудрости,—хотя, подобно мнѣ, лишь къ самому краю этого кубка,—того томитъ жажда еще бо̀льшаго знанія. Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ еще изучить и разслѣдовать! А между тѣмъ звукъ военной трубы зоветъ меня на поле брани, въ сожженные города, на встрѣчу варварскимъ копьямъ. Кто знаетъ, буду ли я когда нибудь имѣть досугъ, чтобы слушать лекціи Максима и Либанія?

— Ну, я полагаю,—съ улыбкой возразилъ Іовіанъ,—что у тебя тутъ не было выбора. Ты могъ отправиться отъ императора только въ Галлію или на эшафотъ, а ужь никакъ не обратно въ Аѳины. Да и довольно ужь тебѣ возиться съ ученьемъ, Юліанъ; теперь настала пора отличиться, командуя войскомъ.—И прекрасное лицо молодого человѣка просіяло при этихъ словахъ.

Юліанъ обнялъ его: — Благодарю, мой Іовіанъ; ты мой добрый геній! Сами боги—не выдавай меня, Іоаннъ!—возвѣстили мнѣ о томъ. Выслушайте меня, благородныя женщины! Въ послѣднюю ночь я метался туда и сюда въ тѣсныхъ носилкахъ, не находя сна. Меня не покидала мысль о томъ, что будетъ со мною, если я останусь въ живыхъ. Сердце неудержимо влекло меня обратно къ любимымъ учителямъ, къ любимымъ книгамъ. Лишь передъ самымъ восходомъ солнца я наконецъ заснулъ и тутъ мнѣ приснился сонъ, какъ разъ въ то время, когда сны бываютъ самыми вѣрными...

— Возлюбленный сынъ мой о Христѣ,—жалобнымъ тономъ перебилъ Іоаннъ,—вѣдь все это одно языческое суевѣріе.

— О всѣхъ богахъ («что гораздо больше!») возлюбленный отецъ мой,—съ улыбкой возразилъ Юліанъ.—А какъ же тотъ прославленный еврейскій юноша, который такъ сильно понравился женѣ Пентефрія, предсказалъ такія важныя событія фараону на основаніи его сновъ о тучныхъ и тощихъ коровахъ? Развѣ Іегова—не Богъ-Отецъ? Ты молчишь? Маленькая шутка простительна мнѣ; она служитъ порою единственнымъ утѣшеніемъ при такой массѣ вынужденнаго лицемѣрія...

Императрица тяжело вздохнула.

— Итакъ, — продолжалъ юноша,— увѣнчанный шлемомъ геній Рима—я едва могъ разсмотрѣть въ облакѣ черты его лица—спустился ко мнѣ; онъ поднялъ лѣвою рукою значокъ легіоновъ съ орломъ, а правою подалъ мнѣ мечъ и сказалъ: «Ты мой, Юліанъ! Ты римлянинъ. Бейся и побѣждай»! Я проснулся, вскочилъ и видѣлъ еще, какъ гребень его шлема блеснулъ въ золотыхъ лучахъ утренняго солнца. То былъ шлемъ Іовіана, наклонившагося ко мнѣ съ своего коня, и его черты преобразились въ черты генія. О, дорогія моему сердцу женщины, и вы, дорогіе друзья! Ни одинъ смертный не мо-

жетъ быть счастливѣе меня. Мнѣ снова подарили мать и сестру, и у меня есть любимая невѣста и вѣрные друзья.

— А также высокая покровительница,—сказалъ Филиппъ, указывая на императрицу, которая сидѣла еще блѣднѣе обыкновеннаго. — Безъ нея, о цезарь Юліанъ, ты не имѣлъ бы теперь ничего, кромѣ могилы.

Эвзебія сдѣлала ему знакъ молчанія:—Его счастье, или, вѣрнѣе, ваше счастье—моя лучшая награда, а также и мое счастіе. Радуйся, цезарь: всѣ мы, желающіе тебѣ добра, слишкомъ серьезны для твоей молодости, для твоего шутливаго нрава и остроумнаго языка. Но вотъ это юное созданіе, твоя Елена, родилась подъ радостной звѣздой; ея веселость будетъ служить тебѣ отрадой. Взгляни, какая у нея сіяющая улыбка, а смѣхъ этой дѣвушки звенитъ, какъ серебро.

Тѣмъ временемъ Филиппъ подошелъ къ Іоанну и прошепталъ ему:—О, другъ, а мы съ тобою? Намъ предстоитъ снова увидѣть нашу возлюбленную. Черезъ столько лѣтъ! У меня сердце бьется такъ сильно, точно готово разорваться. По прежнему ли она прекрасна?

— Замолчи, Филиппъ! Къ чему такія рѣчи? Неужели и во мнѣ ты хочешь пробудить старое грѣховное чувство? Думай о спасеніи ея души! Какъ подѣйствовали на ея вѣру всѣ эти годы, одиночество, несправедливое наказаніе безъ вины? Не ожесточилась ли она ненавистью, не перестала ли надѣяться на Бога?

— Это не было бы чудомъ,—замѣтилъ врачъ.—Но—тише! Слышишь, во дворѣ стукнули опущенныя на землю носилки! Онѣ здѣсь.

— Я снова увижу Ирену.—И онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Монахъ опустилъ глазя и молился: «Не введи насъ во искушеніе».

XXIII.

Лишь незадолго передъ тѣмъ, мать и дочь были возвращены другъ другу послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. Едва ихъ бурное волненіе успѣло излиться въ сотнѣ тревожныхъ, нѣжныхъ вопросовъ, въ слезахъ, вызванныхъ горемъ и отрадными

чувствами, какъ имъ предложили отправиться съ императорской виллы во дворецъ, къ сыну и брату, новому цезарю и будущему зятю августа. На ихъ удивленные разспросы, какъ произошли всѣ эти внезапныя событія—о гибели Галла онѣ узнали еще на мѣстѣ своей ссылки, — евнухи, пригласившіе ихъ сѣсть въ носилки, не могли дать никакого объясненія и женщинамъ оставалось теряться въ догадкахъ и предположеніяхъ.

— Мой дорогой мальчикъ! Ахъ, нѣтъ: уже не мальчикъ,— заговорила мать.—Онъ всегда былъ моимъ любимымъ сыномъ; не стану этого скрывать:—съ необузданнымъ Галломъ было ужасно трудно справляться. А Юліанъ всегда выказывалъ нѣжную привязанность ко мнѣ. Каковъ-то онъ теперь съ виду? Онъ былъ очень малъ и слабъ по своимъ годамъ.

— О, нѣтъ! Онъ, конечно, выросъ, сдѣлался крѣпкимъ и мужественнымъ,—воскликнула красивая молодая дѣвушка на слова матери.

Сестру украшали всѣ пріятныя черты въ наружности Юліана: темные кудрявые волосы, темные глаза, изящный ротъ, но у нея не было его недостатковъ: остраго носа, остраго подбородка, глубокихъ глазныхъ впадинъ и выдавшихся скулъ на впалыхъ щекахъ.—О какъ любила его и я! Вѣдь онъ не выходилъ у меня изъ головы все это время и постоянно представлялся мнѣ въ видѣ юнаго героя. Вотъ ты увидишь, матушка, что онъ окажется самымъ красивымъ и статнымъ изо всѣхъ. О, какъ мнѣ хочется поскорѣе припасть къ его груди! Носилки останавливаются. О, матушка, матушка, дай мнѣ выйти первой. Я не могу дольше сдержать своего нетерпѣнія.

Она распахнула дверцы носилокъ, порхнула по ступенямъ дворцоваго подъѣзда, откинула тяжелый занавѣсъ, вбѣжала, запыхавшись, въ освѣщенную, какъ днемъ, переднюю залу и, молча обведя взоромъ всѣхъ присутствующихъ, воскликнула ликующимъ радостнымъ тономъ:—Юліанъ, мой братъ! Возлюбленный, прелестный братъ мой!

И съ распростертыми объятіями дѣвушка бросилась къ стоявшему немного поодаль красивому юношѣ, который, краснѣя, попятился назадъ.

— Однако недурной у тебя вкусъ, сестрица!—разсмѣялся

Юліанъ, подхватывая ее.—Но ты должна удовольствоваться мною, каковъ я есть; а это мой другъ Іовіанъ.

Молодая дѣвушка онѣмѣла отъ стыда и милаго смущенія. Елена поспѣшила ей на помощь.—Ну, а свою новую сестру, надѣюсь, ты еще не забыла? Ту, которая дѣлила съ тобою заточеніе?—спросила она съ улыбкой и обняла Юліану.

— А гдѣ же матушка? Гдѣ она? — воскликнулъ Юліанъ, бросаясь ко входу.

Вдругъ онъ остановился, какъ вкопанный, съ устремленными впередъ широко раскрытыми глазами, поднявъ въ нѣмомъ изумленіи руки.

И въ самомъ дѣлѣ поразителенъ былъ видъ вошедшей въ ту минуту женщины. Прямая, гораздо выше сына, закутанная съ головы до ногъ въ темносѣрую траурную одежду, остановилась матрона у самаго входа. Ея благородное лицо обрамлялось съ обѣихъ сторонъ густыми волнами серебристо-бѣлыхъ волосъ, ниспадавшихъ ей на грудь изъ подъ капюшона плаща, плотно охватывавшаго голову. Но самое удивительное въ этой необыкновенной личности—были большіе темнокаріе глаза съ голубоватыми бѣлками. Ихъ неопредѣленный взглядъ, казалось, не останавливался ни на чемъ земномъ и точно доискивался чего-то въ безконечномъ,—въ таинственной области по ту сторону гроба. Такъ неподвижно стояла эта величавая фигура, опираясь на черный посохъ, который она держала въ правой рукѣ.

— Гдѣ же Юліанъ, гдѣ мой милый сынъ?—спросила наконецъ матрона груднымъ, слегка дрожащимъ голосомъ.

— Матушка! — воскликнулъ тотъ изъ глубины души и почтительно опустился передъ нею на колѣни, охвативъ руками колѣни матери.

Торжественное безмолвіе воцарилось въ обширной залѣ.

Наконецъ, все еще несравненно-прекрасная матрона заговорила, обращаясь къ сыну и устремивъ на него взглядъ просвѣтлѣвшихъ глазъ, который проникалъ ему въ самую душу:—Да, благодареніе Тріединому Богу! ты сохранился непорочнымъ: изъ этихъ очей смотритъ незапятнанная совѣсть, блескъ ихъ чистъ. Грѣховность міра ни разу не коснулась моего сына. И лучше бы ему умереть, чѣмъ оскверниться грѣхомъ. Но онъ

живъ! Живъ, благодареніе Всевышнему, который послалъ ангеловъ своихъ хранить юношу на всѣхъ путяхъ его. Онъ прошелъ невредимо по чешуйчатымъ главамъ драконовъ и по ядовитымъ змѣямъ! Господь сотворилъ надъ нимъ великія чудеса. Тебѣ, о, Господи, тебѣ нераздѣльно посвящаю я главу его и всю жизнь... Искупителю и его благовѣстію спасенія, которое одно сохранило меня отъ отчаянія, отъ потери разсудка, отъ проклятій божеству и вселенной среди ужасовъ той кровавой ночи, среди терзаній въ тоскѣ одиночества, Господу Христу,—въ немъ же единомъ есть спасеніе,—посвящаю я сына, этого сына, за котораго перенесла тысячи мукъ! Всѣ же вы прочіе, предстоящіе здѣсь, кто бы вы ни были, высочайшіе ли въ сей временной жизни, или мудрѣйшіе, склоните, заклинаю васъ, склоните во прахъ колѣни ваши передъ Богомъ и говорите со мною:—Благодареніе тебѣ, Господи Іисусе Христе, единородный Сыне Божій. Благодареніе тебѣ! Хвала и слава во вѣки вѣковъ тебѣ, совершившему своей благостью, милосердіемъ и всемогуществомъ чудо этого часа. Слава, хвала и поклоненіе тебѣ во вѣки вѣковъ. Аминь!

И матрона, бодро выпрямившись, подняла посохъ, на который опиралась. Тутъ всѣ увидали, что рукояткой ему служилъ серебряный крестъ. Ярко, ослѣпительно сверкнулъ онъ при свѣтѣ факеловъ.

И всѣ, всѣ, исключая одного, повергліись при ея словахъ на колѣни: сначала три женщины и монахъ Іоаннъ, который шепталъ про себя: «это святая на землѣ». Филиппъ нерѣшительно послѣдовалъ его примѣру:—«Это безуміе,—мелькнуло въ головѣ ученаго,—но божественное безуміе сивиллы».

Только Юліанъ остался на ногахъ. Дрожа всѣми членами, боязливо отвернулся онъ отъ матери и хотѣлъ скрыться. Но Іовіанъ подскочилъ къ нему, крѣпко схватилъ его за плечи, принудилъ стать на колѣни и самъ, вторично сдѣлавъ тоже, поспѣшно шепнулъ ему на ухо:—Вѣдь это твоя мать! Ради спокойствія ея души, Юліанъ. Ради матери!

— Лицемѣрить? Лгать?—прошепталъ тотъ, гнѣвно стиснувъ зубы.

— Пощади ее!

И онъ заставилъ его остаться колѣнопреклоненнымъ. Мать не замѣтила колебанія сына. Широко раскрытыми, восторжен-

ными глазами смотрѣла она къ верху, не говоря ни слова, не видя ничего окружающаго. Потомъ она положила руку на голову колѣнопреклоненнаго передъ нею юноши и заключила торжественнымъ тономъ:—Благослови его, Христе, Спасителю и Боже! Я и домъ мой хотимъ служить тебѣ. Живемъ ли мы, живемъ о тебѣ, умираемъ ли, умираемъ о тебѣ же. Аминь.

Торжественная, благоговѣйная тишина послѣдовала за этой рѣчью, полной высокаго вдохновенія.

Однако всѣ чувствовали на себѣ какой-то подавляющій гнётъ: матрона такъ внезапно, такъ неодолимо и даже насильственно дала иное направленіе мыслямъ трехъ молодыхъ женщинъ и трехъ преданныхъ міру мужчинъ, которые въ ту минуту думали совсѣмъ о другомъ; у Юліана выступилъ потъ на лбу, склоненномъ долу.

Первымъ вскочилъ на ноги Іовіанъ.—Вставай!—крикнулъ онъ товарищу, который, въ мучительной борьбѣ съ собою, устремилъ впередъ неподвижный взглядъ. Легкій ударъ по плечу вывелъ его изъ задумчивости.—Слышишь звуки трубы въ ночной тишинѣ? Это сигналъ къ сбору легіоновъ, цезарь Юліанъ. Имъ даютъ знать, чтобы они завтра, рано поутру, собрались къ городскимъ воротамъ. Тебя будутъ торжественно привѣтствовать, какъ цезаря, а потомъ подойдетъ и брачная церемонія.

— Да,—вмѣшался Филиппъ, поднимаясь съ колѣнъ,—подъ счастливыми звѣздами, на глазахъ Эвзебіи.

— А затѣмъ,—заключилъ Юліанъ, ободрившись и твердо выпрямляясь,—немедленно въ Галлію—и горе варварамъ!

Конецъ первой части.

Грёзы весны.

Въ саду, гдѣ трели соловья
Всю ночь гремѣли, не смолкая,
Блѣдна, какъ статуя нѣмая,
Весна стояла у ручья.
Кого ждала? О чемъ грустила,
Кому молилась и кадила
Свой ароматный ѳиміамъ?
Сама, какъ небо, милосердна,
Она молилась ли усердно
Своимъ безсмертнымъ небесамъ?
Или, склонясь къ жемчужной пѣнѣ
Неугомоннаго ручья,
Она грустила объ измѣнѣ
И вѣчныхъ буряхъ бытія?
О чемъ?—какъ знать!.. Но отчего же
Звучалъ ревнивѣй шопотъ струй,—
Зачѣмъ кусты шумѣли строже,
Когда раздался поцѣлуй!
И отчего, когда лобзанье
Прервали юныя созданья,—
По небу облако гоня,
Дышала ночь горячей мглою
И тмила бурною грозою
Блескъ наступающаго дня?..

К. Фофановъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Вакаціи англійскаго парламента и политика Гладстона.—Расширеніе выборныхъ правъ англійской женщины.—Узкія понятія о семейномъ началѣ и женскихъ правахъ.—Лорды и аристократія, поддерживающіе анархистовъ.—Введеніе восьмичасоваго рабочаго дня.—Цѣны на выборы.—Ангулемскій вердиктъ.—Процессъ Вальяна.—Открытіе прусскихъ палатъ.—Рѣчь Вильгельма и встрѣтившее ее гробовое молчаніе.—Разрывъ имперіи съ Виртембергомъ въ рейхстагѣ.—Безпорядки въ Берлинѣ.—Примиреніе Вильгельма II съ Бисмаркомъ.—Люксембургскій вопросъ.—Процессъ омладины.—Смуты въ Сербіи.—Возстанія въ Италіи.—Евреи, какъ друзья поляковъ и какъ анархисты.—Турецкое управленіе по дѣламъ печати.

Гладстонъ далъ наконецъ отдыхъ англійскимъ комонерамъ, отпустивъ ихъ на мѣсяцъ, а самъ уѣхалъ въ Біаррицъ, одержавъ новую блестящую побѣду въ палатѣ общинъ, утвердившей новый либеральный билль премьера объ учрежденіи приходскихъ совѣтовъ. Видя невозможность отклонить эту мѣру, консерваторы вступили въ соглашеніе съ правительствомъ и выторговали себѣ незначительныя уступки въ биллѣ, отказавшись отъ затягиванія преній, хотя сначала новая мѣра была встрѣчена оппозиціею враждебно. Она надѣется, что палата лордовъ отвергнетъ и этотъ билль, какъ отвергла ирландскій. Но и эта перспектива не остановила 85 лѣтняго министра, упорно рѣшившагося провести всѣ свои реформы. Когда упрямые лорды не примутъ ихъ, онъ обратится къ странѣ, распустивъ парламентъ, и поставитъ вопросъ уже о существованіи самой палаты этихъ законодателей не по выбору, а по праву наслѣдства, давно ненавистныхъ либераламъ, понимающимъ, какой вредъ приноситъ Англіи это устарѣлое подгнившее учрежденіе, не отвѣчающее духу и требованіямъ времени. Лорды открыто высказывали въ своихъ органахъ, что они будутъ отвергать всѣ билли премьера, пока смерть не избавитъ ихъ наконецъ отъ неугомоннаго реформатора. Въ исторіи страны не было еще примѣра, чтобы ею управлялъ кто нибудь въ такіе преклонные годы и заставлялъ палату общинъ засѣдать почти безъ перерывовъ круглый годъ, тогда какъ при консерваторахъ она пользовалась отдыхомъ отъ

сентября до февраля. А теперь она работала на третій день рождества и на другой новаго года, и это, конечно, еще больше возстановляетъ либеральную партію противъ оппозиціи, затягивающей билли, и палаты лордовъ, отвергающей ихъ.

Макъ-Ларенъ внесъ въ палату предложеніе—предоставить замужнимъ женщинамъ право голоса на выборахъ должностныхъ лицъ въ учрежденія земскаго самоуправленія. Большинство палаты признало это справедливымъ и одобрило, да и нельзя было не согласиться съ Макъ-Лареномъ, такъ какъ онъ предлагалъ только устранить одну изъ нелѣпостей, которыхъ такъ много въ англійскомъ законодательствѣ. Съ 1869 года дѣвушки и вдовы, внесенныя въ списки плательщиковъ мѣстныхъ сборовъ, пользуются правомъ голоса на муниципальныхъ и земскихъ выборахъ, а замужнія женщины права этого не имѣютъ. Гдѣ же въ этомъ здравый смыслъ? Министръ Фаулеръ дополнилъ билль Макъ-Ларена, предложивъ, чтобы во всѣхъ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія женщины, какъ замужнія, такъ и незамужнія, пользовались какъ въ земскихъ, такъ и въ городскихъ выборахъ правомъ голоса, связаннымъ съ владѣніемъ или арендой недвижимаго имущества. Даже консерваторы съ главою своей партіи Бальфуромъ выразили свое сочувствіе министру либеральнаго кабинета и королева Викторія очень довольна этимъ биллемъ. Уже и теперь, не только въ Англіи, но и на твердой землѣ, начальныя школы, женскія больницы, попечительства для призрѣнія бѣдныхъ и тому подобныя учрежденія не только допускаютъ въ свое управленіе женщинъ, но и поступаютъ въ полное ихъ завѣдываніе, вопреки узкимъ взглядамъ черствыхъ пуританокъ, требующихъ, чтобы женщина жила только для семьи и была въ ней инструментомъ для вскормленія дѣтей или кухаркой. Дѣятельность женщины благотворна на всѣхъ поприщахъ, но школы, больницы, благотворительность—прямое назначеніе, призваніе женщины; это доступнѣе ей, чѣмъ мужчинѣ. Ея голосъ въ мѣстномъ самоуправленіи—естественное въ цивилизованныхъ государствахъ послѣдствіе общественнаго устройства. Такъ, еще лѣтъ сорокъ назадъ законодательство ограничивало дѣятельность женщины семейнымъ кругомъ, но еслибы законодатель попробовалъ того же теперь, это въ конецъ подорвало бы семейное начало и заставило бы женщину искать удовлетворенія своей внутренней потребности, не говоря уже о средствахъ къ существованію—не въ кормилицахъ или кухаркахъ, а на улицѣ и въ развеселыхъ пріютахъ. Одностороннее, близорукое направленіе въ женскомъ вопросѣ дѣйствуетъ гибельно на его нравственную сторону,—это понимаетъ даже лицемѣрная Англія, расширяя права женщины.

До чего лицемѣріе вошло въ плоть этой страны, видно изъ ея отношеній къ анархистамъ. Изгоняемые со всѣхъ концовъ твердой земли, они собрались въ огромномъ количествѣ особенно въ Лондонѣ. Общественное

мнѣніе сильно возстало противъ нихъ послѣ барселонскаго и парижскаго взрывовъ и, вмѣсто громкихъ и пустыхъ фразъ о кровѣ, убѣжищѣ, о защитѣ гонимыхъ и угнетенныхъ, о непризнаніи политическихъ преступленій, въ печати раздались голоса, громко требующіе принятія самыхъ строгихъ мѣръ противъ этихъ враговъ общества и человѣчества. Но что же сдѣлали представители высшихъ сословій и правительство? Не желая отказаться отъ столько лѣтъ повторяемыхъ ими громкихъ фразъ о гуманности и гостепріимствѣ Англіи, но желая въ то же время оградить себя отъ динамитныхъ бомбъ, они начали платить крупныя суммы одной части анархистовъ, чтобы тѣ смотрѣли за своими братьями и не допускали ихъ взрывать благородныхъ лордовъ и консерваторовъ. Любезные взрыватели охотно приняли на себя эту обязанность за хорошую сумму, и лорды увѣрены теперь, что могутъ спать спокойно. И удобно, и просто, хоть и не дешево! Роль надзирателей надъ братьями и лейбъхранителей лордовъ приняли на себя русскіе анархисты, основавшіеся въ Лондонѣ, послѣ того какъ они не только бѣжали изъ отечества, заслуживъ въ немъ кару за свои преступленія, но подверглись высылкѣ изъ Франціи, Швейцаріи, Румыніи, даже изъ Болгаріи, гдѣ самъ Стамбуловъ не нашелъ возможнымъ держать ихъ, въ виду ихъ преступнаго прошлаго и новыхъ злоупотребленій дарованнымъ имъ убѣжищемъ. Но въ Англіи эти лица основали «общество друзей русской свободы», въ главномъ комитетѣ котораго участвуютъ члены парламента и политики. Во многихъ городахъ устраиваются митинги и собираются приношенія. «Національный либеральный клубъ» отворяетъ свои залы для чтеній какого-то Верховскаго. Кромѣ обильныхъ субсидій и частныхъ пожертвованій, основанъ спеціальный «фондъ для русскихъ выходцевъ» и «дружеское общество для польскихъ политическихъ выходцевъ». На всѣ эти общества собираютъ деньги политическіе дѣятели Англіи, ведя въ странѣ пропаганду и возбуждая въ ней ненависть къ русскому государственному строю, а почтенные анархисты употребляютъ, конечно, эти деньги безо всякаго отчета и контроля. Всего любопытнѣе, что два министра либеральнаго кабинета Гладстона были членами «общества друзей русской свободы» и только недавно, по настоянію премьера, отказались отъ чести принимать участіе въ такомъ обществѣ. Но въ немъ осталось еще много передовыхъ англичанъ, вступающихъ въ такой близкій союзъ съ отверженцами общества, съ разбойниками, которыми долженъ гнушаться каждый честный гражданинъ. Развѣ это не позорное явленіе? Оберегая свою шкуру, англичане въ то же время нарушаютъ не только политическія отношенія къ дружественной странѣ, побуждая динамитчиковъ своею защитою и поддержкою къ новымъ преступленіямъ, но, дѣйствуя подкупомъ и братаясь съ анархистами, возбуждаютъ противъ себя негодованіе каждаго истинно-русскаго человѣка.

И въ то же время, по отношенію къ англичанамъ, Англія поступаетъ весьма гуманно. Въ палатѣ общинъ военный министръ сдѣлалъ сообщеніе, что во всѣхъ мастерскихъ военнаго вѣдомства число рабочихъ часовъ сокращено до 48 въ недѣлю, безъ пониженія заработной платы. Это большая побѣда восьмичасоваго рабочаго дня, хотя и простирается пока только на 20,000 рабочихъ. Это сокращеніе, повліявъ весьма мало на количество работы, произвело замѣтное вліяніе на ея качество. Благодаря этой реформѣ, отмѣняются дополнительные рабочіе часы и пріобрѣтается возможность давать занятіе бо̀льшему числу нуждающихся рабочихъ. Примѣру своего военнаго коллеги обѣщалъ, хоть и по неволѣ, послѣдовать морской министръ, что̀ при усиленной теперь корабельной дѣятельности, дастъ работу еще огромному числу рукъ. А за постройку кораблей англичане припялись съ новымъ жаромъ, преувеличивая силу и численность нашего и французскаго флота. Въ Средиземномъ морѣ они увеличили вдвое свою наблюдательную эскадру. «Times» слѣдитъ за каждымъ движеніемъ судовъ адмирала Авелана и говоритъ, что теперь они идутъ къ Аѳону, гдѣ Россія устроила складочное мѣсто разныхъ запасовъ и боеваго матерьяла. Къ подобнымъ извѣстіямъ мы уже давно привыкли, но жидовско-консерваторскій органъ «Pall Mall» пошелъ еще дальше и прямо сообщаетъ, что на Аѳонѣ давно уже нѣтъ монаховъ, а мѣсто ихъ заняли русскіе солдаты, одѣтые въ рясы. Изъ Аѳона можно господствовать надъ восточнымъ бассейномъ Средиземнаго моря и грозить Константинополю, Солоникамъ, Македоніи. Отчего же и не Египту?

Въ парламентѣ раздана «Синяя книга». Въ числѣ ея документовъ любопытны цифры, чего стоили избранія членовъ палаты въ 1892 году— 9.586,000 рублей. И это только офиціальные расходы, внесенные 1307 кандидатами, изъ которыхъ выбрали 670, а 637 остались неизбранными, то есть напрасно истратили свои деньги. Гладстону его избраніе стоило до 9000 р., Гаркуру до 10-ти, Морлею 11, Бальфуру 8, Чамберлену 7, Чарльзу Дильку 8 т. Каждый избирательный голосъ обошелся круглымъ счетомъ въ 2 р. 50 к. Не дешево стоитъ право быть излюбленнымъ представителемъ англійскаго народа!

Два приговора французскаго общества удивили европейскую публику— это вердикты присяжныхъ въ Ангулемѣ и Парижѣ. Въ провинціальномъ городѣ департамента Шаранты судили французскихъ рабочихъ, убившихъ нѣсколькихъ итальянцевъ на солеварняхъ Эгморта, гдѣ кровавое столкновеніе двухъ національностей приняло политическій оттѣнокъ и повело къ дипломатическимъ переговорамъ, такъ какъ безпорядки въ Ангулемѣ сопровождались возстаніями черни противъ французовъ въ Римѣ, Генуѣ, Миланѣ и другихъ городахъ Италіи. Ангулемскіе присяжные оправдали всѣхъ обвиненныхъ, хотя рабочіе несомнѣнно до смерти избивали своихъ чужеземныхъ товарищей. Этотъ странный приговоръ мало развитыхъ

провинціаловъ города съ 35-тысячнымъ населеніемъ приписываютъ тому, что въ числѣ подсудимыхъ главнымъ обвиненнымъ былъ итальянецъ Джіордано, выставленный, какъ зачинщикъ побоища, прокуроромъ, требовавшимъ для него особой усиленной кары, а присяжные были увѣрены, что передъ ними—не настоящіе виновные. Поэтому они отпустили съ миромъ и соотечественниковъ, и итальянца. Парижская печать, за исключеніемъ радикальныхъ органовъ, отнеслась неодобрительно къ такому вердикту, еще болѣе расхолодившему и безъ того натянутыя отношенія между двумя націями. Вердиктъ оставилъ нерѣшеннымъ вопросъ: кто же былъ виною столкновенія? Французское правительство обѣщало вознаградить семьи итальянскихъ рабочихъ, пострадавшихъ въ дракѣ, но если рабочіе не виновны въ томъ, что искалѣчили другъ друга, то какъ же удовлетворять ихъ за изувѣченіе и даже убійство ихъ товарищей? Да и какъ будутъ судить итальянцы своихъ соотечественниковъ, обвиняемыхъ въ подобныхъ же поступкахъ, когда главные участники побоища признаны невиновными? Драка происходила открыто и присяжные могли, безъ упрека въ недостаткѣ патріотизма, наказать негодяевъ. Дѣло началось, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, изъ-за пустяковъ. Рабочіе на солеварняхъ получаютъ порядочную плату—12 франковъ въ сутки. Итальянецъ сталъ упрекать французовъ, что тѣ меньше трудятся; началась драка; французовъ было 40, итальянцевъ, бросившихся на нихъ съ ножами и дубинами, 110. Ими предводительствовалъ Джіордано, уже судившійся за воровство. Семь французовъ были изранены, остальные бѣжали. Но когда итальянцы возвращались съ варницъ въ Эгмортъ, населеніе этого маленькаго городка въ 4000 жителей, возмущенное нападеніемъ на соотечественниковъ, устроило облаву на пришельцевъ. 50 итальянцевъ заперлись въ казармѣ и подверглись тамъ форменной осадѣ. Спасаясь оттуда, они всѣ были атакованы толпою въ 600 человѣкъ, прорвавшею цѣпь жандармовъ и избившею до полусмерти шестерыхъ итальянцевъ; двое изъ нихъ умерли отъ ранъ. Суду предано было 16 человѣкъ и съ ними Джіордано: все это не рабочіе, а бродяги и пьяницы. И присяжные всѣхъ ихъ оправдали, не смотря на рѣчь генеральнаго прокурора, доказывавшаго, что семеро подсудимыхъ были уже наказаны за воровство и что преслѣдованіе итальянцевъ въ городѣ производилось съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ и варварскою жестокостью. Даже «Figaro» называетъ этотъ вердиктъ ошеломляющимъ. Итальянская печать отзывается о немъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ и обвиняетъ всю Францію; нѣмецкая ликуетъ и говоритъ, что теперь нечего опасаться сближенія Италіи съ Франціей.

Другой приговоръ присяжныхъ былъ также неожиданностью для многихъ. Вальяна признали виновнымъ безъ всякихъ смягчающихъ обстоятельствъ и присудили къ смертной казни. Парижскіе присяжные оказались гораздо храбрѣе и логичнѣе ангулемскихъ: они не испугались

писемъ, грозившихъ имъ местью анархистовъ, и честно исполнили свой долгъ, хотя законъ давалъ имъ право считать преступленіе Вальяна покушеніемъ, при которомъ не было убитыхъ и всѣ раненые выздоровѣли. Но они признали необходимость высшей мѣры наказанія за злодѣйство, явившееся дерзкимъ вызовомъ, брошеннымъ анархистами всей Франціи. Радикальныя газеты говорятъ, что этимъ вердиктомъ не разрѣшается соціальный вопросъ, а развѣ онъ рѣшался смертью нѣсколькихъ депутатовъ и министровъ, еслибы ихъ не спасла случайная неловкость анархиста? На судѣ Вальянъ оказался тѣмъ же фанфаронмъ и мелкимъ негодяемъ, горячо отстаивавшимъ свою шкуру, какъ и на слѣдствіи. Онъ увѣрялъ, что не имѣлъ намѣренія никого убивать, а хотѣлъ только ранить нѣсколькихъ министровъ и депутатовъ—какъ будто отъ него зависѣло разсчитать силу взрыва бомбы, случайно разорвавшейся раньше времени. Очевидно, что, изготовляя свой снарядъ по рецепту анархистскихъ брошюръ, онъ не понималъ, какое дѣйствіе произведутъ взрывчатые составы и кислоты, какъ не понималъ ничего въ ученіи Дарвина, Бюхнера и Спенсера, твердя о своей философіи и о томъ, что объявилъ обществу войну на жизнь и смерть. Когда президентъ суда напомнилъ ему, что онъ нѣсколько разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ за воровство, онъ очень развязно отвѣчалъ, что это—послѣдствіе общественнаго устройства, какъ будто это устройство обязываетъ всѣхъ быть ворами и мошенниками! Помѣстивъ свою жену, передъ возвращеніемъ въ Европу, въ публичный домъ Буэносъ-Айреса для того, какъ говорилъ онъ, чтобы «избавить ее отъ себя», Вальянъ, поселившись въ Парижѣ у товарища, отбилъ у него его возлюбленную, что̀ считается величайшею низостью между рабочими, а потомъ распродалъ его мебель. Анархистъ нагло отрицалъ все это и даже тотъ фактъ, что̀, бросивъ бомбу, онъ пустился бѣжать и, найдя выходныя двери запертыми, такъ какъ уже успѣли дать объ этомъ приказаніе, выбилъ стекло въ двери и сбирался вылѣзти, когда часовой пригрозилъ ему штыкомъ. Вальянъ повторилъ, что все это ложь, когда солдатъ подтвердилъ свои показанія передъ судомъ. Разбойникъ все хвасталъ своимъ презрѣніемъ къ жизни и все твердилъ, что еслибы хотѣлъ кого нибудь убить, то начинилъ бы бомбу пулями, а не гвоздями, какъ будто раны отъ гвоздей не могли быть смертельны. Экспертиза химиковъ доказала, что бомба принадлежала къ числу самыхъ опасныхъ снарядовъ. Если не было убитыхъ, то это простая случайность. Ранено до 50-ти человѣкъ и были раны очень тяжелыя: одному депутату дѣлали трепанацію, такъ какъ гвозди пробили черепъ. Въ концѣ засѣданія, Вальянъ прочелъ записку съ изложеніемъ своихъ философскихъ идей. Это простая перефразировка обычныхъ аргументовъ анархизма, хвастовство, что общественному строю нанесенъ жестокій ударъ. Называя себя исполнителемъ народной воли, Вальянъ говоритъ, что какъ въ концѣ прошлаго вѣка Вольтеръ и Дидро подго-

товили революцію, такъ въ концѣ нынѣшняго столѣтія Дарвины, Спенсеры, Ибсены (?) доставятъ торжество идеямъ справедливости и свободы. Рѣчь свою онъ заключилъ такими словами: «теперь, господа, къ какому бы наказанію вы меня ни присудили, для меня это будетъ безразлично. Ибо, глядя на это собраніе глазами разума, мнѣ невольно смѣшно видѣть, что эти затерянные въ пространствѣ атомы, разсуждающіе потому только, что обладаютъ продолженіемъ спиннаго мозга, признаютъ за собою право судить ближняго. Эхъ, господа, какъ мало значитъ ваше собраніе и вашъ приговоръ въ исторіи человѣчества! да и самая эта исторія, какое значеніе имѣетъ она для вихря, уносящаго ее въ безпредѣльное пространство»?

Вальянъ ждалъ особеннаго успѣха отъ своей рѣчи и былъ изумленъ тѣмъ, что она не произвела ровно никакого впечатлѣнія на присутствующихъ. Гораздо больше успѣха имѣла рѣчь прокурора, который вполнѣ разоблачилъ анархистскія идеи подсудимаго, совершающаго страшное преступленіе для вящаго блага и прогресса человѣчества. Завидуя славѣ Равашоля, онъ хочетъ сдѣлаться знаменитостью въ лагерѣ анархистовъ, но больше всего заботится о томъ, чтобы сохранить свою голову. Защитникъ Вальяна видитъ въ немъ необыкновеннаго преступника, желавшаго доказать депутатамъ, что если они не займутся судьбою отверженцевъ общества, то они сами займутся обществомъ. Адвокатъ нашелъ однако, что «подстрекательства и обманутыя столько разъ надежды отверженцевъ могли затемнить этотъ плохо уравновѣшенный разсудокъ». Но въ процессѣ не было этихъ подстрекателей, виновныхъ болѣе изувѣра Вальяна, и потому къ нему надо отнестись снисходительно. Вѣроятно, вслѣдствіе своей снисходительности, правительство и не торопится приводить въ исполненіе судебный приговоръ. Депутаты, и въ числѣ ихъ пострадавшій болѣе другихъ аббатъ Лемиръ, подали президенту республики прошенія о помилованіи Вальяна. Это былъ ихъ долгъ, но глава страны, имѣющій по закону право помилованія, можетъ ли примѣнить его къ данному случаю? Вальянъ, во время слѣдствія надъ нимъ, нѣсколько разъ повторялъ съ фанфаронствомъ закоренѣлаго злодѣя: «совѣтую вамъ отрѣзать мнѣ голову, потому что если вы меня отпустите—я опять примусь за то же, только для успѣха приму получше мѣры». Вѣчная ссылка на Нукагиву, въ Нумею, не гарантируетъ отъ вторичнаго покушенія: изъ ссылки бѣжало много лицъ и возвратившіеся во Францію коммунары явились еще болѣе озлобленными врагами общества. Въ странѣ арестовали до двухъ тысячъ анархистовъ. Часть ихъ собралась на могилѣ Бланки, гдѣ редакторъ «Intransigeant», Жюль Рошэ громилъ правительство, а депутатъ Кловисъ Гюгъ заявилъ свою солидарность съ Вальяномъ и говорилъ что его бомба была начинена не динамитомъ, а нуждою и гнѣвомъ народа. Безъ риторики французы не могутъ обойтись, а въ преступленіяхъ зато легко обходятся безъ логики: одинъ разбойникъ можетъ грозить всему обществу, а общество не можетъ отъ него избавиться.

Вильгельмъ II произнесъ офиціальную тронную рѣчь, какъ прусскій король, при открытіи сессіи прусскихъ палатъ. Обыкновенно этому открытію не придавалось особеннаго значенія, и оно было простою домашнею формальностью, въ противоположность съ открытіемъ имперскаго сейма, гдѣ монархъ обращался со своею рѣчью не только къ германскимъ народамъ, но и ко всѣмъ европейскимъ державамъ. Нынѣшнее же открытіе принадлежало къ необычайнымъ по своей обстановкѣ. Приглашенныхъ къ торжеству оказалось вдвое больше и, по особому приглашенію придворнаго вѣдомства, всѣ были въ возможно блестящихъ мундирахъ, въ средневѣковыхъ мантіяхъ тампліеровъ и мальтійскихъ рыцарей; даже старый президентъ рейхстага облачился въ офицерскій мундиръ ополченія, точно готовясь защищать отечество; камергеры, церемоніймейстеры были залиты золотомъ. Зала была заново позолочена, сфабрикованъ даже новый тронъ, по указаніямъ самого императора, съ золотыми орлами и пучками бѣлыхъ и черныхъ страусовыхъ перьевъ—по цвѣтамъ Пруссіи, что̀ въ сочетаніи съ пунцовымъ бархатомъ балдахина, отзывалось траурнымъ характеромъ. Вильгельмъ вышелъ съ блестящей свитой изъ капеллы, въ бѣломъ съ золотомъ мундирѣ, въ латахъ и каскѣ, съ золотымъ орломъ, въ длинной орденской мантіи малиноваго бархата. У трона стояли принцы Гейнрихъ и Фридрихъ-Леопольдъ. Рѣчь свою императоръ читалъ минутъ десять, какъ всегда, громко, ясно, порывисто, съ фразировкой, напоминающей военные приказы. Но чего никогда не было въ теченіе тридцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ читаются подобныя рѣчи, при которыхъ члены палатъ всегда находили поводъ выразить свое вѣрноподданническое сочувствіе—нынѣшняя рѣчь императора была выслушана при гробовомъ молчаніи депутатовъ, не изъявившихъ своего усердія ни рукоплесканіями, ни криками: «hoch»! Это было знàкомъ явнаго неодобренія правительственной политики, и всѣ партіи, всегда стоявшія за монархическую идею, явились теперь оппозиціей, воспользовавшейся случаемъ, чтобы хотя своимъ молчаніемъ высказать въ глаза монарху недовольство его министрами. Либераловъ не было на этой церемоніи; они по принципу и изъ уваженія къ своимъ избирателямъ никогда не бываютъ во дворцѣ—и непривычное молчаніе всѣхъ другихъ партій наиболѣе поразило императора. Онъ рѣзкимъ движеніемъ протянулъ текстъ рѣчи министру Эйленбургу, окинулъ депутатовъ пристальнымъ взглядомъ и, холодно поклонившись, удалился съ недовольнымъ видомъ.

Необычный пріемъ рѣчи объясняется тѣмъ, что въ ней финансовое положеніе Пруссіи представлено въ весьма неутѣшительномъ видѣ, говорится о постоянно возрастающемъ дефицитѣ въ бюджетѣ, вслѣдствіе постояннаго увеличенія имперскихъ потребностей. И эта странная жалоба короля Пруссіи на правительство имперіи, во главѣ котораго стоитъ онъ самъ, не могла не смутить депутатовъ. Указывалось въ рѣчи и на средство помочь дѣлу, но въ то же время упоминалось о «непорядкахъ и чрезмѣрной

задолженности землевладѣнія, о его несообразномъ устройствѣ», и это всего меньше могло понравиться аграріямъ, крупнымъ помѣщикамъ и католической партіи, также какъ и указаніе на «необходимость жертвы для блага отечества». Эта размолвка монарха со всѣми партіями опять возбудила въ рейхстагѣ опасеніе за исходъ торговаго договора съ Россіей, хотя за него стоитъ правительство и даже католики, которымъ обѣщали вернуть въ Германію излюбленныхъ ими іезуитовъ. Правда, ретрограды неохотно согласились подать свои голоса въ пользу договора и одинъ баварскій депутатъ въ послѣднемъ засѣданіи очень спокойно совѣтовалъ имъ—не сдержать своего обѣщанія, причемъ цитировалъ слова одного прусскаго монарха: «будемъ честными, пока это выгодно, а станетъ невыгодно—сдѣлаемся плутами». Услыша такую откровенную цитату, рейхстагъ взволновался. Раздались крики: «имя! назовите имя»! Хотя это требованіе доказывало незнаніе нѣмцами ихъ собственной исторіи, депутатъ отвѣчалъ со спокойной ироніей: «прочтите сочиненія Фридриха Великаго—и узнаете», а потомъ справедливо прибавилъ: «развѣ такое изреченіе не то же іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства». Въ рейхстагѣ же, первый разъ во время его существованія, высказался открыто разрывъ между Пруссіей и Виртембергомъ. Для возмѣщенія военныхъ расходовъ Каприви внесъ проэктъ налога на виноградное вино. Собраніе рѣшило препреводить его въ комисію, уже разсматривающую налоги на штемпель и на табакъ. Но виртембергскій министръ-президентъ безъ всякихъ оговорокъ объявилъ, что его правительство не дастъ своего согласія на этотъ налогъ, который всею тяжестью ляжетъ на южно-германскія государства. При этомъ онъ напомнилъ, что Пруссія еще въ 1870 году обѣщала не вводить подобнаго налога. Обыкновенно, всѣ разногласія во взглядахъ разныхъ германскихъ державъ обсуждались прежде въ союзномъ совѣтѣ и тамъ уже придумывали всякіе компромиссы. Но никогда, во все двадцатидвухлѣтнее существованіе имперіи, ни одно изъ ея предложеній не было встрѣчено въ рейхстагѣ со стороны какой либо изъ нѣмецкихъ державъ категорическимъ отказомъ. Какъ поступитъ теперь имперское правительство въ еще небываломъ случаѣ? Принудитъ ли оно Виртембергъ повиноваться рѣшенію большинства? Все это вопросы, еще болѣе усложняющіе и безъ того достаточно запутанное положеніе въ Германіи. А къ этому еще присоединилось возобновленіе безпорядковъ въ Берлинѣ. Въ тотъ день, когда во дворцѣ праздновался день основанія имперіи, на другомъ концѣ столицы раздавались крики бунтовавшей толпы и стоны раненыхъ. На окраинѣ города, въ предмѣстьѣ, обитаемомъ бѣдняками, сошлась народная сходка людей, «не имѣющихъ работы». Ее созвалъ въ огромную залу пивнаго завода анархистъ Родріанъ, рабочій проволочнаго завода. По конституціи, полиція не смѣетъ запретить сходки, но можетъ «озаботиться, чтобы при выходѣ изъ закрытаго помѣщенія и при входѣ въ него не происходили безпорядки». Воспользо-

вавшись этимъ эластическимъ правиломъ, оберъ-полицмейстеръ не приказалъ впускать въ пивную много народу, и полиція, подъ предлогомъ тѣсноты, закрыла всѣ входы въ залу, гдѣ собралось двѣ тысячи человѣкъ, хотя могло помѣститься четыре. Не впускали никого даже въ сосѣднія улицы. Это, конечно, раздражило толпу, состоявшую большею частію изъ молодежи 16—18 лѣтъ, бѣдняковъ и оборванцевъ. Но были между ними и извѣстныя лица—журналисты, репортеры, генералъ-майоръ Эгизи, послѣдователь ученія гр. Толстаго, стремящійся создать въ Германіи свою особую религію; докторъ Гумпловицъ, ученый соціалистъ, долженъ былъ читать рефератъ о способахъ помочь страдающимъ отъ безработицы; но доктора еще утромъ упрятали въ тюрьму за возмутительныя рѣчи. Да и въ часъ, назначенный для открытія сходки, вмѣсто Родріана, на трибуну вошелъ рабочій и объявилъ, что по закону собраніе не можетъ состояться и должно немедленно разойтись, такъ какъ глава его внезапно арестованъ по распоряженію правительства. Это неожиданное заявленіе поразило всѣхъ: раздались протесты, крики, угрозы. Но одинъ изъ вождей-соціалистовъ убѣдилъ толпу не сопротивляться и не давать полиціи желаннаго предлога производить аресты. Толпа, хотя и съ ругательствами, стала медленно расходиться. Все бы кончилось спокойно, но полиція была недовольна мирною развязкою и подъ предлогомъ, что народъ не торопится исполнять приказанія, набросилась на него въ улицѣ и начала безо всякаго повода поражать кого ни попало обнаженными тесаками и каучуковыми кастетами. Началась возмутительная свалка: бѣгущихъ топтали конные жандармы безо всякаго снисхожденія; при малѣйшемъ сопротивленіи избивали и тащили въ кутузку; одному репортеру повредили ключицу; молоденькой горничной, случайно попавшей въ толпу, переломили руку ударомъ кастета. Варварство полиціи возбудило негодованіе лицъ, нисколько не сочувствующихъ анархистамъ. Вильгельмъ гулялъ въ это время въ Тиргартенѣ и узналъ объ избіеніи своихъ подданныхъ, когда безпорядки уже прекратились. Надолго ли? Видя всеобщее недовольство въ Германіи, императоръ вздумалъ прибѣгнуть къ неожиданной крайней мѣрѣ, чтобы помочь дѣлу. Онъ послалъ Бисмарку бутылку рейнвейна съ флигель-адъютантомъ Мольтке и съ письмомъ, приглашавшимъ опальнаго канцлера въ Берлинъ. Старикъ не могъ отказать, былъ принятъ, какъ коронованная особа, обласканъ, встрѣченъ народомъ съ восторгомъ и вернулся въ тотъ же вечеръ во Фридрихсруэ. Политическій міръ былъ пораженъ неожиданнымъ свиданіемъ и примиреніемъ.

Нѣмецкая печать продолжаетъ по прежнему придираться ко всякому случаю, чтобы наброситься на насъ или на Францію. Великій герцогъ люксембургскій пятьдесятъ лѣтъ состоитъ шефомъ нашего драгунскаго полка. Въ годовщину его назначенія, изъ другой части герцогства, отошедшей къ Бельгіи (изъ Брюсселя) пріѣхалъ поздравить герцога нашъ

посланникъ въ Бельгіи, съ военной депутаціей отъ полка. Что могло быть проще? Депутація была, конечно, принята съ почетомъ; на обѣдѣ были произнесены обычные тосты; народъ кричалъ: vive la Russie! и vive la France! потому что онъ говоритъ по французски, хоть герцогство принадлежало къ германской конфедераціи. Но нѣмцы тотчасъ открыли, что между Люксембургомъ и Россіей существуетъ особенная дружба и герцогство, не смотря на его нейтралитетъ, готово выступить вмѣстѣ съ Франціей противъ тройственнаго союза. Французскій резидентъ въ Люксембургѣ убралъ свой домъ французскими и русскими флагами, далъ обѣдъ въ честь гостей; французскій клубъ также угощалъ ихъ, — все это вмѣнено въ преступленіе и нѣмцы съ азартомъ обращаются къ герцогу съ вопросами: доколѣ онъ будетъ позволять, чтобы на «искони нѣмецкой землѣ» наносили оскорбленіе германской имперіи? При этихъ крикахъ, можно и въ самомъ дѣлѣ подумать, что невѣсть какая обида нанесена націи, которая сама никого не обидитъ.

Австрія, въ борьбѣ со своими славянскими племенами, вздумала затѣять противъ чеховъ политическій процессъ. Въ Прагѣ давно существовало общество «Омладина» (молодежь), состоящее большею частью изъ рабочаго люда. Одного изъ его членовъ, Мрва, оказавшагося шпіономъ и агентомъ-подстрекателемъ, убили двое товарищей. Вмѣсто того чтобы судить ихъ, какъ убійцъ, правительство приплело къ нимъ все общество, но не удовольствовалось и этимъ, а обвинило омладинцевъ въ томъ, что они имѣли сношенія съ партіею младочеховъ, принимавшихъ участіе въ дѣйствіяхъ общества и даже въ убійствѣ. Подъ судъ отдали 77 членовъ Омладины; самому старшему изъ нихъ 30 лѣтъ, но есть и 16-лѣтніе юноши. Между ними есть докторъ правъ, пять журналистовъ, два студента; остальные—наборщики, прикащики, рабочіе. Обвинялись они въ государственной измѣнѣ, оскорбленіи величества, въ насильственной перемѣнѣ формы правительства путемъ возстанія. Общество было организовано по образцу итальянскихъ карбонаріевъ. Главные дѣятели въ немъ: нотаріальный писецъ Цижекъ, столяръ Цигелозеръ и журналистъ Гольдбахъ—всѣ трое 18-ти лѣтъ. Обвинительный актъ доказываетъ, что всѣ волненія въ Прагѣ, начиная съ 1892 года, произведены Омладиной и что всѣхъ членовъ ея, разсѣянныхъ по всѣмъ городамъ Чехіи, до 800. Въ годовщину битвы на Бѣлой горѣ участвовало до 2,000 рабочихъ; въ день рожденія императора памфлеты на него разбрасывались по улицамъ и произведено было нападеніе на полицію. Общество дробилось на мелкіе кружки изъ пяти членовъ, называвшихся «пальцами»; руководилъ ими «большой палецъ»; онъ набиралъ для другой «руки» четыре новые пальца, которые знали своихъ товарищей, но не были знакомы съ членами другой руки. Гольдбахъ расчитывалъ, что въ 1892 году вспыхнетъ общеевропейская революція. Самая кровопролитная стычка омладинцевъ съ жандармами

произошла въ іюнѣ прошлаго года на городскомъ кладбищѣ въ Прагѣ. Общество обвинялось еще въ томъ, что имѣло намѣреніе сбросить съ моста въ Прагѣ статую св. Іоанна Непомука, патрона Чехіи, а на шею конной статуи Франца II уже накинули веревку, чтобы опрокинуть группу.

Въ Сербіи опять творится неладное. Въ Бѣлградъ прискакалъ неожиданно злой духъ страны, Миланъ, и газеты начали толковать о необходимости составить новое министерство. Чѣмъ не понравились радикалы молодому королю Александру? На ихъ сторонѣ и народъ, и скупщина. Или, прогнавъ либераловъ, заслужившихъ ненависть страны, король воображаетъ, что можетъ поступить также и съ другою партіею, стоящею на твордой почвѣ? Какъ бы ему не ошибиться и не поплатиться жестоко за свою ошибку, которую, пожалуй, потомъ и не поправишь. Понятно, что прежде всего тутъ дѣйствуютъ интриги изъ Австріи, куда прежде всего явился эксъ-монархъ просить по обыкновенію денегъ, въ которыхъ онъ постоянно нуждается. Денегъ ему, однако, въ Вѣнѣ не дали, и вотъ теперь онъ пробуетъ вытянуть ихъ отъ своихъ бывшихъ подданныхъ, хотя бы даже съ помощью государственнаго переворота. Оказывается однако, что въ Сербіи не больше денегъ, чѣмъ въ Италіи, Германіи, да и почти во всѣхъ странахъ Европы. Сербскіе офицеры, не получавшіе нѣсколько мѣсяцевъ жалованья, обратились съ жалобой къ королю. Но и у того не было никакихъ средствъ, и онъ задумалъ составить кабинетъ съ военнымъ характеромъ, гдѣ полковники были бы министрами. Но вѣдь это уже черезчуръ рискованное и притомъ опереточное средство, а мѣра—передать на время правленіе своему многопрославленному родителю и того хуже. Александръ, конечно, очень молодъ, но не настолько, чтобы не знать, что конституціи и законы даются не для того, чтобы нарушать ихъ, и что, избавившись однажды отъ своего на всѣ руки способнаго властителя, Сербія не потерпитъ его возвращенія къ власти послѣ столькихъ отреченій, заклятій, присягъ и захватовъ столькихъ суммъ изъ усердно эксплуатируемой имъ страны. При грозящей ей опасности со стороны Милана и Александра, Сербія, конечно, забыла и думать о начавшемся въ Бѣлградѣ процессѣ Аввакумовича и министровъ бывшаго либеральнаго кабинета. Процессъ этотъ былъ большою ошибкою радикаловъ: его не слѣдовало поднимать, хотя всѣ эти Аввакумовичи и Рибарацы самымъ наглымъ образомъ нарушали законы и грабили казну. Дерзость ихъ дошла до того, что министръ внутреннихъ дѣлъ Рибарацъ, возбудившій своимъ самоуправствомъ кровавыя столкновенія на выборахъ въ скупщину, закрытую потомъ по произволу и не собранную въ законный срокъ, объявилъ въ официальной газетѣ, что постановленія государственнаго совѣта не дѣйствительны. Но всѣ эти зарвавшіеся деспоты были прогнаны, а глава ихъ, Ристичъ—не преданъ суду;—другой регентъ Белимарковичъ сошелъ съ ума и умеръ,—такъ второстепенныхъ самоуправцевъ не стоило преслѣдовать. А между тѣмъ Александръ прогналъ радикальное министерство Грунча,

которымъ страна была довольна, назначилъ премьеромъ креатуру Австріи, Симича, закрылъ скупщину и приказалъ прекратить процессъ Аввакумовича и освободить всѣхъ подсудимыхъ. Все это не предвѣщаетъ добра бѣдной Сербіи.

Положеніе Италіи дошло уже до такого кризиса, что Криспи требуетъ диктатуры и прекращенія—конечно, временнаго—конституціонныхъ гарантій. Диктатура уже и установлена на островѣ Сициліи и на материкѣ въ провинціи Масса и Каррара, гдѣ провозглашено осадное положеніе. Правительственные органы говорятъ, что народное движеніе уже всюду усмирено, но кто же вѣритъ офиціальнымъ органамъ? Изъ Сициліи, правда, не получается больше извѣстій о массовыхъ возстаніяхъ, да и не мудрено, когда туда отправлена пятидесятитысячная армія и генералу дано полномочіе дѣйствовать съ неумолимою строгостью. Но что же будетъ потомъ? У инсургентовъ отобрали оружіе, ихъ накажутъ, но что же они будутъ ѣсть и чѣмъ платить налоги государству, городскимъ и сельскимъ управамъ, наложившимъ невозможныя подати на народъ, у котораго землю отобрали за долги. Движеніе, поднявшееся въ Италіи, не республиканское, даже не соціалистское, а чисто экономическое и возникло для защиты себя и семьи отъ голода и нищеты. Народъ протестовалъ противъ податныхъ тягостей, разрушалъ казенныя зданія, меріи, таможни, кадастровыя конторы. Онъ возсталъ не противъ короля и династіи, а противъ неумѣлой и корыстной мѣстной администраціи. Итальянская печать единогласно объясняетъ событія въ Сициліи невыносимо жалкимъ положеніемъ страны, бѣдностью населенія, злоупотребленіями властей. Если народное движеніе не ознаменовало себя неистовствами и нарушеніями частной собственности, это произошло оттого, что оно устранвалось рабочими союзами (fasci dei lavoratori), учрежденными съ цѣлью распространенія соціальныхъ идей, но весьма плохо прививающимися къ массѣ сицилійскаго населенія: до того еще оно дико и невѣжественно. А между тѣмъ, богатые классы острова до сихъ поръ не хотятъ понять, что средневѣковымъ порядкамъ необходимо положить конецъ и что нельзя заставить народъ трудиться до истощенія силъ, для того чтобы этимъ синьорамъ и galantuomini хорошо жилось. 340 общинъ Сициліи платятъ больше 22 милліоновъ фр. пошлинъ, тогда какъ вся Италія вмѣстѣ—35 мил., и въ томъ числѣ Піемонтъ 17, а Венеція всего 7 мил., хотя они гораздо богаче. Чтобы сохранить за собою прежнюю власть, синьоры составляютъ даже планы отдѣлиться отъ королевства и въ то же время требуютъ, чтобы пришедшія на островъ войска были ихъ охранителями. Трудно будетъ правительству бороться со всѣми классами населенія безъ введенія коренныхъ реформъ.

Съ острова возстаніе распространилось и на твердую землю: въ Руво, въ Апуліи, произошли весьма серьезные безпорядки. Бунтовщики сожгли

будки городской таможенной стражи, зданіе думы, бюро взиманія налоговъ, податное агентство, нотаріальный архивъ, разобрали рельсы желѣзной дороги, перерѣзали проволоку телеграфовъ, даже произвели нападеніе на жандармскія казармы. Однимъ словомъ, систематически повторилось все, что продѣлывалось въ Сициліи. Порядокъ былъ возстановленъ только войсками, прибывшими изъ Бари. Въ Реджіо и другихъ городахъ провинціи Эмиліи произошли подобныя же движенія; въ Калабріи тоже; въ Римѣ была попытка такой же манифестаціи, и захваты, произведенные тамъ, обнаружили подготовку къ серьезному возмущенію. Представители сорока рабочихъ ассоціацій, сопровождаемые массою черни, двинулись изъ Трастевере, съ красными знаменами, окутанными крепомъ, съ криками: да здравствуетъ соціальная революція и сицилійскіе мученики! долой парламентъ и армію»! Въ полицейскихъ начали стрѣлять съ криками: долой сбировъ! Появленіе войска разогнало бунтовщиковъ. Подобныя же манифестаціи произошли въ Миланѣ, Пизѣ, Спеціи, Монцѣ, Павіи, Комо, Брешіи, Кремонѣ, Моденѣ, Страделлѣ, Санъ-Ремо, Анконѣ.

Но самое серьезное возстаніе на полуостровѣ было въ Массѣ и Каррарѣ. Между этими городами уничтожены рельсы, инсургенты заняли окрестности и вступили въ перестрѣлку съ высланной противъ нихъ кавалеріей. Въ Ливорно закрылись всѣ лавки и магазины. У воротъ правительственныхъ зданій найдена бомба съ зажженнымъ фитилемъ, который удалось потушить. Въ Кастельветрано пустили въ дѣло даже артиллерію. Криспи сознался, что положеніе дѣлъ весьма опасно, но не принимаетъ мѣръ, чтобы улучшить его. Прежде всего — нѣтъ денегъ: послѣдніе рессурсы истощены расходами на отправленіе огромной арміи въ Сицилію. О новыхъ налогахъ нечего и думать. Заговорили объ уменьшеніи платежей по долговымъ обязательствамъ, но это было бы уже первымъ шагомъ къ государственному банкротству. Пытались сдѣлать заемъ въ Австріи и Германіи, но получили вездѣ вѣжливый отказъ, сопровождаемый горячими сожалѣніями. Предлагаютъ продажу королевскихъ дворцовъ. Самъ Гумбертъ живетъ очень скромно и его помѣщенія не отличаются особенной роскошью, но ему досталось въ разныхъ городахъ, отъ разныхъ королей и герцоговъ, столько дворцовъ, поддерживаемыхъ изъ тщеславія, что обращеніе на государственныя нужды этихъ остатковъ павшаго величія было бы самымъ разумнымъ дѣломъ.

Евреи видимо выводятъ изъ терпѣнія даже своихъ лучшихъ друзей и противъ жидовскаго нахальства возстали даже поляки. «Познанскій Дневникъ» рѣзко разоблачаетъ непріязнь этихъ паразитовъ къ полякамъ, пріютившимъ жидовъ въ то время, когда на западѣ противъ нихъ было жестокое гоненіе. Послѣ раздѣла Польши, они перешли на сторону нѣмцевъ, а въ царствѣ польскомъ заботятся только о своихъ гешефтахъ. Въ Галиціи они захватили всѣ дворянскія и магнатскія польскія имѣнія;

въ Вѣнѣ господствуетъ нѣмецкое жидовство. Въ областяхъ, принадлежащихъ Пруссіи, евреи старательно поддѣлываются подъ нѣмецкую народность и выступаютъ принципіальными врагами поляковъ, въ ненависти къ нимъ превосходя даже нѣмцевъ. Въ борьбѣ Бисмарка съ польскими элементами, они посылали ему благодарственные адресы и всегда отстаивали всѣ мѣры противъ польщизны. И въ то же время евреи обижаются, когда имъ говорятъ правду. Вся еврейская молодежь вышла изъ общества «Соколъ», послѣ того какъ въ немъ, на лекціи о Мицкевичѣ, евреи были названы элементомъ чуждымъ Галиціи и терпимымъ тамъ поляками только изъ оппортунизма. Не слѣдовало бы только упрекать польскихъ жидовъ, что они говорятъ по нѣмецки. Вѣдь запретили же львовскія духовныя власти воспитанникамъ русской духовной семинаріи разговаривать по русски и читать русскія книги, а кто изъ воспитанниковъ будетъ уличенъ въ такомъ преступленіи, того немедленно исключаютъ.

Но кто бы могъ представить себѣ: жиды до того храбры, что ихъ много между анархистами. Или это происходитъ оттого, что всюду, куда ихъ пускаютъ, жиды считаютъ нужнымъ совать свой носъ, чтобы попробовать, нельзя ли устроить выгодный гешефтъ? По словамъ лондонскихъ корреспондентовъ, анархисты въ Англіи раздѣляются на три группы: Freedom, Commonwealth, International. У каждаго общества свой особый органъ. Первое проповѣдуетъ коммунистическій анархизмъ, второе—индивидуалистическій, третье—еврейскій. Въ немъ до сотни членовъ больше, чѣмъ въ другихъ группахъ. Анархисты изъ жидовъ чуждаются, будто бы, всякихъ насилій и жлутъ терпѣливо манны небесной. Но на сходкахъ они произносятъ самыя возмутительныя рѣчи и высказываютъ самыя крайнія убѣжденія. Въ этомъ виденъ весь еврейскій характеръ: въ словахъ наглость и дерзость, въ поступкахъ—разсчетъ и осторожность.

Въ Константинополѣ обнародованъ султанскій декретъ, которымъ всѣ корреспонденты обязываются отнынѣ сообщать своимъ газетамъ только свѣдѣнія, доставляемыя имъ главнымъ турецкимъ управленіемъ по дѣламъ печати. Тѣ же корреспонденты, которые будутъ получать свои свѣдѣнія отъ другихъ лицъ или изъ постороннихъ источниковъ, приглашаются неукоснительно передавать только офиціальныя извѣстія, иначе послѣдуетъ немедленная высылка за границу. Что же?—это, по крайней мѣрѣ, ясно, категорично и значительно упрощаетъ журнальное дѣло. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ—пророкъ его». Нѣтъ печати, кромѣ офиціальной, а правительство—источникъ ея. Этимъ уничтожаются всякія недоразумѣнія и не требуется никакихъ разсужденій. И притомъ какая примѣрная справедливость: законъ этотъ относится также и къ турецкой печати. Никто не обиженъ, а правосудіе вполнѣ удовлетворено. Гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ такими прямолинейными учрежденіями, чѣмъ съ управленіями, которыя сами не знаютъ, какой системы держаться: сегодня смо-

трятъ на все сквозь пальцы, а завтра прибѣгаютъ къ неожиданнымъ мѣрамъ строгости. Въ Турціи, по крайней мѣрѣ, не задумываются надъ сложными вопросами и рѣшаютъ ихъ категорически и на чистоту.

НОВЫЯ КНИГИ.

Брандесъ. **Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія. Англійская литература. Москва. 1893.**

Въ 1881 году явилась въ Москвѣ,—не въ изданіяхъ К. Солдатенкова—книга того же автора, подъ тѣмъ же заглавіемъ, но въ ней говорилось только о нѣмецкой литературѣ. Книга, появившаяся въ подлинникѣ еще въ 1871 году, имѣла успѣхъ и въ русскомъ переводѣ, какъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Это былъ сборникъ лекцій, читанныхъ въ Копенгагенѣ датскимъ евреемъ, Георгомъ Брандесомъ, и переведенныхъ въ Берлинѣ. Лекціи были интересны, изложены живымъ, бойкимъ языкомъ, и судьба автора возбудила участіе нѣмецкихъ и французскихъ либераловъ: онъ блистательно кончилъ курсъ въ копенгагенскомъ университетѣ, но ортодоксальная партія не дала ему профессорскаго званія и каѳедры за идеи, выраженныя имъ въ книгѣ: «Дуализмъ въ современной философіи». Поклонникъ Тэна, переводчикъ Спенсера, послѣдователь Конта, Брандесъ былъ слишкомъ либераленъ для благочестивыхъ датчанъ, и его подвергли преслѣдованіямъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, выбраннымъ въ члены фолькстинга. Негодованіе ретроградовъ выразилось въ открытомъ письмѣ президента палаты, спрашивавшаго: «позволяетъ ли новоизбранному депутату его явно пропонѣдуемое безвѣріе принести присягу съ именемъ Бога». Еврей протестовалъ противъ нескромнаго вопроса, но присягу принялъ. Вскорѣ, однако, гоненія усилились до того, что въ 1877 году Георгъ Брандесъ оставилъ родину, переселился въ Берлинъ и сталъ писать на нѣмецкомъ языкѣ. Вышедшая тамъ вторая часть его лекцій служитъ продолженіемъ первой и представляетъ главныя теченія англійской литературы отъ Вордсворта до Байрона. Изъ 21 главы шесть отведено Байрону, по двѣ Т. Муру, Кольриджу, Вордсворту; остальныя—Китсу, Соути, Лендору, Шелли, Вальтеръ-Скотту. Въ остальныхъ главахъ изслѣдуются общія черты нашего вѣка и народнаго характера въ Англіи, ея политическія идеи, особенности англійскаго натурализма и «озерной школы». Характеристика писателей вообще вѣрна, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ критикъ придаетъ слишкомъ много значенія. Есть у него также замашка подгонять разбираемыхъ имъ авторовъ подъ одинъ общій типъ, давая ему произвольную кличку. Такъ, у него Китсъ названъ представителемъ универсальнаго сенсуализма, тогда какъ онъ далеко не во всѣхъ своихъ произведеніяхъ

былъ сенсуалистомъ и уже никакъ не универсальнымъ. «Восточный романтизмъ» Соути, «радикальный натурализмъ» Шелли—все это громкіе, но пустые ярлыки, не опредѣляющіе сущности и направленія этихъ поэтовъ. Въ сужденіяхъ критика проглядываетъ его семитическая натура, даровитая, проницательная, но безсердечная и не склонная къ синтезу. Иногда онъ придаетъ направленію школъ несвойственные имъ эпитеты: нельзя любовь англичанъ къ природѣ называть натурализмомъ и считать ее ихъ національнымъ отличіемъ. Мысль, что греческая корона была заманчивою цѣлью стремленій Байрона, очень рискованна. Нельзя также утверждать, что у Гёте и Мюссэ не было влеченія къ справедливости, которымъ отличались Байронъ и Шелли. И въ то же время Брандесъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что самый свободолюбивый народъ, какъ англичане, постоянно подавляетъ влеченія къ свободѣ у другихъ народовъ, понуждаемый «самымъ одеревенѣлымъ и упрямымъ правительствомъ торіевъ». Также справедлива его мысль, что война за освобожденіе Германіи, хоть и была борьбой за домашній очагъ, но велась подъ руководствомъ старыхъ реакціонерныхъ династій, а наполеоновскій деспотизмъ былъ уничтоженъ только для того, чтобы «возобновить всѣ старые гнилые троны, которые были заново сколочены съ такою поспѣшностью, съ какой воздвигаются только эшафоты». Подобныхъ мѣткихъ выраженій у критика немало и, восторгаясь писателями Англіи, онъ высказываетъ прямо: «такое религіозное ханжество, какое выказалось по отношенію къ Байрону и Шелли, не только глупость, но и въ высшей степени отвратительное лицемѣріе, вызванное крайнею умственною ограниченностью». Далѣе онъ называетъ прямо англійскую церковь «кукольной комедіей», а всѣхъ англичанъ отъявленными лицемѣрами и прибавляетъ: «что можетъ быть отвратительнѣе тѣхъ вѣжливыхъ поклоновъ, которые отвѣшиваются передъ Богомъ въ англійскихъ книгахъ и газетахъ». Характеристика Георговъ и ихъ министровъ у него также образна, какъ и оцѣнка писателей.

Переводъ г. Невѣдомскаго хорошъ и правиленъ. Встрѣчается употребленіе слова «риваль», вмѣсто соперникъ, и мелкіе промахи. Но можно было бы обойтись безъ цитированія плохаго перевода (Гербеля) байроновской оды къ Греціи. Жаль также, что нельзя было обойтись безъ перепечатки разгонистымъ шрифтомъ (24 строки вмѣсто 36-ти) тѣхъ страницъ, гдѣ Брандесъ разбиралъ «Манфреда» и «Каина».

Воспоминанія *Алексиса Токвиля*. Москва. Изданіе К. Солдатенкова. 1893 г.

Тридцать пять лѣтъ назадъ умеръ одинъ изъ выдающихся дѣятелей, публицистъ, авторъ хорошей книги: «Демократія въ Америкѣ», бывшій—хотя очень короткое время—министромъ, если не особенно искуснымъ, то честнымъ и благонамѣреннымъ; Слабаго здоровья, онъ съ трудомъ переносилъ даже мягкій парижскій климатъ и, оставивъ политическое поприще,

долго жилъ въ Сорентo, на берегу Неаполитанскаго залива. Какъ всѣ умные люди, привыкшіе къ работѣ, онъ сталъ писать воспоминанія и, прежде всего, о той эпохѣ своей дѣятельности, когда онъ былъ политическимъ лицомъ, хотя, какъ литераторъ, онъ имѣетъ гораздо больше значенія. Мемуары эти составлены въ концѣ 1850 и началѣ 1851 гг. и авторъ не успѣлъ пересмотрѣть ихъ, скончавшись 54-хъ лѣтъ. Писалъ онъ на отдѣльныхъ листкахъ, и въ нихъ встрѣчаются большіе пробѣлы. Такъ, вовсе пропущено іюньское возстаніе 1848 года, къ которому авторъ обѣщалъ возвратиться впослѣдствіи, но смерть помѣшала ему исполнить свое обѣщаніе. Онъ самъ завѣщалъ издать его воспоминанія не только послѣ своей смерти, но по смерти тѣхъ лицъ, которыхъ онъ «царапаетъ въ своихъ записяхъ—иныхъ до крови», и о которыхъ высказываетъ «свободныя сужденія». Но наслѣдники писателя могли бы поторопиться съ выпускомъ въ свѣтъ этихъ «воспоминаній». Если ихъ нельзя было обнародовать во время второй имперіи, то съ начала семидесятыхъ годовъ было время сдѣлать ихъ извѣстными. Такія произведенія, чтобы пользоваться успѣхомъ, не должны являться залежавшимися. Мемуары Талейрана оттого не имѣли успѣха, что вышли слишкомъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ его смерти. Все, что говоритъ Токвиль о дѣятеляхъ 1848—1849 годовъ, давно высказано и извѣстно, а нѣсколько новыхъ чертъ ихъ біографій и сужденія, въ которыхъ нѣтъ ничего особенно обиднаго и «свободнаго», не перемѣнятъ мнѣнія, составленнаго объ нихъ исторіею. Издатель «воспоминаній» говоритъ, что для нихъ настоящее время явиться въ свѣтъ—теперь, когда «страсти улеглись и водворилось безпристрастіе». И самъ тутъ же ставитъ на одну доску Ледрю-Роллена съ Делеклюзомъ и Раулемъ Риго, и отзывается съ пренебреженіемъ о Луи Бланѣ и Консидеранѣ,—послѣднемъ представителѣ теорій Фурье, умершемъ въ прошломъ мѣсяцѣ въ бѣдности и одиночествѣ, но вѣрномъ ученію всей своей жизни. Издатель «воспоминаній», конечно, никогда не видалъ этихъ лицъ и незнакомъ съ ихъ идеями—и потому такъ развязно сравниваетъ между собою людей совершенно различныхъ направленій. Что касается до самого Токвиля, то онъ рекомендуетъ себя «конституціоннымъ монархистомъ» и говоритъ, что «республиканская система правленія не можетъ удовлетворить потребностямъ Франціи». Съ другой стороны, отзываясь въ самомъ началѣ своихъ «воспоминаній» несочувственно о буржуазіи, низвергнувшей Луи-Филиппа, авторъ замѣчаетъ, что среднее сословіе, захвативъ власть, не допускало къ ней легально никого, кто стоялъ ниже, и фактически—всѣхъ, кто стоялъ выше. А много ли и теперь этихъ «стоящихъ выше», въ пользу которыхъ напрасно старался Токвиль и также безуспѣшно стараются его наслѣдники? Авторъ высказываетъ даже и совсѣмъ дикія мысли, утверждая, что «представители судебнаго вѣдомства не способны быть политическими дѣятелями». Это все та же, отжившая свой вѣкъ, теорія, что хорошими правителями могутъ быть только глу-

бокомысленные политиканы, и ея нелѣпость доказываетъ вся дальнѣйшая исторія Франціи; достаточно назвать одного Гамбету. Принципъ всеобщаго равенства Токвиль прямо называетъ «грубымъ». Но какой же принципъ признаётся имъ «вѣжливымъ»? Объ адвокатахъ онъ тоже невысокаго мнѣнія и говоритъ, что они «никакъ не могутъ отдѣлаться отъ своихъ привычекъ: или отстаивать то, въ чемъ они не убѣждены, или легко убѣждаться въ томъ, что желаютъ отстаивать». Это, пожалуй, и правда, но вѣдь и такіе политики, какъ Токвиль, сдѣлавшись министрами, пытаются управлять республикой съ помощью монархистовъ—въ чемъ его упрекаетъ даже издатель его «воспоминаній». Да еще и раньше Токвиль, сынъ пэра Франціи и префекта, бывши судьею въ Версали и горячимъ легитимистомъ, въ революцію 1830 года принялъ присягу королю-гражданину, чтобы не потерять своего судейскаго мѣста, и даже по порученію начальства отправился и въ Америку, гдѣ собралъ матерьялы для своей книги, доставившей ему извѣстность. Сдѣлавшись членомъ палаты депутатовъ, гдѣ онъ засѣдалъ съ 1839 года по 1847 годъ, онъ совершенно разошелся съ партіей легитимистовъ, но, какъ клерикалъ и консерваторъ, не игралъ и въ палатѣ выдающейся роли, не являлся на ораторской трибунѣ. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что правительство не можетъ существовать только для одной буржуазіи, и за мѣсяцъ до февральской революціи произнесъ рѣчь, въ которой указывалъ на злоупотребленія власти, на подкупы избирателей въ члены палаты депутатовъ. Какъ въ іюлѣ 1830 года, народъ кричалъ: «да здравствуетъ свобода печати»! не подозрѣвая, что этотъ возгласъ уничтожаетъ монархію Бурбоновъ, такъ въ февралѣ 1848 года онъ кричалъ: «да здравствуетъ реформа»! не думая, что это требованіе изгоняетъ орлеанскую династію и вводитъ всеобщую подачу голосовъ. И Токвиль рельефно изображаетъ этотъ послѣдній періодъ, клеймя по заслугамъ палату и министерство, которыя довели Луи-Филиппа до сопротивленія праву сходокъ, признанному конституціей. Авторъ набросалъ мастерскія характеристики Ламартина съ его нерѣшительностью и цвѣтистой фразеологіей, Берье, генерала Бедо, Гизо и др., хотя нерасположеніе къ крайнимъ партіямъ и заставляетъ его рисовать въ ложномъ свѣтѣ типы Бланки, Ледрю-Роллена, соціалистовъ. А между тѣмъ тотъ же авторъ сознаётся, что всѣ основныя учрежденія въ обществѣ только потому считаются неприкосновенными, что къ нимъ привыкли и что границы соціальнаго устройства могутъ быть еще очень далеко раздвинуты. Изъ этихъ словъ Токвиля видно, что его философскіе взгляды вѣрнѣе его политическихъ вѣрованій. Въ іюньскомъ возстаніи онъ видитъ борьбу пролетаріата противъ неравенства состояній, противнаго, по мнѣнію рабочаго класса, законамъ морали и природы. И по усмиреніи этого возстанія испуганная интеллигенція стала искать спасителя, и нашла его въ—Луи-Наполеонѣ. Вступивъ въ половинѣ іюня 1848 года министромъ иностранныхъ

дѣлъ въ кабинетѣ Одилона Барро, Токвиль энергично и рьяно въ теченіе шести мѣсяцевъ отстаивалъ права демократіи, хоть и ненавидѣлъ ее. Недаромъ Сентъ-Бёвъ, въ своемъ литературномъ портретѣ Токвиля, говоритъ, что онъ, какъ Паскаль, былъ пригвожденъ къ своему кресту, но крестъ этотъ доставилъ ему славу. Спюллеръ, нынѣшній министръ просвѣщенія, въ разборѣ «воспоминаній», помѣщенномъ въ «Revue bleue», называетъ его «воспитателемъ демократіи» и прибавляетъ, что титулъ этотъ—завидная слава.

Д. Коровяковъ. **Этюды выразительнаго чтенія** художественныхъ литературныхъ произведеній. 1893.

Д. Коровяковъ. **Искусство выразительнаго чтенія.** 1892 г.

Два года сряду г. Коровяковъ издаетъ книги объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ появившихся въ концѣ прошлаго года «этюдахъ» его, авторъ говоритъ, что благосклонный пріемъ, оказанный критикой и публикой его первому сочиненію и «широкое» одобреніе, данное ей учебнымъ начальствомъ разныхъ вѣдомствъ, поощрило его къ дальнѣйшей работѣ на избранномъ пути. И плодомъ этого поощренія явилось второе произведеніе. Оба они въ сущности—теорія декламаціи, преподаваемая теперь только въ театральныхъ школахъ, готовящихъ драматическихъ артистовъ, но давно оставленная, вмѣстѣ съ риторикою, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ находятъ, что учить хорошо читать также безполезно, какъ и сочинять. Отъ мысли поставлять изъ школъ хорошихъ сочинителей современная педагогика уже отказалась. Хорошихъ чтецовъ образовать чрезвычайно трудно и для этого не существуетъ никакихъ теоретическихъ правилъ; достаточно, если произведеніе читается со смысломъ и правильно; даже лучшіе писатели большею частію плохіе чтецы, потому что для декламаціи нужно много условій, не всегда зависящихъ отъ натуры. Г. Коровяковъ стоитъ во главѣ частной драматической школы и готовитъ къ сценѣ артистовъ, поэтому онъ твердо увѣренъ въ существованіи законовъ для декламаціи и даже назвалъ свое искусство выразительнаго чтенія «опытомъ систематическаго изложенія теоретическихъ основъ и пріемовъ преподаванія». И надо сознаться, онъ съ большою ловкостью, жаромъ и умѣньемъ отстаиваетъ свою систему. Она подробно и ясно изложена въ его книгахъ, съ которыми необходимо ознакомиться, чтобы составить объ ней правильное понятіе.

Въ обѣихъ книгахъ довольно обширныя введенія. Въ первомъ авторъ доказываетъ, что «тончайшіе изгибы выразительности человѣческой рѣчи могутъ быть измѣрены и введены въ рамки теоріи». Но вотъ именно съ этимъ-то положеніемъ трудно согласиться. Впечатлѣніе, производимое хорошими актерами, ораторами, проповѣдниками, зависитъ не отъ теорій, а отъ личныхъ индивидуальныхъ свойствъ человѣка. Сколько искусныхъ артистовъ видѣли мы въ лучшихъ классическихъ роляхъ, и каждый изъ нихъ былъ

хорошъ «по своему», произнося на свой ладъ извѣстныя тирады, стихи, монологи. Какія же для этого могутъ быть непреложныя правила! Одинъ придавалъ больше значенія, оттѣнковъ, такому-то положенію, другой находилъ новые эффекты въ иной сценѣ. Да и для произведенія полнаго впечатлѣнія необходимо, чтобы актеръ чувствовалъ себя въ духѣ, былъ, какъ говорится, «въ ударѣ». Сама публика должна быть настроена сценическою, обстановкою для воспринятія этого впечатлѣнія. Вѣдь и для того, чтобы «ударить по сердцамъ съ невѣдомою силой» могучимъ стихомъ, надо, чтобы эти сердца не заплыли жиромъ, не зачерствѣли въ заботахъ о наживѣ и самоуслажденіи. Ораторъ, увлекая толпу, дѣйствуетъ не на умъ, а на чувство, и никакая психофизика не подвела еще движеній сердца подъ неоспоримыя нормы. Гдѣ же тутъ сочинять правила, какъ въ такомъ-то выраженіи надо сдѣлать удареніе или повышеніе голоса на такомъ-то словѣ. Разсказавъ въ краткихъ словахъ, какъ хорошо декламировали въ древней Греціи, особенно актеры, которыхъ за это выбирали въ посланники и военачальники, упомянувъ далѣе, на основаніи цитаты Л. Н. Толстаго, что въ эпоху Тальмы искусство чтенія состояло въ томъ, чтобы между отчаяннымъ завываніемъ и пѣвучимъ шопотомъ переливать слова независимо отъ ихъ значенія (хотя о талантѣ Тальмы есть у насъ свидѣтельство и другаго рода) г. Коровяковъ переходитъ прямо къ нашему времени и упоминаетъ сочиненія авторовъ, писавшихъ до него о томъ же предметѣ: В. П. Острогорскаго, П. Д. Боборыкина, М. Бродовскаго, Легувэ, но «отсылаетъ интересующихся этимъ вопросомъ съ указаннымъ источникамъ». Нельзя не признать этотъ путь по меньшей мѣрѣ страннымъ. Собираясь писать о чемъ бы то ни было, необходимо не только ознакомиться съ тѣмъ, что было прежде высказано по этой части, но слѣдуетъ привести главные выводы своихъ предшественниковъ, чтобы читатель видѣлъ, что новаго вноситъ новый писатель въ разработываемую имъ область. А г. Коровяковъ цитируетъ почти одного Легувэ, отчаяннаго классика и плохаго эстетика. Онъ говоритъ сначала о техническихъ условіяхъ хорошаго чтенія: голосѣ, произношеніи, тонѣ и ритмѣ рѣчи, объ управленіи дыханіемъ и т. п. Филологическихъ сторонъ въ образованіи звуковъ русской рѣчи авторъ не касается, а говоритъ только о фонетическихъ основахъ произношенія. Есть въ этомъ изложеніи много вѣрныхъ замѣтокъ, но далеко не со всѣми можно согласиться безусловно, и всѣ онѣ могли бы явиться въ болѣе сжатомъ видѣ. Дѣлать изъ декламаціи особую науку, въ нашъ вѣкъ, когда недостаетъ времени и на пріобрѣтеніе настоящихъ серьезныхъ знаній— немножко странно. А въ книгахъ г. Коровякова болѣе 330 страницъ. И къ чему этотъ ученый, педантическій тонъ, съ употребленіемъ иностранныхъ словъ для выраженія всѣмъ извѣстныхъ правилъ? Твердый звукъ *г* превращается въ *х*, а съ придыханіемъ—въ *ɣ*. Но авторъ пере-

даетъ эту простую истину такъ: «смычное г всегда викаріируетъ въ к, а спирантъ г викаріируетъ въ х». И подобныхъ заковыристыхъ фразъ немало въ обѣихъ книгахъ. Логическимъ основаніямъ рѣчи посвящено 20 страницъ. По счастью, при употребленіи логическихъ ударенiй, авторъ не признаётъ законовъ, поставленныхъ Дистервегомъ, Эйртманомъ и допускающихъ множество исключеній. Художественныя условія декламаціи изложены проще, хотя и тутъ не обходится безъ «символичности, объективныхъ, субъективныхъ и индивидуальныхъ окрашиваній», причемъ г. Коровяковъ считаетъ нужнымъ подробно знакомить насъ со всѣми двадцатью окрашиваніями Бенедикса. Этическимъ акцентамъ придается также слишкомъ много значенія. Во введеніи ко второй части своего труда авторъ увѣряетъ, что декламаціей начинаютъ интересоваться не какъ формою артистической дѣятельности, не какъ отдѣльными случаями личной талантливости или простымъ диллетантствомъ, но какъ искусствомъ, заслуживающимъ не только изученія, но и возможнымъ для обученія. Обучать можно всему: учатъ даже блохъ танцовать, а не прыгать; но гдѣ же г. Коровяковъ нашелъ это искусство «практически полезнымъ въ современномъ жизненномъ строѣ и необходимымъ въ ряду воспитательныхъ задачъ семьи и школы». Какія воспитательныя задачи рѣшаетъ декламація? Авторъ не говоритъ этого, но утверждаетъ, что лица, приходившія къ нему учиться декламаціи, открывали «цѣлый, невѣдомый имъ дотолѣ, міръ эстетическихъ наслажденій». И все это, вѣроятно, оттого, что они научились какъ слѣдуетъ викаріировать смычное г или спирантъ. Изложивъ теоретическія основы декламаціи, авторъ сознаётся однако, что практическое обученіе ей, особенно заочное, весьма трудно, что многіе «подходятъ къ его книгѣ съ вопросами: какъ же надобно читать? и не получаютъ никакого отвѣта». Да и не могутъ получить его, потому что хорошее чтеніе—искусство индивидуальное, что передавать свою интонацію чужому голосу немыслимо; знаніе пріемовъ и умѣнье примѣнять ихъ могутъ дать, по словамъ самого автора, только правильное, а не художественное чтеніе, вполнѣ зависящее отъ личной натуры каждаго, да и, право, достаточно показать, какъ не надо читать, то есть дать общія правила чтенія правильнаго, логическаго, оставивъ нѣмцамъ всѣ ихъ окрашиванія и разныя Spitzfindigkeiten, вовсе несвойственныя духу русскаго человѣка. Много любопытныхъ замѣтокъ приводитъ авторъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о рельефности, колоритности, мелодичности чтенія, о характерномъ чтеніи, и въ этомъ отношеніи книга его читается съ большимъ интересомъ, но твердыхъ основныхъ теорій декламаціи вывести изъ нея нельзя, потому что онѣ не существуютъ.

Учебникъ науки полицейскаго права. *И. Т. Тарасова.* Москва, 1893 года.

Недавно вышелъ изъ печати 2-й выпускъ полицейскаго права проф.

московскаго университета Тарасова. Являясь продолженіемъ 1-го выпуска, 2-й заключаетъ въ себѣ окончаніе того отдѣла полицейскаго права, который извѣстенъ подъ названіемъ «полиціи безопасности».

Въ составъ 2-го выпуска полицейскаго права г. Тарасова вошли слѣдующія главы: XVII-я—мѣры безопасности относительно животныхъ и предметовъ, XVIII-я: мѣры безопасности относительно стихійныхъ силъ природы и XIX глава—мѣры относительно опасности, по характеру своему, смѣшаннаго происхожденія. Въ изложеніи предмета проф. Тарасовъ держится слѣдующей системы: во-первыхъ, онъ выясняетъ сущность вреда или опасности отъ различныхъ животныхъ, предметовъ или стихійныхъ силъ, затѣмъ указываются мѣры, если несовсѣмъ устраняющія опасность, то ограничивающія ее, и, наконецъ, приводятся постановленія законодательствъ различныхъ странъ. Не смотря на разнообразіе и многочисленность вопросовъ, входящихъ въ составъ 2-го выпуска, авторъ съ достаточною ясностью и полнотой выясняетъ сущность каждаго вопроса, стараясь держаться на высотѣ современнаго научнаго взгляда на дѣло. Полицейская дѣятельность государства и общественныхъ учрежденій касается такой массы явленій, что для правильнаго уясненія той или другой полицейской мѣры необходимо быть знакомымъ не только съ основными началами всѣхъ наукъ, но и съ ихъ послѣднимъ словомъ. Одинъ перечень вопросовъ, составляющихъ предметъ 2-го выпуска, указываетъ на разнообразіе и богатство матеріала. Такъ, рядомъ съ мѣрами, принимаемыми противъ вредныхъ, ядовитыхъ, сильно дѣйствующихъ предметовъ, идетъ разсмотрѣніе опасности отъ легковоспламеняющихся и взрывчатыхъ веществъ, затѣмъ отъ оружія и т. д. Фальсификація, недоброкачественность пищевыхъ веществъ, условія ихъ приготовленія, содержанія и храненія, жилища, ихъ устройство, отношеніе ихъ къ численности населенія, канализація, кладбища, устройство и содержаніе улицъ, площадей, тротуаровъ, скверовъ, городскихъ постовъ, дорогъ—проселочныхъ, шоссейныхъ, желѣзныхъ—водяныхъ путей; здоровье, жизнь, матеріальное благосостояніе и пр., и пр.—все это является предметомъ заботливости государственной власти и входитъ въ курсъ полицейскаго права. Сопоставленіе западноевропейскихъ законодательствъ съ русскимъ обнаруживаетъ явное несовершенство послѣдняго. Такъ, напр., наши уставы далеко отстали отъ жизни и ея потребностей и лишены единства проводимыхъ ими началъ, являясь постепеннымъ наслоеніемъ различныхъ, нерѣдко даже противорѣчивыхъ, постановленій. Такъ, на страницѣ 370, говоря объ обезпеченіи населенія здоровымъ молокомъ, авторъ указываетъ на то, что въ западной Европѣ установленъ контроль за состояніемъ здоровья дойнаго скота, лицъ, имѣющихъ уходъ за скотомъ, за чистотой помѣщенія, посуды и пр. Между тѣмъ, въ Россіи всѣ мѣры, регулирующія продажу молока, «пока ожидаютъ лишь своего осуществленія». Затѣмъ, на стр. 375, авторъ признаётъ

наиболѣе скудными (сравнительно съ другими государствами) постановленія русскаго законодательства по вопросу о предупрежденіи недоброкачественности муки, объ установленіи классификаціи хлѣбныхъ товаровъ. Эта неполнота русскаго законодательства гибельно отражается не только на недоброкачественности продуктовъ, идущихъ на внутреннее потребленіе, но и, какъ извѣстно, на судьбѣ нашей экспортной хлѣбной торговли. Далѣе авторъ указываетъ на неудовлетворительность призрѣнія бѣдныхъ и нищихъ, такъ какъ «въ русскомъ законодательствѣ объ управленіи общественнымъ призрѣніемъ нѣтъ общихъ руководящихъ началъ и всѣ благотворительныя учрежденія дѣйствуютъ на основаніи своихъ уставовъ и положеній». Затѣмъ, нѣтъ въ Россіи единаго центральнаго органа для завѣдыванія всѣми дѣлами общественнаго призрѣнія, равно какъ нѣтъ правильно организованнаго общаго контроля и надзора за различными учрежденіями этого рода. Наконецъ, «русское законодательство не признаётъ за бѣдными и нищими права на призрѣніе, которое не считается обязанностью государства, равно какъ не установлено никакого общаго налога для бѣдныхъ, ни мѣстнаго, ни государственнаго». На стр. 571 авторъ указываетъ на неполноту и нецѣлесообразность мѣръ, относящихся къ охраненію народнаго здравія по русскому законодательству, и пр.

Съ своей стороны, мы должны сказать, что нашъ хотя бы строительный уставъ стоитъ еще на точкѣ зрѣнія исключительно пожарно-строительной, между тѣмъ какъ въ вопросѣ о жилищахъ одинаковое значеніе съ указанной точкой зрѣнія имѣетъ санитарная сторона, которой нашъ строительный уставъ удѣляетъ мало вниманія. Вообще нужно сознаться, что наши многочисленные уставы страдаютъ недостатками внутренняго и внѣшняго характера. Изданные много десятковъ лѣтъ тому назадъ, наши уставы не могутъ быть исправлены даже путемъ новой кодификаціи:—они нуждаются въ тщательномъ и подробномъ пересмотрѣ, такъ какъ въ настоящемъ своемъ видѣ они устарѣли и перестали удовлетворять потребностямъ дѣйствительной жизни.

Свои-чужіе. Романъ *А. В. Круглова.* Кіевъ. Изд. Ф. А. Іогансона, 1893 г.

Автора этого романа незачѣмъ рекомендовать вниманію читателей нашего журнала, потому что г. Кругловъ не разъ помѣщалъ свои произведенія на страницахъ «Наблюдателя». А. В. Кругловъ—не новичокъ въ литературѣ и пишетъ уже давно; по крайней мѣрѣ, имъ издано порядочное количество его сочиненій отдѣльными книгами. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ выдержали по два изданія, что въ наше—критическое для издательской дѣятельности — время свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ и о томъ, что авторъ имѣетъ свой кругъ читающей публики.

Дарованіе г. Круглова довольно разнообразно: у него есть романы, повѣсти, разсказы, путевыя впечатлѣнія («На исторической рѣкѣ»), са-

тирическіе очерки («Губернскія сказки»), стихотворенія и масса книгъ для дѣтскаго чтенія. «На исторической рѣкѣ» (Женскій Авонъ и Вѣчевой городъ) и «Губернскія сказки», помнится, имѣли успѣхъ и охотно читались нашей публикой. Не менѣе полезенъ г. Кругловъ и въ области дѣтской литературы. При всей массѣ матеріала для дѣтскаго чтенія, у насъ чрезвычайно трудно выбрать что нибудь дѣйствительно заслуживающее вниманія. Писать для дѣтей очень трудно: авторъ долженъ владѣть простымъ, удобопонятнымъ, сжатымъ слогомъ, всегда ясно сознавать то, что онъ хочетъ сказать, всегда быть правдивымъ и искреннимъ, потому что чуткая дѣтская душа сейчасъ же чувствуетъ малѣйшую фальшь или натянутость какъ въ идеѣ, такъ и въ фабулѣ произведенія; нужно избѣгать приторно-слащаваго, сантиментальнаго quasi-дѣтскаго языка, которымъ одно время писали для дѣтей, и нужно вмѣстѣ съ тѣмъ вложить въ разсказъ плодотворную нравственную идею. Читатель согласится съ нами, что немногіе изъ литераторовъ, пишущихъ даже для взрослыхъ, обладаютъ этими качествами.

Вообще г. Кругловъ принадлежитъ къ числу наиболѣе симпатичныхъ писателей. Дарованіе его не блещетъ чѣмъ либо выдающимся и онъ не стоитъ въ первыхъ рядахъ нашихъ писателей-художниковъ; но два весьма цѣнныхъ качества несомнѣнно присутствуетъ въ его дарованіи: это—искренность и теплое отношеніе къ рисуемымъ типамъ. Къ своимъ героямъ онъ всегда относится участливо, умѣетъ найти въ нихъ симпатичныя стороны и именно эти стороны выдвинуть на первый планъ, освѣтить съ надлежащей стороны. Это, какъ хотите, немалая заслуга въ наше время, когда беллетристы особенно увлекаются изображеніями мрачныхъ, отрицательныхъ сторонъ жизни и густо накладываютъ темныя краски въ ущербъ свѣтлымъ тонамъ.

Мы не будемъ говорить подробно о содержаніи романа: *Свои-чужіе*, потому что этотъ романъ печатался въ свое время на страницахъ «Наблюдателя» и знакомъ нашимъ читателямъ. Фабула романа чрезвычайно проста: это исторія молодой дѣвушки, получившей высшее образованіе, по окончаніи котораго она попадаетъ въ среду *своихъ* и чувствуетъ себя въ этой средѣ—*чужой*. По своему уму, развитію, взглядамъ, стремленіямъ и образованію, она совершенно разошлась съ той средой, въ которой родилась и провела юные годы; и эта среда, считая ее чуть не ренегаткой, не можетъ ей простить ни разницы во взглядахъ, ни права, отстаиваемаго ею, на самостоятельное мышленіе и на самостоятельные поступки. Въ свою очередь, дѣвушка не можетъ помириться съ устарѣвшими традиціями этой среды и стремится на свободу, къ полной эмансипаціи отъ провинціальной рутины; возникаетъ, конечно, борьба, взаимное непониманіе и, въ концѣ концовъ, дѣвушка покидаетъ родное гнѣздо и уѣзжаетъ въ Петербургъ.

Характеръ героини очерченъ немногими, но ясными чертами, также какъ и характеры ея родителей, претендентовъ на ея руку, и негодяя-брата. Романъ написанъ,—если позволено такъ выразиться,—полутонами; въ немъ нѣтъ того рѣзкаго blanc et noir, которымъ иные писатели, въ ущербъ художественной правдѣ, описываютъ свѣтлыя и темныя стороны своихъ героевъ. Поэтому романъ производитъ мягкое, симпатичное, хотя нѣсколько «сумеречное» впечатлѣніе. Авторъ хорошо знакомъ съ жизнью нашего провинціальнаго общества и правдиво изображаетъ его бытъ и нравы.

Переходя къ оцѣнкѣ технической стороны романа, нельзя не указать на то, что онъ написанъ сжато, безъ «амплификацій», на которыя падки нѣкоторые романисты, пишущіе ради гонорарныхъ соображеній и разводящіе, въ сущности, микроскопическія идейки и темки—обильной водой пустословія и протокольныхъ описаній обстановки и красотъ природы. Слогъ романа—вполнѣ литературный, но конецъ нѣсколько скомканъ и романъ вообще производитъ впечатлѣніе оборванности: читатель несомнѣнно желалъ бы знать, что же именно намѣрена дѣлать героиня въ Петербургѣ и какъ сложится ея жизнь, внѣ вліянія «своихъ»...

Тема романа очень интересна — это продолженіе исторіи «Отцовъ и дѣтей» на современной видоизмѣнившейся почвѣ, и она могла бы быть разработана съ бо́льшей яркостью и полнотой, еслибы авторъ не поспѣшилъ оборвать и кончить свой романъ. Тема вполнѣ заслуживала бы болѣе подробной обработки, но и за то, что́ намъ далъ г. Кругловъ, можно быть благодарнымъ, если принять во вниманіе, что авторъ не обладаетъ могучимъ талантомъ Тургенева, который поднялъ въ литературѣ старый, но вѣчно юный и горячій вопросъ о «своихъ-чужихъ», объ антагонизмѣ «отцовъ и дѣтей»...

Есть въ романѣ и промахи чисто техническаго свойства, но ихъ немного и они незначительны. Какъ на одинъ изъ такихъ,—чтобы не быть голословными,—укажемъ на письмо героини романа къ своимъ подругамъ: оно непомѣрно длинно и занимаетъ около *десяти* страницъ убористой печати. Это и неестественно, и утомительно для чтенія.

Книжка издана опрятно и красиво, чѣмъ не очень-то часто грѣшатъ наши гг. издатели, и сто́итъ она недорого.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Возбужденіе интереса къ вопросу объ общинномъ землевладѣніи.—Докладъ Г. П. Сазонова въ вольно-экономическомъ обществѣ.—Обсужденіе вопроса: «Быть или не быть общинѣ»?—Предложеніе проф. Ходскаго о производствѣ новаго изслѣдованія общины.—Новѣйшія работы по вопросу объ общинномъ землевладѣніи: «Крестьянская община» В. В.; «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ», его же; «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію», проф. Скворцова.—Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1894 годъ.—Надежды министра.—Необходимость увеличенія расходовъ на народное образованіе.—Задачи финансоваго вѣдомства.—Заботы министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ о соотвѣтствіи податей съ платежными силами населенія, и принятіе мѣръ къ тому, чтобы платежи, по времени и системѣ ихъ взысканія, не ослабляли хозяйственныхъ силъ народа.—Рѣчь новаго управляющаго министерствомъ юстиціи Н. В. Муравьева.—Смерть С. И. Мальцева.

За послѣднее время, въ печати и въ обществѣ вновь поднятъ вопросъ объ общинномъ землевладѣніи. Не такъ еще давно все русское общество съ рѣдкимъ единодушіемъ привѣтствовало законопроэктъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, справедливо находя въ этомъ законѣ одно изъ средствъ противъ возрастающаго у насъ обезземеленія крестьянъ. Въ этой поправкѣ къ положенію о выкупѣ ясно выразился основной взглядъ правительства на землю, какъ на коренной источникъ народнаго благосостоянія, который не долженъ быть обращаемъ въ простой товаръ. Съ другой стороны, новый законъ основанъ на признаніи того, что только общинная форма землевладѣнія предупреждаетъ свободную мобилизацію земли, являясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы страховымъ учрежденіемъ отъ безземелья и бездомности нашихъ крестьянъ. Общиннаго землевладѣнія коснулись и два другихъ законопроэкта—регулированіе общинныхъ передѣловъ и отмѣна круговой поруки, которые, подобно первому, также были разсмотрѣны нашей печатью. При оцѣнкѣ этихъ трехъ законопроэктовъ, русское общество и печать имѣли уже случай высказаться относительно общины и ея роли въ жизни русскаго народа, но записка одного лица, выступившаго съ прямымъ отрицаніемъ общиннаго землевладѣнія, выдвинула снова вопросъ объ общинѣ, и на эту старую и спорную тему вновь и усиленно заговорили у насъ... Г. П. Сазонову принадлежитъ заслуга русскаго экономиста, который счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ катего-

рически высказаться противъ помянутой записи и опровергнуть всѣ ея положенія. Съ этой цѣлью онъ, 22 ноября 1893 года, прочелъ рефератъ въ вольно-экономическомъ обществѣ («Быть или не быть общинѣ») привлекшій многочисленную публику. Затѣмъ, прочитанный рефератъ былъ отпечатанъ по распоряженію общества, а 19-го декабря происходили пренія по поводу доклада г. Сазонова, причемъ публика наполнила не только главную и боковую залы, но многимъ изъ интересующихся даже совсѣмъ не удалось проникнуть въ помѣщеніе общества.

Разсмотримъ прежде всего положенія автора записки и возраженія на нихъ г. Сазонова.

1) Авторъ записки приписываетъ вліянію общины неудержимый ростъ земельнаго пролетаріата и совершенное обнищаніе крестьянскаго населенія. Вполнѣ признавая развитіе пролетаріата и обѣдненіе народа, г. Сазоновъ не считаетъ общину причиной этого явленія, какъ не видитъ причины несомнѣннаго разоренія помѣщичьяго хозяйства—въ принципѣ частнаго землевладѣнія. Сравнивая помѣщичье крупное землевладѣніе съ общиннымъ, можно заключить, что первое, не смотря на болѣе благопріятныя условія, разорялось и выпустило изъ рукъ массу земель, а второе не только ничего не потеряло изъ надѣльнаго фонда, но и прикупило огромное количество земель. Затѣмъ, изъ сравненія положенія крестьянскаго хозяйства при подворномъ землевладѣніи съ таковымъ же хозяйствомъ при общинномъ, прямо вытекаетъ, что не только нѣтъ никакихъ фактовъ, указывающихъ на превосходство подворнаго владѣнія предъ общиннымъ, но существуютъ даже обратные факты. Къ тому же приводитъ насъ сравненіе экономическаго состоянія нѣмецкихъ колонистовъ-общинниковъ съ подворниками. Наконецъ, г. Сазоновымъ составлены таблицы, изъ которыхъ видно положеніе крестьянскихъ хозяйствъ въ 2-хъ губерніяхъ—черниговской и полтавской—съ господствующимъ подворнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, и въ 4 черноземныхъ—вятской, самарской, саратовской и тамбовской—съ господствующимъ общиннымъ землевладѣніемъ. Изъ этихъ таблицъ прямо слѣдуетъ, что *по всѣмъ важнѣйшимъ факторамъ, характеризующимъ экономическое положеніе, подворное землевладѣніе стоитъ ниже общиннаго, такъ какъ въ первомъ скота меньше, а безземельныхъ, безрабочихъ и малорабочихъ больше.* Съ другой стороны, тѣ же таблицы даютъ право заключить, что *въ подворной Россіи, наряду съ сильнымъ развитіемъ пролетаріата, является большой сравнительно % зажиточныхъ крестьянъ*, имѣющихъ много рабочаго скота и земли, и обработывающихъ ее трудомъ батраковъ. При общинѣ же меньше зажиточныхъ крестьянъ, но и менѣе пролетаріата. Всѣ эти доводы и цифры могутъ быть сведены къ тому, что *безусловнымъ и повсемѣстнымъ проявленіемъ общинной формы землевладѣнія является огражденіе населенія отъ безземельнаго и бездомнаго пролетаріата.*

2) Противники общины утверждаютъ, что общинное владѣніе самими крестьянами признаётся за зло. Но дѣло въ томъ, что до послѣдняго времени законъ предоставлялъ желающимъ перейти къ подворному владѣнію 2 способа: уничтоженіе общины $^2/_3$ голосовъ

и выдѣленіе отдѣльныхъ хозяевъ по 165 ст. положенія о выкупѣ. Между тѣмъ *переходъ общинниковъ къ подворной формѣ—явленіе весьма рѣдкое.* Напротивъ того, хотя закономъ и не установлены способы перехода подворниковъ къ общинѣ, фактовъ подобнаго перехода существуетъ множество.

3) Затѣмъ въ запискѣ мы находимъ указаніе на существованіе при общинной формѣ частыхъ передѣловъ, которые препятствуютъ развитію земледѣльческой культуры. Противъ этого утвержденія сторонники общины выставляютъ рядъ фактовъ, приводящихъ къ нѣсколько инымъ выводамъ, а именно, что *коренные передѣлы въ огромномъ большинствѣ мѣстностей со времени ревизіи производились только однажды, а у большинства бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ ихъ совсѣмъ не было.* Переверстки же и жеребьевки, во многихъ мѣстахъ, какъ плодъ крѣпостничества, производились часто, представляя несомнѣнное зло, *но крестьяне сами сознали всѣ невыгоды такого порядка и сами приняли рядъ мѣръ противъ указаннаго явленія.*

4) Существеннымъ зломъ въ мірскомъ владѣніи противники его считаютъ *черезполосность.* Признавая черезполосность дѣйствительно большимъ неудобствомъ въ сельскомъ хозяйствѣ, сторонники общины не считаютъ ея принадлежностью общиннаго землевладѣнія, такъ какъ собраны точныя данныя, позволяющія утверждать, *что это зло въ общинѣ является въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ подворномъ землевладѣніи.*

5) Послѣдствіемъ существованія частыхъ передѣловъ и черезполосицы противники общины признаютъ полный застой въ способахъ обработки земли тамъ, гдѣ господствуетъ общинная форма землевладѣнія. На это указаніе противниковъ общины г. Сазоновъ возражаетъ, что сельско-хозяйственная культура—дѣло сравнительно еще новое, а потому у насъ рѣдко можно встрѣтить вообще хозяйства, гдѣ бы примѣнялись на широкихъ началахъ мѣры, содѣйствующія возвышенію культуры земли, и сельско-хозяйственная культура вообще не быстро входитъ въ нашу бѣдную жизнь, будучи также мало распространенной у частныхъ владѣльцевъ, какъ и у общинниковъ. Не смотря однако на это, статистическія изслѣдованія очень многихъ мѣстностей съ общинной формой землевладѣнія все таки указываютъ на распространенность улучшенныхъ орудій производства, общественныхъ сооруженій и иныхъ мѣропріятій (травосѣяніе, лѣсоразведеніе, измѣненіе сѣвооборота, улучшенныя хлѣбныя сѣмена и пр.) въ цѣляхъ возвышенія культуры земли.

6) Составители записки упрекаютъ общину въ томъ, что она вызвала агломерацію населенія въ огромныхъ селахъ ежегодно горящихъ, и тѣмъ обезцѣнила и сдѣлала мертвымъ капиталомъ всѣ земли вдали отъ поселенія. Этотъ упрекъ нужно считать совсѣмъ несправедливымъ, въ виду того, что его опровергаетъ офиціальное изданіе: «Статистика населенныхъ мѣстностей», изъ котораго слѣдуетъ, что вся *общинная область*, т. е. весь сѣверъ и вся средняя Россія, *характеризуются меньшимъ размѣромъ селеній; напротивъ же того, Малороссія, весь югъ и сѣверная граница Малороссіи отличаются большимъ размѣромъ селеній.*

7) Противники общины находятъ, что она развила преувеличенное стремленіе крестьянъ къ переселенію, ставя ихъ въ такія условія, изъ которыхъ нельзя не желать уйти. И этого упрека нельзя считать справедливымъ, такъ какъ изъ предшествующаго изложенія видно, что *община сберегла народу землю и теперь равномѣрно распредѣляетъ ее между крестьянами, ставя непреодолимыя преграды для скупки и сосредоточенія земли у отдѣльныхъ лицъ.* Между тѣмъ изслѣдованія показали, что переселенія вызываются главнымъ образомъ значительнымъ сосредоточеніемъ поземельной собственности и, слѣдовательно, малой доступностью ея для большинства сельскаго населенія. *Препятствуя скупкѣ и сосредоточенію земли, община естественно, въ значительной мѣрѣ, ослабляетъ необходимость переселеній.*

Мы ограничимся приведеніемъ только этихъ пунктовъ изъ вышеназванной записки, оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе такихъ ея положеній, какъ напр.: «община содѣйствовала уничтоженію семьи и тѣмъ сдѣлала семейные раздѣлы необходимостью», или: «община содѣйствуетъ паденію вѣры въ народѣ и уваженія къ церкви», или: «соціалистическіе инстинкты (?!) нашли себѣ почву въ общинѣ, и если Россіи суждено когда нибудь пережить потрясенія, вызванныя стихійными движеніями народныхъ массъ, то починъ въ этомъ дѣлѣ, вопреки примѣрамъ западной Европы, будетъ принадлежать массѣ аграрной» и пр., и пр.

Въ засѣданіи III отдѣленія императорскаго вольно-экономическаго общества, 19 декабря, — какъ мы сказали выше, — обсуждался докладъ Г. П. Сазонова. Въ преніяхъ приняло участіе 12 ораторовъ, изъ которыхъ только 3 выступили противниками общины: гг. Пантелѣевъ, Никоновъ и Бодиско. Г. Пантелѣевъ находилъ, что законы экономическаго развитія всѣхъ странъ одни и тѣ же: подобно тому, какъ западной Европѣ пришлось ликвидировать общинные порядки и усвоить порядки капиталистическаго строя, такъ и Россія, вступившая уже на путь капиталистическаго производства, не можетъ удержать общины. Мнѣніе г. Бодиско заключалось въ томъ, что бѣдная Россія, переживая 2 тяжелыхъ голодныхъ года, тогда только можетъ разсчитывать на улучшеніе своего положенія, когда поднимется урожайность полей. Урожайность же полей зависитъ отъ сельско-хозяйственной культуры, которая не развивается, вслѣдствіе частыхъ передѣловъ въ общинѣ, при общинной формѣ землевладѣнія. Г. Никоновъ довольно неясно формулировалъ свою мысль, а потому мы остановимся на мнѣніи только двухъ первыхъ противниковъ общины. Изъ вышеизложеннаго ясно, что г. Пантелѣевъ является противникомъ общины съ чисто экономической точки зрѣнія, а г. Бодиско—съ агрономической. Безпристрастное разсмотрѣніе вопроса съ двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія даетъ, однако, поводъ заключить, что община не только можетъ, но и должна быть сохранена, такъ какъ Россія вовсе не обязана проходить фазу капитализма, а, съ другой стороны, общинное землевладѣніе является необходимымъ условіемъ крестьянскаго благосостоянія, нисколько не тормозя развитія сельско-хозяйственной культуры. Девять остальныхъ ораторовъ, въ засѣданіи вольно-экономическаго общества, ока-

зались на сторонѣ общины, и мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ то обстоятельство, что три представителя экономической науки—*профессора Исаевъ, Ходскій и Яроцкій* — являются горячими сторонниками общины и, конечно, постараются внушить своимъ молодымъ слушателямъ любовь и уваженіе къ этому драгоцѣнному созданію исторической народной жизни, заключающему въ себѣ не только правильную поземельную организацію, но и основу всего развитія народа, охватывающую всю его жизнь, всю суть его нравственнаго и умственнаго бытія, всѣ его идеалы, симпатіи, цѣли и задачи. Вслѣдствіе этого, можно сказать, что община—не только прошедшее, настоящее, но и будущее русскаго народа. Вотъ что говоритъ объ общинѣ сенаторъ Н. П. Семеновъ, почтенный авторъ громаднаго труда: «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II». «*Природный здравый смыслъ русскаго человѣка создалъ общину.* Она ограждала его самостоятельность въ тяжелыя времена крѣпостной зависимости, которую онъ несъ долгіе годы до освобожденія крестьянъ на волю. Хотя и расшатанная вѣяніемъ реформъ, *община донынѣ еще держится, какъ основа русскаго народнаго быта.* Ломать этотъ бытъ, *съ его крѣпкимъ семейнымъ началомъ*, есть то же самое, что́ разорять гнѣздо, которое свила жизнь для своего существованія и продолженія. Такое разореніе оставляетъ народъ беззащитнымъ на перепутьѣ, на которомъ гнѣздо уже не можетъ опять скоро и удобно построиться. *Это разореніе есть подрывъ государственныхъ народныхъ силъ*; это, наконецъ, безчеловѣчное дѣло»!

Какъ извѣстно, ни одинъ вопросъ русской жизни не вызвалъ такой обширной литературы, какъ вопросъ о поземельной крестьянской общинѣ: достаточно сказать только, что одинъ указатель всей литературы этого вопроса составилъ бы цѣлый томъ. Было время, и не особенно еще давно, когда объ общинѣ разсуждали горячо и страстно, но почти безъ всякихъ фактическихъ данныхъ. Въ настоящее же время, когда сдѣланъ колоссальный шагъ по пути изученія Россіи, разсмотрѣніе вопроса объ общинѣ должно быть поставлено на строго объективную почву. Не говоря уже о трудахъ проф. Посникова, Орлова, Пругавина, Соколовскаго, мы должны упомянуть о новыхъ работахъ извѣстнаго экономиста В. В., который сдѣлалъ прекрасную сводку богатаго матеріала, собраннаго земской статистикой, по вопросу объ общинной формѣ владѣнія землей. Кромѣ того, г. В. В. издалъ свой трудъ: «Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ», въ которомъ онъ подробно останавливается на вопросѣ о состояніи культуры крестьянской земли и о роли общины въ сельско-хозяйственномъ прогрессѣ. Мы предполагаемъ посвятить отдѣльную статью выясненію значенія общиннаго землевладѣнія въ развитіи земледѣльческой техники и въ обезпеченіи крестьянскаго благосостоянія, а потому ограничимся теперь указаніемъ лишь на то, что недавно вышла еще работа проф. новоалександрійскаго института А. И. Скворцова: «Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію», въ которой авторъ подвергаетъ строгой оцѣнкѣ мнѣнія старыхъ и новыхъ защитниковъ общины. Вопреки мнѣнію сторонниковъ об-

щины, проф. Скворцовъ, ссылаясь на г. Распопина, собравшаго разсѣянныя въ земскихъ статистическихъ сборникахъ данныя о частновладѣльческихъ хозяйствахъ, утверждаетъ, что наилучшимъ образомъ ведутся наиболѣе крупныя хозяйства и хуже всего — хозяйства крестьянскія и что всѣ случаи улучшенія земледѣльческой техники въ крестьянскихъ хозяйствахъ относятся почти безъ исключенія къ нечерноземной полосѣ, а въ черноземной — рутина господствуетъ съ необыкновеннымъ упорствомъ. Въ виду такихъ разногласій въ средѣ даже спеціалистовъ, мы находимъ особенно важнымъ для государства постановленіе вольно-экономическаго общества: *предпринять, по предложенію проф. Л. В. Ходскаго, спеціальное изслѣдованіе общины на мѣстѣ, избравъ комисію изъ ея противниковъ и сторонниковъ, для возможно всесторонняго выясненія всѣхъ спорныхъ вопросовъ*. Въ собраніи III отдѣленія вольно-экономическаго общества, 10 января, доложено было письмо проф. Ходскаго, въ которомъ онъ предлагалъ изслѣдованіе общины произвести экспедиціоннымъ способомъ. Профессоръ призналъ фактическій матеріалъ прежнихъ изслѣдованій не однороднымъ по формѣ и качеству, и притомъ относящимся частью къ 1877 г., частью къ началу 80-хъ годовъ, между тѣмъ какъ послѣ того произошло много существенныхъ перемѣнъ. Въ виду серьезности и важности дѣла, собраніемъ постановлено для выработки детальной программы назначить одно или два спеціальныхъ засѣданія.

31 декабря 1893 г. опубликованъ всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1894 годъ. Изъ этого доклада видно, что обыкновенныхъ доходовъ ожидается 1.004.823,277 руб., чрезвычайныхъ (военное вознагражденіе, вклады въ государственный банкъ на вѣчное время, поступленія отъ желѣзныхъ дорогъ)—19.764,940 и доходовъ изъ свободныхъ остатковъ отъ реализаціи 3% золотаго займа 1891 г.—59.013,309, всего же—1.083.601,526 руб. Расходы исчислены также въ 1.083.601,526 р., изъ нихъ обыкновенныхъ—981.222,950 руб., а чрезвычайныхъ 102.378,576 руб. Въ докладѣ говорится, что, не смотря на значительное усиленіе обыкновенныхъ расходовъ, обыкновенные доходы представляютъ, за покрытіемъ всѣхъ текущихъ потребностей, излишекъ 823,6 милліоновъ рублей, обращающійся на удовлетвореніе части чрезвычайныхъ расходовъ. Съ 1888 года, какъ извѣстно, послѣ ряда дефицитныхъ лѣтъ, значительное превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами сдѣлалось постояннымъ явленіемъ. Такое превышеніе можетъ быть создано 2 путями: или установленіемъ новыхъ источниковъ доходовъ и возвышеніемъ размѣровъ стараго обложенія, или же сокращеніемъ расходовъ. Нынѣшній министръ финансовъ даетъ предпочтеніе, въ случаѣ надобности, первому способу передъ вторымъ, находя, что *усиленіе средствъ* государственнаго казначейства дастъ правительству возможность *вызвать и укрѣпить развитіе экономической жизни, а, слѣдовательно, и поднять платежныя силы населенія*, между тѣмъ какъ *излишняя сдержанность* въ удовлетвореніи назрѣвшихъ государственныхъ потребностей, переходя за извѣстные предѣлы, является *тормозомъ дальнѣйшаго развитія страны*, а, слѣдовательно, и *возрастанія народнаго благосостоянія*.

Что̀ касается государственной росписи на 1894 г., то возвышеніе поступленій достигается здѣсь, по словамъ г. министра, естественнымъ возрастаніемъ доходовъ, безъ установленія какихъ либо новыхъ обложеній, такъ какъ съ вводимаго въ 1894 г. государственнаго квартирнаго налога ожидается поступленіе всего около 4,6 милліоновъ рублей, которые, упадая на сравнительно болѣе обезпеченную часть городскаго населенія, едва ли могутъ оказаться обременительными для послѣдняго. Успѣшное поступленіе доходовъ, вслѣдъ за временнымъ сокращеніемъ ихъ подъ вліяніемъ неурожая 1891 г., несомнѣнно свидѣтельствуетъ, по мнѣнію г. министра, о томъ, что *финансовое благосостояніе Россіи, далекое отъ какого либо ослабленія, крѣпнетъ и могучими шагами двигается по пути развитія*. Въ соотвѣтствіи съ такимъ финансовымъ положеніемъ Россіи, кредитъ ея стоитъ нынѣ высоко; въ будущемъ же ему несомнѣнно предстоитъ еще большее возвышеніе и укрѣпленіе.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ, главныя основанія котораго мы привели выше, дышетъ твердостью; въ немъ чувствуется увѣренность въ скоромъ наступленіи лучшаго будущаго для Россіи. Мы также не сомнѣваемся въ этомъ, особенно если и другія министерства проникнутся сознаніемъ необходимости вызвать и укрѣпить развитіе экономической жизни русскаго народа и, поднявъ его духовное и матеріальное благосостояніе, увеличить его платежныя силы. Говоря это, мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, *просвѣщеніе народа*, на которое тратятся у насъ, какъ извѣстно, слишкомъ мизерныя средства. Съ другой стороны, мы также твердо вѣримъ въ могущественныя силы русскаго народа, но думаемъ, что увеличеніе государственныхъ доходовъ зависитъ у насъ не отъ естественнаго развитія производительныхъ силъ страны, а отъ внѣшней силы. Вслѣдствіе этого, заботы финансоваго вѣдомства не исчерпываются устраненіемъ дефицитовъ и накопленіемъ избытковъ въ государственномъ казначействѣ, но онѣ, главнымъ образомъ, должны быть направлены на установленіе соотвѣтствія государственныхъ сборовъ платежнымъ силамъ народа. Другими словами, финансовое вѣдомство не должно ограничиваться лишь исчисленіемъ того, *сколько денегъ можетъ быть собрано для казны*, но оно необходимо должно принять въ разсчетъ и то, *какъ отразится сборъ исчисленныхъ доходовъ на благосостояніи всѣхъ классовъ населенія страны*. Наше министерство финансовъ сознало уже необходимость,—для установленія правильной системы финансоваго управленія,—детальнаго изученія производительныхъ силъ народа, какъ единственнаго податнаго источника, источника всѣхъ нашихъ государственныхъ средствъ. Кромѣ того, намъ пріятно привести недавнее разъясненіе министерства финансовъ, вызванное споромъ двухъ газетъ о характерѣ его распоряженія по взысканію податей съ сельскаго населенія. Въ этомъ разъясненіи министерство финансовъ говоритъ, что какъ имъ самимъ, такъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ обращено особое вниманіе на то, чтобы *подати взыскивались въ соотвѣтствіи съ платежною способностью населенія*, такъ чтобы, съ одной стороны, неукоснительно взыскивались платежи съ плательщиковъ, способныхъ внести таковыя, а съ дру-

гой — допускались снисхожденія и разсрочки для плательщиковъ, которые не могутъ вынести бездоимочно слѣдующихъ съ нихъ поступленій. Затѣмъ въ разъясненіи говорится, что министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ имѣютъ въ виду принимать и дальнѣйшія мѣры къ тому чтобы платежи *по времени и системѣ ихъ взысканія* не ослабляли хозяйственныхъ силъ населенія.

Въ 1894 году, сравнительно съ 1893 годомъ, обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ ожидается, больше на 52.064,390 руб., а значительныя измѣненія противъ соотвѣтствующихъ цифръ 1893 г. замѣчаются по слѣдующимъ статьямъ.

По налогамъ поземельнымъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податямъ ожидается увеличеніе на 4.747,000 руб., главнымъ образомъ, вслѣдствіе введенія государственнаго квартирнаго налога, поступленіе котораго исчислено въ 4.610,000 руб. По питейному доходу предположено увеличеніе на 10.702,000 руб., собственно же акцизъ со спирта и вина исчисленъ въ суммѣ 240.000,000 руб., на 12 милл. руб. болѣе смѣтнаго назначенія прошлаго года,—по соображенію съ данными о размѣрѣ потребленія вина за послѣдніе годы и съ существующимъ размѣромъ обложенія. При этомъ, хотя и имѣлось въ виду, что по всѣмъ признакамъ, свидѣтельствующимъ о значительномъ улучшеніи экономическихъ условій Россіи, можно бы ожидать болѣе сильнаго возрастанія питейнаго дохода, но было признано предпочтительнымъ ограничиться указанною цифрою въ видахъ осторожности, безусловно необходимой при исчисленіи поступленія, представляющаго для росписи столь важное значеніе. По нефтяному доходу предположено уменьшеніе на 991,000 р., въ виду того, что акцизъ съ освѣтительныхъ маслъ былъ увеличенъ съ 1893 г.; всякое же увеличеніе акциза естественно вызываетъ въ первое время нѣкоторое сокращеніе въ потребленіи обложеннаго продукта, что̀ и проявляется въ поступленіяхъ нефтянаго дохода въ 1893 году. По спичечному доходу предположено уменьшеніе на 1.101,000 руб., по тому соображенію, что послѣдовавшее въ концѣ 1892 года возвышеніе акциза со спичекъ, приготовляемыхъ изъ бѣлаго фосфора, должно сократить число фабрикъ, выдѣлывающихъ этого рода спички,—что̀, собственно, и имѣлось въ виду при установленіи на нихъ возвышеннаго акциза. Таможенный доходъ сокращенъ на 5.277,000 руб., главнымъ образомъ, вслѣдствіе разсчета металлическихъ поступленій по высшему противъ 1893 года курсу; самый же размѣръ сего дохода опредѣленъ по среднему выводу за послѣднее трехлѣтіе, съ нѣкоторымъ пониженіемъ этой средней цифры (на 1,2 милл. руб. металл.), въ видахъ необходимой осторожности и во вниманіе къ невполнѣ нормальнымъ условіямъ, въ которыхъ находится въ настоящее время наша внѣшняя торговля.

Доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ увеличенъ на 24.721,000 руб., вслѣдствіе включенія въ роспись выручки отъ перешедшихъ въ казну желѣзныхъ дорогъ: московско-курской, балтійской, донецкой и оренбургской (24.418,000 руб.) и ожидаемаго увеличенія поступленій съ остальныхъ желѣзныхъ дорогъ (на 3.545,000р.), при уменьшеніи дохода на 3.242,000 руб., вслѣдствіе передачи

орловско-грязской и ливенской желѣзныхъ дорогъ въ аренду частному обществу. По казеннымъ заводамъ доходы увеличены на 769,000 руб., въ виду увеличенія заказовъ горнымъ заводамъ для сибирской желѣзной дороги, а равно и для потребностей военнаго и морскаго вѣдомствъ. Прибыли отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій сокращены на 3.074,000 руб., главнымъ образомъ, вслѣдствіе продажи части принадлежащихъ казнѣ процентныхъ бумагъ и окончательнаго размѣщенія остававшихся за казною облигацій 3% золотаго займа. Выкупные платежи ожидаются въ суммѣ, бо́льшей противъ назначенной на текущій годъ на 5 милл. руб., въ виду улучшенія быта сельскаго населенія, но и при этомъ занесенная въ роспись сумма составляетъ лишь 83% отъ полнаго годоваго оклада выкупныхъ платежей. Обязательные платежи обществъ желѣзныхъ дорогъ сокращены на 3.405,000 руб., вслѣдствіе перехода въ казенное управленіе московско-курской желѣзной дороги и по соображенію съ размѣрами платежей, ожидаемыхъ отъ другихъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Пособія государственному казначейству изъ посторонніхъ источниковъ увеличены на 2.115,000 руб., главнымъ образомъ, вслѣдствіе введенія въ роспись расходовъ государственнаго земскаго сбора Закавказскаго края, съ занесеніемъ соотвѣтствующихъ суммъ пособіемъ изъ сихъ сборовъ. Наконецъ, по соображенію съ поступленіемъ доходовъ за 3 послѣдніе года, а равно и за текущій годъ, увеличены поступленія: сбора съ торговли и промысловъ на 1.131,000 руб., табачнаго дохода на 1.503,000 руб., сахарнаго на 1.980,000 руб., пошлинъ гербовыхъ, судебныхъ, канцелярскихъ и съ записи документовъ на 830,000 р., пошлинъ съ переходящихъ имуществъ на 1.115,000 р., почтоваго дохода на 820,000 руб., телеграфнаго на 800,000 руб., лѣснаго дохода на 2.205,000 р.; и уменьшены поступленія въ возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ на 939,000 р.

Въ общемъ, *всѣ предположенія объ ожидаемыхъ по росписи на 1894 годъ доходахъ могутъ считаться весьма осторожными*, и успѣшное выполненіе росписи государственныхъ доходовъ на 1894 годъ можетъ считаться безусловно обезпеченнымъ въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ, характеризующихъ общее возрастаніе экономическаго благосостоянія страны.

Урожай озимыхъ хлѣбовъ въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи оказался выше средняго, а яровыхъ—даже значительно выше. Въ привислинскомъ краѣ какъ озимые, такъ и яровые хлѣба дали средній, а мѣстами—хорошій сборъ. Урожай картофеля получился почти во всей европейской Россіи хорошій.

Посѣвами озимыхъ хлѣбовъ на 1894 годъ занято въ 50-ти губерніяхъ европейской Россіи, въ 10-ти привислинскихъ и въ 3-хъ губерніяхъ сѣвернаго Кавказа около 30,5 милл. десятинъ, т. е. нѣсколько болѣе противъ посѣвовъ на 1893 годъ (30,38 милл. дес.). По собраннымъ въ ноябрѣ свѣдѣніямъ, состояніе озимыхъ всходовъ оказывается, въ общемъ, по всей европейской Россіи весьма удовлетворительнымъ и особенно хорошимъ во всей черноземной полосѣ, а также и во многихъ уѣздахъ центральныхъ губерній. Исключеніе изъ этого составляютъ только нѣкоторые уѣзды губерній сѣ-

верныхъ, гдѣ состояніе всходовъ лишь посредственно, какъ вслѣдствіе поздняго сѣва, такъ и по причинѣ избытка дождей осенью. Площадь озимыхъ посѣвовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южныхъ губерній нѣсколько сократилась по причинѣ бывшей въ сентябрѣ засухи, но обстоятельство это не можетъ внушать серьезныхъ опасеній, потому что преобладающее значеніе въ тѣхъ губерніяхъ имѣютъ посѣвы яровыхъ хлѣбовъ, а не озимыхъ. Въ общемъ, *надежды на будущій урожай озимыхъ представляются въ настоящее время весьма утѣшительными.*

Добыча и вывозка каменнаго угля донецкаго бассейна значительно увеличилась въ 1893 году противъ предшествовавшихъ лѣтъ: за 10 мѣсяцевъ 1893 года вывезено угля по желѣзнымъ дорогамъ 135,9 милл. пуд., тогда какъ за тѣ же мѣсяцы было вывезено въ 1892 году—127,6 милл. пуд., и въ 1891 году—107,4 милл. пуд. Однако, не смотря на такое возрастаніе добычи и вывозки, въ послѣднее время замѣчается наклонность къ повышенію цѣнъ на каменный уголь, вслѣдствіе неполнаго удовлетворенія быстро возрастающаго потребленія минеральнаго топлива. Въ прошломъ году, за 10 мѣсяцевъ наши рынки были снабжены минеральнымъ топливомъ: туземнымъ на 8,3 милл. пудовъ и иностраннымъ на 7,2 милл. пуд., а всего на 15,5 милл. пуд. болѣе, чѣмъ въ 1892 году; однако излишекъ этотъ полностью поглощенъ возрастающимъ потребленіемъ желѣзныхъ дорогъ, а равно и чрезвычайнымъ развитіемъ дѣятельности нашихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, вызвавшимъ, въ свою очередь, развитіе другихъ, соприкасающихся съ нею, отраслей промышленности. Между тѣмъ, обильный урожай хлѣбовъ и замѣтное въ этомъ году возрастаніе заработной платы не могли не отвлечь къ полевымъ работамъ массу рабочихъ, что и создало затрудненіе для болѣе обильной добычи угля.

Нижегородская ярмарка прошлаго года, по обширности торговыхъ оборотовъ и по весьма успѣшной развязкѣ комерческихъ дѣлъ, далеко оставляетъ за собою ярмарки двухъ предшествовавшихъ лѣтъ и должна быть признана блестящею. Урожай прошлаго года далъ возможность пріѣхавшимъ на ярмарку оптовымъ торговцамъ сдѣлать значительно бо̀льшія, сравнительно съ предшествовавшими годами, закупки товаровъ. На ярмарку было привезено товаровъ на 166,6 милл. руб., сравнительно съ 1892 годомъ болѣе на 22,3 милл. р., продано же на 152,4 милл. руб., сравнительно съ 1892 годомъ болѣе на 18,1 милл. рублей; кромѣ того, въ теченіе ярмарки запродано было оптовымъ торговцамъ товаровъ на 7,9 милл. руб. Общій ярмарочный оборотъ, съ оборотами банковъ и торгово-промышленныхъ заведеній, въ минувшую ярмарку достигъ 416,4 милл. руб.

Общее оживленіе торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ, въ связи съ принятыми въ прошломъ году мѣрами къ облегченію пользованія кредитомъ изъ учрежденій государственнаго банка по учету векселей и товарнымъ ссудамъ, отразилось, между прочимъ, и въ значительномъ расширеніи активныхъ операцій государственнаго банка, главнымъ же образомъ—въ увеличеніи учета векселей. Такъ, за второе полугодіе 1893 г. средняя цифра учетной операціи (по остаткамъ на первыя числа каждаго мѣсяца) достигала 121,1 милл. р.,

тогда какъ средняя цифра за послѣднее пятилѣтіе достигаетъ лишь 97,2 милл. р. Къ 16-му декабря 1893 года учтено было векселей на 151,6 милл. р., противъ средней цифры въ 104,4 мил. р. за пятилѣтіе. Существенное развитіе получила и операція ссудъ подъ товары. На срокъ 16-го декабря прошлаго года ссуды эти достигли 22,7 милл. р., тогда какъ средняя цифра за пятилѣтіе составляетъ лишь 6,4 мил. р. Общій же итогъ всѣхъ выдачъ по учетно-ссудной операціи къ 16-му декабря 1893 г. возросъ до 273,3 милл. р., противъ средней цифры въ 236,1 милл. р. за послѣднее пятилѣтіе. Вклады на храненіе въ государственномъ банкѣ съ его конторами и отдѣленіями возрасли къ 1-му декабря 1893 г. до 2.244,6 милл. р., представивъ увеличеніе противъ суммы ихъ на 1-е декабря 1892 г. (2.134,1 мил. руб.) на 110,5 мил. руб. Равнымъ образомъ, и приливъ денегъ въ сберегательныя кассы представляетъ весьма значительное увеличеніе: къ 1-му октября 1893 г. въ сберегательныхъ кассахъ состояло вкладовъ на 278,7 мил. р., вмѣсто 233,1 мил. р. къ 1-му октября 1892 г.

Обороты внѣшней торговли въ текущемъ году по вывозу значительно превышали обороты 1892 г., хотя и уступаютъ 1891 году, отличавшемуся чрезвычайнымъ оживленіемъ экспорта хлѣбовъ въ періодъ, непосредственно предшествовавшій запрещенію вывоза. По имѣющимся въ настоящее время предварительнымъ даннымъ оказывается, что вывозъ товаровъ по европейской границѣ (со включеніемъ черноморской границы кавказскаго края), а также по торговлѣ съ Финляндіею, опредѣлился за 11 мѣсяцевъ 1893 г. въ 537,2 мил. руб., противъ 431,1 мил. руб. за то же время 1892 г. и 631,9 мил. руб. въ среднемъ за пятилѣтіе. Привозъ товаровъ за тотъ же періодъ опредѣлился въ суммахъ 387,9 мил. руб. противъ 341,2 мил. руб. въ 1892 г. и 338,5 мил. руб. въ среднемъ за пятилѣтіе. Балансъ привоза и вывоза за 11 мѣсяцевъ прошлаго года склоняется въ нашу пользу въ суммѣ до 150 мил. руб. Изъ сопоставленія имѣющихся нынѣ данныхъ о вывозѣ хлѣбовъ за время отъ 16-го августа по 11-е декабря, усматривается, что общій итогъ вывоза главнѣйшихъ хлѣбовъ въ прошломъ году (176,7 мил. пуд.) превосходитъ средній вывозъ за пятилѣтіе на 32%, превышая вывозъ 1888 г.—самый значительный за послѣднее десятилѣтіе—на 14,9 мил. пудовъ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что таковые увеличились по росписи 1894 г., сравнительно съ росписью прошлаго года, на 41.700,952 руб. Возвышеніе это вызвано частью естественнымъ возрастаніемъ прежде разрѣшенныхъ расходовъ, частью же ассигнованіемъ суммъ на новые производительные расходы, вызываемые ростомъ потребностей страны и, въ свою очередь, долженствующіе способствовать дальнѣйшему ея преуспѣянію, какъ въ государственномъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи.

Такъ, по смѣтѣ *святѣйшаго синода* увеличено на 600,000 руб. ассигнованіе на улучшеніе быта православнаго духовенства и на духовно-учебныя заведенія. *По министерству финансовъ* внесенъ новый расходъ въ 1.500,000 руб. на устройство всероссійской вы-

ставки въ Нижнемъ Новгородѣ и увеличены расходы: на 3.100,000 р. для введенія казенной продажи вина въ 4 восточныхъ губерніяхъ, на 621,000 руб. для усиленія податной и фабричной инспекціи и для устройства центральнаго управленія торговлею и промышленностью, сообразно съ современными задачами этого управленія, и на 1.163,000 руб. на преобразованіе и расширеніе таможеннаго надзора. *По министерству государственныхъ имуществъ* общее увеличеніе расходовъ составляетъ 3.406,000 руб. Изъ этой суммы 180,000 руб. предназначены на усиленіе центральнаго управленія министерства, по случаю преобразованія его въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, 33,000 руб. на устройство новыхъ управленій государственными имуществами въ западной Сибири, 210,000 руб.—на увеличеніе числа лѣсничихъ и лѣсной стражи, 1.627,000 руб.—на усиленіе дѣятельности казенныхъ горныхъ заводовъ и 665,000 руб. на культурные и операціонные расходы по лѣсной и сельско-хозяйственной части. *По министерству внутреннихъ дѣлъ* смѣтныя назначенія, между прочимъ, увеличены: на 193,000 руб. по случаю преобразованія учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ пермской, астраханской, олонецкой, оренбургской и уфимской губерніяхъ, и на 502,000 руб. для усиленія и развитія почтово-телеграфныхъ учрежденій. *По министерству путей сообщенія* увеличеніе простирается до 19.796,000 руб., но изъ этой суммы 18.094,000 руб. занесено на увеличеніе эксплуатаціонныхъ расходовъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе ожидаемаго усиленія движенія, а равно и по причинѣ расширенія сѣти казенныхъ желѣзныхъ дорогъ; затѣмъ на 2.227,000 руб. увеличены кредиты на операціонные расходы по водянымъ и шоссейнымъ сообщеніямъ; 300,000 руб. внесены на улучшеніе управленія округами путей сообщенія и 96,000 руб. на устройство управленія водяными сообщеніями западной Сибири. *По министерству юстиціи* увеличеніе составляетъ 761,000 руб. и вызвано, главнымъ образомъ, введеніемъ судебнаго преобразованія и положенія 12-го іюля 1889 г. въ астраханской, олонецкой, оренбургской, уфимской и ставропольской губерніяхъ, и усиленіемъ состава нѣкоторыхъ изъ существующихъ судебныхъ учрежденій. *По главному управленію государственаго коннозаводства* увеличенъ на 200,000 руб. кредитъ на покупку лошадей.

4-го января текущаго года, вновь назначенный управляющимъ министерствомъ юстиціи Н. В. Муравьевъ принималъ чиновъ центральнаго управленія ввѣреннаго ему министерства. Знакомясь со своими ближайшими помощниками и подчиненными, Н. В. Муравьевъ счелъ нужнымъ въ общихъ чертахъ выяснить задачи центральнаго управленія, которыя сводятся къ завѣдыванію генералъ-прокурорскою и судебною частью въ имперіи. Подробнѣе управляющій министерствомъ юстиціи остановился на задачахъ судебной части, которая, какъ отрасль правительственной дѣятельности на благо общее, должна быть строго согласована съ намѣреніями и видами правительства и должна находиться въ дружномъ единеніи съ остальными правительственными органами. «Не рознь,—говорилъ Н. В. Муравьевъ,—или обособленіе властей, а лишь разум-

ная между ними солидарность, при *полной самостоятельности* каждой въ ея сферѣ, составляетъ несокрушимый оплотъ и благодѣтельную крѣпость гражданскаго порядка». Опредѣляя отношенія судебной администраціи къ судебному персоналу, Н. В. Муравьевъ находилъ для нея обязательнымъ «терпѣливое, привѣтливое вниманіе, благожелательное руководство и дѣйствительную, въ чемъ слѣдуетъ, поддержку, а не безучастную холодность». Переходя къ отношеніямъ между судебной администраціей и обществомъ, управляющій министерствомъ проводилъ ту мысль, что судъ имѣетъ дѣло съ первѣйшими интересами общества и драгоцѣннѣйшими достояніями отдѣльныхъ лицъ, а потому «судебная администрація *не должна смѣшивать истинной законности съ узкимъ формализмомъ, непреклонной твердости въ примѣненіи закона съ черствой сухостью пріемовъ*». Судебная администрація всегда должна помнить о коренныхъ устояхъ своей дѣятельности—о безпристрастіи, нелицепріятіи, уваженіи къ личному достоинству, заслугамъ, познанію, трудолюбію, такъ какъ при этихъ только условіяхъ можетъ быть распространено и укрѣплено сознаніе, что въ центральномъ управленіи лишь правое дѣло и лишь законныя стремленія могутъ разсчитывать на успѣхъ. Если для всѣхъ органовъ правительства обязательно честное и справедливое отношеніе къ дѣлу, отвращеніе отъ всего, *что отзывается искательствомъ, фаворитизмомъ, безпринципностью*, то все это тѣмъ болѣе обязательно для вѣдомства, носящаго имя справедливости. Вотъ въ бѣглыхъ чертахъ сущность рѣчи Н. В. Муравьева.

21-го декабря, въ Петербургѣ, скончался одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей—С. И. Мальцевъ. Покойный родился въ 1809 г. и умеръ, такимъ образомъ, 84 лѣтъ. Сергѣй Ивановичъ служилъ въ военной службѣ, когда въ 30-тыхъ годахъ къ нему перешло отъ отца заводское имѣніе. Чтобы приготовиться къ разумному управленію заводами, С. И. Мальцевъ отправляется за границу, гдѣ тщательно изучаетъ механику и технологію. Вернувшись въ Россію, онъ, съ полнымъ увлеченіемъ и во всеоружіи знанія, приступаетъ къ дѣлу, которому посвящаетъ 50 лѣтъ своей жизни. Съ жизнью и дѣятельностью С. И. Мальцева тѣсно связана исторія насажденія въ Россіи различныхъ производствъ и предпріятій (желѣзопрокатнаго, рельсоваго, машиннаго производства, пароходнаго дѣла и пр., и пр.). Мы не задаемся цѣлью выяснить значеніе С. И. Мальцева, такъ какъ жизнь и дѣятельность этого замѣчательнаго человѣка должны составить предметъ спеціальнаго труда. (Къ слову сказать, нѣкоторыя черты энергическаго характера С. И. Мальцева воспроизведены были талантливымъ перомъ Вас. И. Немировича-Данченко въ романѣ: «Семья богатырей», печатавшемся, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ нашемъ журналѣ). Нашей замѣткой мы хотѣли только почтить память человѣка, такъ долго и много потрудившагося для Россіи, для русскаго народа, такъ глубоко изучившаго его нужды и потребности, и всю свою жизнь посвятившаго служенію имъ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Вопросъ о литературной конвенціи съ Франціею.—«Люби кататься—люби и саночки возить».—Неудачное ходатайство графа де-Кератри и новая попытка Эмиля Золя.—Биржевой учетъ русско-французской дружбы.—Мнѣнія нашей прессы.—Солидная отповѣдь проф. Янжула.—Кто выиграетъ отъ проэктируемой конвенціи?—Различіе условій книжнаго рынка у насъ и въ западной Европѣ.—Неумолимая статистика образованія.—Призрачныя выгоды конвенціи для русскаго общества и народа, и несомнѣнный гешефтъ для крупныхъ издателей.—Развитіе «талантовъ» подъ защитой покровительственнаго тарифа.—Дѣйствительно ли наши беллетристы обижены гонораромъ?—Вознагражденіе за литературный трудъ въ 60-хъ годахъ и теперь.—Ненормальность гонорарныхъ «кушей» и «беллетристы-лихачи».—Профессіонализмъ въ литературѣ и его послѣдствія.—Старый и новый редакторъ.

«Люби кататься, люби и саночки возить»—эту чисто русскую пословицу напомнилъ намъ—и кто же?—совсѣмъ не знающій русскаго языка знаменитый французскій романистъ Эмиль Золя.

Мнимые представители русской печати (говоримъ: «мнимые», потому что они сами, en petit comité, избрали другъ друга для этого представительства) прокатились веселымъ манеромъ въ Парижъ, пофланировали по Итальянскому бульвару, потрапезовали совмѣстно съ французскими литературными знаменитостями и, entre deux vins, наобѣщали имъ кучу денегъ, въ видѣ «конвенціи» съ Россіей, по которой мы обязались бы уплачивать французскимъ романистамъ, ученымъ и драматургамъ солидный оброкъ за право перевода ихъ произведеній на русскій языкъ.

Когда милые гости благополучно вернулись на родину, коммерчески-разсчетливый Золя, немного подождавши, сообразилъ, что «катанье» кончено—и теперь намъ пора уже «саночки повозить». Онъ даже такъ прямо и пишетъ въ своемъ «открытомъ письмѣ къ русской печати»: «У насъ существуютъ договоры (литературныя конвенціи) съ сосѣдними націями, которыя *насъ мало любятъ*. И развѣ *не печально* для насъ, что *именно нація, съ которою мы только что обмѣнялись столь крѣпкимъ братскимъ поцѣлуемъ*, нація, въ которой мы чаемъ любящую сестру, есть единственная великая нація въ Европѣ, которая живетъ поодаль отъ современнаго права, внѣ всякаго кодекса. Теперь, когда *сердца наши бились въ унисонъ, слѣдовало бы*, мнѣ кажется, идти тоже бокъ-о-бокъ во всемъ и въ области справедливости».

Ну, конечно, «печально» не получать съ насъ оброка и, конечно, намъ «слѣдовало бы» платить его безсрочно, во имя «крѣпкаго братскаго поцѣлуя» и ради вящаго воспламененія сердецъ, «бьющихся въ унисонъ».

Но Золя вдругъ и самъ спохватывается. «Я знаю—говоритъ онъ дальше,—что это *исключительно-сантиментальная сторона вопроса* и что недурно, ради *торжества справедливости*, чтобы оно стало необходимымъ *вслѣдствіе здраво понимаемыхъ интересовъ обѣихъ сторонъ*».

Золя до того убѣжденъ (или, лучше сказать, его до такой степени убѣдили наши лже-депутаты) въ обоюдности выгодъ при заключеніи литературной конвенціи между Россіей и Франціей, что онъ прямо обвинилъ графа де-Кератри,—пустившаго первый пробный шаръ по этой части,—въ неумѣньѣ взяться за дѣло и привести его къ вожделѣнному концу. Г. Кератри, изволите ли видѣть, обращался въ своихъ ходатайствахъ «исключительно къ правительственнымъ лицамъ», которыя даже что-то посулили ему, но обѣщанія своего не сдержали; къ самой же русской прессѣ онъ «пренебрегъ» обратиться,—и вотъ она, своимъ дружнымъ отрицаніемъ выгодности новой конвенціи, *парализировала* (!) благія намѣренія правительства. Задѣтый за живое, г. Кератри, въ свою очередь, началъ доказывать, что онъ поступилъ именно такъ, какъ слѣдовало, обратившись къ властямъ предержащимъ, ибо въ Россіи, по его словамъ, «сила общественнаго мнѣнія—не болѣе, какъ *призракъ*», и въ русской

печати «не появляется ни единаго слова, которое не было бы предварительно *утверждено* или *внушено* цензурою». Поэтому—докладываетъ неудачливый посланецъ—«всесильныя русскія канцеляріи» и не могли быть парализированы противодѣйствіемъ прессы, а отвѣчали отказомъ въ виду того, что въ произведеніяхъ французской литературы,—въ романахъ же г. Золя въ особенности,—заключаются такія «религіозныя и соціальныя ученія, которыя не пріобрѣли еще права гражданства среди народа, уважающаго свои традиціи».

На помощь знаменитому французскому романисту выступилъ сейчасъ же нашъ соотечественникъ, г. де-Роберти, и неопровержимо, устами какого-то государственнаго Стародума, доказалъ «милому графу», что «русское правительство всегда чутко прислушивается къ общественному мнѣнію» и даже, «питая *священный ужасъ къ произволу*», само проситъ добрыхъ наставленій у гг. газетчиковъ. Слѣдуя такимъ несомнѣннымъ авторитетамъ, какъ гг. де-Роберти и Гальперинъ-Каминскій, Золя такъ и остался при убѣжденіи, что на резолюціи нашего правительства можно подавать апелляціи прессѣ, и въ послѣднемъ письмѣ къ редактору газеты «*Temps*» выражаетъ—едва ли не тщетную—надежду, что его «русскіе друзья расчистятъ почву» для проэктируемой конвенціи, если не въ одинъ день, то, по крайней мѣрѣ, *въ одинъ мѣсяцъ*. Этотъ мѣсяцъ,—въ теченіе котораго, по снисходительному разсчету автора «Разгрома», наша литература не будетъ обложена новымъ налогомъ,—слава богу, еще не пришелъ къ концу, и правительственныя канцеляріи не успѣли испытать на себѣ могучаго давленія русской прессы... Впрочемъ, и испытавъ это «высокое давленье», наше правительство, можетъ быть, сохранитъ свое прежнее мнѣніе о неудобствахъ конвенціи—и не потому, чтобы «религіозныя и соціальныя ученія» Золя производили у насъ разрушительное дѣйствіе (это дѣйствіе они могутъ производить и теперь, какъ въ переводахъ, такъ и на общедоступномъ языкѣ оригинала), а единственно по той причинѣ, что экономическое и юридическое положеніе русской печати и книжной торговли отнюдь нельзя приравнивать къ положенію ихъ въ западной Европѣ, а, слѣдовательно, и условія конкуренціи нельзя считать одинаково благопріятными для обѣихъ договаривающихся сторонъ...

II.

По апелляціи Золя къ русскому общественному мнѣнію, споры о выгодахъ и невыгодахъ проэктируемой конвенціи возгорѣлись по всей линіи русской прессы, начиная отъ ея левіаѳановъ и кончая мелкою сошкою. Въ итогѣ полемической перепалки оказалось, что, не смотря на все довольно безцеремонное усердіе «русскихъ друзей» г. Золя, большинство нашихъ органовъ печати примкнуло къ противоположному мнѣнію—всего ярче и доказательнѣе выраженному профессоромъ Янжуломъ,—а съ фантастическими выкладками гг. Пиленко и Гальперина-Каминскаго согласились вполнѣ и безъ оговорокъ только... сами гг. Пиленко и Гальперинъ-Каминскій. Конечно, такъ и слѣдовало ожидать.

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ выиграть и дѣйствительно выиграетъ, если предполагаемая конвенція между Франціею и Россіей обратится, волею прогнѣванной нами судьбы, въ юридическую международную хартію, за неисполненіе которой будутъ налагаться, соотвѣтствующія винѣ, пени и наказанія? Кто явится тѣмъ счастливцемъ, для котораго составители литературной конвенціи вытащутъ жареные каштаны изъ международной печки?

Для того чтобы подобная конвенція была, по крайней мѣрѣ, не убыточна русскимъ издателямъ и книгопродавцамъ, нужно, чтобы въ Россіи: 1) *право литературной собственности*,—на которое съ большимъ торжествомъ, какъ на нѣчто незыблемое и непререкаемое, упираетъ г. Золя,—стояло у насъ на такомъ же прочномъ фундаментѣ, какъ во всей западной Европѣ, а не держалось лишь на степени «концессіи» или даже «привилегіи» (что̀ неоднократно доказывалось въ нашихъ юридическихъ обществахъ и журналахъ); 2) нужно, чтобы *экономическое положеніе* русской литературы и журналистики сколько нибудь подходило къ положенію литературы и прессы во Франціи, Англіи и Германіи, и чтобы произведенія русскаго печатнаго станка разбрасывались также широко и свободно во всѣ концы образованнаго міра. При тожественности или приблизительномъ равенствѣ обоихъ этихъ условій, была бы допустима

и литературная конвенція. Но то ли мы видимъ на самомъ дѣлѣ и равносильныя ли стороны вступили бы, въ данномъ случаѣ, во взаимно-обязательный договоръ? Нѣтъ и нѣтъ! О юридическихъ опредѣленіяхъ литературной собственности въ Россіи мы уже говорили и далѣе распространяться нѣтъ никакой надобности; что же касается до экономическаго положенія нашего печатнаго дѣла, которое опять таки находится въ тѣсной зависимости отъ правовыхъ нормъ, то каждому, близко стоящему къ издательству и книжной торговлѣ, достаточно извѣстно, что солидные капиталисты благоразумно отъ нихъ ретируются, и поле дѣятельности остается за издателями и торговцами, перебивающимися съ хлѣба на квасъ. «Книга—не товаръ; книга—это мараная бумага, продаваемая на пуды»—вотъ какія изреченія слышатся всего чаще въ нашемъ комерческомъ мірѣ по адресу нашего жалкаго книгоиздательства, даже не пользующагося кредитомъ ни въ государственномъ, ни въ частныхъ банкахъ, тогда какъ этотъ кредитъ, при извѣстныхъ условіяхъ, доступенъ всякой иной торговлѣ.

Понятно, что о распространенности нашихъ изданій за границею, о побѣдопосной конкуренціи нашихъ беллетристовъ, ученыхъ и драматурговъ съ западно-европейскими—и говорить какъ-то совѣстно... Пусть г. Золя утѣшаетъ насъ, что времена неравенства между нашею и европейскою беллетристикою уже прошли, что не только наши «великіе, но даже самые скромные романисты нынѣ переводятся и наводняютъ» западно-европейскій рынокъ; все это говорится только для успѣха пропаганды, да и то говорится о беллетристикѣ, а не объ литературѣ въ полномъ ея объемѣ, включая сюда и произведенія научнаго характера. Но если даже ограничиться, при этомъ сравненіи, одною беллетристикою, то кто же рѣшится утверждать, что французы также охотно поглощаютъ переведенные на ихъ языкъ романы Тургенева, Толстаго и Достоевскаго, какъ мы поглощаемъ, и въ переводахъ, и въ подлинникахъ, произведенія корифеевъ европейской беллетристики? Мы не говоримъ уже о гг. Потапенкѣ, Чеховѣ и др., которыхъ творенія только потому и переводятся на иностранные діалекты, что за право перевода не приходится ничего платить. Пусть попробуютъ эти авторы наложить какую нибудь плату на переводъ,—и имъ придется самимъ принять на себя весь рискъ изданія. Впро-

чемъ, давно уже извѣстно, что наши «сочинители», преимущественно новѣйшіе, именно и продѣлываютъ эту штуку, т. е сами заказываютъ переводы своихъ твореній, и сами расплачиваются за ихъ изданіе. Иначе, даже и при отсутствіи литературной конвенціи, ихъ ремесленное производство потреблялось бы только на ихъ родинѣ.

Мы говоримъ это о переводахъ, а что касается до вопроса, насколько французы нуждаются вообще въ русскихъ книгахъ (беллетристическихъ, научныхъ и пр.), то краснорѣчивый и нелицепріятный отвѣтъ на него даетъ «Обзоръ внѣшней торговли» за 1890 г. По этимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, Россія вывезла книгъ за границу (въ Европу и *Азію*) 18,385 пуд., на сумму 548,000 р., и изъ нихъ на долю Франціи отправлена лишь ничтожная часть *въ 189 пуд.*, тогда какъ изъ Франціи получено въ томъ же году 3,379 пуд.; а всего иностранныхъ книгъ привезено къ намъ болѣе *60,000* пуд. Изъ отечества Эмиля Золя мы получаемъ книгъ почти *въ 18 разъ больше*, чѣмъ отправляемъ туда. Всего же Франція, согласно Annuaire Мориса Блока, вывозитъ за границу книгъ на сумму 31½ мил. франк. (около 12½ мил. рублей) или, другими словами, *Франція производитъ книгъ для вывоза въ 20 слишкомъ разъ больше, нежели Россія.* Хорошо, нечего сказать, равенство силъ въ нашей будущей конкурренціи на книгоиздательскомъ поприщѣ!

Но наша литературная конвенція не можетъ ограничиваться одною Франціею, какъ бы ни были искренни ея «братскіе поцѣлуи» русскимъ морякамъ въ Тулонѣ. По справедливому замѣчанію г. Янжула, «разъ мы выступимъ на путь заключенія конвенцій, не будетъ никакого основанія отказывать нѣмцамъ и вообще другимъ народамъ въ той уступкѣ, которая была сдѣлана для Франціи». А новыя уступки подвергнутъ насъ и новымъ убыткамъ, такъ какъ мы и изъ Германіи получаемъ болѣе 50,000 книгъ, а отсылаемъ туда менѣе 10,000. И выраженіе г. Янжула: «налогъ на народное образованіе» является неоспоримо-правильнымъ по отношенію къ гальперино-пиленковской конвенціи.

Эти статистическія цифры привоза и вывоза книгъ, конечно, разнятся не случайно въ Россіи, Франціи и Германіи. Онѣ находятся въ тѣсной, неразрывной связи какъ съ общимъ на-

копленіемъ богатствъ въ этихъ странахъ, такъ и съ относительнымъ развитіемъ въ нихъ народнаго образованія. По даннымъ «Словаря статистики» Мюльгалля, все народное богатство Франціи составляетъ на каждаго жителя, — переводя на рубли,—2,240 р., а въ Россіи всего лишь 550 р. (самая ничтожная величина во всей Европѣ, гораздо ниже, чѣмъ въ Сербіи, Румыніи, Греціи и даже Болгаріи). Такимъ образомъ, изъ свѣдѣній по Мюльгаллю выходитъ, что *средній французъ въ 4 раза богаче средняго русскаго*, а отсюда слѣдуетъ — по остроумному замѣчанію московскаго профессора статистики — что «лишній гривенникъ» съ книги, великодушно жертвуемый гг. Пиленками изъ нашего народнаго кармана въ пользу иностранныхъ издателей, «въ четыре раза чувствительнѣе для русскаго, чѣмъ для француза».

Что же касается до сравнительнаго развитія народнаго образованія въ Россіи и другихъ европейскихъ странахъ, то тутъ является уже дистанція такого «огромнаго размѣра», что передъ нею самый равнодушный къ успѣхамъ просвѣщенія человѣкъ можетъ только всплеснуть — не одними руками, но даже и ногами. На всемірной выставкѣ въ Чикаго, въ отдѣлѣ народнаго образованія вывѣшена была превнушительная *таблица безграмотности* въ различныхъ странахъ, и изъ нея видно, что количество безграмотныхъ въ Пруссіи составляетъ 0,6%; въ нашей Финляндіи — 1,9; во Франціи — 9,5 и, наконецъ, у насъ въ Россіи 78,3!!! Итакъ, въ то время, какъ во Франціи не грамотенъ только *одинъ человѣкъ изъ десяти*, въ нашей пространной родинѣ *болѣе* $^3/_4$ *всего населенія не умѣютъ ни читать, ни писать*... «Спрашивается теперь—заключаетъ свой интересный очеркъ г. Янжулъ:—*для которой же изъ двухъ странъ является важнымъ и выгоднымъ международный договоръ о правѣ переводовъ*: для той ли страны, въ которой бо́льшая часть населенія грамотна и, по своему имущественному положенію, можетъ одинаково какъ пріобрѣтать, такъ и читать книги, или для того государства, въ которомъ огромная часть народа не умѣетъ читать и не въ состояніи покупать ихъ»?

На этотъ вопросъ, казалось бы, отвѣтить нетрудно, по крайней мѣрѣ, для людей, находящихся въ здравомъ умѣ и въ свѣжей памяти. Самъ Золя говорилъ въ своемъ письмѣ, что

«обложеніе пошлиною продукта, который *выписывается*, но *не вывозится* (какъ русскія книги во Францію) *было бы глупостью*». Такъ зачѣмъ же добиваться отъ насъ этой глупости?

III.

Конечно, въ формѣ чистой и откровенной *глупости* никто и не рискнулъ бы предложить намъ такой — по выраженію г. Янжула—«самоубійственный договоръ», какъ литературная конвенція съ западною Европою. И вотъ эта *глупость* тщательно прикрывается цвѣтами краснорѣчія, а ея нелѣпый смыслъ возводится въ идейное служеніе «праву». Г. Пиленко трактуетъ, напр., безплатность перевода не только какъ непозволительную «контрофакцію» (забывая разницу между *переложеніемъ* текста съ одного языка на другой и простою *перепечаткою* его на томъ же языкѣ, какъ это дѣлалось въ Бельгіи съ французскими книгами), но даже, какъ *обманъ* и *грабежъ* (!!). Г. Гальперинъ-Каминскій (русскій еврей, проживающій въ Парижѣ) обзываетъ «наивнымъ» тотъ весьма резонный доводъ противъ конвенціи, что французскіе писатели и безъ того собираютъ съ Россіи огромный оброкъ за свои романы въ оригиналѣ, и что увеличивать этотъ оброкъ еще и платою за переводы—не представляется никакой надобности. Съ еврейской точки зрѣнія, гешефтъ, конечно, превыше всего и возражать противъ его непомѣрнаго увеличенія—значитъ, просто, «наивничать»...

Г. Золя тоже не наивничаетъ и, скромно умалчивая о крупномъ гонорарѣ, получаемомъ имъ изъ Россіи за свои романы въ оригиналѣ (кстати сказать, Россія же создала ему и первую литературную репутацію) пытается дополнить свой бюджетъ платой за переводы, фальшиво ссылаясь при этомъ на наши «собственные интересы». Мы говорили уже, что на переводы двухъ-трехъ русскихъ авторовъ на французскій языкъ, (не безъ позаимствованія изъ авторскаго кармана) онъ указываетъ, какъ на эквивалентъ нашихъ многочисленныхъ переводовъ изъ иностранной литературы, и сулитъ нашимъ писателямъ чуть ли не такіе же диведенды, какіе будетъ получать самъ, подъ защитой конвенціи. Но онъ не ограничивается этимъ

ложнымъ посуломъ и храбро обѣщаетъ «хорошіе барыши» тѣмъ издателямъ газетъ и тѣмъ книжнымъ магазинамъ, которые будутъ пріобрѣтать у него право перевода. На сей разъ обѣщаніе можетъ, пожалуй, оказаться справедливымъ, но вопросъ въ томъ: на чей счетъ будутъ наживаться эти монополисты-издатели? съ кого будутъ они стричь свое золотое руно? Ни съ кого больше, какъ съ массы русскихъ читателей, которыхъ заставятъ платить дороже за переводы не только иностранныхъ романовъ, но и ученыхъ книгъ, составляющихъ для насъ уже не эстетическую роскошь, а первѣйшую необходимость въ дѣлѣ образованія.

Но этого мало для того, чтобы соблазнить насъ на подписаніе литературной конвенціи. И вотъ г. Золя, а за нимъ и его оруженосецъ, предпріимчивый г. Гальперинъ-Каминскій, начинаютъ съ большимъ апломбомъ утверждать, что литературная конвенція съ западно-европейскими государствами много посодѣйствуетъ у насъ улучшенію матеріальнаго быта русскихъ писателей. «Борьба съ колоссальнымъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ производствомъ—пишетъ Золя—не подъ силу русскимъ писателямъ. Если завтра международная конвенція сократила бы этотъ *безпорядочный привозъ* (почему же «безпорядочный»? вѣдь изъ этого привоза всякъ выбираетъ себѣ вещь по вкусу: кто—бульварную ерунду или шансонетку, а кто—ученое изслѣдованіе и серьезный романъ) или, по крайней мѣрѣ, упорядочила бы его, *пропуская лишь замѣчательныя произведенія, тщательно переведенныя*,—то *ваши авторы стали бы производить книги выше средней стоимости* и продавались бы онѣ въ бо́льшемъ количествѣ экземпляровъ». «Для того чтобы произведенія русскихъ авторовъ—вторитъ своему французскому ментору его commis-voyageur, въ засѣданіи нашего «общества книгопродавцевъ и издателей»—*находили лучшій сбытъ*, чтобы *трудъ ихъ лучше вознаграждался* и явилась возможность лучше обработывать свои произведенія,—необходимо избавить нашъ рынокъ отъ переводной дешевки. Самимъ издателямъ выгоднѣе платить гонораръ иностраннымъ авторамъ при заключеніи конвенціи, ибо *выгодно пріобрѣсти первому право перевести иностранное произведеніе* и еще болѣе выгодно *пріобрѣсти въ собственность исключительное право на изданіе выдающихся иностран-*

ныхъ авторовъ (т. е. монополію или откупъ)». Разъ это случится, разъ только путемъ литературной конвенціи, или—что всего лучше—посредствомъ монополіи, цѣна переводныхъ книгъ удвоится или утроится, тогда, по соображеніямъ г. Гальперина-Каминскаго, русскіе романисты станутъ писать куда лучше нынѣшняго, ихъ таланты разовьются, карманы утолщатся, и переводные романы Золя, Эберса, Додэ, Шпильгагена, Дана, Переса Гальдоса, Серао и др. не будутъ уже вытѣснять «отсебятину» гг. Потапенко и Всеволода Соловьева. Того же мнѣнія держится и г. Пиленко, утверждающій, что какъ только литературная конвенція слетитъ къ намъ съ облаковъ,—какой нибудь захолустный провинціалъ сейчасъ же, вмѣсто «Таинственной печати», выпишетъ себѣ сочиненія Тургенева! («Нов. Время», № 6405).

Такъ все это легко и просто: подпишите, господа, конвенцію—и «спите спокойно»! Но самозванные защитники нашихъ «собственныхъ интересовъ» вообще, и интересовъ русскихъ беллетристовъ въ особенности, забыли о существованіи у насъ весьма значительнаго контингента переводчиковъ и переводчицъ, между которыми найдется немало и добросовѣстныхъ, и талантливыхъ, умѣющихъ сохранить въ переводѣ весь характеръ и всѣ достоинства подлинника. Смѣемъ думать, напр., что переводъ «Разгрома», напечатанный въ нашемъ журналѣ, также какъ и переводы «Жерминаля» и «Власти денегъ», сдѣланы опытною и искусною рукою, въ чемъ отдавали намъ справедливость читатели, умѣющіе отличать литературный языкъ отъ ремесленнаго жаргона [1]). Вотъ эти-то многочисленные труженики и труженицы пострадаютъ прежде всѣхъ отъ необдуманнаго заключенія преждевременнаго договора съ болѣе сильными литературами; а за ними пострадаютъ умственные и матеріальные интересы русской публики, обязанной читать иностранныхъ авторовъ только въ переводѣ монополистовъ-изда-

[1]) Два слова pro domo suo. Г. Пиленко, высчитывая процентъ переводнаго матеріала въ нашихъ ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ журналахъ, беретъ именно тѣ книги «Наблюдателя», въ которыхъ, благодаря романамъ Золя и Переса Гальдоса, этотъ процентъ оказался довольно высокимъ. Въ этихъ случаяхъ, редакція нашего журнала гонится не за *переводомъ*, а за *талантомъ*. Но когда иностранная литература не представляетъ выдающихся произведеній, то этотъ процентъ падаетъ у насъ до 15—20 (какъ напр., въ январьской книгѣ текущаго года или въ ноябрьской прошлаго).

телей и, притомъ, платить за это чтеніе новый спеціальный «налогъ на образованіе».

IV.

Г. Золя и его усердные не по разуму сателлиты, смѣшавъ выгоды незначительной кучки французскихъ романистовъ съ потребностями русскаго народа, какъ бы въ насмѣшку обѣщаютъ намъ, что, со введеніемъ таксы на переводы, наши доморощенные романисты избавятся отъ «колоссальной» конкурренціи иностранной беллетристики и, подъ защитою покровительственнаго тарифа, заживутъ припѣваючи, «развивая» свои таланты, а—главное—набивая свои бумажники чудовищными гонорарами.

Но въ этомъ случаѣ заботливость нашихъ доброжелателей простирается на людей, всего меньше нуждающихся въ покровительствѣ. Всѣмъ издателямъ журналовъ на Руси хорошо извѣстно, что оригинальная беллетристика, на которую явился теперь огромный спросъ,—благодаря массѣ «командующихъ читателей», ничего не переваривающихъ, кромѣ шаблонныхъ «романцовъ» и «повѣстушекъ,—неимовѣрно *поднялась въ цѣнѣ*, совсѣмъ несообразно со своимъ внутреннимъ достоинствомъ. Мы знаемъ, напр., что въ шестидесятыхъ и даже въ семидесятыхъ годахъ 60—100 р. за печатный листъ были хорошимъ гонораромъ для такихъ писателей, какъ Слѣпцовъ, Рѣшетниковъ и Глѣбъ Успенскій; что за обширный романъ Гончарова («Обломовъ») было заплачено 10,000 р., а за «Отцовъ и дѣтей» вдвое менѣе, и что М. Е. Салтыковъ, стоя въ апогеѣ своей знаменитости, и притомъ будучи *хозяиномъ* «Отечественныхъ Записокъ», никогда не назначалъ себѣ гонорара больше 200 р. за листъ и не соблазнялся пословицей: «своя рука—владыка». Въ то же время и за границей журнальный гонораръ,—даже въ такихъ изданіяхъ, какъ Revue des deux Mondes,—не превышалъ 400 франковъ для корифеевъ беллетристики.

Такой размѣръ гонорара вполнѣ соотвѣтствовалъ распространенности и матеріальному успѣху нашихъ *порядочныхъ* журналовъ, еще гнушавшихся прибѣгать, для расширенія круга своихъ подписчиковъ, къ пресловутымъ «преміямъ», въ родѣ

грошевыхъ олеографій, цинкографій, столовыхъ лампъ и кисетовъ для табаку. Всѣ эти прелести внесли съ собою уже позднѣе юркіе жиды и «чумазые издатели», для которыхъ не существовало понятія ни о порядочности журнала, ни объ его направленіи. Какое тамъ направленіе, какіе идеалы и какая порядочность, когда новѣйшей «стадный» подписчикъ оставляетъ неразрѣзанными, такъ называемыя, *серьезныя* статьи въ журналахъ, машетъ рукой на идейную беллетристику и валомъ-валитъ на всякую порнографію, пустословіе, рекламёрство и невѣжество, если въ придачу къ нимъ предвидится лоскутъ размалеваннаго холста или лампа съ абажуромъ?!

Но, невзыскательные по части идей и направленій, наши чумазые издатели, разлакомившись на торговлѣ печатнымъ словомъ,—торговлѣ, болѣе выгодной при удачѣ, чѣмъ содержаніе кабака или дома терпимости, — разлакомили и «своихъ» беллетристовъ солидными кушами за ихъ скороспѣлую стряпню. Въ свою очередь, и эти беллетристы, когда-то брезгавшіе имѣть дѣло съ нечистоплотными издателями, понизили уровень своихъ требованій и стали продавать чуть не съ аукціона свои не только написанные, но еще находящіеся in potentia романы и повѣсти. «Триста, четыреста, пятьсотъ рублей за листъ!—кто больше»? Такимъ образомъ—говорятъ—беллетристы втораго и третьяго сорта, одержимые наибольшимъ зудомъ писательства, ухитряются срывать съ чумазыхъ издателей невѣроятные гонорары и затыкать за поясъ—конечно, въ этомъ только отношеніи — и Гончарова, и Тургенева, и Салтыкова. Впрочемъ, для нихъ это и не трудно:—все дѣло въ той «легкости мыслей», въ томъ «веселонравіи» (употребляя щедринскія выраженія), которыми они свободно замѣнили и талантъ, и серьезное образованіе, и литературную совѣстливость. Одно время въ здѣшнихъ журнальныхъ кружкахъ разсказывали, что къ покойному М. Е. Салтыкову отъявился издатель нѣкоего новаго иллюстрированнаго журнала и, желая воспользоваться его громкимъ именемъ для привлеченія подписчиковъ, предложилъ ему—ни много, ни мало—*тысячу* рублей за печатный листъ. Сатирикъ удивился. «А позвольте узнать — спросилъ онъ наконецъ шустраго «издавателя»:—кто состоитъ у васъ редакторомъ журнала»?—Редакторъ — я самъ-съ, лично.—«Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу: когда я редактировалъ «Отечествен-

ныя Записки», мнѣ приходилось на лѣто поручать сверстку журнала нашему метранпажу; но статьи-то просматривалъ и принималъ я самъ. Вы же рѣшились *замѣнить* редактора—метранпажемъ. Желаю вамъ успѣха, но на меня не разсчитывайте.—Прощайте»! И съ этими словами онъ, закашлявшись своимъ сердитымъ катарральнымъ кашлемъ, повернулся къ редактору-метранпажу спиною.

Вотъ какъ отвѣчали литераторы былаго времени на погоню чумазыхъ за ихъ именами и репутаціями; вотъ какъ умѣли они отстаивать эти репутаціи отъ прикосновенія грязныхъ рукъ! Они лишались черезъ это жирныхъ кушей, но и получая меньше нѣкоторыхъ современныхъ «лихачей», все таки не плакались на судьбу и не призывали на свою защиту никакой литературной конвенціи, будто бы дающей возможность беллетристамъ развернуть свои таланты. Это не были профессіоналисты строчительства; они не «выгоняли» печатныхъ листовъ для полученія бо́льшихъ кушей, не торговались до обморока, и вкладывали въ свои продуманныя и прочувствованныя произведенія то, что̀ не поддается полистной оцѣнкѣ—свою душу, свое сердце и свои дѣйствительные, а не призрачные таланты. «Не продается *вдохновенье*, но можно *рукопись* продать». Теперь же о вдохновеніи нѣтъ и помину, но рукописи плодятся свыше мѣры, и ихъ-то покупаютъ, по биржевой цѣнѣ (причемъ игра идетъ, на время, à la hausse) предпріимчивые торговцы печатнымъ словомъ.

Стало быть, о «легкой надбавкѣ» за свои романцы и повѣстушки—нашимъ сезоннымъ беллетристамъ хлопотать не приходится.

Ефимъ Простосердовъ.

Филантропка.

«Анна Павловна, труды вы
Отдаете бѣднымъ съ жаромъ,
Но гуманные порывы
Вамъ обходятся недаромъ...

То визиты по подваламъ,
То базаръ, то лотерея...
Мнится мнѣ, вы съ каждымъ баломъ
Съ виду смотрите блѣднѣе.

Не боясь польстить, рискую
Вамъ я искренно замѣтить,
Что внимательность такую
Къ бѣднымъ очень трудно встрѣтить!

Отдавая каждый день имъ,
Похудѣли вы немало»...
— Въ пользу бѣдныхъ съ увлеченьемъ
Я три ночи танцовала.

— «Мы» теперь рѣшили хоромъ,
Что спектакль въ ихъ пользу нуженъ
Съ безусловно-полнымъ сборомъ,
(Чтобъ покрыть расходъ на ужинъ)...

Невскій Житель.

Современныя іереміады.

I.

На открытіе синагоги.

Вотъ онъ—великолѣпный храмъ,
Еврейской правды камень прочный,
На поученіе вѣкамъ
Воздвигнутый въ странѣ полночной.
Пусть будетъ запахъ въ немъ чесночный,
Но золота такъ много тамъ!
Его, лѣтъ двадцать храмъ свой строя
И не вводя себя въ изъянъ,
Не безпокоя свой карманъ,
Сбиралъ еврей съ того же «гоя»
И съ православныхъ христіанъ.
Зато гордыней исполинской
Пропитанъ пышный сей пріютъ;
Его Нотовичъ и Волынскій
Въ своихъ изданьяхъ воспоютъ.
Талмудъ въ немъ—что ни проповѣдуй—
Цвѣткомъ махровымъ расцвѣтетъ—
И въ немъ еврей, гордясь побѣдой,
«Черту осѣдлости» найдетъ!

II.

Рѳдактору «Нѳдѣли Восхода».

Рабби Ландау приглашаетъ
Обратить насъ всѣхъ въ еврейство...
Ахъ, и такъ ужь расплодилось
Это вредное семейство!
Блещутъ гордостью повсюду
Семитическія лица
И Бердичевымъ какимъ-то
Стала русская столица.
Льются рѣчи о прогрессѣ,
О гуманности, о братствѣ;
Нѣтъ помину о гешефтахъ,
О лихвѣ, о казнокрадствѣ,
О поддѣлкахъ и подлогахъ...
Шире всѣмъ жидамъ дорогу!
Оттого стряслось все это,
Что открыли синагогу.

III.

Боруху Айзелю,

превратившемуся въ Бориса Алексѣевича.

Вы не Борухъ ужь, а Борисъ.
Хоть ничего не значитъ кличка,
Но, какъ съ природой ни борись,
Всегда свое возьметъ привычка.

Хоть Айзель тотъ же Алексѣй—
Все жь какъ-то намъ теперь неловко—
Вѣдь даже обходить людей
Нужна особая сноровка.

Вѣдь трудно сочетать прогрессъ
Съ ученьями Шулханъ-Аруха:—
Въ васъ духъ нисколько не исчезъ
Ветхозавѣтнаго Боруха.

Итакъ, не лучше ль, чѣмъ играть
Вамъ роль культурнаго героя—
Опять, какъ было, обирать
Злосчастнаго разиню-гоя.

Вѣдь онъ, себѣ же на бѣду—
Повѣритъ—въ томъ ручаться смѣю—
Скорѣе старому жиду,
Чѣмъ прогрессивному еврею

Старый Поэтъ.

Перепѣвы.

I.

«*Ты грустна, ты страдаешь душою*»,—
Вѣрю я, что тебѣ тяжело,
Знаю грусти мотивъ хорошо я:
Въ портмонэ—ни рубля, какъ на зло!
Вѣрю я, что тоскливѣй казармы
Уголокъ твой уютный... Ну, что жь,
Соберемся съ тобой въ «Альказаръ» мы,
Тамъ царитъ безшабашный кутежъ.
Что̀ случится съ тобою—заранѣ
Разсказать я могу наизусть:
За бокаломъ вина, въ ресторанѣ
Ты хандру позабудешь и грусть.
Засидимся съ тобою мы поздно
И, о долѣ твоей не скорбя,
Подъ мотивъ шансонетки скабрезной
Я тихонько уйду отъ тебя.
Я уйду... Моего удаленья
Ты, повѣрь, не замѣтишь сама:
Провожать тебя, нѣтъ въ томъ сомнѣнья,
Тамъ найдется охотниковъ тьма.
Повстрѣчавъ меня съ миной веселой,
Поутру улыбнешься ты мнѣ:
Съ головой ты вернешься тяжелой,
Но зато—не съ пустымъ портмонэ!..

II.

«Подъ окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка»...
Чтобъ свести знакомство съ нею,
Надобна сноровка.
Въ ней, отъ юныхъ лѣтъ, влеченья
Нѣтъ къ пустымъ романамъ:
Идеалъ ея завѣтный—
Мужъ съ тугимъ карманомъ.
Будь глупецъ онъ, будь онъ старецъ,
Но имѣй «аржаны»,—
И ему охотно дѣва
Дастъ отвѣтъ желанный...
Бросьте, франты, трудъ напрасный,
Ибо очень ловко
Всѣмъ вамъ носъ натянетъ эта
«Русая головка»!...

III.

«*Не плачь, не плачь, мое дитя,*
Не стоитъ онъ безумной муки:
Вѣрь, онъ любилъ тебя, шутя,
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя отъ скуки».
Иль мало съ деньгами юнцовъ
Найдется въ хмуромъ Петроградѣ?
Изъ нихъ любой въ тебѣ готовъ
Принять участье... скуки ради...
Пройдетъ пора твоей тоски;
Ее совсѣмъ прогонятъ даже
Нарядъ красивый, рысаки,
Квартира-чудо въ бельэтажѣ.
Житья разгульнаго среда
Твой нравъ замѣтно перемѣнитъ;
Съ тобою встрѣтившись тогда,
Тебя онъ дорого оцѣнитъ...

IV.

«На зарѣ ты ея не буди»,
Не тревожь ея сладкаго сна:
Отъ «прикащиковъ» съ болью въ груди
Лишь недавно вернулась она.
У «прикащиковъ» былъ маскарадъ,
И бродила по заламъ толпа...
Видишь брошенный въ креслѣ нарядъ?
Одѣваться она не глупа...
Но увы! Не помогъ ей костюмъ
И очей подведенныхъ игра,
И немало тревожныхъ въ ней думъ
Наступленье пробудитъ утра...
Предстоитъ ей провесть впереди
День съ хозяйкой квартирной въ войнѣ...
На зарѣ ты ея не будн,—
Зрится ужинъ ей вкусный во снѣ...

V.

«Виновата ли я, что кумиръ мой онъ былъ»
До тѣхъ поръ, пока былъ онъ богатъ,
Что казался онъ мнѣ и любезенъ, и милъ,
Былъ дороже себя мнѣ въ сто кратъ?
Виновата ли я, что бумажникъ его
Опустѣлъ, двѣ недѣли спустя,
Что я только тогда разлюбила его
И страдала, о прошломъ грустя?
Виновата ли я, что со мною потомъ
Повстрѣчался богатый старикъ,
Рысаковъ и роскошно отдѣланный домъ
Предложивъ мнѣ тотчасъ напрямикъ?
Виновата ли я, что къ нему не могла
Равнодушно-холодной я быть,
Что тогда же ему я согласье дала—
Всѣ удары судьбы съ нимъ дѣлить?..
«*Виновата ли я*»?

Фланеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1894 ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

выходящую въ г. Казани ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, кромѣ дней, слѣдующихъ за большими праздниками.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газеты — возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Телеграммы Сѣверн. Телеграфн. Агентства и отъ собственныхъ корреспондентовъ. Послѣдняя почта. Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ. Обзоръ текущей прессы и журналистики. Областной отдѣлъ. Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Волжско-Камскаго края. Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п. Судебная хроника. Судебныя резолюціи и дѣла, назначаемыя къ слушанію въ казанской судебной палатѣ. Библіографія. Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концертахъ, музыкальныхъ вечерахъ и пр. Ежедневное обозрѣніе текущей заграничной жизни. Наука, литература и исиусство. Сельское хозяйство и промышленность. Педагогика и народное образованіе. Торговый отдѣлъ: корреспонденціи и телеграммы. Фельетонъ. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ, кромѣ еженедѣльныхъ «Воскресныхъ Бесѣдъ» г. Н. Миролюбова и беллетристики, будутъ помѣщаться и общедоступныя статьи научнаго направленія. Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

Кромѣ контингента сотрудниковъ, уже сплотившихся вокругъ редакціи *Волжскаго Вѣстника*, приняты мѣры къ привлеченію и новыхъ литературныхъ силъ. Особое вниманіе редакціи обращено на пріобрѣтеніе постоянныхъ корреспондентовъ въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Волжско-Камскаго края. Ближайшее участіе въ редакціонной дѣятельности принимаетъ на себя, съ октября 1893 года, основатель и бывшій редакторъ-издатель *Волжскаго Вѣстника*, профессоръ Н. П. Загоскинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:		ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:
съ доставкой:	безъ доставки:	
На годъ . . . 7 р. — к.	На годъ . . . 6 р. 25 к.	На годъ . . . 9 р. — к.
— полгода. . 4 » — »	— полгода. . 3 » 25 »	— полгода. . 5 » — »
— 3 мѣсяца . 2 » 25 »	— 3 мѣсяца . 1 » 75 »	— 3 мѣсяца . 2 » 75 »
— 1 мѣсяцъ. — р. 75 к.	— 1 мѣсяцъ. — р. 60 к.	— 1 мѣсяцъ . 1 р. — к.

Допускается разсрочка: для иногородныхъ при подпискѣ 3 р., 1 апрѣля 3 р., 1 іюля 3 р., для городскихъ — 3 р., 1 марта 2 р., 1 апрѣля 2 р., 1 іюня 1 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ *Волжскаго Вѣстника* на углу Грузинской и Театральной ул., д. Булыгина, а также въ ея отдѣленіяхъ: при музыкальномъ магазинѣ «Восточная Лира» (Воскресенская ул., д. Сапожникова), при книжныхъ магазинахъ Н. Я. Башмакова (Воскресенская, Пассажъ), А. А. Дубровина (Гостинный дворъ № 1), въ зданіи Биржи, у секретаря, и въ иногородныхъ отдѣленіяхъ конторы редакціи.

Требованія на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ образомъ: Казань, редакція ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА.

Редакторъ-Издатель Н. В. Рейнгардтъ.

Издатель В. М. Ключниковъ.

НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

въ 1894 году.

газета политическая, экономическая и литературная, самая большая и распространенная на югѣ Россіи между русскимъ населеніемъ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ).

«НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ», по примѣру большихъ столичныхъ газетъ, **выходитъ ежедневно**, не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ (**не менѣе 330 №№ въ годъ**).

«Новороссійскій Телеграфъ» въ 1894 году достигаетъ двадцатипятилѣтія своего существованія. Газета наша была первой частной газетой въ Одессѣ, и теперь она—старѣйшая газета въ Одессѣ. Выходя двадцатый годъ подъ личной редакціей теперешняго собственника газеты, «Новороссійскій Телеграфъ» принялъ совершенно опредѣленную физіономію единственной русской по духу газеты на Югѣ Россіи. Никакихъ интересовъ, кромѣ русскихъ, наша газета никогда не защищала. Она всегда поддерживала и поддерживаетъ идею: „Россія для русскихъ".

Главныя литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ же составѣ, что и въ прежнее время. Изъ *столичныхъ* литературныхъ дѣятелей приметъ участіе извѣстный Петербургскій фельетонистъ Буква (г. Василевскій), украшающій страницы «Нов. Телеграфа» шестнадцать лѣтъ. Изъ *мѣстныхъ* литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: **М. Неручевъ**, Лепта (г. Стечкинъ), Зео (по беллетристическому отдѣлу) и др. Въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ у насъ имѣются постоянные корреспонденты. Въ будущемъ году редакція будетъ по прежнему помѣщать рисунки, касающіеся современныхъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Кромѣ телеграммъ „Сѣв. Тел. Агентства", мы даемъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ. „Новороссійскій Телеграфъ", по своей программѣ, имѣетъ право помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда, а также отдѣлъ Юридической хроники, предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній. Этими правами не пользуется теперь ни одна изъ остальныхъ мѣстныхъ газетъ. Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на Преображенской улицѣ, домъ Либмана, и въ отдѣленіи газеты: при типографіи, Новая улица, домъ г. Озмидова.

Кромѣ того, подписка принимается: въ Кишиневѣ, въ библіотекѣ А. Т. Гришенко (Губернская улица, домъ Шильреда) въ книжномъ магазинѣ М. О. Шаха. Въ Николаевѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Шаха; въ Херсонѣ: въ магазинѣ И. Н. Михайловой.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки.

На 1 мѣсяцъ	1 р.		на 7 мѣсяцевъ	7 р.	
» 2 »	2 »		» 8 »	8 »	
» 3 »	3 »		» 9 »	9 »	
» 4 »	4 »		» 10 »	10 »	
» 5 »	5 »		» 11 »	11 »	
» 6 »	6 »		» 12 »	12 »	

Съ доставкою и пересылкой.

На 1 мѣсяцъ	1 р.	20 к.	на 7 м.	8 р.	40 к.
» 2 »	2 »	40 »	» 8 »	9 »	60 »
» 3 »	3 »	60 »	» 9 »	10 »	80 »
» 4 »	4 »	80 »	» 10 »	12 »	— »
» 5 »	6 »	— »	» 11 »	13 »	— »
» 6 »	7 »	20 »	» 12 »	14 »	— »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1-му января и къ 1-му іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1-му января, 1-му марта, 1-му іюня и 1-му сентября) т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ, до наступленія срока разсрочки. За границу, къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 руб. Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ официальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1894 года.

Редакторъ-издатель *М. Озмидовъ.*

Отъ Комиссіи по взысканію долговъ Обществу вспомоществованія студентамъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

Комитетъ Общества вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанію несоразмѣрности своихъ ограниченныхъ денежныхъ средствъ съ постоянно возрастающей нуждой среди учащейся молодежи. Количество просьбъ о пособіяхъ (выдаваемыхъ въ видѣ безпроцентныхъ долгосрочныхъ ссудъ) особенно увеличилось со времени повышенія (въ 1887 г.) платы за слушаніе лекцій, и, не желая отказывать нуждающимся, Общество вынуждено выдавать ссуды въ ничтожномъ размѣрѣ—обыкновенно отъ 4-хъ до 6-ти рублей въ мѣсяцъ.

Доходы Общества состоятъ: 1) изъ процентовъ съ принадлежащихъ Обществу капиталовъ, 2) пожертвованій и случайныхъ поступленій, 3) членскихъ взносовъ и 4) возвратовъ ссудъ.

При медленномъ ростѣ неприкосновеннаго капитала и совершенной случайности въ поступленіи пожертвованій, обѣ эти статьи не могутъ играть большой роли въ надеждахъ Общества на увеличеніе его средствъ. Что же касается членскихъ взносовъ, то, принимая во вниманіе незначительность ихъ (по 5 р. въ годъ) и простой путь къ поступленію въ члены Общества (отъ кандидата въ члены требуется только рекомендація *одного* изъ ранѣе избранныхъ членовъ Общества)—можно было бы подумать, что сами студенты, знающіе близко положеніе своихъ учащихся товарищей, поспѣшатъ, по выходѣ изъ Университета, записаться въ члены Общества и этимъ не только оказать помощь нуждающимся, но и сохранить прочную нравственную связь съ роднымъ Университетомъ. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что число ежегодно поступающихъ новыхъ членовъ далеко не покрываетъ числа тѣхъ изъ прежнихъ членовъ Общества, которые прекращаютъ свои членскіе взносы и тѣмъ самымъ выбываютъ изъ состава Общества; такимъ образомъ, къ 1-му января 1883 г. въ *Обществѣ состояло 1084 члена*, а къ 1-му января 1893 г.—586 (*); сообразно съ этимъ, цифра ежегодныхъ членскихъ взносовъ, достигавшихъ въ прежніе годы до 4920 р., въ 1892 г. составляла 2180 руб. Надо надѣяться, что такое равнодушіе къ задачамъ нашего Общества вызвано какими нибудь временными причинами: въ воспоминаніяхъ о прошедшемъ постараемся видѣть залогъ еще лучшаго будущаго.

Но самое «больное мѣсто» нашего Общества—вопросъ о возвратѣ долгосрочныхъ ссудъ.

Несмотря на письменныя обязательства, выдаваемыя Обществу студентами при полученіи ссудъ, весьма немногіе, *почти никто* изъ окончившихъ курсъ студентовъ не приступаетъ добровольно, безъ особаго напоминанія, къ погашенію долга. Такимъ образомъ, къ 1-му января 1893 г. состояло въ долгу невозвращенныхъ ссудъ на *168,599 руб. 79 коп.*—Правда, часть этого долга числится за нынѣшними студентами и за оставившими Университетъ менѣе 4-хъ лѣтъ тому назадъ, и согласно уставу Общества, эта часть еще не подлежитъ взысканію; но все таки болѣе, чѣмъ половину всей громадной цифры составляетъ долгъ студентовъ, давно окончившихъ курсъ, изъ которыхъ большинство, при нѣкоторомъ желаніи, несомнѣнно было бы въ состояніи *по частямъ* погашать взятую ими ссуду: еслибы каждой изъ нихъ возвращалъ хотя бы по *1 рублю* въ мѣсяцъ, то Общество, по разсчетамъ Комитета, имѣло бы въ своемъ распоряженіи, для выдачи нынѣшнимъ нуждающимся студентамъ, сумму, по крайней мѣрѣ, *втрое* большую, чѣмъ та, которою оно располагаетъ въ настоящее время.

Для болѣе успѣшнаго поступленія возвратовъ ссудъ, изъ нѣсколькихъ членовъ Общества составилась при Комитетѣ особая Комиссія, которая, подъ предсѣдательствомъ И. С. Ремезова, еженедѣльно собирается вечеромъ въ зданіи Университета, составляетъ лицевые счеты должниковъ, разыскиваетъ ихъ адресы по справочнымъ книжкамъ различныхъ вѣдомствъ, ведетъ обширную переписку съ должниками и обсуждаетъ общія мѣры, касающіяся взысканія долговъ Обществу.

Случается, что, при первомъ напоминаніи о долгѣ, должникъ, извиняясь за свою забывчивость, спѣшитъ расплатиться съ Обществомъ; иной разъ бывшій бѣднякъ-студентъ, давно вышедшій изъ Университета, оказывается все тѣмъ же бѣднякомъ, только вдобавокъ обремененнымъ семействомъ, и Комиссіи приходится отсрочивать долгъ, иногда на неопредѣленное время; но, къ сожалѣ-

*) Не считая лицъ, хотя и умершихъ, но уплатившихъ единовременно не менѣе 100 рублей и потому не исключаемыхъ изъ списка членовъ; таковыхъ 41.

нію, гораздо чаще бывшій студентъ, занимающій положеніе, обезпеченное достаточнымъ содержаніемъ, вовсе не отвѣчаетъ на письма Комиссіи, или въ отвѣтѣ своемъ обнаруживаетъ такой, недостойный бывшаго студента, взглядъ на уплату долга, что Комиссія вынуждена обращаться къ судебному иску, какъ ни тягостна для членовъ Комиссіи такая мѣра по отношенію къ бывшимъ ихъ товарищамъ...

Наконецъ, многихъ изъ должниковъ Комиссія, не смотря на всѣ старанія и обращенія къ содѣйствію прочихъ членовъ Общества, не могла разыскать.

Всѣмъ вышеизложеннымъ вызвано рѣшеніе Комиссіи придать, посредствомъ настоящаго заявленія, перечисленнымъ печальнымъ фактамъ болѣе широкую гласность.

Прежде всего Комиссія обращается къ *совѣсти* должниковъ Общества: трудно повѣрить, чтобы въ бывшемъ студентѣ какая бы то ни было житейская проза могла заглушить всякое воспоминаніе о когда-то дорогихъ ему стремленіяхъ и вѣрованіяхъ, чтобы въ немъ исчезло всякое сочувствіе къ нуждамъ нынѣшней молодежи; мы не пріукрасили здѣсь голыхъ фактовъ; надѣемся, нѣкоторыхъ они заставятъ подумать серьезно,—тогда длинная переписка, вѣчныя напоминанія, судебные иски и т. д. станутъ болѣе рѣдкими, а, быть можетъ со временемъ отойдутъ въ область преданій.

Затѣмъ Комиссія проситъ всѣхъ нынѣшнихъ членовъ Общества и тѣхъ, кто на будущемъ общемъ собраніи (въ февралѣ 1894 г.) намѣренъ баллотироваться въ члены Общества, обратить вниманіе на упомянутое «больное мѣсто» нашего Общества и помочь Комиссіи въ разысканіи должниковъ и въ побужденіи ихъ къ уплатѣ долга.

Наконецъ, предполагается въ скоромъ времени публиковать въ нѣкоторыхъ ежедневныхъ изданіяхъ фамиліи должниковъ *не разысканныхъ*, не получившихъ, слѣдовательно, напоминаній объ уплатѣ. Надо думать, что многіе изъ нихъ, за давностью времени, забыли о долгѣ и не будутъ уклоняться отъ возврата, а нѣкоторые окажутся умершими и долги ихъ тогда будутъ подлежать сложенію со счетовъ; поэтому Комиссія проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ объ этихъ должникахъ какія либо свѣдѣнія, сообщать эти свѣдѣнія въ Комитетъ Общества вспомоществованія студентамъ (С.-Петербургъ, въ зданіи Университета).

Просимъ сочувствующія нашему Обществу періодическія изданія перепечатать настоящее заявленіе.

Въ пользу «Общества Вспомоществованія Переселенцамъ» вышелъ и поступилъ въ продажу художественно-литературный СБОРНИКЪ **«ПУТЬ-ДОРОГА»**, въ который вошли статьи и стихотворенія: гг. Баранцевича, Барыковой, В. В. Гарина, В. М. Гаршина (посмертное стихотвореніе), Гольцева, Засодимскаго, Златовратскаго, Кауфмана, Ковалевскаго, Кривенко, Лѣскова, Мамина-Сибиряка, Мачтета, Мережковскаго, Минскаго, В. П. Острогорскаго, Я. Полонскаго, Потапенко, Скабичевскаго, Вл. Соловьева, Л. Н. Толстаго, Цебриковой, Чехова, Щедрина (автобіографическое письмо-факсимиле), Ядринцева, Янжула и друг. Изъ иностранныхъ писателей дали свои произведенія Буржэ, Вильденбрухъ и Гартманъ (философъ).

Сборникъ украшенъ произведеніями художниковъ: Архипова, Бёма, Васнецова, Ге, Дмитріева-Кавказскаго, Загорскаго, Зощенко, Касаткина, Киселева, бар. Клодта, Крамскаго, Лебедева, Малышева, Неврева, Орловскаго, Переплетчикова, Пимоненко, Полѣнова, Рѣпина, Савицкаго, Шарлеманя и др.

Цѣна сборника **3** р. **50** к., съ пересылкой **4** р., на лучшей зеленевой бумагѣ **5** р., съ пересылкой **6** руб. Главный складъ изданія въ редакціи «Русскаго Богатства», Литейная, № 46.

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Горный ручей. Романъ І. І. Ясинскаго 3
II. Задачи женскаго образованія. (По поводу предстоящей реформы женскихъ гимназій). Н. Цакни 33
III. Тучи. Стихотвореніе И. Никулина 46
IV. Казенный раввинатъ и совершеніе еврейскихъ обрядовъ. Н. Тембе 47
V. Сказки. Стихотвореніе А. В. Круглова 84
VI. Съ добрымъ сердцемъ. Повѣсть А. А. Виницкой. *(Окончаніе).* 85
VII. Молитва. Стихотвореніе Мих. Гербановскаго. 127
VIII. Сенъ-Жерменъ и мадамъ де-Помпадуръ. Очеркъ Сандро-Джіованни 129
IX. Дитя. Стихотвореніе П. Тулуба. 171
X. Изъ американской жизни. (Путевыя впечатлѣнія) В. Святловскаго. 172
XI. Одинъ изъ нашихъ Вальтеръ-Скоттовъ. К. П. Медвѣдскаго. 187
XII. Научныя новости. М. И. Венюкова. 200
XIII. Весною. Очерки и наброски Ф. Д. Нефедова. *(Окончаніе).* 210
XIV. Путь къ Берлинскому трактату. Б. К. П. 254
XV. Послѣ отдыха. Стихотвореніе В. Е. Чешихина 278
XVI. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. В. В. Птицына. 279
XVII. Наша журналистика. Б—скаго 299
XVIII. Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ Феликса Дана . 309
XIX. Грёзы весны. Стихотвореніе К. М. Фофанова 366

Современное обозрѣніе.

XX. Политическая хроника. 1
XXI. Новыя книги 16
XXII. Наши внутреннія дѣла 27
XXIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя») 1) «И смѣхъ, и горе». Ефима Простосердова 40
2) Стихотворенія: Невскаго Жителя, Стараго Поэта и Фланера 53
XXIV. Объявленія . . . . . 1—4

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ вытребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб., за $^1/_2$ стр.—8 руб., и за $^1/_4$ стр.—5 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1894 году (годъ тринадцатый).

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ журнала будутъ, между прочимъ, напечатаны: 1) **«Горный ручей»**, романъ изъ современной жизни, *І. І. Ясинскаго*; 2) **«Съ добрымъ сердцемъ»**, повѣсть *А. А. Виницкой*; 3) **«Любаша»**, повѣсть *Ф. Д. Нефедова*; 4) **«Желѣзомъ и кровью»** (романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ) *Д. Л. Мордовцева*; 5) **«Бѣлыя лиліи»**, оригинальный историческій романъ (изъ временъ первой французской революціи) *В. Свѣтлова*; 6) **«Рабыня»**, романъ *К. В. Назарьевой*; 7) **«Неудача генерала Постромкова»**, посмертная повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа: «Изъяны воли»); 8) новый романъ *Н. Ѳ. Бажина*, и пр. Фельетоны *Ефима Простосердова* (**«И смѣхъ, и горе»**) будутъ по прежнему помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ другихъ отдѣлахъ журнала будутъ помѣщены: 1) **Изъ моего прошлаго** (литературныя и житейскія воспоминанія) *А. П. Пятковскаго*. (Содержаніе: На лонѣ природы и крѣпостнаго права. Тамбовская гимназія въ 50-хъ годахъ. Петербургскій университетъ. Начало литературной дѣятельности. Профессора: А. Н. Никитенко, К. Д. Кавелинъ, И. Е. Андреевскій, М. И. Сухомлиновъ и др. Студенчество 60-хъ годовъ. Кн. В. Ѳ. Одоевскій и баронесса Э. Ѳ. Раденъ. Моя записка о преподаваніи русской словесности. Петербургское „Педагогическое общество“. П. Г. Рѣдкинъ, А. С. Вороновъ и др. Мое сотрудничество и редакторство въ «Народной Школѣ». Ѳ. Н. Мѣдниковъ и В. А. Евтушевскій. Литературные кружки: Некрасова, Курочкиныхъ, Благосвѣтлова, Корша и др. Мои работы въ архивахъ: бывшаго IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи и Государственнаго Совѣта. „Исторія“ съ исторіей Спб. Воспитательнаго Дома. Выигранный процессъ. Тюремная филантропія. Пріютъ для арестантскихъ дѣтей. Блестящій составъ петербургскаго тюремнаго комитета 70-хъ годовъ: О. И. Квистъ, Ѳ. Н. Смирновъ, Кн. С. Д. Эристовъ, А. В. Бѣлостоцкій, графъ В. А. Соллогубъ, А. Ѳ. Кони, кн. К. А. Суворовъ, Е. П. Карновичъ и др. Заграничныя путешествія. Двѣ встрѣчи съ А. И. Герценомъ. Его сотрудничество въ русскомъ журналѣ. Попечительство надъ с.-пб. исправительною тюрьмою. Въ сферѣ вліятельныхъ людей и пр.). 2) **Еврейство въ исторіи и въ современной жизни**, *Его же*; 3) **Путь къ берлинскому трактату** (историко-дипломатическое изслѣдованіе) *Б. К. П.* 4) **Военное воздухоплаваніе въ современномъ его состояніи**, *М. И. Венюкова*; 5) **Научныя новости**, *Его же*; 6) **Наполеонъ I и Жозефина** (по новымъ источникамъ) *П. В. Безобразова*; 7) **Законность управленія и кодификація права**, *Н. П. Дружинина*; 8) **Пещерные люди** (изъ воспоминаній) *В. Р. Зотова*; 9) **Очерки иностранной литературы**, *Его же*; 10) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны**, *В. В. Птицына* и пр.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: за годъ безъ доставки 12 р.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ 13 р.; съ пересылкою внутри Россіи 14 р.; за границу—17 р. За полгода: безъ доставки 6 р.; съ доставкою 6 р. 50 к.; съ пересылкою въ Россіи 7 р.; съ пересылкою за границу—9 р. Условія разсрочки иногороднымъ подписчикамъ: 5 р. при подпискѣ (непремѣнно черезъ Главную Контору), къ 15-му апрѣля—5 р., и къ 15-му августа—4 р. Книгопродавцамъ 50 к. уступки съ годоваго экземпляра (безъ разсрочки). Служащимъ—разсрочка за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ, С.-Петербургъ, Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., д. № 11, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

8546 11

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.